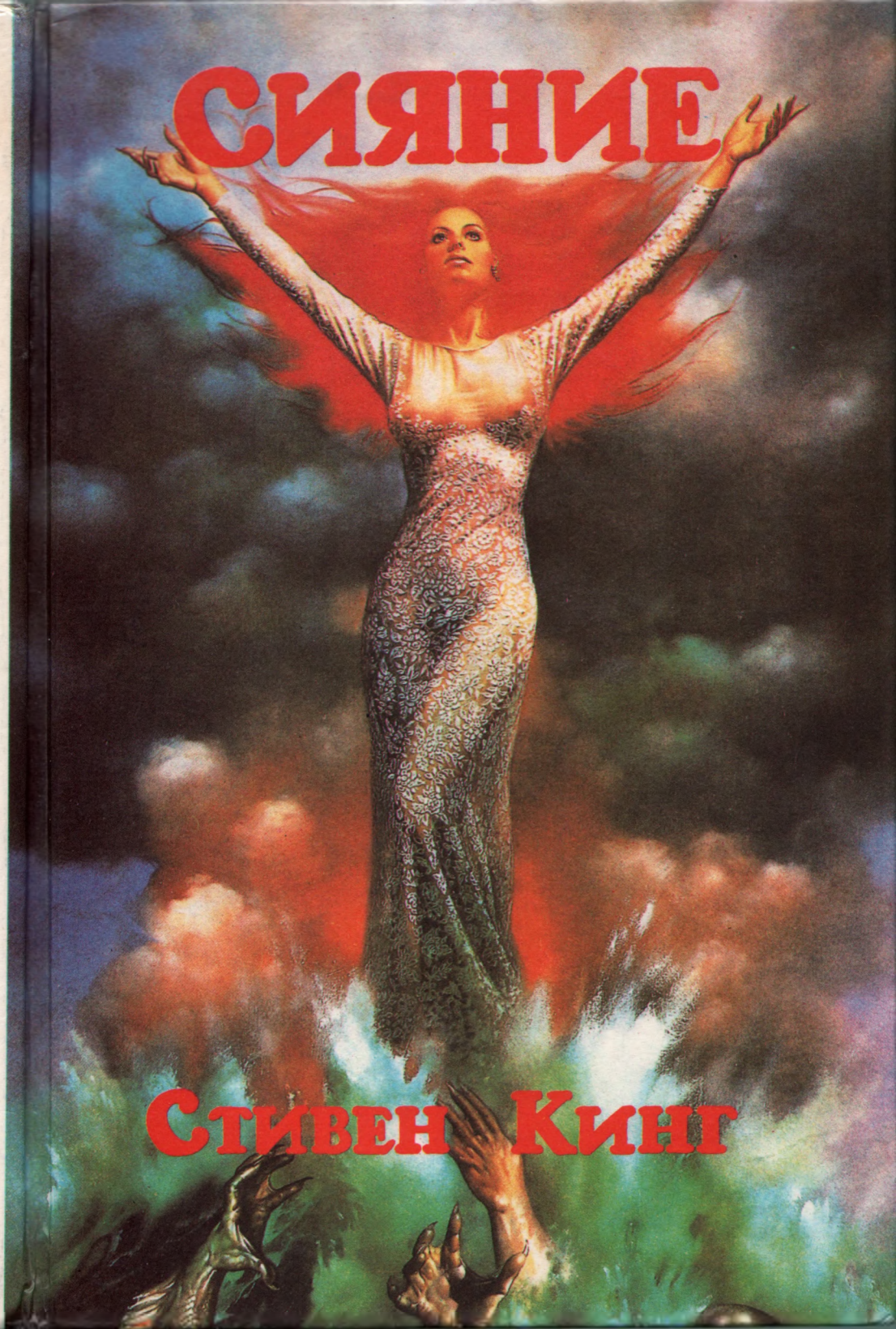
МОНСТРЫ ВСЕЛЕННОЙ

СИЯНИЕ

Стивен Кинг

«ММЛ»
МОСКВА
1992

МОНСТРЫ ВСЕЛЕННОЙ
6

СТИВЕН КИНГ

СИЯНИЕ

КНИГА ШЕСТАЯ

Посвящается Джо Хиллу Кингу, который все сияет.

Редактором этой моей книги, как и двух предыдущих, был мистер Уильям Дж. Томпсон, человек мудрый и здравомыслящий. Его вклад в эту книгу велик, и я благодарю его за это.

С. К.

В Колорадо — несколько самых прекрасных курортных отелей в мире, но описанный на этих страницах отель не подразумевает ни один из них. «Оверлук» и связанные с ним люди существуют исключительно в воображении автора.

... А еще в этой комнате... стояли гигантские часы черного дерева. Их тяжелый маятник с монотонным приглушенным звуком качался из стороны в сторону и, когда... часам наступал срок бить, из их медных легких вырывался звук отчетливый и громкий, проникновенный и удивительно музыкальный, до того необычный по силе и тембру, что оркестранты принуждены были... останавливаться, чтобы прислушаться к нему. Тогда вальсирующие пары невольно переставали кружиться, ватага весельчаков на миг замирала в смущении и, пока часы отбивали удары, бледнели лица даже самых беспутных, а те, кто был постарше и порассудительней, невольно проводили рукой по лбу, отгоняя какую-то смутную думу. Но вот бой часов умолкал и тотчас же веселый смех наполнял покои; музыканты с улыбкой переглядывались, словно подсмеиваясь над своим нелепым испугом, и каждый тихонько клялся другому, что в следующий раз он не поддастся смущению при этих звуках. А когда пробегали шестьдесят минут... и часы снова начинали бить, наступало прежнее замешательство и собравшимися овладевали смятение и тревога.

И все же это было великолепное и веселое празднество...

Э. А. По «Маска Краснойерти»

Сон разума порождает чудовищ.
Гойя

Коли сияет, так сиять и будет.
Поговорка

ISBN 5-85166-008-2

© Т.О.О. фирмы «ММЛ», 1992 г.

СИЯНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

«Предварительные вопросы»

1. РАЗГОВОР НАСЧЕТ РАБОТЫ

Джек Торранс подумал: «НАСТЫРНЫЙ СУКИН СЫН».

В Уллмане было пять футов пять дюймов, а двигаясь, он обнаруживал ту суетливую, раздражающую быстроту, что присуща исключительно толстячкам небольшого роста. Аккуратный пробор делил волосы, а темный костюм был строгим, но внушал доверие. Вот человек, к кому вы можете прийти со своими проблемами, говорил костюм денежному клиенту. Штатному персоналу он сообщал более отрывисто и грубо: «Ну, ты, лучше пусть все будет путем». В петлице сидела красная гвоздика — может быть, для того, чтобы никто из прохожих по ошибке не принял Стюарта Уллмана за местного гробовщика.

Выслушивая, что говорит Уллман, Джек для себя решил, что в подобных обстоятельствах, вероятно, не симпатизировал бы ни одному человеку по свою сторону стола.

Уллман задал вопрос, который Джек пропустил мимо ушей. Вышло нехорошо. Уллман принадлежал к тому типу людей, которые заносят подобные промахи в мысленный «Ролодекс» для позднейшего рассмотрения.

— Простите?

— Я спрашиваю, до конца ли ваша жена понимает, что за обязанности вы здесь на себя примете. И потом, конечно, ваш сын.

Взгляд Уллмана скользнул вниз к лежащему перед ним заявлению.

— Дэниэл. Вашу жену ничуть не пугает такая мысль?

— Венди — необыкновенная женщина.

— И сын у вас тоже необыкновенный?

Джек изобразил широкую рекламную улыбку.

— Мне кажется, нам нравится так думать. Для пятилетнего он вполне самостоятелен.

Никакой ответной улыбки от Уллмана. Он сунул заявление Джека назад в папку. Папка отправилась в ящик. Теперь поверхность стола была абсолютно голой, если не считать пресс-папье, телефона, лампы «Тензор» и бювара с углублениями для входящих и исходящих бумаг. Обе ячейки тоже были пусты.

Уллман поднялся и прошел в угол, к стеллажу с полками.

— Будьте добры, обойдите стол, мистер Торранс. Посмотрим планы этажей.

Он вернулся с пятью большими листами и разложил их на блестящей ровной столешнице из ореха. Джек встал у него за плечами, сознавая, как сильно пахнет от Уллмана одеколоном. ВСЕ

МОИ ЛЮДИ ПАХНУТ «АНГЛИЙСКОЙ КОЖЕЙ» ИЛИ НЕ ПАХНУТ ВОВСЕ — вдруг ни с того ни с сего пришло ему в голову, и, чтобы сдержать резкий неприятный смешок, Джеку пришлось прикусить язык. За стеной слабо шумела успокаивающаяся после ленча кухня отеля «Оверлук».

— Последний этаж,— отрывисто произнес Уллман,— чердак. Сплошной хлам, ничего больше. Со времен второй мировой войны «Оверлук» несколько раз менял хозяев и, похоже, каждый следующий управляющий все ненужное отправлял на чердак. Я хочу, чтобы там повсюду разбросали яд и расставили крысоловки. Горничные с четвертого этажа поговаривали, что слышны шорохи. В это я не верил ни минуты, но не должен существовать даже шанс из тысячи, что в «Оверлуке» заведется хоть одна-единственная крыса.

Джек, подозревавший, что в любом отеле мира найдется крыса-другая, придержал язык.

— Разумеется, ни под каким видом не следует разрешать ребенку подниматься на чердак.

— Конечно,— сказал Джек, снова сверкнув широчайшей рекламной улыбкой. Что же, этот поганый бюрократишко и впрямь думает, будто он позволит сыну околачиваться на чердаке, где полно крысоловок, разной рухляди и Бог знает чего еще?

Сдвинув в сторону план чердака, Уллман сунул его под низ стопки.

— В «Оверлуке» сто десять номеров,— сказал он тоном школьного учителя.— Тридцать номеров, все люкс, здесь, на четвертом этаже. Десять — в западном крыле (Президентский в том числе), десять — в центральной части, и еще десять в восточном крыле. Виды из всех окон открываются великолепные.

ПО КРАЙНЕЙ МЕРЕ, БЕЗ РЕКЛАМЫ ТЫ МОЖЕШЬ ОБОЙТИСЬ?

Но он хранил молчание. Ему нужна была работа.

Уллман засунул четвертый этаж под низ стопки, и они принялись изучать третий.

— Сорок номеров,— сказал Уллман,— тридцать двухместных и десять одноместных. А на втором этаже — по десять тех и других. Плюс на каждом этаже по три бельевые и кладовки: на третьем этаже — в самом конце восточного крыла отеля, на втором — в самом конце западного крыла. Вопросы?

Джек покачал головой. Уллман смахнул прочь третий и второй этажи.

— Теперь — первый этаж. Вот здесь, в центре, стойка администратора. Позади нее — служебные помещения. От стойки администратора на восемьдесят футов в обе стороны тянется вестибюль. Вот тут, в западном крыле, столовая «Оверлука» и бар «Колорадо». Банкетный и бальный залы — в восточном крыле. Вопросы?

— Только насчет подвала,— сказал Джек.— Для смотрителя

на зимний сезон это — самый важный этаж. Где, так сказать, разворачивается действие.

— Все это вам покажет Уотсон. План подвала — на стене котельной. — Он внушительно нахмурился, возможно желая показать, что столь низменные стороны жизнедеятельности «Оверлука», как котёл и водопровод, не его, управляющего, забота. — Может быть неплохо было бы поставить там несколько крысоловок. Минуточку...

Он извлек из внутреннего кармана пиджака блокнот и нацарапал записку (на каждом листке четким почерком, черными чернилами было написано: СО СТОЛА СТЮАРТА УЛЛМАНА) и, оторвав листок, положил в ячейку для исходящих бумаг. Блокнот снова исчез в кармане пиджака Уллмана, словно завершая волшебный фокус: вот он есть, Джекки, малыш, а вот его нет. Да-а, парень-то и правда шишка.

Они заняли свои прежние места, Уллман — за столом, Джек — перед ним; задающий вопросы и отвечающий на них; проситель и не поддающийся хозяин. Уллман сложил аккуратные ладошки на пресс-папье и в упор взглянул на Джека — лысеющий низенький человек в костюме банкира и галстуке спокойного серого тона. Гвоздика в петлице уравновешивалась маленьким значком на другом лацкане. Там золотыми буковками было написано только одно слово: СОТРУДНИК.

— Мистер Торранс, я буду с вами предельно откровенным. Элберт Шокли — человек влиятельный, он много вложил в «Оверлук», который в этом сезоне впервые за свою историю принес прибыль. Кроме того, мистер Шокли заседает в Совете директоров, но в отелях мало что понимает, и уж он-то признает это раньше всех. Однако по поводу смотрителя он вполне ясно дал понять, чего хочет. А хочет он, чтобы мы наняли вас. Я так и сделаю. Но если бы в этом вопросе мне предоставили свободу действий, я бы предпочел вас не брать.

Джек стиснул потные руки на коленях, ломая пальцы. НАСТЫРНЫЙ СУКИН СЫН, НАСТЫРНЫЙ СУКИН...

— Не думаю, что вас сильно интересует мое мнение, мистер Торранс. Мне

СЫН, НАСТЫРНЫЙ СУКИН...

— ...это безразлично. Разумеется, ваши чувства по отношению ко мне никак не влияют на мое личное убеждение, что для такой работы вы не годитесь. Вы могли бы заметить, что во время сезона, а он длится с пятнадцатого мая по тридцатое сентября, в «Оверлуке» постоянно работает сто десять человек — по человеку на каждый номер. Вряд ли я многим по душе и подозреваю, что некоторые считают меня изрядным мерзавцем. Если так, они не ошиблись. Чтобы управлять отелем так, как он заслуживает, приходится быть изрядным мерзавцем.

Тут он посмотрел на Джека — не будет ли комментариев — и

Джек опять сверкнул рекламной улыбкой, до того зубастой, что это могло показаться оскорбительным.

Уллман сказал:

— «Оверлук» строился с 1907 по 1909 год. До ближайшего городка — Сайдвиндера — сорок миль к востоку по дорогам, которые в конце октября закрываются до апреля. Выстроил его некто Роберт Таунли Уотсон, дедушка нашего нынешнего техника. Здесь останавливались и Вандербильды, и Рокфеллеры, и Эсторы, и Дюпоны. В президентском люксе побывало четыре президента: Уилсон, Хардинг, Рузвельт и Никсон.

— Никсоном и Хардингом я бы не слишком гордился,— пробормотал Джек.

Уллман нахмурился, но несмотря на это продолжил.

— Мистеру Уотсону это оказалось не по силам, и в 1915 году он продал отель. Потом отель продавали еще в 1922, 1929 и в 1936 годах. До окончания второй мировой войны он простоял без хозяина, а потом был куплен и полностью обновлен Хорасом Дервентом — миллионером, пилотом, кинопродюсером и антрепренером.

— Мне знакомо имя,— сказал Джек.

— Да. Вроде бы все, до чего он ни дотронется, превращается в золото... кроме «Оверлука». Прежде, чем первый послевоенный гость переступил этот порог, превратив дряхлую реликвию в место проведения шоу, отель сожрал больше миллиона долларов. Это Дервент пристроил площадку для игры в роке, которой вы, как я заметил, восхищались, когда приехали.

— Роке?

— Это — британский предок нашего крокета, мистер Торранс. Крокет, собственно, это дешевый, вульгарный вариант роке. Согласно легенде, в эту игру Дервента научил играть его светский секретарь, и тот положительно влюбился в нее. Должно быть, наша площадка для роке — самая лучшая в Америке.

— Не сомневаюсь,— серьезно сказал Джек. Площадка для роке, сад, где полно деревьев, подстриженных в форме зверей, а что еще? Игра «Дядюшка Уиггли» в натуральную величину за сараем с инвентарем? Мистер Стюарт Уллман начал сильно утомлять Джека, но было видно, что с Уллманом еще не все. Уллман собирался высказаться от души, до последнего словечка.

— Потеряв три миллиона, Дервент продал отель группе калифорнийских вкладчиков. Их попытка оказалась столь же неудачной. Просто они ничего не понимали в отелях.

В 1970 году отель купил мистер Шокли с группой помощников, передав управление мне. Несколько лет проработали вхолостую и мы, но я счастлив сообщить, что доверие ко мне нынешних владельцев полностью оправдалось. В прошлом году мы окупили расходы. А в этом году, впервые почти за семьдесят лет, счета «Оверлука» заполнялись черными чернилами.

Джек счел, что гордость этого суетливого человечка оправдана, но тут снова накатила волна прежнего отвращения. Он сказал:

— Не вижу никакой связи между, надо признать, цветистой историей «Оверлука» и вашим ощущением, что я не гожусь на эту работу, мистер Уллман.

— Одна из причин, по которой «Оверлук» приносил такие крупные убытки, заключается в том, что каждую зиму отель ветшает. Вы не поверите, как сильно это сокращает уровень прибыли, мистер Торранс. Зимы действительно суровы. Для того, чтобы решить эту проблему, я установил ставку смотрителя на зимний период, чтобы он занимался котлом, ежедневно прогревая здание по частям, по круговому циклу, сразу же чинил то, что ломается и не давал таким мелочам стать зародышем дальнейшего разрушения. В первую нашу зиму вместо одного человека я нанял семью. Случилась трагедия. Ужасная трагедия.

Уллман холодно, оценивающе посмотрел на Джека.

— Я совершил ошибку. Признаю это добровольно. Тот человек был пьяницей.

Джек почувствовал, как рот растягивает медленная, опасная улыбка, полная противоположность прежней, рекламной, сверкающей зубами.

— Вот что? Странно, что Эл вам не сказал. Я бросил.

— Да, мистер Шокли говорил, что вы больше не пьете. Еще он рассказывал о вашем последнем месте работы... о последнем оказанном вам доверии, скажем так. В Вермонте вы преподавали английский язык в подготовительной школе. И вышли из себя — не думаю, что следует вдаваться в излишние подробности. Но я действительно считаю, что случай с Грейди показателен, вот почему я коснулся в разговоре вашей... э-э... предыстории. Зимой 1970-71 года, после того, как мы подновили «Оверлук», но еще до нашего первого сезона, я нанял этого... этого несчастного по имени Делберт Грейди. Он поселился в комнатах, которые вам предстоит разделить с женой и сыном. С ним была жена и две дочки. У меня были сомнения — во-первых, из-за суровости зимы, а еще из-за того, что семья Грейди целых пять или шесть месяцев будет отрезана от внешнего мира.

— Но ведь это не совсем так, а? Здесь есть телефоны и гражданская радиостанция, наверное, тоже. Потом, в национальном парке «Скалистые горы» есть вертолеты, которые вполне могут сюда долететь, а такая большая площадка, как эта, вместит пару вертушек.

— Не знаю, не знаю,— сказал Уллман.— Передатчик в отеле есть — его вам покажет мистер Уотсон вместе со списком частот, на которых следует выходить в эфир, если понадобится помощь. Телефонные линии между отелем и Сайдвиндером все еще идут поверху и чуть ли не каждую зиму где-нибудь обрываются, а это — минимум три недели, а максимум — полтора месяца. Еще в сарае есть снегоход.

— Ну, тогда вы вовсе не отрезаны от внешнего мира.

Лицо мистера Уллмана приняло страдальческое выражение.

— Предположим, ваш сын или жена поскользнулись на лестнице и раскроили себе череп, мистер Торранс. Сочтете ли вы отель отрезанным в этом случае?

Джек понял, что тот прав. Мчащийся на предельной скорости снегоход может доставить вас в Сайдвиндер за полтора часа... вероятно. Вертолет из Спасательной службы парков может добраться сюда за три часа... при оптимальных условиях. В снежный буран он даже не сумеет подняться. Доехать же на предельно быстро мчащемся снегоходе нечего и надеяться — даже если рискнешь вытащить серьезно пострадавшего человека на двадцать пять градусов ниже нуля или, учитывая холодный ветер, на сорок пять.

— В случае с Грейди,— сказал Уллман,— я рассуждал во многом так же, как мистер Шокли — в вашем случае. Одиночество само по себе может оказаться губительным. Лучше, если с человеком будут его близкие. Если и случится неприятность, подумал я, весьма вероятно, это будет не столь серьезно, как проломленный череп, несчастный случай с электроприборами или какие-нибудь судороги. Серьезный случай гриппа, воспаление легких, сломанная рука, даже аппендицит — все это оставляет довольно времени.

Подозреваю, что ничего бы не случилось, если бы Грейди при моем полном неведении не запасся в избытке дешевым виски и если бы не то любопытное состояние, которое во время оное называлось «кабинной лихорадкой». Вам знаком такой термин?— Уллман изобразил слабую покровительственную улыбку, готовый дать разъяснения, стоит только Джеку признаться в своем невежестве, и Джек обрадовался, что может быстро и четко ответить.

— Это жаргонный термин, обозначающий клаустрофобическую реакцию, которая проявляется у людей, много времени проведших друг с другом взаперти. Внешне клаустрофобия проявляется как неприязнь к людям, с которыми вас заперли. В крайних случаях могут возникнуть галлюцинации, насилие — такой пустяк, как подгоревший обед или спор, чья очередь мыть посуду, может окончиться убийством.

Уллман, похоже, пришел в сильное замешательство, что страшно обрадовало Джека. Он решил еще чуточку поднажать, но про себя пообещал Венди сохранять спокойствие.

— В этом-то, полагаю, вы и ошиблись. Он причинил им вред?

— Он убил их, мистер Торранс, а потом покончил с собой. Своих девочек он убил топориком, жену застрелил и сам застрелился. У него была сломана нога. Несомненно, он так упился, что упал с лестницы.

Уллман вытянул руки и добродетельно взглянул на Джека.

— У него было высшее образование?

— Собственно говоря, нет, не было,— несколько натянуто со-

общил Уллман.— Я полагал, что... э-э... скажем, индивидуум с не слишком богатой фантазией будет менее восприимчив к оцепенению, одиночеству...

— Вот в чем ваша ошибка,— сказал Джек.— Тупица сильнее подвержен кабинной лихорадке — так же, как он скорее пристрелит кого-нибудь за карточной игрой или ни с того, ни с сего ограбит. Ему делается скучно. Когда выпадает снег, делать нечего, остается только смотреть телевизор или играть в «солитер», жульничая, когда не можешь выложить все тузы. Остается только собачиться с женой, изводить детей придирками и пить. Засыпать все труднее, потому что нечего слушать, поэтому он напивается, чтобы уснуть и просыпается с похмельем. Он становится раздражительным. И, может быть, ломается телефон, а антенну валит ветром, заняться нечем, можно только думать, жульничать в «солитер» и делаться все раздражительнее и раздражительнее... И, наконец,— бум, бум, бум.

— В то время, как образованный человек, такой, как вы?

— Мы с женой оба любим читать. У меня есть пьеса, над которой надо работать, Эл Шокли, вероятно, говорил вам об этом. У Дэнни — головоломки, раскраски, приемник на кристаллах. Я планирую выучить его читать и еще ходить на снегоступах. Венди тоже хотела бы научиться. Да, по-моему, мы найдем, чем заняться и не станем мозолить глаза друг другу, если телевизор выйдет из строя.— Он помолчал.— Когда Эл сказал, что я больше не пью, он не обманывал. Когда-то я пил, и это делалось серьезным. Но за последние четырнадцать месяцев я не выпил и стакана пива. Я не собираюсь притаскивать сюда спиртное и, по-моему, после того, как пойдет снег, у меня не будет случая достать выпивку.

— Вот в этом вы абсолютно правы,— сказал Уллман.— Но пока вас здесь трое, возможные проблемы умножаются. Я уже говорил об этом мистеру Шокли, теперь я поставил в известность вас. Он ответил, что берет это под свою ответственность и вы, очевидно, тоже готовы взять на себя ответственность...

— Да.

— Очень хорошо. Я согласен, поскольку выбор у меня невелик. И все же я предпочел бы нанять неженатого студента, который взял академический отпуск. Ну, может быть, вы и справитесь. Теперь я передам вас мистеру Уотсону, который проведет вас по цокольному этажу и нашей территории. Но, может быть, у вас есть еще вопросы?

— Нет. Никаких.

Уллман встал.

— Надеюсь, вы не в обиде, мистер Торранс. В том, что я вам изложил, нет ничего личного. Я только хочу, чтобы дела «Оверлука» шли, как нельзя лучше. Это отличный отель. И хочется, чтобы он таким и оставался.

— Нет. Не в обиде.— Джек снова сверкнул широкой рекламной улыбкой, но порадовался, что Уллман не подал ему руки. Обида была. Еще какая.

2. БОУЛДЕР

Выглянув из кухонного окна, она увидела, что он просто сидит на краю тротуара, не играя ни грузовичками, ни фургоном, ни даже глайдером из бальсы, которому так радовался всю неделю с тех пор, как Джек принес игрушку в дом. Просто сидит, уперев локти в бедра, окунув подбородок в ладони и высматривает их старенький фольксваген — пятилетний малыш, поджидающий папу.

Венди вдруг стало не по себе — до слез не по себе.

Она повесила посудное полотенце на перекладину возле раковины и пошла вниз, застегивая две верхние пуговицы халата. Джек со своей гордостью! ЭЙ, НЕТ, ЭЛ, ПРОТЕКЦИИ МНЕ НЕ НАДО. ПОСЛЕДНЕЕ ВРЕМЯ У МЕНЯ ВСЕ ТИП-ТОП. Щербатые стены в подъезде были исписаны цветными мелками, восковыми карандашами и аэрозольной краской. От крутой лестницы чуть что отлетали щепки. Дом пропитался кислым запахом старья — да что это за место для Дэнни после аккуратного кирпичного домика в Стовингтоне? Соседи сверху, с четвертого этажа, официально не были женаты, но, если это ее не беспокоило, то беспокоили их постоянные злобные стычки. Парня сверху звали Том. После того, как бары закрывались, соседи возвращались домой и война начиналась всерьез — по сравнению с этим остальные дни недели были всего лишь разминкой. Джек называл это «ночные бои по пятницам», но это было не смешно. Женщина — ее звали Илейн — под конец ударялась в слезы и безостановочно повторяла: «Не надо, Том. Пожалуйста, не надо». А он орал на нее. Однажды они даже разбудили Дэнни, а Дэнни спит, как убитый. На следующее утро Джек перехватил Тома, когда тот выходил и, отведя подальше по тротуару, что-то сказал ему. Том расшумелся было, начал грозить, но Джек добавил еще что-то — слишком тихо, чтоб Венди могла расслышать,— и, мрачно покачав головой, Том ушел, и все. Это случилось неделю назад, несколько дней было получше, но с выходных жизнь стала возвращаться в нормальное — простите, в ненормальное — русло. Для мальчика это было нехорошо.

Снова накатило чувство горечи, но сейчас Венди шла во двор и подавила его. Подобрав юбку, она уселась на край тротуара рядом с сыном и спросила:

— В чем дело, док?

Он улыбнулся, но улыбка вышла формальной.

— Привет, ма.

Между обутых в кроссовки ног стоял глайдер. Венди заметила, что одно крыло треснуло.

— Хочешь, посмотрю, что тут можно сделать, милый?

Дэнни вернулся к созерцанию улицы.

— Нет. Папа сделает.

— Док, папа может до ужина не вернуться. В горы путь неблизкий.

— Думаешь, машинка сломается?

— Нет, не думаю.— Но он дал Венди новую причину для тревоги. СПАСИБО, ДЭННИ, ЭТОГО МНЕ И НЕ ХВАТАЛО.

— Папа сказал, она может,— сообщил Дэнни небрежным, почти скучающим тоном.— Он сказал, бензонасос забит дерьмом.

— Дэнни, не говори такие слова.

— Бензонасос?— спросил он с искренним удивлением.

Она вздохнула.

— Нет, «забит дерьмом». Не говори так.

— Почему?

— Это вульгарно.

— Ма, а как это — вульгарно?

— Ну, все равно, как ковырять в носу за столом или делать пи-пи, не закрыв дверь туалета. Или говорить что-нибудь вроде «забит дерьмом». Дерьмо — вульгарное слово. Хорошие люди так не говорят.

— А папа говорит. Когда он смотрел мотор в машинке, то сказал: «Господи, насос-то забит дерьмом». Разве папа плохой? КАК ТЫ СПРАВЛЯЕШЬСЯ С ЭТИМ, УИННИФРЕД? ТРЕНИРУЕШЬСЯ?

— Папа хороший, но ведь он взрослый. И очень следит за тем, чтоб ничего такого не сказать при тех, кто не поймет.

— Как дядя Эл, да?

— Да, правильно.

— А когда я вырасту, мне можно будет так говорить?

— Думаю, ты будешь так говорить, понравится мне это или нет.

— А во сколько лет?

— Двадцать звучит неплохо, а, док?

— Как долго ждать...

— Понимаю, что долго, но, может, ты попробуешь?

— Ладно...

Дэнни снова уставился на дорогу. Он чуть пригнулся, как будто собрался встать, но подползал ярко-красный жук, и это было куда большей новостью. Он опять расслабился. Венди задумалась, насколько переезд в Колорадо отразился на Дэнни. Он ничего не говорил, но она тревожилась, замечая, сколько времени он проводит наедине с собой. В Вермонте дети — ровесники Дэнни были у троих преподавателей, коллег Джека, и там был детский сад, но здесь не было никого, с кем Дэнни мог бы играть. Большую часть квартир занимали студенты университета, женатых пар

здесь, на Арапагострит, было раз-два и обчелся, и только совсем у немногих — дети. Она насчитала около дюжины студентов или старших школьников, трех грудных младенцев — и все.

— Мам, почему папа потерял работу?

Выброшенная из раздумий Венди забарахталась в поисках ответа. Они с Джеком уже обсуждали, как выйти из положения, если Дэнни задаст именно этот вопрос, и диапазон ответов колебался от уклончивых объяснений до чистой, лишенной всякого глянца, правды. Но Дэнни не спрашивал. Вопрос прозвучал только сейчас, когда Венди чувствовала себя подавленной и меньше всего готовой отвечать на него. Однако Дэнни не отводил глаз, возможно, читая на ее лице смущение и делая из этого свои выводы. Она подумала, что побуждения и действия взрослых должны казаться детям такими же значительными и зловещими, какими кажутся опасные звери под сенью темного леса. Детей дергают туда-сюда, как марионеток, а зачем и почему — они представляют себе лишь смутно. Эта мысль опять привела ее в состояние, опасно близкое к слезам, и, стараясь прогнать их, она нагнулась, подняла сломанный глайдер и принялась вертеть его в руках.

— Дэнни, помнишь, папа тренировал дискуссионную команду?

— А как же,— сказал он.— Спор для потехи, да?

— Верно.— Она все вертела в руках глайдер, разглядывая название «Спидоглайд» и голубые звездочки переводных картинок на крыльях, и спохватилась, что рассказывает сыну чистую правду.

— Там был мальчик по имени Джордж Хэтфилд, папе пришлось выгнать его из команды. То есть, у Джорджа получалось хуже, чем у некоторых других ребят. Джордж сказал, что папа выгнал его потому, что невзлюбил, а не потому, что он не справился. Потом Джордж сделал гадость. Думаю, ты знаешь об этом.

— Это он провертел дырки в шинах нашей машинки?

— Да, он. После уроков, а папа поймал его за этим.— Тут она снова замялась, но теперь деваться было некуда, выбор сузился: то ли сказать правду, то ли солгать.

— Папа... иногда он поступает так, что потом жалеет об этом. Бывает, он не думает, как следовало бы. Не слишком часто, но иногда такое случается.

— Он сделал Джорджу Хэтфилду больно, как мне, когда я рассыпал все его бумаги, да?

ИНОГДА...

(Дэнни с загипсованной рукой)...

ОН ПОСТУПАЕТ ТАК, ЧТО ПОТОМ ЖАЛЕЕТ ОБ ЭТОМ.

Венди свирепо заморгала, загоняя слезы обратно.

— Почти так, милый. Папа ударил Джорджа, чтоб тот перестал резать шины, а Джордж стукнулся головой. Тогда те, кто отвечает за школу, сказали, что Джордж больше не может ходить

в нее, а папа — учить в этой школе.— Она замолчала, с опаской ожидая потока вопросов.

— А,— сказал Дэнни и снова принялся смотреть на дорогу.

Тема явно была закрыта. Если бы только и для Венди было так же просто закрыть эту тему. Она поднялась.

— Пойду наверх, выпью чаю, док. Хочешь парочку печений и стакан молока?

— Я лучше подожду папу.

— Не думаю, что он доберется домой раньше пяти.

— Может, он рано приедет.

— Может и так,— согласилась она.— Вдруг успеет.

Она была уже на полпути к дому, когда он позвал: «Ма!»

— Что, Дэнни?

— Тебе хочется уехать в этот отель и жить там зимой?

Ну который из пяти тысяч ответов, скажите на милость, надо было выбрать? Объяснить, что она думала вчера? Или прошлой ночью? Или сегодня утром? Каждый раз бывало иначе, спектр менялся от ярко-розового до глухо-черного. Она сказала:

— Если этого хочет твой отец, значит и я хочу того же.— Она помолчала.— А ты что скажешь?

— По-моему, мне хочется,— наконец сказал он.— Тут играть особенно не с кем.

— Скучаешь по приятелям, да?

— Иногда скучаю по Скотту и Энди. Вот и все.

Она вернулась к нему и поцеловала, взъерошив светлые волосы, только начавшие терять младенческую тонкость. Малыш был таким серьезным, и она иногда задумывалась, каково ему жить с такими родителями, как они с Джеком. Светлые надежды, с которых все начиналось, свелись к этому малоприятному дому в чужом для них городе. Перед глазами опять появился Дэнни с загипсованной рукой. Кто-то на небесах, отвечающий за Службу Промысла Господня, совершил ошибку, которую, как опасалась Венди, уже не исправить, а расплатиться за нее сможет самый невинный сторонний наблюдатель.

— Держись подальше от дороги, док,— сказала она, крепко обхватив его.

— Железно, ма.

Она поднялась наверх, в кухню. Поставила чайник и выложила на тарелку для Дэнни парочку «Орео»— вдруг, пока она будет спать, он решит пойти наверх. Сидя у стола перед своей большой керамической чашкой, Венди смотрела в окно на Дэнни: он по-прежнему сидел на кромке тротуара, одетый в джинсы и великоватую темно-зеленую фуфайку с надписью «Стовингтонская подготовительная», глайдер теперь лежал рядом с ним. Весь день она боялась расплакаться, и вот слезы хлынули ливнем, так, что Венди с рыданием склонилась в идущий от чая ароматный пар и расплакалась, горюя и тоскуя о прошлом и в страхе перед будущим.

3. УОТСОН

— ВЫ ВЫШЛИ ИЗ СЕБЯ,— СКАЗАЛ УЛЛМАН.

— Добро, вот ваша топка,— сказал Уотсон, включая свет в темной, пропахшей плесенью комнате. Он оказался упитанным мужчиной с пушистыми соломенными волосами, одетым в белую рубашку и темно-зеленые китайские штаны. Он распахнул маленькое зарешеченное окошко на корпусе топки и вместе с Джеком заглянул внутрь.

— Вот тут главная горелка.— Ровная бело-голубая струя монотонно шипела, с разрушительной силой поднимаясь вверх по желобу, но ключевое слово,— подумал Джек,— РАЗРУШИТЕЛЬНАЯ, а не ЖЕЛОБ: сунь туда руку и через три секунды получится жаркое.

ВЫШЛИ ИЗ СЕБЯ.

(Дэнни, с тобой все в порядке?)

Топка занимала всю комнату, она была куда больше и старее, чем Джеку приходилось видеть.

— Горелка работает бесперебойно,— сообщил Уотсон.— Там, внутри, датчик замеряет температуру. Если она падает ниже определенного уровня, система включает звонок у вас в квартире. Котел за стенкой, с той стороны. Пошли, провожу.— Он захлопнул решетку и, обойдя массивную железную топку сзади, провел Джека к другой двери. Железо излучало жар, от которого не хотелось двигаться, и Джек почему-то подумал о большой сонной кошке. Уотсон звенел ключами и насвистывал.

ВЫШЛИ ИЗ...

(Когда он вернулся к себе в кабинет и увидел, как Дэнни стоит там в одних трусиках и улыбается, рассудок Джека медленно застлало красное облако ярости. Изнутри, с его точки зрения, все представлялось долгим, но не заняло, должно быть, и минуты. Так кажутся долгими некоторые сны — плохие сны. Казалось, пока Джека не было, Дэнни разворошил в кабинете все ящики, раскрыл все дверцы. Стенной шкаф, полки, вращающийся стеллаж для книг. Все ящики стола, как один, зияли, вытащенные до упора. Его рукопись, трехактная пьеса, которую он медленно разрабатывал из написанного семь лет назад, еще в его бытность студентом, рассказика, была раскидана по всему полу. Когда Венди позвала его к телефону, он исправлял второй акт, потягивая пиво, и Дэнни вылил на страницу всю банку. Не исключено, чтобы посмотреть, как оно пенится. ПЕНИТСЯ, ПЕНИТСЯ, слово все звучало и звучало у Джека в голове, как единственная струна в расстроенном пианино, замыкая электрическую цепь его ярости. Он медленно шагнул к своему трехлетнему сыну, который смотрел на него снизу вверх с довольной улыбкой, радуясь тому, какую удачную работу только что закончил в папином кабинете; Дэнни начал было что-то говорить, но тут Джек ухватил его за руку, согнув ее, что-

бы заставить бросить зажатые в ней ластик для пишущей машинки и автоматический карандаш. Дэнни слегка вскрикнул... нет... говори правду... он пронзительно закричал. Как же тяжело вспоминать этот единственный глухой звук струны Спайка Джонса в тумане гнева. Где-то Венди спрашивала, что случилось. Ее слабый голос тонул в заволокшей его изнутри мгле. Это касалось только их двоих. Он рывком развернул Дэнни, чтобы шлепнуть его, его пальцы — большие пальцы взрослого человека — впились в скудную плоть руки малыша, смыкаясь вокруг нее в сжатый кулак, а треск сломавшейся косточки был негромким, негромким, да нет, он был *очень громким*, ОГЛУШИТЕЛЬНЫМ, но не громким. Как раз таким, чтобы стрелой пронзить красный туман — но вместо того, чтобы впустить солнечный свет, этот звук впустил темные тучи стыда и раскаяния, ужас, мучительные судороги духа. Чистый звук, по одну сторону которого — прошлое, а по другую — все будущее; такой звук бывает, когда ломаешь об колено лучинку или лопается грифель карандаша. По другую сторону — мгновение полнейшей тишины, быть может, из уважения к начавшемуся будущему, той жизни, что осталась ему. На глазах Джека лицо Дэнни теряло краски, становилось похожим на сыр, глаза мальчика, всегда большие, сделались еще больше и потускнели. Он уверился, что сейчас мальчик замертво упадет в разлитое по бумагам пиво: его собственный голос, слабый и пьяный, глотал слова, пытаясь повернуть все вспять, как-нибудь *обойти* не слишком громкий звук треснувшей косточки, найти дорогу в прошлое — есть ли в этом доме статус кво? — голос выговаривал: ДЭННИ, С ТОБОЙ ВСЕ В ПОРЯД-КЕ? Ответный пронзительный крик Дэнни, потом потрясенное аханье Венди, когда та вошла к ним и увидела, под каким странным углом согнута в локте ручка Дэнни: в том мире, где обитают нормальные семьи, руки под такими углами свисать не должны. Крик Венди, когда она схватила сына в объятия, бессмысленный лепет: О ГОСПОДИ, ДЭННИ, О ГОСПОДИ, ГОСПОДИ ТЫ БОЖЕ МОЙ, ТВОЯ РУЧКА; а Джек так и стоял там, оглушенный, отупевший, пытаясь понять, как же такое могло случиться. Так он и стоял, а встретившись глазами с глазами жены, понял, что Венди ненавидит его. Он не сообразил, что эта ненависть могла означать практически: только позже до него дошло, что Венди могла уйти от него, отправиться в мотель, а утром вызвать юриста, занимающегося разводами, или позвонить в полицию. Он чувствовал себя ужасно. Как перед лицом надвигающейся смерти. Потом она кинулась к телефону и набрала номер больницы; плачущий мальчик висел на сгибе ее руки, но Джек за ней не пошел — он просто стоял посреди разваленного кабинета, чувствуя запах пива и раздумывая...)

ВЫ ВЫШЛИ ИЗ СЕБЯ.

Он с силой провел рукой по губам и пошел следом за Уотсоном в котельную. Там было сыро, но лоб, ноги и живот Джека по-

крылись противным липким потом не от сырости. От воспоминаний — с той ночи, померещилось ему, прошло не два года, а два часа. Никакого разрыва во времени не было. Вернулись стыд и отвращение, вернулось ощущение, что он никчемный человек — а от этого ему всегда хотелось напиться, но желание напиться погружало в еще более беспросветное отчаяние: сумеет ли он хоть один час — не неделю, даже не день, понимаете, один только час — пробыть начеку, чтобы страстное желание напиться не застало его врасплох, как сейчас?

— Котел,— объявил Уотсон. Из бокового кармана он извлек красно-синий платок, решительно и трубно высморкался и вновь упрятал его с глаз долой, предварительно быстро глянув внутрь — вдруг там окажется что-нибудь интересное?

Котел — длинная цилиндрическая емкость из металла с медным покрытием, вся в заплатах,— был установлен на четырех цементных блоках. Он оседал под путаницей теплотрассы, уходящей к высокому, украшенному фестонами паутины потолку подвала. Справа от Джека, от находящейся в соседнем помещении топки, сквозь стену шли две трубы обогрева.

— Вот он, манометр,— Уотсон похлопал по нему.— Фунты на квадратный дюйм, «пси». Это, думаю, вы знаете. Сейчас я догнал до ста, но ночью в комнатах холодновато. Несколько клиентов пожаловались — что, мол, такое, мать вашу так. Психи они — понаехали в горы в сентябре. А потом, котел-то наш — старичок. Заплаток на нем больше, чем на штанах, что раздают благотворительные комитеты.— На свет божий явился платок. Трубный звук. Быстрый взгляд. Платок исчез.

— Простыл, чтоб его,— пояснил разговорчивый Уотсон.— Каждый сентябрь простываю. То вожжаюсь тут с этим старьем, а то траву подстригаю или граблями махаю на площадке для роке. Просквозит — готово дело, простыл, говаривала моя мамаша. Упокой, Господи, ее душу, она уже шесть лет как померла. Рак сожрал. Подцепишь рак — готовь завещание.

Коли будете держать давление около пятидесяти — ну, может, шестьдесят,— так и хватит. Мистер Уллман-то велит один день топить в западном крыле, другой — в середине, а после того — в восточном. День-деньской «гав-гав-гав», прям как одна из тех шавок, что тяпнет за ногу, а потом побежит да обделает весь коврик. Кабы мозги были черным порошком, ему носа было б не высморкать. Иногда такое видишь, что аж зло берет — не из чего стрельнуть.

Глядите сюда. Тянешь за эти колечки — открываются и закрываются трубы. Я все вам пометил. С синими бирками идут в номера в восточном крыле. Красные бирки — середка. Желтые — западное крыло. Соберетесь протопить в западном крыле, не забудьте, что оно-то погоду и ловит. Как задует, комнаты делаются холодными, ни дать, ни взять, фригидная баба, у которой все ну-

тро льдом набито. В те дни, когда топишь в западном крыле, можно догнать давление до восьмидесяти. Сам бы я так и сделал.

— Термостаты наверху...— начал Джек.

Уотсон неистово замотал головой, так, что волосы пружинисто запрыгали.

— Они не подсоединены. Так, показуха. Кой-кто из калифорнийцев думает, что коли в их спальне, мать ее так, пальму не вырастишь, дак это непорядок. Тепло поднимается отсюда, снизу. Но за давлением смотреть все ж таки приходится. Видите, ползет?

Он постучал по основной шкале. Пока Уотсон вел свой монолог, стрелка уползла со ста футов на квадратный дюйм к ста двум. Джек вдруг почувствовал, что по спине быстро пробежали мурашки, и подумал: ГУСЬ ПРОШЕЛ ПО МОЕЙ МОГИЛЕ. Тут Уотсон крутанул колесо, сбрасывая давление. Раздалось громкое шипение, и стрелка вернулась на девяносто один. Уотсон завернул вентиль до упора, и шипение неохотно стихло.

— Ползет,— сказал Уотсон.— А сказать этому жирному дятлу, Уллману, так он повытаскивает конторские книги и битых три часа будет выпендриваться, как аж до 1982 года новый котел ему не по карману. Говорю вам, когда-нибудь все тут взлетит на воздух, и одна у меня надежда — что ракету поведет этот жирный ублюдок. Господи, хотел бы я быть таким же милосердным, как моя мать. Она в каждом умела найти хорошее. Сам-то я злющий, как змей с опоясывающим лишаем. Не может человек ничего поделать со своей натурой, провались оно все.

Теперь запомните вот что: сюда надо спускаться два раза: днем и разок вечером, до того, как умаялся. Приходится проверять давление. Забудешь — а оно поползет, поползет и очень может быть, что проснетесь вы всей семейкой на луне, мать ее так. А чуток скинешь — и все, никаких хлопот.

— Верхний предел у него?...

— Ну, считается, что двести пятьдесят, но теперь-то котел рванет куда раньше. Коли эта стрелка дойдет до ста восьмидесяти, меня никакими коврижками не заманишь спуститься и стать рядом.

— Автоматического отключения нет?

— Не-е. Когда его делали, такое еще не требовалось. Нынче федеральное правительство во все сует нос, а? ФБР вскрывает почту, ЦРУ жучков сажает в поганые телефоны... видали, что стряслось с этим... Никсоном. Жалостное было зрелище, да?

Но ежели просто ходить сюда регулярно и проверять давление, все будет в лучшем виде. Да не забудьте переключать трубы так, как он хочет. Больше сорока пяти ни в одном номере не будет... разве что зима выдастся шибко теплая. А в своей квартире топите, сколько влезет.

— Что насчет водопровода?

— О'кей, я как раз к этому подхожу. Сюда, вон, под арку.

Они прошли в длинное прямоугольное помещение, которое, казалось, тянется на мили. Уотсон потянул за шнур, и единственная семидесятипятиваттная лампочка залила бледным колеблющимся светом пространство, где они стояли. Прямо перед ними находилось дно шахты лифта, к блокам двадцати футов в диаметре и массивному, облепленному грязью мотору, спускались провода в замасленной изоляции. Повсюду были бумаги — стопками, связанные в пачки, сложенные в коробки. Некоторые картонки были подписаны: «ДОКУМЕНТЫ», «СЧЕТА» или «КВИТАНЦИИ — НЕ ВЫБРАСЫВАТЬ!» Едкий запах отдавал плесенью. Часть коробок развалилась, выплеснув на пол пожелтевшие хрупкие листки, которым, должно быть, было лет двадцать. Джек зачарованно огляделся — тут, должно быть, находилась вся история «Оверлука», погребенная в гниющих коробках.

— Не лифт, а сука, только и знает, что ломается,— сказал Уотсон, ткнув в него пальцем.— *Я знаю*, чтоб держать ремонтника подальше от этой сволочи, Уллман кормит госинспектора по лифтам потрясными обедами. Ладно, тут у вас — центральный узел водопровода.— Теряясь из вида, перед ними поднимались в тень пять больших труб, каждая была обернута изоляцией, перехваченной стальными обручами.

Уотсон указал на затянутую паутиной полку рядом с шахтой. Там валялось несколько грязных тряпок и блокнот с отрывными листками.

— Вон схема водопровода,— сказал он.— Думаю, с протечками проблем не будет — сроду не было — но трубы нет-нет да и промерзают. Единственно, как можно это прекратить,— ночью немного ослабить краны, но их в этом хреновом месте сотни четыре. Попадись счет за воду на глаза этому жирному педику, что сидит наверху, он так разорется, в Денвере услышат. Что, не так?

— Я бы сказал, потрясающе тонкий анализ.

Уотсон восхищенно взглянул на Джека.

— Эй, приятель, вы, кажись, и впрямь из образованных. Говорите прямо, как по-писанному. Я такое дело крепко уважаю, коли человек не этот... не голубой... А их пруд пруди. Знаете, кто несколько лет назад расшевелил студентов побуянить? Пидарасты, вот кто. Они разочаровались и пришлось им пойти на разрыв. Они это называют «вылезти из чулана». До чего мы так докатимся, елки-палки, уж и не знаю. Дак вот, ежели вода замерзнет, скорей всего, замерзнет она в этой шахте. Нет обогрева, понятно? На этот случай тут имеется вот что,— он полез в сломанный ящик и достал маленькую газовую горелку.

— Как найдете лед, так просто отмотайте изоляцию и грейте. Доходит?

— Да. Но что, если труба замерзнет выше центрального узла коммуникаций?

— Коли работать, как положено, и топить, такого быть не может. Все равно, к другим трубам не пробраться. Да ладно, чего из-

за этого переживать. Все будет нормально. Ну и погано же тут внизу! Полно паутины. У меня от нее аж мороз по коже, такое дело.

— Уллман говорил, первый зимний смотритель убил всю семью и покончил собой.

— А, тот парень, Грейди. Я, как увидел, сразу понял — ненадежный человек, ухмылялся все время, чисто кот, что сметану слизал. Они-то тогда только начинали, а уж этот жирный мудак Уллман и Бостонского душителя нанял бы, согласись тот работать за гроши. Лесничий из национального парка, вот кто их нашел, телефон-то не работал. В западном крыле наверху они были, на четвертом этаже, окоченели в камень. Девчушек больно жалко. Шесть и восемь. Сообразительные, что тебе мальчишки-рассыльные. Ах, черт, вот была беда! Уллман-то, когда сезон кончается, управляет каким-то поганеньким дешевым курортом во Флориде, дак он — самолетом в Денвер и нанял сани, чтоб добраться сюда из Сайдвиндера, потому как дороги были перекрыты... *сани*, можете себе представить? Он себе пупок надорвал, только б дело не попало в газеты. Признаться, ему это здорово удалось. Была заметочка в «Денвер Пост», ну и, конечно, та вонючая газетенка, что издают в Эстес-Парк, укусила. Но и только. Здорово, коли учесть, что за репутация у этого места. Я так и ждал, что какой-нибудь репортеришка раскопает все по новой и просто вроде как втиснет Грейди туда же, чтоб оправдаться, на кой он копался в старых скандалах.

— В каких скандалах?

Уотсон пожал плечами.

— В каждом крупном отеле бывают скандалы, — сказал он. — И привидения в каждом крупном отеле имеются. Почему? Ну, черт возьми, люди приезжают, уезжают... Нет-нет, кто-нибудь и даст дуба в номере — сердечный приступ или удар, или еще что. Отели битком набиты суевериями. Никаких тринадцатых этажей и тринадцатых номеров, никаких зеркал на входной двери с изнанки и прочее. Да что там, только в прошлом июле одна дамочка померла тут, у нас. Пришлось Уллману этим заняться и, будьте уверены, он справился. За это-то ему и платят двадцать две штуки в сезон и, хотя я терпеть не могу этого поганца, надо признать, он свое отрабатывает. Кое-кто приезжает просто проблеваться и нанимает парня, вроде Уллмана, убирать за собой. Так и тут. Взять эту бабу — мне ровесница, как отдай, мать ее так! — патлы крашенные докрасна, что твой фонарь над борделем, титьки висят до пупа, потому как никакого лифчика у нее нету, вены на ногах сплошняком, здоровенные, ни дать ни взять карта из атласа дорог, брюлики и на шее, и на руках, и в ушах болтаются. И притащила она с собой парнишку лет семнадцати, никак не больше, оброс до жопы, а ширинка выпирает, как будто он туда комиксов напихал. Ну, пробыли они тут неделю, может, дней десять, и каждый день одна и та же разминка: она с пяти до семи в баре «Коло-

радо» сосет сладкий джин с водой и мускатом, да так, будто его завтра запретят законом, а он тянет и тянет одну бутылку «Олимпии». Она и шутит, и хохмит по-всякому, и каждый раз, как она чего-нибудь эдакое отмочит, парень скалит зубы, обезьяна хренова, будто эта баба ему к углам рта веревочки попривязывала. Только прошло несколько дней, и замечаем мы, что улыбаться ему все трудней и трудней, и бог его знает, о чем ему приходилось думать, чтоб перед сном у него стояло. Ходили они, стало быть, обедать — он-то нормально, а ее качает из стороны в сторону, ясное дело, в жопу пьяная. А парень, как его дамочка ни смотрит, то ущипнет официантку, то ей ухмыльнется. Черт, мы даже спорили, на сколько его еще хватит.

Уотсон пожал плечами.

— Потом спускается он однажды вечером, часов в десять, вниз и говорит — дескать, «жена нездорова» — понимай так, опять надралась, как каждый вечер, что они тут были,— и он, мол, едет за таблетками от желудка. И сматывается в маленьком «порше», на котором они вместе приехали. Больше мы его в глаза не видели. На следующее утро она является вниз и пытается дуть в ту же дудку, только чем ближе к вечеру, тем бледнее у нее вид. Мистер Уллман — чистый дипломат — спрашивает, может, ей охота, чтоб он звякнул фараонам, просто на случай, ежели парень попал в небольшую аварию или еще что. Она кидается на него, как кошка — «нет-нет-нет, он отлично водит, я не тревожусь, все нормально, к обеду он вернется». И днем, что-то около трех, отправляется в «Колорадо». В десять тридцать она поднимается к себе в номер, и больше мы ее живой не видели.

— Что же случилось?

— Коронер графства говорил, после всего, что дамочка выдула, она заглотила чуть ли не тридцать пилюль для сна. На следующий день объявился муженек — юрист, крупная шишка из Нью-Йорка. Ну и задал же он перцу старине Уллману, чертям в аду жарко стало! «Возбудим дело такое, да возбудим дело сякое, да когда все кончится, вам и пары чистого белья не найти», ну, и все в том же духе. Но, Уллман, паскуда, хорош. Уллман его угомонил. Спросил, наверное, эту шишку, придется ли ему по вкусу, коли про его жену пропечатают все нью-йоркские газеты: «ЖЕНА ИЗВЕСТНОГО НЬЮ-ЙОРКСКОГО ЛЯ-ЛЯ НАЙДЕНА МЕРТВОЙ С ПОЛНЫМ ПУЗОМ СНОТВОРНЫХ ТАБЛЕТОК, после того, как наигралась в кошки-мышки с мальцом, который ей во внуки годится».

«Порш» легавые нашли за ночной закусочной в Лайонсе, а Уллман кой на кого нажал, чтоб его отдали этому юристу. Потом они вдвоем навалились на старину Арчи Хотона, коронера графства, и заставили поменять вердикт на «смерть от несчастного случая». Сердечный приступ. Теперь старина Арчи катается в «крайслере». Я его не виню. Дают — бери, бьют — беги, особенно, коли с годами начинаешь обустраиваться.

Явился платок. Трубный звук. Быстрый взгляд. С глаз долой.

— И что же происходит? Что-нибудь через неделю эта тупая шлюха, горничная, Делорес Викери ее звать, убирается в номере, где жила та парочка, начинает орать, будто ее режут, и падает замертво. Очухалась она и говорит, дескать, видела она в ванной голую бабу. «А лицо-то все багровое, раздутое — да еще она ухмылялась». Тут Уллман выкинул ее с работы, сунул жалованье за две недели и велел убираться с глаз долой. Я подсчитал, с тех пор, как мой дед открыл этот отель в 1910 году, тут человек сорокпятьдесят померло.

Он проницательно взглянул на Джека.

— Знаете, как они по большей части отправляются на тот свет? От сердечного приступа или удара, когда трахают свою бабу. Таких старых дураков, что хотят гульнуть под занавес, на курортах пруд пруди. Забираются сюда, в горы, чтоб повоображать, будто им снова двадцать. Бывает, случится иногда неприятность, да только не всем ребятам, что управляли нашим отелем, удавалось скрыть это от газетчиков так же здорово, как Уллману. Так что славу себе «Оверлук» заработал ту еще, будьте спокойны. Провалиться мне, коли у хренова «Билтмора» в Нью-Йорке, ежели расспросить правильных людей, не окажется такая же слава.

— Но привидений-то нет?

— Мистер Торранс, я тут проработал всю свою жизнь. Я играл тут пацаном — не старше вашего сынишки с той фотки, что вы мне показывали. Но до сих пор привидений еще не видел. Хотите, пошли со мной наружу, покажу вам сарай.

— Отлично.

Когда Уотсон потянулся, чтобы погасить свет, Джек сказал:

— Чего тут полно, так это бумаг.

— А, вы это серьезно? Похоже, копились они тыщу лет. Газеты, старые счета и фактуры, и Бог знает что еще. Папаша мой, когда тут была старая печка, здорово умел навести порядок, но теперь никто этим не занимается. Придется мне когда-нибудь нанять парня, чтобы он отволок все это вниз, в Сайдвиндер, и сжег. Коли Уллман возьмет расходы на себя. Думаю, ежели гаркнуть как следует «крыса!», он это сделает.

— Так здесь есть крысы?

— Ага, по-моему, несколько штук есть. Там у меня и крысоловки, и яд, так мистер Уллман хочет, чтоб вы это распихали по чердаку и тут, внизу. Присматривайте за своим мальцом хорошенько, мистер Торранс, вряд ли вам охота, чтоб с ним что-нибудь стряслось.

— Нет, уж это точно.

Исходя от Уотсона, совет не уязвлял. Они пошли к лестнице и там на минуту задержались, пока Уотсон в очередной раз сморкался.

— Там найдутся все нужные инструменты и кой-какие ненужные. И еще в сарае черепица. Уллман говорил вам про это?

— Да, он хочет, чтобы я перекрыл часть крыши в западном крыле.

— Жирный ублюдок выжмет из вас на халяву все, что можно, а весной будет ныть и скулить, что и половина работы не сделана так, как надо. Я раз ему прямо в рожу говорю, я говорю...

Пока они поднимались по лестнице, слова Уотсона постепенно затихали, сливаясь в убаюкивающее монотонное жужжание. Оглянувшись разок через плечо на непроницаемую, пахнущую плесенью тьму, Джек Торранс подумал, что если и есть на свете место, где должны водиться привидения, то это оно. Он подумал про Грейди, запертого здесь мягким, неумолимым снегом, про Грейди, который потихоньку сходил с ума, пока не совершил свое зверство.

«Кричали они или нет? — задумался Джек. — Бедняга Грейди, каково каждый день чувствовать, как это подступает, и понять, наконец, — для тебя весна никогда не наступит. Ему не следовало жить здесь. И не следовало выходить из себя».

Когда Джек выходил вслед за Уотсоном за дверь, последние слова эхом вернулись к нему с резким треском, словно сломался карандашный грифель — дурной знак. Господи, Джек мог напиться. Тысячу раз напиться.

4. СТРАНА ТЕНЕЙ

В четверть пятого Дэнни сдался и отправился наверх за молоком с печеньем. Все это он проглотил, выглядывая в окно, потом подошел поцеловать маму, которая прилегла. Она предложила посидеть дома, посмотреть «Сезам-стрит» — так время пройдет быстрее — но он решительно замотал головой и вернулся на свое место на кромке тротуара.

Было уже пять, и хотя часов у Дэнни не было (к тому же, он все равно не умел еще определять, который час, как следует), ход времени он замечал — тени удлинились, а дневной свет приобрел золотистый оттенок.

Вертя в руках глайдер, он напевал себе под нос: «Лу, беги ко мне скорей... Господин ушел чуть свет, ну а мне и горя нет... Лу, беги ко мне скорей...»

Эту песенку они все вместе пели в детском саду «Джек-и-Джилл» в Стовингтоне. Здесь он не ходил в детский сад, потому что папе это больше было не по карману. Дэнни знал, что отец с матерью встревожены этим, встревожены тем, что это усугубляет его одиночество (а еще сильнее тем — правда, об этом не говорилось даже между ними — что в этом Дэнни винит их), но на самом деле ему не хотелось снова ходить в «Джек-и-Джилл». Это для малышей. Дэнни еще не был большим парнем, но и малышом уже не был. Большие ребята ходили в настоящую школу, и им давали горячий ленч. Первый класс. На будущий год. А в этом году он был кем-то средним между малышом и настоящим парнем.

Ничего страшного. Он действительно скучал по Скотту с Энди (главным образом, по Скотту),— но все равно, ничего страшного. Ожидать, что будет дальше, лучше одному.

Насчет родителей он понимал многое и знал, что частенько им это не по вкусу, и не один раз они просто отказывались этому верить. Но в один прекрасный день поверить придется. Дэнни довольствовался ожиданием.

Плохо, конечно, что они не умели верить ему больше — особенно в таких случаях, как сейчас. Мамочка лежала дома на кровати чуть не плача — так она тревожилась о папе. Кое-какие ее тревоги были слишком взрослыми, чтобы Дэнни мог их понять — нечто смутное, имеющее отношение к безопасности, папиному *представлению о себе*; чувства вины, гнева, страха перед тем, что с ними станет,— но сейчас маму главным образом занимали две вещи: не попал ли папа в горах в аварию (а то с чего бы он не позвонил?) и не отправился ли он Плохо Поступить. С тех пор, как Скотти Ааронсон, который был на полгода старше, все объяснил Дэнни, тот отлично понимал, что значит Плохо Поступить. Скотти был в курсе, потому что его папа тоже Плохо Поступал. Один раз, рассказывал Скотти, папа стукнул маму прямо в глаз и сбил с ног. В конце концов, из-за Плохих Поступков папа и мама Скотти РАЗВЕЛИСЬ и, когда Дэнни познакомился со Скотти, тот жил уже только с мамой, а с папой виделся по выходным. РАЗВОД стал главным кошмаром в жизни Дэнни, это слово всегда возникало у него в голове в виде надписи, выведенной красными буквами, которые кишели шипящими ядовитыми змеями. В РАЗВОДЕ родители больше не живут вместе. Они тянут резину в суде (перетягивают канат? растягивают эспандер? Дэнни не знал точно, имеется ли в виду одно из этих занятий или речь идет о чем-то другом; в Стовингтоне мама с папой, бывало, не чуждались ни того, ни другого, и для себя он решил, что возможен любой вариант), и тебе приходится уйти с кем-то одним, другого ты практически перестаешь видеть, а тот, с которым ты остался, может, если ему приспичит, выйти замуж или жениться на ком-нибудь, кого ты даже не знаешь. Самым ужасным в РАЗВОДЕ было то, что это слово — или понятие, или чем уж он был в восприятии Дэнни — плавало в головах его собственных родителей, он чувствовал это; иногда — рассеянное и относительно далекое, иногда — отчетливое, все заслоняющее и пугающее, как грозовая туча. Так было после того, как папа наказал Дэнни за то, что тот перепутал бумаги в его кабинете, и доктору пришлось поместить руку мальчика в гипс. Воспоминание об этом уже почти стерлось, но мысли о РАЗВОДЕ помнились ясно и наводили ужас. В то время эти мысли окутывали мамочку, и он жил в постоянном страхе, что она, выдернув То Слово из своей головы, выговорит его и сделает РАЗВОД реальностью. РАЗВОД. Мысль о нем постоянно сидела в их подсознании — одна из немногих, какие он всегда умел уловить, подобно аккордам простенькой мелодии. Но, как и аккорд,

центральная мысль составляла лишь основу для более сложных мыслей — мыслей, которые Дэнни пока был не в состоянии даже начать переосмысливать по-своему. Они приходили к нему просто красками и настроениями. Центром маминых мыслей о РАЗВОДЕ было то, что папа сделал с его рукой и еще то, что случилось в Стовингтоне, когда папа потерял работу. Тот парень. Тот Джордж Хэтфилд, который жутко разозлился на папу и провертел дырки в шинах их «жука». Папины мысли о РАЗВОДЕ были сложнее, окрашены в темно-лиловый и пронизаны черными-пречерными страшными жилками. Кажется, папа думал, что им будет лучше, если он уйдет. Что исчезнет боль. Папе было больно почти все время, главным образом, из-за Плохого Поступка. Постоянное страстное желание папы удалиться в уединенное местечко, смотреть цветной телевизор, есть из миски арахис и Плохо Поступать до тех пор, пока рассудок не угомонится и не оставит его в покое, Дэнни удавалось уловить тоже почти всегда.

Но сегодня днем маме не стоило волноваться. Дэнни жалел, что нельзя пойти к ней и рассказать об этом. «Жук» не сломался, папа не Поступил Плохо, а ехал домой. Сейчас он тарахтел по шоссе между Лайонсом и Боулдером, откуда до дома рукой подать, и о Плохом Поступке даже не думал. Он думал про... про...

Дэнни украдкой оглянулся на кухонное окно. Иногда от слишком напряженных раздумий с ним что-то случалось. Окружающее — реальность — куда-то пропадало, тогда он видел такое, чего там не было. Один раз, вскоре после того, как ему загипсовали руку, это случилось за столом, когда все ужинали. Родители тогда не очень-то много разговаривали друг с другом. Но они думали. О да. Мысли о РАЗВОДЕ нависли над кухонным столом, как набрякшая черным дождем туча, готовая разразиться ливнем. Было так плохо, что ему кусок не шел в горло. Когда вокруг клубился черный РАЗВОД, мысль о еде вызывала желание стошнить. Он полностью сосредоточился — ведь это казалось отчаянно важным — и тогда-то что-то произошло. В реальность он вернулся, лежа на полу, картошка с бобами оказалась у него на коленях, мамочка, обняв его, плакала, а папа звонил по телефону. Дэнни был напуган, он попытался объяснить, что ничего такого в этом нет, что иногда это бывает с ним, если сосредоточиться, чтобы понять больше, чем ему доступно обычно. Он попытался объяснить насчет Тони, которого они прозвали его «невидимым приятелем».

Папа тогда сказал: «У него была Га Лу Син Нация. С виду все в порядке, но все равно я хочу, чтобы доктор его посмотрел».

После ухода доктора мамочка заставила Дэнни пообещать, что он больше никогда так не сделает, что он НИКОГДА их так не напугает, и Дэнни согласился. Он и сам перепугался. Потому что, когда он сосредоточился, его сознание поплыло к папе, и всего на миг — перед тем, как появился Тони, далеко-далеко, как всегда, и позвал оттуда, а что-то странное стерло кухню и жареный ростбиф на синей тарелке, — всего на миг сознание мальчика

прорвалось сквозь папину угрюмость к непонятному слову, пугавшему куда сильнее, чем РАЗВОД, и слово это было — САМОУБИЙСТВО. Оно ни разу не попадалось Дэнни в отцовских мыслях прежде и, конечно, выискивать его он не стал. Ему было все равно, узнает он когда-нибудь точно, что значит это слово, или нет.

Но ему очень нравилось сосредотачиваться, потому что время от времени появлялся Тони. Не каждый раз. Иногда окружающее просто ненадолго становилось нечетким, плывущим, а потом прояснялось — честно говоря, чаще всего так и бывало, но иной раз у самой границы видения появлялся Тони, манящий к себе издалека, зовущий...

В первый раз он гулял на заднем дворе и ничего особенного не случилось. Просто Тони поманил его, потом стало темно, а несколько минут спустя он вернулся в реальность с несколькими обрывками воспоминаний, как после путаного сна. Во второй раз, две недели назад, было интереснее. Стоя в четырех ярдах от Дэнни, Тони манил его, звал: «*Дэнни... Иди, посмотри...*» Дэнни словно бы поднялся, а потом начал падать в глубокую нору, как Алиса в Страну Чудес. Он оказался в подвале дома, а рядом был Тони, показывающий в тень, на чемодан, в котором папа держал все важные бумаги, особенно «ПЬЕСУ».

— Видишь? — сказал Тони далеким мелодичным голосом.— Он под лестницей. Прямо под лестницей. Грузчики сунули его прямо... под... лестницу...

Дэнни шагнул вперед, чтобы рассмотреть это диво поближе, а в следующее мгновение опять началось падение — на этот раз с качелей на заднем дворе, где он просидел все это время. Стукнулся он, кстати, так, что дух вон.

Три или четыре дня спустя папа рыскал по всему дому, с яростью сообщая маме, что облазил весь проклятый подвал, чемодана там нет, и он собирается подать в суд на проклятых грузчиков, потерявших его где-то между Вермонтом и Колорадо. Как, интересно, он должен исхитриться закончить «ПЬЕСУ», если внезапно обнаруживаются такие вещи?

Дэнни сказал: «Нет, пап. Он под лестницей. Грузчики поставили его прямо под лестницу».

Папа странно взглянул на него и спустился посмотреть. Именно на том месте, которое показал Тони мальчику, чемодан и оказался. Папа отвел Дэнни в сторонку, посадил на колени и спросил, кто пускал его в подвал. Том с верхнего этажа? В подвале опасно, сказал папа. Потому-то хозяин и держит его на замке. Может, кто-то оставил дверь незапертой, вот что хотел знать папа. «Я рад, что документы и пьеса нашлись, но они не стоят того, чтобы тебе, Дэнни,— сказал папа,— падать с лестницы и ломать... ноги». Дэнни честно ответил, что в подвал не ходил. Эта дверь всегда заперта. Мамочка подтвердила. Дэнни ни разу не спускался туда,

потому что там темно, сыро и полно пауков. К тому же у него нет привычки врать.

— Тогда, как же ты узнал, док?

— Тони показал.

Отец с матерью переглянулись поверх головы Дэнни. Такое время от времени случалось и раньше. Пугаясь, они быстро выбрасывали это из головы. Но Дэнни знал, что Тони их тревожит, особенно мамочку, и очень старался, чтобы его мысли не заставили Тони появиться там, где она могла бы его увидеть. Но сейчас он счел, что она еще не встала и не начала суетиться в кухне, поэтому сосредоточился изо всех сил — проверить, может ли понять, о чем думает папа.

Он нахмурился и сжал лежавшие на джинсах грязноватые ладошки в кулаки. Глаза закрывать он не стал — это было ни к чему — но сощурился так, что они превратились в щелки, и вообразил папин голос, голос Джека, голос Джона Дэниэла Торранса, сильный и спокойный, то изумленно повышающийся, то становящийся еще ниже от гнева, то остающийся неизменно ровным, потому что папа думал... Думал про... Думал насчет... Думал...

(думал)

Дэнни тихо вздохнул, его тело осело на край тротуара, словно все мышцы из него исчезли. Он был в полном сознании, видел и улицу, и парня с девушкой, которые шагали по другому тротуару, держась за руки, потому что были...

(?влюблены?)

счастливы сегодняшним днем и тем, что этим днем они вместе. Он видел осенние листья, желтые колесики неправильной формы, которые ветер гнал вдоль канавы. Он видел дом, мимо которого проходили влюбленные, и заметил, что на крыше

(ЧЕРЕПИЦА. ЕСЛИ АРМАТУРА В ПОРЯДКЕ, ПРОБЛЕМЫ ПО-МОЕМУ, НЕ БУДЕТ. ДА, ВЕРНО, ВСЕ БУ-ДЕТ В ПОРЯДКЕ. ЭТОТ УОТСОН. БОЖЕ, ЧТО ЗА СУБЪЕКТ! ВОТ БЫ НАЙТИ ЕМУ МЕСТО в «ПЬЕСЕ». Е-МОЕ, ЕСЛИ Я НЕ ПООСТЕРЕГУСЬ, КОНЧИТСЯ ТЕМ, ЧТО Я ВПИХНУ В НЕЕ ВСЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО. АГА. ЧЕРЕПИЦА. А ГВОЗДИ ТУТ ЕСТЬ? А, ЧЕРТ, ЗАБЫЛ СПРОСИТЬ ЕГО, ЛАДНО, ИХ ДОСТАТЬ НЕТРУДНО. В САЙДВИНДЕРЕ МАГАЗИН СКОБЯНЫХ ТОВАРОВ. ОСЫ. В ЭТО ВРЕМЯ ГОДА ОНИ СТРОЯТ ГНЕЗДА. МОЖЕТ, ПРИДЕТСЯ ПРИХВАТИТЬ ОДНУ ИЗ ЭТИХ БОМБОЧЕК НА СЛУЧАЙ, ЕСЛИ ОНИ ОКАЖУТСЯ ТАМ, КОГДА Я БУДУ ОТДИРАТЬ СТАРУЮ ЧЕРЕПИЦУ. НОВАЯ ЧЕРЕПИЦА. СТАРАЯ)

черепица. Значит, вот о чем он думает. Он получил работу и думает про черепицу. Дэнни не знал, кто такой Уотсон, но все остальное казалось достаточно понятным. Может, ему даже удастся посмотреть осиное гнездо. Не будь он

— *Дэнни... Дэнни — и...*

Он посмотрел на дорогу и там, поодаль, оказался Тони, он

стоял у знака «стоп» и махал рукой. Как всегда при виде старого друга на Дэнни теплой волной нахлынула радость, но на этот раз вместе с ней он ощутил словно бы укол страха — как будто за спиной появившегося Тони пряталось что-то мрачное, темное. Гнездо, полное ос, которые, вырвавшись, больно жалят.

Но не идти нечего было и думать.

Он еще больше осел на кромку тротуара, руки вяло соскользнули с колен и свесились между расставленных вилкой ног. Подбородок опустился на грудь. Потом часть существа Дэнни, несильно и не больно дернувшись, отделилась и побежала следом за Тони в воронку тьмы.

— *Дэнни — и...*

Вот тьму пронзили белые крутящиеся вихри. Кашляющий, надсадный звук, гнущиеся, изломанные тени, они превратились в ночные ели, мотающиеся на резком воющем ветру. Танцевал, крутился снег. Снег был повсюду.

— Слишком глубокий,— сказал из темноты Тони, и в его голосе прозвучала печаль, которая привела Дэнни в ужас.— Слишком глубокий, чтобы выбраться отсюда.

Надвинулся, навис новый силуэт. Огромный и прямоугольный. Покатая крыша, неясным пятном белеющая в беснующейся тьме. Множество окон. Длинное здание с черепичной крышей. Часть черепицы была более новой и зеленой. Ее клал папа. Гвозди он покупал в Сайдвиндере. В магазине скобяных товаров. Сейчас черепицу засыпал снег. Снег засыпал все.

Вынырнув из небытия, на фасаде здания засветился зеленый ведьмин огонек, он мигнул и превратился в ухмыляющийся над двумя скрещенными костями гигантский череп.

— Яд,— сообщил из наплывающей темноты Тони.— Яд.

Перед глазами Дэнни промелькнули другие надписи, некоторые — зелеными буквами, некоторые — на дощечках, под разными углами воткнутых в сугробы. КУПАТЬСЯ ЗАПРЕЩЕНО. ОПАСНО! ПРОВОД ПОД ТОКОМ. СОБСТВЕННОСТЬ КОНФИСКОВАНА. ВЫСОКОЕ НАПРЯЖЕНИЕ. ТРЕТИЙ ПУТЬ. ОПАСНО ДЛЯ ЖИЗНИ. НЕ ПОДХОДИТЬ. НЕ ТРОГАТЬ. ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН. В НАРУШИТЕЛЕЙ СТРЕЛЯЕМ БЕЗ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ. Он не понимал до конца ни одной надписи — он не умел читать! — но уловил общий смысл всех, и в черные пустоты его тела начал наплывать смутный ужас, подобный легким коричневым спорам, гибнущим при свете солнца.

Надписи растаяли. Теперь Дэнни находился в комнате, полной незнакомой мебели, в комнате, где было темно. В окна, словно песок, билась снежная крупа. Во рту пересохло, глаза походили на горячие мраморные шарики, сердце молотом стучало в груди. Снаружи что-то глухо бухало, как будто настежь распахивали какую-то жуткую дверь. Шаги. На другой стороне комнаты было

зеркало, в его дутой серебряной глубине зеленым пламенем запылало одно-единственное слово, и слово это было — ТРЕМС.

Комната растаяла. Другая комната. Эту он

(узнает)

знал. Перевернутый стул. В разбитое окно, крутясь, летел снег, уже припорошив край ковра. Раздернутые шторы вкривь и вкось свисали со сломанного карниза. Низкий шкафчик лежал ящиками в пол.

Снова глухой стук, ровный, ритмичный, страшный. Бьющееся стекло. Надвигающееся разрушение. Хриплый голос, голос безумца, еще более страшный от того, что знаком:

— ВЫХОДИ! ВЫХОДИ, ГОВНЮК МАЛЕНЬКИЙ! ПОЛУЧАЙ, ЧТО ЗАСЛУЖИЛ!

Хрясь. Хрясь. Хрясь. Разлетающееся в щепки дерево. Зычный крик ярости и довольства. ТРЕМС. Все ближе.

Он поплыл через комнату. Картины сорваны со стен. Проигрыватель.

(?мамин проигрыватель?)

перевернут, лежит на полу. Ее пластинки — Григ, Гендель, «Битлз», Арт Гарфункель, Бах, Лист — раскиданы повсюду. Зазубренные черные осколки похожи на куски пирога. Из соседней комнаты, ванной, сноп света — жесткого, белого света и мигающее красным глазком в глубине зеркальца на дверце аптечки слово: ТРЕМС, ТРЕМС, ТРЕМС...

— Нет,— прошептал он.— Нет, Тони, пожалуйста...

И свешивающаяся через белый край фарфоровой ванны рука. Мягкая, безвольная. Вниз по пальцу — среднему пальцу — медленно стекает струйка крови, капает на пол; ноготь аккуратный, ухоженный...

Нет, нет, нет, нет...

(ну, пожалуйста, Тони, ты меня пугаешь)

ТРЕМС, ТРЕМС, ТРЕМС

(перестань, Тони, перестань)

Все тает.

Стук в темноте становится громче, еще громче, отдается эхом повсюду, со всех сторон.

Теперь он в темном коридоре, в страхе вжимается в синий ковер, громада которого сплошь заткана буйными зарослями извивающихся черных силуэтов, прислушивается к приближающемуся стуку, и вот уже Некто — неясный силуэт — сворачивает за угол и начинает подходить к Дэнни шаткой походкой, от него пахнет кровью и гибелью. В одной руке он раскачивает из стороны в сторону деревянный молоток (ТРЕМС), описывая не сулящие ничего хорошего дуги, вбивая его в стены, разрывая шелковистые обои и выколачивая призрачные облачка известковой пыли:

— ВЫХОДИ-КА, ПОЛУЧИ, ЧТО ЗАСЛУЖИЛ! КАК НАСТОЯЩИЙ МУЖЧИНА!

Силуэт приближается, от него резко пахнет чем-то кисло-слад-

ким, он огромен; молоток со злобным свистом рассекает головкой воздух, а потом врезается в стены, так, что вылетает облако пыли — при вдохе обнаруживается, какая она сухая и колючая,— и раздается глухое громкое «бумм!». Крошечные красные глазки горят в темноте. Чудовище идет за ним, оно обнаружило его, зажало здесь спиной к голой стене. А люк на потолке на замке.

Темнота. Ощущение, будто он плывет.

— Тони, пожалуйста, забери меня назад, пожалуйста...

И он *вернулся*, он, весь в поту, опять сидел на кромке тротуара Арапаго-стрит, взмокшая рубашка прилипла к спине. В ушах еще стоял глухой стук и пахло мочой, его собственной — в предельном ужасе он обмочил штаны. Перед глазами стояла безвольная рука, перевесившаяся через край ванны; кровь, сбегающая вниз по среднему пальцу и то непонятное слово, которое было куда страшнее любого другого: ТРЕМС.

И вот — солнечный свет. Все реально. Кроме Тони, стоявшего на углу шестью домами дальше, превратившегося в пятнышко, голос его был тихим, тонким и приятным.— «Осторожнее, док...»

Миг — и Тони исчез, а за угол завернул папин видавший виды «жук», тарахтя, он проехал по улице, выбрасывая назад облака синего дыма. Дэнни медленно вскочил на ноги с тротуара, размахивая руками, приплясывая с ноги на ногу, вопя: «Пап! Эй, пап! Эй! Привет!»

Папа завернул фольксваген на тротуар, вырубил мотор и открыл дверцу. Дэнни помчался к нему — и прирос к месту, широко распахнув глаза. Душа мальчика ушла в пятки, он закаменел. Рядом с папой на переднем сиденье лежал молоток с короткой ручкой, к покрытой запекшейся кровью головке прилипли волосы.

В следующую минуту на этом месте оказалась сумка с продуктами.

— Дэнни... док, с тобой все в порядке?

— Угу. Все о'кей.— Он подошел к папе и зарылся лицом в отделанную овечьей кожей вареную куртку, крепко-крепко-крепко обхватив его. Джек обнял малыша в ответ, слегка недоумевая.

— Эй, док, не сиди столько на солнце. Ты весь потный, с тебя просто капает.

— Кажется, я немного поспал. Пап, я люблю тебя. Я ждал.

— Я тоже люблю тебя, Дэн. Вот, привез вам кое-что. Как думаешь, ты уже достаточно большой, чтобы отнести это наверх?

— А то!

— Док Торранс, самый сильный человек в мире,— сказал Джек, взъерошив ему волосы.— Хобби которого — засыпать на углах улиц.

Потом они пошли к дверям, а мама уже спустилась на крыльцо встретить их, и Дэнни стал на вторую ступеньку и смотрел, как они целуются. Они были рады видеть друг друга. Они источали

любовь — как источали ее парень с девушкой, что прошли по улице, держась за руки. Дэнни обрадовался.

Сумка с продуктами, *всего лишь* сумка с едой, которую он держал в охапке, захрустела. Все было в порядке. Папа дома. Мама его любит. Ничего плохого. А потом, не все, что Тони показывает, непременно сбывается.

Но в сердце Дэнни поселился страх, глубокий, леденящий, он гнездился вокруг сердца и того неподдающегося расшифровке слова, которое он увидел в зеркале своего духа.

5. ТЕЛЕФОННАЯ БУДКА

Поставив фольксваген перед универмагом «Тейбл-Меса», Джек дал мотору заглохнуть. Он снова задумался, не стоит ли съездить и поменять бензонасос, и снова сказал себе, что им это не по средствам. Если автомобильчик сумеет добегать до ноября, можно будет со всеми почестями отправить его на покой. К ноябрю здесь, в горах, будет столько снега, что «жук» утонет целиком... а может, утонут и три «жука», поставленные друг на дружку.

— Я хочу, чтоб ты остался в машине, док. А я принесу тебе конфету.

— А почему мне нельзя с тобой?

— Мне надо позвонить по личному делу.

— Поэтому ты не позвонил из дома?

— Точно.

Несмотря на их тающие финансы, Венди настояла на том, чтобы телефон был. Она доказывала, что с маленьким ребенком — особенно с таким малышом, как Дэнни, который иногда страдает обмороками — нельзя позволить себе не иметь телефона. Поэтому Джек раскошелился на тридцать долларов за установку аппарата — уже скверно,— и на девяносто за страховку, что нанесло по бюджету действительно ощутимый удар. Но до сих пор телефон молчал, как рыба, не считая двух раз, когда ошибались номером.

— Пап, а можно мне «Бэби Рут»?

— Можно. Сиди спокойно и не балуйся с переключением передач. Ладно?

— Ладно. Я карты посмотрю.

— Давай.

Джек вылез из машины, а Дэнни открыл бардачок «жука» и вытащил пять потрепанных карт расположения бензоколонок: Колорадо, Небраска, Юта, Вайоминг и Нью-Мексико. Он обожал дорожные карты, обожал водить пальцем вдоль трасс. По мнению Дэнни, в переезде на Запад самым хорошим были новые карты.

Джек сходил к аптечному прилавку, купил Дэнни конфету, а себе газету и экземпляр октябрьского «Писательского дайджеста». Дав девушке пятерку, он попросил сдачу четвертаками. За-

жав серебро в руке, он направился к стоявшей возле изготовляющего ключи автомата телефонной будке и протиснулся внутрь. Отсюда через три стекла был виден сидящий внутри «жука» Дэнни. Голова мальчика прилежно склонилась над картами. Джек чувствовал, как его захлестнула волна граничащей с отчаянием любви к мальчугану, отчего лицо приняло каменно-угрюмое выражение.

Он полагал, что выразить Элу обязательную благодарность можно и из дома — разумеется, он не собирался говорить то, что могло вызвать у Венди возражения. Но гордость Джека сказала: нет. Теперь он почти всегда прислушивался к тому, что подсказывала ему гордость, ведь кроме жены с сыном, шестисот долларов на текущем счету и потрепанного фольксвагена 68 года у него осталась только гордость. Да и счет-то был объединенным. Год назад он преподавал английский в одной из лучших частных школ Новой Англии. И друзья там были — правда, не совсем такие, с которыми Джек знался до того, как бросил пить, но посмеяться было с кем; были приятели — коллеги по факультету, восхищавшиеся его искусным обращением с классом и личным пристрастием к писательскому ремеслу. Шесть месяцев назад дела шли очень хорошо. Вдруг оказалось, что каждые две недели от жалованья остается достаточно денег, чтобы начать делать небольшие сбережения. В дни, когда Джек пил, ни разу не удавалось отложить ни гроша, хотя выпивку почти всегда ставил Эл Шокли. Джек с Венди начали осторожно поговаривать, не поискать ли дом и не выплатить ли примерно в течение года первый взнос. Ферма в деревне. Шесть или восемь лет на то, чтоб полностью ее обновить — да черт возьми, они были молоды, у них было время.

Потом он вышел из себя.

Джордж Хэтфилд.

Запах надежды обернулся запахом старой кожи в кабинете Кроммерта, все вместе напоминало одну из сцен его собственной пьесы: на стенах — старые портреты прежних директоров Стовингтона, чеканки с изображением школы, какой та была в 1879 году, когда ее только построили, и в 1895, когда деньги Вандербильда позволили выстроить закрытый манеж — он до сих пор стоял на западном краю футбольного поля, приземистый, необъятный, одетый плющом. Апрельский плющ шелестел за приоткрытым окном у Кроммерта, из радиатора шел навевающий дремоту шум парового отопления. Джек вспомнил, что думал тогда: «Это не на сцене. Это по-настоящему. Моя жизнь. Как можно было пустить ее коту под хвост?»

— Джек, положение серьезное. Страшно серьезное. Совет попросил меня сообщить вам, что они решили.

Совет желал, чтобы Джек оставил должность, и Джек пошел им навстречу. В иных обстоятельствах срок его пребывания в ней закончился бы в июне этого года.

За беседой в кабинете Кроммерта последовала самая темная,

самая страшная ночь в жизни Джека. Желание, *нужда* напиться никогда еще не были столь сильны. Руки тряслись. Он бродил, натыкаясь на предметы, переворачивая их. А еще его не покидало желание сорвать все на Венди с Дэнни. Его норов был подобен злобному зверю на перетершейся привязи. Перепугавшись, как бы не ударить их, Джек сбежал из дома. Кончилось все у входа в бар. От того, чтобы зайти внутрь, Джека удержало только одно: он понимал, что сделай он это — и Венди, наконец, уйдет, а Дэнни заберет с собой. Он же со дня их ухода превратится в мертвеца.

Вместо того, чтобы зайти в бар, где темные силуэты смаковали приятные воды забвения, он направился домой к Элу Шокли. Совет проголосовал: шесть — против, один — за. Этим одним и был Эл.

Сейчас Джек набрал номер оператора, и та сообщила, что за один доллар восемьдесят центов можно на три минуты связаться с Элом. «Время, детка, штука относительная»,— подумал он и бросил в автомат восемь четвертаков. Пока его вызов пробирался на восток, слышались то высокие, то низкие электронные гудки.

Отцом Эла Шокли был Артур Лонгли Шокли, стальной барон. Своему единственному сыну, Элберту, он оставил состояние и огромное количество разнообразнейших капиталовложений и директорских постов в различных советах. В том числе — в Совете директоров Стовингтонской подготовительной академии, любимого объекта благотворительности старика. И Артур, и Элберт Шокли были ее бывшими питомцами, вдобавок Эл жил в Барре, достаточно близко, чтобы лично проявлять интерес к школьным делам. В течение нескольких лет Эл работал в Стовингтонской школе тренером по теннису.

Джек подружился с Элом самым естественным и неслучайным образом: на всех факультетских и школьных вечеринках, которые оба посещали во множестве, они неизменно оказывались самыми пьяными. Шокли разошелся с женой, да и семейная жизнь Джека медленно катилась под горку, хотя он все еще любил Венди и не один раз искренне обещал измениться ради нее и малыша Дэнни.

Много раз после преподавательской вечеринки оба упорно гнули свое, перебираясь из бара в бар, пока те не закрывались, а потом останавливались у какой-нибудь семейной лавчонки купить ящик пива, чтоб выпить его, остановив машину в конце какой-нибудь объездной дороги. Случалось, Джек, спотыкаясь, вваливался в домик, который снимал, когда утренняя заря уже разливалась по небу, и обнаруживал: Венди с малышом спят на кушетке, Дэнни — всегда у спинки, сунув Венди под подбородок крошечный кулачок. Он смотрел на них, и отвращение к себе подкатывало к горлу горькой волной, перешибавшей даже вкус пива, сигарет и мартини — «марсиан», как называл их Эл. В такие минуты мысли Джека вполне разумно и трезво сворачивали на пистолет, веревку или бритву.

Если попойка приходилась на вечер выходного, он часа три спал, вставал, одевался, глотал четыре таблетки экседрина и, не протрезвев, отправлялся к девяти часам давать уроки американской поэзии. Здравствуйте, ребята, сегодня Красноглазое Чудо расскажет вам, как во время великого пожара Лонгфелло лишился жены.

«Я не верил, что я алкоголик»,— подумал Джек, слушая, как зазвонил телефон Эла Шокли. Пропущенные уроки или уроки, на которых от небритого Джека все еще разило ночными «марсианами». Только не я — я-то могу бросить в любой момент. Ночи, которые они с Венди провели в разных постелях. Слушай, я в порядке. Размозженное крыло машины. Конечно, я в состоянии вести. Слезы, которые Венди каждый раз проливала в ванной. Осторожные взгляды коллег на любой вечеринке, где подавали спиртное, даже если это было вино. Медленно забрезжившее осознание того, что о нем говорят. Понимание, что из его «Ундервуда» выходят только почти пустые листы, заканчивающие свое существование бумажными комками в корзине для мусора. Когда-то он был выгодным приобретением для Стовингтона — может статься, медленно расцветающий американский писатель, и уж точно — человек, достаточно квалифицированный для преподавания таинственного предмета — писательского мастерства. Он уже опубликовал две дюжины рассказов. Он работал над пьесой и полагал, что где-то в каком-то дальнем уголке сознания, возможно, вызреет роман. Но сейчас Джек ничего не создавал, а преподавательская деятельность стала странной и беспорядочной.

Закончилось все это однажды вечером — не прошло еще и месяца с тех пор, как Джек сломал сыну руку. Тут и конец семейной жизни, казалось ему. Венди оставалось лишь собраться с силами... он знал, не будь ее мать первостатейной стервой, автобус увез бы Венди обратно в Нью-Хэмпшир, как только Дэнни оказался бы в состоянии путешествовать. С браком было бы покончено.

Тогда, в первом часу ночи, Джек с Элом въезжали в Барр по дороге № 31. За рулем «ягуара» был Эл, который странным образом вписывался в повороты, иногда пересекая двойную желтую линию. Оба были пьяны вдрызг, этой ночью «марсиане» приземлились, полные сил. Последний изгиб дороги перед мостом они проехали на семидесяти, и там оказался детский велосипед; потом — резкий, мучительный, пронзительный визг раскромсанной резины на шинах «ягуара». Джек помнит, как увидел похожее на круглую белую луну лицо Эла, смутно маячившее над крутящимся рулем. На сорока милях в час они со звоном и треском врезались в велосипед, и тот погнутой, искореженной птицей взлетел в воздух, ударил рулем в ветровое стекло и тут же снова очутился в воздухе, а перед вытаращенными глазами Джека осталось испещренное звездочками трещин ветровое стекло. Чуть позже послышался последний страшный удар, это велосипед призе-

млился позади них на дорогу. Шины прошлись по чему-то, глухо стукнувшемуся о днище. «Ягуар» развернуло поперек дороги. Эл все еще рулил и откуда-то издалека до Джека донесся слабый собственный голос: «Господи, Эл. Мы его переехали. Я чувствую».

Телефон продолжал звонить прямо в ухо. ДАВАЙ, ЭЛ. ОСТАНОВИ. Я С ЭТИМ РАЗБЕРУСЬ.

Эл остановил дымящуюся машину в каких-нибудь трех футах от опоры моста. Две шины «ягуара» были спущены. Горелая резина оставила стотридцатифутовый петляющий, мечущийся из стороны в сторону, след. Переглянувшись, они бросились обратно, в холодную тьму.

От велосипеда не осталось ничего. Одно колесо отвалилось и, оглянувшись через плечо, Джек увидел, что оно лежит посреди дороги, ощетинившись полудюжиной похожих на струны рояля спиц. Запинаясь, Эл выговорил: «По-моему, на него мы и наехали, Джекки».

— Где же тогда ребенок?

— Ты *видел* ребенка?

Джек нахмурился. Все произошло безумно быстро. Они выскочили из-за угла. В свете фар «ягуара» смутно увидели велосипед. Эл что-то проорал. Они налетели на него и долго скользили юзом.

Они перенесли велосипед на обочину. Эл вернулся к «ягуару» и включил все четыре фары. Следующие два часа они обыскивали дорогу, пользуясь мощным четырехкамерным фонариком. Ничего. Несмотря на поздний час, мимо севшего на мель «ягуара» и двух мужчин с раскачивающимся фонарем проехало несколько машин. Ни одна не остановилась. Позже Джеку приходило в голову, что, по странной прихоти, провидение, стремясь дать им обоим последний шанс, не подпустило туда полицию и удержало всех проезжающих от того, чтобы их окликнуть.

В четверть третьего они вернулись к «ягуару», трезвые, но ослабевшие до тошноты. «Что ж этот велик делал посреди дороги, если на нем кто-то ехал?— требовательно спросил Эл.— Он же не на обочине лежал, а прямехонько посреди дороги, мать ее так!»

Джек сумел только помотать головой.

— Ваш абонент не отвечает,— сказала оператор.— Хотите, чтобы я продолжала вызывать?

— Еще парочку звонков, оператор. Можно?

— Да, сэр,— отозвался исполненный сознания своего долга голос.

ДАВАЙ, ЭЛ!

Эл пешком перебрался на другую сторону моста к ближайшей телефонной будке, позвонил приятелю-холостяку и сказал, что, если тот вытащит из гаража зимние шины для «ягуара» и привезет их на 31-е шоссе к мосту за Барром, то получит пятьдесят дол-

ларов. Приятель объявился через двадцать минут, одетый в джинсы и пижамную куртку. Он оглядел место происшествия.

— Прикончили кого-нибудь? — спросил он.

Эл уже поднимал домкратом заднюю часть машины, а Джек отвинчивал гайки.

— К счастью, нет, — сказал Эл.

— Ладно, по-моему, все равно лучше мне двигать обратно. Заплатишь завтра.

— Отлично, — сказал Эл, не поднимая глаз.

Вдвоем они без происшествий сменили шины и вместе поехали домой к Элу Шокли. Эл поставил «ягуар» в гараж и вырубил мотор.

В темноте и тишине он сказал:

— Я завязываю, Джекки. Хватит, приехали. Сегодня я убил своего последнего марсианина.

И теперь, потея в телефонной кабине, Джек вдруг подумал, что никогда не сомневался — Эл способен довести дело до конца.

Домой он тогда поехал на своем фольксвагене, включил радио и, словно чтобы охранить предрассветный дом, какая-то группа снова и снова принялась повторять нараспев: БУДЬ, ЧТО БУДЕТ, ТАК И СДЕЛАЙ... ТЕБЕ ЖЕ ОХОТА... БУДЬ, ЧТО БУДЕТ, ТАК И СДЕЛАЙ. ТЕБЕ ЖЕ ОХОТА... Неважно, громко ли прозвучал пронзительный визг шин и удар. Стоило зажмуриться — и Джек видел то единственное смятое колесо, поломанные спицы торчали в небо.

Когда он вошел в дом, Венди спала на диване. Он заглянул в комнату к Дэнни, Дэнни лежал на спине в своей кроватке, погруженный в глубокий сон, рука все еще покоилась в гипсе. В просачивающемся с улицы мягком свете фонарей Джеку были видны темные строчки на известковой белизне — там, где на гипсе расписались врачи и сестры педиатрии.

ЭТО НЕСЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ. ОН УПАЛ С ЛЕСТНИЦЫ.

(ах ты грязный лжец)

ЭТО НЕСЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ. Я ВЫШЕЛ ИЗ СЕБЯ.

(ты, пьяница, мать твою, кому ты нужен, видно когда-то Господь высморкал из носа соплю — так это был ты)

ПОСЛУШАЙТЕ, ЭЙ, НУ ЛАДНО, ПОЖАЛУЙСТА, ПРОСТО НЕСЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ.

Но перед глазами встал прыгающий в руках фонарь — и последняя мольба улетела прочь. Они тогда рыскали в высохших к концу ноября сорняках, искали распростертое тело, которое, по всем канонам, должно было там оказаться, и ждали полицию. Неважно, что за рулем был Эл. Бывали и другие вечера, когда машину вел Джек.

Он натянул на Дэнни одеяло, прошел в спальню и с верхней полки шкафа снял «Спэниш Льяму» тридцать восьмого калибра. Пистолет хранился в коробке из-под ботинок. Он битый час проси-

дел на кровати, не выпуская револьвера из рук, зачарованный смертоносным блеском.

Уже светало, когда Джек сунул его обратно в коробку, а коробку — обратно в шкаф.

В то утро он позвонил начальнику отдела Брюкнеру и попросил перенести его уроки. У него грипп. Брюкнер согласился — куда менее вежливо, чем это принято обычно. В последний год Джек Торранс был в высшей степени подвержен гриппу.

Венди сделала ему яичницу и кофе. Они ели в молчании. Оно нарушалось лишь шумом на заднем дворе, где Дэнни здоровой рукой радостно гонял грузовики через кучу песка.

Венди взялась мыть посуду. Не оборачиваясь, она сказала:

— Джек. Я тут думала...

— Правда? — Дрожащими руками он зажег сигарету. Странно, но в это утро никакого похмелья не было. Только дрожь. Он моргнул. В наступившей на краткий миг тьме на ветровое стекло налетел велосипед, стекло покрылось трещинками. Шины взвизгнули. Запрыгал фонарь.

— Я хотела поговорить с тобой о том... о том, как нам с Дэнни будет лучше. Может быть, и тебе тоже. Не знаю. Наверное, надо было поговорить об этом раньше.

— Сделаешь для меня кое-что? — спросил он, глядя на дрожащий кончик сигареты. — Одно одолжение?

— Какое? — голос Венди был безрадостным, бесцветным. Он посмотрел ей в спину.

— Давай поговорим об этом ровно через неделю. Если у тебя еще будет желание.

Теперь она повернулась к нему, руки были в кружеве мыльной пены, хорошенькое личико — бледным и лишенным иллюзий.

— Джек, твои обещания ничего не стоят. Ты просто-напросто продолжаешь свое...

Она замолчала, завороженно глядя ему в глаза, внезапно потеряв уверенность.

— Через неделю, — сказал он. Его голос лишился своей силы и упал до шепота. — Пожалуйста. Я ничего не обещаю. Если у тебя тогда еще будет желание поговорить, мы поговорим. Обо всем, о чем захочешь.

Они долго смотрели друг другу в глаза через залитую солнцем кухню. Когда она, не сказав больше ни слова, вернулась к посуде, Джека затрясло. Господи, как ему надо было выпить. Один только маленький глоточек, просто, чтобы все стало на свои места...

— Дэнни сказал, ему приснилось, что ты попал в аварию, — отрывисто сообщила она. — Иногда ему снятся забавные сны. Это он сказал сегодня утром, когда я его одевала. А, Джек? Ты попал в аварию?

— Нет.

К полудню страстное желание выпить перешло в легкую лихорадку. Он поехал к Элу домой.

— Сухой? — спросил Эл прежде, чем впустить его. Выглядел Эл ужасно.

— Суше некуда. Ты похож на Лона Чейни в «Призраке оперы».

— Ну, давай, заходи.

Весь день они на пару играли в вист. И не пили.

Прошла неделя. Разговаривали они с Венди не слишком-то много. Но Джек знал, что она недоверчиво наблюдает за ним. Он глотал кофе без сахара и нескончаемое количество кока-колы. Однажды вечером он выпил целую упаковку — шесть банок — а потом помчался в ванную и все выблевал. Уровень спиртного в стоявших в домашнем баре бутылках не снижался. После уроков он отправлялся домой к Элу Шокли — такой ненависти, как к Элу Шокли, Венди в жизни ни к кому не испытывала! — а когда возвращался домой, она готова была поклясться, что от Джека пахнет шотландским или джином, но он разговаривал с ней до ужина внятно, пил кофе, после ужина играл с Дэнни, делясь с ним кока-колой, читал ему сказки на ночь, потом садился проверять сочинения, поглощая при этом черный кофе чашка за чашкой, и Венди пришлось признаться самой себе, что она была не права.

Недели шли. Невысказанные слова перестали вертеться на кончиках языков. Джек чувствовал, как они отступают, но знал, что насовсем они не отступят никогда. Дела пошли получше. Потом Джордж Хэтфилд. Джек снова вышел из себя, но на сей раз был трезвым, как стеклышко.

— Сэр, ваш абонент по-прежнему не...

— Алло? — запыхавшийся голос Эла.

— Прошу, — строго сказала оператор.

— Эл, это Джек Торранс.

— Джекки! — Неподдельная радость. — Как дела?

— Неплохо. Я звоню просто сказать спасибо. Меня взяли на эту работу, лучше и быть не может. Если, запертый снегом на всю зиму, я не сумею закончить пьесу, значит, мне ее не закончить никогда.

— Закончишь.

— Как ты?

— Сухой, — ответил Эл. — Ты?

— Как осенний лист.

— Сильно тянет?

— Каждый божий день.

Эл рассмеялся.

— Это нам знакомо. Не понимаю, как ты не взялся за старое после этого Хэтфилда, Джек. Это было выше моего понимания.

— Что поделаешь, сам себе подгадил.

— А, черт. К весне я соберу Совет. Эффинджер уже говорит, что, может, они слишком поторопились. А если из пьесы что-нибудь получится...

— Да. Слушай-ка, Эл, у меня там в машине мальчуган. Похоже, он забеспокоился.

— Конечно. Понял. Хорошей зимы, Джек. Рад был помочь.

— Еще раз спасибо, Эл.— Он повесил трубку, закрыл глаза, стоя в душной кабине, и опять увидел, как машина сминает велосипед, как подпрыгивает и ныряет фонарик. В газете на следующий день появилась заметочка — пустяковая, просто заполнившая пустое место,— но владельца велосипеда не назвали. Почему он валялся там ночью, навсегда останется для них тайной и, возможно, так и должно быть.

Он вернулся к машине и сунул Дэнни слегка подтаявшую «Бэби Рут».

— Пап.

— Что, док?

Дэнни помедлил, глядя в отсутствующее лицо отца.

— Когда я ждал, как ты вернешься из отеля, мне приснился плохой сон. Помнишь? Когда я заснул?

— Угу.

Но толку не было. Папа думал о чем-то другом, не о Дэнни. Он снова думал про Плохой Поступок.

(мне приснилось, что ты сделал мне больно, папа)

— Что же тебе приснилось, док?

— Ничего,— сказал Дэнни, когда они выезжали со стоянки. Он сунул карты обратно в бардачок.

— Точно?

— Ага.

Джек слегка обеспокоенно взглянул на сына и вернулся мыслями к пьесе.

6. НОЧНЫЕ МЫСЛИ

Кончив заниматься любовью, ее мужчина уснул рядом с ней. ЕЕ МУЖЧИНА.

Она чуть улыбнулась в темноте. Его семя теплой медленной струйкой еще стекало меж ее слегка разведенных бедер. Улыбка вышла и полной жалости, и довольной одновременно, потому, что понятие *«ее мужчина»* включало в себя сотню различных чувств. Каждое из них, рассмотренное отдельно, вызывало недоумение. Вместе, в плывущей ко сну темноте, они напоминали далекий блюз, звучащий почти в пустынном ночном клубе — грустный, но приятный.

«Я люблю тебя, милый, ты знаешь,
да что толку, не легче ничуть:
взять в любовницы — ты не желаешь,
в собачонки сама не хочу».

Чье это, Билли Холлидея? Или автор — кто-то более прозаический, вроде Пегги Ли? Какая разница. Грустная сентиментальная мелодия мягко проигрывалась в голове у Венди, как будто за полчаса до закрытия играл старый музыкальный автомат — например, «Вурлитцер».

Сейчас, отключаясь от окружающего, она задумалась, в скольких же постелях ей приходилось спать с мужчиной, что лежит рядом. Они познакомились в колледже и сперва занимались любовью у него на квартире. Тогда не прошло еще и трех месяцев с тех пор, как мать, выкинув ее из дома, велела никогда там не показываться и добавила, что, если Венди собирается куда-то уехать, может ехать к своему папочке, потому что это из-за нее они развелись. Было это в семидесятом году. Уже так давно? Спустя семестр они с Джеком съехались, нашли работу на лето и, когда начался выпускной курс, сняли квартиру. Яснее всего она помнила большую двуспальную, продавленную кровать. Когда они занимались любовью, ржавая металлическая сетка отсчитывала разы. Той осенью ей, наконец, удалось вырваться от матери. Джек помог ей. «Она по-прежнему хочет доставать тебя,— сказал Джек.— Чем чаще ты будешь ей звонить, чем чаще будешь приползать обратно, выпрашивая прощение, тем больше у нее возможности шпынять тебя отцом. Ей это во благо, Венди, потому что так можно и дальше верить, что всему виной ты. Но тебе это не на пользу». В тот год они говорили об этом в постели без конца.

(Джек сидит на кровати, натянув до пояса простыню, в пальцах тлеет сигарета, он глядит ей прямо в глаза, полунасмешливо, полусердито, и говорит: ОНА ВЕЛЕЛА ТЕБЕ НИКОГДА ТАМ НЕ ПОКАЗЫВАТЬСЯ, ВЕРНО? НОСА ТУДА НЕ СО-ВАТЬ, ТАК? ТОГДА ЧТО Ж ОНА НЕ ВЕШАЕТ ТРУБКУ, ЕСЛИ ЗНАЕТ, ЧТО ЗВОНИШЬ ТЫ? ПОЧЕМУ ТОЛЬКО ТВЕРДИТ, ЧТО СО МНОЙ НЕ ПУСТИТ ТЕБЯ В ДОМ? ПОТОМУ, ЧТО СЧИТАЕТ, ЧТО Я МОГУ ПОДПОРТИТЬ ЕЙ ВСЮ МУЗЫКУ. ОНА ХОЧЕТ ПО-ПРЕЖНЕМУ КАПАТЬ ТЕБЕ НА МОЗГИ, ДЕТКА. ИДИОТСТВО — ПОЗВОЛЯТЬ ЕЙ ЭТО. ОНА ВЕЛЕЛА ТЕБЕ БОЛЬШЕ НИКОГДА ТУДА НЕ ВОЗВРАЩАТЬСЯ, ТАК ОТЧЕГО БЫ НЕ ПОЙМАТЬ ЕЕ НА СЛОВЕ? ЗАБУДЬ ОБ ЭТОМ. В конце концов, Венди и сама стала смотреть на ситуацию так же).

Джеку принадлежала идея на некоторое время расстаться — «чтобы понять, какова перспектива наших отношений»,— сказал он. Венди боялась, что он заинтересовался кем-то еще. Позже выяснилось, что это не так. Весной они опять были вместе, и Джек спросил, не хочет ли она повидаться с отцом. Она дернулась, как от удара хлыста.

КАК ТЫ УЗНАЛ?

ТЕНЬ ЗНАЕТ ВСЕ.

ТЫ ЧТО, ШПИОНИЛ ЗА МНОЙ?

И его нетерпеливый смешок, от которого Венди всегда делалось неловко, как будто ей восемь лет и причины ее поступков Джеку понятны лучше, чем ей самой.

ТЕБЕ НУЖНО БЫЛО ВРЕМЯ, ВЕНДИ.

ДЛЯ ЧЕГО?

ПО-МОЕМУ... ЧТОБЫ ПОНЯТЬ, ЗА КОГО ИЗ ДВОИХ ТЫ ХОЧЕШЬ ВЫЙТИ.

ДЖЕК, ЧТО ТЫ БОЛТАЕШЬ?

ПОХОЖЕ, ДЕЛАЮ ТЕБЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ.

Свадьба. Отец там был, а мать — нет. Она обнаружила, что с Джеком может пережить и это. Потом появился Дэнни, ее милый сынок.

Тот год был самым лучшим, и в постели тоже так хорошо никогда не бывало. После рождения Дэнни Джек нашел ей работу — печатать на машинке для полудюжины сотрудников отдела английского языка: проверочные вопросы, экзаменационные билеты, расписание уроков, рабочие заметки, списки. Наконец, одному из них она перепечатала роман — роман, который к крайне непочтительной и очень личной радости Джека, так и не опубликовали. За работу платили сорок долларов в неделю, а потом, за те два месяца, что она перепечатывала неудавшийся роман, плата взлетела до шестидесяти. Они купили свою первую машину, пятилетний «бьюик» с детским сиденьем в середине. Расторопные, смышленые, легкие на подъем молодые супруги. Из-за Дэнни между Венди и матерью наступило вынужденное перемирие — напряженное, не слишком-то веселое, но все-таки перемирие. Когда она возила Дэнни к матери, то Джека с собой не брала. И не рассказывала ему, что мать, хмурясь, каждый раз перепеленывала Дэнни наново и всегда умела найти у него на попке или в промежности первое свидетельство обвинения — пятнышко сыпи. Мать никогда ничего не говорила прямо и все-таки до Венди дошло: примирение уже стоит ей ощущения, что она, Венди, плохая мать и, может быть, эту цену ей придется выплачивать всю жизнь. Мать всегда находила, чем ее достать.

Днем Венди сидела дома, хозяйничала, кормила Дэнни из бутылочки в омытой солнцем кухне четырехкомнатной квартиры на третьем этаже, слушая пластинки на портативном, работающем от батареек, стереопроигрывателе, который купила еще будучи студенткой. Джек приходил домой в три (или в два, если считал, что последний урок можно сократить), и, пока Дэнни спал, уводил ее в спальню, страхи насчет того, что она плохая мать, стирались.

По вечерам, пока Венди печатала, Джек писал и занимался своими заданиями. В те дни, бывало, появившись из спальни, где стояла машинка, она заставала обоих спящими на диване в каби-

нете — Дэнни, засунув большой палец в рот, уютно возлежал на груди раздетого до трусов Джека. Она переносила Дэнни в кроватку, прочитывала, что Джек написал за вечер, и только потом будила его, чтобы он перешел в спальню.

Лучший год, лучшая постель.

БУДЕТ И НА НАШЕЙ УЛИЦЕ ПРАЗДНИК...

В те дни Джек еще справлялся со своей тягой к спиртному. В субботу вечером забегала компания друзей-студентов, появлялся ящик пива, начинались споры, в которых Венди почти не участвовала — ведь сама она занималась социологией, а Джек — английским. Спорили насчет того, литературным или историческим произведением считать дневники Пеписа, обсуждали поэзию Чарльза Олсона, иногда читали куски еще незаконченных работ. Спорили на сотни тем. Нет, на тысячи. Необходимости участвовать она не ощущала — достаточно было примоститься в креслекачалке рядом с Джеком, который сидел на полу по-турецки, держа в одной руке пиво, а другой нежно обхватив ее икру или лодыжку.

В Нью-Хэмпширском Университете шло свирепое соревнование, а Джек нес дополнительное бремя — он писал. Каждый вечер он тратил на это не меньше часа. Это было его рутиной. А субботние посиделки — необходимым лечением. Там Джек выпускал из себя нечто, которое иначе могло бы разбухать до тех пор, пока он не взорвался бы.

Заканчивая диплом, он откопал работу в Стовингтоне, главным образом, благодаря своим рассказам — к тому времени было опубликовано уже четыре, один — в «Эсквайре». Венди достаточно ясно помнила тот день — на то, чтобы забыть, трех лет мало. Конверт она чуть не выбросила, решив, что это очередное предложение подписки. Вместо того, вскрыв конверт, она обнаружила внутри письмо, извещающее, что «Эсквайр» в начале следующего года хотел бы использовать рассказ Джека «Что касается черных дыр». Они заплатят девятьсот долларов — не за публикацию, а за согласие. Почти половину того, что она зарабатывала за год, перепечатывая разные бумажки, и Венди полетела к телефону, оставив Дэнни сидеть в высоком стульчике, комично тараща ей вслед глаза с перемазанной пюре из говядины с горохом рожицы.

Через сорок пять минут из университета прибыл Джек, «бьюик» оседал под тяжестью семи приятелей и бочонка пива. После церемониального тоста (Венди тоже пропустила стаканчик, хотя обычно равнодушна к пиву) Джек подписал соглашение, положил в конверт с обратным адресом и отправился бросить его в ящик в конце квартала. Когда он вернулся, то, остановившись в дверях, с серьезным видом сказал: «Вени, види, вици». Раздались приветственные крики и аплодисменты. Когда к одиннадцати вечера бочонок опустел, Джек и те двое, что все еще были транспортабельны, отправились по барам.

Внизу, в холле, Венди отошла с ним в сторонку. Те двое уже вышли и сидели в машине, пьяными голосами распевая нью-хэмширский боевой гимн. Джек, стоя на одном колене, угрюмо возился со шнурками мокасин.

— Джек,— сказала она.— Не надо. Ты даже шнурки завязать не можешь, что уж говорить про машину.

Он поднялся и спокойно положил ей руки на плечи.

— Сегодня вечером я луну с неба могу достать, если захочу!

— Нет,— сказала она.— Нет, ни за какие рассказы в «Эсквайре» на свете!

— Вернусь не поздно.

Но вернулся он только в четыре утра; спотыкаясь и бормоча поднялся по лестнице и, ввалившись в комнату, разбудил Дэнни. Попытавшись успокоить малыша, он уронил его на пол. Венди вылетела, как сумасшедшая, первым делом подумав о том, что скажет ее мамочка, если увидит синяк, а уж потом про все остальное,— Господи, помоги, Господи, помоги нам обоим,— и, подхватив Дэнни, уселась с ним в качалку, убаюкала. Почти все пять часов, что Джека не было, она думала в основном о своей матери и ее пророчестве, что из Джека никогда ничего не выйдет. НАПОЛЕОНОВСКИЕ ПЛАНЫ, сказала мать. А ТО КАК ЖЕ. В БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫХ КОМИТЕТАХ ПОЛНО КРЕТИНОВ С НАПОЛЕОНОВСКИМИ ПЛАНАМИ. Доказывал ли рассказ в «Эсквайре» правоту матери, или напротив? УИННИФРЕД, ТЫ НЕПРАВИЛЬНО ДЕРЖИШЬ РЕБЕНКА. ДАЙ ЕГО МНЕ. А мужа она держит правильно? Иначе зачем ему уходить со своей радостью из дома? В Венди поднялся беспомощный ужас, и ей даже не пришло в голову, что Джек ушел по причинам, не имеющим к ней никакого отношения.

— Поздравляю,— сказала она, укачивая Дэнни. Тот снова почти уснул.— Может быть, ты устроил ему сотрясение мозга.

— Просто шишку.— В угрюмом тоне сквозило желание казаться раскаявшимся: маленький мальчик. На мгновение Венди почувствовала ненависть.

— Может быть,— непроницаемо сказала она.— А может быть, и нет.— Она столько раз слышала, как точно таким тоном мать разговаривала с ее сбежавшим отцом, что ей стало не по себе, и она испугалась.

— Яблочко от яблони,— пробормотал Джек.

— Иди спать!— крикнула она, страх вырвался наружу, превратившись в гнев.— Иди спать, ты пьян!

— Ты мне не указывай, что делать.

— Джек... пожалуйста, нам не стоит... это...— Слов не было.

— Не указывай мне, что мне делать,— зловеще повторил он и ушел в спальню. Венди осталась в качалке одна, Дэнни снова спал. Через пять минут в гостиную поплыл храп Джека. Это была первая ночь, которую она провела на диване.

Теперь она, засыпая, беспокойно ворочалась в постели. Освобожденные вторгшимся в них сном от какого бы то ни было стройного течения, мысли поплыли, минуя первый год из жизни в Стовингтоне и все хуже идущие дела, дела, пришедшие в полный упадок, когда муж сломал Дэнни руку, к тому утру, когда они завтракали в уединении.

Дэнни во дворе играл с грузовиками на куче песка, рука все еще была в гипсе. Джек сидел за столом бледный, посеревший, в пальцах дрожала сигарета. Венди решилась попросить развода. Вопрос она уже рассмотрела под сотней различных углов — честно говоря, рассуждать на эту тему она начала за полгода до сломанной руки. Она внушила себе, что, если бы не Дэнни, приняла бы решение давным-давно — но и это не обязательно было правдой. Долгими ночами, когда Джека не было дома, она грезила, и всегда ей виделось лицо матери, а еще собственная свадьба.

(*Кто вручает эту женщину?* Отец стоял в лучшем костюме — не бог весть в каком, конечно, он работал коммивояжером, развозящим партии консервированных товаров, и уже тогда начинал разоряться,— усталое лицо казалось таким старым, таким бледным: *Я вручаю*).

Даже после несчастного случая — если это можно было назвать несчастным случаем — Венди была не в состоянии посмотреть правде в глаза, признать, что замужество оказалось с изъяном. Она ждала, молча надеясь, что случится чудо, и Джек осознает происходящее не только с ним, но и с ней. Но он и не думал притормозить. Рюмочка перед уходом в академию, два или три стакана пива за ленчем в «Стовингтон-хаус». Три или четыре бокала мартини за обедом. Пять или шесть, когда Джек проверял работы и выставлял оценки. В выходные дни бывало хуже. В те вечера, что он проводил вне дома с Элом Шокли — еще хуже. Она и представить себе не могла, что физически здоровому человеку жизнь может причинять такую боль. Боль она ощущала постоянно. Насколько в этом была виновата она сама? Этот вопрос преследовал Венди. Она чувствовала себя своей матерью. Отцом. Иногда, когда Венди чувствовала себя самой собой, она недоумевала, что с ними станет. Она не сомневалась, что мать возьмет ее в дом, а через год, в течение которого Венди будет наблюдать, как Дэнни заново перепеленывают, готовят ему новую еду или заново кормят, в течение которого она будет приходить домой и обнаруживать, что у него другая одежка или подстрижены волосы, а книжки, которые мать сочла неподходящими, отправились на забитый хламом чердак... через полгода такой жизни у нее будет полный нервный срыв. А мать успокаивающе похлопает ее по ру-

ке и скажет: ХОТЬ ТЫ И НЕ ВИНОВАТА, ВИНИТЬ БОЛЬШЕ НЕКОГО. КОГДА ТЫ ВСТАЛА МЕЖДУ ОТЦОМ И МНОЙ, ТЫ ПОКАЗАЛА СВОЮ НАТУРУ. ТЫ ВСЕГДА БЫЛА УПРЯМОЙ.

МОЙ ОТЕЦ, ОТЕЦ ДЭННИ. МОЙ, ЕГО.

(КТО ВРУЧАЕТ ЭТУ ЖЕНЩИНУ? Я ВРУЧАЮ. Он умер от сердечного приступа полгода спустя).

Той ночью она почти до самого прихода Джека, до утра, пролежала без сна, думая, принимая решение.

Развод необходим, сказала она себе. Мать и отец тут ни при чем. Так же, как чувство вины Венди относительно их брака и ощущение собственной неадекватности. Если она собиралась хоть что-то спасти от своего раннего повзросления, то ради Дэнни, ради нее самой развод был необходим. Надпись на стене была жестокой, но ясной. Ее муж — пьяница. Теперь, когда он так сильно пьет и ему так плохо пишется, он не в состоянии контролировать свой скверный характер. Случайно или не случайно, но он сломал Дэнни руку. Он вот-вот потеряет работу, если не в этом году, так в следующем. Венди уже заметила обращенные к ней сочувствующие взгляды жен других преподавателей. Она сказала себе, что, пока могла, держалась за это черт знает что — свою семейную жизнь. Теперь с ней придется покончить. У Джека останется полное право заходить в гости, а его поддержка нужна будет Венди только пока она что-нибудь не подыщет и сама не встанет на ноги. А это придется сделать очень быстро, поскольку кто знает, как долго Джек будет в состоянии выплачивать алименты. Она постарается сделать развод как можно менее мучительным. Но покончить с этим следует.

Размышляя подобным образом, Венди провалилась в неглубокий, не дающий отдыха сон, преследуемая лицами матери и отца. «ДА ТЫ ПРОСТО РАЗВАЛИВАЕШЬ ДОМ, ВОТ И ВСЕ,— сказала мать. КТО ВРУЧАЕТ ЭТУ ЖЕНЩИНУ? — сказал священник. Я ВРУЧАЮ,— сказал отец». Но ярким солнечным утром она чувствовала то же самое. Она стояла спиной к Джеку, по самые запястья погрузив руки в теплую раковину с посудой, и начала с неприятного.

— Хочу поговорить с тобою о том, что может оказаться лучше для нас с Дэнни. Может, и для тебя тоже. Наверное, нам надо было поговорить об этом раньше.

И тут он сказал странную вещь. Она ожидала гнева, ожидала, что возбудит в нем ожесточение, услышит обвинения. Она ждала сумасшедшего рывка к бару. Только не этого мягкого, почти лишенного выражения ответа — это было так на него не похоже. Словно Джек, с которым она прожила шесть лет, прошлой ночью не вернулся, а его место занял какой-то нездешний двойник, которого она знать не знала и которому вряд ли смогла бы когда-нибудь доверять полностью.

— Сделаешь для меня кое-что? Одно одолжение?

— Какое? — Пришлось строго следить, чтобы голос не дрожал.

— Давай поговорим об этом через неделю. Если у тебя еще будет желание.

И она согласилась. Они тогда так и не высказались. Всю ту неделю он чаще обычного виделся с Элом Шокли, но возвращался домой рано, и спиртным от него не пахло. Венди внушала себе, что чувствует запах перегара, но знала, что это не так. Прошла еще неделя. И еще.

Вопрос о разводе без голосования вернулся на пересмотр.

Что произошло? Она не переставала удивляться и по-прежнему не имела об этом ни малейшего представления. Тема была для них табу. Джек напоминал человека, который заглянул за угол и неожиданно увидел поджидающего его монстра, припавшего к земле среди высохших костей прежних жертв, готовящегося прыгнуть. В баре по-прежнему имелось спиртное, но он к нему не притрагивался. Венди тысячу раз решала выкинуть бутылки, но в конце концов всегда отказывалась от этой мысли, словно поступок нарушил бы какие-то непонятные чары.

Да еще приходилось считаться с Дэнни.

Если она чувствовала, что мужа совершенно не знает, то перед сыном испытывала благоговейный страх — благоговейный страх в буквальном смысле, какой-то неопределенный суеверный ужас.

В легкой дреме Венди представился миг его появления на свет. Она снова лежала на родильном столе, обливаясь потом, волосы слиплись прядями, ноги при потугах выворачивались наружу

(небольшой кайф от наркоза, который ей давали маленькими порциями. Один раз она пробормотала, что кажется себе как бы приглашением к групповому изнасилованию, а акушерка — стреляный воробей, принявшая столько родов, что этими детьми можно заселить университет,— решила, что это страшно смешно)

врач стоял между ногами, акушерка — сбоку, она готовила инструменты и напевала себе под нос. Через все уменьшающиеся интервалы повторялась острая боль, как будто в Венди втыкали осколки стекла, несколько раз, как ни стыдно ей было, она вскрикнула.

Потом доктор довольно сурово сообщил ей, что она должна ТУЖИТЬСЯ, и она натужилась, а потом ощутила, как из нее что-то вытаскивают. Ощущение было отчетливым, определенным, ей никогда не забыть его — что-то *вытащили.* А потом врач поднял ее сына за ножки (увидев крошечный член, Венди сразу поняла: мальчик), но, когда доктор взялся за наркозную маску, она заметила кое-что еще — такое страшное, что нашла силы закричать, хотя думала, что выкричалась до конца.

У него нет лица!

Но лицо, конечно же, было, милое личико ее Дэнни, а окутавшая его при рождении оболочка плода теперь покоилась в мале-

ньком сосуде — Венди хранила её, чуть ли не стыдясь этого. Она не верила старым приметам, но все равно сохранила «сорочку». Бабью болтовню Венди не одобряла, но мальчик с самого начала был необыкновенным. Она не верила в шестое чувство, но...

Папа попал в аварию? Мне приснилось, что папа попал в аварию.

Что-то изменило Джека. Венди не верила, что дело только в ее готовности разводиться. Тогда, под утро, пока она беспокойно спала, что-то произошло. Эл Шокли сказал, что не случилось ничего, совсем ничего, но отвел глаза, а если верить школьным сплетням, Эл тоже бросил пить.

ПАПА ПОПАЛ В АВАРИЮ.

Случайное столкновение с судьбой, может быть, конечно, ничего более определенного. Газеты, которые вышли на утро и на следующий день, она прочла внимательнее обычного, но не нашла ничего, что можно было бы связать с Джеком. Господи помилуй, она выискивала аварию с наездом, скандал в баре, который закончился серьезными повреждениями или... кто знает? И кому это надо знать? Но полиция так и не объявилась — ни чтобы задать вопросы, ни с ордером на взятие соскобов краски с бампера фольксвагена. Ничего. Вот только муж полностью изменился, да сын, проснувшись, сонным голосом спросил:

ПАПА ПОПАЛ В АВАРИЮ? МНЕ ПРИСНИЛОСЬ...

Она не признавалась себе в часы бодрствования, насколько Дэнни повлиял на то, что она осталась с Джеком, но сейчас, в легкой дреме, можно было признать: с самого начала Дэнни был мальчиком Джека. Так же, как тоже почти с самого начала она была папиной девочкой. Она не могла припомнить ни одного случая, чтобы Дэнни выплюнул молоко из бутылочки Джеку на рубашку. Джек мог накормить его после того, как она с отвращением сдавалась — даже когда у Дэнни резались зубки, и ему явно было больно жевать. Когда у Дэнни болел живот, ей приходилось целый час укачивать его, чтоб он начал успокаиваться, а Джек просто брал Дэнни на руки, пару раз проходил с ним по комнате, и тот засыпал у отца на плече, надежно засунув в рот большой палец.

Ему не было неприятно менять пеленки — даже в тех случаях, которые он называл «спецдоставкой». Он просиживал вместе с Дэнни часы напролет, подбрасывая его на коленях, играя пальчиками, строя ему рожи, а Дэнни дергал его за нос и, хихикая, валился. Джек выводил закономерности и безошибочно пользовался ими, принимая на себя любые последствия. Даже когда их сын был еще грудным, он брал Дэнни с собой в машину, отправляясь за газетой, бутылкой молока или гвоздями в скобяную лавку. Когда Дэнни было всего полгода, Джек взял его на футбольный матч Стовингтон — Кин, и тот всю игру неподвижно просидел у отца на коленях, завернутый в одеяльце, зажав в пухлом кулачке маленький стовингтонский флажок.

Он любил мать, но он был папин мальчик.

Да разве она сама не чувствовала раз за разом, как сын без слов противится самой мысли о разводе? Она думала об этом в кухне, поворачивая мысль в голове так же, как поворачивала картошку для ужина, подставляя под лезвие овощечистки. А, обернувшись, видела, что сидящий по-турецки на кухонном стуле Дэнни смотрит на нее одновременно испуганными и обвиняющими глазами. Когда они гуляли в парке, он вдруг хватал ее за обе руки и говорил — почти требовал — «Ты меня любишь? Ты папу любишь?» И, смутившись, Венди кивала или говорила: «Конечно, милый». Он несся к утиному пруду так, что перепуганные утки, в панике перед маленьким зарядом его свирепости, хлопая крыльями, с кряканьем перелетали на другой берег. Венди, недоумевая, пристально глядела ему вслед.

Бывали даже времена, когда казалось, что решимость Венди хотя бы обсудить с Джеком положение дел рассеялась не из-за ее слабости, а по воле сына.

Я НЕ ВЕРЮ В ТАКИЕ ВЕЩИ.

Но во сне она верила в них. Во сне, пока семя ее мужа высыхало на бедрах, Венди чувствовала, что все они сплачиваются всё крепче, и, если это их триединство будет разрушено, то не изнутри, а извне.

Верила она по большей части в то, что концентрировалось вокруг ее любви к Джеку. Она никогда не переставала любить его, может быть, за исключением того мрачного периода, который последовал сразу за «несчастным случаем» с Дэнни. И сына она любила. Сильней всего она любила обоих вместе — гуляли они, ехали или просто застывали, усевшись играть в «старую деву» *, настороженно склонив головы — большую Джека и маленькую Дэнни — к веерам карт, делясь кока-колой, разглядывая комиксы. Венди очень нравилось, что они у нее есть, и она надеялась, что Господь милостив и та работа смотрителя отеля, которую Джеку устроил Эл Шокли, станет началом возвращения лучших времен.

ВОТ ПОДНИМЕТСЯ ВЕТЕР, МАЛЫШКА,
УНЕСЕТ ВСЕ ПЕЧАЛИ ОН ПРОЧЬ...

Вернулась мелодия — тихая, сладкая, приятная, задержалась, провожая Венди в глубокий сон, где прекращали существование все мысли, а являющиеся в ночных видениях лица исчезали, не запомнившись.

7. В ДРУГОЙ СПАЛЬНЕ

Дэнни проснулся. В ушах еще стоял громкий стук, а пьяный, свирепый, раздраженный голос выкрикивал: ВЫЙДИ-КА СЮДА, ПОЛУЧИ, ЧТО ЗА-СЛУЖИЛ! Я ДО ТЕБЯ ДОБЕРУСЬ! Я ДО ТЕБЯ ДО-БЕРУСЬ!

* «Старая дева» — карточная игра, в которой проигрывает тот, у кого к концу игры на руках остается непарная дама. (прим. перев.)

Но теперь оказалось, что стучит его бешено колотящееся сердце, а единственным голосом в ночи был далекий вой полицейской сирены.

Он неподвижно лежал в постели, глядя в потолок спальни, где шевелились под ветром тени листьев. Извиваясь, они сдваивались, создавая силуэты, похожие на дикий виноград и лианы, на джунгли; силуэты, напоминающие узоры, которыми было заткано полотно толстого ковра. На Дэнни была пижама «Доктор Дэнтон», но между пижамной курточкой и кожей наросла более тесно прилегающая фуфайка пота.

— Тони? — прошептал он. — Ты тут?

Ответа не было.

Он выскользнул из кровати, тихонько прошлепал через комнату к окну и выглянул на Арапаго-стрит, сейчас оцепеневшую и тихую. Было два часа ночи. Снаружи ничего не оказалось — лишь пустынные тротуары, на которых холмиками лежали опавшие листья, припаркованные машины да длинношеий фонарь на углу, напротив бензоколонки Клиффа Брайса. Из-за колпачка на верхушке и неподвижного остова фонарь был похож на чудовище из фантастического шоу.

Он оглядел всю улицу, напрягая глаза, чтобы заметить неясный, манящий к себе силуэт Тони, но там никого не было.

В кронах деревьев вздыхал ветер, а по пустынным тротуарам и вокруг колес оставленных на ночь автомобилей шелестели опавшие листья. Звук был очень тихим, исполненным скорби, и мальчик подумал, что, может статься, он — единственный в Боулдере настолько вырвался из сна, чтобы слышать его. По крайней мере, единственный человек. Невозможно было узнать, что еще может оказаться там, в ночи; что может красться по тени, подгоняемое голодом, приглядываясь и нюхая ветер.

Я ДО ТЕБЯ ДОБЕРУСЬ! Я ДО ТЕБЯ ДОБЕРУСЬ!

— Тони? — снова прошептал он, но без особой надежды.

Ответом был только ветер, на сей раз он налетел куда резче, осыпав покатую крышу под окном Дэнни листьями. Несколько листочков, соскользнувших в водосточный желоб, замерли там, как усталые танцоры.

— *Дэнни... Дэнни...*

При звуке знакомого голоса он вздрогнул и, вытягивая шею, высунулся из окна, цепляясь маленькими руками за подоконник. Голос Тони прозвучал в ночи, и она тихо, тайно ожила, шорохи не прекратились даже, когда ветер снова улегся, листья неподвижно замерли, а тени прекратили шевелиться. Он подумал, что возле автобусной остановки в нескольких домах от своего заметил кусочек тени потемнее, но было трудно сказать, правда это или обман зрения.

— *Не езди, Дэнни...*

Потом снова налетел порыв ветра, заставив его прищуриться, и тень исчезла с автобусной остановки — если она вообще была там. Он постоял у окна еще (минуту? час?) некоторое время, но больше ничего не дождался. Наконец, Дэнни снова забрался в постель, натянул одеяло до подбородка и стал смотреть, как отбрасываемые недобрым светом уличного фонаря тени превращаются в извивающиеся джунгли, полные плотоядных растений, у которых было только одно желание: обвиться вокруг него, высосать из него жизнь и утащить вниз, во тьму, где красным пылало одно-единственное слово:

ТРЕМС.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«День закрытия»

8. КАК ВЫГЛЯДИТ «ОВЕРЛУК»

Мама беспокоилась.

Она боялась, что «жуку» не потянуть все эти горные подъемы и спуски и что они застрянут где-нибудь у обочины, а тем временем еще кто-то промчится по шоссе и столкнется с ними. Сам Дэнни был настроен более оптимистически: если папа думает, что «жук» справится с этой последней поездкой, значит, так, наверное, и будет.

— Мы уже почти приехали,— сказал Джек.

Венди легонько пригладила волосы на висках.

— Слава богу.

Она сидела справа; на коленях, лицом вниз, лежала раскрытая книжка Виктории Холден в мягкой обложке. На Венди было синее платье — Дэнни считал, что красивее его нету. У платья был матросский воротник, отчего Венди в нем выглядела совсем молоденькой — ни дать ни взять девчонка, которая заканчивает колледж. Папа все время клал руку ей на ногу, много выше колен, а она, смеясь без остановки, скидывала ее со словами: «Муха, кыш».

На Дэнни горы произвели впечатление. Один раз папа брал его с собой в горы неподалеку от Боулдера, и они назывались Флэтайронские, но эти были куда больше, самые высокие красиво запорошил снег, и папа сказал, что такое здесь бывает часто, круглый год.

А потом они въехали в *сами* горы — не в какое-нибудь предгорье. Куда ни глянь, вокруг поднимались отвесные громады камня, такие высокие, что даже вытягивая в окошко шею увидеть их вершины стоило большого труда. Когда они выезжали из Боулдера, было что-то около восьмидесяти градусов. Сейчас, сразу после полудня, здешний воздух казался прохладным, свежим и бодрящим, как бывает в Вермонте в ноябре, и папа включил печку... работала она, правда, не так уж хорошо. Они проехали несколько табличек с надписью «ЗОНА КАМНЕПАДА» (мама прочитывала ему каждую) и, хотя Дэнни встревоженно ждал, что какой-нибудь камень упадет, ничего не упало. По крайней мере, до сих пор.

Полчаса назад они проехали другой указатель — про него папа сказал, что это очень важно. На этом указателе было написано: «ВЪЕЗД НА САЙДВИНДЕРСКУЮ ДОРОГУ», и папа сказал, что зимой снегоочистители добираются только досюда. Дальше дорога делается слишком крутой. На зиму ее закрывают — от маленького городка Сайдвиндер (как раз перед тем, как добраться

до этого указателя, они проехали через него) до самого Баклэнда, штат Юта.

Сейчас они проезжали мимо другого указателя.

— Ма, а это что?

— Там написано: «МАШИНАМ, ЕДУЩИМ МЕДЛЕН-НО, ДЕРЖАТЬСЯ ПРАВОЙ СТОРОНЫ». Это про нас.

— «Жук» справится,— сказал Дэнни.

— Пронеси Господи,— сказала мама и скрестила пальцы. Дэнни посмотрел вниз, на ее сандалии с открытыми носками, и увидел, что пальцы ног она тоже скрестила. Он хихикнул. Она улыбнулась в ответ, но он знал, что мама беспокоится по-прежнему.

Дорога шла вверх, виток за витком, один S-образный поворот сменялся другим, и Джек переключил скорость с четвертой на третью, а потом на вторую. «Жук» запротестовал, тяжело пыхтя, а Венди уставилась на стрелку спидометра, которая упала с сорока до тридцати миль в час, а потом — до двадцати и там неохотно зависла.

— Бензонасос...— робко начала она.

— Насос выдержит еще три мили,— кратко сообщил Джек.

Каменная стена справа от них исчезла, открылась узкая прорезь долины. Темно-зеленая от обычных для Скалистых гор сосен и елей, она словно бы спускалась в бесконечность. Сосны сменились серыми скалами, они обрывались вниз на сотни футов и только там сглаживались. Венди увидела льющийся по одной из них водопад; раннее послеполуденное солнце сверкало в нем, как пойманная в голубые сети золотая рыбка. Горы были прекрасны, но суровы. Венди подумалось, что они редко прощают ошибки. Дурное предчувствие — предчувствие несчастья — сковало ей горло. Дальше к западу, в Сьерра-Неваде, как-то раз снежные заносы отрезали от остального мира компанию Доннеров. Чтобы выжить, они ели друг друга. Горы редко прощают ошибки.

Энергичным рывком выжав сцепление, Джек переключил скорость на первую, и они с трудом полезли наверх, мотор «жука» загнанно ухал.

— Знаешь,— сказала она,— по-моему, с тех пор, как мы проехали Сайдвиндер, нам встретилось хорошо если пять машин. В том числе — лимузин из отеля.

Джек кивнул.

— Жмет прямо в Стэплтонский аэропорт, в Денвер. Уотсон говорит, вокруг отеля кое-где уже появились наледи, а на завтра обещали еще больше снега. Любой, кто едет сейчас по горам, предпочитает на всякий случай держаться одной из главных дорог. Хоть бы проклятый Уллман еще оказался на месте. Думаю, окажется.

— Ты уверен, что кладовки там забиты мясом до отказа?— спросила Венди, подумав про Доннеров.

— Он сказал — да. Он хотел, чтобы Холлоранн показал тебе, где там что. Холлоранн — это повар.

— А,— слабо выговорила она, глядя на спидометр. Стрелка упала с пятнадцати миль в час до десяти.

— Вон вершина,— сказал Джек, показывая на три сотни ярдов вперед.— Там живописный поворот, и «Оверлук» виден. Я собираюсь съехать с дороги, дать «жуку» передышку.— Он вытянул шею, оглядываясь через плечо на Дэнни, сидевшего на куче одеял.— Как думаешь, док? Может, увидим оленя. Или карибу.

— Конечно, пап.

Фольксваген старательно карабкался все выше и выше. Стрелка спидометра упала чуть ли не до пяти миль в час и остановилась, когда Джек, съехав с дороги,

(«Мам, что написано?» — «ЖИВОПИСНЫЙ ПОВОРОТ»,— покорно прочла Венди).

нажал на ручной тормоз и позволил фольксвагену прокатиться по инерции.

— Пошли,— сказал он и вылез из машины.

Они все вместе зашагали к шлагбауму.

— Вот,— сказал Джек и показал вверх и влево.

Венди внезапно открыла, что есть истина в клише: у нее действительно захватило дух. Некоторое время она вообще была не в состоянии дышать, потрясенная открывшимся видом. Напротив — кто знает, как далеко? — в небо вздымалась гора еще выше этой, зазубренная макушка казалась силуэтом, который одело нимбом солнце, уже начавшее свой путь к закату. Внизу под ними простерлась вся долина; склоны, по которым они карабкались в выбивающемся из сил «жуке» обрывались вниз с такой головокружительной внезапностью, что Венди поняла — если слишком долго смотреть вниз, затошнит и даже может вырвать. В чистом, ясном воздухе воображение, вырвавшись из узды рассудка, полностью ожило, и смотреть — означало беспомощно наблюдать, как ныряешь все ниже, ниже, ниже; как, крутясь медленной каруселью, меняются местами склоны и небо, как подобно ленивому воздушному шарику из твоего рта плывет крик, а платье бьется по ветру...

Венди оторвала взгляд от склона, почти принудив себя к этому, и проследила за пальцем Джека. Ей удалось разглядеть шоссе, прижавшееся к этому соборному шпилю с одного бока, ныряющее, как американские горки, но неизменно держащее курс на северо-запад, продолжающее подъем под менее крутым углом. Еще дальше Венди увидела, как сосны, мрачно прижавшиеся к склону, будто воткнутые прямо в него, уступают место просторному зеленому квадрату газона, посреди которого возвышался отель «Оверлук». Увидев его, она вновь обрела голос и дыхание.

— Джек, да это великолепно!

— Да,— сказал он.— Уллман говорит, по его мнению это — прекраснейшее место в Америке, другого такого нет. На Уллмана

мне, в общем-то, наплевать, но, может быть, так оно и есть... Дэнни! Дэнни, тебе плохо?

Она оглянулась, ища сына, и внезапный страх за него стер все остальное, каким бы изумительным оно ни было. Она стрелой кинулась к нему. Держась за ограждение, Дэнни смотрел наверх, на отель, и лицо у него было нездорового серого цвета. Глаза были пустыми, как у человека, который вот-вот упадет в обморок.

Она опустилась рядом с ним на колени, положив ему руки на плечи, чтобы подбодрить и успокоить.— Дэнни, что...

Рядом с ней оказался Джек.

— С тобой все о'кей, док?— Он коротко встряхнул Дэнни, и взгляд мальчика прояснился.

— Да, пап. Все отлично.

— Что это было, Дэнни? — спросила она.— У тебя закружилась голова, милый?

— Нет, просто... просто задумался. Извини. Я не хотел вас пугать.— Он взглянул на стоящих подле него на коленях родителей и улыбнулся слабой озабоченной улыбкой.— Может, это от солнца. Мне солнце попало в глаза.

— Сейчас приедем в отель и дадим тебе глоточек воды,— сказал папа.

— Ладно.

Но и в «жуке», который по более пологому склону двигался вперед и вверх куда уверенней, Дэнни, сидя между ними, все посматривал на разматывающуюся из-под колес дорогу, иногда позволяя себе скользнуть взглядом по отелю «Оверлук», отражавшему солнце множеством уставленных на запад с массивного корпуса, окон. В снежном буране ему привиделся именно этот дом, темный, заполненный глухим стуком, где какая-то ужасная отвратительная, но знакомая фигура разыскивала его по длинным коридорам, выстланным ковром-джунглями. Именно насчет этого места его предостерегал Тони. Здесь. Вот здесь. Чем бы это Тремс ни было — оно жило здесь.

9. ВЫПИСКА

Прямо за высокими, старомодными парадными дверями их ждал Уллман. Пожав руку Джеку, он холодно кивнул Венди, возможно, заметив, как повернулись головы, когда она прошла в вестибюль: рассыпанные по плечам золотистые волосы, простое платье в матросском стиле. Подол скромно замер двумя сантиметрами выше колен, но и этого наблюдателю было достаточно, чтобы понять — ноги хороши.

Кажется, только к Дэнни Уллман отнесся по-настоящему тепло, но с подобным Венди сталкивалась и раньше. Похоже, Дэнни соответствовал представлениям о детях тех людей, которые обычно придерживались на этот счет того же мнения, что и

У. С. Филд. Слегка наклонившись, он протянул Дэнни руку. Дэнни без улыбки официально пожал ее.

— Мой сын Дэнни,— сказал Джек.— И моя жена Виннифред.

— Очень приятно познакомиться с вами обоими,— сказал Уллман.— Сколько тебе лет, Дэнни?

— Пять, сэр.

— Надо же, *сэр*.— Уллман улыбнулся и взглянул на Джека.— Он хорошо воспитан.

— А как же,— сказал Джек.

— Миссис Торранс,— он отвесил ей такой же легкий поклон, и у смутившейся на миг Венди мелькнула мысль, что Уллман поцелует ей руку. Он принял ладонь, которую она неуверенно протянула ему, но лишь для того, чтобы ненадолго сжать обеими руками. Ладошки Уллмана оказались маленькими, сухими и гладкими, и Венди догадалась, что он их припудривает.

В вестибюле кипела работа. Унесли почти все старомодные стулья с высокими спинками. Туда-сюда шныряли рассыльные с чемоданами, а подле стойки, на которой возвышалась массивная латунная касса, выстроилась очередь. Налепленные на кассу переводные картинки и карточки американского банка действовали на нервы своей несовременностью.

Справа, возле высоких двустворчатых дверей, обе половинки которых были плотно закрыты и связаны веревкой, в старомодном камине пылали березовые поленья. На диване, придвинутом чуть ли не вплотную к очагу, сидели три монахини. Обложившись со всех сторон поставленными одна на другую сумками, они болтали и улыбались, ожидая, когда очередь на выписку немного поредеет. Под взглядом Венди они дружно разразились звонким девчоночьим смехом. Она почувствовала, что и ее губы тронула улыбка: самой молодой из них было никак не меньше шестидесяти.

Приглушенный гул голосов на заднем плане, негромкое *«динь!»* серебряного колокольчика у кассы, когда один из дежурных клерков звонил в него, немного нетерпеливое «Дальше, пожалуйста!» — все это навевало яркие теплые воспоминания об их с Джеком медовом месяце в нью-йоркском «Бикман-Тауэр». Впервые Венди позволила себе поверить, что, может быть, как раз в этом и нуждалась их троица: провести вместе, вдали от мира целый сезон, что-то вроде медового месяца для всей семьи. Она любовно улыбнулась Дэнни, который честно таращил глаза по сторонам на все подряд. Перед крыльцом остановился еще один лимузин, серый, как жилет банкира.

— Последний день сезона,— говорил Уллман.— День закрытия. Каждый раз суматоха. Я, собственно, ожидал, что вы приедете часам к трем, мистер Торранс.

— Хотелось дать фольксвагену время на случай, если он решит закатить истерику,— сказал Джек.— Но обошлось.

— Очень удачно,— сказал Уллман.— Я намерен попозже

устроить вам троим экскурсию по нашей территории и, конечно, Дик Холлоранн хочет показать миссис Торранс кухню «Оверлука». Но, боюсь...

Чуть не налетев на него, подошел клерк.

— Извините, мистер Уллман...

— Ну? Что такое?

— Миссис Брэнт,— неловко сказал клерк.— Она отказывается платить по счету — только карточкой «Эмерикэн экспресс». Я говорю, мы в конце прошлого сезона прекратили принимать «Эмерикэн экспресс», но она... — Он перевел взгляд на семейство Торранс, потом обратно на Уллмана. Тот пожал плечами.

— Я этим займусь.

— Спасибо, мистер Уллман.— Клерк направился через вестибюль обратно к стойке, где громко протестовала похожая на дредноут дама, закутанная в длинную шубу и нечто, напоминающее боа из черных перьев.

— Я езжу в «Оверлук» с пятьдесят пятого года,— говорила она улыбающемуся, пожимающему плечами клерку,— и не перестала ездить даже после того, как мой второй муж умер от удара на вашей противной площадке для роке... говорила же ему в тот день: солнце печет слишком сильно!... но никогда... повторяю: *никогда* я не расплачивалась ничем, кроме карточек «Эмерикэн экспресс». Повторяю...

— Прошу прощения,— сказал мистер Уллман.

Под взглядами Торрансов он пересек вестибюль, почтительно дотронулся до локтя миссис Брэнт и, когда она обернулась, обрушив свою тираду на него, развел руками и кивнул. Сочувственно выслушав, он еще раз кивнул и что-то сказал в ответ. Миссис Брэнт с торжествующей улыбкой повернулась к несчастному клерку за стойкой и громко объявила: «Слава Богу, в этом отеле нашелся хоть один служащий, который еще не стал безнадежным мещанином!»

Она позволила едва достававшему до могучего, одетого в шубу плеча, Уллману взять себя за руку и увести прочь — вероятно, внутрь отеля, в контору.

— Ух ты!— с улыбкой сказала Венди.— Этот пижон денежки не зря получает!

— Но леди ему не нравится,— немедленно высказался Дэнни.— Он просто притворяется, что она ему нравится.

— Конечно, ты прав, док. Но лесть — такая штука, на которой вертится весь мир.

— А что такое лесть?

— Лесть,— сказала ему Венди,— это когда папа говорит, что мои новые желтые брюки ему нравятся, а на самом деле это не так... или, когда он говорит, что мне вовсе не нужно похудеть на пять фунтов.

— А. Это, когда врут ради смеха?

— Почти что так.

Все это время Дэнни смотрел на нее внимательно-внимательно, а теперь сказал:

— Ма, ты хорошенькая.— И, когда родители, обменявшись взглядом, расхохотались, смущенно нахмурился.

— Мне Уллман не слишком-то льстил,— сказал Джек.— Ребята, давайте отойдем к окну. По-моему, я здорово бросаюсь в глаза, когда торчу тут посреди вестибюля в своей варенке. Бог свидетель, мне и в голову не приходило, что в день закрытия тут будет столько народу. Похоже, я ошибся.

— Ты очень красивый,— сказала Венди, и тут они опять рассмеялись. Венди зажала рот рукой. Дэнни все еще ничего не понимал, но не беда. Они любили друг друга. Он подумал, что отель напоминает маме какой-то другой дом,

(домик Бик-мэна)

где она была счастлива. Дэнни хотелось, чтобы отель и ему понравился не меньше, чем маме, он вновь и вновь повторял себе: то, что показывает Тони, сбывается не всегда. Он будет осторожен. Тремс не застанет его врасплох. Но рассказывать об этом он не станет, пока совсем не подопрет. Ведь они счастливы, они смеются и не думают ни о чем плохом.

— Погляди, что за вид,— сказал Джек.

— О, это великолепно! Дэнни, смотри-ка!

Но Дэнни никакого особого великолепия не заметил. Он не любил высоту — от нее кружилась голова. От широкого парадного крыльца, которое шло вдоль всего фасада, к длинному прямоугольному бассейну спускался превосходный подстриженный газон (с правой стороны было небольшое поле для гольфа). На другом краю бассейна на маленьком треножнике стояла табличка: *«Закрыто»*. Он умел сам читать *«Закрыто»*, а еще — *«Стоп»*, *«Выход»*, *«Пицца»* и кое-что сверх этого.

От бассейна среди молодых сосенок, елей и осин вилась посыпанная гравием дорожка. Там был маленький указатель, незнакомый Дэнни: «РОКЕ». Ниже была стрелка.

— Пап, что такое: Рэ-О-Кэ-Е?

— Игра,— отозвался папа.— Немножко похожая на крокет, только играют на засыпанной гравием площадке. Стороны у нее, как у большого биллиардного стола, а травы нет. Это очень старинная игра, Дэнни. Тут у них иногда проводятся турниры.

— А играют крокетным молотком?

— Вроде того,— согласился Джек.— Только ручка покороче да головка двусторонняя. Одна сторона из твердой резины, а вторая — деревянная.

(ВЫХОДИ, ГОВНЮК МАЛЕНЬКИЙ)

— Читается «роке»,— говорил папа.— Если хочешь, научу тебя играть.

— Может быть,— сказал Дэнни странным тоненьким бесцветным голоском, от которого родители обменялись поверх его головы озадаченным взглядом.— Но мне может и не понравиться.

— Ну, если не понравится, док, силком тебя никто играть не заставит. Заметано?

— Заметано.

— Тебе нравятся вон те звери? — спросила Венди. — Это называется «художественная стрижка деревьев». — По другую сторону ведущей к РОКЕ тропинки росла живая изгородь, подстриженная в форме разных зверей. Своими острыми глазами Дэнни сразу разглядел кролика, собаку, лошадь, корову и еще три фигуры покрупнее, похожие на резвящихся львов.

— Из-за этих зверей дядя Эл и подумал, что работа как раз для меня, — сказал ему Джек. — Он знает, что я, когда учился в колледже, работал в фирме, занимающейся парковым хозяйством. Это такой бизнес, когда помогаешь людям содержать газоны, кусты, живые изгороди. Я подстригал растительность одной даме.

Венди хихикнула, зажав рот рукой. Взглянув на нее, Джек сказал:

— Да, я подстригал ей растительность, по меньшей мере раз в неделю.

— Муха, кыш, — сказала Венди и опять хихикнула.

— Красивые у нее были живые изгороди, пап? — спросил Дэнни, и тут родители взорвались хохотом. Венди так смеялась, что по щекам потекли слезы и пришлось доставать из сумки салфетку.

— Это были не звери, Дэнни, — сказал Джек, когда снова взял себя в руки. — Это были карточные масти. Пики, черви, трефы, бубны... Но изгородь, видишь ли, разрастается...

(ПОЛЗЕТ, сказал Уотсон... нет, не изгородь, давление в котле. ЗА НИМ НУЖЕН ГЛАЗ ДА ГЛАЗ, А ТО ПРОСНЕТЕСЬ ВЫ ВСЕЙ СЕМЕЙКОЙ НА ЛУНЕ, МАТЬ ЕЕ ТАК!)

Они, озадаченные, смотрели на него.

— Пап? — спросил Дэнни.

Посмотрев на них, он заморгал, словно возвращаясь откуда-то издалека.

— Она разрастается, Дэнни, и теряет форму. Поэтому раз или два в неделю приходится ее подстригать, пока не станет так холодно, что изгородь перестает расти до следующей весны.

— Да тут и детская площадка есть, — сказала Венди. — Ах ты, мой везунчик.

Детская площадка располагалась за древесными скульптурами. Две горки, большие качели с дюжиной прикрепленных на разной высоте сидений, гимнастические снаряды, тоннель из цементных колец, песочница и домик — точная копия самого «Оверлука».

— Нравится, Дэнни? — спросила Венди.

— Еще бы, — ответил он, надеясь, что в голосе прозвучит больше воодушевления, чем он чувствует. — Тут приятно.

Детская площадка была огорожена не бросающейся в глаза

металлической сеткой, дальше виднелась широкая, засыпанная щебнем подъездная дорога, ведущая к отелю, а за ней — сама долина, обрывающаяся в ярко-синее полуденное марево. Слова *«изоляция»* Дэнни не знал, но объясни ему кто-нибудь, что это такое, он так и ухватился бы за него. Дорога, ведущая обратно в Сайдвиндер и дальше, в Боулдер, лежала далеко внизу, напоминая длинную черную змею, которая решила немного вздремнуть на солнышке. Дорога, которая закроется на всю зиму. От этой мысли Дэнни слегка задохнулся и буквально подпрыгнул, когда папа положил ему руку на плечо.

— Как только будет можно, дам тебе попить, док. Сейчас они немного заняты.

— Конечно, пап.

Из конторы с видом человека, отстоявшего свою позицию, вышла миссис Брэнт. Спустя несколько минут она широким шагом победоносно прошествовала через парадную дверь, а за ней, сражаясь с восемью чемоданами, изо всех сил спешили два рассыльных. Дэнни наблюдал из окна, как, подогнав к крыльцу длинную серебристую машину миссис Брэнт, из нее вылез человек, своей серой формой и кепи схожий с армейским капитаном. Приподняв при виде миссис Брэнт кепи, он побежал открывать багажник.

И в одном из случающихся у него время от времени озарений Дэнни уловил законченную мысль миссис Брэнт — мысль, плывущую над той невнятной сумятицей чувств и красок, которую он обычно воспринимал, когда вокруг бывало много народу.

(ХОТЕЛА БЫ Я ЗАБРАТЬСЯ В ЭТИ ШТАНЫ)

Морща лоб, Дэнни наблюдал, как рассыльные ставят в багажник чемоданы. Она довольно пронзительно смотрела на мужчину в форме, который надзирал за погрузкой. Зачем ей штаны этого дяди? Ей что, холодно даже в длинной шубе? А если ей так холодно, почему она не наденет свои штаны? Его мама носила штаны почти всю зиму.

Человек в серой форме закрыл багажник и вернулся, чтобы помочь миссис Брэнт сесть в машину. Дэнни не сводил с них глаз: вдруг она скажет что-нибудь про штаны? Но она только улыбнулась и сунула ему доллар — на чай. Через минуту она уже выводила длинный серебристый автомобиль по подъездной дороге к воротам.

Дэнни подумал, не спросить ли у мамы, зачем миссис Брэнт могли понадобиться штаны шофера, но отказался от этой мысли. Иногда вопросы приносили только неприятности. Такое уже с ним бывало.

Поэтому вместо того Дэнни втиснулся на маленький диванчик между сидящими рядышком мамой и папой, которые наблюдали, как народ выписывается возле стойки. Он радовался, что они счастливы и любят друг друга, но не мог избавиться от легкой тревоги. Он ничего не мог с ней поделать.

10. ХОЛЛОРАНН

Повар совершенно не соответствовал представлениям Венди о типичном персонаже с гостиничной кухни. Начать с того, что к подобному лицу следовало обращаться «шеф» — о простецком «повар» и речи быть не могло: поварихой Венди становилась тогда, когда, свалив у себя на кухне в смазанную жиром кастрюльку «Пирэкс» все остатки, добавляла туда вермишель. Далее, кулинару-чародею из такого отеля, как «Оверлук», реклама которого размещалась в разделе «Курорты» нью-йоркской «Санди таймс», следовало быть низеньким, кругленьким, с одутловатым (как у Пончика Пиллсбери) лицом, непременно украшенным тоненькими, будто нарисованными карандашом, усиками в стиле звезд музыкальных кинокомедий сороковых годов; ему следовало быть темноглазым, а также иметь французский акцент и омерзительный характер.

Темноглазым Холлоранн был — но и только. Он оказался высоким негром со скромной стрижкой «афро», уже чуть припудренной сединой. У него был мягкий южный выговор и он много смеялся, обнаруживая зубы, слишком белые и ровные, чтобы быть настоящими. Наверняка это был протез от Сирса и Робака образца 1950 года. Парочка таких протезов была у отца Венди, он прозвал их «робакерами». Бывало, за ужином отец комично выталкивал их изо рта... теперь Венди припомнила, что так бывало каждый раз, как мать выходила на кухню или к телефону.

Дэнни уставился вверх на черного гиганта в костюме синего «сержа» *, а потом улыбнулся, когда Холлоранн легко поднял его на руки, усадил на сгиб локтя и сказал: «Ведь ты же не собираешься проторчать тут всю зиму?»

— А вот собираюсь,— сказал Дэнни с застенчивой улыбкой.

— Не-ет, ты поедешь со мной в Сен-Пит и выучишься готовить, и каждый вечер будешь ходить на пляж и глядеть на крабов, е-мое. Идет?

Дэнни восторженно хихикнул и помотал головой: нет. Холлоранн ссадил мальчика на землю.

— Коли собираешься передумать,— серьезно сказал Холлоранн, склоняясь к нему,— лучше поторопись.— Полчаса — и я в машине. Еще два с половиной часа — и я уже сижу у прохода № 32, дорожка Б, милей выше этого места, в Стэплтонском аэропорту города Дэнвер, Колорадо. Еще три часа — и я нанимаю машину в аэропорту Майами, жму в солнечный Сен-Пит, жду не дождусь, как влезу в плавки и смеюсь в кулачок над всеми, кто застрял в снегу. Сечешь, мальчуган?

— Да, сэр,— улыбаясь, сказал Дэнни.

Холлоранн повернулся к Джеку с Венди.

---

* «Серж» — шерстяная костюмная ткань. (прим. перев.)

— Кажись, мальчуган-то что надо, а?

— Мы думаем, он нам подходит,— сказал Джек, протягивая руку. Холлоранн пожал ее.— Я — Джек Торранс. Моя жена, Винифред. С Дэнни вы уже познакомились.

— И было это очень приятно. Мэм, вы Винни или Фредди?

— Я Венди,— отозвалась она с улыбкой.

— О'кей. Пожалуй, это получше, чем другие два. Сюда, сюда. Мистер Уллман хочет, чтоб вы сделали обход — так вот вам обход.— Он покачал головой и пробормотал себе под нос: «Ну и рад же я буду повидаться с *ним* в последний раз!»

Начал Холлоранн с того, что повел по самой бесконечной кухне, какую Венди приходилось видеть. Кухня сияла чистотой. Все было отполировано до полного блеска. Она была не просто большой, она подавляла. Венди шла рядом с Холлоранном, а тем временем Джек, оказавшись совершенно не в своей стихии, немного отстал вместе с Дэнни. Возле мойки с четырьмя раковинами расположилась длинная доска, увешанная всевозможным режущим инструментом — от овощечисток до больших двуручных мясницких ножей. Доска для резки хлеба была не меньше кухонного стола в их боулдерской квартире. Одну стену целиком, от пола до потолка, покрывал приводящий в изумление набор сковородок и кастрюль из нержавеющей стали.

— По-моему, каждый раз, как я зайду сюда, мне придется оставлять дорожку из хлебных крошек,— сказала Венди.

— Не давайте ей застращать себя,— откликнулся Холлоранн.— Она, конечно, не маленькая, но все-таки это просто кухня. Большей части этой ерунды вам и касаться не придется. Держите ее в чистоте, а большего я и не прошу. Будь я на вашем месте, я бы пользовался вон той плитой. Вообще-то всего их три, но эта самая маленькая.

«Самая маленькая!» — уныло подумала Венди, разглядывая плиту. Там было двенадцать конфорок, две обычных духовки и одна голландская, наверху находился котел с подогревом, где на медленном огне можно было кипятить соусы или запекать бобы, жаровня и подогреватель — плюс миллион циферблатов и термометров.

— Только газ,— сказал Холлоранн.— Венди, вам раньше случалось готовить на газу?

— Да.

— Обожаю газ,— сказал он и включил одну из конфорок. Та немедленно расцвела синими язычками пламени и Холлоранн нежно привернул пламя до слабого огонька.— Хотел бы я поглядеть, на каком огне вы готовите. Видите, где все краны от конфорок?

— Да.

— А циферблаты духовок все помечены. Мне-то самому больше по душе средняя, она, похоже, греет ровней всего, но вы пользуйтесь, какой захотите — а то и всеми тремя, коли на то пошло.

— В каждой можно приготовить такой обед, как по телевизору показывают,— сказала Венди и неуверенно засмеялась.

Холлоранн раскатисто захохотал.

— Давайте, валяйте, если вам нравится. Список всего съедобного я оставил над раковиной. Видите?

— Вон он, мам! — Дэнни притащил два листа бумаги, густо исписанных с обеих сторон.

— Молодчина,— сказал Холлоранн, забирая у него листки и ероша Дэнни волосы.— Точно не хочешь поехать со мной во Флориду, малыш? Научиться готовить самых вкусных в той райской сторонке креветок по-креольски?

Зажав рот обеими руками, Дэнни захихикал и ретировался к отцу.

— Похоже, вы, ребята, можете тут втроем кормиться целый год,— сказал Холлоранн.— У нас есть холодильная камера, рефрижератор, любые овощи — целыми мешками, и два холодильника. Пошли, покажу.

Следующие десять минут Холлоранн открывал ящики и дверки, являя еду в таком количестве, какого Венди прежде ни разу не видела. Запасы съестного повергли ее в изумление, однако успокоили вовсе не настолько, насколько она рассчитывала: на ум все равно приходила компания Доннеров. Нет, о людоедстве Венди не думала (с такой уймой продуктов им очень не скоро пришлось бы урезать свой рацион до скудной плоти друг дружки), но ею вновь завладела действительно серьезная мысль: пойдет снег, и часовая поездка отсюда в Сайдвиндер превратится в крупную операцию. Они, как какие-нибудь сказочные существа, будут сидеть тут, в огромном заброшенном отеле, поедать оставленные им припасы и слушать сильный неприятный ветер, обдувающий заваленные снегом карнизы. В Вермонте, когда Дэнни сломал руку

(когда *Джек* сломал Дэнни руку)

она набрала номер, записанный на небольшой карточке, прикрепленной к аппарату, и вызвала бригаду скорой помощи. Всего десять минут спустя те приехали к ним на дом. На той же маленькой карточке были и другие номера. В пять минут можно было вызвать полицию, а пожарные приезжали даже быстрее, потому что до пожарной станции было всего три дома в сторону и один — назад. Было, кому позвонить, если погаснет свет, пропадет вода, сломается телевизор. Но что будет здесь, если у Дэнни случится один из его обморочных припадков, и он подавится языком?

(о боже, что за мысль!)

Что, если начнется пожар? Если Джек свалится в шахту лифта и проломит себе череп? Что если...

(Что, если мы отлично проведем время, сейчас же ПРЕКРАТИ это, Виннифред!)

Сперва Холлоранн отвел их в рефрижератор, где дыхание превращалось в смешные, длинные, похожие на воздушные шарики, облачка. Можно подумать, зима там уже наступила.

Гамбургеры в больших пластиковых пакетах — по десять фунтов в каждом, дюжина пакетов; сорок целых цыплят свисали с крюков, рядком вбитых в деревянные планки обшивки стен. Банки консервированной ветчины стояли штабелями, как фишки для покера. Под цыплятами — десять пластов говядины, десять — свинины и большущая баранья нога.

— Любишь барашков, док? — усмехаясь, спросил Холлоранн.

— Обожаю,— немедленно сказал Дэнни. Барашка он еще никогда не пробовал.

— Так я и знал. Холодным вечером нет ничего лучше парочки добрых кусков баранинки, да еще с мятным желе. Мятное желе тут тоже имеется. Баранина облегчает желудок. С этим сортом мяса столковаться нелегко.

Джек за их спиной с любопытством спросил:

— Откуда вы узнали, что мы зовем его «док»?

Холлоранн обернулся.

— Пардон?

— Дэнни. Мы иногда зовем его «док». Как в мультфильме про Кролика Багза.

— Да он просто вылитый док, верно? — Поглядев на Дэнни, Холлоранн наморщил нос, облизал губы и сказал: — Э-э-э, в чем дело, док?

Дэнни захихикал, а потом Холлоранн очень ясно что-то

(точно не хочешь во Флориду, док?)

сказал ему. Он расслышал каждое слово. Ошарашенный и немного испуганный, Дэнни взглянул на повара. Тот серьезно подмигнул и снова занялся продуктами.

Венди перевела взгляд с широкой, обтянутой шерстяной материей спины на сына. У нее было невероятно странное чувство, что между ними что-то произошло — что-то, чего она понять не могла.

— Тут у вас дюжина упаковок сосисок, дюжина упаковок бекона,— говорил Холлоранн.— То же самое со свининой. В этом ящике — двадцать фунтов масла.

— *Настоящего* масла? — спросил Джек.

— Первый номер — высший класс.

— Я, кажется, не пробовал настоящего масла с тех пор, как ребенком жил в Берлине, Нью-Хэмпшир.

— Ну, тут вам его есть и есть, пока постное масло лакомством не покажется,— смеясь, сказал Холлоранн.— Вон в том ларе хлеб — тридцать буханок белого да двадцать — черного. Мы в «Оверлуке» стараемся поддерживать расовое равновесие, вон как. Знаю, знаю, пятидесяти буханок маловато, но тут полно форм для выпечки, а свеженькое всегда лучше размороженного, что в будни, что в праздники. Тут, внизу, рыба. Пища для мозгов, так, док?

— Да, мам?

— Раз мистер Холлоранн так говорит, милый,— она улыбнулась.

Дэнни сморщил нос.

— Не люблю рыбу.

— Как бы не так,— сказал Холлоранн.— Просто тебе не попалась рыба, которой ТЫ по душе. Эта рыба тебя полюбит, еще как. Пять фунтов радужной форели, десять фунтов камбалы, пятнадцать банок тунца...

— У-у, тунца я люблю.

— ... и пять фунтов палтуса, вкусней которого в море не бывало. Мой мальчик, когда подкатит следующая весна, ты скажешь спасибо старине... — Он прищелкнул пальцами, словно запамятовал что-то.— Ну-ка, как меня звать? Что-то я подзабыл.

— Мистер Холлоранн,— сказал Дэнни, улыбаясь.— Для друзей — Дик.

— Вот, точно! А раз ты мой друг, пусть будет Дик.

Пока Холлоранн вел их в дальний угол, Венди с Джеком обменялись озадаченными взглядами — каждый пытался вспомнить, называл ли им Холлоранн свое имя.

— А вот сюда я положил кой-что особенное,— сообщил повар,— надеюсь, ребята, вам понравится.

— Ну, это ни к чему, честное слово,— растроганно сказала Венди. «Кой-что особенное» оказалось двенадцатифунтовой индейкой, обвязанной широкой ярко-алой лентой, увенчанной бантом.

— Венди, в День Благодарения вы получите свою индейку,— серьезно произнес Холлоранн.— Где-то тут, кажись, был рождественский каплун, вы на него наткнетесь, тут сомневаться нечего. Давайте-ка отсюда, пока все не подхватили воспаление легких. Идет, док?

— Идет!

В холодильной камере оказалось еще много удивительного. Сотни картонок с сухим молоком (Холлоранн серьезно посоветовал, пока будет такая возможность, покупать мальчику в Сайдвиндере свежее молоко); пять двадцатифунтовых мешков сахара; галлон патоки в банке; каши; стеклянные банки с рисом, макаронами, спагетти; выстроившиеся рядами консервные банки с фруктами и фруктовым салатом; бушель свежих яблок, от которых вся кладовка пропахла осенью; сушеный изюм, сливы и абрикосы («Если хочешь быть счастливым, ешь побольше чернослива»,— сказал Холлоранн, и его смех взлетел к потолку, откуда на железной цепочке свисала несовременная лампочка в шаровидном колпаке); глубокий ларь, полный картошки; ящики поменьше с помидорами, луком, турнепсом, кабачками и капустой.

— Ну, скажу я вам,— объявила Венди, когда они вышли оттуда. Однако вид подобного изобилия свежих продуктов настолько угнетающе подействовал на нее — с ее-то тридцатью долларами

на съестное в неделю! — что она так и не сумела объяснить, что же именно им скажет.

— Время уже поджимает,— сказал Холлоранн, поглядев на часы,— так я, раз уж вы тут поселились, просто покажу, что в шкафах и холодильниках. Так: сыры, консервированное молоко, сгущенка, дрожжи, питьевая сода, целый мешок пирожков — ну, тех, «Застольный разговор», несколько гроздьев бананов — но им еще зреть да зреть...

— Хватит,— сказала Венди, со смехом поднимая руки.— Мне никогда все это не упомнить. Это выше моих сил. Обещаю держать все в чистоте.

— А мне больше ничего и не надо,— он повернулся к Джеку.— Что, мистер Уллман уже намекнул насчет крыс у себя на чердаке?

Джек ухмыльнулся.

— Он сказал, что там вполне может оказаться несколько штук... а мистер Уотсон говорит, они и внизу, в подвале могут быть. Там, должно быть, тонны бумаги, но погрызенных я не видел — обычно они грызут бумагу, когда устраивают гнезда.

— Уотсон, Уотсон,— с насмешливой грустью сказал Холлоранн, качая головой.— Видали вы большего матершинника?

— Да-а, характерец,— согласился Джек. Самым большим матершинником, какого он в жизни встречал, был его отец.

— В общем-то его можно пожалеть,— сказал Холлоранн, провожая их обратно к широким качающимся дверям в столовую «Оверлука».— Давным-давно у его семьи были денежки. Отель-то построил Уотсонов дед или прадед... не помню, который из них.

— Да, мне говорили,— сказал Джек.

— А что случилось?— спросила Венди.

— Не сумели запустить дело, вот что,— сказал Холлоранн.— Эту историю Уотсон вам еще расскажет. Разреши ему, так он ее будет рассказывать и по два раза на дню. Старик свихнулся на этом отеле. По-моему, он позволил «Оверлуку» спихнуть себя вниз. У него было два сына, и один погиб в несчастном случае, когда катался верхом на тутошней территории — сам-то отель тогда еще строился. Было это, наверное, году в девяносто восьмом... или девятом. Жена старика умерла от инфлюэнцы, и остались они одни с младшим сыном. Под конец их взяли сторожами в тот самый отель, который старик построил.

— Да, жалко,— сказала Венди.

— Что с ним стало? Со стариком?— спросил Джек.

— Сунул по ошибке палец в розетку, тут ему и конец пришел,— отозвался Холлоранн.— Это было в начале тридцатых, перед тем, как Депрессия прикрыла отель на десять лет. Кстати, Джек, коли вы с женой присмотрите заодно и за крысами в кухне, я ничего против не имею. Ежели заметите... не травите — ловушками их.

Джек заморгал.

— Конечно. Кто же травит крыс в кухне ядом?

Холлоранн иронически рассмеялся.

— Мистер Уллман, вот кто. Прошлой осенью его посетила эта блестящая идея. Ну, я-то объяснил, сказал: А ну, как все мы приедем сюда на будущий год в мае, мистер Уллман, я на вечер открытия приготовлю традиционный обед — а это, кстати, лосось под очень приятным соусом — и все до единого захворают, а доктор придет и скажет: «Уллман, что это вы тут творите? Восемь самых богатых ребят в Америке отравились крысиным ядом! Чьих, интересно, рук это дело?»

Джек закинул голову и звучно расхохотался.

— Что ответил Уллман?

Холлоранн изнутри ощупал щеку языком, словно проверяя, не застрял ли там кусочек пищи.

— Он сказал: «В таком случае — ловите, Холлоранн!»

На этот раз засмеялись все, даже Дэнни, хотя он не совсем понимал, в чем состоит шутка — ясно было только, что она касается мистера Уллмана, который, в конце концов, знает не все на свете.

Вчетвером они прошли через столовую, сейчас тихую и пустынную. Из окон открывался сказочный вид на заснеженные западные вершины. Все белые льняные скатерти были прикрыты кусками чистого жесткого пластика. В одном углу, словно часовой на посту, стоял уже скатанный на зиму ковер.

На другой стороне широкой комнаты находилась дверь, створки которой напоминали крылья летучей мыши, а над ней — выведенная позолоченными буквами старомодная надпись: «БАР КОЛОРАДО».

Увидев, куда смотрит Джек, Холлоранн сказал:

— Коли вы любитель выпить, так, надеюсь, прихватили запасы с собой. Тут хоть шаром покати — вчера была вечеринка для сотрудников, вот что. Сегодня у всех горничных и рассыльных трещит голова, включая и меня.

— Я не пью,— коротко сообщил Джек. Они вернулись в вестибюль.

За те полчаса, что они провели в кухне, там стало куда свободнее. Продолговатое помещение уже приобретало замерший, заброшенный вид, и Джек решил, что довольно скоро они свыкнутся с этим. Стулья с высокими спинками опустели. Монахинь, что сидели у огня, уже не было, да и сам огонь потух, превратившись в слой уютно тлеющих углей. Венди выглянула на стоянку и увидела, что осталась всего дюжина машин, остальные исчезли.

Она поймала себя на том, что хочет, чтобы можно было сесть в фольксваген и уехать в Боулдер... или еще куда-нибудь.

Джек озирался в поисках Уллмана, но того в вестибюле не было. Подошла молоденькая горничная с заколотыми на затылке пепельными волосами.— Твой багаж на крыльце, Дик.

— Спасибо, Салли.— Он чмокнул ее в лоб.— Желаю хорошо провести зиму. Я слыхал, ты выходишь замуж?

Она зашагала прочь, развязно виляя задом, а он повернулся

к Торрансам.— Ежели я собираюсь успеть на свой самолет, надо поторопиться. Хочу пожелать вам всего хорошего. Так и выйдет, я знаю.

— Спасибо,— сказал Джек.— Вы были очень добры.

— Я хорошенько позабочусь о вашей кухне,— снова пообещала Венди.— Наслаждайтесь Флоридой.

— Как всегда,— сказал Холлоранн. Он оперся руками о колени и нагнулся к Дэнни.— Последний шанс, парень. Хочешь во Флориду?

— Кажется, нет,— с улыбкой ответил Дэнни.

— О'кей. Хочешь проводить меня с сумками до машины?

— Если мама скажет, что можно.

— Можно,— сказала Венди,— но придется застегнуть курточку.

Она нагнулась сделать это, но Холлоранн опередил ее, большие, темные пальцы двигались ловко и проворно.

— Я отошлю его прямо к вам,— сказал он.

— Отлично,— откликнулась Венди и проводила их до дверей. Джек все еще оглядывался — не появится ли Уллман. У стойки выписывались последние постояльцы «Оверлука».

11. СИЯНИЕ

Прямо за дверями были свалены в кучу четыре сумки. Три здоровенных, видавших виды старых чемодана из черной искусственной крокодиловой кожи. Последняя необъятных размеров сумка на молнии была из выцветшей шотландки.

— Похоже, ты ее унесешь, а?— спросил Холлоранн у Дэнни. Сам он в одну руку взял два больших чемодана, а оставшийся сунул подмышку.

— А как же,— сказал Дэнни. Он вцепился в сумку обеими руками и вслед за поваром спустился по ступенькам крыльца, мужественно стараясь не кряхтеть, чтобы не выдать, как ему тяжело.

За то время, что прошло с приезда Торрансов, поднялся резкий, пронизывающий ветер; он свистел над стоянкой и Дэнни, тащившему перед собой сумку, которая стукала его по коленкам, приходилось щуриться так, что глаза превращались в щелки. На асфальте, теперь почти пустынном, шуршали и переворачивались несколько блуждающих осиновых листков, отчего Дэнни на миг вспомнилась та ночь на прошлой неделе, когда, проснувшись после кошмара, он услышал — или, по крайней мере, подумал, что слышит,— как Тони не велит ему ехать.

Холлоранн опустил сумки на землю возле багажника бежевого «Плимут-фьюри».

— Машина, конечно, не бог весть какая,— доверительно сообщил он малышу,— я ее нанял, вот что. Моя Бесси — на другом конце Штатов. Вот то машина, так машина. Кадиллак пятидесятого года, а катается — одно удовольствие! Да, скажу я вам... Дер-

жу ее во Флориде, она уже слишком стара, чтоб лазить по горам. Тебе помочь?

— Нет, сэр,— сказал Дэнни. Последние десять или двенадцать шагов ему удалось пронести сумку, не кряхтя. С глубоким вздохом облегчения он опустил ее на землю.

— Молодец,— похвалил Холлоранн. Вытащив из кармана синего шерстяного пиджака большую связку ключей, он отпер багажник и, поднимая вещи, спросил: — Сияешь, малыш? Да как сильно, я таких еще не встречал. А мне в январе шестьдесят стукнуло.

— А?

— Тебе кое-что дано,— сказал Холлоран, оборачиваясь к нему.— Что до меня, я всегда называл это сиянием. И бабка моя тоже так говорила. У нее у самой это было. Когда я был пацаненком, не старше тебя, мы частенько сиживали на кухне и подолгу болтали, даже рта не раскрывая.

— Честно?

При виде разинутого рта Дэнни, его почти голодного выражения, Холлоранн с улыбкой сказал:

— Залезай-ка, посидишь со мной несколько минут в машине. Хочу поговорить с тобой.— Он захлопнул багажник.

Венди Торранс из вестибюля «Оверлука» увидела, как ее сын лезет на пассажирское сиденье в машину Холлоранна, а черный повар-великан садится за руль. Ощутив острый укол страха, она открыла было рот, чтобы сказать Джеку: Холлоранн не шутил насчет того, чтобы увезти его сына во Флориду, затевается похищение... Но они сидели в машине — и ничего больше. Очертания головки сына, внимательно повернутой к крупной голове Холлоранна, были едва видны Венди. Но и с такого расстояния она узнала позу: так сын смотрел телевизор, когда показывали что-нибудь особенно захватывающее, так он играл с отцом в «старую деву» или дурацкий криббидж *. Джек, который по-прежнему озирался в поисках Уллмана, этого не заметил. Венди молчала, нервно наблюдая за машиной Холлоранна, и пыталась понять: о чем же может идти разговор, если Дэнни так наклонил голову?

В машине Холлоранн говорил:

— Когда думаешь, что один такой на свете, делается вроде как одиноко, так?

Дэнни, которому иногда бывало не только одиноко, но и страшно, кивнул.

— А других вы не встречали, только меня?— спросил он.

Холлоранн рассмеялся, качая головой.

— Нет, малыш, нет. Но ты сияешь сильней всех.

— Значит, таких много?

— Нет,— сказал Холлоранн,— но время от времени на них натыкаешься. Полно ребят, которые сияют самую чуточку. И даже

* «криббидж» — карточная игра для 2, 3 или 4 игроков. Из сброшенных игроками карт формируется «колыбель-криб». (прим. перев.)

не знают про это. Только всегда являются с цветами, коли их жены погано себя чувствуют во время месячных, хорошо сдают контрольные в школе, хоть учебник и в руки не брали, и, стоит им зайти в комнату, они сразу соображают, что чувствуют люди в ней. Таких-то я встречал человек пятьдесят или шестьдесят. Но всего человек двенадцать, включая и мою бабулю, *знали*, что сияют.

— У-у,— сказал Дэнни и задумался. Потом: — Вы знаете миссис Брэнт?

— Ее-то? — презрительно переспросил Холлоранн.— Она не сияет, нет. Просто два-три раза за вечер отсылает назад свой ужин.

— Я знаю, что она не сияет,— серьезно сказал Дэнни.— А дяденьку в серой форме, который подгоняет машины, знаете?

— Майка? Конечно, я знаю Майка. И что же?

— Мистер Холлоранн, зачем ей его штаны?

— Малыш, ты о чем?

— Ну, когда она на него смотрела, то думала: вот бы забраться в его штаны, и я подумал, зачем...

Больше он не сказал ничего. Из груди запрокинувшего голову Холлоранна вырвался таившийся там басистый хохот, раскатившийся по машине подобно артиллерийской канонаде, такой хохот, что затряслись сиденья. Дэнни озадаченно улыбнулся. Наконец, то возобновляясь, то стихая, буря улеглась. Из нагрудного кармана Холлоранн вытащил большой шелковый носовой платок — как будто, сдаваясь, выбросил белый флаг — и вытер льющиеся из глаз слезы.

— Мальчуган,— сказал он, все еще похрюкивая,— тебе еще и десяти не исполнится, а ты уж узнаешь все о роде человеческом. Только не знаю, завидовать тебе или нет.

— Но миссис Брэнт...

— Выкинь ее из головы,— сказал повар.— И не вздумай спросить маму. Она только расстроится, сечешь?

— Да, сэр,— ответил Дэнни. Он просек это лучше некуда. В прошлом ему уже случалось огорчать маму подобным образом.

— Миссис Брэнт — просто грязная старуха, у которой кое-где чешется, вот все, что тебе надо знать,— он задумчиво посмотрел на Дэнни.— И сильно ты можешь попасть, док?

— А?

— Ну-ка, бабахни в меня. Подумай в мою сторону. Хочу понять: столько ты можешь, сколько я думаю, или нет.

— А что подумать?

— Все равно. Только подумай *сильно*.

— Ладно,— сказал Дэнни. Минуту он соображал, потом, собравшись с мыслями, сосредоточился и резко швырнул их в сторону Холлоранна. Раньше ничего подобного Дэнни не приходилось делать, и в последний миг какая-то часть его существа инстинктивно восстала, притупив грубую силу мысли — он не хотел

повредить мистеру Холлоранну. И все-таки мысль полетела стрелой, да с такой силой, в какую Дэнни никогда бы не поверил. Она пронеслась, как пущенный рукой Нолана Райана литой мяч, и даже чуть-чуть быстрее.

(Ой, хоть бы не сделать ему больно!)

Подумал он вот что:

(!!! ПРИВЕТ, ДИК !!!)

Холлоранн сморщился и рывком отпрянул к спинке сиденья. Смыкаясь, громко лязгнули зубы, из нижней губы тоненькой струйкой потекла кровь. Руки повара невольно поднялись с колен к груди, а потом упали обратно. Ресницы слабо трепетали, очевидно, неуправляемые сознанием, и Дэнни испугался.

— Мистер Холлоранн? Дик? С вами все в порядке?

— Не знаю,— сказал Холлоранн со слабым смешком.— Честное слово, не знаю, Бог свидетель. Господи, малыш, ну ты и стрелок.

— Извините,— сказал Дэнни, встревожившись еще сильнее.— Сходить за папой? Я сбегаю, приведу его.

— Нет, уже все нормально. Все хорошо, Дэнни. Посиди тут. Просто меня немножко встряхнуло, вот и все.

— Я могу еще сильнее,— сознался Дэнни.— Я испугался в последний момент.

— Может, оно и неплохо... а то висеть бы моим мозгам из ушей.— Он заметил тревогу на лице Дэнни и улыбнулся.— Ничего страшного, а ты что чувствовал?

— Как будто я — Нолан Райан и кидаю мяч,— быстро ответил Дэнни.

— Любишь бейсбол, да?— Холлоранн осторожно растирал виски.

— Нам с папой нравятся «Ангелы»,— сказал Дэнни.— В Восточноамериканской Лиге — «Ред Сокс», а в Западной — «Ангелы». Мы смотрели на мировом чемпионате матч «Ред Сокс» с Цинциннати, я тогда был куда меньше. А папа...— лицо Дэнни потемнело и стало расстроенным.

— Что папа, Дэн?

— Не помню,— сказал Дэнни. Он принялся было запихивать в рот большой палец, чтоб пососать его, но это были детские штучки. Рука вернулась на колени Дэнни.

— Ты умеешь понять, что думают папа с мамой, Дэнни?— Холлоранн пристально смотрел на него.

— Если мне хочется, почти всегда. Но обычно я не стараюсь.

— А почему?

— Ну...— он на минуту обеспокоенно замолчал.— Ну, это же как подглядывать в спальню, когда они делают то, от чего бывают дети. Вы знаете, что это такое?

— Да, было дело,— серьезно сказал Холлоранн.

— Им бы это не понравилось. И не понравилось бы, что я подсматриваю, как они думают. Это гадко.

— Понятно.

— Но я понимаю, что они чувствуют,— сказал Дэнни.— С этим я ничего не могу поделать. Еще я знаю, как вы себя чувствуете. Я сделал вам больно. Извините.

— Просто голова заболела. С похмелья бывало и хуже. Ты можешь читать чужие мысли, Дэнни?

— Я пока совсем не могу читать,— ответил Дэнни,— только несколько слов. Но за эту зиму папа собирается выучить меня. Папа учил читать и писать в большой школе. В основном писать, но читать он тоже умеет.

— Я хотел сказать, ты можешь понять, о чем думает кто-то другой?

Дэнни поразмыслил.

— Когда *громко,* могу,— наконец сказал он.— Как миссис Брэнт про штаны. Или, как когда мы с мамой один раз пошли в большой магазин покупать мне ботинки, и там один большой парень смотрел на приемники и думал взять один, а покупать не хотел. Потом он подумал: «а что, если поймают?» А потом: «но мне так хочется такой приемник». Потом он опять подумал, вдруг его поймают, ему от этого стало плохо, и *мне* тоже. Мама разговаривала с человеком, который продает ботинки, так что я пошел к тому парню и сказал: «Парень, не бери это радио. Уходи». И он правда испугался. И быстро ушел.

Холлоранн широко ухмыльнулся.

— Держу пари, так оно и было. А что ты еще можешь, Дэнни? Только мысли и чувства или еще что-то?

Осторожное:

— А вы можете еще что-то?

— Иногда,— сказал Холлоранн.— Не часто. Иногда... иногда мне бывают видения. А у тебя бывают видения, Дэнни?

— Иногда,— сказал Дэнни,— я вижу сны, когда не сплю. После того, как приходит Тони.— Ему опять очень захотелось сунуть палец в рот. Про Тони он никогда никому не рассказывал — только папе с мамой. Он заставил руку с тем пальцем, что обычно запихивал в рот, лечь обратно на колени.

— Кто такой Тони?

И вдруг на Дэнни накатило одно из тех озарений, которые пугали его больше всего: словно перед глазами вдруг быстро промелькнула какая-то непонятная машина, которая могла оказаться и безвредной, и смертельно опасной. Он был слишком мал, чтобы разобраться. Он был слишком мал, чтобы понять.

— В чем дело?— выкрикнул он.— Вы расспрашиваете меня, потому что волнуетесь, правда? Почему вы волнуетесь за меня? Почему вы волнуетесь за *нас*?

Холлоранн положил на плечи малышу крупные темные руки.

— Перестань,— сказал он.— Наверное, все нормально. А если и есть что-то... так у тебя в голове, Дэнни, ого-го какая штука. Та-

кая, что тебе до нее еще расти да расти, вот как. Потому надо держать хвост морковкой.

— *Но я не понимаю*! — взорвался Дэнни.— *Я понимаю, но не понимаю*! Люди... люди чувствуют всякое. А я чувствую их, но не понимаю, что я чувствую! — Он с несчастным видом уперся взглядом себе в колени.— Я хотел бы уметь читать. Иногда Тони показывает мне надписи, а я их еле прочитываю.

— Кто такой Тони? — повторил Холлоранн.

— Мама с папой называют его моим «невидимым приятелем»,— ответил Дэнни, тщательно воспроизводя слова.— Но на самом деле, он настоящий. По крайней мере, я так думаю. Когда я по правде сильно стараюсь что-нибудь понять, он иногда приходит. И я как будто падаю в обморок, только... там бывают видения, как вы говорите.— Он взглянул на Холлоранна и сглотнул.— Раньше всегда приятные. А теперь... не помню, как называются сны, когда пугаешься и плачешь?

— Кошмары? — спросил Холлоранн.

— Да. Правильно. Кошмары.

— Про этот отель? Про «Оверлук»?

Дэнни снова опустил глаза к своей руке с «сосательным» пальцем.

— Да,— прошептал он. Потом, глядя вверх, в лицо Холлоранну, пронзительным голоском заговорил.

— Но я не могу рассказать все это папе, и вы тоже не можете! Ему пришлось взяться за эту работу, потому что дядя Эл не смог найти ему никакую другую, а папе надо закончить пьесу, а то он опять может начать Плохо Поступать, а я знаю, что это такое, это значит — *напиваться*, вот что, он всегда *напивался*, а это плохо! — Дэнни умолк, готовый расплакаться.

— Ш-ш-ш,— сказал Холлоранн и прижал личико Дэнни к шершавой ткани пиджака. От него слабо пахло нафталином.— Ничего, сынок. А ежели пальчику нравится у тебя во рту, пускай забирается, куда ему охота.— Но лицо его было встревоженным.

Он сказал:

— То, что ты умеешь, сынок... я называю это «сиять», Библия — «иметь видения», а ученые — «предвидеть». Я много читал об этом, сынок. Специально. И означает это одно — видеть будущее.

Дэнни кивнул, не отрываясь от пиджака Холлоранна.

— Помню, раз я так засиял, что сильней ни до, ни после не бывало... этого мне не забыть. В пятьдесят пятом. Я тогда служил в армии, за морями, на военной базе в Западной Германии. До ужина оставался час, а я стоял у раковины и дрючил одного салагу за то, что картошку чистит слишком толсто. «Эй,— говорю,— ну-кась, погляди, как это делается». Он протягивает мне картошку и ножик, и тут кухня пропадает. Целиком. Хлоп — и нету. Говоришь, тебе перед... видениями этот Тони является?

Дэнни кивнул.

Холлоранн обнял его одной рукой.

— А у меня пахнет апельсинами. Весь тот день пахло апельси-

нами, а мне это было ни по чем, потому что они входили в меню ужина — мы получили тридцать ящиков из Валенсии. В тот вечер все в проклятой кухне провоняло апельсинами.

Я на секунду вроде как отключился. А потом услышал взрыв и увидел пламя. Крики. Сирены. И еще зашипело — так шипит только пар. Потом я вроде бы чуть подвинулся ко всему этому и увидел сошедший с рельсов вагон, он лежал на боку и написано было: «ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА ДЖОРДЖИЯ И ЮЖНАЯ КАРОЛИНА», и меня осенило, я понял — на этом поезде ехал мой брат Карл, а поезд соскочил с рельсов и брат погиб. Вот прямо так. Потом все исчезло, а передо мной — этот перепуганный тупой салабон, все протягивает мне картошку с ножиком и говорит: «Сержант, ты в норме?» А я говорю: «Нет, только что в Джорджии погиб мой брат». Дозвонился я, наконец, до мамочки по междугородному телефону, и она рассказала мне, как это было.

Но, видишь ли, мальчуган, я это уже знал.

Холлоранн медленно покачал головой, отгоняя воспоминание, и сверху вниз заглянул в широко раскрытые глаза мальчика.

— Но запомнить тебе, малыш, надо вот что: *такие штуки не всегда сбываются*. Помню, всего четыре года назад я работал поваром в лагере для мальчиков на Длинном озере, в Мэне. Вот сижу я в Логанском аэропорту, жду посадку на свой рейс, и тут запахло апельсинами. Впервые, лет, наверное, за пять. Вот я и говорю себе: «Господи, что ж будет в этом ненормальном ночном шоу дальше?» и отправляюсь в туалет, и сажусь на унитаз, чтоб побыть одному. Сознания не теряю, но появляется у меня ощущение, что мой самолет разобьется, и делается оно все сильней и сильней. А потом пропадает вместе с запахом апельсинов, и делается ясно, что все кончилось. Я вернулся к кассам авиалиний «Дельта» и поменял свой рейс на другой, через три часа. И знаешь, что было?

— Что? — прошептал Дэнни.

— *Ничего!* — сказал Холлоранн и рассмеялся. Он с облегчением увидел, что и мальчик слабо улыбнулся. — Ничегошеньки! Самолет сел, как по маслу и точно по расписанию. Вот видишь... бывает, предчувствия ничем не кончаются.

— О, — сказал Дэнни.

— Или возьми скачки. Я много хожу на скачки и обычно играю очень неплохо. Когда они отправляются на старт, я стою у ограды, и иногда сияние мне подсказывает, так, чуть-чуть: та лошадь или эта. Обычно такое чутье дает прилично заработать. Я всегда твержу себе: в один прекрасный день ты угадаешь три лошади в трех больших заездах и получишь на этом такие деньжищи, что можно будет рано уйти на пенсию. До сих пор это еще не сбылось. Зато много раз я возвращался домой с ипподрома не на такси, а на своих двоих со слипшимся бумажником. Никто не сияет все время, кроме, может, Господа на небесах.

— Да, сэр, — согласился Дэнни, думая, как почти год назад Тони показал ему нового малыша, лежавшего в колыбельке в их

стовингтонской квартире. Из-за этого Дэнни очень взволновался и стал ждать, зная, что на это требуется время, но никакой новый ребеночек не появился.

— Теперь послушай-ка,— сказал Холлоранн и взял обе ручки Дэнни в свои.— Здесь я видел несколько плохих снов, и плохие предчувствия тоже были. Я тут проработал теперь уже два сезона, и раз десять у меня были... ну... кошмары, а еще, сдается мне, с полдюжины раз мерещилось всякое. Нет, что — не скажу. Это не для такого малыша, как ты. Просто разные гадости. Раз это было с этими кустами, чтоб им пусто было, с теми, что на манер зверей подрезаны. Другой раз горничная, Делорес Викери ее звать, было у нее малюсенькое сияние, да сдается мне, она об этом знать не знала. Мистер Уллман выкинул ее с работы... знаешь, что это значит, док?

— Да, сэр,— простодушно ответил Дэнни,— папу выкинули из школы, вот почему, по-моему, мы оказались в Колорадо.

— Ну вот, Уллман выкинул ее из-за того, что она говорила, будто увидела в одном из номеров что-то такое... в том номере, где случилась нехорошая вещь. Это номер 217, и я хочу, чтобы ты пообещал мне не заходить в него, Дэнни. Всю зиму. Обходи его стороной.

— Ладно,— сказал Дэнни.— Эта тетя... горничная... она попросила вас посмотреть?

— Да, попросила. И кое-что скверное там было. Но... не думаю, что оно может *навредить* кому-нибудь, Дэнни. Вот я к чему клоню. Те, кто сияет, иногда умеют видеть то, что *должно* случиться и, думаю, иногда — то, что *уже* случилось. Но все это — как картинки в книжке. Ты видел в книжке страшную картинку, Дэнни?

— Да,— сказал он, вспоминая сказку о Синей Бороде и картинку, на которой новая жена Синей Бороды открывает дверь и видит все головы.

— Но ты знаешь, что она не может тебе ничего сделать, так?

— Да-а...— с легким сомнением откликнулся Дэнни.

— Ну вот, так и с этим отелем. Не знаю, с чего, но мне кажется, что бы плохое тут в свое время ни случилось, его маленькие кусочки еще валяются по отелю, как обрезки ногтей или сопли, которые кто-то противный размазал под стулом. Не понимаю, почему так должно быть именно тут. Сдается мне, скверные вещи случаются во всех отелях на свете, я много где работал, и никаких неприятностей не было. Только здесь. Но, Дэнни, я не думаю, что такое может кому-нибудь повредить.— Каждое слово он подчеркивал, мягко встряхивая мальчика за плечо.— Поэтому, если увидишь что-то в холле или в комнате, или на улице, где эти кусты... просто посмотри в другую сторону, а когда снова обернешься, все пропадет. Сечешь?

— Да,— сказал Дэнни. Он успокоился и чувствовал себя куда лучше. Он стал на коленки, чмокнул Холлоранна в щеку и крепко обхватил. Тот обнял его в ответ.

Выпустив мальчика, он спросил:

— Твои предки... они не сияют, нет?

— Нет, не думаю.

— Я их проверил, так же, как тебя,— сказал Холлоранн.— Твоя мама дернулась только чуть-чуть. Знаешь, по-моему, все мамаши немного сияют — по крайней мере, пока их детки не подрастут настолько, чтоб самим о себе позаботиться. Твой папа...

Холлоранн ненадолго замолчал. Он проверил отца мальчугана и просто не понимал. Не похоже было, что Дик встретил того, кто сияет, но твердо сказать, что этот человек на такое не способен, было нельзя. Прощупывать отца Дэнни было... странно, как будто Джек Торранс что-то — *нечто* — скрывал. Или так далеко упрятал в себя, что до этого невозможно было добраться.

— Думаю, он вообще не сияет,— закончил Холлоранн.— Так что за них не беспокойся. Просто сам будь поосторожней. *Не думаю, что хоть что-нибудь тут может причинить тебе вред.* Так что спокойствие, о'кей?

— О'кей.

— *Дэнни! Эй, док!*

Дэнни огляделся по сторонам.

— Это мама. Я ей нужен, надо идти.

— Знаю,— сказал Холлоранн. — Желаю хорошо провести зиму, Дэнни. Так хорошо, как сумеешь.

— Ладно. Спасибо, мистер Холлоранн. Мне намного лучше.

В его сознании возникла улыбающаяся мысль:

(для друзей — Дик)

(да, Дик, ладно)

Их глаза встретились, и Дик Холлоранн подмигнул.

Дэнни пролез на сидение машины и открыл дверцу. Когда он вылезал, Холлоранн позвал: — Дэнни?

— Что?

— Если *будут* неприятности... позови. Заори как следует, погромче, как несколько минут назад. Я сумею тебя услышать даже далеко на юге, во Флориде. А услышу, так примчусь со всех ног.

— Ладно,— сказал Дэнни и улыбнулся.

— Осторожней, паренек.

— Угу.

Дэнни захлопнул дверцу и побежал через стоянку к крыльцу, где, обхватив себя руками на знобящем ветру, стояла Венди. Холлоранн смотрел, широкая улыбка медленно таяла.

Не думаю, что хоть что-нибудь тут может причинить тебе вред.

Не думаю...

Но что, если он ошибся? Как только он увидел ту хреновину в ванне номера 217, то понял, что отработал в «Оверлуке» свой последний сезон. Хреновина эта была много хуже любой картинки в любой книжке, а бегущий к маме мальчик казался отсюда таким *маленьким...*

Его взгляд проплыл к декоративным зверям.

Он резко завел машину, переключил передачу и поехал прочь, стараясь не оглядываться. Конечно же, он оглянулся и, конечно же, крыльцо оказалось пустым. Они ушли внутрь. Как будто «Оверлук» проглотил их.

12. ВЕЛИКИЙ ОБХОД

— О чем вы говорили, милый? — спросила Венди, когда они вернулись внутрь.

— Ничего особенного.

— Долгонько же вы говорили ни о чем.

Он пожал плечами, и в этом жесте Венди узнала отца Дэнни. Вряд ли сам Джек проделал бы это лучше. Больше из Дэнни было ничего не вытянуть. Венди почувствовала сильную досаду, смешанную с еще более сильной любовью: любовь была беспомощной, а досада происходила от ощущения, что ее намеренно исключили из чего-то. С ними она иногда чувствовала себя посторонней, исполнительницей крошечной роли, которая случайно забрела обратно на сцену, где разворачивались главные события. Что ж, нынешней зимой этой доводящей Венди до белого каления парочке не удастся отлучить ее от себя — в квартире для этого слишком мало места. Она вдруг поняла, что ревнует к тому, насколько близки ее муж и сын, и ей стало стыдно. Это слишком напоминало то, что, должно быть, чувствовала ее мать... слишком, чтобы не встревожиться.

Сейчас вестибюль был пуст, если не считать Уллмана и главного клерка за стойкой (они подбивали итоги возле кассы), парочки переодевшихся в теплые брюки и свитера горничных, которые стояли у парадной двери, обложившись багажом, и Уотсона, здешнего техника-смотрителя. Он заметил, что Венди смотрит на него, и подмигнул... определенно развратно. Она торопливо отвела глаза. Джек был у окна сразу за рестораном, он с мечтательным видом разглядывал пейзаж, явно наслаждаясь.

Видимо, снимать кассу закончили, потому что Уллман с внушительным хлопком запер ее. Он надписал на ленте свои инициалы и спрятал ее в маленький футляр на молнии. Венди про себя поаплодировала клерку, лицо которого выразило огромное облегчение. Уллман производил впечатление человека, который любую недостачу вырвет у главного клерка из-под шкуры... не пролив ни капли крови. Венди не очень-то заботил Уллман и его назойливая суетливая манера держаться. Он был точь-в-точь таким, как все начальники, с которыми ей приходилось иметь дело — что мужчины, что женщины. С клиентами он умел быть сахаринно-сладким, а за кулисами, с персоналом, превращался в мелкого тирана. Но сейчас дисциплине пришел конец, и на лице главного клерка читалась написанная крупными буквами радость. С дисциплиной, кстати, было покончено для всех, кроме них с Джеком и Дэнни.

— Мистер Торранс,— властно позвал Уллман.— Будьте любезны, подойдите сюда.

Джек пошагал к нему, кивнув Венди и Дэнни в знак того, что и им следует подойти.

Клерк, который ушел было внутрь, вернулся, уже в пальто.

— Желаю хорошо провести зиму, мистер Уллман.

— Сомневаюсь,— холодно сказал Уллман.— Двенадцатого мая, Брэддок. Ни днем раньше. Ни днем позже.

— Да, сэр.

Брэддок обошел стойку. Лицо его, соответственно положению, выражало достоинство и рассудительность, но, когда он полностью повернулся к Уллману спиной, то ухмыльнулся, как школяр. Он что-то быстро сказал двум девушкам, все еще ожидавшим у дверей свою машину, и вслед ему полетел короткий взрыв сдавленного смеха.

Теперь Венди начала замечать, как здесь тихо. Тишина навалилась на отель, как тяжелое одеяло, заглушающее все, кроме слабой пульсации дня снаружи. С того места, где она стояла, можно было заглянуть в вылизанный сейчас до стерильности внутренний офис. Там было два пустых стола и два серых стеллажа с папками. Дальше виднелась кухня Холлоранна, без единого пятнышка, большие двустворчатые двери с круглыми окошечками были раскрыты и подперты резиновыми валиками.

— Я подумал, что потрачу несколько лишних минут и проведу вас по Отелю,— сказал Уллман, и Венди подумала, что в его тоне всегда слышится заглавное «О». Вы просто обязаны были услышать его.— Уверен, ваш муж хорошо узнает здешние входы и выходы, миссис Торранс, но вы с сыном, несомненно, в основном будете держаться первого и второго этажей, где находится ваша квартира.

— Несомненно,— застенчиво пробормотала Венди, а Джек исподтишка взглянул на нее.

— Это очень красивый отель,— экспансивно объявил Уллман.— Мне про́сто нравится показывать его.

«*Готова спорить, так оно и есть*»,— подумала Венди.

— Пойдемте на четвертый этаж, а оттуда спустимся вниз,— сказал Уллман. Определенно, в его голосе звучал энтузиазм.

— Если мы вас задерживаем...— начал Джек.

— Нисколько,— сказал Уллман.— Магазин закрыт. «Ту фини», по крайней мере, на этот сезон. Кроме того, я собираюсь переночевать в Боулдере — конечно, в «Боулдерадо». Единственный приличный отель по эту сторону Денвера... не считая, конечно, самого «Оверлука». Сюда.

Они все вместе вошли в лифт, богато украшенный медными и латунными завитушками, но тот заметно осел еще до того, как Уллма́н раскрыл дверцу. Дэнни с легким беспокойством пошевелился, но Уллман сверху вниз улыбнулся ему. Дэнни попытался улыбнуться в ответ — без заметного успеха.

— Нечего бояться, мужичок,— сказал Уллман.— Безопасно, как у Христа за пазухой.

— Про «Титаник» тоже так говорили,— заметил Джек, поднимая глаза на стеклянный шар в центре потолка кабины. Венди прикусила изнутри щеку, чтоб удержаться от улыбки.

Уллмана это замечание не развеселило. Он с шумом и треском захлопнул внутренние дверцы.

— «Титаник» сделал только один рейс, мистер Торранс. Этот лифт, с тех пор, как его установили в 1926 году, сделал их тысячи.

— Что вселяет уверенность,— сказал Джек. Он потрепал Дэнни по голове.— Ну, док, самолет не разобьется.

Уллман передвинул рычаг, и какое-то время слышался только жалобный вой замученного мотора, да пол трясся у них под ногами. Венди представилось: вот их четверка застревает между этажами, как мухи в бутылке, а весной их находят... с недостающими кусочками... как в компании Доннеров...

(прекрати!)

Лифт, дрожа, начал подъем. Поначалу снизу доносилось клацанье и стук, потом дело пошло более гладко. На четвертом этаже Уллман остановил глухо стукнувший лифт, распахнул створки внутренней дверцы и открыл наружную. До этажа оставалось еще дюймов шесть. Дэнни широко раскрытыми глазами смотрел, насколько ниже пол лифта пола четвертого этажа, будто только-только уразумел, что вселенная устроена не так разумно, как ему говорили. Уллман откашлялся, немного поднял кабину и остановил ее, при этом она содрогнулась (два дюйма они все-таки не доехали), и все выбрались наружу. Стоило кабине освободиться от их веса, как она поднялась почти вровень с этажом, но, по мнению Венди, уверенности это не прибавляло. Безопасно в лифте или нет, но она решила пользоваться лестницей, если нужно будет спуститься или подняться наверх. И ни при каких условиях она не позволит забраться в эту хрупкую штуковину всем троим вместе.

— На что смотрим, док?— весело спросил Джек.— Пятна нашел, да?

— Нет, конечно,— сказал уязвленный Уллман.— Все ковры мыли с шампунем всего два дня назад.

Венди и сама бросила взгляд на дорожку в холле. Симпатичная, но если настанет день, когда у нее будет собственный дом, такую она определенно не выберет. На темно-голубом фоне сплеталось что-то вроде сюрреалистических джунглей, там было множество лиан, дикого винограда и усеянных экзотическими птицами деревьев. Трудно было сказать, что это за птицы, потому что весь узор был совершенно черным, и виднелись лишь силуэты.

— Тебе нравится ковер?— спросила она у Дэнни.

— Да, мам,— лишенным выражения тоном ответил он.

Они прошли по приятно широкому холлу. Обои были шелковистыми, более светлого голубого тона, чтобы сочеталось с ко-

вром. Через каждые десять футов на высоте примерно семи футов помещались электрические светильники, стилизованные под лондонские газовые фонари, поэтому лампочки прятались за стеклом туманно-кремового оттенка, перехваченным крест-накрест железными полосками.

— Как они мне нравятся,— сказала Венди.

Довольный Уллман кивнул.

— Мистер Дервент поставил их после войны — второй мировой, я хочу сказать,— по всему отелю. Фактически, почти весь — хотя и не совсем — интерьер четвертого этажа — его идея. Вот номер 300. Президентский люкс.

Он повернул ключ в замке двустворчатой двери красного дерева и распахнул ее настежь. От явившейся их взорам западной панорамы в окне гостиной все разинули рты — наверное, того Уллман и добивался. Он улыбнулся.

— Вот это вид, верно?

— Да уж,— сказал Джек.

Окно занимало почти всю длинную стену гостиной, а за ним, прямо меж двух зазубренных вершин, стояло солнце, льющее золотой свет на скалы и сахарно-белый снег высоких пиков. Облака по бокам и сзади от этого просто-таки предназначенного для почтовой открытки пейзажа тоже были подкрашены золотом, а ярко сверкающие снопы солнечных лучей медленно угасали в темных мохнатых омутах ниже границы леса.

И Джек, и Венди были столь поглощены этим зрелищем, что не обратили внимания на Дэнни — тот тоже не сводил глаз, но не с окна, а с того места, где открывалась дверь в ванную, с красно-бело-полосатых шелковистых обоев слева от себя. И его аханье, слившееся с «ах!» родителей, не имело никакого отношения к красоте.

На обоях запеклись большие пятна крови, испещренные крошечными кусочками какого-то серовато-белого вещества. От этого Дэнни затошнило. Это напоминало написанную кровью безумную картину, сюрреалистический офорт, изображающий запрокинутое от боли и ужаса человеческое лицо с зияющим ртом и снесенной половиной черепа.

(Так что если увидишь что-нибудь... просто отвернись, а когда опять посмотришь, все исчезнет. Сечешь?)

Дэнни нарочно перевел взгляд на окно, соблюдая осторожность, чтобы по выражению его лица нельзя было ни о чем догадаться, а когда его руку накрыла мамина, он взялся за нее, следя, как бы не вцепиться или не подать какой-нибудь иной сигнал.

Управляющий говорил папе что-то о том, что следует убедиться, закрыто ли это большое окно ставнями, иначе сильный ветер разобьет его. Джек кивал. Дэнни осторожно взглянул на стену еще раз. Большое пятно засохшей крови исчезло. Маленьких серо-белых пятнышек, разбрызганных по нему, тоже не было.

Потом Уллман вывел их из номера. Мама спросила у него, как

он считает, горы симпатичные? Дэнни сказал «да», хотя на самом деле горы его никак не волновали. Когда Уллман закрывал за ними двери, Дэнни оглянулся через плечо. Кровавое пятно вернулось, только на сей раз оно было свежим. Оно растекалось. Уллман, глядя прямо на пятно, продолжил беглые сообщения насчет останавливавшихся здесь известных людей. Дэнни обнаружил, что сильно, до крови, прикусил губу, и даже не почувствовал этого. Пока они шли по коридору, он немножко отстал от остальных, утер тыльной стороной руки кровь и подумал про

(кровь)

(мистер Холлоранн видел кровь или что-нибудь похуже?)

(*не думаю, что такие штуки могут причинить тебе вред*).

Во рту Дэнни притаился крик, но он не выпустил его. Папа с мамой не умеют видеть такие вещи; они никогда этого не умели. Он промолчит. Мама с папой любят друг друга, вот это настоящее. Прочее напоминало картинки в книжке. Некоторые были страшными, но причинить вреда не могли. *Они... не могут... причинить вред...*

Мистер Уллман провел их по коридорам, которые извивались и сворачивали, как в лабиринте, и показал еще несколько номеров на четвертом этаже. Тут, наверху, сплошь луки, сказал мистер Уллман, хотя никаких луков Дэнни не видел. Он показал им комнату, где один раз останавливалась леди по имени Мэрилин Монро — она тогда вышла замуж за человека по имени Артур Миллер (Дэнни смутно понял, что вскоре после того, как они пожили в «Оверлуке», Мэрилин с Артуром РАЗВЕЛИСЬ).

— Мам?

— Что, милый?

— Если они были женаты, почему у них разные фамилии? У вас с папой фамилия одна.

— Да, Дэнни, но мы-то не знаменитости,— сказал Джек.— Знаменитые женщины сохраняют свою фамилию даже после того, как выйдут замуж, потому что фамилия — это их кусок хлеба с маслом.

— Хлеба с маслом,— повторил совершенно заинтригованный Дэнни.

— Папа хочет сказать, что люди привыкли ходить в кино и смотреть на Мэрилин Монро,— сказала Венди,— но им может не понравиться, если они придут и увидят Мэрилин Миллер.

— Почему? Это все равно будет та же самая леди. Разве никто не догадается?

— Да, но...— она беспомощно посмотрела на Джека.

— Однажды в этом номере останавливался Трумэн Капоте,— нетерпеливо перебил Уллман. Он открыл дверь.— Это было уже при мне. Ужасно милый человек. Европейские манеры.

Ни в одном из этих номеров не было ничего примечательного, (вот только луков, которые не переставал упоминать мистер Уллман, там не было) — ничего, что испугало бы Дэнни. Фактически на четвертом этаже Дэнни встревожило еще только одно; но поче-

му — он не мог сказать. А встревожил его огнетушитель на стене в том месте, где коридор сворачивал, возвращаясь к лифту. Тот, раскрытый, зиял в ожидании, как рот, полный золотых зубов.

Огнетушитель был несовременным, плоский шланг, раз десять обвивавший его, одним концом крепился к большому красному вентилю, а другой заканчивался латунным наконечником. Витки шланга удерживал красный металлический обруч на шарнире. В случае пожара можно одним сильным толчком откинуть такой обруч с дороги — и шланг ваш. Это Дэнни понимал, ему хорошо удавалось сообразить, как работают вещи. К тому времени, как Дэнни стукнуло два с половиной, он уже отпирал защитные дверки, которые отец сделал на верхней площадке лестницы в их стовингтонском доме. Он понял, как работает замок. Папа называл это сноровкой. У некоторых *сноровка* была, а у некоторых — нет.

Этот огнетушитель был постарше тех, что случалось видеть Дэнни — например, в детском саду, — но ничего сверхнеобычного в этом не было. Тем не менее шланг, свернувшийся на фоне голубых обоев, как спящая змея, рождал в мальчике смутное чувство тревоги. Так что, свернув за угол, он обрадовался, когда шланг скрылся из вида.

— Естественно, все окна следует закрыть ставнями, — сказал мистер Уллман, когда они снова зашли в лифт. Кабина у них под ногами еще раз неловко осела. — Но особенно меня беспокоит окно в президентском люксе. Обошлось оно нам в четыреста двадцать долларов, а ведь прошло больше тридцати лет. Сегодня замена такого стекла обойдется в восемь раз дороже.

— Я закрою, — сказал Джек.

Они спустились на третий этаж, там были другие номера, а коридор оказался еще извилистее и поворачивал еще чаще. Теперь, когда солнце зашло за горы, свет в окнах начал заметно убывать. Мистер Уллман показал им один или два номера, и на этом все кончилось. Мимо номера 217, насчет которого предостерегал Дик Холлоранн, он прошел, не замедляя шага. Дэнни посмотрел на неброскую табличку с номером, одновременно очарованный и встревоженный.

Потом — еще ниже, на второй этаж. Там мистер Уллман не стал показывать комнаты, пока они не оказались у самой покрытой толстым ковром лестницы, которая вела назад в вестибюль.

— Вот ваша квартира, — сказал он. — Думаю, вы найдете ее подходящей.

Они вошли. Дэнни взял себя в руки — мало ли, что там могло оказаться. Там не оказалось ничего.

Венди Торранс ощутила нахлынувшее сильное облегчение. Президентский люкс своей холодной элегантностью вызвал у нее чувство неловкости, собственной неуклюжести. Очень здорово посетить отреставрированное историческое здание, где в спальне висит мемориальная табличка, гласящая: «Здесь спал Авраам

Линкольн», или «Здесь спал Франклин Рузвельт», но совершенно другое дело — представить, как лежишь с мужем среди целых акров постельного белья и, может статься, занимаешься любовью там, где случалось лежать самым великим (во всяком случае, самым могущественным, поправилась она) в мире людям. Но эта квартира была попроще, более домашней, она прямо-таки манила к себе. Венди подумала, что без особого труда сумела бы мириться с ней до следующего лета.

— Тут очень приятно,— сказала она Уллману и услышала в своем голосе благодарность.

Уллман кивнул.

— Простенько, но подходяще. В сезон тут живут повар с женой или с помощником.

— Тут жил мистер Холлоранн? — вмешался Дэнни.

Мистер Уллман снисходительно склонил голову.

— Именно так. С мистером Неверсом.— Он повернулся к Джеку и Венди.— Тут гостиная.

Там стояло несколько стульев, с виду удобных, но недорогих; кофейный столик — когда-то он стоил немало, но сейчас с одного бока у него был отколот длинный кусок; две книжные полки (Венди с некоторым изумлением отметила, что они битком набиты сборниками обозрений для читателей и трилогиями «Клуба детективных романов» сороковых годов); и казенный телевизор неизвестной марки, куда менее элегантный, чем консоли из полированного дерева в комнатах.

— Кухни, конечно, нет,— сказал Уллман,— но есть подъемник для подачи блюд. Квартира находится прямо над кухней.— Он сдвинул в сторону квадратный кусок обшивки; открылся широкий квадратный поднос. Уллман подтолкнул его, и тот исчез, обнаружив позади себя направляющий трос.

— Тайный ход! — возбужденно заявил Дэнни матери, потрясающая шахта за стеной мигом заставила позабыть все страхи.— Прямо как в «Эббот и Костелло встречаются с монстрами!»

Мистер Уллман нахмурился, но Венди виновато улыбнулась. Дэнни подбежал к подъемнику и заглянул в шахту.

— Сюда, пожалуйста.

Уллман отворил дверь в дальнем конце гостиной. Она вела в широкую и просторную спальню. Там стояли две одинаковые кровати. Венди взглянула на мужа, улыбнулась, пожала плечами.

— Нет проблем,— ответил Джек.— Мы их сдвинем.

Мистер Уллман, искренне озадаченный, оглянулся.

— Простите?

— Кровати,— любезно пояснил Джек.— Их можно сдвинуть.

— О, конечно,— сказал Уллман, мгновенно смутившись. Потом его лицо прояснилось, а из-под воротничка рубашки вверх пополз румянец.— Как угодно.

Он проводил их обратно в гостиную, еще одна дверь оттуда открывалась в другую спальню, где стояла двухэтажная кровать.

В углу лязгал радиатор, а коврик на полу был украшен кошмарной вышивкой: кактусами и шалфеем. Венди заметила, что Дэнни уже положил на него глаз. Стены комнаты, не такой большой, как соседняя, покрывали панели из настоящей сосны.

— Док, как по-твоему, выдержишь ты здесь? — спросил Джек.

— Еще бы. Я буду спать на верхней койке, ладно?

— Как хочешь.

— И коврик мне тоже нравится. Мистер Уллман, почему у вас не все ковры такие?

На мгновение у мистера Уллмана лицо сделалось таким, будто он запустил зубы в лимон. Потом он улыбнулся и похлопал Дэнни по щеке.

— Вот ваши комнаты,— сказал он,— только ванная находится за основной спальней. Квартира не слишком велика, но, конечно, вы можете располагаться и в других номерах отеля. Камин в вестибюле — в хорошем рабочем состоянии, так, по крайней мере, мне сказал Уотсон, и если внутренний голос подскажет вам обедать в столовой — не стесняйтесь, обедайте.

Он говорил тоном человека, дарующего большую привилегию.

— Хорошо,— сказал Джек.

— Спустимся вниз? — спросил мистер Уллман.

Они съехали на лифте в теперь уже совершенно пустой вестибюль, только Уотсон в кожаной куртке подпирал входную дверь, ковыряя в зубах зубочисткой.

— Я думал, вы уже далеко отсюда,— прохладным тоном произнес мистер Уллман.

— Да вот, торчу тут, чтоб напомнить мистеру Торрансу про котел,— сказал Уотсон, выпрямляясь.— Не спускать с него глаз, приятель, так все будет в лучшем виде. Раза два на дню скидывайте давление. Оно ползет.

Оно ползет,— подумал Дэнни. Эти слова эхом пошли гулять по длинному тихому коридору в его сознании, зеркальному коридору, в который люди редко заглядывают.

— Хорошо,— сказал отец.

— И проживете, как у Христа за пазухой,— сказал Уотсон и протянул Джеку руку. Тот пожал ее. Уотсон повернулся к Венди и склонил голову.

— Мэм,— сказал он.

— Очень приятно,— отозвалась Венди и подумала, что это прозвучало совершенно абсурдно. Она была родом из Новой Англии, прожила там всю жизнь и ей казалось, несколькими короткими фразами этот лохматый Уотсон воплотил все то, что, по общему мнению, и есть Запад. Пусть даже до этого он ей развратно подмигивал.

— Мастер Торранс,— серьезно сказал Уотсон и протянул руку. Дэнни, к этому времени уже целый год прекрасно разбиравшийся в рукопожатиях, робко подал свою и почувствовал, как она утонула в ладони Уотсона.— Заботься о них хорошенько, Дэн.

— Да, сэр.

Уотсон отпустил ручонку Дэнни и полностью распрямился. Он взглянул на Уллмана.

— Ну, до будущего года, что ли,— сказал он, протягивая руку.

Уллман вяло дотронулся до нее. Розоватый камень в его перстне поймал свет люстры в вестибюле и зловеще подмигнул.

— Двенадцатого мая, Уотсон,— сказал он.— Ни на день раньше или позже.

— Да, сэр,— сказал Уотсон, и Джек ясно представил, как мысленно тот прибавил: *«Козел хренов»*.

— Хорошей вам зимы, мистер Уллман.

— О, в этом я сомневаюсь,— высокомерно ответил тот.

Уотсон отворил одну створку большой парадной двери, ветер взвыл громче и принялся трепать воротник его куртки.— Ну, ребята, поосторожней,— сказал он.

Ответил Дэнни:

— Да, сэр.

Уотсон, чей не столь уж далекий предок владел отелем, застенчиво проскользнул в дверь. Она закрылась за ним, заглушив ветер. Они все вместе посмотрели, как Уотсон простучал поношенными черными ковбойскими сапогами по широким ступеням парадного крыльца. Пока он пересекал стоянку и забирался внутрь своего пикапа «Интернэшнл харвестер», у его ног крутились хрупкие желтые листья осины. Он завел машину, из заржавленной выхлопной трубы вылетел синий дымок. Пока машина задним ходом выезжала со стоянки, все молчали, словно находясь во власти заклятия. Грузовичок Уотсона исчез за выступом холма, а потом появился снова, маленький, на главной дороге. Он держал курс на запад.

На мгновение Дэнни почувствовал, что одинок как никогда.

13. ПАРАДНОЕ КРЫЛЬЦО

Семейство Торрансов стояло на длинном парадном крыльце отеля «Оверлук», словно позируя для семейного портрета: в центре — Дэнни в застегнутой курточке, которая с прошлой осени стала мала и уже протиралась на локтях; позади него — Венди, опустившая руку ему на плечо; слева от мальчика — Джек, чья ладонь невесомо покоилась на макушке сына.

Мистер Уллман в дорогом коричневом мохеровом пальто, застегнутом на все пуговицы, на шаг поотстал. Солнце, уже совсем скрывшееся за горами, обвело вершины золотой огненной каймой, а падающие от предметов тени сделало длинными и лиловыми. На стоянке осталось только три машины: здешний грузовичок, «Линкольн-континенталь» Уллмана и видавший виды фольксваген Торранса.

— Ну, вот ключи,— сказал Уллман Джеку.— Вы все поняли насчет котла и топки?

Джек кивнул, чувствуя к Уллману что-то вроде искреннего со-

чувствия. В этом сезоне дела закончились, клубок смотали до 12 мая будущего года — не до 11, не до 13 — и отвечающий за все Уллман, Уллман, говорящий об отеле тоном, в котором звучала несомненная страсть, не мог не поискать недочетов.

— Думаю, я справлюсь как следует,— сказал Джек.

— Хорошо. Буду с вами в контакте.— Но он по-прежнему медлил, будто ждал, что ветер придет на помощь и, может быть, отнесет его к машине. Уллман вздохнул.— Ну, ладно. Желаю хорошо провести зиму, мистер Торранс, миссис Торранс. И тебе, Дэнни.

— Спасибо, сэр,— сказал Дэнни.— И вам тоже.

— Сомнительно,— еще раз сказал Уллман, и это прозвучало грустно.— Этот отель во Флориде, если говорить начистоту, настоящая помойка. Убиваешь время на суету. «Оверлук» — вот мое настоящее дело. Хорошенько заботьтесь о нем для меня, мистер Торранс.

— Надо думать, будущей весной, когда вы вернетесь сюда, он окажется на месте,— сказал Джек, а в мозгу Дэнни молнией промелькнула мысль

(а мы?)

и пропала.

— Конечно. Конечно, он окажется на месте.

Уллман посмотрел на детскую площадку, где под ветром потрескивали кусты-животные. Потом еще раз деловито кивнул.

— Тогда — до свидания.

Он быстро и чопорно прошагал к своему автомобилю — до смешного большого для такого маленького человека — и скрылся внутри. Заурчал, оживая, мотор «линкольна», а когда он выбирался из своего стойла на паркинге, вспыхнули задние фары. Машина отъехала, и Джек сумел прочесть маленькую табличку над местом ее стоянки: «ТОЛЬКО ДЛЯ МАШИНЫ МИС-ТЕРА УЛЛМАНА, УПР.»

— А как же,— тихо произнес Джек.

Они провожали его взглядами, пока машина не исчезла из вида, съехав вниз по восточному склону. Когда она пропала, все трое переглянулись — молча, почти испуганно. Они остались одни. По аккуратно подстриженной лужайке, не предназначенной для глаз постояльцев, стайками бесцельно носились листья осины, они кружились, едва касаясь земли. Кроме них троих некому было увидеть, как осенняя листва крадется по траве. От этого у Джека возникло странное ощущение — как будто он уменьшался, и его жизненная сила съеживалась в жалкую искорку, зато отель и его территория удваивались в размерах, становились зловещими, и их мрачная неодушевленная сила превращала его, Джека, семью в карликов.

Потом Венди сказала:

— Посмотри-ка на себя, док. У тебя из носа течет, как из пожарного шланга. Пошли-ка внутрь.

И они пошли внутрь, решительно закрыв дверь перед непрекращающимся воем ветра.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

«Осиное гнездо»

14. НА КРЫШЕ

— *Ах, сволочь проклятая, мать твою так!*

Выкрикнув эти слова сразу с болью и с удивлением, Джек Торранс с размаху шлепнул правой рукой по синей рабочей ковбойке, прогоняя крупную сонную осу, ужалившую его. Потом со всей возможной скоростью полез вверх по крыше, поглядывая через плечо, не поднимаются ли из вскрытого им гнезда братишки и сестренки этой осы, чтобы принять бой. Если так, дело могло принять плохой оборот — гнездо находилось на пути к лестнице, а люк, ведущий на чердак, был заперт изнутри. Падать пришлось бы с высоты семидесяти футов на зацементированную веранду между зданием отеля и лужайкой.

Прозрачный воздух над гнездом был неподвижным, непотревоженным.

С отвращением присвистнув сквозь зубы, Джек уселся, оседлав гребень крыши, и осмотрел указательный палец правой руки. Тот уже начал опухать, и Джек счел, что следует попытаться проползти мимо гнезда к лестнице, чтоб спуститься и приложить к пальцу лед.

Было двадцатое октября. Венди и Дэнни уехали в Сайдвиндер на здешнем грузовичке (стареньком, тарахтящем «додже», которому все-таки доверять можно было больше, чем фольксвагену — тот теперь мрачно хрипел, будто на последнем издыхании), чтоб купить три галлона молока и сделать кое-какие покупки к Рождеству. Закупать подарки было рановато, но невозможно было сказать, когда окончательно выпадет снег. Заморозки уже начались, а дорога к «Оверлуку» кое-где стала скользкой от пятен наледи.

Пока что стояла сверхъестественно красивая осень. Все три недели, что Торрансы провели здесь, один золотой денек сменялся другим. Прохладный, бодрящий утренний воздух днем прогревался до шестидесяти с хвостиком — это как нельзя лучше подходило для того, чтоб взобраться на покатую крышу западного крыла «Оверлука» и перестелить там черепицу. Джек честно сознался Венди, что работу можно было закончить еще четыре дня назад, только он посчитал, что спешить некуда. Вид, открывавшийся сверху, был столь эффектным, что перед ним бледнела даже панорама за окном президентского люкса. Более того, успокаивала сама работа. На крыше Джек чувствовал, как исцеляется от ноющих ран последних трех лет. На крыше он чувствовал, как

обретает душевное равновесие. Те три года начинали казаться путаным кошмаром.

Черепица сильно прогнила, часть ее полностью сдуло ураганами прошлой зимы. Все это он отодрал и сбросил с края крыши, вопя во все горло «Воздух!» — ему вовсе не хотелось попасть в Дэнни, если тот ненароком забредет сюда. Когда оса добралась до Джека, он как раз вытаскивал наружу изношенный болт.

Ирония заключалась в том, что каждый раз, взбираясь на крышу, Джек сам себя предупреждал: осторожней, не наступи на гнездо; на такой случай при нем была дымовая шашка. Но нынче утром тишина и покой были такими полными, что его бдительность ослабла. Он снова очутился в мире медленно создаваемой им пьесы, набрасывая начерно сцену, над которой будет работать вечером. Пьеса продвигалась очень неплохо и, хотя Венди высказывалась мало, он знал, что жена довольна. Не давалась решающая сцена между директором школы, садистом Денкером, и Гэри Бенсоном, юным героем пьесы — на ней Джека заколодило в последние несчастные полгода в Стовингтоне, в те шесть месяцев, когда страстная жажда напиться бывала столь сильна, что ему едва удавалось сосредоточиться на уроках в школе, не говоря уже о сверхпрограммных литературных притязаниях.

Но вот уже двенадцать вечеров, стоило Джеку усесться за свой ундервуд той модели, что ставят в конторах (который он позаимствовал из главного офиса с первого этажа), как препятствие под его пальцами исчезало столь же волшебным образом, как растворяется во рту сахарная вата. Почти без усилий ему удалось постичь душу Денкера (а этого все время недоставало), соответственно чему он переписал большую часть второго акта так, чтобы все вертелось вокруг новой сцены. С течением времени все яснее становился третий акт, который крутился в голове у Джека, когда оса положила конец раздумьям. Он подумал, что мог бы за две недели вчерне набросать акт, а к Новому году закончить чистовик проклятой пьесы целиком.

В Нью-Йорке у него был литагент — упрямая рыжеволосая пробивная дамочка по имени Филлис Сэндлер, она курила «Герберт Тэрейтон», пила из бумажного стаканчика «Джим Бим» и полагала, будто литературный свет клином сошелся на Шоне О'Кейси. Она продала три рассказа Джека, включая тот, что напечатал «Эсквайр». Джек уже сообщил Филлис про пьесу под названием «Маленькая школа», описав основной конфликт между талантливым ученым Денкером, опустившимся до того, что он превратился в жесткого, ожесточающего других директора новоанглийской школы на переломе века, и Гэри Бенсоном, учеником, который видится Денкеру самим собой в молодости. Филлис ответила, выразив интерес и предостерегла, что прежде, чем садиться за пьесу, Джеку следует перечитать О'Кейси. В этом году она написала ему еще раз, спрашивая, где, черт побери, пьеса. Джек в кислом тоне ответил, что «Маленькая школа» бессрочно — а не ис-

ключено, что и навсегда — застряла на полпути от руки к бумаге в той «любопытной интеллектуальной Гоби, которая известна, как авторский затык». Теперь создавалось впечатление, что Филлис и впрямь имеет шанс получить пьесу. Хороша пьеса или нет, поставят ли ее когда-нибудь — вопрос совсем иного порядка. К тому же Джека, кажется, такие проблемы не слишком заботили. В известном смысле он чувствовал, что камнем преткновения была сама пьеса в целом — колоссальный символ неудачных лет в Стовингтонской подготовительной; символ женитьбы, которую Джек чуть было не доконал подобно севшему за руль старой развалюхи рехнувшемуся мальчишке; символ чудовищного нападения на сына, инцидента с Джорджем Хэтфилдом на автостоянке — инцидента, который нельзя было по-прежнему рассматривать, как очередную внезапную разрушительную вспышку своего темперамента. Теперь Джек думал, что проблема его пьянства частично произрастала из неосознанного желания освободиться от Стовингтона, а ощущение, что деваться некуда, душило любой писательский порыв. Он бросил пить, но жажда свободы не уменьшилась. Отсюда — Джордж Хэтфилд. Теперь от тех дней осталась только пьеса на столе в их с Венди спальне, а когда он закончит ее и отошлет в нью-йоркское агентство Филлис, можно будет вернуться к иным вещам. Не к роману (Джек пока не был готов ринуться в трясину обязательств еще на три года), но к нескольким рассказам — несомненно. Может статься, к сборнику рассказов.

Осторожно передвигаясь на четвереньках, Джек прополз вниз по скату крыши, миновал отчетливую границу между новой зеленой черепицей и участком, который только что закончил расчищать. Добравшись до края участка слева от вскрытого осиного гнезда, Джек неуверенно направился к нему, готовый дать задний ход и слететь вниз по лестнице на землю, как только дело запахнет керосином.

Он склонился над тем местом, где снял черепицу, и заглянул. Гнездо лепилось в пространстве между старым болтом и подостланными под самую черепицу досками три на пять. Черт, и здоровое же оно было! Сероватый бумажный шар показался Джеку чуть меньше двух футов в диаметре. Формы он был неправильной, потому что щель между планками и болтом была узковата, но Джек подумал, что все-таки маленькие педики поработали на славу. Поверхность гнезда кишела неуклюжими, медленно передвигающимися насекомыми. Это были крупные недоброжелательные твари — не те в желтых пиджачках, что поменьше и поспокойнее, нет, это были бумажные осы. От осенней прохлады они отупели, стали медлительными, но Джек, с детства хорошо знакомый с осами, счел, что ему повезло — он отделался только одним укусом. Да, подумал он, найми Уллман работника в разгар лета, тот, разобрав именно этот участок крыши, был бы до чертиков удивлен. Да уж. Когда на вас садится сразу дюжина бумажных ос и принимается жалить лицо, руки, плечи, ноги прямо

сквозь штаны, вполне можно позабыть, что до земли — семьдесят футов. Пытаясь удрать от них, можно просто ухнуть с края крыши. И все — из-за маленьких созданий, самое крупное из которых всего-то длиной с половину карандаша.

Где-то, то ли в воскресной газете, то ли в журнальной статье, он читал, что семь процентов всех смертей в автомобильных катастрофах не имеют объяснения. Никаких механических неисправностей, никакого превышения скорости, все трезвые, погода хорошая. Просто на пустынном отрезке дороги разбивается одинокая машина, и единственный покойник — водитель — не способен объяснить, что произошло. В статье приводилось интервью с полицейским, по теории которого многие из этих так называемых «аварий на пустом месте» происходят из-за оказавшегося в машине насекомого. Осы, какой-нибудь пчелы, может быть, даже паука или мошки. Охваченный паникой водитель пытается прихлопнуть его или выпустить, открыв окошко. Не исключено, что насекомое кусает его. Может быть, водитель просто теряет управление. Так или иначе, бум!... все кончено. А насекомое, обычно совершенно не пострадавшее, с веселым жужжанием удаляется от дымящихся развалин поискать лужок позеленее. Джек вспомнил, что полицейский стоял за то, чтобы патологоанатомы на вскрытиях таких жертв смотрели, нет ли укусов насекомых.

Сейчас, когда он смотрел вниз, на гнездо, ему казалось, что оно может служить реальным символом всего, через что он прошел (протащив своих заложников перед судьбой), а еще — знамением будущих лучших времен. Как иначе объяснить все происходящее с ним? Ведь он по-прежнему чувствовал — весь набор стовингтонских неприятностей следовало рассматривать с той точки зрения, что Джек Торранс — сторона пассивная. Среди преподавателей Стовингтона Джек знал массу людей (только в отделе английского языка — двоих), которые были очень не дураки выпить. Зэк Танни имел привычку в субботу утром брать целый бочонок пива и весь вечер хлестал это пиво на заднем дворе в сугробе, а в воскресенье, черт его дери, он смотрел футбольные матчи или старые фильмы и сводил результаты на нет. Однако всю неделю Зэк был трезвей трезвого — редким случаем был слабенький коктейль за ленчем.

Они с Элом Шокли были алкоголиками. Они искали друг друга, как два изгоя, все еще достаточно стремящиеся к общению, чтоб предпочесть утопиться напару, а не поодиночке. Только море было не соленым, а винным, вот и все. Наблюдая, как осы внизу занимаются делами, к которым их подталкивает инстинкт, пока зима еще не навалилась и не уничтожила всех, кроме впадающей в спячку королевы, Джек пошел еще дальше. Он — *до сих пор* алкоголик, и будет им всегда. Может быть, он стал алкоголиком в тот момент, когда на институтской вечеринке второкурсников впервые попробовал спиртное. Это не имело никакого отношения к силе воли, к вопросу, нравственно ли пить, к слабости или силе

его собственного характера. Где-то внутри находилось сломанное реле или выключатель, который не срабатывал, так что волей-неволей Джека подталкивало вниз под горку — сперва медленно, потом, когда на него начал давить Стовингтон, все быстрее. Длинный скользкий спуск, а внизу оказался ничейный велосипед и сын со сломанной рукой. Джек Торранс — пассивная сторона. С его норовом было то же самое. Всю жизнь Джек безуспешно пытался сдерживать его. Он помнит, как соседка, когда ему было семь, отшлепала его за баловство со спичками. Удрав от нее, он запустил камнем в проезжавшую мимо машину. Это увидел его отец и, взревев, налетел на маленького Джекки и надрал ему задницу до красноты... а потом подбил глаз. Но, когда отец, бормоча что-то себе под нос, отправился в дом поглядеть, что там по телевизору, Джек, наткнувшийся на бездомную собаку, пинком отшвырнул ее в канаву. Две дюжины драк в начальной школе, в средней — и того больше, так что два раза Джека отстраняли от занятий и несчетное число раз оставляли после уроков, несмотря на хорошие оценки. Предохранителем, до некоторой степени, служил футбол, хотя Джек отлично понимал, что чуть ли не каждую минуту каждой игры буквально исходит дерьмом и звереет, воспринимая как личное оскорбление каждый блок и перехват мяча соперником. Играл он хорошо; и в младших, и в старших классах зарабатывал «Лучшего в спортивной ассоциации» — но отлично знал, что благодарить за это (или винить в этом) следует свой скверный характер. Футбол не приносил ему радости. Каждая игра рождала недобрые чувства.

И все же, несмотря на все это, Джек *не чувствовал* себя сволочью. Он не чувствовал себя плохим. Себя он всегда воспринимал как Джека Торранса, по-настоящему симпатичного парня, которому следует научиться справляться со своим норовом до того, как в один прекрасный день грянет беда. Точно так же следовало научиться обуздывать свое пьянство. Но он, бесспорно, был не только физиологическим, но и эмоциональным алкоголиком, и между первым и вторым существовала взаимосвязь, но в таких глубинах его существа, куда и заглядывать-то не захочешь. Были ли коренные причины взаимосвязаны или нет, имели они социологическое, психологическое или физиологическое происхождение, Джека не волновало. Дело приходилось иметь с результатами: с трепками и взбучками от папаши; с отстранением от занятий и попытками объяснить, как порвал в драке на детской площадке школьную одежку; а позже — с похмельем, с медленным растворением клея, скрепляющего его брак; с одним-единственным велосипедным колесом, погнутые спицы которого торчали в небо; со сломанной рукой Дэнни. И, конечно, с Джорджем Хэтфилдом.

Джек чувствовал, что свалял дурака, сунув руку в Великое Осиное Гнездо Жизни. Образ был омерзительным. Но в качестве камеи реальности казался полезным. В разгар лета рука Джека сунулась под какие-то сгнившие планки — и кисть этой руки, да

и всю ее теперь, снедал священный, праведный огонь, разрушающий сознательные мысли, делающий устаревшей концепцию цивилизованного поведения. Можно ли ожидать от вас, что вы поведете себя, как мыслящее человеческое существо, если вашу руку пронзают раскаленные докрасна острые иглы? Можно ли ожидать, что вы будете жить в любви и согласии со своими родными и близкими, если порядок вещей (порядок, который Джек считал столь невинным) таков, что из дыры поднимается коричневое разъяренное облако и стрелой мчится прямо на вас? Можно ли считать вас ответственным за свои поступки, если вы сломя голову несетесь по покатой крыше в семидесяти футах над землей, не зная куда, забыв, что направляемые паникой спотыкающиеся ноги могут привести вас к неуклюжему падению на водосточный желоб и дальше, вниз, где на бетоне поджидает смерть? Джек думал, что нельзя. Когда по глупости суешь руку в осиное гнездо, то не заключаешь с дьяволом договор позабыть про свое цивилизованное «я» с его ловушками — любовью, уважением, честью. Это просто случается с вами. Пассивно, не говоря ни слова, вы перестаете быть существом, которым управляет рассудок, и превращаетесь в существо, управляемое нервными окончаниями; из человека с высшим образованием за пять секунд вы превращаетесь в воющую обезьяну.

Он подумал про Джорджа Хэтфилда.

Высокий, с лохматыми светлыми волосами, Джордж был без малого оскорбительно красивым юношей. В тесных вареных джинсах и стовингтонской фуфайке с небрежно закатанными по локоть рукавами, обнажавшими загорелые руки, парнишка напоминал Джеку молодого Роберта Редфорда, и он сомневался, что нравиться для Джорджа — проблема. Не большая, чем десятью годами раньше для того чертенка-футболиста, Джека Торранса. Он мог, не покривив душой, сказать, что не испытывает к Джорджу ревности и не завидует его красоте; фактически, Джек почти бессознательно начал рассматривать Джорджа как физическое воплощение героя своей пьесы, Гэри Бенсона — отличный контраст с мрачным, сгорбленным, стареющим Денкером, который постепенно так возненавидел Гэри. Но сам Джек Торранс никогда не испытывал подобных чувств к Джорджу. Будь это так, он бы понял это. В этом он был совершенно уверен.

На его уроках в Стовингтоне Джордж плавал. К академической успеваемости футбольной и бейсбольной звезды больших требований не предъявляли, а тот довольствовался «С» и время от времени «В» по истории или ботанике. Свирепый соперник на поле, к учебе Джордж был равнодушен — такие в классной комнате развлекаются. С этим типом людей Джек был знаком больше по собственной учебе в средней школе и колледже, чем из своего преподавательского опыта, полученного из вторых рук. Джордж Хэтфилд был притворщиком. Он умел быть в классе спокойным и нетребовательным, но, если применить верный набор стимулов

к соревнованию (все равно как приложить электроды к вискам чудовища Франкенштейна, кисло подумал Джек), Джордж мог превратиться в сокрушительную силу.

В январе Джордж вместе с двумя дюжинами других учеников пробовался в дискуссионную команду. С Джеком он был вполне откровенен. Его отец — юрист акционерного общества — хотел, чтобы сын пошел по его стопам. Джордж, не ощущая пламенного призвания заняться чем-то другим, не возражал. Оценки у него были не самыми лучшими, но это, в конце концов, была лишь средняя школа, а времени оставалось еще немало. Если бы «может» вдруг превратилось в «должен», отцу Джорджа было на кого нажать. Собственные атлетические таланты Джорджа открыли бы и иные двери. Но Брайан Хэтфилд считал, что его сын должен войти в дискуссионную команду. Неплохая практика, к тому же что-то именно в таком роде всегда ищут экзаменационные комиссии в юридических колледжах. Поэтому Джордж занялся дебатами, а в конце марта Джек выгнал его из команды.

В конце зимы внутрикомандные диспуты воспламенили спортивную душу Джорджа Хэтфилда. Он стал беспощадным и решительным спорщиком, яростно подготавливая свои «за» или «против». Неважно, каков был предмет спора — легализация марихуаны, восстановление смертной казни или дотации на дефицит горючего. Джордж стал докой, но был так агрессивен, что не заботился, на чьей окажется стороне — черта, знал Джек, редко встречающаяся и ценная даже для спорщиков высокого уровня. Душа настоящего спорщика не слишком-то отличается от души политического авантюриста — и тот, и другой страстно заинтересованы в решающем шансе. Пока все шло хорошо.

Но Джордж Хэтфилд заикался.

Этот недостаток был незаметен в классной комнате, где Джордж всегда бывал спокойным и собранным (сделал он домашнее задание или нет) и, уж конечно, не бросался в глаза на футбольном поле Стовингтона, где разговорчивость не является доблестью и где иногда за излишнюю тягу к спорам можно вылететь из игры.

Джордж начинал заикаться, когда как следует заводился на диспуте. Чем больше он горячился, тем хуже выходило. Стоило ему почувствовать, что аргументы оппонента никуда не годны и однообразны, как между его речевыми центрами и ртом возникало нечто вроде интеллектуального столбняка, так что он прочно застревал на одном месте, а время бежало. Больно было смотреть на это.

— И-ит-так я д-д-думаю, мы должны сказать, что ф-ф-факты в с-случае, п-приведенном мистером Д-Д-Д-Дорски, те-те-ряют свою ак-ктуальность из-за н-недавнего ре-ре-шения, спущенного сверху в-в-в...

Звонил звонок, и Джордж в смятении оборачивался, чтобы яростно уставиться на сидевшего подле зуммера Джека. В такие

моменты Джордж заливался краской, а его рука судорожно комкала заметки.

После того, как Джек выгнал многих явно бездарных учеников, он еще долго держался за Джорджа. Вспомнилось, как однажды, под вечер, примерно за неделю до того, как Джек неохотно опустил топор, Джордж задержался после того, как остальные разлетелись, и сердито обвинил Джека:

— В-вы перевели таймер вперед.

Джек поднял глаза от бумаг, которые убирал в портфель.

— Джордж, о чем ты?

— Вы не д-дали мне мои пять минут целиком. Вы перевели его вперед. Я с-смотрел на часы.

— Таймер и часы могут идти немного по-разному, Джордж. Эту проклятую штуковину я и пальцем не тронул. Слово скаута.

— Н-н-нет, трогали!

Воинственность Джорджа, читающееся в его взгляде «борюсь-за-свои-права» разожгли собственный норов Джека. Он уже два месяца, два слишком долгих месяца не прикладывался к бутылке и весь издергался. Он сделал последнюю попытку не сорваться.

— Уверяю тебя, Джордж, это не так. Дело в твоем заикании. Не знаешь, отчего оно? В классе ты не заикаешься.

— Я НЕ-НЕ-НЕ З-З-ЗАИКАЮСЬ!

— Не кричи на меня.

— ВЫ Х-ХОТИТЕ П-ПОДЛОВИТЬ МЕНЯ! В-ВАМ НЕ ХОЧЕТСЯ, ЧТОБ Я Б-БЫЛ В ВАШЕЙ Ч-ЧЕРТОВ-ВОЙ К-К-КОМАНДЕ!

— Не кричи, я сказал. Давай поговорим разумно.

— А п-п-пош-шел т-ты!

— Джордж, если ты справишься с заиканием, я с радостью оставлю тебя в команде. Ты хорошо готовишься ко всем практическим занятиям и здорово умеешь раскрыть подоплеку вопроса — а значит, тебя редко можно застать врасплох. Но толку от этого мало, если ты не в состоянии справиться с...

— Й-я н-н-никогда н-не заикался! — выкрикнул тот. — Это в-все в-вы! Е-если бы дис-скуссионной к-к-командой руководил к-кто-нибудь д-д-другой, я бы мог...

Норов Джека отыскал другую лазейку.

— Джордж, если ты не научишься с этим справляться, из тебя никогда не выйдет хороший юрист. Закон — не футбол. Два часа ежевечерних тренировок не избавят тебя от этого. Ты что же, думаешь встать на заседании совета и сказать: «А т-т-теперь, д-д-джентльмены, п-по поводу этого п-п-правон-нарушения...»

Джек вдруг покраснел — не от гнева, а от стыда за собственную жестокость. Ведь перед ним был не зрелый человек, а семнадцатилетний парнишка, столкнувшийся с первым серьезным крушением жизненных надежд, и как знать — не просил ли мальчик единственным возможным для себя образом, чтобы Джек помог ему найти выход, справиться с ситуацией.

Джордж бросил на него последний яростный взгляд; слова застревали между кривящихся, непослушных губ, пытаясь вырваться наружу.

— В-в-вы пе-переставили т-таймер! В-вы не-ненавидите меня, п-потому ч-что з-з-знаете... вы знаете... з-з-з-...

С невнятным криком он пулей вылетел из класса, так хлопнув дверью, что закрепленное в раме изоляцией стекло задребезжало. Джек так и стоял, скорее чувствуя, чем слыша гулкий топот «адидасов» Джорджа по коридору. Первой мыслью Джека, которого еще не отпустили ни его норов, ни стыд за насмешки над заиканием Джорджа, было какое-то нездоровое ликование: впервые в жизни Джорджу Хэтфилду понадобилось то, чего он не мог получить. Первый раз случилась неприятность, которую нельзя было поправить с помощью всех папашиных денег. Невозможно дать взятку речевому центру. Невозможно предложить языку прибавку пятьдесят долларов в неделю и премию к Рождеству, чтоб он только согласился перестать вести себя, как иголка проигрывателя на пластинке с изъяном. Потом стыд полностью поглотил ликование, и Джек почувствовал себя так, как чувствовал, сломав руку Дэнни.

О Господи, я же не сволочь. Пожалуйста.

Подобная болезненная радость по поводу отступления Джорджа была скорее в духе персонажа пьесы, Денкера, нежели драматурга Джека Торранса.

Вы ненавидите меня потому, что знаете...

Потому, что знаете... что?

Что такое он мог знать о Джордже Хэтфилде, чтоб возненавидеть его? Что перед Джорджем лежит все будущее? Что он немного похож на Роберта Редфорда, и все девчонки прекращают болтовню, когда в бассейне он делает двойное сальто с трамплина? Что он играет в футбол и бейсбол с естественной, незаученной грацией?

Смешно. Совершенная чушь. Джек ни в чем не завидовал Джорджу Хэтфилду. По правде говоря, несчастное заикание куда сильнее огорчало Джека, чем самого Джорджа — ведь тот действительно мог бы стать превосходным спорщиком. А если бы Джек и перевел таймер вперед — чего он, разумеется, не делал — то лишь по одной причине: и ему, и остальным членам команды делалось неловко от усилий Джорджа. Они страдали от этого так же, как страдаешь, когда спикер на вечерних занятиях забывает что-то из своего текста. Если бы он и перевел таймер вперед, то просто, чтобы... чтобы избавить Джорджа от столь жалкого положения.

Но он не переводил таймер. В этом он был вполне уверен.

Неделей позже он исключил Джорджа из команды и на этот раз держал себя в руках. Все крики и угрозы исходили от Джорджа. Еще через неделю в середине практического занятия он вышел на стоянку, чтоб забрать из багажника фольксвагена оставленную

там стопку справочников, и обнаружил стоящего на одном колене Джорджа — длинные светлые волосы свисали на лицо, а в руке был охотничий нож. Джордж резал правую переднюю шину фольксвагена. Задние шины были уже изрезаны, и «жук» осел на них, как маленький усталый пес.

В глазах Джека все стало красным, и о последовавшем столкновении он помнит очень немного. Он помнит хриплое рычание, раздавшееся вроде бы из его собственной глотки:

— Ладно, Джордж. Раз тебе так хочется, иди-ка сюда, получи свое!

Он помнит, как Джордж поднял изумленные, полные страха глаза. Он сказал: «Мистер Торранс...», словно собирался объяснить, что это просто недоразумение. Когда он пришел сюда, шины были уже спущены, а сам он просто счищал грязь с передних протекторов кончиком ножа, который совершенно случайно оказался при нем...

Тут, держа перед собой сжатые кулаки, в разговор вступил Джек; кажется, он ухмылялся. Он не был уверен в этом.

Джордж сжал нож со словами: «Лучше не подходи!» Это было последним, что запомнил Джек.

Следующее его воспоминание — мисс Стронг, учительница французского языка, держит его за руки и со слезами кричит:

— Перестаньте, Джек! Перестаньте! Вы его убьете!

Моргая, он тупо огляделся. Охотничий нож неопасно поблескивал на асфальте в четырех ярдах от них. Фольксваген Джека, его бедный, старый, видавший виды «жук», ветеран множества диких пьяных полуночных поездок, сидел на трех спущенных шинах. На правом крыле Джек увидел вмятину, а в середине вмятины кое-что еще, и было это пятно не то красной краски, не то крови. На мгновение он растерялся, мысли вернулись

(Господи Иисусе, Эл, мы все-таки его переехали)

к той, другой ночи. Потом он перевел взгляд на Джорджа; на Джорджа, который, изумленно хлопая глазами, лежал на асфальте. Дискуссионная группа Джека высыпала наружу, они сгрудились у двери, уставившись на Джорджа. Из ранки на голове по лицу текла кровь, ранка казалась небольшой, но кровь текла еще и из уха — вероятно, это означало сотрясение мозга. Когда Джордж попытался встать, Джек, стряхнув руки мисс Стронг, направился к нему. Тот съежился от страха.

Джек положил руки Джорджу на грудь и уложил его обратно.

— Лежи, не двигайся! — сказал он. — Не пробуй ходить.

Он повернулся к мисс Стронг, которая в ужасе не сводила с них глаз.

— Пожалуйста, мисс Стронг, сходите за школьным врачом, — сказал он ей.

Тогда она развернулась и помчалась в здание. Он посмотрел на свою дискуссионную команду, посмотрел им прямо в глаза, потому что снова почувствовал себя при исполнении, снова — до

конца самим собой, а когда он бывал самим собой, во всем штате Вермонт не было парня симпатичнее. Конечно, они это понимали.

— Сейчас можете идти домой,— спокойно сказал Джек.— Завтра встретимся снова.

Но к концу недели из команды ушло шесть человек, двое — довольно демонстративно, однако это не имело большого значения: ведь к тому времени Джеку уже сообщили, что его самого уходят.

Тем не менее ему как-то удавалось не притрагиваться к бутылке, а это уже кое-что, считал Джек.

И ненависти к Джорджу Хэтфилду он не испытывал. Совершенно точно. Не сам Джек действовал — над ним произвели действие.

Вы ненавидите меня потому, что знаете...

Но он не знал ничего. Он готов был поклясться в этом даже перед ликом Господним, как клялся бы, что перевел таймер вперед не больше, чем на минуту.

По крыше, рядом с дырой в черепице, вяло ползали две осы.

Он наблюдал за ними, пока те не расправили крылья — неправильные с точки зрения аэродинамики, но необъяснимо сильные — и не унеслись с жужжанием прочь, в сияние октябрьского солнца, возможно, чтобы ужалить еще кого-нибудь.

Сколько он уже сидит тут, с неприятным удивлением глядя на эту дыру, выговаривая себе за прошлые грехи? Он посмотрел на часы. Почти полчаса.

Джек спустился к краю крыши, перекинул ногу вниз и прямо под навесом нащупал верхнюю ступеньку лестницы. Он пойдет в сарай, где высоко на полке, чтоб не достал Дэнни, хранится дымовая шашка. Он возьмет ее, вернется наверх, и тогда придет их черед удивляться. Джек искренне верил в это. Тебя могут ужалить — и ты можешь ужалить в ответ. Через два часа гнездо станет жеваной бумагой, и Дэнни, если захочет, сможет забрать его к себе в комнату — когда Джек был совсем маленьким, у него было такое гнездо, от которого всегда слабо пахло дымком и бензином. Дэнни сможет повесить его прямо над изголовьем. Ничего страшного не случится.

— Мне становится лучше.

В полуденной тишине слова Джека прозвучали уверенно, и звук собственного голоса успокоил его, хоть он и не собирался говорить это вслух. Ему *действительно* становилось лучше. Существовала возможность постепенно перейти от пассивности к активным действиям и заново оценить то, что однажды чуть не лишило Джека рассудка, как нечто нейтральное, представляющее лишь академический интерес, да и то при случае. Если место, где это можно было сделать, существовало — несомненно, оно было здесь.

Он спустился по лестнице за дымовой шашкой. Они заплатят. Заплатят ему за укус.

15. ВНИЗУ. ДВОР ПЕРЕД ОТЕЛЕМ

Две недели назад на заднем дворе Джек нашел массивный, выкрашенный белой краской плетеный стул и, вопреки возражениям Венди, что, честное слово, уродливей она ничего сроду не видала, перетащил на крыльцо. Сейчас, устроившись на этом стуле, он коротал время за «Добро пожаловать в трудные времена» Э. Л. Докторою, и тут по подъездной дороге в гостиничном грузовичке протарахтели жена с сыном.

Развернув машину, Венди лихо поставила ее, сперва дав полный газ, потом тут же вырубив его. Единственная задняя фара грузовичка погасла. После того, как зажигание выключили, мотор еще сварливо поурчал и, наконец, замер. Джек поднялся со стула и легкой походкой направился им навстречу.

— Привет, пап! — крикнул Дэнни и помчался вверх по склону. В руке у него была коробка.— Смотри, что мне мама купила!

Джек подхватил сына на руки, прокружился с ним два круга и от души чмокнул малыша в губы.

— Джек Торранс, Юджин О'Нил своего поколения, американский Шекспир! — сказала с улыбкой Венди.— Странно встретить вас здесь, так высоко в горах.

— Милая дама, я более не мог выносить простолюдинов,— ответил он и обхватил ее. Они поцеловались.— Как съездили?

— Отлично. Дэнни жалуется, что я все время дергала машину, но один раз я ее не поставила и... ой, Джек, ты закончил?

Она смотрела на крышу, и Дэнни посмотрел туда же. Когда он увидел на крыше западного крыла широкую заплату новой черепицы, зеленеющую ярче, чем остальная, лицо мальчика прорезала неглубокая морщина. Потом он опустил глаза к коробке, которую держал в руках, и лицо снова прояснилось. Картинки, которые ему показал тогда Тони, по ночам возвращались, преследуя его во всей своей первоначальной ясности, но солнечным днем отмахнуться от них было легче.

— Вот, смотри, смотри!

Джек взял у сына коробку. В ней оказалась игрушечная машина, сделанная по одной из карикатур Папаши Рота, которыми в прошлом Дэнни не раз восхищался. Лихой Лиловый Лимузин, а на коробке был нарисован огромный фиолетовый автомобиль, его грязный след высвечивали фары длинного кадиллака, «купе-де-вилль» 59 года. Сквозь крышу лимузина, ухватившись когтистыми лапами за руль внизу, высовывался монстр — огромный, весь в бородавках, налитые кровью глаза вылезали из орбит, ухмылка была ухмылкой маньяка. Сзади из-за поворота выезжала громадная английская гоночная машина.

Венди улыбалась, и Джек подмигнул в ответ.

— Вот чем ты мне нравишься, док,— сказал Джек, протягивая

коробку обратно.— Тебе по вкусу все спокойное, трезвое, самоуглубленное. Решительно, ты — сын моих чресел.

— Мама сказала, ты поможешь мне его собрать, как только я смогу прочесть всего первого «Дика и Джейн».

— Тогда это должно случиться в конце недели,— сказал Джек.— Что еще у вас в этом симпатичном фургончике, мэм?

— Не-а.— Она схватила его за руку и потянула назад.— Не заглядывать. Кое-что из этого барахла — для тебя. Мы с Дэнни отнесем все в дом, а ты можешь забрать молоко. Оно в кабине на полу.

— Вот что я для тебя такое,— вскричал Джек, шлепнув себя ладонью по лбу.— Просто вьючная лошадь, обычная деревенская скотина. Тащи туда, тащи сюда, тащи не знаю куда...

— Тащите-ка это молоко на кухню, мистер.

— Это уж слишком! — выкрикнув это, Джек бухнулся на землю, а Дэнни стоял над ним и хихикал.

— Вставай, вставай, бугай здоровый,— сказала Венди и ткнула Джека носком кроссовки.

— Видишь? — спросил он Дэнни.— Она обозвала меня бугаем. Ты свидетель.

— Свидетель, свидетель! — ликуя, подхватил Дэнни и перескочил через распростертого на земле отца.

Джек сел.

— Кстати, ты мне напомнил, приятель — у меня для тебя тоже кое-что есть. На крыльце, возле пепельницы.

— Что?

— Забыл. Сходи, посмотри.

Джек поднялся. Вдвоем с Венди они стояли, глядя, как Дэнни промчался по лужайке и взлетел на крыльцо, прыгая через две ступеньки. Он обнял жену за талию.

— Ты счастлива, детка?

Она серьезно посмотрела на него.

— Такой счастливой я не была с тех пор, как мы поженились.

— Правда?

— Честное слово.

Он крепко прижал ее к себе.

— Я тебя люблю.

Растроганная Венди крепко прильнула к нему в ответ. Такие слова Джек Торранс не произносил всуе; можно было пересчитать по пальцам, сколько раз она их слышала — и до, и после свадьбы.

— Я тоже люблю тебя.

— Мам! Мам! — Дэнни на крыльце уже визжал от восторга.— Иди, посмотри! Ух ты! Ну и штука!

— Что это? — спросила Венди, когда, держась за руки, они шагали от стоянки к крыльцу.

— Забыл,— сказал Джек.

— Ну, ты свое получишь,— пообещала она и ткнула его локтем.— Вот увидишь.

— Я-то надеялся, получу сегодня ночью,— заметил он, а Венди рассмеялась. Он тут же спросил:

— Как ты думаешь, Дэнни счастлив?

— Тебе лучше знать. Вы же с ним каждый вечер перед сном долго болтаете.

— Ну, обычно о том, кем он хочет стать, когда вырастет или настоящий ли на самом деле Санта Клаус. С ним становится очень интересно. Думаю, тут приложил руку его старый приятель, Скотт. Нет, про «Оверлук» он ничего не говорил.

— Мне тоже,— сказала она. Теперь они взбирались по ступенькам крыльца.— Но почти все время он такой тихий... И, по-моему, он худеет, Джек, честное слово, мне так кажется.

— Просто парень растет.

Дэнни стоял к ним спиной. Он рассматривал что-то на столике возле стула Джека, но что — Венди не видела.

— Да он и есть стал хуже. Он же был настоящей прорвой. Помнишь, в прошлом году?

— Они вытягиваются и худеют,— туманно объявил Джек.— Это я вычитал, кажется, у Спока. Вот стукнет ему семь, и начнет уписывать за обе щеки.— На верхней ступеньке они остановились.

— А еще он ужасно много сил тратит на чтение,— сказала Венди.— Я знаю, он хочет научиться, порадовать нас... тебя,— неохотно прибавила она.

— Себя самого, главным образом,— сказал Джек,— я вовсе не подталкиваю его. В общем, мне не хотелось бы, чтоб он так напрягался.

— Как думаешь, глупо, что я договорилась насчет медосмотра для него? В Сайдвиндере есть терапевт, судя по тому, что говорила контролер в супермаркете, молодой...

— Немножко нервничаешь из-за того, что скоро пойдет снег, правда?

Она пожала плечами.

— Наверное. Если ты думаешь, что я сглупила...

— Нет. Честно говоря, можешь записать нас всех. Убедимся, что здоровье у нас — лучше некуда, и будем спокойно спать по ночам.

— Сегодня запишу,— сказала она.

— Мам, мама, смотри!

Дэнни бежал к ней, держа в руках что-то большое и серое; на мгновение смехотворное и страшное, Венди показалось, что это мозг. Увидев, что это такое на самом деле, она инстинктивно отпрянула. Джек обнял ее одной рукой.

— Все нормально. Те обитатели, что не улетели, вытряхнуты. Я воспользовался дымовой шашкой.

Она смотрела на осиное гнездо, которое держал сын, но не дотрагивалась до него.

— Ты уверен, что это не страшно?

— Положительно. Когда я был маленьким, у меня у самого

в комнате было гнездо. Отец подарил. Дэнни, хочешь, повесим его в твоей комнате?

— Ага! Прямо щас!

Он развернулся и стрелой влетел в двустворчатую дверь. С главной лестницы донесся приглушенный быстрый топот.

— Значит, осы наверху *были*,— сказала она.— Тебя покусали?

— Где мое «Пурпурное сердце»?— спросил Джек и продемонстрировал палец. Опухоль уже начала спадать, но Венди должным образом разохалась и легонько поцеловала его.

— Жало вытащил?

— Осы его не оставляют. Это пчелы. У них жало с зазубринами, а у осы — гладкое. Вот почему осы так опасны. Они могут кусать снова и снова.

— Джек, ты уверен, что для Дэнни оно не опасно?

— С дымовой шашкой я все сделал по инструкции. Дается гарантия, что за два часа эта штука выморит всех жучков-паучков до единого, а потом рассеется без следа.

— Ненавижу,— сказала она.

— Кого... ос?

— Все, что кусается,— ответила Венди. Она скрестила руки на груди и взялась за локти.

— Я тоже,— сказал Джек и обнял ее.

16. ДЭННИ

В конце холла, в спальне, Венди слышала, как принесенная Джеком снизу пишущая машинка на тридцать секунд оживала, на пару минут воцарялась тишина, а потом машинка снова давала короткую очередь. Словно Венди, сидя в изолированном доте, слушала автоматическую стрельбу. Треск машинки звучал для нее музыкой; так ровно Джеку не работалось со второго года их брака, когда он написал тот рассказ, что купил «Эксвайр». Он сказал, что к добру ли, к худу ли, но к концу года думает закончить пьесу и взяться за что-нибудь новенькое. А еще он сказал, что плевать, вызовет ли показанная Филлис «Маленькая школа» шумиху; плевать, даже если пьеса бесследно канет — и в это Венди тоже верила. Сам процесс его писания вселял в нее бесконечно много надежд — не потому, что она возлагала на пьесу большие ожидания, а потому, что муж, кажется, медленно закрывал массивную дверь в полную чудовищ комнату. На эту дверь он налегал плечом уже давно, и вот, наконец, она качнулась, чтобы закрыться.

Каждый нажатый им клавиш закрывал ее еще чуть-чуть.

— Смотри, Дик, смотри.

Дэнни ссутулился над одним из пяти стареньких букварей, которые Джек откопал в Боулдере, безжалостно перетряхнув бесчисленные букинистические лавчонки. С ними Дэнни выйдет по чтению на уровень ученика второго класса. Она говорила Джеку, что такие планы слишком честолюбивы. Их сын — умница, они

знают это, но было бы ошибкой слишком быстро подталкивать его к слишком высоким результатам. Джек согласился. Никаких подталкиваний не будет. Но раз мальчик схватывает быстро, следует быть готовым к этому. Сейчас Венди задумалась — может быть, Джек был не прав и в этом тоже?

Подготовленный четырьмя годами «Сезам-Стрит» и тремя — «Электрик компани», Дэнни, похоже, шел вперед с быстротой, которая просто пугала. Он сутулился над безобидными книжонками, словно от того, как научится читать, зависела его жизнь, а приемник и глайдер из бальсы осели на полке над его головой. В уютном свете близко расположенной длинношеей лампы, которую они поставили в комнату Дэнни, его личико было более напряженным и бледным, чем ей хотелось бы. Он очень серьезно относился и к чтению, и к листочкам для самостоятельной работы, которые для него каждый день составлял отец. Изображения яблока и груши. Под ними крупным, аккуратным почерком Джека написано: *яблоко*. Обведи правильную картинку — ту, к которой подходит это слово. И их сынишка, не отрываясь, переводил взгляд с надписи на картинку и обратно, шевеля губами, выговаривая слово, которое буквально *потом* выходило из него. Теперь, зажав в пухлом кулачке двусторонний красный карандаш, Дэнни мог сам написать дюжины три слов.

Он медленно водил пальцем по строкам в букваре. Над ними была картинка, которую Венди смутно помнила с тех пор, как девятнадцать лет назад сама ходила в начальную школу. Смеющийся мальчик с темными волнистыми волосами. Девочка в коротком платьице, голова — в светлых кудряшках, в руке прыгалки. Пес, поскакавший за большим красным мячом. Троица из первого класса: Дик, Джейн и Джип.

— Смотри, Джип бежит,— медленно читал Дэнни.— Беги, Джип, беги. Беги, беги, беги.— Он замолчал и перевел палец строкой ниже.— Смотри...— он пониже наклонился над книгой, теперь почти касаясь носом страницы.— Смотри...

— Не так близко, док,— спокойно сказала Венди.— Глаза испортишь. Это...

— Не говори!— сказал он, рывком выпрямившись. В голосе звучала тревога.— Мам, не говори, я могу сам!

— Хорошо, милый,— сказала она.— Но это не так уж важно. Честное слово.

Не обратив на нее внимания, Дэнни опять наклонился вперед. Лицо малыша приняло то выражение, какое чаще всего можно увидеть на выпускном экзамене в каком-нибудь колледже. Венди это нравилось все меньше и меньше.

— Смотри, мэ... я... че... Смотри, мэяче? Смотри... МЯЧ!

Внезапное торжество. Горячность. Горячность в голосе Дэнни пугала.

— *Смотри, мяч!*

— Правильно,— сказала она.— Милый, я думаю, на сегодня хватит.

— Мам, еще пару страниц. Пожалуйста.

— Нет, док.— Она решительно закрыла книжку в красной обложке.— Пора спать.

— Ну, пожалуйста.

— Дэнни, не приставай. Мама устала.

— Ладно.— Но он бросил на букварь тоскливый взгляд.

— Иди, поцелуй отца, а потом умойся. Не забудь почистить зубы.

— Ага.

Сутулясь, он вышел — маленький мальчик в пижамных штанах и большой фланелевой фуфайке с футбольным мячом на груди и надписью «ПАТРИОТЫ НОВОЙ АНГЛИИ» на спине.

Машинка Джека перестала стучать, и Венди услышала, как Дэнни от души чмокнул отца.

— Спокойной ночи, пап.

— Споко́йной ночи, док. Как дела?

— По-моему, хорошо. Меня мама остановила.

— Мама права. Уже почти девять. Идешь мыться?

— Ага.

— Замечательно. У тебя в ушах уже картошку можно сажать. И лук, и чеснок, и морковку, и...

Решительный щелчок двери в ванную оборвал смех Дэнни. Он предпочитал мыться в одиночестве, хотя они с Джеком придерживались мнения «смотрят, ну и наплевать!» Еще один признак того — а признаков этих становилось все больше — что в доме живет не просто снятая под копирку копия одного из них, не комбинация качеств их обоих, а другой человек. Это немного печалило Венди. Настанет день, и собственное дитя превратится для нее в чужого человека... и она станет ему посторонней. Но не до такой степени, как ее мать — для нее. Боженька, пожалуйста, пусть будет иначе. Пусть Дэнни и взрослый будет любить свою мать по-прежнему.

Машинка Джека снова застрочила очередями через неравные промежутки времени.

Не вставая со стула за столом, где читал Дэнни, Венди рассеянно пробежала взглядом по комнате сына. Глайдер с аккуратно заделанным крылом. На столе громоздятся книжки-картинки, раскраски, старые комиксы про Человека-Паука с оторванными наполовину обложками, неаккуратная стопка «Линкольн-логз». Над этими мелочами тщательно пристроена модель Лимузина, упаковка так и не вскрыта. Если Дэнни не сбавит темп, они с отцом начнут собирать ее завтра или послезавтра вечером — какой уж там конец недели. Рисунки Дэнни — Винни-Пух, Иа, Кристофер Робин — аккуратно приколоты к стене, чтобы, с точки зрения Венди, довольно скоро смениться плакатами и фотографиями накачавшихся наркотиками рок-певцов. Невинность и неопытность.

Природа человеческая, детка. Хватай и рычи. Все равно, ей делалось от этого грустно. На будущий год он пойдет в школу, и ей придется отдать его приятелям самое меньшее половину Дэнни. Может быть, и больше. Когда казалось, что дела в Стовингтоне идут неплохо, они с Джеком некоторое время пробовали завести второго ребенка, но теперь Венди опять села на пилюли. Положение дел казалось слишком неустойчивым. Бог знает, где они окажутся через девять месяцев.

Ее взгляд упал на осиное гнездо.

Оно занимало самое почетное место в комнате Дэнни, покоясь на большой пластмассовой тарелке на столике у постели. Несмотря на то, что гнездо было пустым, Венди это не нравилось. Смутно гадая, не заразное ли оно, Венди подумала было спросить Джека, потом решила, что тот посмеется над ней. Но завтра, завтра она спросит у врача — если сумеет улучить момент, когда Джека не будет в кабинете. Эта штука, сделанная из жвачки и слюны множества недружелюбных созданий, которая лежала в футе от головы ее спящего сына, была ей не по душе.

Вода в ванной еще лилась; Венди поднялась и пошла обратно в большую спальню — убедиться, что все о'кей. Джек не поднял глаз; он затерялся в созданном им самим мире, пристально глядя на машинку, зажав в зубах сигарету с фильтром.

Она легонько постучала в запертую дверь ванной.

— Все в порядке, док? Ты не заснул?

Ответа не было.

— Дэнни?

Ответа не было. Венди толкнула дверь. Заперто.

— Дэнни? — теперь она забеспокоилась. Кроме ровного шума льющейся воды ничего не было слышно. Ей стало не по себе.

— Дэнни? Милый, открой дверь.

Ответа не было.

— Дэнни!

— Господи Иисусе, Венди, ты что, собираешься барабанить в дверь всю ночь?

— Дэнни заперся в ванной и не отвечает!

Джек вылез из-за стола. Было заметно, что он выбит из колеи. Он сильно стукнул в дверь.

— Дэнни, открывай. Это не игра.

Ответа не было.

Джек постучал сильнее.

— Хватит валять дурака, док. Пора спать — значит, пора спать. Не откроешь — нашлепаю.

«Сейчас он выйдет из себя»,— подумала Венди и испугалась еще сильнее. За два прошедших с того вечера года Джек и пальцем не тронул Дэнни, даже когда сердился, но, судя по его тону, сейчас он был достаточно зол, чтобы сделать это.

— Дэнни, милый...— начала она.

Ответа не было. Только шумела вода.

— Дэнни, если из-за тебя мне придется сломать замок, могу

твердо обещать, что ночь ты проспишь на животе,— предупредил Джек.

Ничего.

— Ломай,— сказала Венди, и вдруг говорить стало трудно.— Быстро.

Размахнувшись, Джек сильно саданул ногой в дверь справа от ручки. Плохонький замок немедленно поддался и, распахнувшись настежь, дверь ударила в кафельную стену ванной, отскочила от нее и наполовину закрылась.

— *Дэнни!* — пронзительно вскрикнула Венди.

Вода текла в ванну из открытого до упора крана. Рядом — тюбик пасты «Крест» со снятым колпачком. В дальнем углу на краю ванны сидел Дэнни, безвольно сжимая в левой руке зубную щетку, рот был украшен легкой пеной зубной пасты. Дэнни, будто в трансе, не сводил глаз с зеркальца на дверце висящей над раковиной аптечки. Лицо выражало притупивший все прочие чувства ужас, и первой мыслью Венди было, что у него что-то вроде эпилептического припадка, и мальчик, должно быть, подавился языком.

— *Дэнни!*

Дэнни не отвечал. Из горла шли утробные звуки.

Потом ее оттолкнули в сторону так сильно, что она ударилась о вешалку для полотенец, и Джек опустился перед мальчиком на колени.

— Дэнни,— сказал он.— Дэнни, Дэнни! — Он пощелкал пальцами перед пустыми глазами сына.

— А как же...— сказал Дэнни.— Турнир, игра. Удар. Нрррр...

— Дэнни...

— Роке! — сказал Дэнни неожиданно низким, почти мужским голосом.— Роке. Грох! Молоток для роке... две стороны. ГАААА.

— Джек, Боже мой, что с ним такое?

Джек ухватил мальчика за локти и сильно встряхнул. Голова Дэнни безвольно откинулась назад, а потом дернулась вперед, как воздушный шарик на палочке.

— Роке. Грох! Тремс.

Джек снова встряхнул сына, и глаза Дэнни вдруг прояснились. Зубная щетка, тихонько щелкнув, стукнулась о каменный пол.

— Что? — спросил он, оглядываясь по сторонам. Увидел стоящего перед ним на коленях отца, Венди у стены.— Что? — переспросил Дэнни с растущим беспокойством.— Ч-Ч-Чт-то н-н-не...

— *Не заикаться!* — неожиданно рявкнул Джек прямо ему в лицо. Перепуганный насмерть Дэнни вскрикнул, напрягаясь всем телом, в попытке вырваться из отцовских рук, а потом разразился слезами. Потрясенный Джек притянул его к себе.

— Ну, извини, милый. Извини, док. Не плачь. Прости меня. Все в порядке.

Вода нескончаемой струей бежала в раковину, и Венди ощути-

ла, что внезапно ступила в некий мучительный кошмар, где время текло вспять, обратно к тем временам, когда ее пьяный муж, сломав сыну руку, потом скулил над ним почти теми же словами.

(Прости, милый. Извини, док. Пожалуйста. Мне так жаль.)

Она подбежала к ним, каким-то образом сумела не без труда извлечь Дэнни из объятий Джека (на лице мужа она заметила выражение сердитого упрека, но отмахнулась от него, чтоб обдумать позже) и подхватила мальчика на руки. Она прошла с ним обратно в маленькую спальню, Дэнни судорожно хватался руками за ее шею. Джек шел следом.

Присев к Дэнни на кровать, Венди принялась покачивать его, успокаивая бессмысленными словами, которые повторяла раз за разом. Она подняла глаза на Джека, теперь в его взгляде была только тревога. Он вопросительно поднял брови. Она легонько тряхнула головой.

— Дэнни,— говорила она.— Дэнни, Дэнни. Дэнни. Все отлично, док. Все в порядке.

Наконец, Дэнни затих и только слабо дрожал в объятиях матери. Но все же сперва он обратился к Джеку — к Джеку, который теперь сидел рядом с ними на кровати — и она ощутила слабый укол прежней

(Сперва к нему, и всегда на первом месте был он)

ревности. Джек накричал на мальчика, она его успокоила, но все-таки это отцу Дэнни сказал:

— Прости, пап. Я вел себя плохо?

— Извиняться не за что, док.— Джек взъерошил ему волосы.— Что, черт возьми, там стряслось?

Дэнни медленно, удивленно покачал головой.

— Я... Я не знаю. Почему ты мне сказал «не заикаться», папа? Я не заикаюсь.

— Нет, конечно,— искренне сказал Джек, но Венди почувствовала, будто к сердцу прикоснулись холодные пальцы. Джек вдруг показался таким испуганным, словно только что увидел привидение.

— Что-то про таймер...— пробормотал Дэнни.

— *Что?* — Джек подался вперед, а Дэнни вздрогнул и прижался к матери.

— Джек, ты пугаешь его! — сказала Венди, голос был тонким, а тон — обвиняющим. Ей вдруг пришло в голову, что напуганы они все. Но чем?

— Не знаю, не знаю,— говорил Дэнни отцу.— Что... что я говорил, пап?

— Ничего,— пробормотал Джек. Он вытащил из бокового кармана носовой платок и обтер губы. У Венди снова ненадолго возникло тошнотворное ощущение, что время пошло вспять. Жест был ей хорошо знаком с той поры, когда Джек пил.

— Почему ты запер дверь, Дэнни?— осторожно спросила она.— Зачем ты это сделал?

— Тони,— сказал он.— Тони мне велел.

Они обменялись взглядами поверх головы сына.

— А зачем, Тони не сказал, сынок?— спокойно спросил Джек.

— Я чистил зубы и думал про чтение,— сказал Дэнни.— Очень сильно думал, правда. И... и в зеркале увидел Тони, далеко. Он сказал, что опять должен показать мне.

— Ты хочешь сказать, он был у тебя за спиной?

— Нет, он был *в зеркале внутри,*— это Дэнни особенно подчеркнул.— Далеко, в глубине. И я пришел сквозь зеркало. А дальше я помню, как папа меня тряс, и я подумал, что снова был нехорошим.

Джек вздрогнул, как от удара.

— Нет, док,— тихо сказал он.

— Тони велел тебе запереть дверь?— спросила Венди, ероша ему волосы.

— Да.

— И что же он хотел тебе показать?

Дэнни в ее объятиях напрягся, будто мышцы его тела натянулись подобно струнам рояля.

— Не помню,— сказал он вне себя от горя.— Я не помню. Не спрашивай. *Я... Я ничего не помню.*

— Ш-ш,— встревоженно сказала Венди. Она опять принялась качать его.— Не помнишь — и не надо, ничего страшного.

Наконец, Дэнни снова начал расслабляться.

— Хочешь, я еще немножко посижу с тобой? Почитаю тебе?

— Нет. Только ночник.— Он робко взглянул на отца.— Пап, посидишь со мной? Одну минуточку?

— Конечно, док.

Венди вздохнула.

— Я буду в гостиной, Джек.

— Ладно.

Она поднялась и посмотрела, как Дэнни забирается под одеяло. Он казался очень маленьким.

— Ты уверен, что с тобой все в порядке, Дэнни?

— Угу. Сунь мне сюда Снупи, мам.

Она включила ночник, и стал виден Снупи, который глубоким сном спал на крыше своей конуры. Пока они не переехали в «Оверлук», Дэнни ночник не требовался, а здесь он специально попросил об этом. Она выключила лампу и снова посмотрела на них: белеющее маленьким пятном личико Дэнни, над ним — лицо Джека. Она чуть помедлила,

(а потом я прошел сквозь зеркало)

а потом тихонько оставила их одних.

— Засыпаешь?— спросил Джек, откидывая Дэнни волосы со лба.

— Ага.

— Хочешь глоток воды?

— Нет...

На пять минут воцарилось молчание. Дэнни все еще был под рукой Джека. Думая, что мальчик уснул, он уже собрался было встать и тихонько уйти, но Дэнни в полусне сказал:

— Роке.

Джек повернулся обратно, ощутив глубоко внутри сигнал тревоги.

— Дэнни?

— Ты не сделаешь маме больно, да, пап?

— Нет.

— А мне?

— Нет.

Снова молчание, оно затягивалось.

— Пап?

— Что?

— Тони приходил рассказать о роке.

— Правда, док? Что он сказал?

— Я мало помню. Помню только, что он сказал, там подачи. Как в бейсболе. Правда, смешно?

— Да.— Сердце Джека монотонно стучало в груди. Откуда малыш мог узнать такие подробности? В роке действительно играли с подачами, но не как в бейсболе, а как в крикете.

— Папа?— Он уже почти спал.

— Да?

— Что такое тремс?

— Тремс? Может, так стучали в барабан индейцы на тропе войны? Трремс, трремс, трремс...

Молчание.

— Эй, док?

Но Дэнни спал, глубоко, медленно дыша. Джек немного посидел, глядя на него, и, подобно водам прилива, на него нахлынула волна любви. Почему он так наорал на мальчика? Небольшое заикание для него было вполне нормальным. Мальчуган выходил из обморока или какого-то непонятного транса, и при таких обстоятельствах в заикании не было совершенно ничего удивительного. Ничего. Да он вовсе и не сказал *«таймер»*. Это было какое-то другое слово, какая-то чушь, абракадабра.

Откуда он знает, что в роке играют с подачами? Кто-нибудь рассказал? Уллман? Холлоранн?

Джек опустил глаза и посмотрел себе на руки. От напряжения пальцы крепко сжались в кулаки,

(Господи, выпить, выпить бы!)

а ногти вонзились в ладони, как крошечные клейма. Он медленно заставил себя разжать кисти.

— Я люблю тебя, Дэнни,— прошептал он.— Господь свидетель, люблю.

Джек вышел из комнаты. Он снова сорвался, совсем не сильно, но и этого оказалось довольно, чтоб ощутить страх и дурноту. Выпивка смыла бы это ощущение, будьте уверены. И это,

(что-то про таймер)

и все прочее. Тут он не мог ошибиться ни в едином словечке. Каждое прозвучало ясно, как удар колокола. В коридоре он помедлил, оглянулся и машинально промокнул губы носовым платком.

В свете ночника их очертания были всего лишь силуэтами. Венди в одних трусиках подошла к кроватке и снова укрыла его — он сбросил одеяло. Джек стоял в дверях, наблюдая, как она прикладывает сыну запястье ко лбу.

— Температура есть?

— Нет.

Она поцеловала Дэнни в щеку.

— Слава Богу, ты договорилась с врачом,— сказал он, когда она вернулась к двери.— Думаешь, этот парень свое дело знает?

— Кассирша сказала, врач он очень хороший. Вот все, что я выяснила.

— Если что-нибудь окажется не так, я отошлю вас к твоей матери, Венди.

— Нет.

— Я знаю,— сказал Джек, приобняв ее,— что ты чувствуешь.

— Ты вообще не представляешь, что я чувствую к ней.

— Венди, больше мне некуда вас отправить. Ты же знаешь.

— Если ты приехал...

— Без этой работы мы по миру пойдем,— просто сказал он.— Ты же понимаешь.

Силуэт Венди медленно кивнул — она понимала.

— Когда я в тот раз говорил с Уллманом, я подумал, что он просто дурью мается. Теперь я в этом не уверен. Может быть, мне действительно не следовало браться за такую работу и тащить сюда вас обоих. За сорок миль, в никуда...

— Я люблю тебя,— сказала она.— А Дэнни любит тебя даже сильней, если такое возможно. Ты разбил бы ему сердце, Джек. И разобьешь, если отправишь нас отсюда.

— Не говори так.

— Если доктор скажет, что что-то не в порядке, я поищу работу в Сайдвиндере,— сказала она.— Если в Сайдвиндере я ничего не найду, мы с Дэнни уедем в Боулдер. К матери я не могу ехать. Ни при каких отношениях. Не проси. Я... я просто не могу.

— По-моему, это мне понятно. Выше нос. Может, ничего и нет.

— Может быть.

— Вам к двум?

— Да.

— Венди, давай оставим дверь в спальню открытой.

— Я и сама хотела. Но, думаю, сейчас он спит.

Но он не спал.

Бум... бум... бум... БУМБУМБУМ...

Он удирал от тяжелых, гулких, сокрушительных звуков по извилистым, похожим на лабиринт, коридорам, босые ноги шлепали по вытканным на ковре черно-синим джунглям. Каждый раз, как где-то позади себя он слышал удар молотка для роке по стене, ему хотелось громко закричать. Но нельзя. Нельзя. Крик выдаст его, и тогда

(тогда ТРЕМС)

(ИДИ СЮДА, ПОЛУЧИ, ЧТО ЗАСЛУЖИЛ, ПЛАКСА ПОГАНЫЙ!)

О, он слышал — хозяин этого голоса приближается, идет за ним, крадется по коридору, по враждебным сине-черным джунглям, как тигр. Людоед.

(ИДИ-КА СЮДА, МАЛЕНЬКИЙ СУКИН СЫН!)

Если б ему удалось добраться до ведущей вниз лестницы, если бы удалось убраться отсюда, с четвертого этажа, все было бы в порядке. Даже с лифтом. Если бы только вспомнить, о чем забыли. Но было темно, и от ужаса он перестал ориентироваться. Свернул в один коридор, потом в другой, сердце комком прыгало во рту, обжигая ледяным холодом; он боялся, что за любым поворотом может лицом к лицу столкнуться с этим тигром в человеческом образе.

Теперь стук раздавался прямо у него за спиной, слышался страшный, хриплый крик.

Свист — это головка молотка рассекла воздух,

(Роке... грох!... роке... грох!... ТРЕМС)

прежде, чем с сокрушительной силой ударить в стену. Тихий шелест шагов по ковру-джунглям. Паника струйкой горького сока брызнула в рот.

(Ты вспомнишь, о чем забыли... но вспомнит ли он? О чем?)

Он влетел за очередной угол, и в нем медленно поднялся ужас — чистейшей воды ужас: тупик. С трех сторон хмурились запертые двери. Западное крыло. Он находился в западном крыле, а снаружи доносился визг и вой бури, которая словно бы давилась, забив снегом собственное темное горло.

Всхлипывая от ужаса, он прижался спиной к стене, сердце бешено колотилось, как у кролика, запертого в норе. Когда спина Дэнни прижалась к извилистым волнистым линиям выпуклого рисунка светло-голубых шелковистых обоев, его ноги подкосились, и он, дыша со свистом, рухнул на ковер, разбросав вывернувшиеся наружу руки по джунглям сплетенного с лианами дикого винограда.

Громче. Громче.

В коридоре был тигр, и теперь этот тигр оказался прямо за углом — назойливые, раздраженные, полные безумной ярости крики не утихали, молоток для игры в роке врезался в стены, ведь тигр этот был двуногим, это был...

Внезапно подавившись на вздохе воздухом, он проснулся и сел,

резко выпрямившись, уставившись в темноту широко раскрытыми глазами, загораживая лицо скрещенными руками.

На одной что-то было. Оно ползало.

Осы. Три штуки.

Тут они ужалили; Дэнни показалось, что все жала вонзились одновременно, и тогда-то все образы распались на куски, ринувшись на мальчика темным потоком. Он завизжал в темноту; словно приклеившись к его левой руке, осы жалили еще и еще.

Вспыхнул свет, там стоял папа в шортах, глаза сверкали. Позади него, сонная и испуганная, стояла мама.

— *Снимите их с меня!* — верещал Дэнни.

— Боже, — сказал Джек. Он увидел.

— Джек, что с ним? *Что с ним?*

Он не ответил. Подбежав к кроватке, он сгреб подушку и ударил ею по пострадавшей руке Дэнни. Еще. Еще. Венди увидела, как в воздух с жужжанием поднимаются неуклюжие силуэты насекомых.

— Возьми журнал! — крикнул он ей через плечо. — Убей их!

— Осы? — сказала она и на миг ушла в себя, практически отрешившись от окружающего в своем озарении. Потом мысли Венди смешались, знание соединилось с эмоциями. — Осы, Господи, Джек, ты же говорил...

— *Заткнись, мать твою, и бей их!* — прорычал он. — *Будешь ты делать, что тебе говорят!*

Одна оса приземлилась на столик, за которым обычно читал Дэнни. Венди схватила с рабочего стола книжку-раскраску и шмякнула по осе. Осталось отвратительное коричневое липкое пятно.

— Вон еще одна, на занавеске, — бросил ей Джек, пробегая мимо с Дэнни на руках.

Он отнес мальчика в их спальню и уложил на ту половину импровизированной двуспальной кровати, где спала Венди.

— Полежи тут, Дэнни. Не ходи обратно, пока не позову. Понял?

Дэнни кивнул. Опухшее лицо было в потеках слез.

— Вот храбрый мальчик.

Джек побежал по коридору к лестнице. Сзади донеслись два хлопка раскраской, а потом жена взвизгнула от боли. Не сбавляя шага, он спустился по лестнице в темный вестибюль, прыгая через две ступеньки. Через контору Уллмана он пробежал в кухню, стукнувшись бедром об угол дубового стола управляющего, но едва ли осознав это. Шлепком включив свет на кухне, он добрался до раковины у противоположной стены. В сушилке все еще лежала груда вымытых после ужина тарелок — Венди оставляла их там обтечь и высохнуть. Джек схватил с самого верха большую тефлоновую миску. На пол с грохотом упала тарелка. Не обращая на нее внимания, Джек развернулся и помчался назад через контору и вверх по лестнице. Венди стояла перед дверью Дэнни, тяжело

дыша. Лицо было белым, как льняная скатерть. Потерявшие глубину глаза блестели, волосы слиплись и свисали на шею.

— Я их всех прикончила,— сказала она,— но одна меня укусила. Джек, ты говорил, они все подохли.

Она расплакалась.

Не отвечая, Джек прошел мимо нее и занес миску «Пирекс» над гнездом у кроватки Дэнни. Гнездо было мертво. Там ничего не было — по крайней мере, снаружи. Он с размаху накрыл его миской.

— Все,— сказал он.

Они вернулись к себе в спальню.

— Куда она тебя тяпнула?— спросил он Венди.

— В... за запястье.

— Давай посмотрим.

Она показала укус. Между запястьем и ладонью, прямо над кольцом складочек, была маленькая круглая дырочка. Рука вокруг нее распухла.

— У тебя нет аллергии на укусы?— спросил он.— Думай как следует! Если есть, то может быть и у Дэнни. Чертовы ублюдки укусили его пять или шесть раз.

— Нет,— ответила она уже спокойнее,— я... просто я их ненавижу, вот и все. *Ненавижу.*

Дэнни сидел в изножье кровати, держась за левую руку, и глядел на них. Обведенные от шока белым глаза укоризненно смотрели на Джека.

— Пап, ты сказал, что всех убил. Рука... правда, больно.

— Давай посмотрим, док... Нет, трогать ее я не собираюсь. А то будет еще больнее. Просто протяни-ка ее.

Он послушался, и у Венди вырвался стон.

— О, Дэнни... бедная ручка!

Позже доктор насчитал одиннадцать укусов. Сейчас они увидели только россыпь крохотных дырочек, как будто ладонь и пальцы были присыпаны зернышками красного перца. Рука сильно опухла. Как в мультфильмах, где Кролик Багз или Утенок Дэффи только что заехали себе молотком по лапе.

— Венди, сходи-ка в ванную за тем аэрозолем,— велел он.

Она отправилась за лекарством, а Джек присел рядом с Дэнни и обнял его за плечи.

— Опылим руку, а потом я несколько раз сниму ее поляроидом, док. Потом ты остаток ночи поспишь с нами, о'кей?

— Ладно,— сказал Дэнни.— А зачем ты хочешь фотографировать?

— Может, удастся кой-кого затаскать по судам.

Вернулась Венди с баллончиком аэрозоля, имевшим форму огнетушителя.— Больно не будет, милый,— сказала она, снимая колпачок.

Дэнни протянул руку, и Венди опрыскивала ее с обеих сторон, пока та не заблестела. Он испустил глубокий дрожащий вздох.

— Жжет? — спросила она.

— Нет. Лучше.

— А теперь вот это. Ну-ка, скушай.— Она протянула ему пять таблеток аспирина в оранжевой оболочке. Дэнни взял их и одну за другой побросал в рот.

— Аспирина не многовато? — спросил Джек.

— Укусов многовато,— сердито фыркнула она.— Джон Торранс, отправляйтесь-ка и избавьтесь от этого гнезда. Сейчас же.

— Минутку.

Он подошел к гардеробу и из верхнего ящика достал поляроид. Порывшись в глубине, он отыскал несколько кубиков для вспышки.

— Джек, что ты делаешь? — несколько взвинченно поинтересовалась Венди.

— Он хочет снять мою руку,— серьезно объяснил Дэнни,— а потом мы затаскаем кой-кого по судам. Правда, пап?

— Правда,— угрюмо сказал Джек. Он нашел синхронизатор и подключил вспышку к камере.— Вытяни-ка руку, сын. Я рассчитываю получить по пять тысяч за укус.

— Что ты *болтаешь*? — Венди почти кричала.

— Вот что я тебе скажу,— сказал он.— Я сделал все по инструкции к этой проклятой дымовой шашке. Мы подадим на них в суд. Проклятая штука оказалась бракованной. Обязательно бракованной. Как же иначе объяснить это?

— А,— сказала она тоненьким голоском.

Он сделал четыре снимка и каждую вылетевшую карточку отдавал Венди, поставить время по маленьким часикам-медальону, которые она носила на шее. Дэнни, захваченный мыслью, что его покусанная рука может стоить тысячи и тысячи долларов, начал отходить от испуга и проявлять активный интерес. В руке пульсировала тупая боль и немного болела голова.

Когда Джек убрал аппарат и разложил снимки на шкафу, чтобы они просохли, Венди сказала:

— Мы повезем его сегодня к врачу?

— Только, если болеть будет действительно сильно,— ответил Джек.— Если у человека аллергия на осиный яд, она проявляется за тридцать секунд.

— Проявляется? Что ты...

— Кома. Или судороги.

— Ох. Господи Иисусе.— Она ухватилась за локти и сжалась. Вид у нее был бледный и измученный.

— Как себя чувствуешь, сын? Поспать сможешь, как потвоему?

Дэнни захлопал глазами. Кошмар растаял, превратившись в подсознании мальчика в нечто неясное, неопределенное, но испуг еще не прошел.

— А можно спать у вас?

— Конечно,— сказала Венди.— Ох, милый, жалость-то какая...

— Все нормально, мам.

Она опять расплакалась, и Джек положил ей руку на плечо.

— Венди, клянусь, я все сделал по инструкции.

— Ты избавишься от него утром? Пожалуйста.

— Конечно.

Все трое забрались в постель, и Джек уже собрался было выключить лампу над кроватью, как вдруг замер и вместо этого откинул одеяло.

— Гнездо тоже надо сфотографировать.

— Только сразу возвращайся.

— Ладно.

Он пошел к шкафу, вынул камеру и последний кубик для вспышки и показал Дэнни кружок из большого и указательного пальцев. Дэнни улыбнулся и здоровой рукой проделал в ответ то же самое.

«Что за пацан,— думал он, шагая к комнате Дэнни.— *Все, как надо и еще немножко».*

Люстра всё ещё горела. Джек пересек комнату и, когда взглянул на столик подле двухэтажной кровати, по коже у него пошли мурашки. Волоски на шее пытались встать дыбом, так, что закололо кожу.

Сквозь прозрачную миску гнездо было едва видно. Все стекло изнутри кишело осами. Трудно сказать, сколько их там было. По крайней мере, пятьдесят. А может, сто.

Сердце в груди билось медленными толчками. Он отснял гнездо, а потом опустил аппарат, чтобы дождаться, пока осы снова расползутся. Он обтер губы ладонью. В голове снова и снова прокручивалась одна и та же мысль, ей вторил

(ты вышел из себя, ты вышел из себя)

почти суеверный страх. Вернулись. Он убил ос, но они вернулись. Мысленно он услышал, как орет в перепуганное, плачущее личико сына: НЕ ЗАИКАТЬСЯ!

Он опять обтер губы.

Подойдя к рабочему столику Дэнни, Джек порылся в ящиках и вернулся с большой составной картинкой-загадкой, у которой задняя стенка была из фанеры. Он поднес ее к ночному столику и осторожно передвинул на нее миску. Осы в своей тюрьме сердито жужжали. Потом, придавив миску так, чтоб та не соскользнула, он вышел в коридор.

— Идешь спать, Джек?— спросила Венди.

— Идешь спать, папа?

— Мне надо вниз на минуточку,— сказал он, заставив себя говорить это легким тоном.

Как это случилось? Как, ради Бога?

Шашка, несомненно, была нормальной. Он видел, как, когда он дернул за кольцо, из нее повалил густой белый дым. А через два

часа, когда он поднялся наверх, то через отверстие на верхушке гнезда вытряхнул россыпь маленьких трупиков.

Тогда как же? Спонтанная регенерация?

Безумие. Чушь в духе двадцатого века. Насекомые не воскресают, не регенерируют. Даже, если бы яйца могли полностью созреть за двенадцать часов, матка откладывает их не в это время года. А в апреле или мае. Осень — время, когда осы умирают.

Под миской яростно жужжало живое опровержение.

Спустившись вниз по лестнице, он пронес их через кухню. В ее дальнем конце была дверь на улицу. Почти ничем не прикрытое тело пронизал холодный ночной ветер, ноги мигом окоченели на холодной бетонной площадке, площадке, куда в курортный сезон доставляли молоко. Джек осторожно опустил загадочное явление на землю и, когда выпрямился, взглянул на прибитый к дверям термометр. Ртуть стояла ровно на двадцати пяти. К утру холод их убьет. Он вернулся внутрь и решительно захлопнул дверь. Немного подумав, он еще и запер ее.

Проходя обратно через кухню, Джек выключил свет. В темноте он на минутку задержался, раздумывая — хотелось глотнуть чего-нибудь покрепче. Ему вдруг показалось, что отель полон сотен приглушенных звуков: потрескивания, постанывания, потаенных вздохов ветра под карнизами, где, подобно смертоносным плодам, могут висеть другие гнезда.

Вернулись.

И вдруг Джек обнаружил, что «Оверлук» нравится ему уже не так сильно, как будто сына покусали не осы; не осы, чудом выжившие после дымовой шашки, а сам отель.

Последней мыслью Джека перед тем, как он поднялся наверх, к жене и сыну, было:

(отныне ты будешь держать себя в руках, что бы ни происходило)

Мысль была твердой, решительной и уверенной.

Шагая к ним по коридору, он обтер губы тыльной стороной руки.

17. У ВРАЧА

Раздетый до трусиков, Дэнни Торранс лежал на кушетке и казался очень маленьким. Он снизу вверх смотрел на доктора («зови меня просто Билл»), который подкатывал большую черную машину. Чтоб получше рассмотреть ее, Дэнни закатил глаза.

— Не пугайся, малыш, — сказал Билл Эдмондс. — Это электроэнцефалограф, он больно не делает.

— Электро...

— Мы для краткости называем его ЭЭГ. Сейчас я прицеплю тебе пучок электродов к голове... нет, втыкать я их не буду, просто приклею... и перья вот в этой части прибора запишут излучение твоего мозга.

— Как в «Человеке, который стоил шесть миллионов?»

— Почти. Хочешь стать таким, как Стив Остин, когда вырастешь?

— Ни за что,— заявил Дэнни, когда сестра принялась прикреплять провода к крошечным пятачкам, выбритым у него на голове.— Папа говорит, что в один прекрасный день у него будет короткое замыкание и он сыграет... в ящик.

— Этот ящик я хорошо знаю,— добродушно сказал доктор Эдмондс.— Я и сам несколько раз побывал в нем, без шуток. ЭЭГраф, Дэнни, может очень много нам рассказать.

— Например?

— Например, страдаешь ли ты эпилепсией. Это небольшая трудность, когда...

— Ага, я знаю, что такое эпилепсия.

— Правда?

— Угу. В моем детском садике — там, в Вермонте — был один парень... когда я был маленьким, я ходил в садик... и она у него была. Ему не разрешали пользоваться мигалкой.

— А что это такое, Дэн? — Он развернул машину. По разграфленной бумаге пошли тонкие линии.

— Там всякие огоньки на ней... все разного цвета. Когда включите, они мигают, только не все, а вы должны сосчитать, сколько цветов, если нажмете правильную кнопку, мигалка может выключиться. Бренту нельзя было.

— Потому что яркие вспышки иногда могут вызвать приступ эпилепсии.

— Значит, если бы Брент играл с мигалкой, с ним был бы припадок?

Эдмондс обменялся с медсестрой коротким изумленным взглядом.

— Неизящно выражено, но точно, Дэнни.

— Что?

— Я говорю, ты прав, только вместо «припадок» надо говорить «приступ». А то нехорошо... ладненько, а сейчас полежи тихо. Как мышка.

— Хорошо.

— Дэнни, а во время этих своих... все равно, что они такое... ты ни разу не вспомнил, что раньше видел ярко вспыхивающие лампочки?

— Нет.

— Странные шумы? Звонки? Или трель, как в дверном звонке?

— Не-а.

— А как насчет необычных запахов? Апельсины, например, или опилки? Или как будто что-то гниет?

— Нет, сэр.

— А не бывает, чтоб до того, как отключиться, тебе хотелось поплакать? Хоть вовсе не грустно?

— Никогда.

— Отлично.

— У меня эпилепсия, доктор Билл?

— Не думаю, Дэнни. Лежи-ка спокойно. Уже почти все.

Машина гудела и царапала по бумаге еще пять минут, а потом доктор Эдмондс ее выключил.

— Все, парень,— отрывисто произнес он.— Дай Салли снять с тебя электроды и иди в соседнюю комнату. Хочу немного поговорить с тобой. Ладно?

— А то.

— Салли, иди вперед. Дашь ему экспресс-тест до того, как он зайдет.

— Хорошо.

Эдмондс оторвал длинную бумажную ленту, которая выползла из машины и, разглядывая ее, прошел в соседнюю комнату.

— Сейчас сделаем укольчик в руку,— сказала сестра, когда Дэнни натянул штаны.— Чтоб убедиться, что у тебя нет туберкулеза.

— Мне уже делали в садике, в прошлом году,— сказал Дэнни без особой надежды.

— Но это было давно, а сейчас ты уже большой мальчик, правда?

— Наверное,— вздохнул Дэнни, протягивая руку на заклание.

Натянув рубашку и ботинки, он прошел через раздвижную дверь в кабинет доктора Эдмондса. Эдмондс сидел на краю стола, в задумчивости болтая ногами.

— Привет, Дэнни.

— Привет.

— Ну, как наша рука?— доктор указал на левую руку Дэнни в легкой повязке.

— Очень хорошо.

— Хорошо. Я посмотрел твою ЭЭГ, похоже, все отлично. Но я собираюсь отослать ее в Денвер, своему приятелю, он зарабатывает себе на жизнь тем, что читает такие штуки. Просто хочется иметь уверенность.

— Да, сэр.

— Расскажи мне про Тони, Дэн.

Дэнни повозил ногами.

— Это просто невидимый друг,— сказал он.— Я его выдумал. Чтоб было с кем водиться.— Эдмондс рассмеялся и положил Дэнни руки на плечи.

— Ну, ну, так говорят твои папа с мамой. Но ведь это дальше меня не пойдет. Я — твой доктор. Скажи правду, а я обещаю не рассказывать им без твоего разрешения.

Дэнни обдумал это. Он взглянул на Эдмондса, а потом, сосредоточившись с небольшим усилием, попытался уловить мысли врача или хотя бы окраску его настроения. Вдруг в голове Дэнни возник странно успокаивающий образ: шкафы с документами, их дверцы одна за другой проскальзывали на место и защелкивались.

на замок. В центре каждой на небольшой табличке было написано: «А-В, секретно», «Г-Д, секретно» и так далее. Дэнни стало чуть полегче. Он осторожно сказал:

— Я не знаю, кто такой Тони.

— Он твоих лет?

— Нет. Ему самое маленькое одиннадцать. А может, больше. Я ни разу не видел его близко. Он, наверное, уже такой большой, что может водить машину.

— Видишь его издали, да?

— Да, сэр.

— И он всегда приходит прямо перед тем, как ты отключаешься?

— Я не отключаюсь. Я как будто ухожу с ним. А он мне всякое показывает.

— Какое всякое?

— Ну...— Дэнни немного поколебался, а потом рассказал Эдмондсу про папин чемодан с рукописью, и как грузчики все-таки не потеряли его между Вермонтом и Колорадо. Все это время он стоял прямо под лестницей.

— И твой папа нашел его там, где сказал Тони?

— Да, сэр. Только Тони *не сказал*. Он показал.

— Понимаю. Дэнни, что тебе показывал Тони вчера вечером? Когда ты заперся в ванной?

— Не помню,— быстро сказал Дэнни.

— Точно ли?

— Да, сэр.

— Ты только что сказал, что заперся в ванной *сам*. Но ведь это не так, а? Дверь запер *Тони*?

— Нет, сэр. Тони не может запереть дверь, он же не настоящий. Он хотел, чтоб я сделал это, я и сделал. Дверь запер я.

— Тони всегда показывает тебе, где потерянные вещи?

— Нет, сэр. Иногда он показывает, что произойдет.

— В самом деле?

— Угу. Один раз Тони показал мне аттракционы и парк диких зверей в Грейт Бэррингтоне. Тони сказал, что папа хочет съездить туда со мной в день рождения. Правда, мы поехали.

— Что еще он тебе показывает?

Дэнни нахмурился.

— Надписи. Он всегда показывает мне дурацкие старые *надписи*. Но я не умею читать и почти никогда не могу их понять.

— Как по-твоему, зачем Тони так делает?

— Не знаю.— Дэнни приободрился.— Но папа с мамой учат меня читать, правда, я очень стараюсь.

— Чтобы суметь прочесть надписи Тони?

— Нет, я правда хочу научиться. Но поэтому тоже, ага.

— Тебе нравится Тони, Дэнни?

Дэнни уставился на кафельный пол и ничего не сказал.

— Дэнни?

— Трудно сказать,— сказал Дэнни.— Раньше да. Я надеялся, что он станет приходить каждый день, потому что он всегда показывал хорошее, особенно с тех пор, как мама с папой перестали думать про РАЗВОД.— Взгляд доктора Эдмондса стал пристальнее, но Дэнни не заметил. Он упорно смотрел в пол, сосредоточившись на том, чтобы выразить свои мысли.— Но теперь Тони, как ни придет, так покажет плохое. *Ужасное*. Как вчера вечером в ванной. То, что он показывает... оно жалит меня, как жалили эти осы. Только оно кусает меня вот сюда.— Он серьезно нацелился пальцем в висок — малыш, неосознанно пародирующий самоубийство.

— А «оно» — это что, Дэнни?

— Не помню! — выкрикнул Дэнни, мучаясь.— Если б помнил, я бы сказал. Как будто оно такое плохое, что я не помню потому, что просто *не хочу* помнить! Я, когда просыпаюсь, могу вспомнить только ТРЕМС и все.

— Тремс?

— Да.

— И что же это такое, Дэнни?

— Не знаю.

— Дэнни?

— Да, сэр.

— Ты можешь заставить Тони прийти сейчас?

— Не знаю. Он приходит не всегда. Не знаю, хочется ли мне, чтобы он вообще теперь приходил.

— Попробуй, Дэнни. Я буду тут.

Дэнни посмотрел на Эдмондса с сомнением. Эдмондс ободряюще кивнул.

Дэнни длинно вздохнул и наклонил голову.

— Но я не знаю, получится или нет. Раньше я никогда так не делал, если кто-то смотрел. И потом, Тони приходит не всегда.

— Не придет, так не придет,— сказал Эдмондс.— Я просто хочу, чтоб ты попытался.

— Ладно.

Опустив неподвижный взгляд на медленно покачивающиеся кроссовки Эдмондса, Дэнни метнул свое сознание наружу, к маме и папе. Они были где-то здесь... если уж на то пошло — прямо за той стеной, где картина. В приемной, куда они зашли сначала. Сидят рядышком, но не разговаривают. Листают журналы, волнуются. За него.

Хмуря брови, он сосредоточился сильнее, пытаясь ощутить и понять мамины мысли. Если ее не было в комнате рядом с ним, это всегда давалось труднее. Потом он начал улавливать. Мама думала о сестре. О своей сестре. Сестра умерла. Мама думала, что из-за этого, главным образом, ее мама и превратилась в такую

(стерву?)

в такую старую приставалу. Оттого, что умерла мамина сестра. Она была маленькой девочкой, когда ее

(СБИЛА МАШИНА О ГОСПОДИ БОЛЬШЕ Я НИЧЕГО ТАКОГО НЕ ВЫНЕСУ ЭЙЛИН НО ЧТО ЕСЛИ ОН БОЛЕН ДЕЙСТВИТЕЛЬНО БОЛЕН РАК ВОСПАЛЕНИЕ ОБОЛОЧЕК СПИННОГО МОЗГА ЛЕЙКЕМИЯ ОПУХОЛЬ МОЗГА КАК У СЫНА ДЖОНА ГАНТЕРА ИЛИ АТРОФИЯ МЫШЦ ГОСПОДИ У ДЕТИШЕК ЕГО ВОЗРАСТА СКОЛЬКО УГОДНО СЛУЧАЕВ ЛЕЙКЕМИИ РАДИОТЕРАПИЯ ХИМИОТЕРАПИЯ ЭТО ВСЕ НАМ НЕ ПО КАРМАНУ НО НЕ МОГУТ ЖЕ ОНИ ПРОСТО ДАТЬ ОТ ВОРОТ ПОВОРОТ И ВЫКИНУТЬ ПОДЫХАТЬ НА УЛИЦУ НЕ МОГУТ ТЕМ БОЛЕЕ ЧТО С НИМ ВСЕ В ПОРЯДКЕ ВСЕ В ПОРЯДКЕ ВСЕ В ПОРЯДКЕ В САМОМ ДЕЛЕ НЕЛЬЗЯ ПОЗВОЛЯТЬ СЕБЕ ДУМАТЬ)

(Дэнни...)

(ПРО ЭЙЛИН И)

(Дэнни — и...)

(ТУ МАШИНУ)

(Дэнни — и...)

Но Тони не показался. Только голос. Он затих, и Дэнни последовал за ним во тьму: кувыркаясь, он падал в какую-то волшебную дыру между кроссовок доктора Билла, они покачивались; позади что-то громко стучало; дальше, во тьму, где беззвучно плавала ванна, из нее высовывалось что-то страшное; мимо приятного, напоминающего перезвон церковных колоколов, звука; мимо часов под стеклянным колпаком.

Потом в эту тьму проникла одна-единственная немощная лампочка, вся в фестонах паутины. Слабый свет обнаружил каменный пол, сырой и неприятный на вид. Где-то, не слишком далеко, не прекращался металлический рев, но приглушенный. Не страшный. Сонный. Летаргический. Вот про эту штуку и забудут, подумалось Дэнни в дремотном удивлении.

Когда глаза привыкли к сумраку, прямо перед собой он сумел разглядеть Тони, одним только силуэтом. Тони куда-то смотрел, и Дэнни напряг глаза, чтоб разглядеть, куда и на что.

(Твой папа. Видишь папу?)

Конечно он видел. Неужели Дэнни мог бы не заметить папу даже при слабом подвальном освещении? Папа стоял на полу на коленях, фонарик отбрасывал луч света на старые картонки и деревянные ящики. Картонки были старыми, заплесневелыми, некоторые развалились, вывалив на пол потоки бумажек. Газеты, книги, похожие на счета машинописные страницы. Все это папа изучал с большим интересом. А потом папа поднял взгляд и посветил фонариком в другую сторону. Луч высветил еще одну книгу, большую, перевязанную золотым шнуром. Похоже, обложка была из белой кожи. Это оказался альбом для вырезок. Дэнни вдруг очень захотелось крикнуть отцу, чтоб тот оставил альбом в покое, что некоторые книги открывать нельзя. Но папа уже пробирался к нему.

Ревел какой-то механизм — теперь Дэнни понял, что этот зло-

вещий, ритмичный грохот создавал «оверлуковский» котел, который папа проверял по три-четыре раза на дню. Грохот становился похож на... тяжелые шаги. А запах плесени и гнилой, отсыревшей бумаги сменился каким-то другим... резким, отдающим можжевельником запахом Дряни. Запах облаком окутывал папу, который потянулся за книгой и схватил ее.

Где-то в темноте Тони

(Это бесчеловечное место превращает людей в чудовищ это бесчеловечное место)

вновь и вновь повторял что-то непонятное.

(превращает людей в чудовищ)

Еще одно падение в темноту, теперь оно сопровождалось тяжелым, громоподобным стуком — котел тут был ни при чем, это свистел молоток, врезаясь в шелковистые обои стен, выбивая облачка известковой пыли. Дэнни беспомощно припал к синечерным, вытканным на ковре, джунглям.

(ВЫХОДИ)

(Это бесчеловечное место)

(ПОЛУЧИ, ЧТО ЗАСЛУЖИЛ!)

(превращает людей в чудовищ).

Задохнувшись — собственное судорожное аханье эхом отдалось в голове — Дэнни рванулся из тьмы. В чьи-то руки. Сперва он отпрянул, думая, что рожденное мраком существо из «Оверлука», существующего в мире Тони, каким-то образом последовало за ним в мир реальных вещей — а потом доктор Эдмондс сказал:

— Все в порядке, Дэнни. Ничего. Все отлично.

Дэнни узнал доктора, потом обстановку кабинета. Его забила дрожь, с которой он не мог справиться. Эдмондс держал его.

Когда реакция пошла на убыль, Эдмондс спросил:

— Ты говорил что-то о чудовищах, Дэнни... что?

— Это бесчеловечное место,— сказал он утробным голосом.— Тони сказал... это бесчеловечное место... превращает... превращает...— Он потряс головой.— Не могу вспомнить.

— Постарайся!

— Не могу.

— Тони приходил?

— Да.

— Что он тебе показал?

— Темноту. Стук. Не помню.

— Где ты был?

— *Отстаньте! Не помню! Отстаньте!*

Дэнни беспомощно всхлипывал от ярости и страха. Все ушло, превратившись в похожую на слипшийся от воды бумажный комок, путаницу; читать в памяти стало невозможно.

Эдмондс пошел к охладителю и принес ему воды в бумажном стаканчике. Дэнни выпил ее, и Эдмондс принес еще стакан.

— Лучше?

— Да.

— Дэнни, я не хочу доставать тебя... в смысле, надоедать тебе с этим. Но *до* прихода Тони тебе ничего не запомнилось?

— Мама,— медленно проговорил Дэнни.— Она обо мне беспокоится.

— На то и мамы, парень.

— Нет... у нее была сестра, она умерла, когда была маленькой. Эйлин. Мама думала про то, как Эйлин сбила машина, и от этого она беспокоится обо мне. Больше я ничего не помню.

Эдмондс пристально смотрел на него.

— Она думала об этом сейчас? Там, в приемной?

— Да, сэр.

— Дэнни, как ты это узнал?

— Не знаю,— тусклым голосом сказал Дэнни.— Наверное, это сияние.

— Что?

Дэнни очень медленно покачал головой.

— Я ужасно устал. Можно, я пойду к папе и маме? Мне больше не хочется отвечать на вопросы. Я устал. И у меня болит живот.

— Тебя сейчас стошнит?

— Нет, сэр. Просто я хочу к папе и маме.

— Ладненько, Дэн.— Эдмондс поднялся.— Сходи к ним на минутку, а потом пришлешь их сюда, ко мне, чтоб я смог поговорить с ними. Идет?

— Да, сэр.

— Там есть книжки, можешь посмотреть. Тебе нравятся книжки, правда?

— Да, сэр,— ответил Дэнни, покорный своему долгу.

— Ты молодчина, Дэнни.

Дэнни слабо улыбнулся.

— Не могу ни к чему придраться,— сказал доктор Эдмондс Торрансам.— С физиологией все в норме. Психически... мальчик смышленый, а воображение развито даже слишком. Бывает. Дети должны вырастать из своего воображения, как из пары старых ботинок. Воображение Дэнни все еще ему великовато. Проверяли хоть раз его на ай-кью?

— Не верю я в эти коэффициенты,— сказал Джек.— Только стреноживают надежды и родителей, и учителей.

Доктор Эдмондс кивнул.

— Может быть. Но, проверь вы его, думаю, обнаружилось бы, что для своей возрастной группы он ушел очень далеко. Для мальчика, которому пять-шестой, его словарный запас поразителен.

— Мы с ним не сюсюкаем,— сказал Джек с ноткой гордости.

— Сомневаюсь, что вам пришлось хоть раз пойти на это, чтобы быть понятым,— Эдмондс помолчал, играя ручкой.— Пока вы там сидели, он впал в транс. По моей просьбе. Все точь-в-точь по

вашему описанию вчерашнего вечера в ванной. Все мышцы расслабились, тело осело, глаза закатились. Классический самогипноз. Я изумился и все еще продолжаю изумляться.

Торрансы подались вперед.

— Что случилось? — напряженно спросила Венди. Эдмондс тщательно отчитался по поводу транса Дэнни и фразы, которую тот пробормотал и из которой доктор сумел выудить только слова «чудовищ», «тьма» и «стук». Реакция — слезы, состояние, граничащее с истерикой, и боли в животе на нервной почве.

— Опять Тони, — сказал Джек.

— Что это значит? — спросила Венди. — Есть идеи?

— Несколько. Вам они могут не понравиться.

— Все равно, валяйте, — сказал Джек.

— Из того, что мне рассказал Дэнни, следует, что «невидимый приятель» действительно был приятелем, пока вы, ребята, не переехали из Новой Англии сюда. С момента переезда Тони превратился в угрожающую фигуру. Приятные интерлюдии сменились кошмарами, и для вашего сына они еще страшнее оттого, что он не может вспомнить, о чем был кошмар. Это довольно обычное явление. Все мы помним приятные сны куда отчетливее, чем страшные. Похоже, между сознанием и подсознанием где-то существует буферная зона, что ли, и обитает там черт знает какой цербер. Пропускает такой цензор совсем немногое, и зачастую то, что прошло в наше сознание, это всего лишь символ. Вот такой донельзя упрощенный Фрейд — но довольно здорово описывает, что известно о взаимодействии сознания с самим собой.

— Думаете, Дэнни так сильно огорчил переезд? — спросила Венди.

— Возможно, если он происходил при травмирующих обстоятельствах, — отозвался Эдмондс. — Это так?

Венди с Джеком переглянулись.

— Я преподавал в школе, — медленно произнес Джек. — И потерял работу.

— Понятно, — сказал Эдмондс. Он решительно воткнул ручку, которой играл, в подставку. — Боюсь, есть еще кое-что. Для вас это может оказаться болезненным. Ваш сын, похоже, убежден, что вы оба серьезно подумывали о разводе. Он сказал об этом вскользь, но только потому, что вы перестали думать на эту тему.

Джек разинул рот, а Венди отпрянула, как от удара. Кровь отхлынула от ее лица.

— Мы даже не заговаривали о разводе! — сказала она. — Не при Дэнни! Мы даже друг с другом-то это не обсуждали! Мы...

— Думаю, доктор, будет лучше, если вы поймете все до конца, — сказал Джек. — Вскоре после рождения Дэнни я стал алкоголиком. Все годы учебы в колледже у меня уже была проблема со спиртным. Она стала не такой острой, когда я встретил Венди, но после рождения Дэнни назрела серьезнее, чем когда-либо — вдобавок, сочинительство, которое я считал своим на-

стоящим делом, тогда пошло плохо... Когда Дэнни было три с половиной, он разлил пиво на кучу бумаг, с которыми я работал... бумаг, которые я сам разбросал по комнате... и я... ну... а, черт.

Голос Джека сломался, но глаза остались сухими, недрогнувшими.

— Как же скотски это звучит, когда выговоришь вслух. Я поворачивал Дэнни, чтобы отшлепать, и сломал ему руку... три месяца спустя я бросил пить. И с тех пор в рот не брал спиртного.

— Понимаю,— нейтрально заметил доктор Эдмондс.— Конечно, я заметил, что рука ломалась. Ее хорошо залечили.— Он немного отодвинулся от стола и положил ногу на ногу.— Могу я быть честным? Очевидно, что с тех пор с ним обращались во всех отношениях хорошо. Помимо укусов, на мальчике нет ничего, кроме нормальных для любого ребенка синяков и царапин.

— Конечно,— с горячностью сказала Венди.— Джек не то...

— Нет, Венди,— отозвался Джек.— То. Наверное, где-то внутри мне действительно хотелось поступить с ним именно так. Или сделать что-нибудь похуже.— Он опять взглянул на Эдмондса.— Знаете что, доктор? Слово «развод» мы сейчас упомянули в первый раз. Алкоголизм тоже. И избиение ребенка. За пять минут — три первых раза.

— Не исключено, что корень проблемы в этом,— сказал Эдмондс.— Я не психиатр. Если вы хотите показать Дэнни детскому психиатру, могу рекомендовать вам хорошего специалиста. Он работает в боулдерском медицинском центре «Мишшен Ридж». Но в своем диагнозе я нимало не сомневаюсь. Дэнни — умный, перспективный мальчик с хорошо развитым воображением. Не верится, чтобы война между вами огорчала его до такой степени, как вам кажется. Маленькие дети способны многое принять. Им непонятно, что такое стыд или потребность что-то скрывать.

Джек изучал свои ладони. Венди взяла его руку и сжала.

— Но он почувствовал: что-то не так. С его точки зрения, главным была не сломанная рука, а разорванная — или рвущаяся — связь между вами. Он упомянул о разводе, не о сломанной руке. Когда сестра напомнила ему про гипс, он просто отмахнулся. На него довлело другое. По-моему, он сказал, что оно случилось «давным-давно».

— Что за пацан,— пробормотал Джек. Он стиснул челюсти, на щеках вспухли бугры мышц.— Мы его не заслужили.

— Так или иначе, он ваш,— сухо заметил Эдмондс.— Во всяком случае, время от времени он удаляется в мир фантазии. В этом нет ничего необычного, так делают очень многие дети. Насколько я помню, когда я был в возрасте Дэнни, у меня самого был невидимый приятель — говорящий петух по имени Чаг-Чаг. Конечно, Чаг-Чага никто, кроме меня, не видел. У меня было два старших брата, которые частенько обставляли меня, и тогда-то Чаг-Чаг оказывался весьма кстати. Вы, конечно же, должны пони-

мать, отчего невидимого приятеля Дэнни зовут Тони, а не Майкл, не Хэл и не Датч.

— Да,— сказала Венди.

— Вы когда-нибудь говорили с ним об этом?

— Нет,— ответил Джек.— А надо было?

— Зачем? Пусть сам поймет в свое время, дойдет своим умом. Видите ли, фантазия Дэнни куда глубже, чем те, что возникают при обычном синдроме «невидимого приятеля», но это потому, что он так сильно нуждался в Тони. Тот приходил и показывал приятное. Иногда — удивительное. Всегда только хорошее. Один раз Тони показал, где чемодан, который потерял папа... под лестницей. В другой раз Тони показал, что мама с папой собираются в честь дня рождения взять его в парк аттракционов...

— В Грейт-Бэррингтон! — воскликнула Венди.— Но как он может *знать* такие вещи? Бывает, он такое заявит, что просто жуть берет. Все равно, как если бы...

— У него было шестое чувство? — с улыбкой спросил Эдмондс.

— Он родился в сорочке,— неуверенно сказала Венди.

Улыбка Эдмондса перешла в добродушный хохот. Джек с Венди переглянулись, а потом тоже заулыбались, оба изумленные тем, насколько легко это у них получилось. Случайные «удачные догадки» Дэнни — еще одно, что они не очень-то обсуждали.

— Теперь вы еще мне скажете, что он умеет летать,— сказал Эдмондс, по-прежнему улыбаясь.— Нет, нет, нет, боюсь, что нет. Способностей экстрасенса тут нет, просто старая добрая восприимчивость — только в случае Дэнни она необычайно развита. Мистер Торранс, мальчик сообразил, что чемодан под лестницей, потому что остальной дом вы весь обыскали. Метод исключения, а? Так просто, что Эллери Квин над нами просто посмеялся бы. Рано или поздно вы бы и сами догадались. Что же касается парка аттракционов в Грейт-Беррингтон, чья мысль это была первоначальной? А? Ваша или Дэнни?

— Его, конечно,— сказала Венди.— Этот парк рекламировали во всех детских утренних программах. Ему до смерти хотелось поехать. Но, видите ли, доктор, нам это было не по средствам. Так мы ему и сказали.

— После чего журнал для мужчин, куда я в семьдесят первом году продал рассказ, прислал чек на пятьдесят долларов,— вмешался Джек.— За перепечатку в ежегоднике, что ли. И мы решили потратить эти деньги на Дэнни.

Эдмондс пожал плечами.

— Исполнение желания плюс счастливое совпадение.

— Черт возьми, готов спорить, так оно и есть,— сказал Джек.

Эдмондс едва заметно улыбнулся.

— Да еще Дэнни сам сказал мне, что показанное Тони частенько не сбывается. Видения, основанные на избыточной восприимчивости, вот и все. Дэнни подсознательно делает то, что

так называемые мистики и телепаты делают вполне осознанно и цинично. Я восхищаюсь мальчиком за это. Думаю, если жизнь не заставит его втянуть антенны, он станет личностью.

Венди кивнула. Конечно, она и сама считала, что Дэнни станет личностью, но уж больно гладко доктор объяснял. На вкус это больше напоминало маргарин, чем масло. Эдмондс не был членом их семьи. Не при нем Дэнни отыскивал потерянные пуговицы, без него говорил, что телеобозрение, может быть, лежит под кроватью, что лучше ему надеть в садик резиновые сапоги, хотя светило солнце... а через несколько часов они, раскрыв зонт, возвращались домой под проливным дождем. Эдмондс не мог знать, как странно Дэнни умел предсказать поведение их обоих. Решив в неурочное время выпить чаю, она выходила на кухню и находила в своей чашке пакетик заварки. Вспомнив, что надо сдать книги в библиотеку, Венди обнаруживала их на столике в холле, сложенными в аккуратную стопку, поверх которой лежал ее читательский билет. Или взбредет Джеку в голову отдраить фольксваген, глядь — а Дэнни уже на улице, приготовился наблюдать: сидит на кромке тротуара и слушает тихую музыку по своему приемнику. Вслух она сказала:

— Откуда же теперь эти кошмары? Почему Тони велел ему запереть дверь в ванную?

— Думаю, Тони пережил свою полезность,— сказал Эдмондс.— Он родился — Тони — не Дэнни, в то время, когда вы с мужем изо всех сил пытались сохранить семью. Ваш муж слишком сильно пил. Был инцидент со сломанной рукой. Между вами царило зловещее спокойствие.

Зловещее спокойствие... да, как ни крути, фраза соответствовала действительности. Совместные трапезы в холодной, напряженной обстановке, когда говоришь только: «пожалуйста, передай масло» или «Дэнни, доешь морковку», или «прошу прощения». Вечера, когда Джек отсутствовал, а она лежала с сухими глазами на кушетке, пока Дэнни смотрел телевизор. Утра, когда они с Джеком осторожно кружили друг вокруг дружки, как пара разъяренных кошек, между которыми — перепуганная, дрожащая мышь. Да, фраза звучала правдоподобно.

(Господи, перестанут ли когда-нибудь болеть старые раны?)

до ужаса, страшно правдоподобно.

Эдмондс резюмировал:

— Но положение дел изменилось. Вы знаете, что у детей шизоидальное поведение — вещь абсолютно обычная. Оно приемлемо, потому что мы, взрослые, все негласно сошлись на одном: дети сумасшедшие. У них есть невидимые друзья. Расстроившись, ребенок может пойти и сидеть в шкафу, удалившись от мира. Они считают талисманом определенное одеяло или плюшевого мишку, или чучело тигра. Сосут большой палец. Когда взрослый видит то, чего нет на самом деле, мы считаем его созревшим для психушки. Когда ребенок заявляет, что видел у себя в спальне

тролля и вампира за окном, мы лишь улыбаемся, извиняя его. У нас имеется короткая фраза, оправдывающая весь диапазон феноменов у детей...

— Он это перерастет,— вставил Джек.

Эдмондс моргнул.

— Мои собственные слова,— согласился он.— Да. Можно догадаться, что Дэнни находился в отличной ситуации для развития полнокровного психоза. Несчастливая жизнь дома, сильно развитое воображение, невидимый круг, который для него столь реален, что чуть не стал реальным и для вас. Вместо того, чтобы перерасти свою детскую шизофрению, он с тем же успехом мог «врасти» в нее.

— Стать аутиком?— спросила Венди. Про аутизм * она читала. Пугало уже само слово, в нем звучало угрожающее ненарушаемое молчание.

— Возможно, но не обязательно. Он может в один прекрасный день просто войти в мир Тони и не вернуться к тому, что называется «реальными вещами».

— Господи,— сказал Джек.

— Но сейчас основополагающая ситуация решительно изменилась. Мистер Торранс не пьет. Вы переехали на новое место, где условия заставили всех троих сплотиться в семейную ячейку теснее, чем когда-либо раньше. Конечно, вы сплочены сильней, чем моя собственная семья, ведь жена и дети имеют возможность видеть меня всего два-три часа в день. С моей точки зрения, ситуация для выздоровления великолепная. И, по-моему, о том, что мозг мальчика в своей основе здоров, много говорит тот факт, что он способен проводить такую резкую грань между миром Тони и настоящим. Он сказал, что вы оба больше не обдумываете развод. Настолько ли он прав, насколько мне кажется?

— Да,— сказала Венди, а Джек крепко сжал ее руку, почти до боли. Она тоже ответила пожатием.

Эдмондс кивнул.

— Тони ему действительно больше не нужен. Дэнни отторгает, выкидывает его из своей системы. Тони перестал поставлять приятные видения, он приносит кошмары — враждебные, неприятные, пугающие Дэнни так сильно, что он запоминает их лишь обрывками. Он сросся, соединился с Тони, находясь в сложной — отчаянной — жизненной ситуации, и Тони так легко не уйдет. Но он *уходит*. Ваш сын отчасти напоминает наркомана, отказавшегося от своих привычек.

Он поднялся, Торрансы тоже.

— Как я уже сказал, я не психиатр. Если до окончания вашей работы в «Оверлуке» — до следующей весны — кошмары не пре-

* «Аутизм» — тенденция бежать от действительности путем удовлетворения желаний видениями или фантазиями. (прим. перев.)

кратятся, я, мистер Торранс, настойчиво рекомендовал бы вам отвести его к специалисту соответствующего профиля в Боулдере.

— Я так и сделаю.

— Ну, пойдемте, скажем ему, что можно ехать домой,— предложил Эдмондс.

— Хочу поблагодарить вас,— мучаясь, выговорил Джек.— Мне стало куда спокойнее, чем было долгое время.

— Мне тоже,— сказала Венди.

У дверей Эдмондс остановился и взглянул на Венди.

— У вас есть — или была — сестра, миссис Торранс? По имени Эйлин?

Венди удивленно посмотрела на него.

— Да, была. Ее убило возле нашего дома в Сэмерсуорте, в Нью-Хэмпшире. Ей тогда было шесть, а мне — десять. Эйлин выбежала за мячиком на мостовую, и ее сбил грузовик.

— Дэнни знает про это?

— Не знаю, по-моему, нет.

— По его словам, вы думали о сестре в приемной.

— Думала,— медленно сказала Венди.— Впервые за... о, не знаю, за сколько времени.

— Слово «тремс» вам что-нибудь говорит?

Венди потрясла головой, но Джек сказал:

— Вчера ночью, до того, как уснул, он упоминал это слово. Тремс.

— А слово «сияние» для вас что-нибудь значит?

На сей раз головой покачали оба.

— Ну, мне кажется, это неважно,— сказал Эдмондс. Он отворил дверь в приемную.— Есть тут кто-нибудь по имени Дэнни Торранс, кто хотел бы уехать домой?

— Мам! Пап! — Дэнни поднялся из-за маленького столика — там он не спеша листал экземпляр «Где живут дикие твари», бормоча вслух знакомые слова.

Он подбежал к Джеку, тот подхватил его на руки. Венди взъерошила сыну волосы.

Эдмондс взглянул на него.

— А может, ты не любишь папочку с мамочкой? Тогда можешь остаться со стариной Биллом.

— Нет, сэр! — с чувством сказал Дэнни. Одну руку он закинул за шею Джеку, вторую — за шею Венди, и весь светился счастьем.

— Ладненько,— улыбаясь, сказал Эдмондс. Он посмотрел на Венди.— Если будут проблемы, звоните.

— Да.

— Не думаю, чтоб вы позвонили,— улыбаясь, сказал Эдмондс.

18. АЛЬБОМ ДЛЯ ВЫРЕЗОК

Джек обнаружил альбом для вырезок первого ноября, пока жена с сыном гуляли по изрезанной колеями старой дороге, которая, начинаясь за площадкой для игры в роке, шла к заброшенной лесопилке в двух милях от отеля. Погода стояла по-прежнему хорошая, и все трое щеголяли невероятным осенним загаром.

Он спустился в подвал, чтобы сбросить давление в котле, как вдруг, повинуясь внезапному порыву, решил взглянуть на старые бумаги и снял с полки, где лежала схема водопровода, фонарик. Заодно Джек решил поискать подходящие местечки для крысоловок, хотя ставить их не собирался еще целый месяц. «Хочу, чтоб все крысы вернулись из отпуска»,— объяснил он Венди.

Освещая себе дорогу фонариком, Джек прошел мимо шахты лифта (которым, по настоянию Венди, они не пользовались с тех самых пор, как переехали сюда) под низкую каменную арку. Почувствовав запах гниющей бумаги, он сморщился. За спиной с громовым «ву-ушш!» напомнил о себе котел, и Джек подскочил.

Беззвучно насвистывая сквозь зубы, он посветил по сторонам. Тут, внизу, оказались Анды в миниатюре: десятки набитых бумагами коробок и ящиков, почти все выцветшие, потерявшие от времени и сырости форму. Иные лопнули, вывалив на каменный пол рулоны пожелтевших бумаг, пачки газет, перевязанные бечевкой. Содержимое одних коробок напоминало гроссбухи, в других лежали стянутые резинками накладные. Вытащив одну, Джек посветил на нее фонариком.

«РОКИ МАУНТЭН ЭКСПРЕСС, ИНК.»
Получатель: отель «ОВЕРЛУК»
Отправитель: Универмаг Сайди, 1210, 16-я ул.
Денвер, Колорадо
Через: Кэнэдиэн пасифик, РР.
Содержимое: 400 ящиков туалетной бумаги
Делси,
1 гросс/ящик
Подпись: *ДЕФ*
Дата: 24 августа 1954 года

Улыбаясь, Джек уронил бумажку обратно в коробку.

Он посветил повыше, и луч фонарика вырвал из темноты свисающую с потолка, густо облепленную паутиной, лампочку. Выключателя не было.

Джек привстал на цыпочки и попробовал ввинтить лампочку. Она слабо засветилась. Он снова взял накладную на туалетную бумагу и воспользовался ею, чтобы стереть часть паутины. Нельзя сказать, чтобы стало намного светлее.

Не выключая фонарик, Джек бродил среди коробок и стопок бумаги в поисках крысиных следов. Крысы тут жили, но не очень долго... может быть, несколько лет. Ему попалось немного дерь-

ма, рассыпающегося от старости в прах, и несколько старых, нежилых гнезд, сделанных из огрызков бумаги.

Джек вытянул из одной пачки газету и взглянул на заголовки.

ДЖОНСОН ОБЕЩАЕТ ДОЛЖНЫМ ОБРАЗОМ СОВЕРШИТЬ ПЕРЕХОД

Говорят, работы, начатые Джей-Ф-К, в будущем году продвинутся.

Газета оказалась «Роки Маунтэн Ньюз» от 19 декабря 1963 года. Он бросил ее обратно в пачку.

По мнению Джека, его очаровывало как раз то банальное ощущение хода истории, какое испытывает любой, кто просматривает свежие новости десяти- или двадцатилетней давности. Среди сложенных в пачки газет он обнаружил пробелы: с тридцать седьмого по сорок пятый, с пятьдесят седьмого по шестидесятый, с шестьдесят второго по шестьдесят третий,— ни единой газеты. Джек догадался, что в эти периоды отель был закрыт, пока дурачки дрались из-за медного колечка.

Ему все еще не очень верилось в то, как Уллман объяснил прерывистую карьеру «Оверлука». Казалось бы, уже одна только живописная местность, где расположился отель, была залогом непрерывного успеха. В американском обществе — даже когда этого общества еще не было как такового,— всегда были сливки, и Джеку казалось, что в своих странствиях они обязательно должны были останавливаться в «Оверлуке». Даже название звучало должным образом. «Уолдорф» в мае, «Бар-Харбор Хаус» в июне и июле, «Оверлук» в августе и начале сентября, а после — Бермуды, Гавана, Рио, все равно. Стопка старых регистрационных книг только подтвердила его предположения. Нельсон Рокфеллер в пятидесятом. Генри Форд с семьей в 1927. Джин Харлоу в тридцатом году. Кларк Гейбл с Кэрол Ломбард. В пятьдесят шестом весь верхний этаж снимает на неделю «Даррил Ф. Цанук и компания». Деньги должны были катиться по коридору в кассу, как из золотой жилы. Вероятно, управляющий был из рук вон плох.

Несомненно, здесь была сама история — и не только в газетных заголовках. Она была погребена в гроссбухах, счетах и квитанциях за обслуживание, хотя это и не бросалось в глаза. В 1922 г. в десять часов вечера Уоррен Дж. Гардинг заказал целого лосося и ящик пива. Но с кем он ел и пил? Была ли это партия в покер? Стратегическое совещание? Что?

Джек взглянул на часы и с удивлением понял, что с тех пор, как он спустился сюда, незаметно пробежало сорок пять минут. Руки он измазал чуть не до локтей и, наверное, пахло от него скверно. Он решил пойти наверх и принять душ раньше, чем вернутся Венди и Дэнни.

Джек медленно шел меж бумажных гор, а в ожившем мозгу быстро, так, что делалось весело, прокручивались некоторые возможности. Такого с ним не бывало уже много лет. Ему вдруг по-

казалось, что книга, которую он пообещал самому себе наполовину шутя, и впрямь может состояться. Может быть, это будет роман... или историческая вещь, или исторический роман — длинная книга, расходящаяся отсюда — от эпицентра взрыва — по сотням сюжетных линий.

Он остановился под лампочкой, машинально достал из заднего кармана платок и обтер губы. И тут увидел альбом для вырезок.

Слева от Джека, подобно пизанской, возвышалась готовая вот-вот рухнуть башня из пяти коробок. Поверх нее, невесть как годами сохраняя наклонное положение, балансировал толстый альбом в белом кожаном переплете, его страницы крест-накрест обвивал золотой шнур, завязанный на переплете праздничным бантом.

Подгоняемый любопытством, Джек подошел и снял его. На обложке лежал толстый слой пыли. Он поднял альбом к губам, сдул взлетевшую облачком пыль и раскрыл его. При этом выпала открытка, он поймал ее на полдороге к каменному полу. На красивой кремовой бумаге главенствовало выпуклое изображение «Оверлука», во всех окнах которого горел свет. Лужайку и детскую площадку украшали льющие мягкий свет китайские фонарики. Казалось, можно шагнуть прямо туда, в отель «Оверлук», каким он был тридцать лет назад.

ГОРАС М. ДЕРВЕНТ ПРОСИТ ВАС
ДОСТАВИТЬ ЕМУ УДОВОЛЬСТВИЕ
И ПРИСУТСТВОВАТЬ НА БАЛУ-МАСКАРАДЕ
В ЧЕСТЬ
ТОРЖЕСТВЕННОГО ОТКРЫТИЯ
ОТЕЛЯ «ОВЕРЛУК»
ОБЕД БУДЕТ ПОДАН В ВОСЕМЬ ЧАСОВ ВЕЧЕРА
МАСКИ СНИМАЮТСЯ В ПОЛНОЧЬ,
ТОГДА ЖЕ — ТАНЦЫ
29 августа 1945 г.

Обед в восемь! Маски снимаются в полночь!

Он просто видел все это: в столовой — богатейшие люди Америки со своими женщинами. Смокинги и сверкающие крахмальные рубашки; вечерние платья; играет оркестр; искрятся фужеры на высоких ножках. Звон бокалов, веселое хлопанье пробок шампанского. Война закончена — или почти закончена. Впереди лежит будущее — светлое и сияющее. Америка, мировой колосс, наконец, поняла это и приняла.

А позже, в полночь, крик самого Дервента: «Маски долой! Маски долой!». Лица открываются и...

(И над всем воцарилась Красная Смерть!)

Джек нахмурился. Из какого дальнего уголка памяти это выплыло? Эдгар По, Великий Американский Писака. В последнюю очередь можно было представить, что Э. А. По оплакивает сияющий, сверкающий «Оверлук» с приглашения, которое Джек держал в руках.

Он вложил приглашение обратно и перевернул страницу. Вырезка из какой-то денверской газеты, дата внизу подчеркнута: 15 мая 1947 года.

ШИКАРНЫЙ ГОРНЫЙ КУРОРТ ВНОВЬ ОТКРЫВАЕТСЯ БЛЕСТЯЩИМ СПИСКОМ ГОСТЕЙ

Дервент говорит: «Оверлук» станет одним из чудес света.
Дэвид Фелтон, художественный редактор.

За свою тридцативосьмилетнюю историю отель «Оверлук» открывался не один раз, но никогда — так блестяще и стильно, как обещает Горас Дервент, таинственный калифорнийский миллионер, нынешний владелец гостиницы. Дервент, который не скрывает, что вогнал в свое новейшее предприятие более миллиона долларов (поговаривают, что цифра приближается скорее к трем миллионам), говорит, что новый «Оверлук» станет одной из известнейших достопримечательностей в мире, отелем, который вспоминают по ночам и тридцать лет спустя. Когда Дервента, имеющего, по слухам, солидные заведения в Лас-Вегасе, спросили, считать ли обновление «Оверлука» за его счет знаком того, что Дервент вышел на тропу войны за легализацию игорных домов типа казино в Колорадо, самолетный, кинематографический, военный и корабельный магнат отрицал это... с улыбкой. «Открыть игорный дом в «Оверлуке» значило бы опошлить его,— сказал он,— и не думайте, что я хочу переплюнуть Вегас! Для этого там слишком много моих маркеров! Мне абсолютно неинтересно влезать за кулисы политики из-за легализации игорных домов в Колорадо. Это все равно, что плевать против ветра». После официального открытия заново покрашенного, оклеенного обоями и обставленного «Оверлука» (не так давно, с фактическим окончанием работ, там состоялся грандиозный и исключительно удачный праздник) номера займут блестящие гости по списку, который открывает дизайнер из Чикаго Корбэт Стэни и завершает...»

Обалдело улыбаясь, Джек перевернул лист. Теперь он смотрел на большую, во всю страницу, вырезку из раздела «Путешествия» нью-йоркской «Санди Таймс». Статья о самом Дервенте, лысеющем мужчине, который даже со старой газетной фотографии смотрел на вас пронзительным взглядом. Очки без оправы и будто карандашом нарисованные усики в стиле сороковых годов вовсе не делали его похожим на Эррола Флинна. Лицо оставалось лицом бухгалтера. Кем-то — или чем-то — иным его делали глаза.

Джек быстро просмотрел статью. Большую часть сведений он уже знал по прошлогоднему рассказу о Дервенте в «Ньюсвик». Родился в бедной семье в Сен-Поле, так и не закончил колледж. Вместо этого поступил на флот. Быстро делал карьеру, потом оставил службу из-за ожесточенных пререканий по поводу пропеллера нового типа, который изобрел. В перетягивании каната

Военно-морским флотом и неизвестным молодым человеком по имени Горас Дервент дядя Сэм замолчал победителя, угадать которого не составляло труда. Но второй патент дядя Сэм уже не получил, а было этих патентов немало.

В конце двадцатых — начале тридцатых Дервент обратился к авиации. Он купил обанкротившуюся компанию, которая занималась опылением полей, превратил ее в авиапочту — и преуспел. Последовали новые патенты: новая конструкция крыла моноплана; бомбодержатель, использованный потом в летающих крепостях, поливавших огненным дождем Гамбург, Дрезден и Берлин; пулемет со спиртовым охлаждением; прототип сиденья-катапульты, позже примененного на реактивных самолетах Соединенных Штатов.

А бухгалтер, обитавший в одной оболочке с изобретателем, все время увеличивал вложения. Незначительная цепочка военных заводов в Нью-Йорке и Нью-Джерси. Пять текстильных фабрик в Новой Англии. Химические заводы на обанкротившемся, стонущем Юге. К концу Великой Депрессии все его состояние заключалось лишь в горстке управляемых им предприятий, купленных по потрясающе низким ценам, продать которые можно было только еще дешевле. В какой-то момент Дервент проболтался, что, полностью ликвидировав дело, выручил бы стоимость трехлетнего «шевроле».

Джек вспомнил: ходили слухи, что, дабы не уйти под воду с головой, Дервент прибегнул к, мягко выражаясь, дурно пахнущим средствам. Он был замешан в незаконной торговле спиртным. Связан с проституцией в Мидвесте. Контрабанда на южном побережье, где находились его фабрики удобрений. Наконец, он связался с зарождающимся на западе игорным делом.

Вероятно, самое известное капиталовложение Дервента — финансирование учрежденной студии «Топ-Марк», которой не везло с тех пор, как в 1934 году Малышка Марджери Моррис, малолетняя звезда, умерла от передозировки героина. Ей было четырнадцать. Малышке Марджери, чьим амплуа были семилетние милашки, спасавшие семьи, а также жизни собачкам, несправедливо обвиненным в убийстве кур, устроили в Голливуде грандиознейшие за всю историю «Топ-Марк» похороны. Официальная версия была такова: Малышка Марджери в бытность свою в нью-йоркском сиротском приюте подцепила «изнурительную болезнь»; правда, нашлись циники, предположившие, что студия так долго разводила эту бодягу просто потому, что знала: скоро ей конец.

Для руководства «Топ-Марк» Дервент нанял способного бизнесмена и яростного сексуального маньяка по имени Генри Финкель, и за два года до Пирл-Харбор студия выдала шестьдесят фильмов, пятьдесят пять из которых спланировали прямехонько в физиономию конторы Хейеса плевком в ее пуританский носище. Пять остальных были заказанными государством учебными лентами. Художественные фильмы имели огромный успех. В одном

художник, чья фамилия не фигурировала в титрах, для выхода в сцене большого Бала одел героиню в лифчик без бретелек — там она скидывала с себя все, кроме, может быть, родимого пятна под ягодицами. Дервент и это изобретение сделал своей заслугой, укрепив при этом репутацию — или же дурную славу.

Война сделала его богатым, каковым он и оставался. Жил Дервент в Чикаго, на людях появлялся редко. Исключением были только собрания совета «Предприятий Дервента» (которыми он правил железной рукой); поговаривали, будто он — владелец «Объединенных авиалиний», Лас-Вегаса (там, как известно, он ворочал делами в четырех отелях-казино, а в доле был, по крайней мере, еще в шести), Лос-Анджелеса и самих Соединенных Штатов. Дервент, имеющий репутацию друга особ королевской крови, президентов и заправил преступного мира, на многих производил впечатление богатейшего в мире человека.

«Но,— подумал Джек,— добиться успеха с «Оверлуком» ему оказалось не под силу». На минуту отложив альбом, он достал маленький блокнот с автоматическим карандашом, которые держал в нагрудном кармане. Коротко черкнув: «Посм. Г. Дервент, Сайдв., библ.?», он сунул блокнот обратно и вновь взял альбом. Лицо Джека было сосредоточенным, взгляд далеким. Переворачивая страницы, он бесстрастно отирал губы рукой.

Он бегло проглядел следующий материал, пометив про себя, что позже следует прочесть его подробнее. Газетными вырезками были заклеены многие страницы. На следующей неделе в «Оверлуке» ожидается то-то и то-то; в баре (кстати, во времена Дервента бар назывался «Красный Глаз») ожидаются такие-сякие. Среди постояльцев было полно вегасцев, а также шишек и звезд из «Топ-Марк».

Дальше — вырезка, датированная 1 февраля 1952 года.

МИЛЛИОНЕР — РУКОВОДИТЕЛЬ ФИРМЫ — СОБИРАЕТСЯ ПРОДАВАТЬ ПРЕДПРИЯТИЯ В КОЛОРАДО

Дервент раскрывается: с калифорнийскими вкладчиками достигнута договоренность насчет «Оверлука» и других предприятий

Родни Конклин, финансовый ред.

Вчера в кратком коммюнике из чикагской конторы известного монолита — «Предприятий Дервента» — сообщалось, что в ходе сногсшибательной игры финансовых сил, которая завершится к 1 октября 1954 года, миллионер (возможно, биллионер) Горас Дервент распродал свою собственность в штате Колорадо. Капиталовложения Дервента включают естественные месторождения газа и угля, источники гидроэлектроэнергии, а также компанию по развитию земель «Колорадо Саншайн, Инк.», которая владеет 500 000 акрами колорадской земли или держит права на них.

Как поделился с нами во вчерашнем интервью Дервент, его самое известное предприятие в Колорадо — отель «Оверлук» — уже

продано. Покупатель — группа калифорнийских вкладчиков, возглавляемая Чарльзом Грондэном, бывшим директором калифорнийской корпорации по развитию земель. В то время, как сам Дервент отказывается назвать цену, информированные источники...»

Он распродал все, до копеечки. Не только «Оверлук». Но каким-то образом... каким-то образом...

Джек обтер губы, жалея, что нельзя хлебнуть спиртного. Если б можно было выпить, дело пошло бы лучше. Он пролистал альбом дальше.

Калифорнийская компания открыла отель на два сезона, а потом продала его группе из Колорадо, называющейся «Горные курорты». «Горные курорты» обанкротились в 1957 году, обвиненные в коррупции, получении денег лично для себя и обмане акционеров. Через два дня после того, как президенту компании принесли повестку в суд, он застрелился.

Отель закрылся до конца десятилетия. Только в воскресной газете появилось одно-единственное сообщение под заголовком: *«Бывший отель экстра-класса приходит в упадок»*. Иллюстрирующие статью фотографии вызвали у Джека щемящую боль в сердце: свисающая лохмотьями краска на фасаде, вместо лужайки — лишенная растительности непристойная свалка, окна побиты бурями и камнями. Если он и впрямь напишет книгу, это войдет туда: феникс, становящийся пеплом, чтобы возродиться. Он пообещал себе, что позаботится об отеле — очень хорошо позаботится. Как будто до этого дня на самом деле не понимал всю глубину ответственности перед «Оверлуком». Все равно, как если бы Джек нес ответственность перед историей.

В 1961 году четверка писателей (двое — лауреаты Пулитцеровской премии) арендовала «Оверлук» и вновь открыла его в качестве школы писательского мастерства. Это продолжалось всего год. Один из слушателей напился у себя в номере на четвертом этаже, ухитрился вывалиться в окно и разбился насмерть на бетонной площадке. Газета намекала, что нельзя исключить самоубийство.

«В каждом крупном отеле бывают скандалы, — сказал Уотсон, — *и привидения в каждом крупном отеле имеются. Почему? Черт, люди приезжают и уезжают...»*

Ему вдруг показалось, что еще немного, и он почувствует, как «Оверлук» давит сверху своим весом — сто десять номеров для гостей, кладовки, кухня, морозильные камеры, бар, бальный зал, столовая...

(Женщины в комнату приходят и уходят...)

(... И НАД ВСЕМ ВОЦАРИЛАСЬ КРАСНАЯ СМЕРТЬ)

Он потер губы и снова перевернул лист. Он добрался уже до последней трети альбома, когда в первый раз сознательно задал себе вопрос, чей это альбом оставили поверх самой высокой стопки бумаг в подвале.

Новый заголовок. Датировано 10 апреля 1963 года.

ГРУППА ИЗ ЛАС-ВЕГАСА ПОКУПАЕТ ИЗВЕСТНЫЙ ОТЕЛЬ В КОЛОРАДО

Живописному «Оверлуку» предстоит стать ночным «ключ-клубом» Сегодня в Лас-Вегасе Роберт Т. Леффинг, выступивший от имени группы вкладчиков, проходящей под названием «Хай Кантри Инвестментс» объявил, что «Хай Кантри» заключила соглашение на покупку небезызвестного отеля «Оверлук», расположенного высоко в Скалистых горах. Леффинг уклонился от упоминания конкретных имен вкладчиков, но сказал, что отель превратится в ночной клуб для избранных. По словам Леффинга, группа, которую он представляет, рассчитывает продать членство в клубе руководителям американских и иностранных компаний высшего эшелона. Кроме того, «Хай Кантри» владеет отелями в Монтане, Вайоминге и Юте. «Оверлук» приобрел мировую известность в период с 1946 по 1952 год, когда им владел неуловимый мегамиллионер Горас Дервент, который...*

Газета явно не сумела выяснить — или же ее не интересовало — кому будут выданы ключи от клуба, потому что из имен упоминалось лишь «Хай Кантри Инвестментс». Не считая цепочки магазинов, торгующих на западе Новой Англии велосипедами и запчастями под вывеской «Бизнес, Инк.», более анонимного названия фирмы Джеку слышать не приходилось.

Перевернув страницу, он захлопал глазами над приклеенной там вырезкой.

МИЛЛИОНЕР ДЕРВЕНТ ВЕРНУЛСЯ В КОЛОРАДО С ЧЕРНОГО ХОДА?

Главой «Хай Кантри» оказался Чарльз Грондэн!

Родни Конклин, финансовый редактор

В центре финансовой неразберихи, только сейчас начинающей выходить на свет, оказался отель «Оверлук», живописный дворец удовольствий в горной части Колорадо, некогда — личная игрушка миллионера Гораса Дервента.

Десятого апреля прошлого года лас-вегасская фирма «Хай Кантри Инвестментс» купила отель, чтобы превратить его в ночной «ключ-клуб» для состоятельных директоров как иностранных, так и американских компаний. Сейчас информированные источники сообщают, что возглавляет «Хай Кантри» пятидесятитрехлетний Чарльз Грондэн, который до 1959 года руководил калифорнийской «Корпорацией по развитию земель», после чего оставил свой пост, чтобы занять место исполнительного вице-президента в чикагской конторе, занимающейся внутренними делами «Предприятий Дервента». Это привело к разговорам о том, что «Хай Кантри Ин-

* «Ключ-клуб» — ночной клуб, каждый член которого за отдельную плату получает свой ключ от дверей. (прим. перев.)

вестментс», возможно, управляется Дервентом, который мог приобрести «Оверлук» вторично и при определенно странных обстоятельствах. Добраться до Грондэна, которому в 1960 году было предъявлено снятое впоследствии обвинение в растрате фондов, не удалось, а Горас Дервент, ревностно оберегающий свое уединение, в телефонном разговоре это никак не прокомментировал. Представитель администрации штата Дик Боуз из Гольдена призвал провести полное расследование...

Вырезка была датирована 27 июля 1964 года. Следующей оказалась колонка из воскресной газеты за сентябрь того же года. Автор — Джош Брэннигар, склочник, копавшийся в биографии Джека Андерсона. Смутно вспомнилось, что Брэннигар умер не то в шестьдесят восьмом, не то — в шестьдесят девятом году.

КОЛОРАДО — СВОБОДНАЯ ЗОНА ДЛЯ МАФИИ?

Джош Брэннигар

Не исключено, что новейшая точка отдыха и развлечений Организации подпольных королей США разместилась в примостившемся на отшибе, в самом сердце Скалистых гор, отеле «Оверлук». «Белый слон», которым с момента его первого открытия в 1910 году безуспешно управляла чуть ли не дюжина самых разных компаний и частных лиц, сейчас функционирует как надежно охраняемый «ключ-клуб», явно предназначенный для людей бизнеса. Вопрос в том, каким бизнесом занимаются члены оверлукского клуба НА САМОМ ДЕЛЕ? Некоторое представление об этом нам могут дать члены клуба, присутствовавшие там в течение недели с 16 по 23 августа. Приведенный ниже список получен от бывшего служащего «Хай Кантри Инвестментс» — компании, которая сначала считалась подставной, подчиняющейся «Предприятиям Дервента». Теперь кажется более вероятным, что заинтересованность Дервента в «Хай Кантри» (если таковая вообще имеется) не смогла перевесить интересы нескольких игорных баронов из Лас-Вегаса. Эти же самые игорные шишки в прошлом были связаны с королями преступного мира, как находившимися под подозрением, так и осужденными. В течение этой солнечной августовской недели в «Оверлуке» проживали:

ЧАРЛЬЗ ГРОНДЭН, президент «Хай Кантри Инвестментс». Когда в июне этого года выяснилось, что у руля «Хай Кантри» стоит он, то — значительно позже выявления этого факта — было объявлено, будто Грондэн ушел со своего поста в «Предприятиях Дервента». Увенчанный серебряной шевелюрой Грондэн, отказавшийся сообщить что-либо для нашей колонки, однажды (в 1960 г.) представал перед судом по обвинению в растрате фондов и был оправдан.

ЧАРЛЬЗ «ДЕТКА ЧАРЛИ» БАТТАЛЬЯ: шестидесятилетний воротила из Вегаса (заправляет делами в «Гринбэнк» и «Лакки Боунз он зе Стрип»). Баттальяя — близкий личный друг Грондэна.

Перечень его арестов открывается еще 1932 годом, когда Батталью судили и оправдали по делу о групповом убийстве Джека «Датчи» Моргана. Федеральные власти подозревают, что Батталья замешан в торговле наркотиками, организации проституции и наемных убийств, но за решетку Детка Чарли попадал только однажды — за неуплату налогов в 1955-56 годах.

*РИЧАРД СКАРН, главный держатель акций «Фан Тайм Отомэтик Мэшинз». «Фан Тайм» делает игровые автоматы для компаний из Невады, автоматы для игры в «пинболл» * и музыкальные автоматы («мелоди-койн») для всей страны. Сидел за вооруженное нападение (1940), незаконное ношение оружия (1948) и сговор о налоговых махинациях (1961).*

ПИТЕР ЦАЙСС: обосновавшаяся в Майами шишка, скоро он отметит свое семидесятилетие. Последние пять лет Цайсс сопротивляется высылке из страны в качестве нежелательного лица. Обвинялся в получении и сокрытии краденого (1958), сговоре совершить налоговые махинации (1954). Очаровательного, представительного и любезного Питера Цайсса в кругу приближенных называют «Папа», кроме того, его судили по обвинению в убийстве и соучастии в убийстве. Известно, что Цайсс — крупный акционер скорновской «Фан Тайм», часть капитала он вращает в четырех казино Лас-Вегаса.

ВИТТОРИО ДЖЕНЕЛЛИ, известный также как «Вито-Мясник», дважды судим за соучастие в групповых убийствах, одно из них — убийство топором в Бостоне главаря противоположной группировки Фрэнка Скоффи. Дженелли двадцать три раза предъявлялись обвинения, четырнадцать раз его судили и только однажды, в 1940 году, признали виновным в мелких кражах из магазинов. Говорят, с недавних пор Дженелли стал играть не последнюю роль в западных операциях Организации, центр которой находится в Лас-Вегасе.

КАРЛ «ДЖИММИ-РИКС» ПРАШКИН: вкладчик из Сан-Франциско, имеющий репутацию бесспорного наследника власти, которой сейчас обладает Дженелли. Прашкин владеет крупными пакетами акций в «Предприятиях Дервента», «Хай Кантри Инвестментс», «Фан Тайм Отомэтик Мэшинз» и трех вегасских казино. В Америке за Прашкиным ничего не числится, но в Мексике ему предъявлялось обвинение в махинациях с налогами, которые через три недели после начисления быстро сократились. Предположительно, Прашкин может отвечать за отмывание денег, полученных от деятельности казино в Вегасе, и перекачивание крупных сумм в легальные операции Организации на западе. В том числе, возможно, в отель «Оверлук» в Колорадо.

Кроме вышеупомянутых лиц, за текущий сезон в отеле также останавливались...»

---

* «Пинболл» — игра, когда вытолкнутый пружиной металлический шарик катится по слегка наклоненной поверхности с лунками, мишенями и пр. (прим. перев.)

Статья на этом не заканчивалась, но Джек остальное просто просмотрел. Он не переставал обтирать ладонью губы. Банкир со связями в Лас-Вегасе. Люди из Нью-Йорка, которые явно не ограничивались производством одежды в Бельевом Районе. Люди, по общему мнению, порочные, замешанные в ограблениях, убийствах, наркобизнесе...

Господи, ну и дела! И все они бывали здесь, прямо над ним, в этих пустых номерах. Может, трахали на четвертом этаже дорогих шлюх, пили шампанское бутылками. Заключали миллионные сделки — может статься, в том самом люксе, где останавливались президенты. Да, уж у этого отеля история была. Черт знает что за история! Чуть нервничая, Джек вытащил блокнот и сделал еще одну пометку: когда работа закончится, проверить в денверской библиотеке все эти имена. В каждом отеле имеется свое привидение? В «Оверлуке» их целое стадо. Сперва самоубийство, потом мафия, а что дальше?

В следующей вырезке Чарльз Грондэн сердито опровергал обвинения Брэннигара. Джек хмыкнул.

Вырезка на следующей странице была такой большой, что ее сложили. Развернув ее, Джек хрипло ахнул — фотография, открывшаяся ему, так и бросалась в глаза. Обои с июня 1966 поменяли, но и окно, и вид из него он отлично знал. На фото была та комната президентского люкса, что выходила на западную сторону. Следующим номером программы оказалось убийство. Стена гостиной возле двери, ведущей в спальню, была забрызгана кровью и еще чем-то, что могло быть только беловатыми кусочками мозга. Над трупом, закрытым простыней, стоял полицейский с равнодушным лицом. Потрясенный Джек пристально вгляделся в фотографию, а потом перевел взгляд на заголовок.

ПЕРЕСТРЕЛКА В ОТЕЛЕ В КОЛОРАДО

Известный король преступного мира застрелен в горном «ключ-клубе». Еще двое погибших.

Сайдвиндер, Колорадо (ЮПИ).

В сорока милях от этого сонного городка штата Колорадо, в самом сердце Скалистых гор, свела счеты мафия. Отель «Оверлук», купленный три года назад одной лас-вегасской фирмой и превращенный ею в «ключ-клуб» для элиты, стал ареной тройного убийства в перестрелке. Двое погибших были то ли компаньонами, то ли телохранителями Витторио Дженелли, известного, после участия в Бостонском убийстве двадцатилетней давности, также как «Мясник». Полицию вызвал управляющий «Оверлука» Роберт Норман. По его словам, он слышал выстрелы, а некоторые постояльцы заявляли, будто видели, как двое вооруженных мужчин в натянутых на лица чулках пробежали по пожарной лестнице и уехали на желто-коричневом автомобиле последней модели с откидным верхом. Перед дверью президентского люкса, в котором

останавливались два президента США, полицейский Роберт Мурер обнаружил двух убитых, позднее идентифицированных как Виктор Т. Бурман и Роджер Макасси, оба из Лас-Вегаса. В номере Мурер обнаружил распростертое на полу тело Дженелли. Когда Дженелли подстрелили, он явно пытался убежать от нападающих. По словам Мурера, Дженелли был убит с близкого расстояния из оружия крупного калибра. С Чарльзом Грондэном, представителем компании, владеющей «Оверлуком», связаться невозможно из-за...

Ниже кто-то приписал, сильно нажимая на шариковую ручку: *«Они забрали с собой его яйца»*. Похолодев, Джек долго не сводил глаз с этой надписи. Чей же это был альбом?

Проглотив стоящий в горле комок, он, наконец, перевернул страницу. Еще одна колонка Джоша Брэннигара, на сей раз датированная началом шестьдесят седьмого года. Он прочел только заголовок:

ИЗВЕСТНЫЙ ОТЕЛЬ ПРОДАН ПОСЛЕ УБИЙСТВА ГЛАВАРЯ ПРЕСТУПНИКОВ.

Идущие за этой вырезкой страницы были пусты.

(Они забрали с собой его яйца)

Джек вернулся к началу в поисках имени или адреса. Хотя бы номера комнаты. Ведь он был абсолютно уверен: кто бы ни вел регистрацию этих памятных событий, он останавливался в отеле. Но в начале ничего не было.

Он уже готовился более внимательно проглядеть все вырезки, когда с лестницы донесся голос:

— Джек? Милый?

Венди.

Джек вздрогнул, чувствуя себя чуть ли не виноватым — будто потихоньку напился, и жена теперь могла учуять запах спиртного. Смешно. Он обтер губы рукой и откликнулся.

— Да, малыш. Вот ищу крыс.

Она спускалась вниз. Он услышал шаги на лестнице, потом в котельной. Быстро, не задумываясь, почему так поступает, он сунул альбом под стопку счетов и накладных. Когда Венди появилась из-под арки, Джек встал.

— Господи, да что ты тут делаешь? Уже почти три!

Он улыбнулся.

— Что, так поздно? Я тут копался во всей этой ерунде. Пытался найти трупы.

Слова отдались в его мозгу зловещим эхом.

Она подошла поближе, глядя на него, и Джек невольно сделал шаг назад, не в состоянии справиться с собой. Он знал, чем она занята. Пытается унюхать спиртное. Вероятно, сама Венди этого даже не сознавала, зато сознавал Джек, отчего ощущение вины смешивалось с гневом.

— У тебя кровь на губе,— сказала она на редкость невыразительным голосом.

— А? — Он поднес руку ко рту и потрогал тоненькую трещинку. Указательный палец измазался в крови. Чувство вины усилилось.

— Опять тер губы,— сказала она.

— Ну, да, наверное.

— Для тебя это сущий ад, верно?

— Да нет, не настолько.

— А легче не стало?

Взглянув на нее, Джек заставил себя сдвинуться с места. Стоило начать движение, как разобраться становилось легче. Он подошел к жене и обнял за талию. Откинув в сторону светлый локон, Джек поцеловал ее в шею.

— Так,— сказал он,— а где Дэнни?

— Он? Где-то в доме. На улице собираются тучи... Есть хочешь?

Джек с притворным вожделением погладил упругий, обтянутый джинсами зад.

— Как волк, мадам.

— Осторожней, пьянчуга. Взялся за гуж...

— Трахнемся, мадам? — спросил он, не переставая поглаживать.— Паскудные картинки? Неестественные позы?

Когда они проходили под аркой, Джек один-единственный раз оглянулся на коробку, в которой спрятал

(чей?)

альбом. При погашенном свете она превратилась в силуэт, ничего больше. Джек чувствовал облегчение от того, что уводит Венди прочь. По мере того, как они приближались к лестнице, страсть становилась все менее наигранной, все более настоящей.

— Не исключено,— ответила она.— Вот сделаем тебе сандвич... Ой-ой-ой! — Она, хихикая, увернулась от него.— Щекотно!

— Разве ж так Джок Торранс хотел бы щекотать вас, мадам...

— Отвали, Джок. Как насчет ветчины с сыром... для начала?

Они вместе поднялись по лестнице, и Джек больше не оглядывался. Но ему вспомнились слова Уотсона:

В каждом крупном отеле имеется свое привидение. Почему? Черт, люди приезжают и уезжают...

Тут, захлопнув за ними дверь подвала, Венди заперла эту мысль в темноте.

19. ПЕРЕД ДВЕСТИ СЕМНАДЦАТЫМ

Денни вспоминал слова другого человека, отработавшего сезон в «Оверлуке»:

«Она говорила, будто увидела в одном из номеров что-то такое... в том номере, где случилась нехорошая вещь. Это номер 217, и я хочу, чтобы ты пообещал мне не заходить в него, Дэнни!... Обходи его стороной...»

Дверь оказалась самой обычной и ничем не отличалась от лю-

бой другой на первых двух этажах отеля. Покрашенная в тёмно-серый цвет, она располагалась в середине коридорчика, под острым углом соединяющегося с главным холлом третьего этажа. Цифры на двери выглядели точно так же, как номера квартир в их боулдерском доме. Двойка, единица и семерка. Большая сосновая доска. Прямо под цифрами — крошечный стеклянный кружочек, глазок. Дэнни несколько раз пытался заглядывать в такие. Изнутри видишь большой кусок коридора. Снаружи, хоть мозоль на глазу набей, ничего не увидишь. Грязное жульничество.

(Зачем ты здесь?)

Прогулявшись за «Оверлуком», они с мамой вернулись, и она приготовила его любимый ленч — сандвич с сыром и «болоньей» плюс бобовый суп Кемпбелла. Они ели на кухне у Дика и болтали. Из включенного приемника доносилась слабая музыка и потрескивание; музыку передавала станция в Эстес-Парк. Кухня была любимым местом Дэнни в отеле. Он считал, что и мама с папой, должно быть, чувствуют то же — ведь три дня они пытались обедать в столовой, а потом, по общему согласию, расставили стулья вокруг разделочной доски Дика Холлоранна величиной с их стовингтонский обеденный стол, и стали есть на кухне. Столовая слишком подавляла. Даже если горел свет, а из кассетника в конторе лилась музыка. Ты все равно оставался одним из троих за столом, который окружали дюжины других столиков, пустых, укрытых от пыли прозрачными пластиковыми скатертями. Мама сказала, что это все равно, что обедать в середке романа Гораса Уолпола, а папа рассмеялся и согласился. Дэнни понятия не имел, кто такой Горас Уолпол, зато прекрасно знал, что стоило им начать есть на кухне, мамина стряпня стала вкуснее. Он не переставал обнаруживать повсюду мельчайшие отпечатки личности Дика Холлоранна, и они, как теплые прикосновения, придавали ему бодрости.

Мама съела полсандвича, а суп не стала. Она сказала, что, раз и фольксваген, и тутошний грузовичок на стоянке, Дэнни придется погулять одному. Она сказала, что устала. Если Дэнни считает, что сумеет скоротать время и не попасть в беду, она, может быть, на часок приляжет. Дэнни с набитым сыром ртом заверил ее, что со своей точки зрения — сумеет.

— Почему ты не ходишь на детскую площадку? — спросила мама. — Я думала, она тебе до смерти понравится, тут и песочница для твоих машинок, и все прочее...

Он сглотнул, и еда сухим, твердым комком прокатилась по горлу вниз.

— Может, еще понравится, — сказал он, поворачиваясь к радио и крутя ручку.

— А зверюшки из кустов как здорово сделаны, — сказала Венди, забирая у него пустую тарелку. — Очень скоро папе придется пойти подстричь их.

— Ага, — отозвался Дэнни.

(Просто разные гадости... раз — с теми кустами, чтоб им пусто было... что на манер зверей подстрижены...)

— Если увидишь папу раньше, чем я, скажи, что я ложусь.

— Конечно, мам.

Она сунула грязные тарелки в раковину и опять подошла к нему.

— Ты счастлив, Дэнни?

Он простодушно взглянул на нее, над губой были молочные усы.

— Угу.

— Плохих снов больше не видел?

— Нет.

Один раз, ночью, когда он уже лежал в постели, Тони приходил к нему, еле слышно звал по имени издалека. Дэнни крепко зажмурился и не открывал глаз, пока Тони не исчез.

— Точно?

— Да, мам.

Кажется, она была довольна.

— Как твоя ручка?

Дэнни предъявил руку.

— Получше.

Она кивнула. Накрытое миской гнездо, где было полным-полно замерзших ос, Джек отнес за сарай в мусоросжигатель и сжег. С тех пор ос они больше не видели. Он написал в Боулдер юристу, приложив снимки руки Дэнни, и два дня назад юрист ответил, отчего у Джека полдня было поганое настроение. Юрист выразил сомнение, что процесс против фирмы-изготовителя дымовой шашки будет успешным, поскольку подтвердить, что все напечатанные на упаковке инструкции были выполнены точно, может только сам Джек. Джек спросил, нельзя ли купить другие шашки и проверить их на тот же дефект. Да, ответил юрист, но результаты будут в высшей степени сомнительными, даже если все контрольные шашки сработают плохо. Он рассказал Джеку о случае с компанией, производящей раздвижные лестницы, и сломавшим спину человеком. Венди сокрушалась вместе с Джеком, но в глубине души просто радовалась, что Дэнни так дешево отделался. Юридические хитрости лучше было оставить тем, кто в них разбирался, а Торрансы в их число не входили. К тому же, с тех пор осы у них больше не появлялись.

— Сходи, поиграй, док. Повеселись.

Но он не веселился. Он бесцельно бродил по отелю, заглядывая к горничным в чуланы и в каморки швейцаров, выискивая что-нибудь интересное и не находя — маленький мальчик, топающий по затканному извилистыми черными линиями синему ковру. Время от времени он пробовал открыть дверь какого-нибудь номера, но все они, конечно, были заперты. Универсальный ключ висел внизу, в конторе, но папа сказал, чтобы Дэнни не смел его трогать. Да ему и не хотелось. Или хотелось?

(Зачем ты здесь?)

Если разобраться, бродил он вовсе не бесцельно. Он вспомнил сказку, которую ему один раз, напившись, прочел отец. Дело было давнее, но и сейчас эта сказка помнилась не менее ярко, чем когда папа ее только прочел. Мама устроила папе нагоняй и спросила: что это он делает, читая трехлетнему малышу такие ужасы? Сказка называлась «Синяя Борода». Это Дэнни тоже помнил отчетливо — ведь сперва он подумал, что папа сказал «Сын и Борода», но никаких сыновей в сказке не оказалось — там, кстати, вообще не было речи о детях. На самом-то деле сказка была про жену Синей Бороды, красивую леди с ржаными, как у мамы, волосами. После того, как Синяя Борода женился на ней, они поселились в огромном и странном замке, довольно похожем на «Оверлук». Каждый день Синяя Борода уходил на работу и каждый день наказывал своей хорошенькой женушке не заглядывать в одну определенную комнату, хотя ключ от нее висел на гвоздике — как внизу на стене конторы висел ключ-универсал. Любопытство насчет запертой комнаты стало все сильней и сильней одолевать жену Синей Бороды. Она попыталась заглянуть в замочную скважину — так Дэнни пытался посмотреть в глазок номера 217 — с тем же неудовлетворительным результатом. Там даже была картинка: жена встает на колени и пытается заглянуть под дверь, но щелка оказалась маловата. Дверь распахнулась настежь и...

Старая книжка сказок описывала то, что обнаружила леди, смакуя отвратительные подробности. Эта картинка отпечаталась в мозгу Дэнни, как ожог. В комнате оказались отрубленные головы семи прежних жен Синей Бороды — каждая на своем пьедестале, закатившиеся глаза сверкают белками, рты разинуты в безмолвном крике. Они чудом удерживались на шеях, перебитых взмахом обезглавливающего меча, вниз по пьедесталам стекала кровь...

Она в ужасе повернулась, чтобы убежать из комнаты и из замка, и что же? В дверном проеме, сверкая глазами, стоял Синяя Борода. «Я приказывал тебе не заходить сюда,— сказал Синяя Борода и потащил из ножен меч.— Увы, ты оказалась столь же любопытной, как остальные семь. И, хотя я любил тебя сильнее прочих, конец твой будет таким же. Готовься умереть, скверная женщина!»

Дэнни смутно казалось, что конец у сказки был счастливым, однако суть его побледнела, стала незначительной рядом с двумя главными образами: дразнящая, выводящая из себя запертая дверь, скрывающая великую тайну, и сама эта страшная тайна. Запертая дверь, а за ней головы — отрубленные головы.

Он потянулся и, как будто бы украдкой, нажал на ручку двери. Сколько времени он провел здесь, зачарованно стоя под дверью мягкого серого цвета, Дэнни не знал.

(И, наверное, раза три мне мерещилось всякое... разные гадости...)

Но мистер Холлоранн — Дик — сказал еще, что думает, они не могут мне повредить. Как страшные картинки из книжки, вот и все. Может быть, я там ничего и не увижу. С другой стороны...

Левая рука Дэнни нырнула в карман и выбралась, сжимая ключ, который, конечно, находился там все это время.

Мальчик держал ключ за приделанную к нему квадратную металлическую табличку, на которой было напечатано: КОНТОРА. Раскачивая ключ на цепочке, он глядел, как тот описывает круг за кругом. Несколько минут спустя Дэнни прервался и сунул ключ в замок. Тот скользнул свободно, без запинки, будто все время хотел попасть туда.

(Сдается, мне мерещилось всякое... разные гадости... обещай мне не заходить туда...)

(Обещаю)

А обещание — это, разумеется, вовсе не пустяк. Тем не менее, зуд любопытства не утихал, выводя из себя, словно Дэнни обстрекался крапивой там, где не почешешься. Но это было гадкое любопытство, того рода, что заставляет подглядывать сквозь пальцы в самых страшных местах фильма ужасов. Но там, за дверью, не кино.

(Не думаю, что они могут навредить тебе... как страшная картинка в книжке...)

Вдруг левая рука Дэнни потянулась вперед. Однако, пока она, вынув из замка ключ-универсал, не сунула его обратно в карман, мальчик не вполне понимал, что собирается делать. Широко раскрыв серо-голубые глаза, он еще минуту пристально смотрел на дверь, потом быстро повернулся и зашагал по коридору назад к главному холлу, в который этот коридорчик вливался под острым углом.

Там что-то заставило его приостановиться, мгновение он не мог понять, что. Потом вспомнил: на пути к лестнице, прямо за поворотом, на стене свернулся клубком один из тутошних старомодных огнетушителей. Как спящая змея.

Они совсем не такие, как химические, говорил папа, хотя в кухне было и несколько таких. Они — предшественники современных разбрызгивающих систем. Длинные полотняные рукава подключены прямо к водопроводу «Оверлука», так что, повернув один-единственный вентиль, можно превратиться в пожарную команду из одного человека. Папа сказал, что химические огнетушители, распыляющие пену или двуокись углерода, куда лучше. Химикаты гасят пламя, отнимая необходимый для горения кислород, а распыление под большим давлением может только разнести вокруг языки огня. Папа сказал, что мистеру Уллману следует заменить старые огнетушители вместе со старым котлом, но, наверное, мистер Уллман не сделает ни того, ни другого, потому что он — ХРЕН ДЕШЕВЫЙ. Дэнни знал, что это один из самых пло-

хих эпитетов, какие способен употребить его отец. Эпитетом награждались некоторые врачи, дантисты и ремонтники, а еще — начальник папиного Отдела английского языка в Стовингтоне, который запретил папе заказывать какие-то книги, потому что, сказал он, это выведет их из бюджета. «Из бюджета, черт его дери,— кипятился отец перед Венди (Дэнни слушал из своей спальни, где должен был видеть десятый сон).— Просто экономит последние пять сотен для себя, ХРЕН ДЕШЕВЫЙ!».

Дэнни заглянул за угол.

Огнетушитель был на месте — свернутый много раз плоский рукав, приделанный к стене красный щит. Над ним в стеклянном ящике, как музейный экспонат, покоился топорик. По красному фону шли белые слова: РАЗБИТЬ В ЭКСТРЕННОМ СЛУЧАЕ. «В ЭКСТРЕННОМ СЛУЧАЕ» Дэнни прочесть сумел — так назывался один из его любимых телесериалов, насчет прочего уверенности не было. Однако ему не нравилось, что эти слова имели отношение к длинному плоскому шлангу. «ЭКСТРЕННЫЙ СЛУЧАЙ» — это пожар, взрывы, автомобильные катастрофы, больницы, иногда — смерть. К тому же, Дэнни не нравилось, как мягко шланг свисает со стены. Когда мальчик бывал один, он всегда проскакивал мимо этого шланга так, что только пятки сверкали. Без особых причин. Просто он чувствовал себя лучше, когда шел быстро. Так казалось безопаснее.

С громко колотящимся сердцем Дэнни все-таки обогнул угол и посмотрел за огнетушитель, на лестницу. Мама была внизу, она спала. А папа, если вернулся с прогулки, наверное, сидит на кухне, жует сандвич и читает. Он просто пройдет мимо этого старого огнетушителя прямо к лестнице и спустится вниз.

Дэнни, не отрывая глаз от огнетушителя, зашагал вдоль дальней стены, придвигаясь к ней все ближе, пока правой рукой не коснулся шелковистых обоев. Еще двадцать шагов. Пятнадцать. Дюжина.

Когда оставалось пройти всего десять шагов, латунный наконечник вдруг скатился с плоского мотка, на котором покоился,

(спал?)

и упал на ковер с ровным глухим стуком. Где и остался лежать, нацелившись в Дэнни черным отверстием. Тот немедленно остановился, резко ссутулившись от неожиданного испуга. В ушах и висках громко застучала кровь. Во рту разом пересохло, появился кислый привкус. Руки сжались в кулаки. Но наконечник шланга просто лежал, мягко светясь латунью, плоские полотняные витки вели наверх, к выкрашенному в красный цвет щиту, привинченному к стене.

Итак, наконечник свалился, ну и что? Это всего-навсего огнетушитель, ничего больше. Глупо думать, что он похож на какую-то ядовитую змею из «Огромного мира зверей», которая услышала его и проснулась, даже, если простроченное полотно действительно напоминает чешую. Он просто перешагнет через шланг

к лестнице, может, чуть-чуть быстрее, чем надо, чтоб точно знать: шланг не кинется ему вслед и не обовьется вокруг ноги...

Он обтер губы левой рукой, неосознанно повторив отцовский жест, и сделал шаг вперед. Шланг не шелохнулся. Еще шаг, ничего. Ну, видишь, какой ты глупый? Думал про ту комнату и про дурацкую сказку о Синей Бороде и завелся, а шланг, наверное, собирался свалиться уже лет пять. Вот и все.

Пристально глядя на пол, на шланг, Денни подумал про ос.

Наконечник мирно блестел на коврике в восьми шагах от Дэнни, будто говорил: НЕ БОЙСЯ. Я ПРОСТО ШЛАНГ, И ВСЕ. А ДАЖЕ ЕСЛИ НЕ ВСЕ — ТО, ЧТО Я С ТОБОЙ СДЕЛАЮ, БУДЕТ НЕМНОГО СТРАШНЕЕ УКУСА ПЧЕЛЫ ИЛИ ОСЫ. ЧТО Я ХОТЕЛ БЫ СДЕЛАТЬ С ТАКИМ СИМПАТИЧНЫМ МАЛЬ-ЧУГАНОМ... ТОЛЬКО УКУСИТЬ... И КУСАТЬ... И КУСАТЬ...

Дэнни сделал шаг, и еще один. И еще. Вдыхаемый воздух внезапно стал сухим и царапал горло. Теперь мальчик был на грани паники. Ему вдруг захотелось, чтобы шланг *действительно* зашевелился — по крайней мере, Дэнни, наконец, получил бы уверенность, понял бы. Сделав еще один шаг, он очутился в зоне досягаемости. «Не *бросится* же он на меня,— истерически подумал Дэнни.— Как он может *броситься... укусить*, если это всего только шланг?»

А может, в нем полно ос?

Ртуть внутреннего термометра Дэнни юркнула к десяти градусам ниже нуля. Он, как зачарованный, не сводил глаз с черного отверстия в центре наконечника. Может, там *действительно* полно ос... затаившихся ос, чьи коричневые тельца напоены осенним ядом, так полны им, что с жал стекают чистые капли.

Вдруг Дэнни понял, что прямо-таки оцепенел от ужаса; если сейчас он не заставит себя пойти, ноги прирастут к ковру, и он останется здесь таращить глаза на дыру в центре латунного наконечника, как птица глядит на змею; он останется здесь до тех пор, пока его не найдет папа, и что тогда?

Тоненько застонав, мальчик заставил себя побежать. Когда он поравнялся со шлангом, свет упал так, что ему показалось, будто наконечник шевелится, вращается, изготовившись ударить, и Дэнни, высоко подпрыгнув, приземлился по другую сторону шланга. В панике ему показалось, что ноги унесли его чуть не под потолок, а жесткие волосы чубчика ощутимо мазнули штукатурку потолка коридора, хотя позже он понял, что такого быть не могло.

Перепрыгнув через шланг, он побежал, и вдруг услышал — тот гнался за ним, латунная змеиная голова быстро скользила по ковру с тихим, сухим свистом, словно гремучая змея пробиралась по заросшему сухой травой полю. Он гнался за Дэнни, и лестница вдруг показалась такой далекой, будто с каждым скачком, который мальчик к ней делал, отодвигалась назад.

Он попытался крикнуть: «Папа!», но сжавшееся горло не пропустило ни слова. Он был один. Звук за спиной делался громче — по сухому ворсу ковра с шелестом, извиваясь, скользила змея. Она гналась за ним по пятам, а может, встала на хвост и по латунному наконечнику стекал чистый яд.

Дэнни достиг лестницы и, чтоб сохранить равновесие, ему пришлось бешено замахать руками. На миг он уверился, что опрокинется и кубарем скатится вниз.

Он быстро оглянулся через плечо.

Шланг не шелохнулся. Он лежал, как лежал, один виток отмотался с рамы, на полу коридора — латунный наконечник, наконечник, равнодушно отвернутый от него. «Видишь, глупый? — укорил он себя.— Все это ты выдумал, бояка. Это все твое воображение. Бояка, бояка».

Он прижимался к перилам — ноги от пережитого дрожали.

(Вовсе он за тобой не гнался)

подсказал рассудок, и, ухватившись за эту мысль, мальчик снова и снова возвращался к ней.

(вовсе не гнался за тобой, вовсе не гнался за тобой, вовсе нет, вовсе нет)

Бояться было нечего. Да что там, вздумай Дэнни, он мог вернуться и повесить шланг на место. Мог — но не считал, что пойдет на такое. Ведь что, если шланг гнался за ним, а на место вернулся, когда понял, что действительно... не может... догнать его?

Шланг лежал на ковре и, казалось, спрашивал: может, вернешься, попробуешь еще разок?

Дэнни с топотом побежал вниз.

20. БЕСЕДА С МИСТЕРОМ УЛЛМАНОМ

Сайдвиндерская публичная библиотека оказалась небольшим ветшающим строением в одном квартале от деловых районов города. К дверям скромного, увитого виноградом дома вела широкая бетонная дорожка, обсаженная цветами, с лета превратившимися в сухие остовы. На газоне расположился большой бронзовый памятник генералу Гражданской войны, про которого Джек никогда не слышал, хотя подростком здорово увлекался Гражданской войной.

Подшивки газет хранились в подвале. Их составляли сайдвиндерская «Газетт», обанкротившаяся в шестьдесят третьем году, «Эстес Парк Дэйли» и боулдерская «Камера». Денверских газет не было вообще.

Вздохнув, Джек остановился на «Камере».

Когда подшивка дошла до 65 года, настоящие газеты сменились катушками микрофильмов. («Пожертвование федеральных властей,— радостно сообщил библиотекарь.— Когда до нас дойдет следующий чек, мы надеемся переснять материалы с 1958 по 64 годы, но это все делается так медленно, правда? Вы ведь будете

осторожны, да? Знаю, знаю. Будет нужно — позовите»). У единственного аппарата для чтения линзы почему-то оказались повреждены, так что, когда Венди положила ему руку на плечо (минут через сорок пять после того, как Джек закончил листать оригиналы газет), у него изрядно болела голова.

— Дэнни в парке,— сказала она,— но не хочется, чтоб он слишком долго болтался на улице. Как думаешь, сколько тебе еще?

— Десять минут,— сказал он. Честно говоря, он уже напал на след последнего этапа захватывающей истории «Оверлука» — лет, прошедших между бандитской перестрелкой и переворотом, учиненным Стюартом Уллманом с компанией. Но ему по-прежнему хотелось скрыть это от Венди.

— Кстати, зачем тебе это?— спросила она. Выговорив это, она взъерошила Джеку волосы, но тон поддразнивал только наполовину.

— Решил покопаться в истории старика «Оверлука»,— ответил Джек.

— Есть особые причины?

— Нет,

(ДА ЧЕРТ ВОЗЬМИ, ЧТО ЭТО ТЫ ТАК ЗАИНТЕРЕСОВАЛАСЬ?)

просто любопытно.

— Нашел что-нибудь интересное?

— Не слишком много,— сказал он, и на сей раз ему пришлось приложить усилия, чтоб сохранить приятный тон. Она лезла не в свое дело — так же, как вечно совала нос в его дела, еще когда они жили в Стовингтоне, и Дэнни был грудным. *Куда ты собрался, Джек? Когда вернешься? Сколько берешь с собой денег? Поедешь на машине? А Эл с тобой едет? Хоть один из вас не напьется?* И так далее, и так далее. Она, извините за выражение, и довела его. Он стал пьяницей. Может статься, причина была не только в этом, но, ради Бога, посмотрим правде в глаза и признаем: и в этом тоже. Она пилила, пилила, пилила его, пока не возникало желание дать ей затрещину — просто, чтоб она заткнулась, и бесконечный поток вопросов

(Куда? Когда? Как? Будешь ты? Ты что?)

прекратился. Вот уж, действительно,

(Головная боль? Похмелье?)

головная боль. Аппарат для чтения. Проклятая машина искажает текст. Оттого-то у него эта долбаная головная боль.

— Джек, ты в норме? Ты такой бледный...

Он резко отдернул голову от пальцев Венди.

— ВСЕ НОРМАЛЬНО!

Под его жгучим взглядом она отпрянула, примеряя улыбку, но та оказалась на размер меньше.

— Ну... если ты... пойду, подожду в парке вместе с Дэнни.

Вот она пошла прочь, улыбка растаяла, уступив место недоуменному, болезненному выражению. Он позвал:

— Венди?

Она оглянулась от подножия лестницы.

— Что, Джек?

Он поднялся и подошел к ней.

— Извини, детка. По-моему, со мной и правда что-то не так. Эта машина... линзы искажают. Жутко болит голова. Аспирин есть?

— Конечно.— Венди запустила руку в сумочку и вытащила жестянку анацина.— Пусть будет у тебя.

Джек взял жестянку.

— Экседрина нет?— Он заметил на лице жены слабое отвращение и понял. Когда-то, пока он еще не запил так сильно, что стало не до шуток, они поначалу горько подсмеивались на этот счет. Джек тогда объявил: из всех лекарств, какие только изобрели для отпуска без рецепта, один лишь экседрин способен намертво остановить похмелье еще на подступах. Решительно, это средство — единственное. Он начал мысленно называть свои утренние страдания Экседриновыми головными болями, партия N 69.

— Экседрина нет,— сказала она.— Извини.

— Да ладно,— отозвался Джек,— твои отлично подойдут.

Конечно, не подойдут, Венди тоже могла бы догадаться. Иногда она способна быть тупейшей стервой...

— Водички дать?— бодро спросила она.

(Нет, я просто хочу, чтобы ты выкатилась отсюда к ЕДРЕНОЙ МАТЕРИ!)

— Попью из фонтанчика, когда буду подниматься. Спасибо.

— Ладно.— Она пошла вверх по лестнице; под короткой желто-коричневой шерстяной юбкой грациозно двигались красивые ноги.— Мы будем в парке.

— Договорились.

Он рассеянно сунул жестянку анацина в карман, вернулся к машине для чтения и включил ее. Уверившись, что жена ушла, Джек и сам отправился наверх. Господи, какая мерзкая головная боль. Раз человеку пришлось иметь дело с такой вот глазоломкой, так ему должны разрешить законное удовольствие пропустить несколько стаканчиков — чтоб восстановить равновесие.

В наисквернейшем расположении духа Джек попытался выбросить эту идею из головы, которая в жизни еще так не болела. Вертя в пальцах спичечный коробок, на котором был записан номер телефона, он подошел к столу главного библиотекаря.

— Мэм, у вас есть таксофон?

— Нет, сэр, но вы можете воспользоваться моим, местным.

— Простите, но это междугородний звонок.

— Ну, тогда, наверное, лучше всего вам пойти в аптеку. У них есть таксофон.

— Спасибо.

Он вышел наружу, прошел по дорожке мимо безымянного генерала Гражданской войны и зашагал к деловому кварталу, сунув руки в карманы, с гудящей как свинцовый колокол головой. Свин-

цово-серым было и небо, наступило уже седьмое ноября, и с началом нового месяца погода стала угрожающей. Уже несколько раз шел снег. В октябре он тоже выпадал, но таял. Новый снежок остался, все покрыла легкая изморозь, сверкавшая на солнце, подобно прекрасному хрусталю. Но сегодня солнца не было, более того, когда Джек подходил к аптеке, небо снова заплевалось снегом.

Телефонная кабина находилась в дальнем конце помещения, и Джек, позвякивая в кармане мелочью, добрался было до середины прохода среди патентованных средств, когда ему на глаза вдруг попались белые коробочки с зелеными буквами. Он взял одну, отнес кассиру, заплатил и пошел обратно к телефонной кабине. Плотно закрыв дверь, Джек положил на полочку мелочь и спичечный коробок и набрал «0».

— Прошу номер абонента.

— Оператор, Форт Лодердейл, Флорида,— он назвал номер абонента и номер таксофона в кабине. Когда оператор сообщила, что первые три минуты обойдутся в доллар девяносто центов, он кинул в щель восемь четвертаков, морщась каждый раз, как в ухе раздавался гудок.

Потом Джек, чье уединение нарушало лишь отдаленное пощелкивание и лепет устанавливающейся связи, извлек из коробочки зеленый флакон с «Экседрином», отвинтил белый колпачок и бросил на пол оказавшийся под крышкой комочек ваты. Зажав трубку между ухом и плечом, он вытряс три белых таблетки и разложил на полочке рядом с оставшейся мелочью. Снова завинтив флакон, Джек сунул его в карман. Трубку на другом конце провода сняли после первого же гудка.

— Курорт «Серф-Сэнд», чем можем помочь?— спросил веселый женский голос.

— Я хотел бы поговорить с управляющим... пожалуйста.

— Вы имеете в виду мистера Трента или...

— Я говорю о мистере Уллмане.

— По-моему, мистер Уллман занят, но, если хотите, я посмотрю...

— Хочу. Скажите ему, что звонит Джек Торранс из Колорадо.

— Минутку, пожалуйста.

Она не повесила трубку.

На Джека вновь нахлынула волна отвращения к этому дешевому хрену, задаваке Уллману. Взяв с полочки таблетку экседрина, он недолго разглядывал ее, потом сунул в рот и медленно, с удовольствием, стал жевать. Вкус вернул воспоминания, от удовольствия, мешающегося с горечью, в рот брызнула слюна. Вкус горький, сушащий, но непреодолимо подчиняющий себе. Скривившись, Джек глотнул. Привычка жевать аспирин появилась у него в те дни, когда он пил; бросив пить, он начисто позабыл ее. Но когда голова просто раскалывается — с похмелья или как у него сейчас,— кажется, если разжуешь таблетки, они подействуют бы-

стрее. Он где-то вычитал, что разжевывание аспирина может превратиться в дурную привычку, от которой трудно избавиться. Кстати, где он это прочел? Хмурясь, Джек попытался вспомнить. И тут раздался голос Уллмана.

— Торранс, что случилось?

— Ничего,— сказал он.— С котлом все в порядке, и я еще даже не вознамерился убить жену. Это я приберегу на после праздников, когда станет скучно.

— Весьма забавно. Зачем вы звоните? Я занятый...

— Занятый человек, конечно. Я понимаю. Я звоню по поводу кой-чего, о чем вы умолчали, излагая мне великое славное прошлое «Оверлука». Например, по поводу того, как Горас Дервент продал его кучке лас-вегасских шустряков, а те провели отель через столько подставных корпораций, что даже ИРС не знало, кто же владелец. Как они дождались подходящего момента и превратили его в место развлечений шишек из мафии, и как в 66-м отель пришлось закрыть, когда один мафиозо немножечко умер. Вместе со своими телохранителями, которые стояли снаружи у двери президентского люкса. Да, президентский люкс «Оверлука» — великое место: Уилсон, Гардинг, Никсон и Вито Мясник, так?

На другом конце линии воцарилась изумленная тишина, потом Уллман спокойно сказал:

— Не понимаю, какое отношение это может иметь к вашей работе, мистер Торранс. Это...

— Хотя самое интересное началось после того, как застрелили Дженелли, как по вашему? Еще парочка поспешных перемещений — вот он есть, а вот его нет,— и «Оверлук» вдруг становится собственностью частного лица, женщины по имени Сильвия Хантер... которая совершенно случайно с сорок второго по сорок восьмой год звалась Сильвией Хантер Дервент.

— Ваши три минуты закончились,— сказала оператор.— Пошел сигнал.

— Дорогой мой мистер Торранс, все это — достояние гласности... и очень старая история.

— Я об этом не знал ничего,— сказал Джек.— Сомневаюсь, чтобы, кроме меня, об этом знали еще многие. Не исключено, что история с убийством Дженелли памятна, но сомнительно, чтобы кто-то сопоставил все поразительные и странные смены «Оверлуком» владельцев с сорок пятого года. Создается впечатление, что у руля всегда оказывается Дервент или люди, имеющие к нему отношение. Чем там заправляла Сильвия Хантер в 67 и 68 году, мистер Уллман? Борделем, ведь так?

— ТОРРАНС! — шокированный тон Уллмана прошел две тысячи миль сквозь потрескивания во всей полноте.

Улыбаясь, Джек закинул в рот еще одну таблетку экседрина и разжевал ее.

— Она продала отель после того, как довольно известный американский сенатор умер там от сердечного приступа. По слу-

хам, его нашли в чем мать родила, если не считать черных нейлоновых чулок, пояса с резинками и пары туфель на высоком каблуке. Кстати говоря, лакированных.

— Злобная, отвратительная ложь! — выкрикнул Уллман.

— Да ну? — спросил Джек. Ему становилось лучше. Головная боль отступала. Он взял последнюю таблетку и сжевал, наслаждаясь горьковатым вкусом раздробленного во рту в порошок экседрина.

— Это был крайне несчастливый случай,— сказал Уллман.— Короче, Торранс, в чем дело? Если вы намерены написать какую-нибудь мерзкую, грязную статейку... если это гнусная, дурацкая мысль шантажировать...

— Ничего подобного,— сказал Джек.— Я позвонил, поскольку мне кажется, вы вели со мной нечестную игру. И потому, что...

— *Нечестную игру?* — возопил Уллман.— Господи, вы что же думали, я вывалю здоровенную кучу грязного белья гостиничному *сторожу*? Бог ты мой, кем вы себя мните? И, кстати, васто эти старые россказни с какого бока касаются? Вы что, думаете, у нас по коридорам западного крыла взад-вперед маршируют призраки, завернутые в простыни и вопящие: «О горе!»?

— Нет, что тут есть призраки, я не думаю. Но прежде, чем взять меня на работу, вы здорово покопались в моих личных делах. Вы устроили мне допрос — могу ли я позаботиться о вашем отеле,— вы отчитали меня, как будто я — написавший в раздевалке малыш, а вы — учитель. Вы поставили меня в неловкое положение.

— Просто не верится, что за дерзость, что за нахальство, будь оно трижды проклято,— сказал Уллман. Судя по голосу, он задыхался.— Как бы я хотел выкинуть вас с работы. Да, наверное, так я и сделаю.

— Думаю, Эл Шокли будет возражать. Энергично возражать.

— А я думаю, мистер Торранс, в итоге вы переоцениваете обязательства мистера Шокли перед вами.

На мгновение головная боль вернулась к Джеку во всей пульсирующей красе, и он прикрыл глаза. Словно издалека донесся его собственный голос, спрашивающий:

— Кто сейчас хозяин «Оверлука»? Все еще «Предприятия Дервента»? Или вы слишком мелкая сошка, чтобы знать такие вещи?

— По-моему, достаточно, мистер Торранс. Вы — служащий отеля, ничем не отличающийся от судомойки или младшего официанта. Я вовсе не намерен...

— Ладно, я напишу Элу,— сказал Джек.— Пусть знает, в конце концов, он — член Совета директоров. И добавлю небольшой постскриптум, чтобы...

— Отель не принадлежит Дервенту.

— Что? Я не расслышал.

— Я сказал, что отель не принадлежит Дервенту. Все акционе-

ры — из восточных штатов. Самым большим пакетом акций — более тридцати пяти процентов — владеет ваш друг мистер Шокли. Связан он с Дервентом или нет, вам лучше знать.

— Кто еще?

— Я не намерен называть вам имена остальных вкладчиков, мистер Торранс. Я намерен привлечь ко всему этому внимание...

— Еще один вопрос.

— Я вам ничем не обязан.

— Почти всю историю «Оверлука», приятную или неприятную, все равно, я обнаружил в альбоме для вырезок, он был в подвале — такой большой, в кожаном переплете, перевязанный золотым шнуром. Вы не знаете, чей это может быть альбом?

— Понятия не имею.

— Не может оказаться, что он принадлежал Грейди? Тому сторожу, который покончил с собой?

— Мистер Торранс,— сказал Уллман самым ледяным тоном,— я не могу ручаться, что мистер Грейди умел читать, не говоря уже о способности выкапывать разные гадости, которыми вы понапрасну отняли у меня время.

— Я подумываю, не написать ли об отеле «Оверлук» книгу, мне пришло в голову, что, если это действительно удастся, владельцу альбома хотелось бы, чтоб на первой странице ему выразили признательность.

— Думаю, писать книгу об «Оверлуке» крайне неумно,— заявил Уллман.— Особенно при вашей... э-э... точке зрения.

— Ваше мнение меня не удивляет,— теперь головная боль прошла окончательно, та краткая ее вспышка оказалась единственной. Голова прояснилась, мысли выстроились по порядку, до миллиметра. Так Джек обычно чувствовал себя, когда особенно хорошо подвигалась пьеса или после трех порций спиртного. Вот еще что, он забыл про экседрин; как дело обстоит с другими, Джек не знал, но ему схрумкать три таблетки было все равно, что слегка поддать. Теперь он сказал:

— Что пришлось бы вам по вкусу — так это написанный по заказу путеводитель, который можно было бы бесплатно раздавать приезжающим в отель постояльцам. Чтоб там было полно глянцевых снимков восхода в горах и сопроводительного сладенького текста. А еще — раздел об останавливающихся в отеле колоритных личностях; разумеется, за исключением таких по-настоящему колоритных субъектов, как Дженелли с друзьями.

— Будь я не на девяносто пять, а на сто процентов уверен, что не потеряю работу, если выкину вас,— придушенно пролаял Уллман,— я сделал бы это сию же минуту, по телефону. Но поскольку у меня на пять процентов уверенности нет, как только вы повесите трубку... искренне надеюсь, ждать этого совсем недолго... я намерен позвонить мистеру Шокли.

Джек сказал:

— Вы же знаете, в книге будет чистая правда и ничего больше. Нечего делать вид, будто это не так.

(ЗАЧЕМ ТЫ ИЗВОДИШЬ ЕГО? ХОЧЕШЬ, ЧТОБ ТЕБЯ ВЫКИНУЛИ?)

— Мне плевать, если пятая глава будет про то, как Папа Римский трахает тень Девы Марии,— сказал Уллман, повышая голос.— Я хочу, чтоб духу вашего не было в нашем отеле!

— *Это не ваш отель!* — визгливо выкрикнул Джек и хлопнул трубку на рычаг.

Тяжело дыша, он опустился на табуретку. Теперь возник лёгкий страх.

(лёгкий? черт побери, еще какой!)

И совершенно невозможно было понять, зачем же он первым делом позвонил Уллману.

(ТЫ ОПЯТЬ ВЫШЕЛ ИЗ СЕБЯ, ДЖЕК)

Да. Да, точно. Какой смысл отрицать? Хуже всего было то, что Джек понятия не имел, насколько велико влияние этого дешевого хрена на Эла — так же, как не представлял себе, сколько дерьма выбьет из него Эл по старой дружбе. Если Уллман и впрямь такой хороший, как претендует, и если он поставит перед Элом ультиматум «или он, или я», не придется ли Элу принять такое условие? Джек зажмурился и попытался представить себе, как скажет об этом Венди. Знаешь что, детка? Я опять потерял работу. На этот раз, чтобы найти, кого вырубить, пришлось преодолеть две тысячи миль телефонного кабеля Белла. Однако мне это удалось.

Он открыл глаза и обтер губы платком. Ему хотелось выпить. Черт, ему *требовалось* выпить. Чуть дальше на улице было кафе. Конечно, Джек успевал по дороге в парк быстренько хлебнуть пивка — только глоток, чтоб пыль улеглась...

Он беспомощно стиснул руки.

Вернулся вопрос: почему первым делом он позвонил Уллману? Лодердэйлский номер «Серф-Сэнда» имелся в маленькой телефонной книжке, лежавшей в конторе возле телефона — с номерами водопроводчиков, стекольщиков, электриков и прочих. Джек переписал его на спичечный коробок после того, как поднялся утром — мысль позвонить Уллману пышно цвела и сияла. Однажды, когда он еще пил, Венди обвинила его в том, что, стремясь к самоуничтожению, Джек не обладает тем нравственным стержнем, который вынес бы полностью расцветшее желание умереть. Отчего и создает ситуации, в которых это могли бы сделать другие, каждый раз отрывая кусок от себя и от семьи. Вдруг это правда? Не опасался ли Джек в глубине души, что «Оверлук» — как раз то, что требовалось, чтобы закончить пьесу, собрать все свое дерьмо и соединить? Может, он пытается остановить сам себя? Господи, пожалуйста, не надо, не попусти. Пожалуйста.

Он прикрыл глаза, и на темном экране изнанки век немедленно появилась картинка: рука, просунувшаяся сквозь дырку в чере-

пице, чтоб вытащить гнилые болты, внезапный, похожий на укол иголкой, укус; собственный судорожный испуганный крик, разнесшийся в неподвижном равнодушном воздухе: ах, ты, б... проклятая, сука!

Картинка сменилась другой, двухлетней давности: он, пьяный, спотыкаясь, в три часа утра входит в дом. Налетев на стол, растягивается во весь рост на полу, изрыгая проклятия, и будит спящую на диване Венди... Венди включает свет, видит его измятую, перепачканную одежду (драка на стоянке, которая, как смутно припоминает Джек, случилась несколько часов назад прямо на границе Нью-Хэмпшира) и засохшую под носом кровь. Моргая, как крот на солнышке, Джек тоже смотрит на жену, а Венди невыразительным голосом говорит: СУКИН СЫН, ТЫ РАЗБУДИЛ ДЭННИ. ЕСЛИ ТЕБЕ НАПЛЕВАТЬ НА СЕБЯ, НЕЛЬЗЯ ЛИ НЕМНОГО ПОДУМАТЬ О НАС? ОХ, ДА ЧТО С ТОБОЙ ГОВОРИТЬ...

От телефонного звонка Джек вздрогнул. Он схватил трубку, нелогично уверенный, что это либо Уллман, либо Эл Шокли.

— Ну? — рявкнул он.

— Сэр, вы говорили дольше, чем собирались. Три доллара пятьдесят центов.

— Мне придется сходить за мелочью,— сказал он.— Погодите минутку.

Он положил трубку на полочку, опустил оставшиеся шесть четвертаков и отправился к кассиру менять деньги. Все это Джек делал машинально, мысли, как белка в колесе, мчались по замкнутому кругу.

Зачем он позвонил Уллману?

Потому что Уллман поставил его когда-то в неловкое положение? Такое с Джеком случалось и раньше, и делали это настоящие мастера — конечно, Великим Маэстро оставался он сам. Просто, чтобы нагавкать на мужика, обнаружить его лицемерие? Джек не считал себя таким мелочным. Рассудок пытался уцепиться за альбом, как за важную причину, но дело было не в альбоме. Шансов, что Уллман знает владельца, было не больше двух на тысячу. Когда Джек поступал на работу, Уллман отнесся к подвалу, как к чужой, вдобавок до отвращения неразвитой, стране. Если Джеку действительно хотелось выяснить, кто хозяин альбома, надо было позвонить Уотсону — его зимний телефон тоже был в конторской записной книжке. С Уотсоном тоже нельзя было знать наверняка, но с Уллманом — и того меньше.

Рассказать ему о замысле написать книгу — еще одна глупость. Исключительная глупость. Мало того, что Джек поставил под угрозу свою работу, он, возможно, перекрыл и широкие информационные каналы — стоит только Уллману начать обзванивать людей, предупреждая: остерегайтесь человека из Новой Англии, который расспрашивает про отель «Оверлук». Можно было провести расследование потихоньку, отправляя вежливые письма,

может быть, даже организовав весной несколько интервью... а потом, находясь в безопасном отдалении, когда книга выйдет, посмеяться украдкой над яростью Уллмана... «Автор-В-Маске-Бьет-Снова». Вместо этого он устроил совершенно бессмысленный звонок, сорвался, сцепился с Уллманом и разбудил все присущие управляющему отелем склонности быть маленьким Цезарем. Зачем? Если это не попытка устроить так, чтобы его вышвырнули с неплохой работы, то что же это?

Опустив в автомат остаток денег, Джек повесил трубку. Разумеется, будь он пьян, подобная бессмыслица не удивляла бы. Но он был трезвым — трезвым, как покойник.

Выходя из аптеки, он, кривясь, но наслаждаясь горьким вкусом, сжевал еще один экседрин.

На тротуаре он встретил Венди и Дэнни.

— Эй, а мы как раз за тобой,— сказала Венди.— Знаешь, снег пошел.

Джек поморгал.

— Верно.

Шел сильный снег. Главную улицу Сайдвиндера уже порядком занесло, разделительная полоса исчезла. Дэнни задрал голову к белому небу, разинув рот и высунув язык, чтобы поймать медленно падающие вниз белые жирные хлопья.

— Думаешь, началось?— спросила Венди.

Джек пожал плечами.

— Не знаю. Я надеялся на пару недель отсрочки. Может, так все-таки и выйдет.

(ИЗВИНИ, ЭЛ. ОТСРОЧЬТЕ, ВАША МИЛОСТЬ. СЖАЛЬТЕСЬ. ЕЩЕ ОДИН ШАНС. ЧЕСТНО, МНЕ ОЧЕНЬ ЖАЛЬ...)

Отсрочка, вот что.

Сколько раз, за сколько лет он — взрослый мужчина — просил сделать милость, дать еще один шанс? Джеку вдруг стало так тошно от себя самого, так гадко, что впору было громко застонать.

— Как голова? Не прошла?— спросила Венди, внимательно приглядываясь к Джеку.

Джек обнял ее одной рукой и крепко сжал.

— Лучше. Пошли, ребята, давайте доберемся домой, пока еще можно.

Они прошли обратно к тому месту, где у тротуара стоял грузовичок из отеля: Джек — в центре, левой рукой обнимая за плечи Венди, а правой — держа за руку Дэнни. К добру или к худу, но он впервые сказал «домой».

Когда Джек сел за руль грузовичка, ему пришло в голову, что, хоть «Оверлук» и очаровывал, но не слишком-то нравился ему. Уверенности, что жизнь в отеле на пользу жене и сыну — или ему самому — не было. Может быть, поэтому он и позвонил Уллману.

Чтоб его выгнали, пока еще не поздно.

Он задним ходом вывел грузовичок со стоянки и поехал прочь из городка, в горы.

21. НОЧНЫЕ МЫСЛИ

Было десять. Комнаты заполнил притворный сон.

Джек лежал на своей половине лицом к стене, с открытыми глазами, слушая медленное, размеренное дыхание Венди. Вкус растворившегося аспирина еще держался на языке, отчего тот казался шершавым и слегка онемевшим. Эл Шокли позвонил в четверть шестого — в четверть восьмого по-восточному. Венди с Дэнни сидели внизу перед камином в вестибюле и читали.

— Лично,— сказал оператор.— Мистера Джека Торранса.

— Я у телефона.— Он перехватил трубку правой рукой, левой откопал в кармане носовой платок и обтер им саднящие губы. Потом закурил сигарету. В следующий момент в ухе раздался громкий голос Эла:

— Джекки, малыш, ради всего святого, что ты задумал?

— Привет, Эл.— Он затушил сигарету и схватил экседрин.

— Что происходит, Джек? Сегодня днем мне позвонил Стюарт Уллман, это был такой *странный* звонок... Когда Стью Уллман звонит по межгороду за свой счет, понятно, что дела хреновые.

— Эл, Уллману тревожиться нечего и тебе тоже.

— О чем именно нам нечего тревожиться? Послушать Стью, так тут какой-то гибрид шантажа и художественного очерка про «Оверлук» в «Нэшенэл Энквайарер». Ну, говори, мальчик.

— Я хотел немножко подразнить его,— сказал Джек.— Когда я приходил к нему устраиваться на работу, ему приспичило перетряхнуть все мое грязное белье. «Проблема пьянства». «Последнее место работы вы потеряли, потому что изувечили ученика». «Сомневаюсь, годитесь ли вы вообще для такой работы». И так далее. А завелся я, поскольку Уллман потащил на свет божий всю мою биографию из-за того, что так обожает проклятый отель. Красавец «Оверлук». Ну, в подвале я нашел альбом с вырезками. Кто-то собрал вместе все наименее приятное о храме Уллмана... и мне показалось, что в нем не один час шла небольшая черная месса.

— Надеюсь, Джек, это метафора.— Тон Эла пугал своей холодностью.

— Да. Но я и правда выяснил...

— История отеля мне известна.

Джек почесал в затылке.

— Вот я и позвонил, подразнил его этим. Признаю, мысль была не слишком блестящей, больше не буду. Конец рассказа.

— Стью сказал, ты и сам собрался проветрить кое-что из «грязного белья».

— Стью — мудак! — рявкнул Джек в трубку.— Да, я сказал ему,

что у меня появилась идея написать про «Оверлук». По-моему, этот отель — символ американского характера периода после второй мировой. Ну... понятно, это звучит очень напыщенно, я плохо выразился... но так оно и есть, Эл! Господи, может получиться *грандиозная* книга! Но — в далеком будущем, могу обещать. Сейчас на моей тарелке больше, чем мне по силам съесть, и...

— Джек, так дело не пойдет.

Он обнаружил, что таращит глаза на черную телефонную трубку, не в состоянии поверить в то, что, несомненно, слышал.

— Что? Эл, ты сказал..?

— Я сказал то, что сказал. Насколько далеко твое далекое будущее, Джек? Для тебя это может означать два года, возможно лет пять. Для меня — тридцать или сорок, я ведь рассчитываю еще долго иметь касательство к «Оверлуку». Как подумаю, что ты насобираешь всяких пакостей, да пропихнешь, как шедевр американской литературы... блевать охота.

Джек потерял дар речи.

— Я пытался помочь тебе, малыш Джекки. Мы вместе прошли войну, и я думал, что обязан немного помогать тебе. Помнишь войну?

— Помню,— пробормотал Джек, но угли обиды и возмущения уже тлели под сердцем. Сперва Уллман, потом Венди, теперь Эл. Что ж это такое? Он поплотнее сжал губы, потянулся к сигаретам и уронил их на пол. Неужто ему когда-то нравился этот хрен дешевый, который говорит с ним из своего отделанного красным деревом кабинетика в Вермонте? Неужто нравился?

— Перед тем, как ты избил того парнишку Хэтфилда,— продолжил Эл,— я уговорил Совет не выгонять тебя и даже исхитрился заставить их обдумать твое пребывание в должности. Ты сам все испортил. Я пристроил тебя в этот отель — прекрасное тихое место — чтобы ты пришел в себя, закончил пьесу и переждал, пюка мы с Гэрри Эффингером сумеем убедить остальных ребят, что они здорово ошиблись. Теперь, похоже, целясь на добычу покрупнее, ты собрался откусить мне руку. Так-то ты благодаришь друзей, Джек?

— Нет,— прошептал тот.

Сказать больше он не посмел. В голове стучали жаркие, едкие слова, они просились наружу. Джек в отчаянии попытался подумать про Дэнни и Венди, которые зависят от него, про Дэнни и Венди, которые мирно сидят внизу у огня и трудятся над букварём для второго класса, полагая, что все о'кей. Если он потеряет работу, что тогда? Ехать в Калифорнию на их изношенном фольксвагене с плохо работающим бензонасосом, как семейка каких-нибудь стукнутых пыльным мешком оклахомцев? Он сказал себе: скорее я на коленях буду упрашивать Эла, чем допущу такое; но слова все равно упрямо пытались выплеснуться, и державшая раскаленные провода его ярости рука стала липкой.

— А?— быстро сказал Эл.

— Нет,— ответил он.— С друзьями я обращаюсь не так. Ты-то знаешь.

— Откуда? Худший вариант: ты собрался опоганить мой отель, выкопав трупы, достойно похороненные годы тому назад. Лучший: ты звонишь моему несдержанному; зато исключительно компетентному управляющему, доводишь его до бешенства, и это часть... какой-то дурацкой детской игры.

— Это больше, чем игра, Эл. Тебе проще. Тебе не надо принимать милостыню от богатого приятеля. Тебе не нужен друг в Совете, потому что ты *сам* в Совете. Тот факт, что еще шаг — и ты начал бы повсюду таскать с собой спрятанную в пакет бутылку, не очень-то упоминается, а?

— Наверное,— сказал Эл. Высокие ноты ушли из его голоса, он, казалось, утомился.— Но, Джек, Джек... с этим я ничего не могу поделать. Я не в силах изменить это.

— Знаю,— опустошенно сказал Джек.— Я уволен? Если да, лучше скажи.

— Нет, если сделаешь для меня две вещи.

— Ладно.

— Может, сперва выслушаешь условия, а потом уж будешь их принимать?

— Нет. Давай свои условия, я их принимаю. Приходится думать еще и о Венди с Дэнни. Если тебе нужны мои яйца, я пришлю их тебе по почте.

— Ты уверен, что можешь позволить себе такую роскошь, как жалость к себе, Джек?

Он закрыл глаза и втянул сухими губами экседрин.

— По-моему, сейчас это — единственное, что я могу себе позволить. Валяй... я не хотел сострить.

Эл немного помолчал. Потом сказал:

— Во-первых, больше никаких звонков Уллману. Даже, если отель сгорит дотла. В этом случае звони технику-смотрителю, тому парню, что все время ругается... ну, знаешь, о ком я...

— Уотсону.

— Да.

— Идет. Будет сделано.

— Во-вторых, пообещай мне, Джек — дай честное слово — никаких книг про «известный горный отель с прошлым».

На мгновение ярость Джека возросла настолько, что он буквально не мог вымолвить ни слова. В ушах громко стучала кровь. Будто ему позвонил какой-то живущий в двадцатом веке князь Медичи... «Пожалуйста, никаких бородавок на портретах моих домочадцев, не то отправишься назад, в нищету. Я признаю только красивые, приятные картины. Когда будешь рисовать дочь моего друга и делового партнера, родинку, пожалуйста, не изображай — не то назад, в нищету. Конечно, мы друзья... мы оба — цивилизованные люди, не так ли? Мы делили постель, стол и выпивку. Мы всегда останемся друзьями, договорившись не заме-

чать ошейник, который я надел тебе — я же, по своему великодушию, стану хорошенько о тебе заботиться. Все, что я прошу взамен — твою душу. Пустяк. Можно даже наплевать на то, что ты отдал ее мне, как и на собачий ошейник. Помни, мой талантливый друг, на улицах Рима полным-полно побирающихся Микеланджело...»

— Джек? Слышишь меня?

Он издал придушенный звук, долженствующий означать согласие.

Тон Эла был решительным и чрезвычайно самоуверенным.

— Честное слово, по-моему, я не так уж много прошу, Джек. Будут другие книги. Нельзя же ожидать, что я стану субсидировать тебя, если...

— Ладно, договорились.

— Не хочется, чтобы ты считал, будто я пытаюсь управлять твоим творчеством, Джек. Ты слишком хорошо меня знаешь, просто...

— Эл?

— Что?

— Дервент все еще имеет отношение к «Оверлуку»?

— Не понимаю, какое тебе до этого дело, Джек.

— Да нет,— отстраненно выговорил Джек.— Полагаю, никакого. Слушай, Эл, похоже, меня Венди зовет. Зачем-то я ей понадобился. Я тебе еще позвоню.

— Конечно, Джекки-малыш, отлично поболтаем. Как дела? Сухенький?

(ТЫ СВОЙ ФУНТ МЯСА С КРОВЬЮ ПОЛУЧИЛ, МОЖЕТ, ТЕПЕРЬ ОСТАВИШЬ МЕНЯ В ПОКОЕ?)

— Суше некуда.

— И я тоже. Честное слово, трезвость мне начинает доставлять удовольствие. Если.,.

— Я еще позвоню, Эл. Венди...

— Ладно. О'кей.

Итак, Джек повесил трубку— тут-то и начались колики, заставившие его прямо у телефона свернуться, скрючиться, как в утробе матери — руки на животе, голова пульсирует, как чудовищный пузырь.

Летящая оса жалит и летит дальше...

Когда Венди пришла наверх спросить, кто звонил, Джека уже немного отпустило.

— Эл,— ответил он.— Звонил, спрашивал, как дела. Я сказал — отлично.

— Джек, на тебя страшно смотреть. Ты заболел?

— Опять голова. Лягу спать пораньше. Нет смысла пытаться что-то написать.

— Можно, я дам тебе теплого молока?

Он бледно улыбнулся.

— Это было бы прекрасно.

Сейчас он лежал рядом с ней, чувствуя бедром сонное тепло ее бедра. Стоило подумать о разговоре с Элом и о том, как пришлось унижаться перед ним, и Джека все еще бросало то в жар, то в холод. Придет день расплаты. Когда-нибудь выйдет книга — не мягкая, глубокомысленная вещь, какую он задумал сначала, а алмазной твердости исследование с фотографиями и всем прочим; Джек разнесет в пух и прах всю историю «Оверлука» — и отвратительные, кровосмесительные сделки его владельцев, и остальное. Он подаст читателю материал, разделанный, как лангуст. И если Эл Шокли связан с империей Дервента, спаси его Господь.

Джек, натянутый, как рояльная струна, лежал и пристально вглядывался в темноту, зная, что, может статься, не уснет еще много часов.

Венди Торранс лежала, закрыв глаза, на спине, прислушиваясь к храпу мужа — длинный вдох, краткая пауза и немного утробный выдох. Куда он отправляется, когда засыпает, подивилась она. В какой-нибудь парк отдыха, Грейт Бэррингтон сновидений, где все бесплатно и нет ни жен, ни матерей, чтоб говорить: «хватит уже сосисок» или «если мы хотим попасть домой засветло, лучше пойдем?» Или он нырял в глубины сна на морскую сажень, в бар, где никогда не прекращается пьянка, двери распахнуты настежь и подперты, а вокруг электронной игры «хоккей» собрались со стаканами в руках все старые дружки, над которыми возвышается Эл Шокли в развязанном галстуке, с расстегнутым воротом рубашки? Туда, где нет места ни ей, ни Дэнни, а гулянка идет без конца.

Венди тревожилась за него — вернулось старое беспомощное беспокойство, которое, как она надеялась, навсегда осталось в Вермонте, словно почему-либо не могло пересечь границу штата. Ей не нравилось то, что «Оверлук», похоже, творил с Джеком и Дэнни.

Самым пугающим, фантастичным и не упоминавшимся вслух (может быть, невозможным для упоминания) было вот что: один за другим возвращались все признаки того, что Джек пьет... все, кроме одного: он не пил. Но Джек постоянно обтирал губы рукой или платком, будто хотел убрать излишек влаги. Машинка надолго замирала, бумажные комки в корзине для мусора прибавлялись. Этим вечером, после звонка Эла, на столе возле телефона оказалась бутылочка экседрина, но стакана с водой не было. Джек снова жевал таблетки. Он стал раздражаться по пустякам. Когда дома бывало уж слишком спокойно, Джек, не отдавая себе в этом отчета, принимался нервно барабанить пальцами. Он сквернословил все сильнее. Да и норов Джека начинал беспокоить Венди. Он всегда с облегчением срывался, выпускал пар — во многом аналогично тому, как, спустившись в подвал, сбрасывал давление в котле, начиная и заканчивая этим свой день. Было чуть ли не приятно видеть, как Джек с руганью пинает стул и тот летит через всю

комнату, или как он с треском захлопывает дверь. Все это всегда было неотъемлемой частью темперамента Джека, и вот почти полностью прекратилось. А ощущение, что Джек все чаще злится на них с Дэнни, отказываясь выпустить свой гнев наружу, ее не покидало. У котла был манометр — старый, потрескавшийся, запачканный маслом, но еще работающий. У Джека не было никакого. Венди никогда не умела как следует разобраться в муже. Дэнни умел, но Дэнни держал язык за зубами.

И этот звонок Эла. Примерно в то время, когда он раздался, Дэнни потерял всякий интерес к сказке, которую они читали. Оставив Венди сидеть у огня, он направился к стойке администратора, где для его машинок и грузовиков Джек соорудил из спичечных коробков дорогу. Там же был и Лихой Лиловый Лимузин, его Дэнни принялся быстро гонять взад-вперед. Делая вид, что читает, а на самом деле поглядывая поверх книги на Дэнни, Венди наблюдала странный сплав их с Джеком манер выражать беспокойство. Он обтирал губы. Обеими руками нервно ерошил волосы, как делала она сама, ожидая, пока Джек вернется из своего рейда по барам. Она не могла поверить, что Эл позвонил только, чтобы спросить, «как дела». Когда хочешь потрепаться, звонишь Элу. Когда Эл звонит тебе, это бизнес.

Позже, вернувшись вниз, она обнаружила, что Дэнни снова клубочком свернулся у огня и с полным, всепоглощающим вниманием читает книжку для второго класса: приключения Джо и Рэчел с папой в цирке. Наблюдавшую за ним Венди вновь охватила странная уверенность, что Дэнни знает и понимает больше, чем допускает философия доктора (зовите меня просто Билл) Эдмондса.

— Эй, док, пора в кроватку,— сказала она.

— Ага, ладно.

Он сделал в книжке пометку и встал.

— Умойся и почисти зубы.

— О'кей.

— Не забудь воспользоваться шелковинкой.

— Ладно.

Они немножко постояли рядом, глядя, как угли в печи то разгораются, то гаснут. Почти по всему вестибюлю гуляли холодные сквозняки, и уйти из волшебно теплого кружка подле камина было нелегко.

— Это дядя Эл звонил? — небрежно спросила она.

— Да-а.— Ни тени удивления.

— Интересно, сердился ли дядя Эл на папу,— сказала Венди прежним беспечным тоном.

— Ага, точно, сердился,— откликнулся Дэнни, продолжая смотреть в огонь.— Не хотел, чтобы папа писал книгу.

— Какую книгу, Дэнни?

— Про отель.

С губ Венди готов был сорваться вопрос, который они с Дже-

ком задавали Дэнни тысячу раз: откуда *ты знаешь*? Она не спросила. Ей не хотелось огорчить мальчика перед сном или дать ему понять, что они, бывает, обсуждают, откуда он узнает то, о чем вообще никак не может знать. А он *знал*, в этом Венди была убеждена. Болтовня доктора Эдмондса о наведенных размышлениях и подсознательной логике — всего лишь болтовня. Сестра... откуда Дэнни узнал, что в тот день она думала про Эйлин? И

(Мне приснилось, что папа попал в аварию)

Она потрясла головой, словно желая прояснить мысли.

— Иди умойся, док.

— Угу.

Он побежал вверх по лестнице к их комнатам. Венди, хмурясь, отправилась на кухню подогреть Джеку молоко.

А сейчас, лежа в постели без сна, прислушиваясь к дыханию мужа и ветру за окном (чудо, что днем был только один снегопад, да и то не сильный), Венди позволила мыслям полностью переключиться на ее очаровательного, приносящего столько беспокойства сына, который родился с личиком, закрытым пленкой — простой мембранной тканью, попадающейся врачам, наверное, один раз на каждые семьсот родов; пленкой, дающей, если верить болтовне старух, второе зрение.

Она решила, что пора побеседовать с Дэнни об «Оверлуке»... самое время попробовать разговорить его. Завтра. Конечно. Они вместе поедут в сайдвиндерскую библиотеку посмотреть, нет ли там каких-нибудь книжек для второго класса, чтоб взять их Дэнни на зиму, и она поговорит с ним. Откровенно. От этой мысли Венди полегчало, и она, наконец, медленно поплыла в сон.

Дэнни без сна лежал у себя в спальне, открыв глаза; левой рукой он обнимал старенького, затасканного Пуха (один глаз-пуговицу Пух потерял, а из полудюжины швов, там, где вылезали наружу пружины, сыпались опилки). Дэнни прислушивался к спящим в своей спальне родителям. Он испытывал такое чувство, будто вопреки своей воле был приставлен к ним, чтоб охранять. Хуже всего бывало по ночам. Дэнни ненавидел ночь и непрерывно воющий вокруг западного крыла дома ветер.

Сверху на ниточке свисал глайдер. На столике тускло светилась лиловая модель лимузина, принесенная снизу, с игрушечной дороги. Книжки стояли на полке, раскраски лежали на столе. *«Всему свое место и все на своих местах,* — говорила мама.— *Тогда, если тебе что-то понадобится, ты будешь знать, где оно».* Но сейчас вещи оказывались не на своих местах. Они пропадали. Хуже того, появлялись *новые*, не бросающиеся в глаза — как на картинке «НАЙДИ ИНДЕЙЦА». Если напрячь глаза и зажмуриться, некоторые из них можно было разглядеть — то, что вы с первого взгляда принимали за кактус, на самом деле оказывалось бандитом, зажавшим в зубах нож, а в скалах прятались другие, так что удавалось даже увидеть одно из злобных безжалостных лиц, мая-

чащее сквозь спицы колес фургона. Однако видеть всех сразу было невозможно, и от этого становилось не по себе. Ведь именно те, кого не видишь, и проскользнут за спину с томагавком в одной руке и ножом для снятия скальпа — в другой.

Он беспокойно заворочался в кровати, отыскивая глазами успокоительный свет ночника. Тут дела пошли хуже. В этом Дэнни был уверен. Сперва было не так уж плохо, но постепенно... папа стал куда больше думать о выпивке. Иногда он сердился на мамочку, сам не зная, за что. Он бродил, обтирая губы платком, а взгляд был далеким и туманным. Мама беспокоилась за него и за Дэнни тоже. Не надо было «сиять», чтобы понять это — оно скользило в тревожных маминых расспросах в тот день, когда ему показалось, что шланг превратился в змею. Мистер Холлоранн сказал, что думает, будто все мамы немножко умеют «сиять», и в тот день она поняла — что-то произошло. Но не знала, что.

Он собрался было рассказать ей об этом, но по ряду причин воздержался. Дэнни понял, что доктор из Сайдвиндера отмахнулся и от Тони, и от показанного им Дэнни, как от вещей, абсолютно (ну, почти)

нормальных. Расскажи он про шланг, мама могла бы не поверить. Хуже того, она могла неправильно это истолковать, подумать, что у Дэнни ШАРИКИ ЗА РОЛИКИ ЗАЕХАЛИ. Он немножко понимал насчет ЗАЕХАВШИХ ШАРИКОВ — меньше, конечно, чем насчет ЗАВЕСТИ РЕБЕНКА — это ему мама подробно объяснила около года назад — но достаточно.

Однажды в детском саду приятель Дэнни Скотт ткнул пальцем в парнишку по имени Роберт Стэнджер — тот уныло слонялся возле качелей с таким вытянутым лицом, что того гляди — наступишь. Отец Робина преподавал арифметику в папиной школе, а папа Скотта был там учителем истории. Большинство малышей в детском саду имели отношение либо к Стовингтонской подготовительной, либо к расположенному прямо за чертой города маленькому заводику Ай-Би-Эм. Школьные дети держались одной кучкой, айбиэмовские — другой. Были, конечно, перекрестные дружбы, но для ребят, чьи отцы знали друг друга, казалось достаточно естественным держаться более-менее вместе. Когда в одной из группок у взрослых происходил скандал, он почти всегда в безумно искаженной форме просачивался к детям, однако в другую группу перекидывался редко.

Они со Скотти сидели в игрушечной ракете, и тут Скотти ткнул в Робина большим пальцем и сказал: «Знаешь этого парня?»

— Ага,— сказал Дэнни.

Скотти наклонился вперед.

— Вчера вечером у его папы ШАРИКИ ЗА РОЛИКИ ЗАЕХАЛИ. Они его забрали.

— Да? Из-за каких-то шариков?

Скотти, похоже, возмутился.

— Он сошел с ума! Ну, понимаешь,— Скотти скосил глаза,

вывалил язык и указательными пальцами описал вокруг ушей большие эллипсы.— Они забрали его в ДУРКУ.

— Ух ты,— сказал Дэнни.— А когда ему разрешат вернуться?

— Никогда-никогда-никогда,— мрачно объявил Скотти.

За тот и следующий день Дэнни услышал, что:

а) мистер Стэнджер пытался поубивать всю семью, включая Робина, из пистолета, оставленного на память со Второй мировой;

б) мистер Стэнджер, пока БУЙСТВОВАЛ, разнес весь дом в клочки;

в) мистера Стэнджера застигли, когда он поедал горсть дохлых жуков с травой так, будто это были сласти с молоком, при этом он плакал;

г) когда «Ред Сокс» проиграли важный матч, мистер Стэнджер пытался задушить свою жену чулком.

Когда тревога Дэнни стала слишком сильной, чтобы держать ее в себе, он, наконец, спросил про мистера Стэнджера папу. Папа усадил мальчика на колено и объяснил, что мистер Стэнджер находился в сильном напряжении, отчасти — из-за семьи, отчасти — из-за работы, а отчасти — из-за таких вещей, понять которые по силам только докторам. У него были приступы плача, а три дня назад он расплакался и не смог остановиться, и переломал у Стэнджеров кучу вещей. Никакие ШАРИКИ у него ЗА РОЛИКИ не ЗАЕЗЖАЛИ, сказал папа, это называется НЕРВНОЕ РАССТРОЙСТВО, и мистер Стэнджер вовсе не в ДУРКЕ, а в САНА-ТОРИИ. Но, несмотря на осторожные папины объяснения, Дэнни был напуган. Он не видел особой разницы между ШАРИКАМИ, ЗАЕХАВШИМИ ЗА РОЛИКИ, и НЕРВНЫМ РАССТРОЙСТВОМ, и как ни называй — ДУРКА или САНАТОРИЙ — все равно там на окнах стальные решетки и оттуда не выпустят, если вздумаешь уйти. К тому же отец, совершенно неумышленно, без изменений, подтвердил второе выражение Скотти — то, которое наполняло Дэнни смутным неопределенным ужасом. Мистер Стэнджер теперь живет там, где ЛЮДИ В БЕЛЫХ ХАЛАТАХ. Те, что приезжают за тобой в фургоне без окон, в фургоне, сером, как могильный камень. Они подкатывают к тротуару перед твоим домом, эти ЛЮДИ В БЕЛЫХ ХАЛАТАХ, вылезают и забирают тебя от родных, и заставляют жить в комнатах с мягкими стенами, а если захочешь написать домой, приходится делать это «крэйолсами».

— Когда ему разрешат вернуться?— спросил Дэнни отца.

— Как только ему станет лучше, док.

— Да, но когда это будет?— настаивал Дэнни.

— Дэн,— сказал Джек,— НИКТО ЭТОГО НЕ ЗНАЕТ.

Вот это и было хуже всего. Все равно, что сказанное другими словами «никогда-никогда-никогда». Через месяц мать Робина забрала его из детского сада, и они уехали из Стовингтона без мистера Стэнджера.

Это случилось больше года назад, папа тогда уже перестал глотать *всякую дрянь*, но еще не потерял работу. Дэнни до сих про частенько думал об этом. Иногда, ударившись головой, упав или страдая болью в животе, Дэнни принимался плакать — и мигом вспоминал случай с мистером Стэнджером, одновременно пугаясь, что сам не сумеет остановиться и будет реветь, скулить и всхлипывать, пока папа не подойдет к телефону, не наберет номер и не скажет: «Алло? Джек Торранс, Мэпл-лайн Уэй, 149. Тут мой сын не может перестать плакать. Пожалуйста, пришлите ЛЮДЕЙ В БЕЛЫХ ХАЛАТАХ, чтоб они забрали его в САНАТОРИЙ. Да, верно, ШАРИКИ ЗА РОЛИКИ ЗАЕХАЛИ. Спасибо». И серый фургон без окон подъедет к *его* дверям, Дэнни, продолжающего истерически всхлипывать, погрузят внутрь и увезут. Когда он снова увидит папу и маму? НИКТО ЭТОГО НЕ ЗНАЕТ.

Страх вынуждал его молчать. Став на год старше, он вполне уверился, что папа с мамой не дадут увезти его за то, что он посчитал пожарный шланг змеей. РАССУДОК Дэнни не сомневался в этом, но, стоило мальчику подумать, не рассказать ли обо всем родителям, как старое воспоминание поднималось в нем, камнем закупоривая рот и преграждая дорогу словам. Другое дело Тони: тот всегда воспринимался совершенно естественно (конечно, пока не начались плохие сны) и, кажется, родители тоже приняли Тони, как более или менее нормальное явление. Вещи типа Тони происходили от *живого ума*, который оба признавали за сыном — так же, как считали, что и сами *неплохо соображают*; но превратившийся в змею пожарный шланг или кровь с мозгом на стене президентского люкса, которые Дэнни видел, а другие — не могли... такие вещи естественными не сочтут. Они уже сводили его к обычному доктору. Не резонно ли было признать, что дальше появятся ЛЮДИ В БЕЛЫХ ХАЛАТАХ?

Несмотря на это, Дэнни мог бы поговорить с ними, если бы не уверенность, что рано или поздно они захотят забрать его из отеля. Уехать из «Оверлука» хотелось отчаянно. Однако Дэнни знал, что отель — последний папин шанс, что здесь, в «Оверлуке», он не только для того, чтоб присмотреть за зданием. Он здесь, чтобы поработать над своими бумагами. Пережить потерю работы. Любить маму (Венди). И до самого недавнего времени казалось, что так все и идет. Папа забеспокоился только в последние дни. После того, как нашел те бумаги.

(Это бесчеловечное место превращает людей в чудовищ)

Что это означало? Дэнни молился Богу — но Бог не объяснил. А что папа будет делать, если перестанет работать здесь? Он пытался выудить это из папиных мыслей и все больше и больше убеждался, что тот не знает. Самое сильное доказательство Дэнни получил чуть раньше, нынешним вечером, когда дядя Эл мог выкинуть папу с работы так же, как мистер Кроммерт, директор школы в Стовингтоне, и Совет директоров выкинули его с дол-

жности учителя. И папа до смерти боялся этого — не только из-за себя, но и из-за них с мамой.

Поэтому Дэнни не посмел ни о чем рассказать. Он мог лишь беспомощно наблюдать и надеяться, что на самом деле никаких индейцев тут нет, а если и есть, то они согласятся подождать более крупной игры и позволят беспрепятственно проехать крошечному поезду в три вагона.

Но, как Дэнни ни старался, поверить в это он не мог.

Здесь, в «Оверлуке», дела теперь пошли хуже.

Подступают снегопады, с их началом отменятся все его скудные права. А что потом, когда выпадет снег? Что будет, когда они окажутся запертыми внутри отеля, отданные на милость чего-то, что до того просто забавлялось с ними?

(Выходи-ка, получи свое!)

Что тогда? ТРЕМС.

Он вздрогнул и снова заворочался в постели. Теперь он научился читать лучше. Пожалуй, завтра он попробует вызвать Тони, попробует заставить Тони показать, что такое ТРЕМС и нет ли возможности предотвратить его. Он рискнет увидеть кошмар. Ему надо *знать*.

Притворный сон родителей, наконец, перешел в настоящий, но Дэнни не спал еще долго. Он вертелся в постели, сминая простыни, сражаясь с проблемой, дорастать до которой будет еще много лет, он лежал в ночи без сна, как одинокий часовой на посту. Где-то после полуночи он тоже уснул, и тогда остался бодрствовать лишь ветер, подсматривающий за отелем, гудящий в ярком свете звезд под его карнизами.

22. В ГРУЗОВИЧКЕ

Я вижу — встает дурная луна,
чую черные времена,
зарницы в небе, земля дрожит,
беда у ворот кружит.
Сегодня ты из дому — ни ногой,
не то поплатишься головой.
Погляди на кровавый закат:
дурная луна восходит, брат.

Кто-то приделал к приборному щитку гостиничного грузовичка старый-престарый приемник из «бьюика», и теперь из динамика доносилось очень слабое, приглушенное разрядами, но отчетливое пение группы Джона Фогерти «Вера в возрождение чистых вод». Венди и Дэнни направлялись в Сайдвиндер. День выдался ясный и светлый. Дэнни крутил в руках оранжевый читательский билет Джека и казался достаточно жизнерадостным, но Венди подумала, что вид у него напряженный и усталый, как если бы он не выспался и держался только за счет нервной энергии.

Песенка кончилась, и подключился диск-жокей.

— Да-а, это «Вера». Кстати о дурной луне — похоже, скоро она взойдет над зоной прохождения Кей-эМ-Ти-Экс, хотя этому трудно поверить в такую прекрасную, просто весеннюю погоду, которой мы наслаждаемся последние три дня. Бесстрашный предсказатель из КМТЭкс говорит, что сегодня к часу дня высокое давление вытеснит обширная область низкого, которое собралось порядком задержаться тут, наверху, над нашей зоной КМТЭкс, где прохождение — редкость. Быстро похолодает, к вечеру пойдет снег. На уровнях до семи тысяч футов, включая зону Денвера, ждите снега с дождем, на дорогах кое-где — гололед, а тут, наверху, братва, ждем только снега. Ниже уровня семи тысяч футов ожидается от одного до трех дюймов снега, а в Центральном Колорадо и на Склоне, возможно, наберется шесть-десять дюймов. Тем, кто сегодня днем или вечером собрался ехать в горы на машине, синоптики, прогнозирующие положение на дорогах, советуют не забывать, что начнется цепная реакция. А без необходимости и вовсе сидите дома,— шутливо прибавил диктор,— не забудьте, Доннеры попали в беду именно таким образом. Они просто оказались дальше, чем думали, от ближайшей забегаловки «Семь-одиннадцать».

Началась коммерческая программа «Клэйройл», и Венди, опустив руку, выключила приемник.

— Можно?

— Ну, конечно.— Дэнни взглянул на ярко-голубое небо.— По-моему, папа выбрал самый подходящий день, чтобы подстричь этих зверей в саду... да?

— По-моему тоже,— сказала Венди.

— Совсем не похоже, что будет сильный снег,— с надеждой прибавил Дэнни.

— Ноги не замерзли? — спросила она. У нее не шла из головы шутка диск-жокея насчет Доннеров.

— Не-а... по-моему, нет.

«Ну, ладно,— подумала она,— самое время. Собралась поговорить, так говори сейчас или раз навсегда успокойся».

— Дэнни,— сказала она, стараясь, чтобы тон был как можно более небрежным.— Тебе не будет лучше, если мы уедем из «Оверлука»? Если не останемся на зиму?

Дэнни опустил глаза вниз, на руки.

— Наверное,— проговорил он.— Да. Но тут папина работа.

— Иногда,— осторожно произнесла Венди,— мне приходит в голову, что папа тоже стал бы счастливее, если бы мы уехали из «Оверлука».

Они проехали указатель, гласивший «САЙДВИНДЕР 18 МИЛЬ», потом Венди вписала грузовичок в крутой поворот и двинулась вверх, к следующему. На здешних спусках Венди не рисковала — они пугали ее до идиотизма.

— Ты правда так думаешь? — спросил Дэнни. Он некоторое

время с интересом смотрел на нее, потом покачал головой.— Нет, по-моему.

— Почему?

— Потому, что он беспокоится за нас,— сказал Дэнни, подбирая слова. Объяснять было трудно, он сам понимал так мало. Он обнаружил, что возвращается к началу — к тому случаю, о котором рассказывал мистеру Холлоранну. Как в универмаге большой парень глядел на приемники и хотел один из них украсть. То ощущение причиняло страдание, но, по крайней мере, даже еще под стол пешком ходившему Дэнни было понятно, что происходит. Но со взрослыми вечно выходила неразбериха — любое возможное действие мутным облаком заволакивало мысли о последствиях, сомнения, *представления о себе*, любовь и чувство ответственности. Казалось, любой возможный выбор имеет отрицательные стороны, и иногда Дэнни не мог понять, почему эти недостатки — *недостатки*. Это давалось очень трудно.

— Он думает...— снова начал Дэнни и быстро взглянул на мать. Она смотрела не на него, а на дорогу, и мальчик счел, что можно продолжить.— Он думает, может, нам будет одиноко. А потом думает, что ему тут нравится и что это неплохое место. Он нас любит и не хочет, чтоб мы чувствовали себя одинокими... или грустили... но считает, что, даже если сейчас это так, в ПЕРСПЕКТИВЕ все будет о'кей. Знаешь, что такое ПЕРСПЕКТИВА?

Она кивнула.

— Да, милый. Знаю.

— Он беспокоится, что, если мы уедем, он не найдет другую работу. Что нам придется побираться... или что-то в этом роде.

— Это все?

— Нет, но остальное все перепутано. Потому что теперь папа другой.

— Да,— сказала Венди чуть ли не со вздохом. Спуск стал чуть более пологим, и она осторожно переключила на третью передачу.

— Я не выдумываю, мам. Честное слово.

— Знаю,— с улыбкой откликнулась она.— Это Тони тебе рассказал.

— Нет,— сказал он.— Просто я знаю. Доктор не поверил в Тони, да?

— Забудь про доктора,— сказала Венди.— Я верю в Тони. Не знаю, кто или что он такое — то ли особая частичка тебя самого, то ли приходит из... откуда-то извне,— но я в него верю, Дэнни. И если ты... он... думает, что нам следует уехать, мы уедем. Мы уедем вдвоем, а к папе вернемся весной.

Он посмотрел на нее с явственной надеждой.

— Куда уедем? В мотель?

— Милый, мотель нам не по карману. Придется пожить у моей мамы.

Надежда в лице Дэнни умерла.

— Я знаю...— сказал он и замолчал.

— Что?

— Ничего,— пробормотал мальчик.

Она снова переключила передачу на вторую, подъем опять стал круче.

— Нет, док, пожалуйста, не говори так. Наверное, поговорить об этом нужно было давным-давно. Так что прошу тебя. Что ты знаешь? Я не рассержусь. Нельзя сердиться, дело слишком важное. Говори со мной честно.

— Я знаю, как ты к ней относишься,— сказал Дэнни и вздохнул.

— Как?

— Плохо,— объявил Дэнни, а потом затянул нараспев, рифмуя, пугая Венди:— Гнусно — грустно — чтоб ей было пусто... Как будто она вовсе не твоя мама. Как будто она хочет тебя съесть.— Он испуганно взглянул на Венди.— И потом, мне там не нравится. Она всегда думает, что справилась бы со мной лучше, чем ты, и как бы отобрать меня у тебя. Мам, я не хочу туда. Лучше уж жить в «Оверлуке», чем там.

Венди была потрясена. Неужели у них с матерью дела обстоят настолько плохо? О Господи, если так оно и есть, а малыш действительно может читать, что они думают друг о дружке... какой же это ад для него! Она вдруг почувствовала себя голее голого, словно ее застукали на чем-то непристойном.

— Ладно,— сказала она.— Ладно, Дэнни.

— Ты на меня сердишься,— сказал он тоненьким голоском, готовый в любой момент расплакаться.

— Нет, честное слово. Я просто... ну... потрясена.

Они миновали указатель «САЙДВИНДЕР 15 МИЛЬ», и Венди немного расслабилась. Отсюда дорога была лучше.

— Хочу задать тебе еще один вопрос, Дэнни. И хочу, чтобы ты ответил мне так честно, как только можешь. Сделаешь?

— Да, мам,— почти прошептал он.

— Папа снова пьет?

— Нет,— сказал он и подавил слова, поднявшиеся к губам вслед за этим простым отрицанием: *еще нет.*

Венди расслабилась еще капельку. Она положила ладонь на обтянутую джинсами коленку Дэнни и сжала ее.

— Папа очень старался,— мягко сказала она.— Потому, что любит нас. А мы любим его, разве не так?

Он серьезно кивнул.

Она продолжала, будто для себя самой:

— Он не идеальный человек, но он старался... Дэнни, он так старался! Когда он... перестал... то словно в аду очутился. И все еще идет по этому аду. Думаю, если бы не мы, он бы просто сдался. Я хочу поступить правильно. Но не знаю, как. Надо уехать? Остаться? Все равно, как если бы я выбирала из двух зол.

— Я знаю.

— Сделаешь для меня кое-что, док?

— Что?

— Постарайся заставить Тони придти. Прямо сейчас. Спроси его, в «Оверлуке» мы в безопасности?

— Я уже пробовал,— медленно произнес Дэнни.— Сегодня утром.

— И что же?

— Он не пришел,— сказал Дэнни.— Тони не пришел.

И вдруг разразился слезами.

— Дэнни,— встревоженно сказала она.— Милый, не надо. Пожалуйста.

Грузовичок вынесло за двойную желтую линию и, перепугавшись, Венди вернула его обратно.

— Не отвози меня к бабушке,— попросил Дэнни сквозь слезы.— Пожалуйста, ма. Я не хочу туда, я хочу с папой...

— Ладно,— мягко сказала она.— Ладно, так мы и сделаем.— Венди вытащила из кармана рубашки в стиле «вестерн» гигиеническую салфетку и протянула Дэнни.— Останемся. И все будет отлично.

23. НА ДЕТСКОЙ ПЛОЩАДКЕ

Джек вышел на крыльцо и подтянул язычок молнии до самого подбородка, моргая на ярком свету. В левой руке он держал работающие от батареек садовые ножницы. Правой он вытащил из бокового кармана носовой платок, промокнул губы и сунул его обратно. Снег, сказали по радио. В это верилось с трудом, хоть видно было, как на далеком горизонте собираются тучи.

Перехватив ножницы другой рукой, Джек отправился по дорожке к искусно подстриженным кустам. «Работы немного,— подумал он,— чуть-чуть пройтись, и хватит». Несомненно, ночные холода остановили рост кустов. У кролика вроде бы немного заросли уши, да на двух лапах у собаки появились пушистые зеленые шпоры. Но львы и буйвол выглядели отлично. Легкая стрижка — и дело в шляпе, а потом пусть выпадает снег.

Бетонная дорожка оборвалась внезапно, как трамплин. Джек сошел с нее и прошагал мимо пересохшего бассейна к засыпанной гравием тропинке, которая вилась между садовыми скульптурами до самой детской площадки. Шагнув к кролику, он нажал кнопку ножниц. Они ожили с тихим гудением.

— Здорово, Братец Кролик,— сказал Джек.— Как делишки нынче? Чуточку снимем с макушки и удалим лишнее с ушей? Отлично. А скажи-ка, слышал ты анекдот про коммивояжера и старушку с пуделем?

Звук собственного голоса показался неестественным и глупым, и Джек замолчал. Ему пришло в голову, что звери-кусты не слишком его заботят. Резать и мучить старую добрую живую изгородь, чтобы сделать из нее нечто совершенно другое, Джеку всегда казалось отчасти извращенным. Изгородь вдоль одного из

вермонтских шоссе на крутом склоне превратили в рекламный щит, расхваливающий какой-то сорт мороженого. Заставлять природу торговать вразнос мороженым совершенно неправильно. Нелепо.

(Торранс, вас наняли не философствовать!)

Что да, то да. Чистая правда. Джек постриг кролику уши, смахнув на траву немного сора: палочек и прутиков. Садовые ножницы гудели на низкой, металлической, отвратительной ноте, которая, кажется, присуща всему, что работает от батареек. Солнце сияло, но не грело, и поверить в надвигающийся снегопад было не так уж трудно. Джек работал быстро, зная, что в таком деле прерваться и начать раздумывать означает напортачить. Он прошелся по мордочке кролика (вблизи она вовсе не была похожа на морду, но Джек знал, что, стоит отойти шагов на двадцать, как свет и тени создадут некое ее подобие — свет и тени вкупе с воображением наблюдателя), а потом защелкал лезвиями по его брюху.

Закончив, он выключил ножницы, отошел к детской площадке и резко обернулся, чтобы увидеть кролика целиком. Да, вид у того был достойный. Ну, теперь он примется за собаку.

— Но, будь отель моим,— сказал Джек,— я вырубил бы всю вашу команду, чтоб ей пусто было.

Да, именно так бы он и сделал. Просто срубил бы эти кусты, а газон, который они некогда украшали, засеял бы заново и расставил бы по нему полдюжины столиков под яркими зонтиками. Постояльцы могли бы пить коктейли, нежась в лучах летнего солнышка на лужайке перед «Оверлуком». Шипучку с джином, «маргариту», «розовую леди» и прочие сладкие напитки для туристов. Может быть, еще ром и тоник. Вытащив из заднего кармана носовой платок, Джек медленно обтер губы.

— Ладно, ладно,— тихо сказал он. Тут думать было нечего.

Он собрался было пойти обратно, как вдруг, повинуясь некому импульсу, передумал и вместо этого отправился на детскую площадку. «Забавно, как с детьми никогда не угадаешь»,— подумал Джек. Они с Венди ожидали, что Дэнни просто влюбится в площадку, где было все, чего только можно пожелать. Но, по мнению Джека, мальчик приходил туда от силы раз пять-шесть. Будь здесь другой малыш, с которым можно было бы играть, считал Джек, все было бы иначе.

Когда Джек зашел, калитка слабо скрипнула, а потом под ногами захрустел дробленый гравий. Сперва он подошел к домику — превосходной уменьшенной копии «Оверлука». Дом доходил Джеку до бедер, то есть был высотой с выпрямившегося во весь рост Дэнни. Джек пригнулся и заглянул в окна четвертого этажа.

— Вот идет великан, он всех вас съест, пока вы спите,— дурачась, сказал он.— Ну-ка, деликатесы, поцелуйтесь на прощанье!

Но смешно не было. Домик можно было просто разнять на части — он открывался потайной пружиной. Интерьер разочаровывал. «Но, конечно, так и должно быть,— сказал он себе,— иначе как дети забирались бы внутрь?» Несмотря на покрашенные стены, в доме царила почти полная пустота. Мебели, которая летом, возможно, заполняла домик, не было — вероятно, ее убрали в сарай. Джек закрыл домик и, когда замок захлопнулся, услышал тихий щелчок.

Джек отошел к горке, положил ножницы на землю и оглянулся на дорогу, чтобы удостовериться: Венди и Дэнни не возвращались. После этого он взобрался на горку и уселся там. Горку делали в расчете на больших ребят, но его взрослой заднице все равно было неудобно и тесно. Сколько лет назад он последний раз катался с горки? Лет двадцать? Казалось невероятным, чтобы прошло *столько* времени, Джек не *чувствовал* этого — но иначе быть не могло; не исключено, что он ошибался в меньшую сторону. Он не забыл, как его старик ходил с ним в Берлине в парк (Джеку тогда было столько, сколько сейчас Дэнни) — вот там-то он испробовал все-все: и горку, и качели, и перекидную доску. На ленч они с папашей съели по сосиске, а потом купили у человека с тележкой арахиса. Они сидели на скамейке, ели орехи, а у них под ногами темным облаком сгрудились голуби.

— Проклятые помойные птицы,— сказал папаша,— не вздумай кормить их, Джек.

Но в конце концов они оба принялись кормить птиц, хихикая над тем, как голуби гоняются за орешками. Джек сомневался, что старик хоть раз водил в парк его братьев. Правда, несмотря на то, что Джек был его любимчиком, когда папаша напивался (случай вовсе не редкий), ему все равно доставалось. Однако за тот день в парке Джек, пока мог, любил отца, хотя прочие члены семьи давным-давно могли лишь бояться его и ненавидеть.

Оттолкнувшись ладонями, он съехал вниз, но это не принесло удовлетворения. Горка, которой не пользовались, стала слишком шершавой, так что действительно приятную скорость было не развить. Его ноги — ноги взрослого — ткнулись в ямку у подножия спуска, куда до него приземлялись тысячи ребячьих рук и ног. Он поднялся, отряхнул сзади брюки и взглянул на ножницы. Но вместо того, чтобы вернуться к ним, Джек направился к качелям. Они тоже разочаровали его. После закрытия сезона цепи проржавели, так что качели пронзительно скрипели, словно им было больно. Джек пообещал себе весной смазать их.

Лучше перестань, посоветовал он себе. Ты уже не ребенок. Это можно доказать себе и без площадки.

Однако он отправился дальше, к цементным кольцам (они оказались маловаты Джеку, и он прошел мимо), а потом — к границе площадки, обозначенной натянутой между столбиками металлической сеткой. Просунув пальцы в ячейки, он посмотрел сквозь нее: в солнечном свете тени расчертили лицо Джека клеточками,

словно он сидел за решеткой. Осознав это, он потряс сетку, придал лицу загнанное выражение и зашептал: «Выпустите меня отсюдова! Выпустите меня отсюдова!» И в третий раз смешно не получилось. Пора было возвращаться к работе.

Тут-то Джек и услышал позади себя какой-то звук.

Он быстро обернулся, смущенно хмурясь — вдруг кто-нибудь видел, как он валяет дурака тут, в ребячьем царстве. Он окинул взглядом горку, оба конца перекидной доски, качели — там сидел только ветер. Взгляд скользнул дальше, к калитке с изгородью, отделяющей детскую площадку от газона, и к садовым скульптурам: собравшимся у тропинки, охраняющим ее львам, нагнувшемуся пощипать травку кролику; буйволу, готовому атаковать; готовой прыгнуть, припавшей к земле собаке. Дальше до отеля простиралось небольшое поле для гольфа. С того места, где Джек стоял, видна была западная сторона «Оверлука» и даже приподнятый край площадки для роке.

Ничто не изменилось. Почему же по рукам и лицу Джека пошли мурашки, а волоски сзади на шее стали дыбом, как будто вдруг стянуло кожу на затылке?

Он снова покосился на отель, но ответа не получил. Дом стоял как стоял, света в окнах не было, из трубы тоненькой струйкой вился дымок — это топился камин в вестибюле.

(Шевелись-ка, приятель, не то они заявятся обратно и спросят: чем ты занимался все это время?)

За работу, за работу. Ведь на носу — снегопад, а ему надо подстричь проклятые кусты. Это входит в контракт. Вдобавок они не посмеют...

(Кто не посмеет? Что не посмеет? Не решатся... что?)

Джек зашагал обратно, к лежащим у подножия горки для больших ребят садовым ножницам, и хруст подошв по дробленому гравию показался ему неестественно громким. Теперь гусиной кожей покрылась и мошонка, а ягодицы стали тяжелыми и твердыми, как камень.

(Иисусе, да что же это?)

Он остановился возле ножниц, но не сделал движения, чтобы поднять их. Да, кое-что изменилось. Кусты. Заметить это было так просто, что Джек даже не сообразил, в чем дело. Ну, выругал он себя, ты только что подстриг этого долбаного кролика, так какого...

(того самого)

Он перестал дышать.

Кролик, опустившись на все четыре точки, щипал траву, брюхом прижимаясь к земле. Но каких-нибудь десять минут назад он сидел на задних лапах — а как же иначе, Джек подстригал ему уши... и брюхо.

Джек быстро взглянул на собаку. Когда он шел по дорожке к площадке, она служила, словно выпрашивая конфетку. Теперь

собака припала к земле, откинув голову, из выстриженной пасти, казалось, несется тихое рычание. А львы...

(ох, нет, детка, ох, нет, м-м, только не это)

расстояние между львами и тропинкой сократилось. Те два, что были справа от Джека, оба чуть изменили положение, придвинувшись поближе. Хвост льва, по левую руку от Джека, вылез на тропинку, почти перегородив ее. Когда Джек миновал их и зашел в калитку, этот лев сидел, обвившись хвостом, справа — Джек был в этом абсолютно уверен.

Львы перестали защищать дорожку. Они перекрыли ее.

Джек вдруг прикрыл глаза рукой, потом отнял ее. Картина не изменилась. У него вырвался тихий вздох — слишком спокойный, чтобы походить на стон. В дни своего непомерного увлечения спиртным Джек всегда опасался, что случится нечто подобное. Но если ты — запойный пьяница, это называется белой горячкой, как у старины Рэя Милланда в «Пропавших выходных», где ему представлялось, что из стен лезут тараканы.

А как это называется, если ты трезв, как стеклышко?

Вопрос был задуман, как риторический, однако рассудок Джека тем не менее

(безумием, вот как)

ответил на него.

Пристально глядя на подстриженные в форме зверей кусты, он понял, что, пока ладонь лежала на глазах, что-то *действительно* изменилось. Собака пододвинулась поближе. Она больше не прижималась к земле, а словно бы застыла на бегу — задние ноги согнуты, одна передняя лапа опережает другую. Древесная пасть раскрылась еще шире, торчащие прутики производили впечатление острых зубов и не сулили ничего хорошего. Теперь ему представилось, что в зелени виднеются глубоко посаженные глазки, наблюдающие за ним.

— *Зачем их подстригать?* — истерично подумал Джек. — *Они в отличной форме.*

Еще один тихий звук. Взглянув на львов, Джек невольно сделал шаг назад. Справа от него один лев, похоже, немножко обогнал прочих. Он пригнул голову. Одна лапа почти касалась низкой изгороди. Боже милостивый, а дальше-то что?

(Дальше лев перепрыгнет через нее и проглотит тебя, как в злой детской сказке)

Это напоминало игру, в которую они играли детьми, «красный свет». Кого-нибудь выбирали «существом» и, пока он, повернувшись спиной, считал до десяти, остальные игроки ползли вперед. Когда «существо» объявляло «Десять!», оно оборачивалось, и тот, кого оно заставало в движении, выбывал из игры. Остальные замирали, как статуи, пока «существо» снова не поворачивалось спиной, чтобы считать. Они подкрадывались ближе, ближе и, наконец, где-то между пятью и десятью, ты чувствовал на спине руку...

На дорожке хрустнул гравий.

Джек резко оглянулся, чтобы посмотреть на собаку. Ее широко раскрытая пасть зияла на середине тропинки, прямо за львами. Прежде это был всего лишь куст, подстриженный так, чтобы походить на собаку — нечто, теряющее все отличительные черты, если подойти поближе. Но теперь Джек понял, что куст подстрижен под немецкую овчарку, а овчарки бывают злобными. Овчарку можно натаскать убивать людей.

Низкий рыкающий звук.

Слева от него лев уже полностью преодолел расстояние до изгороди; морда касалась сетки. Он как будто насмешливо улыбался Джеку. Тот отступил еще на пару шагов. В голове бешено стучало, в горле пересохло, дыхание стало хриплым. Теперь переместился и буйвол; подавшись вправо, он по дуге обошел кролика сзади. Пригнув голову, он нацелился рогами в Джека. Штука была в том, что за всеми приглядывать было невозможно. За всеми одновременно.

Джек так сосредоточился на этом, что даже не заметил, как заскулил. Взгляд метался от одного древесного изваяния к другому, пытаясь *засечь*, как они движутся. От налетавших порывов ветра в густых ветвях возникал голодный шорох. Какой звук раздастся, когда они доберутся до него? Конечно, Джек знал это. Треск. Хруст. Звук раздираемой плоти. Это будет...

(нет, нет, НЕТ, НЕТ, НЕ ПОВЕРЮ НИКОГДА!)

Он прижал ладони к глазам, впиваясь пальцами в лоб, волосы, пульсирующие виски. Так он простоял долго, а страх все рос, рос, и вот Джек, не в силах дальше выносить это, с криком оторвал руки от лица.

Возле поля для гольфа собака сидела так, словно выпрашивала что-нибудь из объедков. Буйвол снова равнодушно глядел на площадку для роке — так же, как когда Джек шел сюда с ножницами. Кролик стоял на задних лапах, навострив уши, чтоб уловить малейший шум, показывая свежеподстриженное брюхо. Львы приросли к месту возле тропинки.

Оцепенев, Джек долго не двигался с места, пока, наконец, не замедлилось хриплое дыхание. Он полез за сигаретами и выронил на гравий четыре штуки — руки дрожали. Нагнувшись за ними, он ни на минуту не отрывал глаз от фигурных кустов, опасаясь, что они снова зашевелятся. Джек подобрал сигареты, три кое-как запихал обратно, а четвертую закурил. После двух глубоких затяжек он бросил ее и придавил. Вернувшись к садовым ножницам, он поднял их.

— Я слишком устал,— сказал он, и теперь то, что он говорил вслух, не казалось ненормальным. Ничего безумного в этом не было.— Я перенапрягся. Осы...пьеса... с Элом так поговорили... Но ничего.

Он потащился обратно к дому. Частичка рассудка испуганно подталкивала Джека к тому, чтобы обойти фигуры зверей, но он

прошел по посыпанной гравием дорожке прямо мимо них. В кустах шелестел слабый ветерок — вот и все. Он все выдумал. Он здорово испугался, но это уже прошло.

В кухне «Оверлука» Джек задержался, принял пару таблеток экседрина, а потом спустился вниз и просматривал газеты, пока издалека не донесся шум гостиничного грузовичка, который тарахтел по подъездной дороге. Джек пошел встречать. Чувствовал он себя нормально. И не видел нужды рассказывать о своих галлюцинациях. Он здорово испугался, но все уже прошло.

24. СНЕГ

Смеркалось.

В тающем свете дня они стояли на крыльце — Джек в середине, левой рукой он обнимал за плечи Дэнни, а правой — Венди за талию. Они все вместе наблюдали, как альтернатива ускользает у них из рук.

В половине третьего небо сплошь затянули тучи, а часом позже пошел снег, и теперь не требовался синоптик, чтобы сказать — это не тот легкий снежок, что вскоре растает или улетит, стоит подуть вечернему ветру. Сперва снежные хлопья падали совершенно отвесно, укрывая все ровным слоем, но от начала снегопада прошел целый час, и вот с северо-запада налетел ветер, который понес снег на крыльцо и по обочинам подъездной дороги «Оверлука». Шоссе за территорией отеля исчезло под ровным белым снежным покрывалом. Исчезли и кусты живой изгороди, но, когда Венди с Дэнни добрались домой, она похвалила мужа за хорошую работу. «Вот как?» — спросил он, а больше не сказал ничего. Сейчас живая изгородь была закутана в бесформенный белый плащ.

Странное дело: думая о разном, все трое ощущали одно — облегчение. Мосты были сожжены.

— Будет когда-нибудь весна или нет? — пробормотала Венди.

Джек покрепче обнял ее.

— Не успеешь оглянуться. Как думаешь, может, пойдем в дом, поужинаем? Тут холодно.

Она улыбнулась. Джек весь день казался таким далеким и... странным, что ли. Сейчас, судя по голосу, он более или менее пришел в себя.

— По-моему, отличная мысль. Что ты на это скажешь, Дэнни?

— Ага.

Поэтому все вместе они зашли в дом, а ветер остался творить низкий пронзительный вой, который не умолкнет всю ночь — звук этот еще станет привычным для них. Хлопья снега плясали и крутились над крыльцом. «Оверлук» подставил метели фасад, как делал почти три четверти века, на слепые окна уже намело снега. Он был совершенно равнодушен к тому, что оказался отрезанным от

всего мира. А может быть, он был доволен такой перспективой. Семья Торрансов внутри раковины «Оверлука» занялась обычной вечерней рутиной — ни дать ни взять микробы, пойманные в кишечник чудовища.

25. В ДВЕСТИ СЕМНАДЦАТОМ

Через полторы недели белый искрящийся снег лежал на территории «Оверлука» ровным слоем высотой два фута. Древесный зверинец завалило по самые маковки — застывший на задних лапах кролик будто поднимался из белого водоема. Некоторые сугробы были едва ли не больше пяти футов глубиной. Ветер постоянно изменял их, вылепливал сложные формы, напоминающие дюны. Джек дважды неуклюже ходил на снегоступах к сараю за лопатой, чтобы расчистить крыльцо; на третий раз он пожал плечами, просто прокопал в выросшем перед дверью сугробе проход и дал Дэнни поразвлечься катанием со склонов справа и слева от дорожки. С запада «Оверлук» подпирали воистину титанические сугробы; некоторые возвышались на двадцать футов, а дальше лежала земля, обнажившаяся от непрекращающегося ветра до самой травы. Окна второго этажа загородил снег, и вид из окна столовой, так восхитивший Джека в день закрытия, теперь волновал не больше, чем вид пустого киноэкрана. Телефон последние восемь дней не работал, и единственной связью с внешним миром оставался приемник в конторке Уллмана.

Теперь ни один день не обходился без снегопада. Иногда падал только легкий снежок, который быстро прекращался, припудрив сверкающую снежную корку. Иногда дело принимало серьезный оборот: тихий свист ветра взлетал до пронзительного женского вопля, заставляя старый дом даже в глубокой снежной колыбели покачиваться и стонать, рождая тревогу у обитателей. Ночью не бывало теплее десяти градусов и, хотя в первой половине дня ртуть градусника у черного хода в кухню иногда добиралась до двадцати пяти, из-за постоянного, как ножом режущего, ветра появляться на улице без лыжной маски было крайне неприятно. Но в солнечные дни все они выбирались из дома, обычно натянув по два комплекта одежки и митенки поверх перчаток. Правда, крайне неохотно. Отель дважды охватывал кольцом след гибкого флаера Дэнни. Тут перестановкам не было конца: Дэнни катался — родители тащили; папа, смеясь, катался, а Венди с Дэнни тем временем пытались тащить (они запросто катали Джека по ледяной корке, но на рыхлом снегу это становилось невозможно); Дэнни катался с мамой; Венди каталась одна, а ее мужички, пыхтя белыми облачками пара, тянули, как битюги, притворяясь, будто она тяжелей, чем на самом деле. Во время таких вылазок, катаясь вокруг дома, они много смеялись, но из-за громкого, безликого, по-настоящему голодного воя ветра смех казался тоненьким и принужденным.

На снегу им попались следы карибу, а однажды они видели и их самих: пять карибу группкой неподвижно застыли за сетчатой оградой. Чтобы разглядеть их получше, все по очереди воспользовались цейсовским биноклем Джека. При взгляде на животных Венди испытала странное, нереальное чувство: олени стояли по брюхо в снегу, завалившем шоссе, и ей пришло в голову, что до весенних оттепелей дорога принадлежит не столько их троице, сколько карибу. Сейчас дела рук человеческих сошли на нет. Венди считала, что олени это понимают. Опустив бинокль, она сказала что-то вроде «не пообедать ли нам», а на кухне всплакнула, пытаясь избавиться от ужасного ощущения, что отбывает срок, которое иногда сжимало ей сердце огромной ладонью. Она подумала про ос, которых Джек под огнеупорной миской вынес на черный ход, чтоб те померзли.

В сарае с крюков свисало множество снегоступов, так что Джек каждому подобрал пару. Правда, та, что досталась Дэнни, оказалась изрядно велика. У Джека получалось хорошо. Хотя он не ходил на снегоступах с тех пор, как мальчишкой жил в нью-хэмпширском Берлине, он быстро вспомнил, как это делается. Венди снегоступы понравились не слишком — хотя бы пятнадцать минут прошлепав на подвязанных к ногам шнурками пластинах, которые были ей велики, она мучилась сильнейшими болями в икрах и голенях, но Дэнни увлекся и изо всех сил старался научиться. Он все еще частенько падал, но отец был доволен его успехами. По словам Джека, к февралю Дэнни должен был закладывать виражи вокруг обоих родителей.

День был облачным, к полудню с неба посыпался снег. По радио пообещали еще восемь-двенадцать дюймов, распевая осанну Осадкам, великому божеству местных лыжников. Сидя в спальне за вязанием шарфа, Венди про себя подумала, что точно знает, как лыжникам поступить со всем этим снегом. Куда его себе засунуть.

Джек был в подвале. Он спустился проверить топку и котел (с тех пор, как снег запер их в отеле, такие проверки превратились у него в ритуал) и, убедившись, что все в порядке, прошел под аркой, подкрутил лампочку и устроился на найденном им старом, затянутом паутиной, складном стуле. Он пролистывал старые записи и документы, постоянно обтирая губы носовым платком. Осенний загар в заточении поблек, а непокорно вздымающиеся надо лбом светлые рыжеватые волосы придавали сгорбившемуся над пожелтевшими, похрустывающими листками Джеку слегка безумный вид. Среди накладных, счетов квитанций он обнаружил засунутые к ним странные предметы. Они тревожили. Окровавленный обрывок простыни. Плюшевый мишка без лап, которого, похоже, изрезали в куски. Скомканный листок лиловой почтовой бумаги, принадлежавшей какой-то леди; сквозь мускусный запах

прошедших лет до сих пор пробивался призрачный аромат духов. Записка была написана выцветшими синими чернилами и обрывалась, неоконченная: «Томми, миленький, задуматься так серьезно, как я надеялась, мне тут не удается — в смысле, задуматься про нас с тобой, про кого же еще? Ха-ха. Что-то все время мешает. Мне снятся странные сны, про какие-то непонятные, пугающие звуки, можешь себе представить, и...» И все. Записка была датирована 27 июня 1934 года. Джек обнаружил куклу би-ба-бо, кажется, не то ведьму, не то колдуна... существо с длинными зубами в остроконечном колпачке. Куклу невероятным образом втиснули между пачкой квитанций за газ и пачкой квитанций за воду виши. А еще — меню, на обратной стороне которого черным карандашом было нацарапано что-то вроде стишка: «Мидок, здесь ли ты, радость моя? Снова во сне бродила я. Растенья шевелятся под ковром». Ни даты, ни названия стихотворения (если это было стихотворение) на меню не оказалось. Однако в строчках присутствовало некое, хотя и неуловимое, очарование. У Джека создалось впечатление, что эти предметы походят на кусочки головоломки, которые образуют единое целое, если только правильно подобрать соединяющие их промежуточные звенья. Поэтому он все искал и искал, вздрагивая каждый раз, как позади него с ревом оживала топка, и обтирая губы.

Дэнни опять стоял под дверью номера 217.

В кармане лежал ключ-универсал. Мальчик пристально смотрел на дверь с некой алчностью, притупившей все прочие чувства, плечи и грудь под фланелевой рубашкой как бы подергивались и дрожали. Дэнни тихо, немузыкально гудел себе под нос.

Ему не хотелось возвращаться сюда, особенно после пожарного шланга. То, что он пришел, пугало его. Пугало и то, что он снова взял ключ, нарушив запрет отца.

Прийти сюда *хотелось*. Любопытство

(кот от любопытства сдох, мучаясь, загнулся, но, узнавши, в чем подвох, к жизни он вернулся)

рыболовным крючком впилось в мозг, ни на миг не отпуская, наподобие дразнящего русалочьего пения, которое не унять. А разве мистер Холлоранн не сказал: «Не думаю, что здесь что-нибудь может причинить тебе вред?»

(Ты обещал.)

(Слово дают для того, чтоб нарушать.)

Тут Дэнни подскочил. Мысль, казалось, пришла извне, она жужжала, как насекомое, потихоньку сбивая с толку.

(Обещания дают, чтобы нарушать, милый мой тремс, чтобы нарушать, разрушать, разбивать вдребезги, на мелкие кусочки, дробить. В ПЕРВУЮ ОЧЕРЕДЬ!)

Нервное похмыкивание превратилось в негромкое, монотонное пение: «Лу, беги ко мне скорей, ну, скорей, мой милый».

Разве мистер Холлоранн ошибался? В конце концов, разве не

по этой причине Дэнни хранил молчание и позволил снегу запереть их здесь?

Просто зажмурься — и все исчезнет!

То, что Дэнни увидел в Президентском люксе, исчезло. А змея оказалась просто пожарным шлангом, который свалился на ковер. Да, безобидной была даже кровь в Президентском люксе — такая старая, пролитая задолго до того, как Дэнни родился или хотя бы наметился, что о ней раз и навсегда позабыли. Она напоминала фильм, который мог смотреть только Дэнни. В отеле нет ничего — в самом деле, ничего — способного причинить ему вред и, если, чтобы доказать себе это, надо зайти в этот номер, разве он не сделает этого?

Лу, беги ко мне скорей...

(кот от любопытства сдох, мучаясь, загнулся, милый мой тремс, тремс, милый мой, но, узнавши в чем подвох, к жизни он вернулся. От хвоста и до усов был котяра жив — здоров. Он узнал, что это)

(все равно, как страшные картинки, они не могут причинить вред, но, о Господи)

(бабушка, бабушка, какие у тебя большие зубки, уж не волк ли это в костюме СИНЕЙ БОРОДЫ, а может, СИНЯЯ БОРОДА в костюме волка, а я так)

(рад, что ты спросил, ведь кот от любопытства сдох, мучаясь, загнулся, и только НАДЕЖДА на то, что удастся узнать, в чем подвох, вернула его)

в коридор, синий ковер с извивающимися джунглями глушил шаги. Возле огнетушителя Дэнни остановился, сунул латунный наконечник назад в раму, а потом с колотящимся сердцем принялся тыкать в него пальцем, шепча: «Ну, давай, укуси. Ну, укуси, укуси, хрен дешевый. Не можешь, да? А? Ты просто пожарный шланг, дешевка. Только и можешь, что лежать тут. Ну, давай, давай!» Он почувствовал, как теряет рассудок от подобной бравады. Но ничего не произошло. В общем-то, это был всего лишь шланг — полотно да латунь; можно раздирать его на кусочки, а он и не пикнет, не начнет извиваться и дергаться, пуская на синий ковер зеленую слизь — это же просто огнетушитель, не ужасный Джек-Потрошитель и уж, конечно, не змей-душитель... и Дэнни заспешил дальше, потому что был

(«Опаздываю, ах, как я опаздываю»,— сказал белый кролик)

белым кроликом. Да. Теперь во дворе рядом с детской площадкой сидел белый кролик — некогда он был зеленым, но сейчас побелел, словно ветреными, снежными ночами что-то раз за разом до смерти пугало его, и он состарился...

Дэнни вытащил из кармана ключ и вставил его в замок.

«Лу, Лу...»

(белый кролик спешил на крокет, на крокет к Черной Королеве, фламинго — молотки, ежи — мячики)

Он дотронулся до ключа, рассеянно ощупывая его пальцами. Голова кружилась, во рту пересохло. Он повернул ключ, и замок с глухим щелчком открылся, как по маслу.

(ГОЛОВУ ЕМУ С ПЛЕЧ! ГОЛОВУ ЕМУ С ПЛЕЧ! ГОЛОВУ ЕМУ С ПЛЕЧ!)

(хотя эта игра — не крокет, у молотков слишком короткие ручки, эта игра)

(БА-БАХ! Прямо в воротца!)

(ГОЛОВУ ЕМУ С ПЛЕЕЕЕЕЕЧ...)

Дэнни толкнул дверь, и та открылась. Открылась бесшумно, не скрипнув. Он стоял у самого порога комнаты, которая была сразу и спальней, и гостиной. Хотя снег досюда пока не добрался (самые высокие сугробы еще на целый фут доставали до окон третьего этажа) в комнате было темно, потому что две недели назад папа закрыл все окна в западном крыле ставнями.

Он встал в дверном проеме, пошарил по стене справа и нащупал выключатель. Под потолком зажглись две лампочки в фигурных стеклянных колпаках. Сделав еще один шаг вглубь комнаты, Дэнни огляделся. Мягкий ворсистый ковер приятного розового цвета. Успокаивающего. Двуспальная кровать под белым покрывалом. Конторка

(Извольте отвечать: чем ворон похож на конторку?)

возле большого, закрытого ставнями окна. Во время сезона какому-нибудь Заядлому Бумагомараке

(здорово до ужаса, жаль, вас нет)

открывался прекрасный вид на горы, можно было написать про него домой, родне.

Мальчик сделал еще шаг от двери. Там ничего не было — вообще ничего. Просто пустая комната, холодная потому, что сегодня папа топил в восточном крыле. Письменный стол. Шкаф, раскрытая дверца которого являла ряд казенных вешалок того типа, что не украдешь. На столике — Библия Гидеоновского издания. Слева от Дэнни находилась дверь в ванную, закрытая большим, в полный рост, зеркалом. В зеркале отражался он сам с побелевшим лицом. Дверь была приоткрыта й...

Дэнни увидел, как его двойник медленно кивает.

Да. Что бы это ни было, оно было там. Внутри. В ванной. Двойник Дэнни двинулся вперед, словно собираясь покинуть зеркало. Он поднял руки и прижал их к ладоням Дэнни. Потом, когда дверь ванной распахнулась настежь, он откачнулся вниз и вбок. Дэнни заглянул внутрь.

Продолговатая, несовременная, похожая на пульмановский вагон комната. Пол выложен крошечными кафельными шестиугольниками. В дальнем конце — унитаз с поднятой крышкой. Справа — раковина, а над ней еще одно зеркало, из тех, за которыми обычно скрывается аптечка. Слева — громадная ванна на

львиных лапах, занавеска душа задернута. Дэнни переступил порог и, как во сне, пошел к ванне — им словно бы двигало что-то извне, как в одном из тех снов, которые приносил Тони, а значит, отдернув занавеску, он может увидеть что-нибудь приятное: что-нибудь, потерянное папой или забытое мамой, такое, что обрадует их обоих...

И мальчик отдернул занавеску.

Женщина в ванне была мертва уже не первый день. Она вся покрылась пятнами, полиловела, раздутый газами живот выпирал из холодной, окаймленной льдинками, воды, как остров плоти. Блестящие, большие, похожие на мраморные шарики глаза, вперились в Дэнни. Лиловые губы растянула ухмылка, больше напоминающая гримасу. Груди покачивались на воде. Волосы на лобке плыли. Руки неподвижно вцепились в насечки на краях фарфоровой ванны, как крабьи клешни.

Дэнни завизжал. Однако с губ не сорвалось ни звука, визг рванулся обратно, прочь и канул во тьме его нутра, как камень в колодце. Сделав один-единственный неверный шажок назад, Дэнни услышал, как звонко защелкали по белым кафельным шестиугольникам каблуки, и в тот же момент обмочился.

Женщина садилась.

Она садилась, продолжая ухмыляться, не сводя с него тяжелого каменного взгляда. Мертвые руки скребли фарфор. Груди колыхались, как старые-престарые боксерские груши. Тихонько треснул ломающийся лед. Она не дышала. Уже много лет это был труп.

Дэнни развернулся и побежал. Он стрелой вылетел из двери ванной, глаза выскакивали из орбит, волосы встали дыбом, как у ежа, который приготовился свернуться клубком

(для крокета? для роке?)

мячиком, который будет принесен в жертву; разинутый рот не исторгал ни звука. Мальчик полным ходом подлетел к выходной двери номера 217, но та оказалась закрыта. Он забарабанил по ней, совершенно не соображая, что дверь не заперта, и достаточно просто повернуть ручку, чтобы выбраться наружу. Изо рта Дэнни неслись оглушительные вопли, но уловить их человеческим ухом было невозможно. Он мог лишь барабанить в дверь и прислушиваться, как покойница подбирается к нему — пятнистый живот, сухие волосы, протянутые руки — нечто, волшебным образом забальзамированное и пролежавшее здесь, в ванне, мертвым, наверное, не один год.

Дверь не откроется, нет, нет, нет.

А потом донесся голос Дика Холлоранна, так внезапно и неожиданно и такой спокойный, что перехваченные голосовые связки малыша отпустило, и он тихонько заплакал — не от страха, а от благословенного облегчения.

(Не думаю, что оно может причинить тебе вред... как картинки в книжке... закрой глаза, оно исчезнет).

Ресницы Дэнни сомкнулись. Руки сжались в кулачки. Силясь сосредоточиться, он ссутулился.

(Здесь ничего нет, здесь ничего нет, вообще ничего нет, ЗДЕСЬ НИЧЕГО НЕТ, НЕТ ТУТ НИЧЕГО!)

Время шло. И только мальчик начал расслабляться, только начал понимать, что дверь, должно быть, не заперта и можно выйти, как вечно сырые, покрытые пятнами, воняющие рыбой руки мягко сомкнулись на его шее, неумолимо разворачивая, чтобы Дэнни взглянул в мертвое, лиловое лицо.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
«В снежном плену»

26. КРАЙ СНОВИДЕНИЙ

От вязания ей захотелось спать. Спать ее потянуло бы в сон даже от Бартока, но из маленького проигрывателя лился не Барток, а Бах. Ее пальцы двигались все медленнее, медленнее, и к тому времени, как сын приступил к знакомству с давней обитательницей номера 217, Венди уснула, уронив вязание на колени. Пряжа и спицы медленно колыхались в такт дыханию. Сон Венди был глубоким, без видений.

Джек Торранс тоже уснул, но его сон был легким, беспокойным, населенным видениями, которые казались слишком яркими для того, чтобы быть просто снами. Несомненно, таких живых снов Джек никогда не видел.

Пока Джек пролистывал пачки счетов на молоко — а их, сложенных по сто, было, похоже, несколько десятков тысяч,— голова его отяжелела. И все же он бегло просмотрел все листки до единого, опасаясь, что, если будет небрежен, то упустит именно ту часть «оверлукианы», без которой не создать некую мистическую связь — ведь Джек был уверен, что это недостающее звено где-то здесь. Он ощущал себя человеком, который в одной руке держит провод, шнур питания, а другой шарит по чужой темной комнате в поисках розетки. Если он сумеет отыскать ее, то будет вознагражден чудесным зрелищем.

Джек объявил войну звонку Эла Шокли и его требованиям. В этом ему помог странный случай на детской площадке. Случай этот слишком напоминал нечто вроде нервного срыва, и Джек не сомневался — так его рассудок восстал против высокомерного требования Эла Шокли, будь он проклят, забыть о замысле написать книгу. Не исключено, что это означало, до какой степени нужно задавить в Джеке уважение к себе, чтоб оно исчезло окончательно. Книгу он напишет. Если это подразумевает разрыв с Элом Шокли, ничего не поделаешь. Он напишет историю отеля — напишет честно, без недомолвок, а прологом станет его галлюцинация: движущиеся кусты живой изгороди, подстриженные в форме зверей. Название будет не вдохновенным, но приносящим прибыль: «СТАРЫЙ КУРОРТ. ИСТОРИЯ ОТЕЛЯ "ОВЕРЛУК"» Без недомолвок, да, но и без мстительности, без попыток взять реванш над Элом или Стюартом Уллманом или Джорджем Хэтфилдом или отцом (жалкий хулиган и пьяница, вот кто он был), или, раз уж речь зашла об этом, еще над кем-нибудь. Он напишет эту книгу, поскольку «Оверлук» приворожил его —

возможно ли более простое и правдивое объяснение? Он напишет ее по той самой причине, по которой писались все великие книги, и художественные, и публицистика: истина всегда выходит на свет божий, в итоге она всегда выясняется. Он напишет эту книгу, поскольку чувствует: это его долг.

Пятьсот галл. цельного молока. Сто галл. сливок. Оплач. Счет отослан в банк. Триста пинт апельсинового сока. Оплач.

Не выпуская из рук пачки квитанций, Джек немного осел на стуле. Но он уже не видел, что там напечатано. Зрение утратило четкость. Веки отяжелели. От «Оверлука» мысли скользнули к отцу, тот служил санитаром в берлинской общественной больнице. Крупный мужчина. Этот толстяк возвышался на шесть футов и два дюйма, и Джек так с ним и не сравнялся — когда, достигнув шести футов, он перестал расти, старика уже не было в живых. «Коротышка поганый»,— говорил он, награждая Джека любящим шлепком и разражался смехом. Было еще два брата, оба выше отца, и Бекки — та в неполных шесть лет была ниже Джека всего на два дюйма, и почти все время, что они были детьми, даже выше него.

Отношения Джека с отцом напоминали медленно разворачивающийся, обещающий стать прекрасным, цветок. Однако, когда бутон полностью раскрылся, оказалось, что изнутри цветок сгнил. Несмотря на шлепки, синяки, иногда — фонари под глазом, Джек сильно, не критикуя, любил этого высокого пузатого мужчину. Пока не отпраздновал свой седьмой день рождения.

Он не забыл бархатные летние ночи — притихший дом, старший брат, Бретт, гуляет со своей девушкой, средний — Майкл, что-то зубрит, Бекки с мамой в гостиной смотрят старенький капризный телевизор, а сам он сидит в холле, притворяясь, что играет с машинками, на самом деле поджидая ту минуту, когда тишину нарушит стук распахнувшейся двери и отец, заметив поджидающего его Джекки, зычно приветствует мальчика. Собственный счастливый вопль в ответ, здоровяк идет по коридору, в свете лампы сквозь стрижку-«ежик» сияет розовая кожа. Из-за больничной белой униформы — вечно расстегнутая, иногда измазанная кровью куртка, отвороты брюк ниспадают на черные башмаки — при таком освещении отец всегда казался мягким колеблющимся огромным признаком.

Он подхватывал Джекки на руки, и тот взлетал кверху с такой горячечной скоростью, что просто чувствовал, как воздух свинцовым колпаком давит на голову. Выше, выше, оба кричали: «Лифт! Лифт!» Бывали вечера, когда пьяный отец не успевал железными руками вовремя остановить подъем, тогда Джекки живым снарядом перелетал через плоскую отцовскую макушку и с грохотом приземлялся на пол позади папаши. Но бывало и по-другому — заходящийся смехом Джекки взлетал туда, где воздух подле отцовского лица был насыщен сырым туманом пивного перегара, и там мальчика трясли, переворачивали, гнули, как хо-

хочущий тряпичный сверток, чтобы в конце концов поставить на ноги.

Выскользнув из расслабленных пальцев, квитанции, медленно покачиваясь, поплыли вниз, чтоб лениво приземлиться на пол. Сомкнутые веки, на изнанке которых вырисовывалось объемное изображение отцовского лица, чуть приоткрылись — и опустились вновь. Джек легонько вздрогнул. Его сознание плыло вниз, как эти квитанции, как листья осины в листопад.

Такова была первая фаза его отношений с отцом. Она закончилась, когда Джек понял, что и Бекки, и братья — все старше него — ненавидят Торранса-старшего, а мать, неприметная женщина, которая редко говорила в полный голос и все бормотала себе под нос, терпит мужа только потому, что ее католическое воспитание подсказывает: это твой долг. В те дни Джеку не казалось странным, что все свои споры с детьми отец выигрывает кулаками — так же, как не казалось странным, что любовь к отцу идет рука об руку со страхом: Джек боялся игры в «лифт», которая в любой вечер могла кончиться тем, что он упадет и разобьется; он боялся, что грубоватый, но добрый настрой отца по выходным вдруг сменится зычным кабаньим ревом и ударами «моей старушки правой»; а иногда, вспомнил Джек, он боялся даже того, что во время игры на него упадет отцовская тень. К концу этой фазы он начал замечать, что Бретт никогда не приводит домой своих подружек, а Майк с Бекки — приятелей.

К девяти годам любовь начала скисать, как молоко — тогда трость папаши уложила мать в больницу. С тростью он начал ходить годом раньше, став хромым после автомобильной аварии. С тех пор он никогда с ней не расставался — с длинной черной толстой палкой с золотым набалдашником. Тело дремлющего Джека дернулось и съежилось от раболепного страха — оно не забыло смертоносный свист, с которым трость рассекала воздух, и треск, когда она тяжело врезалась в стену... или живую плоть. Мать старик избил ни за что ни про что, внезапно и без предупреждения. Они ужинали. Трость стояла возле отцовского стула. Был воскресный вечер, конец папиного трехдневного уикэнда. Все выходные он, в своей неподражаемой манере, пропьянствовал. Жареный цыпленок. Бобы. Картофельное пюре. Мать передавала блюда. Папа во главе стола дремал — или готов был задремать — над полной до краев тарелкой. И вдруг он полностью стряхнул сон, в глубоко посаженных, заплывших жиром глазах сверкнуло какое-то тупое, злобное раздражение. Взгляд перескакивал с одного домочадца на другого, на лбу вздулась жила — что всегда было плохим признаком. Большая веснушчатая ладонь опустилась на золоченый набалдашник трости, лаская ее. Отец сказал что-то про кофе — Джек до сего дня не сомневался, что отец сказал «кофе». Мама открыла рот, чтобы ответить, и тут палка со свистом рассекла воздух, врезавшись ей в лицо. Из носа брызнула кровь. Бекки завизжала. Мамины очки свалились в жаркое. Палка

взвилась вверх и снова опустилась, на этот раз она рассекла кожу на макушке. Мама упала на пол. Покинув свое место, отец пошел вокруг стола туда, где на ковре, оглушенная, лежала мать. Двигаясь с присущей толстякам гротескной быстротой и проворством, он размахивал палкой. Глазки сверкали. Когда он заговорил с женой теми же словами, какими обращался к детям во время подобных вспышек, челюсть у него дрожала: «Ну. Ну, клянусь Господом. Сейчас ты получишь, что заслужила. Проклятая тварь. Отродье. Ну-ка, получи свое». Палка поднялась и опустилась еще семь раз, и только потом Бретт с Майком схватили его, оттащили, вырвали из рук палку. Джек

(Джекки-малыш, он теперь стал малышом Джекки, вот сейчас — задремав на облепленном паутиной складном стуле, бормоча, а топка за спиной ревела)

точно знал, сколько раз отец ударил, потому что каждое мягкое «бум!» по телу матери врезалось в его память, как выбитое на камне зубилом. Семь «бум». Ни больше, ни меньше. Мамины очки лежали в картофельном пюре. Одно стекло треснуло и испачкалось в жарком. Глядя на это, не в силах поверить, они с Бекки расплакались. Бретт из коридора орал отцу, что шевельнись тот, и он убьет его. А папа вновь и вновь повторял: «Проклятая тварь. Проклятое отродье. Отдай трость, проклятый щенок. Дай мне ее». Бретт в истерике размахивал палкой и приговаривал: «Да, да, сейчас я тебе дам, только шевельнись, я тебе дам и еще пару раз добавлю, ох, *и надаю* же я тебе». Мама, шатаясь, медленно поднялась на ноги, лицо уже распухало, раздувалось, как перекачанная старая шина, из четырех или пяти ссадин шла кровь, и она сказала ужасную вещь — из всего, что мать когда-либо говорила, Джек запомнил слово в слово только это: «У кого газеты? Папа хочет посмотреть комиксы. Что, дождь еще идет?» Потом она снова опустилась на колени, на окровавленное, распухшее лицо свисали волосы. Майк звонил врачу, что-то бормоча в трубку. Нельзя ли приехать немедленно? Мама. Нет, он не может сказать, в чем дело. Не по телефону. Это не телефонный разговор. Просто *приезжайте*. Доктор приехал и забрал маму в больницу, где папа проработал всю свою взрослую жизнь. Папа, отчасти протрезвев (а может, это была тупая хитрость, как у любого загнанного в угол зверя), сказал врачу, что мать упала с лестницы. Кровь на скатерти... он же пытался обтереть ее милое личико. «И что, очки пролетели через всю гостиную в столовую, чтоб совершить посадку в жаркое с пюре?» — спросил доктор с ужасающим, издевательским сарказмом. — «Так было дело, Марк? Я слыхал о ребятах, которые золотыми зубами ловили радиостанции и видел мужика, который получил пулю между глаз, но сумел выжить и рассказывал об этом, но такое для меня новость». Папа просто потряс головой — черт его знает, должно быть, очки свалились, когда он нес ее через столовую. Дети молчали, ошеломленные огромностью этой хладнокровной лжи. Четыре дня спустя Бретт бросил

работу на лесопилке и пошел в армию. Джек всегда чувствовал: дело было не только во внезапной и необъяснимой трепке, которую отец устроил за ужином, но и в том, что в больнице, держа руку местного священника, мать подтвердила отцовскую сказочку. Исполнившись отвращения, Бретт покинул их на милость того, что еще могло случиться. Его убили в провинции Донг Хо в шестьдесят пятом, когда старшекурсник Джек Торранс примкнул к активной студенческой агитации за окончание войны. На митингах, которые посещало все больше народу, он размахивал окровавленной рубашкой брата, но, когда говорил, перед глазами стояло не лицо Бретта, а лицо матери — изумленное, непонимающее лицо,— и звучал ее голос: «У кого газеты?»

Через три года, когда Джеку исполнилось двенадцать, сбежал Майк — он отправился в нью-хэмпширский университет и получил немалую стипендию Мерита. Годом позже отец умер от внезапного обширного удара, настигшего его, когда он готовил пациента к операции. Он рухнул на пол в развевающемся, незастегнутом белом халате и умер, наверное, еще до того, как ударился о черно-красный казенный больничный кафель. Через три дня человек, властвовавший над жизнью Джекки, необъяснимый белый Бог-Призрак, оказался под землей.

К надписи на плите, «*Марк Энтони Торранс, любящий отец*» Джек добавил бы еще одну строчку: «*Он знал, как играть в "лифт"*»

Они получили очень большую страховку. Есть люди, собирающие страховые полисы не менее увлеченно, чем прочие — монеты или марки; к ним-то и относился Марк Торранс. Деньги за страховку пришли как раз тогда, когда закончились ежемесячные полицейские штрафы и счета на спиртное. Пять лет они были богаты. Почти богаты...

В неглубоком, беспокойном сне перед Джеком, как в зеркале, возникло собственное лицо — свое и не свое: широко раскрытые глаза и невинно изогнутый рот мальчика, который сидит со своими машинками в холле и ждет папу, ждет белого призрачного бога, ждет, чтобы взлететь на лифте с головокружительной, веселящей скоростью в солоноватый, пахнущий опилками туман — дыхание бара, ждет, может статься, что лифт рухнет вниз и из ушей посыплются старые колесики и пружинки, а папа будет реветь от смеха, и это лицо

(превратилось в лицо Дэнни, так похожее на его, прежнее, только у него были светло-голубые глаза, а у Дэнни они туманно-серые, но изгиб губ такой же и волосы светлые, Дэнни в его кабинете, на нем спортивные трусики, а бумаги все промокли, от них поднимается приятный слабый запах пива... поднимающееся на крыльях дрожжей возбуждение, страшное желание ударить, причинить боль... дыхание бара... треск кости... собственный голос, пьяно причитающий: *Дэнни, ты в порядке, док?... Ах ты, Боже мой, бедная ручка...* и это лицо превратилось в)

(мамино изумленное лицо, избитое, окровавленное, оно появилось из-под стола, мама говорила)

(«...от вашего отца. Повторяю, чрезвычайно важное сообщение от вашего отца. Пожалуйста, не меняйте настройку или немедленно настройтесь на частоту Счастливого Джека, повторяю, немедленно настройтесь на частоту Счастливого Часа. Повторяю...»)

Медленное растворение. Бестелесные голоса доносились к нему, как эхо, гуляющее по бесконечному туманному коридору.

(Все время что-то мешает, Томми, миленький...)

(Мидок, здесь ли ты, радость моя? Снова во сне бродила я. Бесчеловечных чудовищ боюсь...)

(Извините, мистер Уллман, но разве это не...)

...контора — полки для скоросшивателей, большой письменный стол Уллмана, чистая книга для регистрации забронированных номеров на следующий год уже на месте — ничего-то он не упустит, этот Уллман — все ключи аккуратно висят на гвоздиках

(кроме одного, какого? которого? универсала, универсала, универсала, у кого ключ-универсал? если мы поднимемся наверх, возможно, станет ясно)

и большой трансивер на полке.

Джек со щелчком включил его. Сквозь потрескивание короткими всплесками прорывалось вещание Американской радиокомпании. Он переключил волну и порыскал среди обрывков музыки, новостей, разглагольствований проповедника перед тихонько постанывающей паствой, сводок погоды. Вот и другой голос. Джек вернулся к нему. Это был голос его отца.

«...убить его. Тебе придется убить его, Джекки, и ее тоже. Ведь настоящий художник должен страдать. Ведь каждый убивает тех, кого любит. Они же всегда будут что-то замышлять против тебя, будут пытаться мешать тебе, тащить на дно. В эту самую минуту твой мальчишка там, где ему вовсе не место. Куда посторонним вход воспрещен. Вот оно как. Проклятый щенок. Отлупи его палкой, Джекки, мальчик мой, отходи его так, чтоб выбить из него дух вон. Пропусти стаканчик, Джекки, и мы поиграем в лифт. А потом я пойду с тобой, и он получит по заслугам. Я знаю, ты сможешь. Конечно, сможешь. Ты должен убить его. Тебе придется убить его, Джекки, и ее тоже. Потому что настоящий художник должен страдать. Потому, что каждый...»

Голос отца звучал все выше и выше, становясь нечеловеческим, сводящим с ума, превращаясь в нечто пронзительное, назойливое, выводящее из терпения — превращаясь в голос божества-призрака, божества-свиньи; он несся из приемника прямо в лицо Джеку и

— *Нет!* — завопил он в ответ. — *Ты умер,* ты лежишь в своей *могиле*, тебя во мне нет, нет! — Ведь Джек вытравил из себя отца до капли, и то, что тот вернулся, прополз те две тысячи миль, ко-

торые отделяли отель от городка в Новой Англии, где отец жил и умер, было несправедливо, неправильно.

Он занес радио над головой и швырнул вниз. Приемник вдребезги разлетелся на полу, усеяв его старыми колесиками и лампами, словно какой-то безумец играл в лифт *и* вдруг игра пошла вкривь и вкось, от этого голос отца исчез, остался только его собственный голос, голос Джека, голос Джекки, который твердил в холодной реальности конторы:

— *...умер, ты умер, ты умер!*

Потом сверху донесся испуганный топот Венди и ее изумленный, полный страха голос:

— Джек? *Джек!*

Он стоял, моргая над разбитым приемником. Теперь для связи с внешним миром остался только снегоход в сарае. Он закрыл лицо руками, сжал виски. Ну вот, заработал себе дополнительную головную боль.

27. КАТАТОНИЯ

Промчавшись по коридору в одних чулках, Венди сбежала с лестницы в вестибюль, прыгая через две ступеньки. На покрытый ковром пролет, ведущий на третий этаж, она не взглянула. А если бы взглянула, то заметила бы: на верхней ступеньке, сунув палец в рот, неподвижно и молча стоит Дэнни. На шее и под самым подбородком вспухли синяки.

Крики Джека прекратились, но страх Венди от этого не ослаб. Вырванная из сна голосом Джека, звучавшим на прежней, высокой, оскорбительной ноте, которую Венди так хорошо помнила, она все еще думала, что спит, а другой частью рассудка понимала, что проснулась, и это пугало ее куда сильнее. Венди на пятьдесят процентов не сомневалась, что, ворвавшись в контору, обнаружит пьяного Джека, смущенно стоящего над распростертым телом Дэнни.

Она влетела в двери. Джек стоял там, растирая виски. Лицо было белым, как у привидения. У ног россыпью битого стекла лежал их приемник.

— Венди? — неуверенно спросил он. — Венди?

Похоже, недоумение усилилось, и на миг Венди увидела его настоящее лицо — лицо, которое обычно Джек так хорошо скрывал. Это было лицо отчаянно несчастного человека, пойманного в ловушку зверя, которому не под силу разобраться в ситуации и сдаться без потерь. Потом заработали мышцы: они шевелились под кожей, рот безвольно дрожал, адамово яблоко подымалось и опадало.

Смущение и удивление Венди отступили перед потрясением: Джек готов был расплакаться. Ей приходилось видеть его плачущим, но с тех пор, как он бросил пить, — ни разу... да и в те дни он плакал, только надравшись до положения риз и исполнившись па-

тетической жалости к себе. Он был жестким парнем, натянутым, как кожа на барабане, и такая потеря контроля над собой опять перепугала ее.

Он приблизился. На нижних веках уже набрякли слезы, голова непроизвольно тряслась, словно тщетно пыталась прогнать эту бурю чувств, грудь поднимали судорожные вздохи, слившиеся в мощный, мучительный всхлип. Ноги, обутые в тапочки, споткнулись об останки радио, и Джек буквально упал жене в объятия, та даже отшатнулась под тяжестью его тела. Ее обдало дыхание мужа, но спиртным не пахло. Конечно, не пахло — здесь нет никакой выпивки.

— Что случилось? — Она удерживала его, как могла. — Джек, что это?

Сперва ему удалось только всхлипнуть. Он жался к жене хватаясь за нее так, что ей стало нечем дышать; прижимаясь лицом к плечу Венди, он тряс и мотал головой — беспомощно, будто что-то отгоняя. Тяжелые всхлипы было трудно унять. Джека всего трясло, под джинсами и рубашкой подергивались мышцы.

— Джек? Что? Скажи мне, что случилось?

Наконец, всхлипы начали превращаться в слова — сперва в основном невнятные, однако, стоило потечь слезам, как речь стала яснее.

«... сон, по-моему, это был сон, но он был таким всамделишным, я... это моя мать сказала, что по радио будет выступать папа, и я... не знаю... он... он велел мне... не знаю... он *орал* на меня... поэтому я разбил приемник... чтоб он заткнулся. Чтоб заткнулся. Он умер. Не хочу его видеть даже во сне. Господи, Венди, он умер. У меня такой кошмар первый раз в жизни. Больше не хочу. Иисусе! Это было ужасно».

— Ты что, просто уснул в конторе?

— Нет... не здесь. Внизу.

Теперь он немного распрямился, прекратив давить на Венди своей тяжестью, а непрерывное движение головы взад-вперед сначала замедлилось, а потом прекратилось.

— Я там просматривал старые бумаги. Стул туда принес, сел. Счета на молоко. Скучная штука. Я, наверное, просто задремал. И тут мне приснился сон. Должно быть, я пришел сюда во сне. — Он издал тихий, дрожащий смешок прямо ей в шею. — Тоже впервые в жизни.

— Где Дэнни, Джек?

— Не знаю. А он что, не с тобой?

— Он не ходил... с тобой вниз?

Оглянувшись, Джек прочел в лице жены такое, что его собственное лицо напряглось.

— Ты никогда не позволишь мне забыть про это, а, Венди?

— Джек...

— Когда я буду лежать на смертном одре, ты склонишься на-

до мной и скажешь: «Так тебе и надо — помнишь, как ты сломал Дэнни руку?»

— Джек!

— Что — Джек? — горячо спросил он и вскочил на ноги.— Скажешь, ты так не думаешь? Что я поднял на него руку? Что я однажды уже поднял руку на Дэнни и могу это сделать снова?

— Я хочу знать, где он, вот и все!

— Ну давай, оборись, чтоб твоя хренова башка отвалилась, тогда все будет в порядке, правда?

Она повернулась и вышла из комнаты.

На миг Джек оцепенел с облепленной кусочками битого стекла промокашкой в руке и глядел, как Венди уходит. Потом он кинул промокашку в корзинку для мусора, пошел следом и догнал жену возле стойки администратора в вестибюле. Положив руки ей на плечи, он развернул Венди к себе. Застывшее, настороженное лицо.

— Венди, прости. Расстроился из-за этого сна... Прощаешь?

— Конечно,— сказала Венди, не изменив выражения лица. Одеревеневшие плечи выскользнули у Джека из рук. Она вышла на середину вестибюля и крикнула:

— *Эй, док! Ты где?*

Ответом было молчание. Она прошла к двустворчатой парадной двери, открыла одну створку и вышла на расчищенную Джеком дорожку. Дорожка больше напоминала окоп — утрамбованные сугробы, в которых Джек проложил ее, вместе с тем, что нападало сверху, доходили Венди до плеч. Выдыхая белые облачка пара, она еще раз позвала сына. Когда она вернулась в дом, вид у нее сделался испуганный.

Справляясь с вызванным Венди раздражением, Джек рассудительно сказал:

— Ты *уверена*, что он не спит у себя в комнате?

— Говорю тебе, он где-то играл, пока я вязала. Я слышала его внизу.

— Ты что, уснула?

— А при чем тут это? Да. *Дэнни*?

— Когда ты сейчас спускалась вниз, ты заглянула к нему в комнату?

— Я...— Она замолчала.

Он кивнул.

— Так я и думал.

Не дожидаясь Венди, Джек начал подниматься по лестнице. Она последовала за ним чуть ли не бегом, но он прыгал через две ступеньки. Когда он как вкопанный затормозил на площадке второго этажа, Венди чуть не врезалась ему в спину. Он прирос к месту, глядя наверх широко открытыми глазами.

— Что?..— начала она и проследила его взгляд.

Дэнни все еще стоял там и сосал палец. Глаза были пустыми.

Свет установленных в холле электрических светильников безжалостно демонстрировал отметины на горле.

— *Дэнни!* — взвизгнула она.

Крик нарушил паралич Джека, и они вместе ринулись вверх по ступенькам, туда, где стоял сын. Упав перед мальчиком на колени, Венди обхватила его. Дэнни достаточно податливо подчинился, но не обнял ее в ответ. Будто она держала в объятиях набитую войлоком куклу, отчего во рту сразу же появился сладковатый привкус страха. Он сосал палец, равнодушно тараща глаза на колодец лестничного пролета за их спинами, и все.

— Дэнни, что случилось? — спросил Джек. Он потянулся, чтобы потрогать шею Дэнни там, где она распухла. — Кто это с тобой сде...

— *Не смей его трогать!* — прошипела Венди. Она сжала Дэнни в объятиях, подхватила на руки и отступила на полпролета вниз, так, что сбитый с толку Джек успел лишь выпрямиться.

— Что? Венди, какого черта ты...

— Не смей его трогать! Я убью тебя, если ты еще хоть раз протянешь к нему лапы!

— Венди...

— Ублюдок!

Она повернулась и сбежала вниз по лестнице на второй этаж. При этом голова Дэнни мягко покачивалась вверх-вниз. Большой палец надежно покоился во рту. Глаза напоминали затянутые мыльной пленкой окна. У подножия ступенек Венди свернула направо, и Джек услышал, как ее шаги удалились в конец коридора. Хлопнула дверь их спальни. Задвинулся засов. Защелкнулся замок. Короткая тишина. Потом тихие, невнятные причитания.

Неизвестно, как долго Джек стоял там, буквально парализованный всем, что случилось за столь короткий отрезок времени. Сон еще не оставил его, придавая всему легкий оттенок нереальности, будто Джек хлебнул мескаля. Может, Венди права, он сделал Дэнни больно? Попробовал задушить сына по требованию покойного отца? Нет. Никогда он не тронет Дэнни.

(Она упала с лестницы, доктор)

Теперь он в жизни не тронет Дэнни.

(Откуда мне было знать, что дымовая шашка бракованная?)

Никогда в жизни Джек не был намеренно жесток... трезвый.

(Не считая случая, когда ты чуть не убил Джорджа Хэтфилда)

— Нет! — выкрикнул в темноту. И с силой обрушил кулаки на ляжки — еще, и еще, и еще.

Венди сидела на слишком туго набитом стуле у окна. Она держала Дэнни на коленях, обнимая его, бормоча те старые как мир бессмысленные слова, что потом никак не можешь вспомнить — неважно, как обернулось дело. Он безвольно опустился к ней на колени, не выразив ни радости, ни протеста, будто был бумажной

куклой, повторявшей его силуэт. Когда где-то в холле Джек выкрикнул: «Нет!», Дэнни даже не взглянул на дверь.

Путаница в мыслях у Венди немного улеглась, но за ней обнаружилось кое-что похуже. Паника.

Несомненно, это дело рук Джека. Отрицания мужа ничего не значили для Венди. Ей казалось вполне вероятным, что Джек во сне пытался придушить Дэнни — так же, как разбил во сне приемник. У него какой-то нервный срыв. Но что предпринять? Невозможно до бесконечности сидеть тут взаперти. Им нужна будет еда.

В действительности вопрос стоял только один — его-то и задавал полный холодности и прагматизма внутренний голос Венди, голос ее материнства, который, будучи направлен из замкнутого круга мать-дитя вовне, к Джеку, превратился в холодный и бесстрастный. Он спрашивал:

(Насколько он опасен?)

Джек отрицал, что это его работа. Синяки и тихая неумолимая отъединенность Дэнни от окружающего привели его в ужас. Если это сделал он, ответственность лежала на некой обособленной части его «я». То, что Джек сделал это во сне ужасным, извращенным образом, ободряло. Возможно, ему можно доверить вывезти их отсюда? Увезти на равнину, подальше от гор... После чего...

Но дальше благополучного прибытия их с Дэнни к доктору Эдмондсу в Сайдвиндер она не умела заглянуть. Правда, особой нужды в этом не было. Текущего кризиса было вполне достаточно, чтоб Венди не могла отвлечься.

Она причитала над Дэнни, укачивая его на груди. Касавшиеся рубашки малыша пальцы отметили, что она сырая, однако в мозг Венди поступило лишь беглое сообщение. Поступи информация в полном объеме, Венди могла бы припомнить, что, когда Джек обхватил ее в конторе, всхлипывая ей в шею, руки у него были сухими. Это могло бы дать ей передышку. Но ее мысли по-прежнему занимало совсем иное. Следовало принять решение — можно подходить к Джеку или нет?

На самом деле это было не бог весть какое решение. В одиночку Венди ничего не могла сделать — даже перенести Дэнни вниз, в контору, чтоб вызвать помощь по радио. Мальчик пережил сильнейший шок. Его следует побыстрее увезти отсюда, пока не причинен непоправимый вред. Она отказывалась поверить, что непоправимое уже могло случиться.

Все же Венди мучилась над этим вопросом, судорожно выискивая альтернативы. Ей не хотелось, чтобы Дэнни опять попал в пределы досягаемости Джека. Теперь Венди сознавала, что уже приняла одно неверное решение, не послушавшись ни своих ощущений, ни ощущений Дэнни. Она позволила снегу запереть их тут... ради Джека. Следующее неудачное решение она приняла, когда отложила развод. Мысль, что она может опять ошибиться,

да так, что всю оставшуюся жизнь будет ежедневно, ежеминутно жалеть об этом, почти парализовала ее.

Ничего огнестрельного тут не было. В кухне с магнитных планок свисали ножи, но между ними и Венди стоял Джек.

В попытках принять верное решение, найти альтернативу, ей не пришло в голову, как горько ироничны эти мысли: час назад она заснула с твердым убеждением, что все нормально и скоро станет еще лучше. Теперь же она рассматривала возможность использовать мясницкий нож против собственного мужа, если тот попытается вмешаться в их с сыном дела.

Наконец, с Дэнни на руках, она встала. Ноги дрожали. Выход был один. Придется смириться с тем, что Джек бодрствующий — это нормальный Джек, который поможет увезти Дэнни в Сайдвиндер, к доктору Эдмондсу. А если Джек попытается *не только* помочь, Господи, помоги *ему*.

Венди подошла к двери и отперла ее. Подвинув Дэнни повыше на плечо, она открыла дверь и вышла в коридор.

— Джек? — нервно позвала она, но ответа не получила.

С растущим трепетом она прошла к лестничной клетке, но Джека там не оказалось. Пока она стояла на площадке, соображая, что же делать дальше, снизу донеслось громкое, сердитое, горькое пение:

«Опрокинь меня в кле-е-евер,
и давай-ка еще разок!»

Звук его голоса напугал Венди еще сильнее, чем молчание, но все равно других вариантов не было. Она начала спускаться по лестнице.

28. ЭТО БЫЛА ОНА!

Джек стоял на лестнице, прислушиваясь к приглушенным причитаниям и уговорам, которые неслись из-за запертой двери, и замешательство постепенно сменилось гневом. Так ничего и не изменилось. Для Венди, во всяком случае. Можно двадцать лет не брать в рот спиртного и все равно видеть (ощущать) легкое движение ноздрей жены, когда та пытается различить отправляющийся в дальние страны на поезде Джекова дыхания джин или виски. Венди всегда была склонна признавать самое худшее: попади они с Дэнни в аварию из-за упившегося слепого, которого перед самым столкновением хватил удар, она отвернулась бы, негласно обвинив Джека в полученных Дэнни увечьях.

Лицо жены, уволакивающей от него Дэнни — вот что появилось у Джека перед глазами, и ему вдруг захотелось стереть написанный на этом лице гнев кулаками.

Она, черт побери, не имеет никакого права!

Да, возможно, сперва так оно и было. Он пил, он вел себя ужасающе. Сломать руку Дэнни — страшное дело! Но, раз человек меняется к лучшему, не заслуживает ли он, чтобы рано или позд-

но ему предоставили кредит под его исправление? А если кредита нет, не следует ли этому человеку оправдать недоверие? Если отец будет постоянно обвинять дочку-девственницу в том, что та трахается со всеми мальчишками-старшеклассниками без разбора, разве она в итоге не утомится от этих нагоняев настолько, что начнет получать их не зря? А если жена тайком — да не так уж и тайком — продолжает верить, что ее муж-трезвенник пьет...

Джек поднялся, медленно сошел вниз, на площадку второго этажа, и минутку постоял там. Из заднего кармана он вытащил платок, обтер губы и задумался: может быть, пойти, как следует постучать в спальню, требуя, чтоб его впустили посмотреть на сына? Она не имеет никакого права быть такой высокомерной, черт ее возьми.

Ладно, рано или поздно ей придется выйти оттуда — если только она не выдумала для обоих какую-нибудь диету, снимающую все проблемы. От этой мысли губы Джека тронула довольно неприятная усмешка. Ну, пусть придет. Придет — в свое время.

Он спустился на первый этаж, в вестибюле бесцельно постоял возле администраторской стойки и свернул направо. Он зашел в столовую и остановился на пороге. Прямо в глаза Джеку заблестели пустые столы под белыми льняными скатертями, которые были аккуратно выстираны, выглажены и закрыты чистой прозрачной клеенкой. Сейчас комната была пустынна, однако

(Обед подадут в восемь. Маски снимут в полночь. Тогда же танцы)

Джек начал пробираться между столиков, мигом позабыв, что наверху — жена с сыном, позабыв свой сон, разбитый приемник, синяки. Он вел пальцем по скользкому пластику, пытаясь представить себе ту августовскую жаркую ночь сорок пятого — война выиграна, впереди простирается полное новизны, разнообразное будущее, похожее на край сновидений. Все кольцо подъездной дороги увешано яркими, пестрыми китайскими фонариками, из высоких окон (сейчас занесенных снегом) льется золотисто-желтый свет. Мужчины и женщины в маскарадных костюмах: тут — сиятельная принцесса, там — кавалер в ботфортах. Блестящие остроты и сверкающие драгоценности. Танцы. Реки спиртного — сначала вина и шампанского, потом, может быть, чего-нибудь покрепче. Звук голосов все выше, выше, и вот с эстрады, где сидят музыканты, раздается веселый крик: «Маски долой! Маски долой!»

(И над всем воцарилась Красная Смерть!)

Джек обнаружил, что стоит на противоположном конце столовой, под двустворчатыми дверями бара «Колорадо», где в ту ночь сорок пятого года шла дармовая пьянка.

(Пузом к стойке. Пардон! Выпивка — за счет заведения.)

Он прошел в дверь и дальше, в окутывающую бар глубокую тень. Тут случилось нечто странное. Джек уже заходил сюда раньше, а один раз — чтобы сверить оставленный Уллманом инвента-

ризационный список, поэтому знал, что в баре хоть шаром покати. Но сейчас, в смутном свете, сочившемся из столовой (которая и сама освещалась тускло, поскольку окна загораживал снег) ему почудилось, будто он видит заговорщически подмигивающие из-за стойки бесконечные ряды бутылок, сифоны и даже пиво, капающее из всех трех надраенных до блеска кранов. Да, Джек сумел даже *почувствовать* запах пива — влажный дрожжевой аромат закваски, ничем не отличающийся от того тончайшего тумана, что каждый вечер окутывал лицо его отца, когда тот возвращался с работы домой.

С расширившимися глазами Джек пошарил по стене в поисках выключателя. Над стойкой зажегся неяркий, интимный свет — он шел от трех колец двадцативаттных лампочек, посаженных на люстры, имитирующие тележные колеса.

Все полки были пусты. Там еще даже толком не скопилась пыль. Пивные краны, как и идущие от них хромированные трубки, были сухими. Справа и слева его окружали обитые бархатом кабинки с высокими спинками: каждую сконструировали так, чтобы создать сидящей внутри парочке максимум уединения. Дальше, по другую сторону красного ковра, закрывающего пол, стояли сорок высоких табуреток. Все они были обиты кожей. На каждой уцелело выпуклое тавро, которое некогда носила корова в стаде: «Г-Кружок», «Д-Бар» (очень подходяще), «У-Трясун», «Лодырь Би».

Джек приблизился, легонько качнув в смущении головой: ему вспомнился тот день на детской площадке... но что толку думать об этом? И все же он мог поклясться, что смутно видел эти бутылки, так, как видишь темные силуэты мебели в комнате с задернутыми шторами. Единственное, что осталось — запах пива, но Джек знал: через определенный срок этот запах въедается во все деревянное в любом баре на свете, и ни один из изобретенных очистителей не в состоянии его искоренить. Но здесь запах казался резким... чуть ли не свежим.

Усевшись на табуретку, он оперся локтями на обитый мягкой кожей край стойки. По левую руку оказалась вазочка для арахиса — сейчас, разумеется, пустая. Первый раз за девятнадцать месяцев Джек зашел в бар и — его обычное везение! — тот оказался пуст, проклятый. Все равно на него мощной мучительной волной накатила тоска по прежним временам, а страстное физиологическое желание выпить распространилось от живота Джека к гортани, рту и носу. Ему казалось, что по дороге оно заставляет живые ткани съеживаться, ссыхаться и требовать чего-нибудь влажного, холодного... да побольше.

С дикой, безумной надеждой Джек еще раз взглянул на полки, но те были по-прежнему пусты. Он обиженно и смущенно ухмыльнулся. Пальцы, медленно сжавшиеся в кулаки, оставили на обитой кожей стойке бара крошечные царапины.

— Привет, Ллойд,— сказал Джек.— Сегодня вечером дела не очень-то идут, а?

Ллойд подтвердил. Ллойд поинтересовался, что Джек будет пить.

— Честное слово, я рад, что ты спросил,— сказал Джек.— Правда, рад. Оказывается, у меня в кошельке — две двадцатки и две десятки, и я уж начал бояться, что сидеть им там до следующего апреля. Тут ведь поблизости ни одного «Семьодиннадцать», можешь себе представить? А я-то думал, эти тошниловки завелись уже и на *луне*, мать ее так.

Ллойд выразил сочувствие.

— Ну, так вот что,— объявил Джек.— Налей-ка мне ровно двадцать мартини. Ровно двадцать, так вот, *казанг*. По одному за каждый месяц, что я был в завязке, и стаканчик для кайфа. Можешь это сделать, а? Ты не слишком занят?

Ллойд сказал, что вовсе не занят.

— Молодчина. Выстроишь этих марсиан вдоль стойки, а я всех прикончу по очереди. Бремя белого человека, Ллойд, дружище.

Ллойд повернулся к нему спиной, чтобы заняться работой. Джек полез в карман за кошельком и вместо денег вытащил флакон экседрина. Бумажник остался на столе в спальне, а его женушка, которая влезет и под шкуру, выперла Джека за дверь. Неплохо, Венди. Сука поганая.

— Кажется, меня одолело легкомыслие,— сообщил Джек.— Кстати, как там мой кредит на вашей точке?

Ллойд ответил, что с кредитом все в порядке.

— Великолепно. Ты мне нравишься, Ллойд. Остальные всегда тебе и в подметки не годились. Будь я проклят, от Барра до Портлэнда (штат Мэн) ты — лучший владелец пивнушки. Ну, к слову сказать, даже до Портлэнда, штат *Орегон*.

За такие слова Ллойд выразил благодарность.

Сбив крышечку с флакона с экседрином, Джек вытряс пару таблеток и закинул в рот. Рот заполнился знакомым кисловатым вкусом.

Вдруг у Джека возникло ощущение, что за ним кто-то наблюдает — с любопытством и некоторым презрением. У него за спиной не осталось ни одной пустой кабинки — в них сидели седеющие изысканные мужчины с красивыми молодыми девицами, и те, и другие — в маскарадных костюмах. Они с холодным весельем наблюдали за этим печальным упражнением в искусстве драмы.

Джек крутанулся на табуретке.

Кабинки, простиравшиеся в обе стороны от дверей бара, были пусты. Слева от Джека ряд кабинок, огибая подкову стойки, под углом поворачивал к более широкой стене. Мягкие кожаные спинки и сиденья. Поблескивающие темные столики «Формика», на каждом — пепельница, в каждой пепельнице — коробок спичек, на

каждом коробке в золотом листочке над изображающем двери салуна значком отпечатано: *Бар «Колорадо».*

Он повернулся обратно, с гримасой проглотив остаток растворившегося экседрина.

— Ллойд, ты просто чудо,— сказал Джек.— Уже готово! Твоя проворность уступает лишь одухотворенной красоте твоих неаполитанских глаз. *Салют.*

Джек задумчиво рассматривал двадцать воображаемых порций. Сверкающие каплями влаги бокалы с мартини. В каждом — соломинка, воткнутая в пухлую зеленую оливку. В воздухе прямо-таки висел запах джина.

— Завязка...— сказал Джек.— Был ты когда-нибудь знаком с джентльменом, который вдруг раз — и завязал?

Ллойд позволил себе заметить, что время от времени такие джентльмены встречаются.

— А приходилось тебе возобновлять знакомство с таким человеком после того, как он развяжет?

Честное слово, Ллойд затруднялся припомнить.

— Стало быть, с тобой такого не бывало,— объявил Джек. Обхватив ладонью первый бокал, он поднес кулак к раскрытому рту и вздернул кверху. Сделав глоток, Джек выкинул воображаемый стакан через плечо. Снова появились люди, только что с маскарада; они разглядывали его, тайком посмеиваясь. Он ощущал их присутствие. Будь за стойкой бара вместо дурацких пустых полок зеркало, Джек мог бы их увидеть. Ладно, пяльтесь. Мать вашу так. Пяльтесь все, кому охота.

— Нет, не бывало,— сказал он Ллойду.— Мало кто развязывает эту легендарную Завязку, но рассказы тех, кто оказался способен на это и вернулся, ужасают. Когда завяжешь, кажется, что чище и светлее быть не может — словно плывешь на повозке в десяти футах над землей, над сточными канавами, где валяются все пьяницы со своими коричневыми пакетами, в которых спрятан «Буревестник» или «Бурбон папаши Флэша "Лопни башка"». ТЫ удалился от всех, кто бросает на тебя мерзкие взгляды и велит либо исправляться, либо сваливать в другой городишко. Из канавы кажется, что лучше этой повозки ты в жизни не видел, Ллойд, мальчик мой. Все обвешано флажками, а впереди — духовой оркестр и по три мажоретки с каждой стороны — они размахивают жезлами, аж трусики сверкают. Мужик, готово дело — тебе приспичило попасть туда, подальше от алкашни, которая шныряет по помойкам за бычками — всего-то пол-дюйма от фильтра! — и тянет из жестянок горячительное, чтоб опять забалдеть.

Джек осушил еще два воображаемых бокала и перебросил их через плечо. Он прямо-таки слышал, как они вдребезги разлетелись на полу. И черт его возьми, если он не начал чувствовать, что на взводе. Это все экседрин.

— Вот ты и забираешься в нее,— сказал он Ллойду,— и как же ты рад! Господи боже мой, да я клянусь в этом. Повозка — самая

большая и красивая на параде, на улицах полно народу, все выстроились вдоль мостовой, хлопают, подбадривают, машут, и все — в твою честь. Только алкашам, отрубившимся в канавах, наплевать на это. Ты дружил с ними, но это осталось позади.

Поднеся ко рту пустой кулак, Джек влил в себя еще порцию — четыре проскочило, шестнадцать осталось. Хорошо пошло. Он чуть покачнулся на табуретке. Пускай пялятся, если они так прикалываются. Снимайте, ребята, останется фотка на память.

— Потом, Ллойди — мальчик мой, начинаешь кое-что понимать. Чего не видно из канавы. Например, дно твоей повозки — просто прямые сосновые доски, такие свежие, что еще течет смола, и стоит снять ботинки, как наберешься заноз. А еще — сидеть негде, кроме длинных скамеек без подушек и с высокими спинками, и скамейки эти на самом-то деле церковные, а через каждые пять футов или около того разложены сборники псалмов. И сидят в повозке на этих скамьях, оказывается, одни только плоскогрудые *«эль бирдос»* в длинных платьях с маленькими кружевными воротничками, и волосы у них стянуты на затылке в пучок так туго, что просто слышишь, как они пищат. Лица у всех плоские, бледные, осиянные, и все они поют: «Соберемся мы у реки, у прекрасной, прекрасной ре-е-е-ки», а перед ними играет на органе вонючая светловолосая сука и велит петь погромче, погромче. Тут кто-нибудь сует тебе в руки молитвенник и говорит: «Пой с нами, брат. Если хочешь остаться на Повозке, придется петь утро, день и ночь напролет. Особенно ночь». Тогда-то и понимаешь, что такое эта повозка на самом деле, Ллойд. Это храм с решетками на окнах — храм для баб и тюрьма для тебя.

Он умолк. Ллойда не было. Хуже того, он тут с самого начала не появлялся. Не появлялась и выпивка. Только люди в кабинках, люди с бала-маскарада — Джек слышал, как они сдавленно смеются, зажимая рты ладонями и показывая на него пальцем. В глазах искрились крохотные жестокие огоньки.

Он снова крутанулся к ним.

— Оставьте меня...

(в покое?)

Все кабинки пустовали. Смех замер, как шорох осенних листьев. Джек довольно долго не сводил широко раскрытых потемневших глаз с пустынного бара. На лбу явственно пульсировала жила. Где-то в самой середине его «я» росла холодная уверенность, уверенность в том, что он теряет рассудок. Он почувствовал настоятельную необходимость поднять соседнюю табуретку, перевернуть ее и пройтись по комнате мстительным смерчем. Вместо того он снова повернулся к стойке и принялся громко распевать:

— Опрокинь меня в клееевер,

и давай-ка еще разок!

Перед ним встало лицо Дэнни — не привычное, живое и настороженное, с сияющими широко раскрытыми глазами, а оцепенев-

шее, напоминающее зомби лицо незнакомца: мутные, равнодушные глаза, рот по-младенчески сомкнут вокруг большого пальца. Что это он сидит тут, как угрюмый подросток, и разговаривает сам с собой, если где-то наверху его сын ведет себя как некая принадлежность помещения с обитыми тюфяками стенами? Так, как по словам Уолли Холлиса вел себя Вик Стэнджер, пока людям в белых халатах не пришлось приехать и забрать его?

(Но я и пальцем его не тронул! Черт побери, нет!)

— Джек! — робкий неуверенный голос.

Он так удивился и испугался, что, поворачиваясь, чуть не упал со стула. В самых дверях стояла Венди. У нее на руках, напоминая бледного идиота из фильмов ужасов, лежал Дэнни. Втроем они представляли живописное зрелище, Джек очень сильно это почувствовал — вот-вот должен был подняться занавес второго акта какой-то старой пьесы, пропагандирующей воздержанность в питье и поставленной настолько плохо, что рабочий сцены позабыл заполнить полки в Логове Порока.

— Я и пальцем его не трогал, — хрипло сказал Джек. — С тех самых пор, как сломал ему руку. Я даже ни разу его не шлепнул.

— Джек, сейчас это не имеет значения. Важно вот что...

— *Это имеет значение!* — крикнул он. Кулак с треском опустился на стойку, так сильно, что пустая вазочка для арахиса подскочила. — *Имеет, черт дери, имеет!*

— Джек, надо увозить его с гор. Он...

Дэнни у нее на руках зашевелился. Вялое, безразличное выражение лица начало ломаться, как толстая корка льда, скрывающая некую поверхность. Губы искривились, будто от какого-то странного вкуса. Глаза расширились. Как бы желая прикрыть их, Дэнни поднял руки — и снова уронил.

Он мгновенно оцепенел в объятиях Венди. Спина выгнулась дугой, отчего Венди пошатнулась. А Дэнни внезапно завизжал. Из напрягшегося горла один за другим, как стрелы, летели безумные звуки. Они словно бы заполнили пустынный первый этаж и, подобно баньши, возвращались назад. Как будто здесь хором визжала сотня Дэнни.

— *Джек!* — в ужасе крикнула она. — *О, Господи, Джек, что с ним такое?*

Джек, не чувствуя под собой ног, слез с табуретки — он в жизни не бывал так напуган. В какой провал заглянул ненароком его сын? В какое гнездо мрака? И что там оказалось, что ужалило его?

— Дэнни! — рявкнул он. — *Дэнни!*

Дэнни увидел его. Он с неожиданной настойчивой силой вырвался у матери из рук, не позволив удержать себя. Она попятилась, налетела на кабинку и чуть не упала.

— П а п а! — пронзительно кричал малыш, подбегая к Джеку, глаза опухли и были перепуганными. — *Ой, папа, папа, это она! Она! Она! Ох, па-аааа-паа ...*

Он стрелой влетел к Джеку в объятия, так, что тот покачнулся. Дэнни яростно обхватил отца, прижался — сперва будто собрав-

шись бороться с ним, а потом ухватился за ремень и захлюпал Джеку в рубашку. Джек животом чувствовал разгоряченное дергающееся личико сына.

— *Папа, это она.*

Джек медленно перевел взгляд на лицо Венди. Его глаза напоминали маленькие серебряные монетки.

— Венди? — Голос тихий, почти мурлыкающий.— Венди, что ты с ним сделала?

Ошеломленная Венди, не веря собственным ушам, уставилась на мужа. Лицо было бледным. Она покачала головой.

— Джек, ты же должен понимать...

На улице опять пошел снег.

29. РАЗГОВОР НА КУХНЕ

Джек отнес Дэнни в кухню. Мальчик не переставал исступленно всхлипывать, отказываясь оторвать лицо от груди Джека. В кухне он вернул Дэнни жене, которая все еще казалась ошеломленной и неверящей.

— Джек, я не знаю, о чем он говорит.

— Я верю,— сказал он, хотя себе вынужден был признаться, что столь неожиданная, головокружительно быстрая смена ролей до определенной степени радует его. Но Джек сердился на Венди всего мгновение: где-то внутри все сжалось — и прошло. В глубине души он знал, что Венди скорее обольется бензином и чиркнет спичкой, чем причинит Дэнни вред.

На дальней конфорке пыхтел на медленном огне большой чайник. В свою личную большую керамическую чашку Джек бросил пакетик с заваркой и до половины налил кипятка.

— Есть шерри для готовки? — спросил он.

— Что?... А, конечно. Две или три бутылки.

— В каком шкафу?

Она ткнула пальцем, и Джек достал бутылку. От души плеснув из нее в чай, он убрал шерри на место и последнюю четверть чашки долил молоком. Потом добавил три столовых ложки сахара и размешал. Эту смесь он отнес Дэнни, чьи всхлипы утихли, превратившись в хлюпанье носом и икоту. Но он весь дрожал, а глаза были широко раскрыты и неподвижны.

— Хочу, чтобы ты это выпил, док,— сказал Джек.— На вкус это хрен знает какая гадость, но от нее тебе станет лучше. Выпьешь за папу?

Дэнни утвердительно кивнул и взял чашку. Он чуть-чуть отпил, скривился и вопросительно взглянул на Джека. Тот наклонил голову, и Дэнни отпил еще. Где-то в самой середке Венди ощутила знакомый укол ревности — она знала, за нее мальчик не стал бы это пить.

Вслед за этой мыслью пришла другая, от которой сделалось неуютно, даже страшно: уж не *хочется* ли ей думать, будто Джек

виноват? Может, она так сильно ревнует? Так могла бы думать ее мать, и это было действительно ужасно. Она помнила, как в одно из воскресений отец повел ее в парк, а она ухнула на детской площадке со второго кольца и ободрала обе коленки. Отец привел ее домой, и тут мать завизжала на него: *а ты что делал? почему ты не смотрел за ней? что ты за отец?*

(Она загнала его в могилу; к тому времени, как они развелись, было слишком поздно.)

Венди не оправдала Джека даже за недостатком улик. Ни на миг не усомнилась. Она чувствовала, как горит лицо, но с какой-то беспомощной окончательностью понимала: если бы пришлось проиграть все это еще раз, она бы думала и поступала точно так же. Хорошо это или плохо, но она всегда несла в себе частицу матери.

— Джек...— начала она, не уверенная, чего хочет — извиниться или оправдаться. И то, и другое, знала Венди, бесполезно.

— Не сейчас.

Чтобы выпить половину содержимого большой чашки, Дэнни понадобилось пятнадцать минут, и за это время он заметно успокоился. Дрожь почти прошла.

Джек серьезно положил сыну руки на плечи.

— Дэнни, как по-твоему, ты в состоянии точно рассказать нам, что с тобой случилось? Это очень важно.

Дэнни перевел взгляд с Джека на Венди и обратно. Эта безмолвная пауза прояснила и ситуацию, и их положение в ней: снаружи, нанося с северо-запада новый снег, выл ветер, старый отель, попадая в очередной бурный порыв, потрескивал и постанывал. Венди неожиданно отчетливо осознала их разобщенность, словно ее ударили под ложечку — такое с ней бывало и раньше.

— Я хочу... все вам рассказать,— выговорил Дэнни.— Жалко, раньше нельзя было.— Он держался за чашку, как будто успокаиваясь ее теплом.

— А почему, сынок? — Джек осторожно откинул со лба Дэнни потные, слипшиеся волосы.

— Потому что эту работу тебе нашел дядя Эл. А я не мог понять, как это тебе здесь сразу и хорошо, и плохо. Эту...— Мальчик взглянул на них, прося помощи. Он не находил нужного слова.

— Дилемму? — осторожно спросила Венди.— Когда любой выбор нехорош?

— Да, ее.— Он с облегчением кивнул.

Венди сказала:

— В тот день, когда ты подстригал кусты, мы с Дэнни по дороге в город поговорили. В тот день, когда в первый раз выпал настоящий снег. Помнишь?

Джек кивнул. День, когда он подстригал живые изгороди, он помнил очень четко.

Венди вздохнула.

— По-моему, мы не договорили, а, док?

Дэнни — воплощенное горе — потряс головой.

— А о чем вы, собственно, говорили? — спросил Джек.— Не уверен, по душе ли мне, что мои жена и сын...

— Обсуждают, как любят тебя?

— Какая разница, все равно ничего не понятно. Я себя чувствую так, будто пришел в кино к середине фильма.

— Мы говорили о тебе,— спокойно сказала Венди.— И, может быть, не все говорилось словами, но мы оба понимали. Я — потому, что я твоя жена, а Дэнни — потому, что он... просто многое понимает.

Джек молчал.

— Дэнни выразился очень точно: казалось, этот переезд тебе на пользу. В Стовингтоне осталось все, что давило на тебя, делая несчастным. Ты стал сам себе хозяин, ты работал руками и мог поберечь голову — полностью освободить ее для вечерних занятий литературой. Потом, не знаю точно, когда... стало казаться, что жизнь здесь для тебя нехороша. Столько времени проводить в подвале, так дотошно просматривать эти старые бумажки, всю эту давнюю историю... Ты разговариваешь во сне...

— Во сне? — переспросил Джек. Лицо выразило осторожное изумление.— Я разговариваю во сне?

— Почти всегда неразборчиво. Один раз я проснулась, чтоб сходить в туалет, а ты говорил: «К черту, хоть игральные автоматы внесите, никто не узнает, не узнает никогда». В другой раз меня разбудил ты — ты кричал: «Маски долой, маски долой, маски долой!»

— Господи Иисусе,— сказал Джек, потирая лицо рукой. Он казался больным.

— А все старые привычки, привычки пьяницы! Жуешь экседрин, все время обтираешь губы. По утрам всем недоволен. И потом, ты еще не сумел закончить пьесу, правда?

— Нет. Нет еще, но это только вопрос времени. Я обдумывал другой... новый проект.

— Отель. Это проект, насчет которого тебе звонил Эл Шокли? Чтобы ты оставил его в покое.

— Как ты узнала? — рявкнул Джек.— Ты что, подслушивала? Ты...

— Нет,— сказала она.— Я бы не сумела подслушать даже, если бы хотела. Ты понял бы это, не обманывай ты сам себя. В тот вечер мы с Дэнни сидели внизу. Коммутатор заперт. Работал единственный телефон на весь отель — наш, наверху, потому, что он включен напрямую во внешнюю линию. Ты же сам мне объяснял.

— Тогда откуда ты узнала, чего потребовал Эл?

— Дэнни сказал. Он знал это. Так же, как иногда знает, куда задевалась какая-нибудь вещь или что люди подумывают о разводе.

— Доктор говорил...

Она нетерпеливо потрясла головой.

— Доктор — кусок дерьма, мы оба это знали. Помнишь, как Дэнни сказал, что хочет посмотреть на пожарные машины? Какое же это предчувствие — он же был *совсем крошечный. Он знает.* И теперь я боюсь...

Она посмотрела на синяки у Дэнни на шее.

— Ты действительно знал, что мне позвонил дядя Эл, Дэнни?

Дэнни кивнул.

— Пап, он по-настоящему взбесился. Потому что ты звонил мистеру Уллману, а мистер Уллман позвонил ему. Дядя Эл не хотел, чтоб ты что-нибудь написал про отель.

— Иисусе,— снова повторил Джек.— Синяки, Дэнни. Кто пытался тебя задушить?

Лицо Дэнни потемнело.

— *Она,*— ответил он.— Женщина из той комнаты. Из двести семнадцатого. Мертвая леди.

У него опять задрожали губы, он схватил чашку и отхлебнул.

Джек с Венди испуганно переглянулись над склоненной головой мальчика.

— Ты что-нибудь знаешь об этом?— спросил он.

Она покачала головой.

— Об этом — нет.

— Дэнни,— он приподнял испуганное личико мальчугана.— Смелее, сын. Мы же *здесь.*

— Я знал, что здесь плохо,— тихим голосом выговорил Дэнни.— С тех пор, как мы переехали в Боулдер. Потому, что Тони мне показывал сны про это.

— Какие сны?

— Всех я не помню. Он показывал «Оверлук» ночью, с черепом и скрещенными костями впереди. И там стучало. Что-то... Не помню, что... оно гналось за мной. Чудовище. Тони показал мне про тремс.

— А что это, док?— спросила Венди.

Он помотал головой.

— Не знаю. Потом мы приехали сюда, и мистер Холлоранн поговорил со мной в машине. Потому, что он тоже умеет сиять.

— Сиять?

— Ну...— Дэнни сделал руками плавный всеобъемлющий жест.— Это когда умеешь понимать разные вещи. Когда знаешь. Иногда видишь разное. Ну, как я узнал, что звонил дядя Эл. А мистер Холлоранн — что вы зовете меня док. Мистер Холлоранн, он чистил картошку в армии и понял, что его брат погиб в катастрофе на железной дороге. А потом он позвонил домой и оказалось, это правда.

— Боже милостивый,— прошептал Джек.— Дэн, ты, случайно, не выдумываешь?

Дэнни изо всех сил затряс головой.

— Нет, клянусь Богом.— Потом с оттенком гордости доба-

вил: — Мистер Холлоранн сказал, у меня самое сильное сияние, какое он встречал. Мы смогли поговорить... он со мной, а я с ним... даже не раскрывая рта.

Искренне изумленные родители еще раз переглянулись.

— Мистер Холлоранн отозвал меня, потому, что беспокоился,— продолжал Дэнни.— Он говорит, тут нехорошее место. Для тех, кто сияет. Говорит, он видел всякое. Я тоже кое-что видел. Когда мистер Уллман водил нас по отелю.

— Что?— спросил Джек.

— В Президентском люксе. На стене, у двери в спальню. Много крови и еще какую-то штуку. Разбрызганную. Я думаю... эта разбрызганная штука, наверное, мозги.

— О Господи,— сказал Джек.

Теперь Венди стала очень бледной, губы посерели.

— Некоторое время тому назад,— сказал Джек,— этим отелем владели очень скверные типы. Мафия из Лас-Вегаса.

— Негодяи?— спросил Дэнни.

— Так точно, негодяи.— Он взглянул на Венди.— В шестьдесят шестом там убили крупную шишку по имени Вито Дженелли вместе с двумя телохранителями. В газете была фотография. Ее-то Дэнни и описал.

— Мистер Холлоранн сказал, он видел еще другие гадости,— сообщил Дэнни.— Один раз — на детской площадке. И один раз что-то плохое было в той комнате, в 217-й. Горничная увидела и потеряла работу, потому что стала про это рассказывать. Ну вот, мистер Холлоранн пошел наверх и тоже увидел. Но он не рассказывал про это, потому что не хотел потерять работу. Только велел мне ни за что не входить туда. А я вошел. Он же сказал: то, что здесь видишь, не может обидеть. Я и поверил.— Последние слова Дэнни выговорил тихим, сиплым голосом, почти шепотом, и дотронулся до опухшего кольца синяков на шее.

— А что насчет детской площадки?— спросил Джек странным небрежным тоном.

— Не знаю. Он сказал, детская площадка. И живая изгородь, звери.

Джек слегка вздрогнул. Венди с любопытством взглянула на него.

— Ты там что-нибудь видел, Джек?

— Нет,— сказал он.— Ничего.

Дэнни смотрел на него.

— Ничего,— повторил он более спокойно. Он не обманывал. Он стал жертвой галлюцинации. Вот и все.

— Дэнни, мы должны услышать про эту женщину,— мягко сказала Венди.

И Дэнни рассказал, но он так торопился излиться, освободиться, что то и дело взрывался словами, иногда граничившими с невнятицей. Рассказывая, он все теснее прижимался к груди Венди.

— Я пошел туда,— сказал он.— Я стащил ключ... который ко всем дверям... и вошел. Как будто не мог с собой ничего поделать. Мне надо было узнать. А она... та леди... оказалась в ванне. Мертвая. Вся вздутая. Она была г-гх... на ней ничего не было. Он жалобно взглянул на мать.— И она стала подниматься, ей нужен был я. Я понял это, потому что почувствовал. Она даже не думала... не так, как вы с папой думаете. Все было черное... кусачая мысль... как... как осы той ночью в моей комнате! Она просто хотела сделать больно. Как осы.

Он сглотнул. На минуту воцарилось молчание — все замерли, пока в них входило воспоминание об осах.

— И я побежал,— сказал Дэнни.— Побежал, но дверь оказалась закрыта. Я оставлял ее открытой, но она закрылась. Я просто не подумал снова открыть ее и выбежать наружу. Мне было страшно. Поэтому я просто... я прислонился к двери, закрыл глаза и вспомнил, как мистер Холлоранн сказал: здешние штуки — все равно, что картинки в книжке и, если все время повторять про себя... *тебя здесь нет, уходи, тебя здесь нет*... она уйдет. Только у меня не получилось.

Голос малыша начал истерически подниматься.

— Она схватила меня... повернула... я видел ее глаза... какие они... и она стала душить меня... от нее пахло... *от нее пахло мертвой*...

— Шшш, хватит,— встревоженно сказала Венди.— Хватит, Дэнни. Все хорошо. Это...

Она опять готова была запричитать. Венди Торранс — Причитания На Все Случаи Жизни. Своевременно. До конца.

— Пусть доскажет,— коротко распорядился Джек.

— Уже все,— сказал Дэнни.— Я отключился. Потому, что она меня душила... или просто испугался. Когда я пришел в себя, мне приснилось, что вы с мамой деретесь из-за меня, а ты опять хочешь Плохо Поступить, папа. Потом я понял, что никакой это не сон... что не сплю... и... намочил штанишки. Намочил штанишки, как какой-нибудь малыш.— Голова Дэнни опять упала Венди на свитер, и он с ужасающей слабостью разрыдался; руки вяло и безвольно лежали в коленях.

Джек поднялся.

— Займись им.

— Что ты собрался делать?— лицо Венди переполнял страх.

— Я собрался сходить в этот номер. А что по-твоему? Выпить кофе?

— Нет! Джек, не надо, пожалуйста, *не надо*!

— Венди, если в отеле есть кто-то еще, нам надо знать.

— *Не смей оставлять нас одних!*— взвизгнула она ему в лицо. От громкого крика с губ полетела слюна.

Джек сказал:

— Венди, ты замечательно подражаешь своей мамаше.

Тут она разрыдалась, не в состоянии укрыть лицо, потому что на коленях у нее сидел Дэнни.

— Извини,— сказал Джек.— Но иначе нельзя, ты же понимаешь. Я же хренов сторож. Мне за это деньги платят.

Венди только сильнее расплакалась. Джек не стал успокаивать ее, он вышел из кухни и, когда дверь за его спиной захлопнулась, обтер губы носовым платком.

— Мам, не волнуйся,— сказал Дэнни.— С ним все будет нормально. Он не сияет. Ему тут ничего не может навредить.

Венди сквозь слезы сказала:

— Нет, не думаю.

30. ПОВТОРНЫЙ ВИЗИТ В ДВЕСТИ СЕМНАДЦАТЫЙ

Наверх он поехал на лифте, что было странно, поскольку с тех пор, как они переехали сюда, лифтом никто не пользовался. Джек передвинул латунную рукоятку, и лифт, дрожа и задыхаясь, полез вверх по шахте. Латунная решетка бешено дребезжала. Он знал, что у Венди этот лифт вызывает настоящий страх перед замкнутым пространством, просто ужас. Ей все время представлялось: вот они втроем застревают между этажами, а снаружи бушуют зимние бураны; у нее на глазах все худели, слабели и умирали от голода. А может быть, обедали друг дружкой — как та команда регбистов. Джек вспомнил, что видел в Боулдере огромную афишу: «КОМАНДА РЕГБИСТОВ СЪЕЛА СОБСТВЕННЫХ МЕРТВЕЦОВ». Можно было придумать и другие варианты: «ТЫ — ТО, ЧТО ТЫ ЕШЬ». Или меню: «Добро пожаловать в столовую «Оверлука», гордости Скалистых. Обед на крыше мира. Фирменное блюдо — человеческий окорок, зажаренный на спичках». По лицу Джека снова скользнула презрительная улыбка. Когда на стене шахты появилась цифра два, он вернул латунную рукоятку в исходное положение, и лифт со скрипом остановился. Джек вынул из кармана экседрин, вытряс в ладонь три таблетки и открыл двери лифта. Он ничего не боялся в «Оверлуке». Он чувствовал, что между ними возникла симпатия.

Джек зашагал по коридору, одну за другой закинув в рот и разжевав таблетки. Свернув за угол, он оказался в коротком коридорчике, ответвляющемся от главного. Дверь в номер 217 была приоткрыта. Ключ на белом шнурке торчал из замка.

Он нахмурился, чувствуя, как волной поднимается раздражение, и не на шутку рассердился. Мальчишка сунул нос не в свое дело, а что из этого вышло — неважно. Ему было сказано — и сказано совершенно недвусмысленно — что определенные зоны «Оверлука» табу: сарай, подвал и все номера. Как только Дэнни опомнится от испуга, Джек поговорит с ним. Поговорит разумно, но строго. Многие отцы не ограничились бы простой беседой. Они бы задали хорошую трепку... может быть, это и нужно Дэнни?

Мальчишка перепугался, но разве взбучка — не самое меньшее, чего он заслуживает?

Джек подошел к двери, извлек ключ, сунул его в карман и шагнул за порог. Под потолком горела люстра. Он взглянул на постель, увидел, что та не смята, а потом прошел прямо к двери в ванную. В нем росла странная убежденность. Хоть Уотсон не назвал ни номеров комнат, ни фамилий, Джек не сомневался, что именно эту комнату жена юриста делила со своим жеребцом, что именно в этой ванной ее нашли мертвой, полной барбитуратов и выпитого в баре «Колорадо».

Он толкнул скрытую зеркалом дверь ванной, и та распахнулась настежь. За ней было темно. Джек включил свет и осмотрел длинную, как пульмановский вагон, комнату. Она была оборудована в том стиле, который ни с чем не спутать — интерьер начала девятисотых годов, обновленный в двадцатые,— он был единым для всех ванных комнат «Оверлука». Только на четвертом этаже ванные были другими, византийски пышными, что как нельзя лучше подходило особам королевской крови, политикам, кинозвездам и капо, которые год за годом останавливались в этих номерах.

Большую ванну на львиных лапах прикрывала задернутая бледно-розовая пластиковая занавеска.

(и все-таки они *действительно* двигались!)

Тут Джек впервые ощутил, что его покидает та непривычная уверенность в себе (чуть ли не самонадеянность), которая охватила его, когда Дэнни понесся к нему с воплем: *это она! это она!* На копчик деликатно надавил ледяной палец, отчего температура тела Джека понизилась на добрых десять градусов. К этому пальцу присоединились и другие, и внезапно, вдоль спины, до самой «*медуляоблонгата*» побежали мурашки, они играли на позвоночнике Джека, как на каком-то первобытном инструменте.

Гнев на Дэнни улетучился. Джек сделал шаг вперед и отдернул занавеску. Во рту пересохло. Он чувствовал только сочувствие к сыну и ужас за себя.

Ванна оказалась пустой и сухой.

С поджатых губ крошечным взрывом слетело неожиданное «Па!», соединившее в себе облегчение и раздражение. В конце сезона ванну отдраили до блеска, лишь под двумя водопроводными кранами осталось поблескивающее пятнышко ржавчины. В воздухе стоял слабый, но явственный запах средства для чистки того сорта, что и не один месяц спустя после того, как им пользовались, способны раздражать ноздри запахом собственной добродетельности.

Джек нагнулся и пробежался кончиками пальцев по дну ванны. Суше не бывает. Ни намека на влагу. То ли у мальчишки была галлюцинация, то ли он нагло врал. Джек опять рассердился. И тут его внимание привлек коврик для ног. Джек сдвинул брови. Что тут делает этот коврик? Ему следует лежать внизу, в дальней

бельевой, на полке вместе с прочими простынями, полотенцами и наволочками. Вот где должно находиться все белье. В этих номерах даже постели не застилали по-настоящему: упаковали матрацы в чехлы из прозрачного пластика на молнии, а потом укрыли покрывалами. Конечно, Дэнни мог сходить и принести коврик — ключ открывал и бельевые — но зачем? Джек провел кончиками пальцев по коврику. Он был абсолютно сухим.

Вернувшись к двери, он остановился на пороге. Все нормально. Мальчишке привиделось. Вещи, все до единой, были на местах. Надо признать, коврик слегка озадачивал, но и этому имелось логическое объяснение; какая-то горничная в день закрытия безумно спешила и просто забыла убрать его отсюда. Любое другое объяснение...

Он шевельнул ноздрями. Дезинфицирующее средство, полный собственной правоты запах «я-чище-тебя». И...

Мыло?

Нет, конечно. Но, раз уж Джек распознал запах, тот оказался слишком явным, чтоб пренебречь им. Мыло. Да не «Айвори», бруски которого размером с почтовую открытку дают в отелях и мотелях. Это был легкий и душистый аромат дамского мыла. Превосходный запах. «Кэмэй» или «Лоувайла» — сорт, которым в Стовингтоне все время пользовалась Венди.

(Подумаешь. Все дело в твоем воображении.)

(Да, как и кусты, и все-таки они двигались.)

(Нет, не двигались!)

Он дерганно прошагал к двери, ведущей в холл, ощущая только одно: в висках бьется боль. Сегодня случилось слишком многое — более, чем. Он не станет бить или трясти мальчишку, просто поговорит с ним, но, Бог свидетель, он не намерен добавлять к своим проблемам еще и номер 217. Для этого недостаточно сухого коврика для ног и слабого запаха мыла «Лоувайла». Он...

За спиной вдруг раздался скрежещущий металлический звук. Он раздался как раз в тот момент, когда пальцы Джека сомкнулись на ручке двери, и наблюдатель мог бы подумать, что ее вытертый металл оказался под током. Джек судорожно дернулся, глаза расширились, лицо исказила гримаса.

Потом, справившись с собой (кстати говоря, только отчасти), он отпустил ручку и осторожно обернулся. Суставы хрустнули. Налившиеся свинцом ноги шаг за шагом вернули его к дверям ванной.

Занавеска душа, которую он отодвигал, чтобы заглянуть в ванну, теперь была задернута. Скрежет металла, прозвучавший для Джека скрипом мертвых костей в склепе, оказался скрежетом колечек занавески о палку под потолком. Джек уставился на нее. Лицо будто залили толстым слоем воска — снаружи мертвая кожа, а под ней живые горячие струйки страха. Так он чувствовал себя на детской площадке.

За розовой пластиковой занавеской что-то было. В ванне.

Оно виднелось сквозь пластик — плохо различимый, затемненный, почти бесформенный силуэт. Оно могло оказаться чем угодно. Тенью от прикрепленного над ванной душа. Давно умершей женщиной, которая лежит в ванне с куском мыла «Лоувайла» в коченеющей руке и терпеливо ждет — не придет ли хоть какой-нибудь любовник.

Джек приказал себе храбро шагнуть вперед и откинуть занавеску. Чтоб обнаружить то, что может там находиться. Вместо того он рваными, марионеточными движениями развернулся (в груди колотилось перепуганное сердце) и вышел обратно в спальню-гостиную.

Дверь, ведущая в холл, была закрыта.

Секунда, в течение которой Джек не сводил с двери глаз, растянулась и застыла. Теперь он ощутил вкус своего ужаса. Тот стоял в горле подобно вкусу прокисшей черешни.

Прежними дергаными широкими шагами Джек приблизился к двери и заставил пальцы сомкнуться на ручке.

(Она не откроется.)

Но она открылась.

Шаря рукой по стене, он погасил свет, шагнул в коридор и захлопнул дверь. Он не оглядывался. Изнутри ему послышались странные звуки — далекие влажные глухие шлепки. Будто некое существо только-только выбралось из ванны, желая приветствовать гостя, да запоздало и, сообразив, что тот ушел до завершения обмена любезностями, кинулось к дверям (лиловое, ухмыляющееся) приглашать визитера обратно в номер.

Шаги приближаются к двери или это стучит сердце?

Он схватился за ключ. Тот словно покрылся тиной и не желал поворачиваться в замке. Джек атаковал его. Вдруг замок защелкнулся, а Джек с тихим стоном облегчения отступил к противоположной стене. Он закрыл глаза, и в голове нескончаемой вереницей поплыли старые термины (чокнулся, не все дома, шарики за ролики заехали, парень просто спятил, крыша поехала, сдурел, не в себе, завернулся, ненормальный, придурок), и все они означали одно: сошел с ума.

— Нет,— проскулил он, едва ли сознавая, что опустился до такого, опустился до того, чтоб скулить, зажмурившись, как маленький: О Господи, нет. Ради всего святого, только не это.

Но сквозь хаос смятенных мыслей, сквозь молотом ухающее сердце Джек сумел расслышать тихий звук: это тщетно поворачивалась во все стороны дверная ручка. Это напрасно пыталось выбраться наружу нечто, запертое изнутри; нечто, чему знакомство с его семьей пришлось бы весьма по вкусу, а вокруг визжала бы буря, и белый день становился бы черной ночью. Если бы Джек открыл глаза и увидел, как ручка движется, он потерял бы рассудок. Поэтому глаза не открывались, а неизвестно сколько времени спустя наступила тишина.

Джек заставил себя поднять веки, наполовину убежденный,

что она сразу же не окажется прямо перед ним. Но коридор был пуст.

Все равно, ему казалось, что за ним наблюдают.

Он посмотрел на глазок посередине двери и задумался: что будет, если подойти и заглянуть? С чем он окажется с глазу на глаз?

Ноги Джека тронулись с места

(Теперь, ножки, не подведите)

раньше, чем он понял это. Он повернул прочь от двери и, шурша по сине-черному ковру-джунглям, пошел к главному коридору. На полпути к лестнице Джек остановился и взглянул на огнетушитель. Ему подумалось, что складки полотна лежат немного иначе. Вдобавок Джек был абсолютно уверен, что, когда шел к двести семнадцатому, латунный наконечник указывал на лифт. Сейчас он смотрел в другую сторону.

— Этого я вообще не видел,— вполне отчетливо произнес Джек. Лицо его побелело и осунулось, а губам никак не удавалось усмехнуться.

Но вниз он на лифте не поехал — тот слишком напоминал разинутый рот. Слишком уж напоминал. Джек воспользовался лестницей.

31. ВЕРДИКТ

Он вошел в кухню и посмотрел на них. Левой рукой он подкидывал ключ-универсал, так, что приделанная к язычку белого металла цепочка звенела — и ловил его снова. Дэнни был бледным и измученным. Венди плакала, покрасневшие глаза обвело темными кругами. При виде этого Джек ощутил внезапную вспышку радости. Страдал не только он. Это уж точно.

Они молча смотрели на него.

— Ничего,— сказал он, пораженный искренностью своего тона.— Абсолютно ничего.

С ободряющей улыбкой наблюдая, как по их лицам разливается облегчение, Джек подкидывал ключ (вверх-вниз) и думал, что так, как сейчас, ему не хотелось напиться ещё ни разу в жизни.

32. СПАЛЬНЯ

Ближе к вечеру Джек забрал из кладовки на втором этаже детскую кроватку и поставил в углу их спальни. Венди ожидала, что мальчик будет засыпать полночи, но не успели «Уолтонсы» дойти до середины, как Дэнни принялся клевать носом. Через четверть часа после того, как они уложили мальчика, тот уснул глубоким сном, сунув ладошку под щеку и не шевелясь. Венди сидела и смотрела на сына, заложив пальцем место, до которого дочитала толстую «Кэшельмар» в бумажной обложке. Джек за своим столом глядел на пьесу.

— А, черт,— сказал Джек.

Венди, оторвавшись от созерцания Дэнни, подняла голову.
— Что?
— Ничего.

Он уперся взглядом в пьесу, и в нем затеплилось дурное настроение. С чего он взял, что пьеса хороша? Незрелая, легкомысленная, пустая. Уже тысячу раз следовало ее закончить. Хуже того, Джек понятия не имел, как это сделать. Некогда это казалось довольно несложным. В приступе ярости Денкер хватает стоящую у камина кочергу и насмерть забивает безгрешного героя Гэри. После чего, не выпуская из рук окровавленной кочерги, встает над телом, широко расставив ноги, и пронзительно кричит в зал: «Оно где-то здесь, *и я найду его*!» Потом свет тускнеет, занавес медленно закрывается, а публика видит лежащее на авансцене лицом вниз тело Гэри. Денкер тем временем широким шагом подходит к книжному шкафу в глубине сцены и принимается лихорадочно вытаскивать книги с полок, разглядывать и отбрасывать в сторону. По мнению Джека, это настолько устарело, что покажется новым; трагедия в пяти актах! — одного новаторства пьесы хватит, чтобы помочь ей успешно пройти на Бродвее.

Однако мало того, что интерес Джека переключился на историю «Оверлука». Случилось еще кое-что: он почувствовал неприязнь к своим героям. Такого еще не бывало. Обычно Джеку, к его радости, нравились все герои — и плохие, и хорошие. Это давало возможность попробовать увидеть их со всех сторон и яснее понять мотивы из поступков. Любимый рассказ Джека, который он продал в издающийся на юге Мэна маленький журнал под названием «Контрабанда экземпляров», назывался «Вот и Мартышка, Поль Де Лонг». Герой, помешанный на детях, собирался совершить самоубийство в своем номере меблированных комнат. Джеку очень нравился Мартышка. Он сочувствовал эксцентричным потребностям Мартышки, зная, что в имевшихся на счету Поля трех изнасилованиях с убийствами следовало винить не только его. Были еще скверные родители: папаша-драчун, точь-в-точь его собственный, и мать — безвольная, безгласная тряпка (вылитая мать Джека). Гомосексуальный опыт в младших классах. Публичное унижение. В средней школе и колледже Мартышка узнал вещи и похуже. Когда он продемонстрировал свои мужские достоинства двум малышкам, сошедшим со школьного автобуса, его арестовали и отправили в лечебницу. Хуже всего было то, что из больницы его выписали, выпустили обратно на улицы, поскольку тот, кто отвечал за это, решил, что с Полем все в порядке. Фамилия того человека была Гриммер. Гриммер знал, что Мартышка Де Лонг обнаруживает признаки отклонений, но все равно написал бодрое, обнадеживающее заключение и выпустил его. Гриммер тоже нравился Джеку, он и ему сочувствовал. Гриммеру приходилось руководить больницей, в которой не хватало ни персонала, ни средств. Он пытался удержаться на плаву при помощи кочерги, чьей-то матери да грошовых пожертвова-

ний от федеральных властей штата, которым не миновать было взглянуть в глаза своим избирателям. Гриммер знал, что Мартышка в состоянии общаться с другими людьми, что он не пачкает штаны и не пробует заколоть своих товарищей по несчастью ножницами. Мартышка не мнил себя Наполеоном. Занимавшийся его случаем психиатр считал, что на улице Мартышка гораздо скорее окажется на это способен, и оба знали, что чем дольше человек пробыл в лечебнице, тем сильнее нуждается в этом маленьком мирке — как наркоман в своей дряни. А тем временем в дверь ломились люди. Параноики; шизофреники, циклотимики; семикататоники; мужчины, заявляющие, будто слетали на небо в летающем блюдце; женщины, спалившие своим детям половые органы биковской зажигалкой; алкоголики; маньяки-поджигатели; клептоманы; больные маниакально-депрессивным психозом; суицидные типы. Мир жесток, детка. Если тебе не подвинтить гайки, тебе еще и тридцати не исполнится, а ты уже начнешь трястись, дребезжать и ходить враскоряку. Джек умел посочувствовать проблеме Гриммера. Он был в состоянии сочувствовать родителям жертв убийцы. Разумеется, самим погибшим детям. И Мартышке Де Лонгу. Пусть обвинителем станет читатель. В те дни Джек не желал судить. Капюшон моралиста скверно сидел на его плечах.

В той же оптимистической манере он принялся и за «Маленькую школу». Однако позже пришлось выбирать, на чьей он стороне и, что еще хуже, Джек дошел до того, что герой, Гэри Бенсон, стал ему просто отвратителен. Вначале Гэри был задуман неглупым юношей, для которого деньги скорее проклятие, чем благословение. Юношей, который больше всего на свете хочет получить приличный аттестат — тогда можно будет поступить в хороший университет не потому, что отец на кого-то нажал, а честно сдав вступительные экзамены. Но для Джека он превратился в какого-то глупо улыбающегося паиньку, подлизу, скорее, в кандидата Ордена Знаний, нежели в искреннего его служителя. Внешне Гэри обращался к Денкеру «сэр» и ни разу не забыл об этом — Джек и собственного сына научил так адресоваться к тем, кто старше и имеет вес. Он считал, что Дэнни пользуется словом вполне искренне, как и Гэри Бенсон, такова была исходная мысль, но, когда Джек принялся за пятый акт, он все яснее и отчетливее понимал: Гэри пользуется словом с сатирическим оттенком, при строгом выражении лица Гэри Бенсон внутри глумился и насмехался над Денкером. Над Денкером, у которого сроду не было ничего из того, что имел Гэри. Над Денкером, которому всю жизнь приходилось трудиться только для того, чтобы стать директором одной-единственной небольшой школы. Над Денкером, который сейчас оказался на грани краха из-за того, что этот красивый, с виду невинный богатый мальчишка смошенничал со своим итоговым сочинением, а потом хитро замел следы. В представлении Джека Денкер-учитель не слишком-то отличался от дерущих нос мелких южноамериканских Цезарей, которые в своих банановых

царствах ставя инакомыслящих к стенке на гандбольной площадке или площадке для сквоша. Он виделся Джеку фанатиком в слишком маленькой луже, человеком, каждая прихоть которого превращается в крестовый поход. Вначале он собирался использовать пьесу, как микрокосм, чтобы высказаться насчет злоупотребления властью. Теперь же Джек все больше склонялся к тому, чтобы рассматривать Денкера в качестве мистера Чипса, да и трагедией уже казались вовсе не интеллектуальные мучения Гэри Бенсона, а, скорее, уничтожение старого добряка-учителя — директора школы, не сумевшего разгадать циничные уловки чудовища, прикинувшегося мальчиком.

Джек был не в состоянии закончить эту пьесу.

Сейчас он сидел и глядел на нее, сердито хмурясь, прикидывая, нельзя ли как-нибудь спасти положение. Честно говоря, Джек считал, что нельзя. Начинал он одну пьесу, а та каким-то образом — раз-два — превратилась в другую. Да что за черт! Все равно, следовало закончить ее раньше. Все равно она сплошное дерьмо. Кстати, почему это он решил довести себя этой пьесой до помешательства именно нынче вечером? Денек выдался такой, что нечего удивляться, если голова отказывается работать как надо.

— ...забрать его вниз?

Джек оторвал взгляд от пьесы, пытаясь сморгнуть паутинки.

— А?

— Я сказала, как нам забрать его вниз? Нам надо отправить Дэнни отсюда, Джек.

На мгновение в мыслях Джека воцарилась такая сумятица, что он никак не мог понять, о чем речь. Потом сообразил и издал короткий, лающий смешок.

— Тебя послушать, так это — раз плюнуть.

— Я не это имела в виду ...

— Что за вопрос, Венди. Вот переоденусь в вестибюле в телефонной будке, посажу его к себе на спину и слетаю в Денвер. Супермен Джек Торранс — вот как меня звали в дни моей юности.

Лицо Венди медленно выразило обиду.

— Я понимаю, что это трудно, Джек. Передатчик сломан. Снег... но пойми же и трудности Дэнни. Господи, до тебя что, не доходит? Он чуть не впал в кататонию, Джек! Что, если бы он не вышел из нее?

— Но ведь вышел же,— сказал Джек чуть отрывистей, чем следовало. Его тоже испугало состояние Дэнни — пустые глаза, расслабленное лицо... конечно, испугало. Сперва. Но, чем больше он размышлял об этом, тем сильнее недоумевал — не было ли все это представлением, затеянным, чтобы избежать наказания. В конце концов, мальчишка же сунул нос, куда не следовало.

— Какая разница,— сказала Венди. Она подошла к мужу и уселась на край кровати у стола. На лице смешались удивление и тревога.— Джек, а синяки на шее! Что-то же добралось до него! И я хочу, чтоб он оказался от этого подальше!

— Не кричи,— выговорил он.— У меня болит голова, Венди. Я обеспокоен не меньше твоего, так что, пожалуйста... не... кричи.

— Ладно,— сказала она, понижая голос.— Не буду кричать. Но я не понимаю тебя, Джек. Здесь есть кто-то кроме нас. Вдобавок кто-то не слишком приятный. Нам придется спуститься в Сайдвиндер — не только Дэнни, нам всем. Быстро. А ты... ты сидишь тут и читаешь свою *пьесу*!

— Что ты заладила: придется спуститься, придется спуститься. Должно быть, по-твоему, я и впрямь Супермен.

— По-моему, ты мой муж,— тихо сказала она и посмотрела себе на руки.

Джек взорвался. Он шмякнул пьесу об стол, снова развалив ровную стопку, сминая нижние листы.

— Самое время, чтобы ты, Венди, прочувствовала кой-какие горькие истины. Похоже, как говорят социологи, «ты ими не прониклась». Они болтаются у тебя в голове, как кучка незакрепленных биллиардных шаров. Надо загнать их в лузы. Тебе следует понять, что *снег нас тут запер*.

Дэнни вдруг зашевелился в кроватке. Не просыпаясь, он начал крутиться и ворочаться. «Как всегда, когда мы скандалим,— печально подумала Венди.— А мы опять за свое».

— Не буди его, Джек. Пожалуйста.

Тот оглянулся на Дэнни. Краска немного отхлынула от щек.

— О'кей. Извини. Прости, что я так нагрубил, Венди. Дело вовсе не в тебе. Но я же разбил передатчик. Если кто и виноват, так это я. Приемник здорово связывал нас с большой землей. «Ноль-ноль-на-приеме. Мистер Спасатель, пожалуйста, приезжайте за нами. Нам нельзя так поздно болтаться на улице»:

— Не надо,— сказала она и положила ему ладонь на плечо. Джек прижался к ней щекой. Свободной рукой Венди коснулась его волос.

— По-моему, я тебя в таком обвинила, что ты получил на это право. Иногда я — вылитая мать. Умею быть стервой. Но пойми, существуют вещи, которые... трудно преодолеть. Ты должен это понять.

— Это ты про руку? — Джек поджал губы.

— Да,— ответила Венди, а потом торопливо продолжила:— Но дело не только в тебе. Я тревожусь, когда он уходит поиграть на улицу. Он хочет на будущий год двухколесный велосипед, и мне не по себе — пусть даже там будут тренировочные колесики, все равно. Меня беспокоят его зубы и зрение, и та штука, которую он называет сиянием. Мне неспокойно. Он ведь маленький и кажется очень хрупким, а еще... еще, похоже, чему-то в этом отеле он понадобился. И, если будет такая необходимость, оно доберется до Дэнни через нас. Вот почему мы должны забрать его отсюда, Джек. Я это знаю! Чувствую! *Мы должны увезти его отсюда!*

Она была так возбуждена, что больно сжала плечо Джека, но

тот не отстранился. Ладонь Джека отыскала твердую тяжесть левой груди Венди и принялась ласкать ее сквозь рубашку.

— Венди,— произнес он и сделал паузу. Она ждала, чтобы Джек еще раз упорядочил те неизвестные ей слова, которые собрался сказать. Сильная рука на груди рождала приятное успокоение.— Может, я сумел бы отвести его вниз на снегоступах. Часть пути Дэнни смог бы пройти сам, но в основном пришлось бы его тащить. А значит — на одну-две, а может, и три ночи разбивать лагерь под открытым небом. То есть строить волокушу, чтобы тащить продукты и спальные мешки. У нас есть маленький приемник, поэтому можно было бы выбрать день, когда синоптики обещают трехдневное затишье с хорошей погодой. Но если прогноз окажется неправильным,— закончил он размеренным тихим голосом,— я думаю, мы можем погибнуть.

Венди побледнела. Ее лицо казалось светящимся, почти призрачным. Джек продолжал ласкать ее грудь, легонько потирая сосок подушечкой большого пальца.

Венди тихонько застонала, но почему, сказать было трудно. Может быть, из-за услышанного, а может, отзываясь на то, как он нежно сжимал ее грудь. Он передвинул руку повыше и расстегнул верхнюю пуговку ее рубашки. Венди переступила с ноги на ногу. Джинсы как-то сразу показались слишком тесными, это немного раздражало, но было приятно.

— А значит, пришлось бы оставить тебя одну — ты ведь совершенно не умеешь ходить на снегоступах. Что могло бы обернуться трехдневной неизвестностью. Хочется тебе этого?

Рука скользнула ко второй пуговке и расстегнула ее, открыв начало ложбинки между грудями.

— Нет,— сказала Венди слегка охрипшим голосом. Она оглянулась на Дэнни. Тот перестал крутиться и вертеться. Большой палец заполз обратно в рот. Значит, все было хорошо. Но Джек что-то недоговаривал. Слишком уж унылую картину он нарисовал. Было что-то еще... что?

— Если мы останемся на месте,— проговорил Джек, с той же нарочитой медлительностью расстегивая третью и четвертую пуговицы,— сюда непременно сунет нос спасатель из парка или сторож с аттракционов — просто так, узнать, как дела. Тут мы просто заявим, что хотим вниз. И он об этом позаботится.

Джек тихонько высвободил обнаженные груди жены из широкого «У» расстегнутой рубашки, нагнулся и обхватил губами столбик соска. Тот оказался твердым и стоял торчком. Язык Джека медленно заскользил туда-обратно, задевая его — так, как нравилось Венди. Венди издала короткий стон и выгнула спину.

(?Я что-то забыла?)

— Милый? — позвала она. Ее руки сами собой нашли затылок мужа и, когда тот отозвался, его голос заглушала плоть Венди.— Как спасатель вытащит нас отсюда?

Он приподнял голову, чтобы ответить, а потом пристроился ртом ко второму соску.

— Если вертолет окажется занят, по-моему, придется снегоходом.

(!!!)

— Но у нас есть снегоход! Уллман же говорил!

Рот Джека на мгновение замер возле ее груди. Потом Джек выпрямился. Венди немного раскраснелась, глаза слишком блестели. Лицо Джека, напротив, было спокойным, будто он только что читал довольно скучную книгу, а не был поглощен любовной игрой с женой.

— Если есть снегоход, то нет проблемы,— возбужденно проговорила она.— Можно отправиться вниз втроем.

— Венди, я в жизни не водил снегоход...

— Вряд ли научиться так уж трудно... В Вермонте на них десятилетки гоняют по полям... хотя понятия не имею, о чем думают их родители. А потом, когда мы познакомились, у тебя был мотоцикл.

Был, «Хонда». 35 кубических сантиметров. Вскоре после того, как они с Венди стали жить вместе, Джек продал его, чтобы купить сааб.

— Наверное, я сумел бы,— медленно произнес он.— Только интересно, хорошо ли его содержали. Уллман с Уотсоном... они хозяйничают в отеле с мая по октябрь. И думают о летних нуждах. Уверен, бензина в баках нет. Может не оказаться ни тормозов, ни аккумулятора. Или всего сразу. Венди, я не хочу, чтобы ты строила воздушные замки.

Теперь Венди пришла в крайнее возбуждение, она наклонилась к нему, и груди вывалились из-под рубашки. Джеку вдруг захотелось ухватить одну из них и выворачивать, пока Венди не завизжит. Может, это научило бы ее держать язык за зубами.

— Бензин не проблема,— говорила она.— И у фольксвагена, и у тутошнего фургона полные баки. А в сарае должна быть канистра — ты мог бы взять бензина про запас.

— Да,— признался он.— Канистра есть.— На самом деле их было три: две по пять галлонов и одна — на два галлона.

— Держу пари, свечи и аккумулятор тоже там. Никто не будет держать снегоход в одном месте, а свечи и аккумулятор — в другом, правда?

— Да, маловероятно, а?— Он поднялся и прошел туда, где спал Дэнни. На лоб малышу упала прядка волос, и Джек осторожно откинул ее. Дэнни не шелохнулся.

— А если ты сможешь запустить его, то увезешь нас?— спросила за спиной у Джека Венди.— В первый же день, как по радио объявят хорошую погоду?

Он ответил не сразу. Он стоял, глядя вниз, на сына, и запутанные чувства растворялись в волне любви. Мальчик был точь-

в-точь таким, как она говорила — хрупким, ранимым. Отметины на шее виднелись очень явственно.

— Да,— подтвердил он.— Я запущу его, и мы выберемся отсюда как можно быстрее.

— Слава Богу!

Он обернулся. Венди уже сняла рубашку и легла на постель: плоский живот, груди дерзко нацелены в потолок. Она лениво поигрывала ими, теребя соски.

— Поспешите, джентльмены,— негромко сказала она,— пора.

Потом она лежала на сгибе его руки, ощущая восхитительный покой. В комнате горел только ночник Дэнни, который тот притащил с собой из своей комнаты. Оказалось, поверить в то, что они делят «Оверлук» с кровожадным незваным гостем, очень нелегко.

— Джек?

— Мммм?

— Что напало на Дэнни?

Он ответил уклончиво.

— Мальчику что-то дано. Талант, которого нам с тобой не хватает. Прошу прощения, не хватает большинству. Может быть, и в «Оверлуке» кое-что имеется.

— Привидения?

— Не знаю. Но что не в смысле Олджернона Блэквуда — это точно. Скорее, остатки настроений и эмоций тех людей, которые тут останавливались. И добрых, и недобрых. В этом смысле свои призраки есть в каждом крупном отеле. Особенно в старых.

— Но покойница в ванне... Джек, он ведь не сходит с ума, нет?

Джек сжал ее и тут же выпустил.

— Мы знаем, что время от времени он впадает... ну... мягко говоря, в трансы. Мы знаем, что во время таких трансов он иногда... видит?.. вещи, которых не понимает. Если возможны прекогнитивные трансы, они, вероятно, продукт деятельности подсознания. По Фрейду оно никогда не говорит с нами языком буквальных понятий, только символами. Если видишь во сне булочную, где никто не говорит по-английски, не исключено, что тебя тревожит способность содержать свою семью. Или просто-напросто то, что тебя никто не понимает. Я читал, что эпилептический сон — стандартный выход ощущению грозящей опасности. Такие вот пустячные игры. По одну сторону сетки сознание, по другую — подсознание, и они гоняют туда-сюда какой-нибудь образ. То же самое с психическими заболеваниями, предчувствиями и так далее. Почему же с предвидением дело должно обстоять иначе? Может быть, Дэнни действительно увидел кровь на стенах президентского люкса. В его возрасте дети часто подменяют представление о смерти образом крови и наоборот. Образ для них всегда более приемлем, чем концепция. Уильям Карлос Уильямс, педиатр, это понимал. Мы растем и постепенно воспринимать

идеи становится легче, а образы остаются поэтам... Я уже храплю.

— Мне нравится слушать, как ты храпишь.

— Ребята, вот она и проговорилась. Вы все свидетели.

— А следы на шее, Джек. Они-то настоящие.

— Да.

Молчание затянулось. Венди решила, что муж, должно быть, уснул, и сама начала соскальзывать в дрему, как вдруг он сказал:

— Тут можно придумать два объяснения. Ни в одном из них нет места нашему четвертому жильцу.

— Какие? — приподнялась на локте Венди.

— Спигматы.

— Спигматы? Это, когда у кого-нибудь течет кровь в Страстную пятницу, да?

— Да. Бывает, у тех, кто глубоко верует в божественность Христа, всю Страстную неделю с ладоней и ступней не сходят кровоточащие язвы. Такое чаще встречалось в средние века. В те дни считалось, что на таких людях — благословение Господне. Не думаю, что католическая церковь объявляла это полным чудом — весьма ловко с их стороны. Спигматы не слишком отличаются от искусства йогов. Просто сейчас такие вещи более понятны, вот и все. Те, кто разбирается во взаимодействии тела с сознанием — то есть, изучают его, понимать-то никто не понимает — считают, что степень нашего участия в управлении теми функциями, которые не зависят от воли человека, куда больше, чем принято думать. Если хорошенько сосредоточиться, можно замедлить свое сердцебиение. Ускорить метаболизм. Усилить потоотделение. Или вызвать кровотечение.

— Думаешь, Дэнни *выдумал* эти синяки на шее? Джек, я просто не могу в это поверить.

— Поверить, что это возможно, я могу — хотя тоже считаю его маловероятным. Скорее уж он их сам себе поставил.

— *Сам себе?*

— Уже бывало, что мальчик, впадая в эти свои трансы, причинял себе боль. Помнишь, тогда, за ужином? По-моему, в позапрошлом году. Мы были так злы друг на дружку, что почти не разговаривали. И тут — бац! — Дэнни закатил глаза и упал лицом в тарелку. А потом на пол. Помнишь?

— Да,— отозвалась Венди.— Еще бы. Я думала, у него припадок.

— В другой раз мы пошли в парк,— продолжал он.— Без тебя. Дэнни уселся на качели и покачивался туда-сюда. Вдруг он рухнул на землю, как подстреленный. Я подбежал, поднял его, и тогда он совершенно неожиданно пришел в себя. Увидел меня и сказал: «Я ушиб попку. Скажи маме, чтоб закрыла окна в спальне, если пойдет дождик». А лило тем вечером, как из ведра.

— Да, но...

— И с улицы он всегда приходит расцарапанный, с разбитыми

локтями. А спросишь его, откуда та царапина или эта, так он просто заявляет: «Играл» — и дело с концом.

— Джек, все дети падают и набивают шишки. А уж мальчишки принимаются за это сразу, как выучатся ходить, и не останавливаются лет до двенадцати-тринадцати.

— Что Дэнни свое получает, я не сомневаюсь,— ответил Джек.— Он ребенок активный. Но я не забыл ни тот день в парке, ни тот вечер, когда мы ужинали. И не могу понять: все ли синяки и шишки нашего чада происходят от того, что он нет-нет, да и полетит вверх тормашками. Этот доктор Эдмондс сказал, что Дэнни вырубился прямо у него в кабинете, Господи ты Боже мой!

— Ну хорошо. Но эти синяки — от *пальцев*. Клянусь. Их, падая, не набьешь.

— Он впадает в трансы,— сказал Джек.— Может быть, видит то, что некогда случилось в этой комнате. Спор. А может, самоубийство. Сильные эмоции. Это не кино смотреть — мальчик, в очень внушаемом состоянии, попадает в самую гущу этой пакости. Возможно, его подсознание материализовало происходившее там символическим путем... в виде снова ожившей покойницы, зомби, нежити, упыря — называй, как хочешь.

— У меня мурашки по коже,— сказала она охрипшим голосом.

— И у меня. Я не психиатр, но, кажется, такая идея отлично подходит. Разгуливающая покойница символизирует умершие чувства, оконченные жизни, которые просто не желают сдаться и исчезнуть... но, поскольку она — образ подсознательный, она одновременно и *сам Дэнни*. В состоянии транса сознание Дэнни подавлено, за ниточки тянет фигура из подсознания. Дэнни обхватывает руками собственную шею и...

— Перестань,— велела Венди.— Я поняла. По-моему, Джек, это еще страшнее, чем крадущийся по коридорам чужак. От чужака можно уехать. А от себя — нет. Ты же говоришь о шизофрении.

— Очень ограниченного типа,— заявил он, но в тоне сквозило легкое беспокойство.— И очень специфической природы. Потому что мальчик, похоже, умеет читать мысли и действительно время от времени способен на вспышки провидения. При всем старании не могу считать это психическим заболеванием. В конце концов, все мы несем в себе шизоидные задатки. Думаю, когда Дэнни станет постарше, он справится с этим.

— Если ты прав, то увозить его отсюда нужно обязательно. Какая разница, что с ним — в этом отеле Дэнни становится хуже.

— Я бы не сказал,— возразил Джек.— Если бы он делал, как ему говорят, то, прежде всего, не полез бы в тот номер, и ничего бы не случилось.

— Господи, Джек! По-твоему, если человек не послушался, самое подходящее — это... это наполовину задушить его?

— Нет... нет. Конечно, нет. Но...

— Никаких но,— объявила Венди, яростно мотая головой.—

Истина заключается в том, что мы только строим предположения. И понятия не имеем, в какой момент он может свернуть за угол и попасть в одну из этих... воздушных ям, коротких фильмов ужасов или что оно там такое. Мы должны *увезти* его отсюда.— Она немножко посмеялась в темноте.— Дальше и у нас начнутся видения.

— Не болтай чепуху,— сказал Джек и во тьме комнаты увидел сгрудившихся у дорожки древесных львов — голодных ноябрьских львов, которые уже не охраняли, а стерегли тропу. На лбу выступил холодный пот.

— Ты действительно ничего не видел, да?— спрашивала Венди.— Я хочу сказать, когда поднялся в тот номер. Ничего не видел?

Львы исчезли. Теперь перед ним появилась пастельно-розовая занавеска и покоящийся за ней темный силуэт. Закрытая дверь. Он снова услышал приглушенное быстрое «бух!» и последовавшие за ним звуки, которые могли оказаться топотом бегущих ног. Как страшно, неровно колотилось сердце, пока он боролся с ключом.

— Ничего,— ответил Джек и не погрешил против истины. Он был взвинчен. Не уверен в том, что же происходит. У него не было случая проанализировать свои мысли и найти разумное объяснение синякам на шее сына. Черт возьми, он и сам здорово поддается внушению. Иногда галлюцинации оказываются заразными.

— А ты не передумал? В смысле — насчет снегохода?

Руки Джека внезапно сжались в тугие кулаки.

(Хватит ко мне приставать!)

— Я согласился, верно? Значит, так и будет. Теперь спи. День был длинный и тяжелый.

— Да еще какой,— согласилась она. Когда она повернулась поцеловать его в плечо, простыни зашелестели.— Я люблю тебя, Джек.

— И я тебя,— ответил он, но слова были просто движением губ. Кулаки так и не разжались, как будто руки заканчивались булыжниками. На лбу заметно пульсировала жила. Венди ни слова не сказала о том, что же им делать *после* того, как вечеринка окончится, и они окажутся внизу. Ни единого слова. Только «Дэнни то», да «Дэнни се», да «Джек, как я боюсь!» Да, да, она боится, что в шкафу живет бука, да не один, боится качающихся теней — еще как боится. Но и в реальных причинах для боязни недостатка не было. Спустившись вниз, они объявятся в Сайдвиндере с шестьюдесятью долларами и в тех шмотках, что на себе. Даже без машины. Даже будь в Сайдвиндере ломбард (а его там нет), им нечего было бы заложить, кроме коротковолнового приемничка «Сони» и кольца Венди за девяносто долларов — обручального, с бриллиантом. Приемщик в ломбарде дал бы им двадцать долларов. *Добрый* приемщик. Работы он не найдет ни временной, ни сезонной — разве что расчищать подъездные дороги, по три доллара за

вызов. Джек Торранс, тридцати лет, однажды опубликовавшийся в «Эсквайре» и лелеявший мечты (ему казалось, не столь уж беспочвенные) стать за следующие десять лет ведущим американским писателем, который со взятой в сайдвиндерском «Вестерн-Авто» лопатой на плече звонит в двери... эта картина вдруг встала у Джека перед глазами куда отчетливей, чем львы живой изгороди. Он еще крепче сжал кулаки, чувствуя, как ногти врезаются в ладони, оставляя таинственные кровоточащие следы-полумесяцы. Джон Торранс стоит в очереди, чтоб обменять свои шестьдесят долларов на продуктовые карточки; а вот он стоит в другой очереди в сайдвиндерской методистской церкви, чтобы получить на благотворительной раздаче что-нибудь из вещей и гнусные взгляды местных. Джек Торранс, который объясняет Элу, что им просто пришлось уехать — пришлось бросить «Оверлук» со всем содержимым на растерзание вандалам или ворам на снегоходах и выключить котел, потому что «видишь ли Эл, *аттандэ ву*. Эл, там живут привидения, и они желают зла моему мальчику. Пока, Эл». Раздумья о главе четвертой — «Для Джека Торранса пришла весна». Что тогда? Когда — тогда? Джек полагал, что, может быть, им удалось бы добраться на фольксвагене до западного побережья. Достаточно поставить новый бензонасос. Пятьдесят миль к западу отсюда дорога идет все время под горку — черт побери, можно пустить «жука» чуть ли не нейтральным ходом и вдоль берега добраться до Юты. Вперед, в солнечную Калифорнию, край апельсинов и случайностей. Человек с репутацией настоящего алкоголика, избивающего ученика и гоняющегося за привидениями, несомненно, сумеет сам выписать себе путевку. Все, что угодно. Техник-смотритель — обслуживание автобусов «Грейхаунд». Автомотобизнес — прорезиненная униформа мойщика машин. Не исключено кулинарное искусство — мытье тарелок в столовой. Или более ответственный пост — например, заливать бензин. Такая работа даже стимулирует интеллект: посчитать сдачу, выписать кредитную квитанцию... *Могу дать вам двадцать пять часов в неделю за минимальную плату.* В год, когда хлеб «Чудо» идет по шестьдесят центов за буханку, нелегко слушать такие песни.

С ладоней закапала кровь. Ни дать, ни взять спигматы. Да-да. Джек покрепче сжал кулаки, ожесточая себя болью. Жена спала рядом — почему бы ей не спать? Проблемы исчезли. Он согласился увезти их с Дэнни от противного бяки, и проблем не стало. *Вот видишь, Эл, я подумал, что лучше всего будет...*

(убить ее.)

Эта мысль, обнаженная, ничем не прикрашенная, поднялась ниоткуда. Страстное желание вышвырнуть ее, голую, недоумевающую, еще не проснувшуюся, из постели и душить — большие пальцы на дыхательном горле, остальные давят на позвонки; вцепиться в шею, как в зеленый побег молодой осинки; вздернуть голову Венди и с силой опустить на дощатый пол, еще, еще раз, со

стуком и треском, кроша и круша. Танцуем джаз, детка. Встряхнись-повернись. Джек заставит ее получить по заслугам, свое лекарство Венди получит. До капельки. До последней горькой капли.

Джек смутно сознавал, что где-то за пределами его жаркого, лихорадочного внутреннего мирка слышен приглушенный шум. Он бросил взгляд через комнату — Дэнни снова воевал в постели, крутился, сминая простыни. Из глубины гортани несся стон — тихий, сдавленный звук. Какой-то кошмар? Лиловая, давно умершая женщина шаркает ему вдогонку по извилистым коридорам отеля? Джек отчего-то думал, что это не так. За Дэнни во сне гналось что-то другое. Пострашнее.

Горькую плотину эмоций прорвало. Он вылез из кровати и подошел к мальчику, чувствуя дурноту и стыд за себя. Надо было думать о Дэнни — не о Венди, не о себе. Только о Дэнни. Неважно, в какую форму Джек загнал факты — в глубине души он знал, что Дэнни увезти необходимо. Он расправил простыни и закрыл мальчика пледом, лежавшим в изножье кровати. Дэнни уже опять успокоился. Джек дотронулся до лба спящего

(что за чудовища беснуются прямо под костной перегородкой?)

и нашел его теплым, но в меру. К тому же, мальчик снова мирно спал. Странно.

Он забрался обратно в постель и попытался уснуть. Безуспешно.

Как несправедливо, что дела приняли такой оборот — похоже, к ним подкралось невезение. Переехав сюда, они в конечном счете не сумели от него отделаться. К тому времени, как завтра днем они прибудут в Сайдвиндер, золотой шанс уже улетучится. Уйдет за синим замшевым ботинком, как имел обыкновение выражаться давний однокашник Джека, с которым он делил комнату. Подумать только, если они не уедут, если как-нибудь продержатся, все будет совсем иначе. Он, не одним, так другим способом, закончит пьесу. Приделает какую-нибудь концовку. Может быть, его неуверенность относительно героев придаст первоначальному варианту финала заманчивый оттенок неопределенности. Вполне вероятно, ему удастся на этом подзаработать. Но и без пьесы Эл отличным образом может убедить стовингтонский совет снова взять Джека на работу. Разумеется, целых три года ему придется оттрубить в качестве профессионала-преподавателя, но, если ему удастся воздерживаться от спиртного и не бросать творчество, то, вероятно, весь этот срок оставаться в Стовингтоне не придется. Конечно, раньше он за Стовингтон и гроша ломаного не дал бы, он чувствовал, что задыхается, что похоронен заживо. Но то была незрелая реакция. Более того — как может человеку нравиться преподавать, если каждые два-три дня на первых трех уроках череп разрывает похмельная головная боль? Такого больше не бу-

дет. Джек был уверен, что сумеет куда лучше справиться со своими обязанностями.

Где-то на середине этой мысли все стало рассыпаться на кусочки, и Джек уплыл в царство сна. Вслед ему колокольным звоном полетела последняя мысль:

Похоже, здесь мне удастся обрести покой. Наконец-то. Если только мне позволят.

Когда Джек проснулся, он стоял в ванной комнате номера 217.

(Снова бродил во сне? — почему? — здесь нет радиопередатчика, который можно разбить.)

В ванной горел свет, комната за спиной тонула во мраке. Длинная ванна на львиных лапах была затянута занавеской. Коврик для ног возле нее смялся и отсырел.

Ему стало страшно, но страх был призрачным, как во сне, и Джек догадался, что все это — не наяву. В «Оверлуке» призрачным казалось очень многое.

Он подошел к ванне, не желая лишить себя возможности ретироваться.

И откинул занавеску.

В ванне лежал совершенно голый Джордж Хэтфилд. Он покачивался на воде, словно ничего не весил, и в груди у него торчал нож. Сама вода окрасилась в ярко-розовый цвет. Глаза Джорджа были закрыты. Вяло плавающий член напоминал водоросль.

Джек услышал собственный голос:

— Джордж...

При этих словах Джордж медленно раскрыл глаза. Серебряные. В них не было ничего человеческого. Белые, как рыбье брюшко, руки Джорджа нащупали края ванны, он подтянулся и сел. Воткнутый точно между сосками нож торчал в груди. Края раны уже стянулись.

— Ты переставил таймер вперед,— сказал Джордж с серебряными глазами.

— Нет, Джордж, нет. Я...

— Я не заикаюсь.

Теперь Джордж поднялся на ноги, по-прежнему не сводя с Джека серебряных нечеловеческих глаз, а его рот растянула мертвая улыбка-гримаса. Он перекинул через фарфоровый бортик ванны ногу. Белая, сморщенная ступня оказалась на коврике.

— Сперва ты пытался переехать меня, когда я катался на велосипеде, а потом перевел вперед таймер, а потом пытался насмерть заколоть меня, но я *все равно не заикаюсь*,— Джордж шел к нему, вытянув руки со слегка скрюченными пальцами. От него пахло сыростью и плесенью, как от попавших под дождь листьев.

— Ради твоей же пользы,— выговорил Джек, пятясь.— Я перевел его вперед для твоей же пользы. Более того, я случайно знаю, что ты смошенничал с итоговым сочинением.

— Я не мошенник... и не заика.

Руки Джорджа коснулись его шеи.

Джек развернулся и кинулся бежать, но вместо этого, словно сделавшись невесомым, медленно поплыл, как частенько бывает во сне.

— Нет, ты мошенник! — в страхе и ярости выкрикнул он, минуя неосвещенную спальню-гостиную.— Я докажу!

Руки Джорджа снова оказались на его шее. Страх заполнял сердце Джека, пока тот не уверился, что сейчас оно лопнет. А потом, наконец, его рука ухватила дверную ручку, та повернулась, и Джек распахнул дверь настежь. Он вынырнул из комнаты, но не в коридор третьего этажа, а в подвал позади арки. Горела затянутая паутиной лампочка. Под ней стоял его складной стул — застывшая геометрическая форма. Вокруг, куда ни глянь, громоздились миниатюрные горные хребты из коробок и ящиков, перевязанных пачек накладных и Бог знает чего еще. Джека пронизало облегчение.

— Я найду его! — услышал он собственный крик. Он схватил отсыревшую, заплесневелую картонную коробку, та развалилась у него в руках, выплеснув водопад желтых тоненьких листков.— Оно где-то здесь! *Я найду его!* — Погрузив руки вглубь бумаг, он одной вытащил высохшее, словно бумажное, осиное гнездо, а другой — таймер. Таймер тикал. От его задней стенки шел длинный провод, к другому концу которого был прикреплен заряд динамита.— *Вот!* — взвизгнул Джек.— *Вот, получи!*

Облегчение превратилось в полное торжество. Он не просто убежал от Джорджа — он победил. Пока у него в руках такие талисманы, Джордж никогда не тронет его снова! Джордж в ужасе обратится в бегство.

Он начал оборачиваться, чтоб можно было встретить преследователя лицом к лицу — и тут-то на шее Джека сомкнулись руки Джорджа. Пальцы стиснули горло, перекрыли кислород. Он в последний раз судорожно втянул воздух, широко разевая рот, и перестал дышать.

— *Я не заика,*— донесся из-за спины шепот Джорджа.

Джек выронил осиное гнездо, и оттуда яростной желто-коричневой волной хлынули осы. Легкие горели. Перед глазами все колыхалось, но взгляд Джека упал на таймер, и чувство торжества вернулось, а с ним — вздыбленный вал праведного гнева. Вместо того, чтобы соединять таймер с динамитом, провод тянулся к золотому набалдашнику массивной черной трости, вроде той, которую завел себе отец Джека, попав в аварию с молоковозом.

Джек ухватил ее, и провод отделился. Руки ощутили тяжесть трости — здесь она казалась на своем месте. Он широко размахнулся. На обратном пути трость зацепила провод, с которого свисала лампочка, и та закачалась из стороны в сторону, отчего тени, окутывающие комнату, пустились отплясывать на полу и стенах какой-то чудовищный танец. Опускаясь, палка ударила что-то

очень твердое. Джордж завизжал. Пальцы, сжимавшие горло Джека, ослабли.

Вырвавшись на свободу из рук Джорджа, Джек быстро обернулся. Джордж стоял на коленях, пригнув голову, обеими руками закрывая макушку. Под пальцами проступала кровь.

— Пожалуйста,— робко прошептал Джордж,— отпустите меня, мистер Торранс.

— Сейчас ты свое получишь,— прорычал Джек.— Клянусь Богом. Щенок. Никчемная шавка. Сейчас, клянусь Богом. До капли. До последней поганой капли!

Над головой покачивалась лампочка, плясали тени. Джек замахивался вновь и вновь, нанося удар за ударом, поднимая и опуская руку, как робот. Окровавленные пальцы Джорджа, защищавшие голову, соскользнули, но Джек все опускал и опускал трость — на шею, на плечи, на спину с руками. Вот только трость перестала быть тростью и превратилась в молоток с яркой полосатой ручкой. В молоток, у которого одна сторона помягче, а другая — потверже. Рабочий конец был выпачкан кровью, на него налипли волосы. Потом монотонные размеренные шлепки, с которыми молоток врезался в тело, сменились гулким стуком, раскаты которого эхом гуляли по подвалу. Да и голос самого Джека стал таким же — гулким, бестелесным. Но одновременно, как это ни парадоксально, он зазвучал слабее, невнятно, обиженно... будто Джек был пьян.

Коленопреклоненная фигура медленно, умоляюще подняла лицо. Собственно, лица уже не было — лишь кровавая маска, из которой выглядывали глаза. Размахнувшись для последнего свистящего удара, Джек полностью разогнал молоток и только потом заметил, что полное мольбы лицо у его ног принадлежит не Джорджу, а Дэнни. Это было лицо его сына.

— *Папочка...*

И тут молоток врезался в мишень, он ударил Дэнни прямо между глаз, закрывая их навсегда. Джеку почудилось, будто где-то кто-то расхохотался...

(Нет!)

Когда он очнулся, он голышом стоял над кроваткой Дэнни с пустыми руками, обливаясь потом. Последний крик Джека раздался лишь в его воображении. Он снова повторил, на этот раз шепотом:

— Нет. Нет, Дэнни. Никогда.

На подгибающихся, будто резиновых, ногах Джек вернулся в постель. Венди спала глубоким сном. Часы на ночном столике показывали без четверти пять. Он лежал без сна до семи, а когда зашевелился просыпающийся Дэнни, перекинул ноги через край кровати и начал одеваться. Пора было идти вниз проверять котел.

33. СНЕГОХОД

Вскоре после полуночи, пока все спали беспокойным сном, снег прекратился, насыпав на старую корку еще восемь дюймов. Тучи разошлись, свежий ветер унес их прочь, и теперь Джек стоял в пыльном слитке солнечного света, пробивающегося сквозь грязное окошко в восточной стене сарая.

Помещение было длиной почти с товарный вагон и не уступало ему по высоте. Пахло машинным маслом, бензином и смазкой, а еще (слабый, вызывающий ностальгию, запах) — прелой травой. Вдоль южной стены, как солдаты на смотре, выстроились в ряд четыре мощные газонокосилки. Те две, на которых можно ездить, напоминали маленькие трактора. Слева расположились: бур-машина; закругленные лопаты, которыми подравнивают поле для гольфа; цепная пила; электрическая машинка для стрижки живой изгороди и длинный тонкий стальной шест с красным флажком на макушке. «Мальчик, чтоб через десять секунд мой мяч был тут. Получишь четвертак». «Да, *сэр*».

У восточной стены, особенно ярко освещенной утренним солнцем, громоздились один на другом три стола для пинг-понга. В углу — грудой сваленные грузики для шаффлборда * и комплект для игры в роке — скрученные вместе проволокой воротца, яркие шары, уложенные во что-то наподобие картонки для яиц (ну и странные же у вас тут куры, Уотсон... да, а видели б вы тех зверюшек на газоне перед фасадом, хе-хе) и два набора молотков в стойках.

Джек подошел к ним, для чего пришлось перешагнуть через старый восьмигнездный аккумулятор (несомненно, когда-то он сидел под капотом тутошнего грузовичка), устройство для подзарядки и пару лежащих между ними мотков кабеля с разъемами Дж. К. Пенни. Вытащив из той стойки, что была ближе, молоток с короткой ручкой, Джек отсалютовал им, как рыцарь, приветствующий перед битвой своего короля.

На ум опять пришли кусочки сна (который уже спутался и поблек) — что-то про Джорджа Хэтфилда и отцовскую трость. Этого хватило, чтобы Джеку стало не по себе от того, что его рука сжимает молоток — обычный старый молоток для игры в роке на свежем воздухе. Довольно абсурдно, но Джек почувствовал себя немного виноватым. Не то, чтобы роке был такой уж распространенной игрой для улицы, сейчас куда популярнее крокет — более современный родственник... и, уж если на то пошло, детский вариант этой игры. Внизу, в подвале, Джек обнаружил заплесневелый сборник правил роке, напечатанный в начале двадцатых годов, когда в «Оверлуке» прошел Североамериканский турнир по этой игре. Да, игра что надо.

---

* «Шаффлборд» — игра, где игроки с силой ударяют по диску, и тот должен проскользнуть через игровую площадку (обычно 45 футов) на одну из пяти отметок, за которые начисляются очки. (прим. перев.)

(ошизительная)

Джек легонько нахмурился, потом улыбнулся. Да, честно говоря, игра безумная. Что прекрасно выражал молоток. Мягкая сторона и твердая сторона. Тонкая, требующая зоркости игра... но одновременно игра, требующая грубых, мощных ударов.

Джек взмахнул молотком... УУУУУУУУУУПП!.. и чуть улыбнулся, услышав, с каким мощным свистом тот рассекает воздух. Потом вернул его в стойку и развернулся влево. То, что Джек там увидел, заставило его сдвинуть брови.

Почти посреди сарая стоял снегоход, довольно новый, но Джеку было абсолютно наплевать, как эта штука выглядит. Сбоку на обтекателе было написано «Бомбардир Скиду», на Джека взглянули черные буквы, наклоненные назад — вероятно, чтобы подчеркнуть скорость. Черными были и выдающиеся вперед полозья. Справа и слева от обтекателя расположились черные трубки — в спортивных машинах они называются направляющими. Но все прочее было выкрашено в яркий глумливый желтый цвет — он-то и не понравился Джеку. Сидящий в квадрате утреннего солнца снегоход с желтым телом и черными направляющими, полозьями и обивкой открытой кабины напоминал чудовищную механическую осу. Должно быть, при движении он и звук производил такой же — зудел и жужжал, готовый ужалить. Но тогда на что ж еще ему быть похожим? По крайней мере, он не притворялся. Ведь когда он сделает свое дело, им станет очень больно. Всем. К весне семейство Торрансов погрузится в такую боль, что то, что осы сделали с рукой Дэнни, покажется материнскими поцелуями.

Он вытащил из заднего кармана носовой платок, обтер губы и подошел к «Скиду». Он остановился, глядя на снегоход сверху вниз и заталкивая платок обратно в карман. Морщина на лбу углубилась. Снаружи в стену внезапно ударил порыв ветра, и сарай закачался и заскрипел. Джек выглянул в окошко и увидел, как ветер несет пелену сверкающих снежных кристалликов в сторону занесенного тыла отеля, высоко крутя их в пронзительно синем небе.

Ветер так же неожиданно улегся, и Джек вернулся к созерцанию машины. Честное слово, она внушала отвращение. Того гляди, сзади высунется длинное проворное жало. Проклятые снегоходы никогда не нравились Джеку. Они разрывали соборную тишину зимы на миллион дребезжащих осколков, пугали дикую природу. Загрязняя воздух, выпускали густые колышущиеся облачка голубоватого бензинового перегара — кха, кха, э, э, дайте подышать. Не исключено, что снегоходы — последняя нелепая игрушка раскручивающегося допотопного бензинового века, которую получают на Рождество десятилетки.

Он вспомнил, как в стовингтонской газете прочел статью, действие разворачивалось где-то в штате Мэн. Ребенок, не обращая внимания на окружающее, гонял по совершенно незнакомой до-

роге со скоростью более тридцати миль в час. Ночью. Фары не горели. Между двумя столбиками была натянута тяжелая цепь, посередине висела табличка: «ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН». Должно быть, луна зашла за тучу. Парнишка при всем желании не смог бы увидеть ограду. Цепью ему снесло голову. Тогда, читая эту историю, Джек испытывал чуть ли не радость, и теперь, при виде снегохода, это чувство вернулось.

(Если бы не Дэнни, я бы с большим удовольствием схватил молоток, открыл капот и лупил бы до тех пор, пока)

Джек медленно, длинно выдохнул томившийся в легких воздух. Венди права. Пусть потоп, благотворительная очередь, пусть все валится в тартарары — Венди права. Забить машину до смерти было бы верхом безумия; неважно, насколько такое безумие приятно. Это было бы равносильно тому, что забить до смерти собственного сына.

— Луддит, мать твою,— сказал он вслух.

Он обошел машину сзади и отвинтил крышку бензобака. Вдоль стен на уровне груди шли полки, на одной Джек отыскал измеритель глубины и сунул в бак. Обратно мокрой вылезла последняя восьмушка дюйма. Не очень много, но достаточно, чтоб проверить, заведется ли проклятая штуковина. Потом можно откачать горючее из фольксвагена и тутошнего грузовичка.

Он снова завинтил колпачок и открыл капот. Ни свечей, ни аккумулятора. Вернувшись к полке, Джек принялся шарить по ней, отпихивая в сторону гаечные и разводные ключи, однокамерный карбюратор, извлеченный из старой газонокосилки, и пластиковые коробочки с шурупами, гвоздями и болтами разных размеров. Полка потемнела от толстого слоя застарелой грязи, к которой, словно мех, прилипла копившаяся долгие годы пыль. Дотрагиваться до этого было противно.

Он нашел маленькую, запачканную маслом коробочку с лаконичной карандашной пометкой *«Скид»*. Джек встряхнул ее, внутри что-то загремело. Свечи. Одну их них он поднес к свету, пытаясь без штангенциркуля определить зазор. Мать ее, обиженно подумал он, кидая свечу обратно в коробочку. Если зазор неподходящий, хуже и быть не может, черт побери. Круто, мать их так.

За дверью стояла табуретка. Джек подтащил ее к снегоходу, уселся, вставил четыре свечи зажигания, потом навинтил на каждую крошечный резиновый колпачок. Проделав это, он позволил пальцам быстро пробежать по магнето. Когда я садился к пианино, все смеялись.

Назад к полкам. На этот раз он не мог найти то, что хотел — маленький аккумулятор. Трех- или четырехгнездный. Там были торцевые ключи, ящик с дрелями и сверлами, мешочки удобрений для газона и «вигоро» для клумб, но никакого аккумулятора для снегохода. Однако Джека это нимало не тревожило. У него гора с плеч свалилась. «Капитан, я сделал все, что мог, но закончить не

удалось». «Отлично, сынок. Я собираюсь представить тебя к Серебряной звезде и Пурпурному снегоходу. Ты делаешь честь своему полку». «Спасибо, сэр. Видит бог, я старался».

Лазая по оставшимся двум или трем футам полки, Джек в ускоренном темпе засвистел «Долину Красной реки». Ноты вырывались маленькими белыми облачками пара. Он сделал вдоль полки полный круг, но аккумулятора не оказалось. Может, кто-нибудь его свистнул. Может, Уотсон. Джек громко рассмеялся. Старый контрабандный трюк. Немного бумажных обрезков, парочка пачек бумаг... кто хватится скатерти или столового прибора «Голден Ригал»... а как насчет аккумулятора к снегоходу? Штука-то полезная. Сунуть в мешок. Интеллигентское преступление, Детка. У всех липнет к пальцам. Когда мы были ребятишками, то называли это «приделать ноги».

Джек вернулся к снегоходу и, проходя мимо, от души пнул его в бок. Ну, вот и все. Надо только сказать Венди: извини, детка, но...

В углу у двери притаилась коробка. Прямо под табуреткой. На крышке — карандашное сокращение: *«Скид»*.

При взгляде на нее улыбка на губах Джека усохла. «Смотрите, сэр, вот и кавалерия». «Похоже, ваши дымовые сигналы в конце концов сработали».

Так нечестно.

Черт побери, просто-напросто нечестно.

Что-то — везение, судьба, провидение — пыталось спасти его. Некое иное, белое везение. Но в последний момент вернулось прежнее злосчастье Джека Торранса. Карта всё ещё шла хреновая.

К горлу мрачной, серой волной подкатила обида. Руки снова сжались в кулаки.

(Нечестно, будьте вы прокляты, нечестно!)

Что ему было не посмотреть куда-нибудь в другое место? В любое другое. Почему не вступило в шею, не засвербило в носу и не приспичило моргнуть? Любой такой поступок — и он никогда не заметил бы эту коробку.

Ах, так? Ну, значит, он ее и не видел. Вот и все. Это галлюцинация, такая же, как то, что вчера случилось у того номера на третьем этаже или с проклятой живой изгородью. Минутное напряжение — вот и все. Вообрази, мне показалось, что в углу я вижу аккумулятор от снегохода. А сейчас там ничего нет. «Должно быть, боевая усталость, сэр. Извините». «Держи хвост морковкой, сынок. Рано или поздно, такое случается со всеми нами».

Он так дернул дверь, что чуть не сорвал ее с петель, втащил свои снегоступы в сарай и так саданул ими об пол, что налипший на них снег взвился облаком. Джек сунул левую ногу в снегоступ ... и остановился.

Снаружи, у площадки для подвоза молока, оказался Дэнни. Видно, он пытался слепить снеговика. Не слишком удачно — снег был недостаточно липким, чтобы держаться. И все же Дэнни да-

вал ему возможность показать себя, мальчик, укутанный по самую макушку, пятнышко на сверкающем снегу под сверкающим небом. И шапочка козырьком назад, как у Карлтона Фишке.

(Господи, о чем ты думал?)

Ответ пришел незамедлительно.

(О себе. Я думал о себе.)

(Он вдруг вспомнил, как лежал прошлой ночью в постели — лежал и вдруг понял, что обдумывает убийство собственной жены.)

В то мгновение, что Джек стоял там на одном колене, ему все стало ясно. «Оверлук» трудился не только над Дэнни. Над ним тоже. Слабое звено не Дэнни — он сам. Это он уязвим, его можно согнуть и скручивать, пока не хрустнет.

(Пока я не сдамся и не усну... а когда я сделаю это... если сделаю...)

Он взглянул вверх на занесенные окна. Их многогранные поверхности отражали слепящий блеск солнца, но он все равно смотрел. И впервые заметил, как эти окна похожи на глаза. Отражая солнце, внутри они сохраняли свой собственный мрак. И смотрели они не за Дэнни. А за ним.

В эти несколько секунд Джек понял все. Ему вспомнилась одна черно-белая картинка, которую он еще мальчишкой видел на уроке закона божия. Монахиня поставила ее на мольберт и назвала чудом Господним. Класс тупо смотрел на рисунок и видел только бессмысленную, беспорядочную путаницу черного и белого. Потом кто-то из детей в третьем ряду ахнул: «Там Иисус!» и отправился домой с новеньким Новым заветом и святцами впридачу. Ведь он был первым. Остальные уставились еще пристальнее, Джекки Торранс среди прочих. Один за другим ребята одинаково ахали, а одна девочка впала чуть ли не в экстаз, визгливо выкрикивая: *«Я вижу Его! Вижу!»* Ее тоже наградили Новым заветом. Под конец лицо Иисуса в путанице черного и белого разглядели все — все, кроме Джекки. Перепугавшись, он сильнее напряг глаза, но какая-то часть его «я» цинично думала, что остальные просто выпендриваются, задабривая сестру Беатрису, а часть была втайне убеждена, что он ничего не видит, потому что Господь счел его самым большим грешником в классе. «Разве ты не видишь, Джекки?» — спросила своим печальным приятным голосом сестра Беатриса. Он затряс головой, потом притворился взволнованным и сказал: «Да, вижу! Ух ты! Это *правда* Иисус!» И все в классе засмеялись и захлопали ему, отчего Джекки ощутил торжество, стыд и испуг. Позже, когда все остальные, толкаясь, поднимались из церковного подвала на улицу, он отстал, разглядывая ничего не значащую черно-белую сумятицу, которую сестра Беатриса оставила на мольберте. Джекки ненавидел рисунок. Остальные притворились — так же, как он сам и сама сестра. Все это была большая липа. «Дерьмо, дерьмо чертово»,— прошептал он себе под нос, а когда повернулся, чтобы уйти, то уголком глаза

заметил лик Иисуса, печальный и мудрый. Он обернулся, сердце выпрыгивало из груди. Вдруг, щелкнув, все встало на место, и Джек с изумлением и испугом уставился на картину, не в состоянии поверить, что не замечал ее. Глаза. На изборожденный заботой лоб зигзагом легла тень. Тонкий нос. Полные сострадания губы. Он смотрел на Джека Торранса. Бессмысленно разбросанные пятна внезапно превратились в несомненный черно-белый набросок лика Господа-нашего-Иисуса-Христа. Полное страха изумление перешло в ужас. Он богохульствовал перед образом Иисуса. Он будет проклят. Он окажется с грешниками в аду. Лик Иисуса был на картинке все время. Все время.

Сейчас, став на одно колено в солнечном пятне и наблюдая за играющим в тени отеля сыном, Джек понял, что все это правда. Отелю понадобился Дэнни — может быть, они все, но уж Дэнни — точно. Кусты на самом деле двигались. В 217-ом обитает покойница. В большинстве случаев эта женщина, может быть, всего лишь безвредный дух, но сейчас она активна и опасна. Ее, как злобную игрушку, запустило странное создание самого Дэнни... и его, Джека. Это Уотсон говорил, что на площадке для роке один раз кого-то насмерть хватил удар? Или это рассказал Уллман? Все равно. Потом на третьем этаже произошло убийство. Сколько же давних ссор, самоубийств, ударов? Сколько убийств? Может, по западному крылу рыщет Грейди с топором, поджидая лишь одного: чтобы Дэнни завел его, и можно было бы шагнуть за двери?

Опухшее кольцо синяков на шее Дэнни.

Подмигивающие, еле видные, бутылки в пустынном баре.

Рация.

Сны.

Альбом для вырезок, который обнаружился в подвале.

(Мидок, здесь ли ты, радость моя? Снова во сне бродила я...)

Джек вдруг поднялся и швырнул снегоступы за дверь. Его била дрожь. Он захлопнул дверь и поднял коробку с аккумулятором. Та выскользнула из трясущихся пальцев

(О Господи, что если я его разбил)

и боком ударилась об пол. Джек раскрыл картонные клапаны и вытащил наружу аккумулятор, не страшась того, что, если корпус треснул, из него может подтекать кислота. Но тот был целехонек. С губ Джека сорвался тихий вздох.

Осторожно, как ребенка, Джек отнес аккумулятор к «Скиду» и установил на место перед мотором. На одной из полок он отыскал небольшой разводной ключ и быстро, без проблем, подсоединил к аккумулятору провода. Тот ожил, подзаряжать не было нужды. Когда Джек ткнул плюсовым кабелем в клемму аккумулятора, раздался треск электрического разряда и запахло озоном. Закончив работу, Джек стал поодаль, нервно вытирая ладони о выгоревшую джинсовую куртку. Вот. Заработал. С чего бы ему не работать? Никаких причин, вот только снегоход — это

часть «Оверлука», а «Оверлук» действительно не хочет выпустить их отсюда. Ни капельки. «Оверлук» до чертиков приятно проводит время. Тут тебе и маленький мальчик, чтоб стращать, и мужик с женой, чтоб стравливать друг с другом, и, если правильно разыграть свою партию, все они могут кончить тем, что станут витать в холлах «Оверлука» подобно невещественным теням из романа Ширли Джексон. Что бы ни бродило по Хилл-Хаус, оно бродило в одиночестве. Но в «Оверлуке» одиночество никому не угрожает, о нет, общества будет предостаточно. Однако, у снегохода действительно не было причин не заводиться. Конечно, если не считать того, что

(если не считать того, что на самом деле ему все еще не хочется уезжать)

да, если не считать этого.

Джек стоял и глядел на «Скиду», дыхание замерзшими струйками вырывалось наружу. Ему хотелось, чтобы все оставалось так, как есть. Заходя сюда, он не испытывал сомнений. Тогда он знал, что спуститься на равнину — неверное решение. Простонапросто Венди напугалась буки, придуманного истеричным мальчишкой. Теперь вдруг он сумел поставить себя на ее место. Как в пьесе, в его проклятой пьесе. Джек перестал понимать, на чьей он стороне и как следует поступить. Стоило разглядеть в путанице черного и белого лик Господа, как все, туши фонари — невозможно было и дальше не замечать его. Прочие могли смеяться, заявляя: «что это за бессмысленные грязные пятна, вы мне дайте старого доброго Маэстро, картину, написанную титаном», но *ты* всегда будешь видеть выглядывающий оттуда лик Господа-нашего-Иисуса-Христа. У тебя на глазах он одним махом обрел форму, и в этот потрясающий миг прозрения сознание и подсознание смешались в одно. Ты всегда будешь видеть его. Твое проклятие — всегда видеть его.

(Снова во сне бродила я...)

Все было в порядке, пока Джек не увидел, как Дэнни возится в снегу. Вот кто виноват. Виной всему Дэнни. У него — «сияние», или как его там. Нет, не сияние. Проклятие. Будь они с Венди здесь одни, зима прошла бы очень приятно. Нечего было бы ломать голову.

(Не хочешь уехать? Не можешь?)

«Оверлук» хотел, чтоб они остались, и Джек тоже хотел этого. Все, даже Дэнни. Может быть, «Оверлук», будучи огромным, грохочущим Сэмюэлем Джонсоном, выбрал Джека на роль своего Босуэлла. Говорите, новый сторож пишет? Отлично, наймите его. Пора определиться, однако, давайте сперва избавимся от этой женщины и сынка, который сует нос, куда не следует. Мы не хотим, чтобы его отвлекали. Мы не...

Джек стоял у кабины снегохода, и головная боль возвращалась. К чему все свелось? Уехать или остаться. Очень просто. И нечего усложнять. Мы уезжаем или остаемся?

«Если уезжаем, сколько пройдет времени, прежде, чем ты найдешь в Сайдвиндере какую-нибудь тамошнюю дыру,— спросил его внутренний голос,— темную каморку с паршивым цветным теликом, где небритые безработные день-деньской смотрят развлекательные программы, убивая время. Где в мужской уборной воняет мочой, которой не меньше двух тысяч лет, а в очке унитаза всегда плавает бычок «Кэмела»? Где стакан пива — тридцать центов, закусываешь солью, а в музыкальный автомат загружено семьдесят старых «кантри»?»

Сколько времени? О Господи, как же он боится, что времени понадобится совсем немного.

— Я не могу выиграть,— очень тихо выговорил он. Вот оно. Словно Джек пытается играть в «солитер», но из-под руки пропал туз.

Он резко наклонился к мотору «Скида» и выдернул магнето. Легкость, с какой оно оторвалось, вызывала дурноту. Джек взглянул на него, потом прошел к задней двери сарая и открыл ее.

Оттуда открывался ничем не загороженный вид на горы — в мерцающем блеске утра он был красив, как на почтовой открытке. Вверх по склону, почти на милю, до первых сосен простиралась снежная целина. Джек кинул магнето в снег так далеко, как только сумел. Оно улетело куда дальше, чем должно было, и упав, взметнуло легкое снежное облачко. Ветерок унес снежную крупу к новым местам отдыха. Рассеять ее, вот оно как. Нечего тут смотреть. Все прошло. Рассеялось.

Джека охватило чувство покоя.

Он долго простоял в дверях, дыша отличным горным воздухом, потом решительно затворил их и ушел через другую дверь сказать Венди, что они остаются. По дороге он задержался и поиграл в снежки с Дэнни.

34. КУСТЫ

Настало 29 ноября. Три дня назад был День Благодарения. Последняя неделя выдалась на славу. Такого обеда, как на День Благодарения, дома им еще не приходилось есть. Для разнообразия Венди приготовила индейку Дика Холлоранна, но все наелись до отвала, даже не приступив к расчленению веселой птички. Джек простонал, что есть им теперь индейку до конца зимы — в сандвичах, с лапшой, в сметане, с сюрпризом...

Венди чуть улыбнулась.

— Нет,— сказала она,— только до Рождества. А потом будет каплун.

Джек и Дэнни хором застонали.

Синяки с шеи Дэнни исчезли, а с ними — почти все страхи. В День Благодарения Венди катала сына на санках, а Джек работал над пьесой, которая уже близилась к завершению.

— Все еще боишься, док? — поинтересовалась Венди, не зная, как спросить не так прямо.

— Да, — просто ответил тот, — но теперь я держусь в безопасных местах.

— Папа говорит, рано или поздно лесники заинтересуются тем, почему мы не выходим на связь по рации. И приедут посмотреть, все ли в порядке. Тогда можно будет уехать. Нам с тобой. А папа останется до весны. У него есть на это веские причины. В определенном отношении, док... знаю, тебе трудно это понять... мы загнаны в угол.

— Ага, — уклончиво ответил мальчик.

Этим сияющим полднем родители остались вдвоем наверху, и Дэнни знал, что они занимаются любовью. Сейчас они задремали. Дэнни знал, они счастливы. Мама еще побаивалась, а вот папина позиция была странной. Как будто он сделал что-то очень трудное и сделал правильно. Но, похоже, Дэнни не вполне понимал, что именно. Отец даже в мыслях тщательно охранял это. Дэнни размышлял: можно ли радоваться поступку и одновременно стыдиться его настолько, чтобы стараться о нем не думать? Вопрос не давал покоя. Дэнни считал, что в норме такого быть не может. Как ни старался мальчик проникнуть в отцовские мысли, получалась лишь неясная картинка: высоко в пронзительно-синем небе кружилось нечто вроде осьминога. Два раза Дэнни сосредотачивался достаточно сильно, чтобы уловить, что это, и оба раза папа вдруг упирался в него таким пронзительным и пугающим взглядом, будто знал, чем Дэнни занят.

Сейчас Дэнни в вестибюле готовился выйти на улицу. Он гулял часто, прихватывая то санки, то снегоступы. Ему нравилось бывать вне отеля. Когда он оказывался за дверями, в солнечном свете, у него словно гора падала с плеч.

Мальчик притащил стул, встал на него и из шкафчика возле танцевального зала достал парку и стеганые штаны, а потом уселся, чтобы их надеть. Сапоги лежали в ящике для обуви. Он натянул их, а, когда принялся шнуровать и завязывать аккуратным «бабушкиным» узлом сыромятные шнурки, то язык от старательности выполз из уголка рта наружу. Митенки, лыжная маска — и готово.

Протопав через кухню к черному ходу, мальчик помедлил. Ему надоело играть на заднем дворе, к тому же, в эти часы место, где он играл, закрывала тень отеля. Дэнни не нравилось быть в тени «Оверлука». Он решил, что вместо этого наденет снегоступы и сходит на детскую площадку. Дик Холлоранн велел держаться подальше от кустов живой изгороди, но мысль о зверях-деревьях не слишком беспокоила мальчика. Сейчас их похоронили под собой сугробы, виднелись лишь бугры неопределенной формы — некогда они были головой кролика и львиными хвостами. В таком виде, выглядывая из-под снега, они казались скорее нелепыми, чем пугающими.

Дэнни открыл черный ход и взял с площадки для подвоза молока свои снегоступы. Пять минут спустя на парадном крыльце он прикрепил их к ногам. Папа говорил, что у него (Дэнни) талант ходить на снегоступах — ленивый шаркающий шаг, поворот лодыжки, от которого пушистый снег слетает с креплений как раз перед тем, как нога снова опускается на землю,— ему остается только нарастить на бедра, голени и лодыжки необходимую мускулатуру. Дэнни обнаружил, что лодыжки устают раньше прочего. Хождение на снегоступах точно так же утомляло их, как катание на коньках — ведь приходилось все время отряхивать крепления. Примерно каждые пять минут Дэнни приходилось останавливаться, чтоб отдохнуть, расставив ноги и выровняв снегоступы.

Но по дороге к детской площадке отдыхать не потребовалось, он все время катился под горку. Дэнни с трудом перебрался через чудовищный сугроб, больше похожий на дюну, которую намело на парадное крыльцо, и меньше чем через десять минут уже держался рукой в митенке за горку на детской площадке. Он почти не запыхался.

Детская площадка под глубоким снегом выглядела куда симпатичнее, чем осенью. Она напоминала парк аттракционов. Цепи качелей примерзли в странных положениях, сиденья покоились прямо на снегу. Полоса препятствий превратилась в ледяную пещеру, которую стерегли ледяные зубы сосулек. Из-под снега торчали только трубы игрушечного «Оверлука»,

(Хорошо бы и настоящий так же завалило... только, чтобы нас не было внутри.)

да в двух местах, как эскимосские иглу, выдавались верхушки цементных колец. Дэнни протопал к ним, присел на корточки и начал копать. Очень скоро темная пасть одного из колец отворилась, и мальчик протиснулся в холодный тоннель. Он воображал себя Патриком Макгуэном, секретным агентом (эту программу по берлингтонскому телеканалу показывали дважды, и папа ни разу ее не пропустил — он готов был не ходить в гости, чтобы остаться дома и посмотреть «Секретного агента» или «Мстителей», а Дэнни всегда смотрел вместе с ним), убегающим по швейцарским горам от агентов КГБ. Тут были лавины, а его подружку убил отравленной стрелой печально известный агент КГБ Слобо, но где-то неподалеку находилась антигравитационная машина русских. Возможно, в конце этого тоннеля. Он вытащил свой автомат и зашагал по цементному тоннелю, широко раскрыв настороженные глаза, выдыхая воздух.

Дальний конец кольца оказался плотно перекрыт снегом. Дэнни попробовал прокопаться насквозь и удивился (а немного и встревожился), до чего крепким — почти как лед — оказался снег из-за холодного груза, который постоянно давил сверху.

Выдуманная игра распалась. Дэнни вдруг сообразил, что заперт в тесном цементном тоннеле, отчего сильно нервничает. Он

услышал собственное дыхание, которое показалось влажным, гулким и быстрым. Он находился под снегом, а через отверстие, которое Дэнни выкопал, чтобы попасть сюда, свет почти не проникал. Мальчику вдруг больше всего на свете захотелось оказаться наверху, он внезапно вспомнил, что папа с мамой спят и не знают, где он, и что если выкопанную им дыру засыплет, он окажется в ловушке — а «Оверлук» его недолюбливает.

Дэнни с некоторым трудом повернулся и пополз по цементной трубе обратно, за спиной деревянно потрескивали снегоступы, под ладошками хрустели мертвые осиновые листья последнего листопада. Только он добрался до конца, до льющегося сверху холодного света, как снег *действительно* обвалился — совсем немного, но достаточно, чтобы припудрить малыша, перекрыть выкопанное им в снегу отверстие и оставить Дэнни в темноте.

На мгновение рассудок мальчика оцепенел в полнейшей панике, не способный размышлять. Потом, словно из далекого далека, послышался наказ отца: никогда не играть на стовингтонской свалке, ведь дураки, бывает, выкидывают старые холодильники, не сняв дверцы. Если заберешься внутрь, и она случайно захлопнется, выбраться невозможно. Умрешь в темноте.

(Ты ведь не хочешь, чтобы такое случилось с тобой, а, док?)

(Нет, папа.)

Но такое *случилось*, в неистовстве подсказал рассудок, *случилось*, ты в темноте, ты заперт и тут холодно, как в холодильнике. И...

(тут со мной есть что-то еще)

Судорожно ахнув, Дэнни перестал дышать. По жилам растекся нагоняющий сон ужас. Да. Да. Здесь вместе с ним было что-то еще, что-то ужасное, что «Оверлук» приберег именно для такого случая. Может быть, огромный паук, прячущийся в норе под опавшими листьями, или крыса... а может, труп какого-нибудь малыша, который умер тут, на детской площадке. Случалось ли тут такое? Да, подумал Дэнни, может быть. В голову лезла та женщина в ванне. Кровь с мозгом на стене Президентского люкса. И малыш с разбитой при падении не то с брусьев, не то с качелей, головой, который ползет за ним в темноте, ухмыляясь, и ищет одного последнего товарища для игр на бесконечной детской площадке. Навсегда. Вот-вот станет слышно, как он приближается.

В дальнем конце цементного тоннеля раздался негромкий шорох опавших листьев, будто что-то на четвереньках ползло к Дэнни... В любой момент на щиколотку опустится холодная ручонка...

Эта мысль избавила Дэнни от паралича. Он кинулся рыть обвалившийся рыхлый снег, закупоривающий этот конец цементного кольца, выбрасывая его назад между ногами, как собака, выкапывающая кость. Сверху сочился голубоватый свет, и Дэнни рвался к нему, как ныряльщик с глубины. Он царапал спину

о край кольца. Один снегоступ зацепился за другой. Под лыжную маску и за воротник парки набился снег. Он копал его, вцепляясь в холодную рыхлую массу. Казалось, снег хочет удержать мальчика, всосать обратно, вниз, в цементное кольцо, где поджидало невидимое *существо*, хрустящее листвой, и оставить там. Навсегда.

Потом Дэнни очутился на свободе, лицо оказалось повернутым вверх, к солнцу, он полз по снегу, уползал от полупогребенного цементного кольца, хрипло хватая воздух: от пушистого снега лицо стало комически белым — живая маска ужаса. Прихрамывая, мальчик добрался до полосы препятствий и уселся, чтобы перевести дух и заново прикрепить снегоступы. Поправляя и перевязывая крепления, он не сводил глаз с отверстия, которым заканчивалась цементная труба. Он выжидал — не покажется ли оттуда что-нибудь. Ничего не появилось, и Дэнни задышал ровнее. Что бы ни жило там, это существо не выносило солнечного света. Его держали там взаперти, и выходить наружу оно, может быть, могло только в темноте... или когда оба конца его круглой тюрьмы забивало снегом.

(Но сейчас я в безопасности, в безопасности и просто вернусь домой, потому что теперь я)

Позади что-то мягко ухнуло.

Дэнни обернулся и посмотрел на отель. Но даже раньше, чем он посмотрел,

(видишь индейца на этой картинке?)

он уже знал, что увидит — ведь мальчик понял, что это за глухой удар. С таким звуком обваливается большой снежный пласт — соскальзывает с крыши отеля и падает на землю.

(видишь?)

Да. Он видел. Снег обвалился с куста, подстриженного в форме собаки. Когда Дэнни пришел сюда, это был всего лишь безвредный сугроб за пределами площадки. Теперь из-под снега явилась собака — неуместный всплеск зелени посреди белизны, от которой на глаза навертываются слезы. Собака служила, словно выпрашивала конфетку или кусочек чего-нибудь съестного.

Но на этот раз он не обезумеет, не потеряет хладнокровия. Потому что, по крайней мере, не пойман в темной дыре. Здесь светит солнце. А это всего лишь собака. Сегодня здорово тепло, с надеждой подумал мальчик. Может быть, солнце просто настолько подтопило снег на собаке, что его остаток свалился, вот и все. Может быть, дело в этом.

(не подходи к этому месту... держись в стороне)

Завязки снегоступов держали намертво. Дэнни поднялся, оглянулся и впился взглядом в цементное кольцо, почти полностью заваленное снегом. От того, что он увидел возле отверстия, через которое выбрался, сердце Дэнни остановилось. Тоннель заканчивался круглым пятном мрака, складкой тени, обозначившей дыру, которую мальчик выкопал, чтобы попасть внутрь. Сейчас, несмо-

тря на ослепительно сверкающий снег, ему показалось, будто там что-то виднеется. Шевелится. Рука. Машущая ладошка какого-то отчаянно несчастного ребенка, молящая рука утопающего.

(спаси меня, пожалуйста, спаси, если не можешь спасти меня, по крайней мере, иди поиграй со мной... навсегда, навсегда, навсегда)

— Нет,— хрипло прошептал Дэнни. Слово во всей наготе вывалилось из пересохшего рта. Теперь сознание ощутимо колебалось, готовое оставить его, как оставило, когда та женщина из ванной... нет, лучше об этом не думать.

Дэнни ухватился за нити реальности и крепко вцепился в них. Тебе надо выбраться отсюда. Сосредоточься на этом. Спокойно. Будь, как Секретный агент. Стал бы Патрик Макгуэн плакать и мочить штанишки, как младенец?

А папа стал бы?

Это немного успокоило Дэнни.

Позади снова раздалось тихое *«фламп»* упавшего снега. Он обернулся. Теперь из снега торчала ворчащая на него голова одного из львов. Лев оказался ближе, чем следовало — почти у ворот детской площадки.

Попытавшийся подняться в нем ужас Дэнни подавил. Он — Секретный агент, и *сумеет* уйти.

Он направился к выходу с площадки тем же обходным путем, что и его отец в день, когда пошел снег. Все внимание Дэнни поглотили снегоступы. Медленные, скользящие широкие шаги. Не поднимай ногу слишком высоко, не то потеряешь равновесие. Поверни лодыжку, стряхни снег с перекреста креплений. Ему казалось, что он идет так *медленно*! Вот и угол детской площадки. Там намело высокие сугробы, и Дэнни удалось перебраться через забор. Перешагнув одной ногой через изгородь, он чуть не полетел носом вниз, когда второй снегоступ зацепился за столбик ограды. Дэнни перенес тяжесть на наружную опору, размахивая руками, как мельница, помня, как трудно подниматься, если упадешь.

Справа опять повторился тот же негромкий звук. Упал пласт снега. Дэнни оглянулся и увидел двух других львов. Освободившись от снега до передних лап, они бок о бок сидели примерно в шестидесяти шагах от мальчика. Зеленые углубления — их глаза — не отрывались от него. Собака повернула голову.

(Это случается только когда не смотришь)

— О! Эй...

Снегоступы скрестились, и он нырнул вперед, в снег, без толку размахивая руками. Холодные комья набились в капюшон, за шиворот, в голенища сапог. С трудом выбравшись из снега, Дэнни попробовал подпихнуть снегоступы под себя (сердце колотилось, как сумасшедшее)

(Секретный агент помни ты Секретный агент)

и повалился на спину. Мгновение он лежал, глядя в небо, думая, что проще было бы сдаться.

Потом он вспомнил про существо в цементном тоннеле и понял, что сдаться не может. Подобрав ноги, Дэнни пристально уставился на кусты живой изгороди. Три льва собрались теперь вместе, до них было от силы сорок футов. Собака заняла положение слева от них, как будто отрезала Дэнни путь к отступлению. Если не считать пушистых жабо вокруг шеи и морд, снега на скульптурах не было. Все они не сводили с мальчика глаз.

Тот загнанно дышал, под черепом, словно крыса, крутилась, грызла паника. Он дал бой панике и снегоступам.

(папин голос: нет, не воюй с ними, док. Иди так, словно они — твои ноги. Иди вместе с ними)

(Да, пап.)

Он снова пошел, пытаясь восстановить легкий ритм, которому учился у папы. Мало-помалу тот стал возвращаться, но с ним пришло и сознание того, что Дэнни устал — так вымотал его страх. Сухожилия на бедрах и икрах горели и дрожали. Впереди виднелся издевательски далекий «Оверлук» — он словно таращил на мальчика множество окон, будто там проходили какие-то слабо интересующие его соревнования.

Дэнни оглянулся через плечо, и его торопливое дыхание на миг замерло, а потом участилось еще сильнее. От него до ближайшего льва теперь осталось не больше двадцати футов. Зверь грудью рассекал снег, как купающаяся в пруду собака. Два других голова в голову шли справа и слева от него, ни дать ни взять армейский патруль, а собака, как разведчик, по-прежнему двигалась слева. У того льва, что был ближе к Дэнни, голова пригнулась к земле, плечи мощно вздыбились над шеей, хвост задрался, будто перед тем, как Дэнни оглянулся, со свистом ходил из стороны в сторону. Ему пришло в голову, что лев похож на огромную крупную домашнюю кошку, которая от души забавляется, играя с мышью перед тем, как убить.

(... упасть)

Нет, если он упадет, его песенка спета. Подняться ему не позволят. Они бросятся на него. Дэнни бешено замахал руками и, набрав полные легкие воздуха, рванулся вперед, его центр тяжести плясал прямо перед носом мальчика. Поймав равновесие, он заспешил дальше, бросая назад короткие взгляды через плечо. Воздух со свистом входил и выходил из пересохшего горла, обжигая, как горячее стекло.

Мир сузился до слепящего снега, зеленых фигур живой изгороди и шороха снегоступов. И кой-чего еще. Мягкий, приглушенный топот. Дэнни попытался прибавить ходу и не сумел. Сейчас он шел над погребенной под снегом подъездной дорогой — маленький мальчик, чье лицо почти полностью скрывал капюшон парки. Тихий, ясный полдень. Застывший воздух.

Когда он оглянулся еще раз, шедший впереди лев оказался всего в пяти футах позади. Он ухмылялся. Пасть была раскрыта, зубы стиснуты, как зубцы часовых колесиков. Позади львов Дэнни увидел кролика — из-под снега высунулась ярко-зеленая голова, как будто кролик повернул свою ужасную, ничего не выражающую морду, чтобы увидеть, как остальные кончат подкрадываться.

На газоне перед «Оверлуком», между кольцом подъездной дороги и крыльцом, Дэнни позволил панике вырваться на свободу и неуклюже побежал на снегоступах, теперь уже не смея оглянуться, наклоняясь вперед все сильней; руки опережали мальчика, делая похожим на отыскивающего препятствие слепца. Капюшон свалился на спину, открыв лицо, меловая бледность которого сменилась лихорадочными пятнами румянца на щеках, глаза от ужаса выскакивали из орбит. Крыльцо было уже совсем близко. Позади вдруг сильно хрустнул снег — словно что-то прыгнуло.

С беззвучным криком Дэнни повалился на ступеньки крыльца и на четвереньках полез вверх. Позади со стуком цеплялись друг за дружку снегоступы.

Воздух словно распоролся, и ногу пронзила боль. Раздался треск раздираемой ткани. Еще что-то, что наверное — *совершенно точно* — было плодом его воображения.

Зычное сердитое рычание.

Запах хвои и крови.

Дэнни, хрипло всхлипывая, во весь рост растянулся на крыльце. Во рту был сильный медный привкус. Сердце тяжело колотилось в груди. Из носа тонкой струйкой текла кровь.

Он понятия не имел, сколько он пролежал там, прежде, чем распахнулись парадные двери, и к нему в одних джинсах и тапочках выбежал Джек. Следом бежала Венди.

— *Дэнни!* — крикнула она.

— Док! Дэнни, ради Бога! Что случилось? В чем дело?

Папа помогал ему подняться. Стеганые штаны оказались прорваны насквозь. Под прорехой был разорванный лыжный шерстяной носок, икру сплошь покрывали царапины... как будто Дэнни пробовал протиснуться сквозь тесно сросшуюся вечнозеленую изгородь, а ветки цеплялись за него.

Он оглянулся. Вдалеке, за газоном, за полем для гольфа, виднелось несколько смутно очерченных снежных бугров. Звери. Живая изгородь. Между ними и детской площадкой. Между ними и дорогой. Ноги Дэнни подкосились. Джек подхватил его. Мальчик расплакался.

35. ВЕСТИБЮЛЬ

Дэнни рассказал родителям все, умолчав лишь о том, что случилось, когда снег закупорил отверстие цементного кольца. Он не

смог заставить себя повторить это и не находил верных слов, чтобы выразить медленно охватившее его чувство апатии и ужас, когда там, в холодной тьме, к нему донеслось потрескивание мертвых осиновых листьев. Но Дэнни рассказал про мягкое уханье обвалившихся снежных глыб. Про втянувшего голову в плечи льва, который выбирался из-под снега, рассекая его, как воду, чтобы погнаться за мальчиком. Даже рассказал, как, когда дело близилось к концу, кролик повернул голову посмотреть на это.

Все трое устроились в вестибюле. Джек раздул в камине ревущее пламя. Дэнни завернули в одеяла на том маленьком диванчике, где когда-то — миллион лет назад — сидели, пересмеиваясь, как девчонки, три монахини, ожидая, чтобы очередь у стойки администратора поредела. Мальчик потягивал из кружки горячий суп-лапшу. Венди сидела рядом и гладила его по голове. Джек расположился на полу и, по мере того, как Дэнни рассказывал, его лицо становилось все более застывшим и неподвижным. Он дважды вытаскивал из заднего кармана носовой платок, чтобы обтереть кажущиеся воспаленными губы.

— Тогда они погнались за мной,— закончил мальчик. Джек поднялся и стал возле окна, спиной к ним. Дэнни взглянул на маму.

— И гнались до самого крыльца.— Он изо всех сил пытался говорить спокойно — ведь, если он сохранит спокойствие, ему поверят. Мистеру Стэнджеру остаться спокойным не удалось. Он расплакался и не сумел остановиться, и ЛЮДИ В БЕЛЫХ ХАЛАТАХ приехали забрать его — раз ты плачешь и не можешь остановиться, значит, у тебя ШАРИКИ ЗА РОЛИКИ ЗАЕХАЛИ, а когда же ты вернешься? КТО ЗНАЕТ. Парка, стеганые штаны и облепленные снегом снегоступы Дэнни валялись прямо у дверей на коврике.

(Не заплачу, не дам себе плакать)

Он подумал, что это ему по силам, но дрожь унять не мог. Глядя на огонь, мальчик ждал, что папа что-нибудь скажет. В темной каменной пещерке плясали высокие желтые языки пламени. С треском взорвалась сосновая шишка, в дымоход столбом полетели искры.

— Дэнни, поди-ка сюда.

Джек обернулся. Лицо по-прежнему было мертвенным, сжавшимся. Дэнни не хотелось смотреть в это лицо.

— Джек...

— Я просто хочу, чтобы мальчик на минутку подошел ко мне.

Дэнни сполз с дивана и подошел к папе.

— Молодец. Ну-ка, что ты видишь?

Дэнни еще не дошел до окна, но уже знал, что увидит. Обычная зона их прогулок, обозначенная путаницей следов сапог, санок,

снегоступов. А за ней вниз по склону, к кустам живой изгороди и детской площадке, спускалось снежное поле, укрывающее всю территорию «Оверлука». Ровную белизну нарушали всего две цепочки следов: одна шла прямо от крыльца к детской площадке, вторая — обратно, длинная и извилистая.

— Только мои следы, папа. Но...

— Как насчет живой изгороди, Дэнни?

Губы мальчика задрожали. Он готов был расплакаться. Что, если он не сумеет перестать?

(Не заплачу, не заплачу, нет. НЕТ)

— Все засыпало снегом,— прошептал он.— Но, папа...

— Что? Не слышу!

— Джек, это же допрос с пристрастием! Ты что, не видишь, он расстроен, он...

— Заткнись! Ну, Дэнни?

— Они поцарапали меня, пап. Ногу...

— Должно быть, ты расцарапал ногу о наст.

Между ними очутилась бледная, рассерженная Венди.

— К чему ты пытаешься его принудить?— спросила она.— К признанию в убийстве? *Что с тобой такое?*

Тут отчужденность в глазах Джека сломалась.

— Я пытаюсь помочь ему уяснить разницу между реальностью и обычной галлюцинацией, вот и все.

Он присел на корточки рядом с Дэнни, так, что их глаза оказались на одном уровне, а потом крепко обхватил сына.

— Дэнни, на самом деле ничего не было. Идет? Было что-то вроде одного из тех трансов, в которые ты иногда впадаешь. Вот и все.

— Пап?

— Что, Дэн?

— Ногу я поцарапал не о наст. Там нет никакого наста. Снег пушистый-пушистый. Совсем не слипается. Даже снежки не сделаешь. Помнишь, мы хотели поиграть в снежки и не смогли?

Он ощутил, как отец весь напрягся.

— Ну, значит, о ступеньку крыльца.

Дэнни отпрянул. Он вдруг понял. Его осенило, мальчик в одно мгновение догадался обо всем сразу, как иногда бывает, как было с той женщиной, которой хотелось забраться в штаны к серому человеку. Он расширившимися глазами уставился на отца.

— Ты знаешь, что я говорю правду,— потрясенный, прошептал он.

— Дэнни,— лицо Джека напряглось.

— Ты знаешь, потому что видел...

Раскрытая ладонь Джека влепилась в лицо Дэнни со скучным, вовсе не драматичным шлепком, голова мальчика качнулась назад, на щеке клеймом выступил красный отпечаток ладони.

Венди издала стонущий звук.

Все на миг оцепенели, потом Джек схватил сына и сказал:

— Дэнни, извини. Ладно, док?

— Ты ударил его, ублюдок! — выкрикнула Венди.— Грязный ублюдок!

Она вцепилась в другую руку Дэнни. На миг мальчик оказался растянутым между взрослыми.

— *Пожалуйста, перестаньте меня тянуть!* — закричал он, и в голосе звучало такое страдание, что его отпустили. Потом пришли слезы; поскуливая, малыш упал между окном и диваном, а родители беспомощно смотрели на него — так дети смотрят на игрушку, которую разломали в яростной драке, выясняя, чья она. В камине как ручная граната, взорвалась еще одна сосновая шишка, и все вздрогнули.

Венди дала Дэнни детского аспирина, а Джек уложил его в кроватку, под одеяла. Мальчик не протестовал. Он мигом уснул, сунув большой палец в рот.

— Не нравится мне это,— сказала она.— Это ухудшение.

Джек не ответил.

Венди кротко, без гнева, без улыбки взглянула на него.— Хочешь, чтоб я извинилась за то, что назвала тебя ублюдком? Ладно, извини. Прошу прощения. Все равно, бить его не надо было.

— Знаю,— пробормотал он.— Это я знаю. Что, черт возьми, на меня нашло?

— Ты обещал, что никогда больше его пальцем не тронешь.

Он с яростью взглянул на жену, но ярость тут же улеглась. Внезапно, с сожалением и ужасом, Венди поняла, каким Джек будет в старости. Раньше она ни разу не видела его таким.

(?каким?)

Потерпевшим поражение, ответила она на свой вопрос. *У него побитый вид.*

Он сказал:

— Я всегда полагал, что умею держать свое слово.

Венди подошла и положила ладонь Джеку на руку.

— Ладно, проехали. А когда спасатель приедет проверить, как мы тут, скажем ему, что все хотим спуститься вниз. Идет?

— Идет,— сказал Джек и в этот момент (по крайней мере) имел в виду именно это. Так же искренне он думал, глядя наутро после попойки в зеркало на свое бледное измученное лицо: «*Брошу. Завяжу раз и навсегда.*» Но утро сменял день, а днем Джек чувствовал себя чуть получше. День же сменялся вечером. Как сказал кто-то из великих мыслителей двадцатого века, вечер — пора грехопадений.

Он обнаружил, что хочет, чтобы Венди спросила его насчет живой изгороди, спросила бы, что имел в виду Дэнни, когда выговорил: «*ты знаешь, потому что видел...*» Сделай она так, Джек все бы ей рассказал. Все. Про кусты, про женщину в том номере. Даже про пожарный шланг, который как будто бы менял положение. Но на чем следовало остановить признания? Можно ли сказать ей, что выбросил магнето? Что, не сделай он этого, все они могли бы уже сейчас быть в Сайдвиндере?

Она сказала вот что:

— Хочешь чаю?

— Да. Чашка чая была бы очень кстати.

Венди направилась к двери и помедлила на пороге, растирая под свитером предплечья.

— Я виновата не меньше твоего,— сказала она.— Что мы-то делали, пока мальчик переживал этот... сон, или что это было?

— Перестань,— ответил Джек.— Все прошло.

— Нет,— ответила Венди и улыбнулась странной, беспокойной улыбкой.— Не прошло.

И вышла заварить чай, оставив Джека сторожить сына.

36. ЛИФТ

Очнувшись от неглубокого беспокойного сна, в котором за ним по бесконечному снежному полю гнались огромные силуэты непонятных очертаний, Джек поначалу решил, что сон продолжается: во тьме раздавались невнятные механические шумы — звяканье, щелканье, гудение, дребезжание, треск и шорох.

Потом рядом с ним в постели приподнялась Венди, и он понял, что это не сон.

— Что это? — холодные, как из мрамора, пальцы жены охватили его запястье. Джек подавил страстное желание стряхнуть их — откуда, черт возьми, ему знать, что это такое? Часы со светящимся циферблатом сообщили с ночного столика: без пяти двенадцать.

Опять что-то загудело. Громкое, равномерное гудение, совсем незаметно меняющее тон. Оно прекратилось, последовал щелчок. Дребезжащее «бум!» Глухой удар. Гудение возобновилось.

Лифт.

Дэнни сел в постели.

— Пап? *Папа?* — голос был сонным и испуганным.

— Док, я тут,— сказал Джек.— Залезай-ка к нам. Мама тоже проснулась.

Зашелестели простыни — это Дэнни забрался на постель между ними.

— Это лифт,— прошептал он.

— Правильно,— подтвердил Джек.— Всего-навсего лифт.

— То есть как это *всего-навсего?*— потребовала ответа Венди. В голосе прозвучала леденящая нотка истерии.— Середина ночи. *Кто в нем катается?*

ЖЖЖЖЖЖЖЖ. Клик-клак. Теперь — над головой. Дребезжит, захлопываясь, дверца, открываются и закрываются двери на площадках. Потом опять гул мотора и тросов.

Дэнни тихонько заскулил.

Джек спустил ноги с кровати на пол.

— Может, короткое замыкание? Я проверю.

— Не смей выходить из комнаты!

— Не глупи,— сказал он, натягивая халат.— Это моя работа.

Венди тут же выскочила из кровати следом за ним. За собой она поволокла Дэнни.

— Мы тоже пойдем.

— Венди...

— Что такое?— угрюмо спросил Дэнни.— Что случилось, пап?

Тот вместо ответа пошел прочь с сердитым застывшим лицом. Возле двери он подвязал халат поясом, отворил ее и вышел в неосвещенный коридор.

Венди на миг замялась и вышло, что первым с места двинулся Дэнни. Она быстро догнала его, и в коридор они вышли вместе.

Джек не потрудился включить свет. Она поискала выключатель, который зажигал четыре лампы под потолком ведущего к основному коридору ответвления. Джек, обогнавший их, уже сворачивал за угол. Выключатель на этот раз нашел Дэнни. Он поднял вверх все три рычажка. Коридор, ведущий к лестнице и шахте лифта, осветился.

Джек стоял на площадке, окаймленной скамейками и плевательницами — неподвижно стоял перед закрытой дверью лифта. Он показался Венди какой-то абсурдной версией современного Гамлета — выцветший клетчатый халат, коричневые стоптанные тапочки из кожи. Нерешительная фигура, которую так загипнотизировала надвигающаяся трагедия, что отвести ее или как-нибудь изменить положение дел этому человеку не под силу.

(Иисусе, перестань, что за безумные мысли)

Ее ладонь больно сжала рука Дэнни. Мальчик настойчиво глядел на нее снизу вверх, лицо напряглось и выражало тревогу. Она поняла: Дэнни уловил течение ее мыслей. Невозможно было сказать, как много — или мало — из них ему понятно, но Венди покраснела, чувствуя себя почти так же, как если бы сын застиг ее за мастурбацией.

— Пошли,— сказала Венди, и они двинулись по коридору к Джеку.

Гудение и щелчки с ударами здесь были слышны громче, они вселяли ужас, разобщая, парализуя энергию. Джек с горячечной настойчивостью глядел на закрытую дверь лифта. Сквозь ромбовидное окошко в середине двери Венди удалось различить тросы, они тоже тихонько гудели. Лифт, щелкнув, остановился под ними, в вестибюле. Донесся стук распахнувшейся дверцы. И...

(вечеринка)

Почему она подумала «вечеринка»? Слово влетело ей в голову без всяких причин, просто так. В «Оверлуке» царила полная, напряженная тишина — вот только из шахты лифта поднимались странные звуки (вот это, должно быть, вечеринка!)

(???какая вечеринка???)

На какую-то долю секунды у Венди в голове возникла такая реальная картина, что ей показалось, будто она вспомнила это... это было не рядовое воспоминание, каких полно, но сокровище из тех, какие хранишь для совершенно особых случаев и редко делишься ими вслух. Огни... сотни, может быть, тысячи огней. Огни и краски. Хлопают пробки шампанского. Оркестр — сорок человек — играет «В настроении» Глена Миллера. Но Глен Миллер загнулся от своей сигареты с марихуаной еще до того, как Венди родилась, откуда она может помнить Глена Миллера?

Она опустила взгляд на Дэнни и увидела, что тот склонил голову набок, как будто слышал что-то, чего не слышала она. Он очень побледнел.

БУХ.

Внизу хлопнула дверь. Лифт, гудя и завывая, начал подъем. Сквозь ромбовидное окошко Венди увидела сперва корпус мотора над кабиной, потом в ромбиках латунной двери показался интерьер кабины. Она была пуста. Кабина была пуста, пуста, но

(в ночь вечеринки тут, должно быть, люди толпились дюжинами, переполняя кабину сверх предела безопасности... но, конечно, тогда она была новенькой, а они все были в масках)

(???В КАКИХ МАСКАХ???)

Кабина остановилась на четвертом этаже. Венди поглядела на Дэнни. Лицо превратилось в сплошные глаза. Рот сжался в испуганную бескровную щелку. Над ними опять задребезжала латунная дверь. Стукнув, открылась дверца лифта, открылась со стуком — ведь пришло время сказать

(добрый вечер... добрый вечер... да, прелестно... нет, честное слово, я не могу остаться до снятия масок... рано в кровать, рано вставать... о, не Шейла ли это? Вон тот монах? Шейла нарядилась монахом — как остроумно, правда?.. да, доброй ночи... доброй)

Бух.

Лязгнули рычаги. Заработал мотор. Кабина с воем снова поехала вниз.

— Джек,— прошептала Венди,— что это? Что с ним такое?

— Короткое замыкание,— сказал он. Его лицо как будто одеревенело.— Я же сказал, это короткое замыкание.

— У меня в голове все время слышны голоса!— закричала она.— Что это? Что случилось? Я чувствую себя так, будто схожу с ума!

— Какие голоса?— он смотрел на нее убийственно вежливо.

Она повернулась к Дэнни.

— Ты?..

Мальчик медленно кивнул.

— Да. И музыка. Как будто из старинных времен. В голове.

Кабина опять остановилась. Пустынный, потрескивающий отель молчал. Снаружи в темноте завывал под карнизами ветер.

— Может, вы оба спятили?— тоном светской беседы спросил Джек.— Я не слышу ни хрена, кроме того, что у лифта что-то вроде электрической икоты. Если вы решили устроить хоровую истерику, отлично. Но я пас.

Лифт снова ехал вниз.

Джек шагнул вправо, где на стене на уровне груди громоздился ящик с застекленной передней стенкой. Он ударил по ней голой рукой, сжатой в кулак. Стекло, звякнув, провалилось внутрь. Из двух костяшек потекла кровь. Джек залез внутрь и достал длинный гладкий ключ.

— Джек, нет. Не надо.

— Я намерен заняться своей работой. Оставь-ка меня теперь в покое, Венди.

Она попыталась схватить его за руку. Он оттолкнул ее назад. Венди запуталась в полах халата и неуклюже шлепнулась на ковер. Дэнни пронзительно закричал и упал на колени рядом с ней. Джек опять отвернулся к лифту и вставил ключ в гнездо.

Тросы исчезли, а в маленьком окошке показалось дно кабины. Секундой позже Джек с силой повернул ключ. Раздался скрип, скрежет, и лифт мгновенно замер. Отцепленный мотор в подвале взвыл еще громче, после чего включился размыкатель контура, и «Оверлук» погрузился в неземную тишину. По сравнению с ней ночной ветер за окном показался очень громким. Джек тупо смотрел на серую металлическую дверцу лифта. Под замочной скважиной осталось три пятнышка крови из рассеченных костяшек пальцев.

Джек опять обернулся к жене и сыну. Венди сидела, а Дэнни одной рукой обнимал ее. Оба пристально смотрели на Джека, словно он был чужаком, которого они видят впервые — может статься, опасным чужаком. Он открыл рот, не вполне уверенный, что сейчас скажет.

— Это... Венди, это моя работа.

Она отчетливо выговорила:

— Ну, е...сь со своей работой.

Джек опять повернулся к лифту, просунул пальцы в трещину справа от двери, и та нехотя приоткрылась. Потом ему удалось всем телом навалиться на нее и открыть настежь.

На уровне груди Джека оказался пол кабины — та застопорилась на полпути к площадке. Из кабины лился теплый свет — полная противоположность нефтяной черноте уходящей вниз шахты.

Ему показалось, что он смотрит туда бесконечно долго.

— Пусто,— произнес он потом.— Короткое замыкание, как я и говорил.

Согнув пальцы, Джек сунул их в щель за дверцей и принялся тянуть, чтоб та закрылась... потом ему на плечо легла ладонь жены — на удивление сильная. Она оттаскивала Джека прочь.

— Венди! — крикнул он. Но та уже ухватилась за нижний край кабины и подтянулась настолько, что смогла заглянуть внутрь. Потом она попробовала подтянуться до конца, мышцы на плечах и животе судорожно вздувались. На миг результат оказался под сомнением. Ноги Венди болтались над чернотой шахты, а розовый тапочек соскользнул с ноги и, падая, исчез из вида.

— *Мама!* — закричал Дэнни.

Тут она оказалась наверху — щеки горели, бледный лоб светился, как спиртовый фонарь.

— А это что, Джек? Короткое замыкание? — Она что-то бросила, и коридор вдруг заполнился носящимся в воздухе конфетти — белым, красным, синим и желтым.

— Вот *это*?

Лента зеленого серпантина, выцветшая от времени до бледного, пастельного тона.

— Или это?

На ковер с диким узором приземлилась извлеченная Венди из кабины черная шелковая маска, присыпанная на висках блестками — «кошачьи глазки».

— *Похоже это на короткое замыкание, как по-твоему, Джек?* — крикнула ему Венди.

Джек медленно отступил от маски, машинально мотая головой. С ковра, усыпанного конфетти, «кошачьи глазки» равнодушно смотрели в потолок коридора.

37. БАЛЬНЫЙ ЗАЛ

Настало первое декабря.

В восточном крыле, в бальном зале, на туго набитом кресле с высокой спинкой, стоял Дэнни. Он разглядывал часы под сте-

клянным колпаком. Часы занимали середину высокой декоративной каминной полки, по бокам которой расположились два крупных слоника из слоновой кости. В глубине души мальчик ожидал, что слоники зашевелятся и попытаются поднять его на бивни, но те оставались неподвижны. «Безопасны».

С той ночи, когда ожил лифт, Дэнни все в «Оверлуке» начал делить на две категории. Лифт, подвал, детская площадка, номер 217 и президентский люкс (оказывается, не «лук», а «люкс»; вчера вечером за ужином папа читал какой-то гроссбух, и он посмотрел в нем, как правильно, тщательно запомнив) Дэнни отнес к категории «опасных». «Безопасными» были их комнаты, вестибюль, крыльцо. Судя по всему, бальный зал — тоже.

(Во всяком случае, слоники.)

Относительно прочих помещений уверенности не было, так что мальчик взял себе за правило избегать их.

Он разглядывал часы под стеклянным колпаком. Их закрывало стекло, потому что все колесики, зубчики и пружинки механизма торчали наружу. Снаружи их огибал не то хромированный, не то стальной рельс, а прямо под циферблатом торчала палочка-ось со сцепляющим зубом на каждом конце. Стрелки часов показывали четверть двенадцатого и, хотя Дэнни не знал римских цифр, по расположению стрелок можно было догадаться, в котором часу те остановились. Часы стояли на бархатном основании. Перед ними, слегка искаженный кривизной колпака, лежал искусно сделанный серебряный ключ.

Дэнни относил часы к тем предметам, трогать которые воспрещалось: как декоративный пожарный щит в обитом латунью шкафчике возле камина в вестибюле или высокий китайский комод у дальней стены столовой.

В нем вдруг поднялось ощущение несправедливости, сердитое возмущение, и

(*мало ли, что мне нельзя трогать, наплевать, оно-то меня тронуло, верно? Оно играло со мной, так?*)

Так. К тому же не слишком заботясь, чтобы не сломать.

Дэнни вынул руки из карманов, ухватился за стеклянный колпак, приподнял и отставил в сторону. Он позволил себе одним пальцем быстренько провести по механизму. Указательный палец легко скользнул по колесикам, а зубчики оставили на его подушечке вмятины. Дэнни взял серебряный ключ. Он был неудобно маленьким для взрослого, но отлично подошел пальцам малыша. Мальчик сунул ключ в замочную скважину посреди циферблата. Тот устойчиво вошел на место с едва уловимым щелчком, который Дэнни скорее ощутил, чем услышал. Конечно, вращался ключ вправо, по часовой стрелке.

Дэнни поворачивал его, пока тот не застопорился, и тогда вынул. Часы затикали. Зубчики завертелись; описывая полукружья,

из стороны в сторону заходило большое спусковое колесо. Стрелки ожили. Держа голову абсолютно неподвижно, широко раскрыв глаза, можно было заметить, как минутная стрелка поползла к часовой. До места их встречи следовало преодолеть около сорока пяти минут. До полуночи.

(*И над всем воцарилась Красная Смерть.*)

Мальчик нахмурился, а потом отогнал эту мысль. Она не вызывала у него никаких ассоциаций и ничего для него не значила.

Он опять вытянул указательный палец и подтолкнул минутную стрелку к часовой отметке, снедаемый любопытством — что же произойдет. Кукушки в часах явно не было, но в них зачем-то поместили стальной рельс.

Раздалась короткая серия щелчков, а потом часы принялись вызванивать вальс Штрауса «Голубой Дунай». Начал разматываться рулон пробитой дырочками ткани шириной не более двух дюймов. Поднимались и опускались маленькие группки латунных молоточков. По стальному рельсу из-за циферблата выплыли на всеобщее обозрение две фигурки — балетные танцовщики. Справа — юноша в черном трико и пуантах, слева — девушка в пышной юбочке и белых чулках. Изящно изогнутые руки образовывали над их головами арки. Куклы сошлись на середине, перед римской шестеркой.

Сбоку Дэнни высмотрел крошечные желобки — прямо под мышками у танцоров. Туда скользнула ось, раздался еще один тихий щелчок. Зубцы на обоих концах стерженька начали поворачиваться. Звенел «Голубой Дунай». Опустив руки, танцоры обнялись. Юноша поднял девушку над головой, а потом перевернул через стерженек. Теперь оба лежали ничком, голова юноши зарылась под короткую балетную пачку девушки, а девушка уткнулась лицом в середину трико партнера. Их сотрясала механическая страсть. Дэнни сморщил нос. Куколки целовали пиписки. Ему стало противно.

Через минуту все пошло обратным ходом. Юноша сделал обратное сальто через стерженек оси и поднял девушку на ноги. Дэнни показалось, что куклы понимающе кивнули друг другу, потом руки снова изогнулись арками над головой. Танцоры ретировались тем же путем, что и появились, и исчезли точно в тот момент, когда закончился «Голубой Дунай». Часы принялись отсчитывать серебристые удары.

(*Полночь! Бьет полночь!*)

(*Маскам ура-аааа!!!*)

Дэнни резко повернулся на кресле, едва не свалившись. Бальный зал был пуст. За двойным соборным окном с неба снова посыпался снег. На полу лежал несмятый огромный ковер — богатое переплетение красно-золотой вышивки (на время танцев его, конечно, скатывали). Вокруг рассредоточились маленькие, создающие интим столики на двоих; в потолок торчали ножки перевернутых, похожих на пауков стульев.

Совершенно пустынный зал.

Но пустота была кажущейся. Потому что здесь, в «Оверлуке», постоянно что-то происходило. Здесь, в «Оверлуке», все времена сошлись в одно. Тут царила бесконечная августовская ночь сорок пятого с ее смехом, выпивкой, с избранными блистательными личностями, которые поднимались и спускались в лифте, пили шампанское и выпаливали друг другу в лицо общепринятые любезности. Тут тянулся июньский предрассветный час двадцатилетней давности, и палачи мафии без конца шпиговали пулями разорванные окровавленные тела троих мужчин, сотрясаемые нескончаемой агонией. В номере на третьем этаже, ожидая гостей, в ванне покачивалась на воде женщина.

Все это в «Оверлуке» жило неким подобием жизни. Словно серебряным ключом завели весь отель. Часы шли. Часы отсчитывали время.

«Этот ключ — я»,— печально подумал Дэнни. Тони предупреждал его, а он взял и пустил дело на самотек.

(Мне только пять!)

выкрикнул он кому-то, кто полуприсутствовал в зале.

(неужели то, что мне только пять, ничего не меняет?)

Ответа не было.

Дэнни нехотя повернулся обратно к часам. Этот момент он отодвигал в надежде, что произойдет нечто такое, что даст возможность обойтись без Тони, не пытаться вызвать его, что появится лесник, вертолет или спасательная команда. В телесериалах они всегда появлялись вовремя и всех спасали. По телевизору спасатели, подразделения СВАТ и парамедики представляли доброжелательную силу, уравновешивающую то туманное зло, которое Дэнни постигал в этом мире. Когда люди попадали в беду, им помогали выкарабкаться, и дело с концом. Им не надо было самим выбираться из неприятностей.

(пожалуйста...)

Никакого ответа.

Никакого ответа, а если Тони придет, не обернется ли его приход прежним кошмаром? Стук, хриплый, раздраженный голос, сине-черный ковер? *Тремс*?

Но что еще?,

(пожалуйста, ну, пожалуйста)

Никакого ответа.

С дрожащим вздохом мальчик взглянул на циферблат. Зубчатые колесики вращались, цепляясь друг за дружку. Балансир, завораживая, ходил из стороны в сторону. А если держать голову совсем неподвижно, можно было заметить, как минутная стрелка неумолимо ползет вниз, с XII к Y.

Если совсем не двигать головой, видно было, что...

Циферблат исчез. На его месте оказалась круглая черная дыра. Она вела вниз, в никуда. Дыра стала расти, разбухать. Часы ис-

чезли. Позади них — комната. Дэнни сделал несколько неверных шагов и полетел в темноту, которая все это время пряталась за циферблатом.

Сидевший в кресле маленький мальчик внезапно обмяк, сложившись под ломаным, неестественным углом, голова откинулась назад, незрячие глаза впились в высокий потолок бального зала.

Вниз и вниз, и вниз, и вниз в...

...широкий коридор. Дэнни припал к полу в широком коридоре, он неправильно повернул — пытаясь вернуться к лестнице, он свернул не туда, а теперь, а теперь. А ТЕПЕРЬ...

...он увидел, что оказался в коротком коридорчике. Заканчиваясь тупиком, тот вел только к президентскому люксу, а звук гулких ударов приближался, молоток для игры в роке свирепо свистел, рассекая воздух, головка врезалась в стену, срывая шелковистые обои, выбивая маленькие облачка известковой пыли.

(Выходи-ка, черт побери! Получи)

Но в коридоре был и еще кто-то. Он равнодушно ссутулился, привалясь к стене прямо позади Дэнни. Как призрак. Нет, не призрак, просто он был во всем белом. В белой куртке и штанах...

(Я найду тебя, проклятое шлюхино отродье, недомерок!).

Дэнни в страхе съежился от этого крика. Теперь обладатель этого голоса шел по коридору четвертого этажа. Скоро он свернет за угол.

(Иди-ка сюда! Иди-ка сюда, маленький говнюк!)

Одетая в белое фигура немного выпрямилась, вытащила из уголка рта сигарету и счистила с полной нижней губы табачную крошку. Дэнни увидел, что это Холлоранн. В белой поварской униформе вместо того синего костюма, который был на нем в день закрытия.

— Ежели и впрямь будут неприятности,— сказал Холлоранн,— позови меня. Да погромче, вот как только что мне вмазал. Тогда я смогу услышать тебя даже во Флориде. А уж коли услышу, так бегом прибегу. Бегом прибегу. Прибе...

(Тогда приходи сейчас, приходи сейчас, приходи СЕЙЧАС! Дик, ты мне нужен, ты нам всем нужен!)

...гу. Извини, должен бежать, док, старина. Извини, Дэнни, парнище. Будет забавно, это уж точно, но я тороплюсь, убегаю срочно.

(нет!)

Но Дик Холлоранн на глазах у Дэнни развернулся, воткнул сигарету в угол рта и преспокойно вышел сквозь стену.

Оставив его одного.

Тут-то и показался из-за угла призрачный силуэт. Во мраке коридора он казался огромным, ясно виднелись лишь красные от отраженного света глаза.

(Вот ты где! Тут-то я тебя и поймал, сукин сын! Вот я тебе покажу!)

Шатаясь, волоча ноги, существо ринулось к мальчику. Молоток для игры в роке взлетал и взлетал кверху, безжалостно свистя в воздухе. Повизгивая, Дэнни пополз назад и вдруг оказался за стеной, он, кувыркаясь, падал вниз по дыре, вниз по кроличьей норе в страну, полную наводящих дурноту чудес.

Под ним, далеко внизу, оказался Тони. Он тоже падал.

(Я больше не смогу приходить, Дэнни... Он не подпустит меня к тебе... Никто из них не подпустит... Зови Дика... зови Дика...)

— *Тони!* — закричал он.

Но Тони исчез, а Дэнни вдруг очутился в неосвещенной комнате. Однако темнота не была полной. Откуда-то лился приглушенный свет. Спальня мамы и папы. Мальчику был виден папин стол. Но в комнате царил вселяющий ужас разгром. На полу валялся перевернутый мамин проигрыватель. Пластинки рассыпались по ковру. Матрас наполовину съехал с кровати. Картины сорваны со стен. Его кроватка, как дохлая собака, валяется на боку. От Лихого Лилового Лимузина остались только фиолетовые обломки пластика.

Свет падал из двери ванной. Прямо за дверью — вяло свисающая рука, с кончиков пальцев капает кровь. А в зеркале аптечки загоралось и исчезало слово ТРЕМС.

Вдруг перед зеркалом материализовались огромные часы под стеклянным колпаком. На циферблате не было ни стрелок, ни цифр, только написанная красным дата: 2 ДЕКАБРЯ. А потом, расширившимися от ужаса глазами, мальчик прочел слово ТРЕМС, неясно отразившееся в стеклянном колпаке. И, прочитав его отразившимся дважды, прочитав это отражение отражения, Дэнни понял, как оно пишется: СМЕРТЬ.

Вне себя от ужаса Дэнни Торранс закричал. С цифеблата исчезло число. Исчез и сам циферблат. Его место заняла круглая черная дыра, которая росла, ширилась, как зрачок. Она все загородила, вымарала, и мальчик полетел вперед и падал, падал, он... падал с кресла.

Он лежал на полу бального зала и тяжело дышал.

ТРЕМС
СМЕРТЬ
ТРЕМС
СМЕРТЬ

(и над всем воцарилась Красная Смерть!)

(Маски долой! Маски долой!)

Но под каждой сверкающей, прелестной маской, пока что не показываясь, таилось лицо существа, гнавшего Дэнни по темным коридорам отеля: бессмысленно вытаращенные глаза, полные жаждой человекоубийства.

Ах, как мальчику было страшно — что за лица явятся на свет, когда, наконец, придет время снять маски.

(ДИК!) закричал он изо всех сил. Казалось, от громкого крика голова лопнет. *(!!! ДИК ОХ ПОЖАЛУЙСТА ПОЖАЛУЙСТА ПОЖАЛУЙСТА ПРИЕЗЖАЙ!!!)*

Над головой Дэнни часы, которые он завел серебряным ключом, продолжали отмерять секунды, минуты, часы.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

«Вопросы жизни и смерти»

38. ФЛОРИДА

Третий сын миссис Холлоранн, Дик, в белом поварском халате, с воткнутой в угол рта «Лакки Страйк» задним ходом выводил со стоянки позади Центра оптовой торговли овощами свой отремонтированный кадиллак. В высокое темное здание заталкивал контейнер с салатом Мастертон — нынче он стал одним из владельцев Центра, но сохранил ту неподражаемую походку чечеточника, которую усвоил еще до Второй мировой.

Нажав кнопку, Холлоранн опустил окошко со стороны пассажирского сиденья и гаркнул:

— Эй, ничтожество, авокадо-то черт знает как вздорожало!

Мастертон оглянулся, показал в широкой ухмылке все три золотых зуба и заорал в ответ:

— А я, приятель, отлично знаю, куда ты можешь себе его засунуть!

— *Братец*, за такими замечаниями я слежу!

Мастертон показал палец. Холлоранн вернул комплимент.

— Что, получил жратву? — спросил Мастертон.

— Получил.

— Приезжай завтра пораньше, дам молодой картошки — такой хорошей ты в жизни не видал.

— Я пришлю мальчишку, — сказал Холлоранн. — Зайдешь нынче вечерком?

— Ставишь ты, *братец*?

— Аж на четыре доллара десять.

— Будешь ехать домой, не гони, слышь? Все фараоны отсюда до Сен-Пита знают, как тебя величать.

— Все-то ты знаешь, а? — усмехаясь, спросил Холлоранн.

— В твоей башке столько никогда не уложится, парень.

— Послушай-ка нахального ниггера. Будешь слушать?

— Давай, вали отсюда, пока я тебя салатом не закидал.

— Давай, кидай. На халяву возьму все.

Мастертон притворился, будто бросает кочан. Холлоранн быстро пригнулся, поднял окошко и поехал. Чувствовал он себя отлично. Последние полчаса его преследовал запах апельсинов, но ничего страшного Холлоранн в этом не видел. Последние полчаса он провел на фруктово-овощном рынке.

Был первый день декабря, половина пятого пополудни. Старуха-Зима прочно уселась промерзшим задом почти на всю страну, но тут, на юге, мужчины ходили в рубашках с открытым воротом

и коротким рукавом, а женщины — в легких летних платьях и шортах. Вершину здания Первого Банка Флориды венчал окаймленный огромными грейпфрутами цифровой термометр. На нем раз за разом вспыхивало число: 79. «Господи, спасибо тебе за Флориду»,— подумал Холлоранн — «за москитов и все прочее».

На заднем сиденье лимузина лежали две дюжины авокадо, ящик огурцов, столько же апельсинов, столько же грейпфрутов. Три больших пластиковых сумки заполнял бермудский лук (сладчайший овощ, какой когда-либо создавал любящий Господь), отличный сладкий горошек (его подадут на гарнир между рыбой и жарким, но в девяти случаях из десяти он вернется несъеденным) и один-единственный голубой пакет фруктовой массы Хаббарда (для чисто личного потребления).

Притормозив у светофора на Вермонт-Стрит, где можно было свернуть с улочки с односторонним движением, Холлоранн выбрался на автостраду № 219, дождавшись зеленой стрелки, и прибавил скорость до сорока миль в час. Ее он сохранял до тех пор, пока город не поредел, уступив место россыпи пригородных бензоколонок, «Бургер Кинг'ов» и «Макдональдс'ов». Сегодняшний заказ был невелик, можно было бы послать за продуктами Бедекера, но тот нервничал, как бы не прошляпить свой шанс покупать мясо и, кроме того, Холлоранн никогда не упускал случая побазарить с Фрэнком Мастертоном. Сегодня вечером Мастертон, может быть, заявится посмотреть телевизор и выпить холлоранновского «бушмилла», но может и не придти. Тоже ничего страшного. Но видеться было важно. Теперь важной оказывалась каждая их встреча — ведь они были уже немолоды. Похоже, последние несколько дней Холлоранн очень много размышлял именно об этом. Теперь они были не так молоды. Когда тебе вот-вот стукнет (или, чего греха таить, уже стукнуло) шестьдесят, волей-неволей начинаешь думать об уходе. А уйти можешь в любой момент. Всю неделю это вертелось у Холлоранна в голове — не тяготя, просто, как факт. Смерть — часть жизни. Если уж быть цельной личностью, следует настроиться на это раз и навсегда. И если понять факт собственной смерти трудно, то принять его, по крайней мере, возможно.

Почему у него в голове вертелась подобная мысль, Холлоранн не мог объяснить, но второй причиной, по которой он сам отправился за таким маленьким заказом, была возможность подняться в маленькую контору над гриль-баром Фрэнка. Сейчас там, наверху, обосновался юрист (дантист, занимавший помещение в прошлом году, видимо, разорился) — молодой негр под фамилии Мак-Айвер. Холлоранн зашел и сообщил этому Мак-Айверу, что желает составить завещание. Не мог бы Мак-Айвер помочь? Ну, спросил Мак-Айвер, как скоро вам нужен этот документ? Вчера, ответил Холлоранн, закинул голову и расхохотался. Следующий вопрос Мак-Айвера был: у вас на уме что-нибудь непростое? Ничего такого у Холлоранна не было. У него имелся кадиллак,

счет в банке, что-то около девяти тысяч долларов (ничтожный счет) да шкаф с одежкой. Он хочет, чтобы все это отошло к его сестре. А если ваша сестра умрет раньше вас? спросил Мак-Айвер. Ничего, ответил Холлоранн, если такое случится, напишу новое завещание. Не прошло и трех часов, как документ был полностью готов, и теперь покоился в нагрудном кармане Холлоранна, уложенный в жесткий синий конверт, на котором староанглийскими буквами было выведено: ЗАВЕЩАНИЕ.

Почему Холлоранн выбрал такой теплый солнечный денек, когда чувствовал себя так хорошо, чтобы сделать то, что откладывал годами, он не сумел бы объяснить. Но на него вдруг нашло, и он не сказал «нет». Он привык потакать своим капризам.

Сейчас он был уже довольно далеко от города. Он прибавил скорость до незаконных шестидесяти и пустил лимузин по левой полосе, которая всасывала основной поток идущего из Питерсберга транспорта. Холлоранн по собственному опыту знал, что и на скорости девяносто миль в час лимузин будет тяжелым, как железо, и даже при ста двадцати потеряет немного веса. Но забойные дни Холлоранна давным-давно миновали. Мысль о том, чтобы погнать с такой скоростью по пустой прямой полосе, только пугала. Он старел.

(Иисусе, как воняют эти апельсины. Интересно, они не перевернулись?)

О стекло разбивались жуки. Он покрутил приемник, нашел станцию из Майами, передававшую «соул» и услышал мягкий, причитающий голос Эла Грина.

Мы время прекрасно проводим с тобой,
но вот вечереет и надо домой...

Холлоранн приспустил окошко, выкинул окурок, потом опустил стекло еще ниже, чтобы запах апельсинов выветрился. Он барабанил пальцами по рулю и при этом мурлыкал себе под нос. Образок с изображением Святого Христофора, подвешенный к зеркальцу, качался из стороны в сторону.

Запах апельсинов вдруг усилился, и Холлоранн понял: сейчас что-то будет. Из зеркальца на него глянули собственные глаза — удивленные, широко раскрытые. А потом его словно ударило, и взрыв этот выбил все остальное: музыку, дорогу, убегающую под колеса, рассеянное осознание Холлоранном самого себя, как уникального создания рода человеческого. Как будто кто-то наставил на Холлоранна психическое ружье и выпалил в него воплем сорок пятого калибра:

(!!! ДИК ОХ ПОЖАЛУЙСТА ПОЖАЛУЙСТА ПОЖАЛУЙСТА ПРИЕЗЖАЙ!!!)

Лимузин как раз поравнялся с грузовиком с прицепом «Пинто». За рулем сидел мужчина в одежде рабочего. Увидев, что лимузин заносит на его полосу, он нажал на клаксон. Поскольку кадиллак не выровнялся, рабочий взглянул на водителя и увидел: за рулем, глядя куда-то вверх мутными глазами, выпрямившись,

будто аршин проглотил, сидит крупный негр. Позже парень говорил жене — ясное дело, ниггер-то просто был так причесан, нынче все так ходят — но тогда ему показалось, что у этого черномазого каждый волосок на голове стоит дыбом. Он подумал, что негру плохо с сердцем.

Рабочий сильно нажал на тормоз, подавшись на удачно подвернувшееся пустое место позади себя. Поперек дороги перед ним протащило багажник кадиллака; рабочий в ужасе и смятении зачарованно смотрел, как длинные продолговатые задние фары перерезали его полосу шоссе едва ли в четверти дюйма от бампера грузовика.

Не отпуская гудок, водитель грузовика резко подался влево и с ревом объехал пьяно виляющий лимузин. Он пригласил водителя лимузина совершить запрещенный законом половой акт с самим собой. Вступить в оральный половой контакт с разными птицами и млекопитающими. Он предложил от собственного имени всем, в ком есть негритянская кровь, убраться на свой родной континент. Выразил искреннюю уверенность в том, какое положение душа водителя лимузина займет на том свете. И закончил, заявив, что, похоже, встречал мать водителя лимузина в публичном доме в Новом Орлеане.

Потом он проехал вперед, оказавшись вне опасности и вдруг обнаружил, что обмочил штаны.

Без конца повторявшееся у Холлоранна в голове

(ПРИЕЗЖАЙ ДИК ПОЖАЛУЙСТА ПРИЕЗЖАЙ ДИК ПОЖАЛУЙСТА)

стало отдаляться и затихать, как передача у границ диапазона вещания. Он смутно понял, что его автомобиль катит по мягкой обочине и делает при этом вовсе не пятьдесят миль в час. Холлоранн вывел его обратно на дорогу, ощутив, как за миг до возвращения на поверхность покрытия вильнул багажником.

Прямо перед ним оказалась забегаловка «Рутбир». Холлоранн посигналил и свернул в нее. Сердце больно колотилось в груди, лицо приняло нездоровый серый оттенок. Заехав на стоянку, он достал из кармана носовой платок и промокнул лоб.

(Господи Боже)

— Чем могу помочь?

При звуке голоса он снова вздрогнул, хоть это был не глас Божий, а голосок хорошенькой официантки, которая стояла у окошка его машины, приготовив блокнот для записи заказов.

— Да-да, детка, «рутбир» со льдом. Две ложечки ванили, о'кей?

— Да, сэр.— Она ушла, приятно покачивая бедрами, обтянутыми красной униформой.

Холлоранн откинулся на спинку кожаного сиденья и закрыл глаза. Передача закончилась. Последние слова затихли между тем моментом, когда он притащился сюда и тем, когда сделал заказ. Осталась только наводящая дурноту пульсирующая головная

боль, как будто мозг Холлоранна перекрутили, отжали и повесили сушиться. Когда он позволил тому мальчугану, Дэнни, «посиять» на него в уллмановской забаве миллионеров, голова трещала точно так же.

Но на этот раз получилось гораздо громче. Тогда мальчик просто играл с ним. Здесь же была паника в чистом виде, каждое слово вопило в голове у Холлоранна.

Он посмотрел себе на руки. На них падал горячий солнечный свет, но гусиная кожа еще не сошла. Он велел мальчугану позвать его, если потребуется помощь — это он помнил. И теперь мальчик звал.

Холлоранн вдруг задумался — как вообще он мог оставить там мальчика, который так сияет. Непременно быть беде. Может, большой беде.

Он вдруг завел машину, дал задний ход и, срывая резину, выбрался обратно на шоссе. Во въездной арке ресторана остановилась официантка с пышными бедрами. В руках она держала поднос, а на нем стояло пиво со льдом.

— Да что там у вас, пожар? — крикнула она, но Холлоранн уже уехал.

Фамилия управляющего была Куимс, и, когда Холлоранн вошел, Куимс беседовал со своим букмекером. Куимсу требовалась четверка лошадей. В Рокавэе. Нет, не «парлей», не «кинелья», не «экзакта», не «футура», будь она неладна. Просто старая добрая четверка, по шестьсот долларов на нос. А в воскресенье «Джетс». То есть, как это «Джетс» играют с «Биллз»? Он что, не знает с кем играют «Джетс»? Пятьсот, разрыв семь пунктов. Когда Куимс с обессиленным видом повесил трубку, до Холлоранна дошло, как можно получать пятьдесят тысяч в год, управляя этим маленьким курортом, и при этом носить штаны, протертые на заду до блеска. Куимс уставился на Холлоранна глазами, все еще налитыми кровью после того, как накануне вечером то и дело заглядывал в бутылку виски.

— Какие-нибудь проблемы, Дик?

— Да, мистер Куимс, сэр. По-моему, так. Мне нужен отпуск на три дня.

В нагрудном кармане ядовито-желтой рубашки Куимса лежала пачка «Кента». Он, не вынимая ее из кармана, извлек сигарету, размял и угрюмо прикусил патентованный микронитовый фильтр. И прикурил от настольной зажигалки «Крикет».

— Мне тоже, — сказал он. — Что это вы задумали?

— Мне нужно три дня, — повторил Холлоранн. — Это мой мальчик.

Взгляд Куимса упал на левую руку Холлоранна — кольца там не было.

— Развелся в шестьдесят четвертом, — терпеливо сказал Холлоранн.

— Дик, вы же знаете, что такое уикэнд. Все забито. До планширов. Даже дешевые места. В воскресенье вечером у нас не протолкнешься даже во «Флорида-рум». Так что забирайте мои часы, бумажник, пенсию. Черт, забирайте хоть мою жену... если умеете терпеть острые края. Но, ради Бога, не просите отпуск. Что с мальчиком, заболел?

— Да, сэр,— ответил Холлоранн, все еще стараясь вообразить, будто мнет в руках полотняную шапочку и закатывает глаза.— Подстрелили.

— Подстрелили! — повторил Куимс. Он ткнул свой «Кент» в пепельницу с эмблемой «Старушки Мисс», где он выучился на управляющего делами.

— Да, сэр,— мрачно подтвердил Холлоранн.

— Несчастный случай на охоте?

— Нет, сэр,— сказал Холлоранн, позволяя голосу упасть до более низкой хриплой ноты.— Джэна... она жила с шофером грузовика. С белым. Он и подстрелил моего мальчугана. Он в больнице в Денвере. В Колорадо. Критическое состояние.

— Как, черт побери, вы узнали? Я думал, вы покупаете овощи...

— Да, сэр, этим я и занимался.

До того, как приехать сюда, Холлоранн остановился у конторы «Вестерн Юнион», чтобы заказать машину «Авис» в Степлтонском аэропорту. И послал телеграмму «Вестерн Юнион». Сейчас он вытащил из кармана сложенный, измятый бланк и махнул им перед налитыми кровью глазами Куимса. Сунув бланк обратно в карман, понизив голос еще капельку, Холлоранн сказал:

— Джэна прислала. Приезжаю это я сейчас, а весточка-то в почтовом ящике ждет.

— Господи. Господи Иисусе,— сказал Куимс. На его лице появилось особое застывшее выражение участия, знакомое Холлоранну. Примерно так выражают сочувствие белые, считающие себя хорошими по отношению к цветным, если речь идет о черном — или о его мифическом черном сынке.

— Ага, ладно, езжайте,— разрешил Куимс.— Думаю, на три дня Бедекер сумеет вас заменить. Может помочь мойщик посуды.

Холлоранн кивнул, заставив лицо вытянуться еще немного, но, подумав о помогающем Бедекеру мойщике посуды, про себя не мог не усмехнуться. Даже в лучшие дни Холлоранн сомневался, сумеет ли мойщик посуды с первого захода попасть струей в писсуар.

— Хочу вернуть жалованье за эту неделю,— сказал Холлоранн.— Целиком. Знаю, в какой переплет вы из-за меня попадете, мистер Куимс, сэр.

Выражение лица Куимса сделалось еще более напряженным — выглядело это так, словно он подавился костью.

— Об этом можно поговорить позже. Идите, пакуйтесь. Я поговорю с Бедекером. Хотите, забронирую вам место в самолете?

— Нет, сэр. Я сам.

— Ладно.— Куимс поднялся, наклонился вперед, но вдохнул поднимающийся от его «Кента» пласт дыма и страшно закашлялся, худое бледное лицо покраснело. Холлоранн изо всех сил старался сохранять угрюмость.— Надеюсь, все уладится, Дик. Как станет что-нибудь известно, позвоните.

— Будет сделано.

Они обменялись рукопожатием через стол.

Холлоранн заставил себя спуститься на первый этаж, пройти в помещение для прислуги, и только там разразился басистым хохотом, тряся головой. Он еще ухмылялся, промокая платком выступившие на глазах слезы, и тут запахло апельсинами. Густой аромат прогнал желание смеяться, а следом в голову Холлоранна ударил гром, да так, что Дик неверными пьяными шагами отступил к розовой оштукатуренной стене.

(!!! ПОЖАЛУЙСТА ДИК ПРИЕЗЖАЙ ПОЖАЛУЙСТА ПРИЕЗЖАЙ ПРИЕЗЖАЙ СКОРЕЕ!!!)

Через некоторое время, немного придя в себя, Холлоранн почувствовал, что, наконец, в силах взобраться по наружной лестнице к себе в комнату. Ключ хранился под плетеным тростниковым ковриком для ног. Когда он нагнулся за ним, из внутреннего кармана что-то вывалилось и упало на площадку третьего этажа с печальным «тук». Мысли Дика настолько занимал голос, вдребезги разнесший его голову, что в первую секунду он лишь равнодушно взглянул на синий конверт, не понимая, что это.

Потом Холлоранн перевернул конверт. Прямо на него уставились черные, похожие на пауков, буквы: ЗАВЕЩАНИЕ.

(О Господи, неужто так оно и бывает?)

Он не знал. Может быть. Всю неделю мысль о собственной кончине крутилась в голове, как... ну, как

(давай, давай, скажи)

как предупреждение.

Смерть? За какую-то долю секунды перед ним в единой вспышке промелькнула вся его жизнь. Не в историческом смысле, не топография взлетов и падений, пережитых Диком, третьим сыном миссис Холлоранн, а жизнь, какой она была сейчас. Незадолго до того, как пуля свела его в мученическую могилу, Мартин Лютер Кинг сказал им, что достиг вершины. Дик не мог претендовать на это. До вершины он не добрался, зато после многих лет борьбы достиг солнечного плато. У него были хорошие друзья. У него был полный набор рекомендаций, какие могут понадобиться, чтобы получить работу где угодно. Если ему хотелось трахаться — что ж, находилась дружелюбно настроенная баба, которая не ломалась и не исходила дерьмом по поводу «что все это значит». С тем, что он черный, Дик примирился... совершенно примирился. Ему уже стукнуло шестьдесят и, слава Богу, по свету он поездил.

И он собрался рискнуть покончить со всем этим, покончить *с собой* из-за трех белых, которых даже не знает?

Но ведь это неправда, верно?

Он знал мальчика. Они понимали друг друга так, как не способны даже хорошие друзья после сорока лет знакомства. Он знал мальчика, а мальчик его: ведь в голове у обоих имелся своего рода прожектор, что-то чего они не просили, что просто было им дано.

(не-е, у тебя фонарик, а прожектор у мальчугана)

Иногда этот свет — это сияние — казалось очень приятной штукой. Можно угадывать лошадей или вот, как сказал малыш,— найти папе чемодан, когда хватятся, что его нету. Но ведь это всего лишь приправа к салату, оболочка, а в салате горькой вики не меньше, чем прохладного огурца. Познаешь вкус боли, смерти и слез. Теперь мальчуган застрял в этом отеле, и Холлоранн поедет. Ради мальчика. Ведь, коли речь зашла о мальчике, они разного цвета только когда открывают рот. Поэтому он поедет. И сделает, что сможет, потому что иначе мальчуган погибнет прямо у него в голове.

Но, поскольку Холлоранн был человеком, он ничего не мог поделать с горьким желанием, чтоб его миновала чаша сия.

(Она стала выбираться наружу и искать его!)

Эта мысль пришла в голову Холлоранну, когда он упихивал в сумку одежду на смену. Воспоминание оказалось таким ярким, что Холлоранн оцепенел — такое с ним случалось каждый раз, как он думал об этом. А думать об этом он старался как можно реже.

Горничная — звали ее Делорес Викери — была в истерике. Наговорила всякого другим горничным и, хуже того, некоторым постояльцам. Болтовня дошла до Уллмана (этой дурочке следовало бы знать, что иначе и быть не может), и он вышвырнул девчонку с работы. Она явилась к Холлоранну в слезах — не потому, что ее выкинули, а из-за того, что увидела в номере на третьем этаже. Она зашла в 217-й поменять полотенца, сказала Делорес, а там оказалась эта миссис Мэсси, она лежала в ванне, мертвая. Конечно, это невозможно. Миссис Мэсси потихоньку увезли днем раньше, и в тот момент она уже летела обратно в Нью-Йорк в багажном отделении вместо первого класса, к которому привыкла.

Делорес не очень-то нравилась Холлоранну, но в тот вечер он сходил наверх посмотреть. Горничная представляла собой девицу двадцати трех лет с оливковой кожей. К концу сезона, когда становилось поспокойнее, она обслуживала столики. Холлоранн пришел к выводу, что она сияет, но очень слабо — так, мигающий огонек: зайдет пообедать похожий на мышь господин с провожатым в полотняном плаще, и Делорес пристроит их за один из своих столиков. Похожий на мышь мужчина оставлял под тарелкой портрет Александра Гамильтона — достаточно скверно для девушки, обстряпавшей дельце, но она еще и ликовала по этому поводу. Эта лентяйка исхитрялась сачковать там, где дела вел человек, не терпящий никаких сачков. Она усаживалась в бельевой

читать журнал и курила, но, когда бы Уллман ни отправился на сверхурочный обход (и горе той давшей отдых ногам девушке, которую он поймает!), он обнаруживал, что Делорес усердно трудится: журнал скрывался под простынями на верхней полке, а пепельница благополучно засовывалась в карман униформы. Да-а, подумал Холлоранн, лентяйка и неряха, которой сторонились остальные девушки... но слабенький огонек в Делорес теплился. И всегда позволял ей выйти сухой из воды. Но то, что она увидела в 217-м, испугало ее достаточно сильно, поэтому она с радостью забрала выданные ей Уллманом бумаги и уехала. Почему Делорес пришла к нему? Сияние сияние узнает, подумал Холлоранн, усмехнувшись.

В общем, в тот вечер он пошел наверх, в комнату, которую на следующий день должны были занять снова. Чтобы войти, Холлоранн воспользовался ключом-универсалом из конторы. Поймай его с этим ключом Уллман, Дик присоединился бы к Делорес Викери в очереди на бирже труда.

Ванну заслоняла занавеска. Он откинул ее, но еще раньше предчувствие подсказало ему, что он там увидит. В наполовину налитой ванне грузно лежала лиловая, раздувшаяся миссис Мэсси. Холлоранн замер, глядя на нее сверху вниз, а сильно колотящееся сердце подкатило к самому горлу. В «Оверлуке» случалось и другое: время от времени повторялся плохой сон — как будто Дик на балу-маскараде обслуживает гостей в бальном зале и при крике «Маски долой!» появляются их настоящие лица, гниющие морды насекомых. А еще кусты живой изгороди, эти звери; два, может быть, три раза Холлоранн видел (или думал, что видит), как они перемещались, хотя и совсем немного. Сидевшая на задних лапах собака как будто бы чуть припадала к земле, а львы выдвигались вперед, словно угрожали маленьким хамам с детской площадки. В прошлом году, в мае, Уллман послал Холлоранна на чердак поискать декоративный набор инструментов для тушения пожара, тот, что ныне стоит в вестибюле у камина. Пока Дик копался там, три лампочки под потолком погасли, и он потерял выход. Неизвестно, сколько времени он бродил там, спотыкаясь, налетая на разные предметы, обдирая лодыжки о коробки, все ближе к панике, и все сильнее становилось ощущение, будто в темноте что-то к нему подкрадывается. Огромное страшное существо, которое медленно просочилось под дверь, как только погас свет. А когда, споткнувшись, Холлоранн буквально вылетел в люк, то, не закрывая его, со всех ног поспешил вниз — перемазанный сажей, встрепанный, по-прежнему томимый дурным предчувствием. Потом Уллман лично спустился в кухню сообщить, что Дик оставил чердачный люк нараспашку и не погасил свет. Может быть, Холлоранн полагает, что постояльцам захочется подняться туда поиграть в кладоискателей? Он считает, что электричество бесплатное?

И Дик заподозрил — нет, почти уверился — что кое-кто из по-

стояльцев тоже видел или слышал разные вещи. За три года, проведенные им в отеле, президентский люкс снимали девятнадцать раз. Шестеро из въехавших туда покинули отель рано, некоторые выглядели явно нездоровыми. Другие гости с той же внезапностью покидали другие номера. В семьдесят четвертом, однажды вечером, когда стало смеркаться, на поле для гольфа неизвестно почему забился в истерике, пронзительно крича, человек, заработавший в Корее Бронзовую и Серебряную Звезды (теперь он заседал в правлениях трех главнейших корпораций и, по слухам, лично вышвырнул с работы известного автора телевизионных программ новостей). Потом, за то время, что Холлоранн был связан с «Оверлуком», дети дюжинами отказывались ходить на детскую площадку. У одной малышки случились судороги, когда она играла в цементных кольцах. Однако можно или нельзя отнести это на счет беспощадной песни злобных сирен «Оверлука», Холлоранн не знал — среди персонала ходили слухи, что ребенок, единственная дочь красавца-киноактера, страдает эпилепсией, сидит на лекарствах и в тот день просто забыла их выпить.

Поэтому, уперевшись взглядом в труп миссис Мэсси, он испугался, но в полный ужас не пришел. Это оказалось полной неожиданностью. Ужас охватил его, когда она открыла глаза, обнаружив пустые серебряные зрачки, и усмехнулась. Ужас охватил его, когда

(она начала вылезать и искать его!)

С бешено колотящимся сердцем Дик пулей вылетел оттуда, но даже за закрытой и запертой дверью не почувствовал себя в безопасности. Честно говоря, застегивая сейчас молнию на дорожной сумке, он признался себе, что с тех пор нигде в «Оверлуке» больше не чувствовал себя в безопасности.

А теперь мальчуган — зовет, кричит: помоги!

Он взглянул на часы. Половина шестого вечера. Холлоранн направился к дверям, вспомнил, что в Колорадо (особенно в горах) сейчас суровая зима, и вернулся к шкафу. Из полиуретанового сушащего и очищающего чехла Дик вытащил длинное, отделанное овчиной пальто и перекинул через руку. Другой зимней одежды у него не было. Погасив свет, он огляделся. Ничего не забыл? Да. Еще одно. Вытащив из нагрудного кармана завещание, он засунул его за край зеркала на туалетном столике. Если повезет, он вернется и сам вынет его оттуда. Да уж, если повезет.

Холлоранн вышел из квартиры, запер дверь, сунул ключ под тростниковый коврик и по ступенькам крыльца сбежал к кадиллаку с откинутым верхом.

На полдороге к «Майами Интернэшел», в приятном отдалении от коммутатора, который, как известно, прослушивал Куимс со своими подпевалами, Холлоранн остановился возле торгового центра «Лондромэт» и позвонил в «Объединенные авиалинии». Самолеты на Денвер?

Имелся один самолет, который должен был улететь в 6:36. Джентльмен успеет?

Холлоранн поглядел на часы. Они показывали 6:02. И сказал, что успеет. Как насчет свободных мест на этот рейс?

Минуточку, я проверю.

Он услышал щелчок, а потом — сахаринно-сладкий голос Монтавани, который предположительно делал ожидание более приятным. Как бы не так. Холлоранн переминался с ноги на ногу, поглядывая то на часы, то на молоденькую девушку с подвесной люлькой за спиной. В люльке спал малыш. Она разменивала мелочь и боялась, что попадет домой позже, чем собиралась, и бифштекс подгорит, а муж — Марк? Майк? Мэтт? — будет злиться.

Прошла минута. Две. Он совсем было собрался поехать дальше и рискнуть, как вновь зазвучал словно записанный на пленку голос клерка, занимающегося бронированием мест. Есть свободное место, отказное. В первом классе. Это имеет какое-нибудь значение?

Нет. Согласен.

Плата наличными или кредитной карточкой?

Наличными, детка, наличными. Мне надо улететь.

А фамилия...?

Холлоранн, два «л», два «н». Пока.

Он повесил трубку и заспешил к дверям. В голове беспрерывно звучали несложные мысли девушки, которая беспокоилась за бифштекс, и Холлоранн почувствовал, что вот-вот спятит. Иногда бывало, что безо всяких причин он ловил совершенно изолированную, абсолютно чистую отчетливую мысль — и, как правило, совершенно никчемную.

Он почти успел. Он гнал со скоростью восемьдесят миль в час и уже видел аэропорт, когда его отозвал в сторону один из Прекраснейших по Флориде.

Холлоранн опустил электрифицированное окошко и открыл было рот, но полицейский уже перелистывал книжку штрафов.

— Знаю, знаю,— мирно сказал полицейский.— Похороны в Кливленде. Ваш отец. Свадьба в Сиэттле. Ваша сестра. Пожар в Сан-Хосе, который уничтожил кондитерскую вашего дедушки. Действительно классный «Каборджа-ред», который поджидает во временном хранилище в Нью-Йорке. Этот кусок дороги перед самым аэропортом я просто обожаю. Даже ребенком я больше всего любил внеклассное чтение.

— Послушайте, начальник, мой сын...

— Единственное, что я не могу вычислить, пока сказка не кончится,— сообщил офицер, отыскивая нужную страничку в квитанционной книжке,— это номер водительских прав провинившегося шофера и регистрационная информация на него. Ну, будьте умницей. Дайте-ка взглянуть.

Холлоранн посмотрел в спокойные голубые глаза полицейского, обдумал, не рассказать ли все же свою сказочку «мой сын в критическом состоянии» и решил, что так выйдет только хуже. Этот Смоки — не Куимс. Он вытащил бумажник.

— Чудесно,— сказал полицейский. Будьте любезны, выньте их оттуда. Мне просто надо посмотреть, как все обернется под конец.

Холлоранн молча вынул водительские права, флоридскую регистрационную карточку и отдал полицейскому из службы движения.

— Очень хорошо. Так хорошо, что вы заслужили подарок.

— Какой?— с надеждой спросил Холлоранн.

— Когда я кончу переписывать эти цифры, я дам вам подкачать мне маленький баллон.

— *О Боже-ее-е...*— простонал Холлоранн.— Начальник, у меня рейс...

— Шшшшш,— сказал полицейский.— Не капризничайте.

Холлоранн закрыл глаза.

Он добрался до стойки «Объединенных авиалиний» в 6:49, беспричинно надеясь, что рейс задержали. Спрашивать даже не понадобилось. Табло вылетов над стойкой, где регистрировались перед посадкой пассажиры, все ему сказало. Рейс № 901 на Денвер, который должен был отправиться в 6:36, вылетел в 6:40. Девять минут назад.

— Ах ты черт,— сказал Дик Холлоранн.

И вдруг запахло апельсинами. Тяжелый, насыщенный запах. Дик только успел дойти до мужского туалета и тут, оглушая, прозвучало полное ужаса:

(!!!ПРИЕЗЖАЙ ПОЖАЛУЙСТА ПРИЕЗЖАЙ ДИК ПОЖАЛУЙСТА ПОЖАЛУЙСТА ПРИЕЗЖАЙ!!!)

39. НА ЛЕСТНИЦЕ

Среди того, что они продали перед переездом из Колорадо в Вермонт, дабы увеличить текущие авуары, оказалась и коллекция Джека: две сотни старых альбомов с рок-н-роллом и рокабилли. Они разошлись на толкучке по доллару за штуку. Среди них — один, который особенно любил Дэнни, двойной альбом Эдди Кокрэна с подклеенной туда четырехстраничной вкладкой с текстами Ленни Кая. Венди частенько поражалась, как очаровывает Дэнни именно этот альбом, записанный мужчиной-мальчиком, который быстро прожил жизнь и рано умер... умер, честно говоря, когда ей самой было всего десять.

Сейчас, в четверть восьмого по горному времени (Дик Холлоранн как раз рассказывал Куимсу про белого дружка своей бывшей жены) Венди наткнулась на сына. Тот сидел на середине лестницы, ведущей из вестибюля на второй этаж, перекидывал из руки

в руку красный резиновый мячик и напевал одну из песенок с той самой пластинки. Голос мальчика был тихим и монотонным.

— Вот лезу на первый-второй этаж, на третий и на четвертый,— пел Дэнни,— на пятый, шестой, седьмой этаж — такой уж я парень упертый... и вот я забрался наверх, ура! но нету сил плясать до утра...

Венди обошла его, присела на один из подъемов лестничных ступеней и увидела, что нижняя губа мальчика распухла и стала в два раза больше, а на подбородке засохла кровь. Сердце испуганно подпрыгнуло в груди, но ей удалось заговорить ровным тоном.

— Что стряслось, док? — спросила она, хотя не сомневалась, что знает. Его ударил Джек. Да, конечно. Этого следовало ожидать, правда? Колесо прогресса; рано или поздно оно возвращает тебя к тому месту, откуда ты отправлялась.

— Я позвал Тони,— ответил Дэнни.— В бальном зале. По-моему, я упал со стула. Теперь уже не болит. Просто кажется... что губа слишком большая.

— Все действительно так и было? — спросила Венди, встревоженно глядя на сына.

— Это не папа,— ответил он.— Сегодня — нет.

Она изумленно посмотрела на него, охваченная дурным предчувствием. Мячик путешествовал из руки в руку. Дэнни прочел ее мысли. Ее сын прочел, что она думает.

— Что... что тебе сказал Тони, Дэнни?

— Неважно.

Лицо мальчика было спокойно, а голос невыразителен настолько, что пробирала дрожь.

— *Дэнни...*— Венди схватила его за плечо — сильнее, чем хотела, но он не поморщился и даже не попытался скинуть ее руку.

(Господи, мы губим мальчика. Не только Джек, я тоже. А может, не только мы... Отец Джека, моя мать — нет ли здесь и их? Конечно, почему бы нет? Все равно этот дом запоганен призраками... подумаешь, парочкой больше. Отче небесный, мальчик — как один из тех чемоданов, что показывают по телевизору, его перевозят, роняют с самолета, пропускают через фабричные машины. Или как часы «Таймэкс». Стукнешь, а они знай себе тикают. Ох, Дэнни, мне так жаль)

— Неважно,— снова повторил Дэнни. Мячик очутился в другой руке.— Тони больше не сможет приходить. Ему не дадут. Его победили.

— Кто?

— Люди из отеля,— ответил он. Тут мальчик взглянул на нее, и глаза оказались вовсе не равнодушными. Они были глубокими и испуганными.— И... и *вещи*. Тут есть разные-разные. Отель просто *набит* ими.

— Ты можешь видеть...

— Я не хочу видеть,— тихо произнес мальчик и снова стал

смотреть на резиновый мячик, который описывал полукружья, летая из руки в руку.— Но иногда, поздно вечером, я их слышу. Они, как ветер — вздыхают все вместе. На чердаке. В подвале. В номерах. Везде. Я думал, это я виноват, потому что я такой. Ключик. Серебряный ключик.

— Дэнни, не надо... не надо из-за этого расстраиваться.

— Но *он* тоже,— сказал Дэнни.— Папа. И вы. Ему нужны мы все. Он обманывает папу, дурачит его, пытается заставить поверить, что больше всех ему нужен именно он. Больше всех ему нужен я, но он заберет и тебя, и папу.

— Если бы только этот снегоход...

— Ему не позволят,— все так же тихо сообщил Дэнни.— Его заставили закинуть в снег какую-то деталь от снегохода. Далеко. Мне приснилось. Потом, он знает, что в 217-м действительно есть женщина.— Мальчик взглянул на мать темными перепуганными глазами.— Неважно, веришь ты мне или нет.

Венди обвила его рукой.

— Дэнни, я тебе верю. Скажи правду. Джек... он попробует нас обидеть?

— Его хотят заставить,— сказал Дэнни.— Я звал мистера Холлоранна, он велел позвать его, если он будет мне нужен. Я и позвал. Но это ужасно тяжело. Я устаю. А хуже всего, что неизвестно, слышит он меня или нет. Не думаю, что он может отозваться, для него это слишком далеко. А я не знаю — для меня тоже слишком далеко или нет. Завтра...

— Что завтра?

Он покачал головой.

— Ничего.

— Где он сейчас? — спросила Венди.— Папа?

— В подвале. Не думаю, что сегодня вечером он поднимется наверх.

Она вдруг встала.

— Жди меня здесь. Я вернусь через пять минут.

В свете флюоресцентных ламп под потолком кухня казалась холодной и заброшенной. Венди подошла туда, где с магнитных планок свисали ножи для резки мяса. Взяв самый длинный и острый, она завернула его в полотенце и ушла из кухни, погасив за собой свет.

Дэнни сидел на лестнице, следя глазами за перелетающим из руки в руку мячиком. Он пел: «Она на двадцатом живет этаже, а лифт, конечно, сломался уже. И! Лезу на первый-второй этаж, на третий и на четвертый...»

(Лу, беги ко мне скорей...)

Пение прекратилось. Он прислушался.

(Буду ждать я у дверей)

Голос звучал у него в голове и был настолько частью Дэнни, таким пугающе близким, что мог оказаться одной из его соб-

ственных мыслей. Тихий, немного невнятный, он дразнил Дэнни, словно выговаривая:

(да, да, тебе тут понравится. Попробуй, тебе понравится. Попробуй, тебе понраааааавится...)

Слух Дэнни неожиданно обострился, и мальчик вновь услышал — было ли это сборищем призраков и духов, или же это был сам отель, страшная комната смеха, где все нарисованные страшилы оказывались живыми, где каждый аттракцион заканчивался смертью, где живые изгороди ходили, а серебряный ключик мог запустить непристойное зрелище? Тихие вздохи и шелест, напоминающий нескончаемую ночную игру зимнего ветра под карнизами, ветра, убаюкивающего насмерть, которого ни разу не слышали приезжающие летом туристы. Напоминающий гудение летних ос в земляном гнезде — сонных, смертоносных; начинающих пробуждаться. Торрансы находились на высоте десяти тысяч футов.

(Чем ворон похож на конторку? Конечно, чем выше, тем реже! Выпей еще чаю!)

Живой звук, создаваемый, однако, не голосами и не дыханием. Выросшая на южных дорогах бабка Дика Холлоранна назвала бы его «морок». Исследователь-психолог придумал бы длинное название — психическое эхо, психокинез, телесмическое отклонение. Для Дэнни же это просто безостановочно потрескивал отель, старое чудовище, навсегда заперевшее их в себе: коридоры теперь простирались не только в пространстве, но и во времени, голодные тени, беспокойные гости, которых нелегко угомонить.

В сумраке бального зала часы под стеклянным колпаком одной-единственной музыкальной нотой пробили семь тридцать.

Хриплый, скотский от выпитого голос прокричал:

— *Скидывайте маски и давайте трахаться!*

На полдороге к дальнему концу вестибюля Венди вздрогнула и замерла на месте.

Она посмотрела на Дэнни, который все еще сидел на ступеньках, перебрасывая мячик из руки в руку.

— Ты что-нибудь слышал?

Дэнни только взглянул на нее, продолжая играть мячиком.

И хотя спали они за запертой дверью, вдвоем, этой ночью сон к ним не шел.

Дэнни, не закрывая глаз, думал в темноте:

(Он хочет стать одним из них и жить вечно. Вот чего он хочет.)

Венди думала:

(Если придется, я заберу его в горы. Раз уж умирать, я предпочту смерть в горах.)

Мясницкий нож, по-прежнему завернутый в полотенце, она положила под кровать, чтобы был под рукой; они с Дэнни то задремывали, то просыпались. Вокруг потрескивал отель. Снаружи с небес свинцом посыпался снег.

40. В ПОДВАЛЕ

(!!!Котел, проклятый котел!!!)

Мысль расцвела в мозгу Джека Торранса пышным цветом, у нее была яркая, предостерегающая красная кайма. Тут же раздался голос Уотсона:

(забудешь — а оно поползет, поползет и очень может быть, что проснетесь вы всей семейкой на луне, мать ее так... делали его на двести пятьдесят, но теперь-то котел рванет куда раньше... коли эта стрелка доберется до ста восьмидесяти, меня никакими коврижками не заманишь спуститься и стать рядом...)

Здесь, внизу, Джек провел всю ночь, углубившись в коробки со старыми записями, одержимый безумным чувством, что время иссякает и надо торопиться. Самые важные отгадки, связи, которые бы все прояснили, по-прежнему ускользали. Пальцы Джека от похрустывающих старых бумаг пожелтели и испачкались. Он так увлекся, что один раз забыл проверить котел. Давление он сбросил накануне вечером, около шести часов, сразу, как спустился сюда. Сейчас было...

Он взглянул на часы и вскочил, зацепив ногой кипу старых накладных. Та перевернулась.

Иисусе, четверть пятого утра.

Позади буянила топка. Котел ревел и свистел.

Джек подбежал к нему. Похудевшее за последний месяц лицо сейчас густо покрывала щетина, придавая ему изможденный вид узника концлагеря. Манометр показывал двести десять фунтов на квадратный дюйм. Джек вообразил, что видит, как бока старого, залатанного и заваренного котла вспучиваются от смертельного напряжения.

(оно ползет... коли эта стрелка доберется до ста восьмидесяти, меня никакими коврижками не заманишь спуститься и стать рядом с ним...)

Вдруг заговорил холодный, искушающий внутренний голос.

(Пусть его. Иди, забери Венди и Дэнни и уматывай отсюда на хрен. Пусть шарахнет!)

Джек буквально видел этот взрыв. Двойной раскат грома, который вырвет у этого места сперва сердце, а потом душу. Котел разлетится с оранжево-лиловой вспышкой, от которой весь подвал зальет дождь горящей раскаленной шрапнели. Мысленно Джек видел, как, подобно страшным биллиардным шарам, от стен к потолку отскакивают раскаленные докрасна ошметки металла — свистящая в воздухе зубчатая смерть. Часть их, конечно, пронесется прямо под этой каменной аркой, подожжет старые бумаги по другую ее сторону и, черт побери, до чего же весело те запылают! Уничтожь секреты, сожги разгадки, эту тайну никогда не решить ни одной живой душе! Потом взорвется газ, оглушительно заревет и затрещит пламя, и эта огромная горелка превратит

всю середку отеля в настоящее пекло. Лестницы и коридоры, потолки и комнаты — все утонет в пламени, как замок из последней серии «Франкенштейна». Пламя перекинется в крылья дома, заспешит по сине-черному плетению ковров подобно нетерпеливому гостю. Шелковистые обои обуглятся и свернутся. Тут нет ни одного разбрызгивателя, только устаревшие шланги, воспользоваться которыми некому — ни одна пожарная команда на свете не доберется сюда раньше будущего марта. Гори, детка, гори. Через двенадцать часов останутся лишь голые кости, и все.

Стрелка манометра поднялась до двухсот двенадцати. Котел кряхтел и стонал, как старуха, пытающаяся встать с кровати. По краям старых заплат заиграли свистящие струйки пара. Шипели крохотные шарики припоя.

(это мой последний шанс.)

Единственным, что еще не принесло им дохода, был их с Венди совместный страховой полис. Прожив в Стовингтоне год, они застраховали свои жизни. Смерть приносила сорок тысяч долларов, и сумма удваивалась, если один из них погибал в железнодорожной или авиакатастрофе... или во время пожара. Умри тайком — выиграешь сто долларов.

(пожар... восемьдесят тысяч...)

У них будет время, чтобы выбраться отсюда. Даже если Венди с Дэнни спят, время выбраться у них будет. Джек не сомневался. К тому же он считал, что вряд ли кусты живой изгороди или что-нибудь еще попытаются их задержать, когда «Оверлук» будет пылать в полнеба.

(пылать)

Стрелка протанцевала по грязной, почти неразличимой шкале к двумстам пятнадцати фунтам на квадратный дюйм.

Джек вспомнил еще одну вещь из времен своего детства.

У них за домом росла яблоня, на нижних ветках которой осы устроили гнездо. И укусили одного из старших братьев Джека (сейчас он не мог вспомнить, которого), когда тот раскачивал старую шину, подвешенную папой к одной из нижних ветвей. Стояло позднее лето, когда осы злее всего.

Отец только что вернулся с работы и, еще одетый в белое, с лицом, окутанным тонким туманом пивного духа, собрал всех троих мальчиков — Бретта, Майка и малыша Джекки — и сообщил им, что собирается избавиться от ос.

— Теперь смотрите,— сказал он, улыбаясь и чуть пошатываясь (тогда он еще не пользовался тростью, столкновение с молочным фургоном было тогда делом далекого будущего).— Может, чему-нибудь научитесь. Это мне показал мой отец.

Под ветку, на которой покоилось осиное гнездо (плод куда более смертоносный, чем сморщенные, но вкусные яблоки, которые их яблоня обычно давала в конце сентября, а тогда была еще середина месяца) отец подгреб большую кучу промокших под дождем листьев. День был ясным и безветренным. Листья дымили, но по-

настоящему не горели, и от них шел запах — аромат — эхом возвращающийся к Джеку каждый листопад, когда мужчины в субботних штанах и легких «виндбрейкерах» сгребали листья в кучу и жгли. Сладкий запах, таящий в себе горечь, пряный, пробуждающий воспоминания. От тлеющих листьев поднимались большие пласты дыма, они плыли кверху, загораживая гнездо от глаз.

Оставив листья тлеть до вечера, отец пил на крыльце пиво и кидал пустые банки из-под «черной этикетки» в женино пластиковое ведро для мытья полов; по бокам сидели старшие сыновья, а в ногах играл с попрыгунчиком малыш Джекки, который монотонно распевал: «ты еще поплачешь... у тебя сердце обманщицы... сердце обманщицы... но тебе это так не сойдет».

В четверть шестого, перед самым ужином, папа подошел к яблоне. Сыновья опасливо столпились у него за спиной. В руке папа держал мотыгу. Он раскидал листья в стороны, оставив дотлевать небольшие кучки, потом, покачиваясь и моргая, потянулся вверх ручкой мотыги и со второй или третьей попытки сбил гнездо на землю.

Ребята помчались спасаться на крыльцо, но папа просто стоял над гнездом, покачиваясь и помаргивая. Джекки подкрался обратно, чтобы посмотреть. Несколько ос медленно ползали по своим бумажным владениям, но взлететь не пытались. Из черного, враждебного нутра гнезда донесся незабываемый звук, низкое, усыпляющее жужжание — так гудят провода под высоким напряжением.

— Почему они не пытались ужалить тебя, папа? — спросил он тогда.

— Они опьянели от дыма, Джекки. Сгоняй-ка за канистрой.

Он сбегал. Папа сунул гнездо в янтарный бензин.

— Теперь отойди-ка, Джекки, ежели не хочешь, конечно, лишиться бровей.

Он отступил в сторону. Откуда-то из обширных складок своего белого халата папа вытащил спички. Чиркнув одной, он кинул ее в гнездо. Произошел оранжево-белый взрыв, почти беззвучный в своей ярости. Папа попятился, хохоча как сумасшедший. Осиное гнездо мгновенно сгорело дотла.

— Огонь,— сказал папа, с улыбкой поворачиваясь к Джекки.— Огонь убьет что угодно.

После ужина мальчики вышли на убывающий дневной свет и угрюмо постояли возле обугленного, почерневшего гнезда. Из горячего нутра доносились звуки лопающихся как кукурузные зерна осиных тел.

Манометр показывал двести двадцать. В середине котла рождался низкий металлический вой. В сотне мест торчком поднялись струйки пара, они торчали, как иглы дикобраза.

(огонь убьет что угодно)

Джек внезапно вздрогнул. Он задремал... и чуть не отправился

на тот свет. О чем, скажите на милость, он думал? Его дело — защищать отель. Он — смотритель.

Ладони Джека так быстро взмокли от ужаса, что в первый момент большой вентиль выскользнул у него из рук. Тогда Джек уцепился пальцами за спицы. Он крутанул один раз, два, три. Пар громко зашипел, как будто вздохнул дракон. Из-под котла поднялся теплый тропический туман, окутав его тонкой пеленой. На миг шкала скрылась от глаз Джека, но он подумал, что прождал, должно быть, слишком долго: лязгающий стон в котле усилился, потом что-то несколько раз тяжело громыхнуло и раздался скрежет гибнущего металла.

Когда пар частично развеялся, Джек увидел, что стрелка манометра упала до двухсот и продолжает идти вниз. Струйки пара, выбивавшиеся по краям приваренных заплат, стали ослабевать. Щемящий скрежет пошел на убыль.

Сто девяносто... сто восемьдесят... сто семьдесят пять...

(в мерном стуке колес, испустил паровоз, вместо свиста пронзительный вой)

Но Джек полагал, что теперь котел не взорвется. Давление упало до ста шестидесяти.

(... разнесло все к чертям, так и сгинул он там, рукоятку сжимая рукой)

Тяжело дыша, дрожа, Джек отступил от котла. Он взглянул на руки и увидел, что на ладонях уже вздуваются волдыри. Черт с ними, волдырями, подумал он и неуверенно рассмеялся. Чуть не сгинул, рукоятку сжимая рукой, как машинист Кейси из «Крушения старины девяносто седьмого». Что еще хуже, он погубил бы «Оверлук». Он провалился на учительском поприще, провалился как писатель, муж и отец. Даже пьяница из него не вышел. Но образцом провала, таким, что лучше не придумаешь, было бы взорвать здание, которое должен обихаживать. А здание это было вовсе не рядовым.

Никоим образом.

Иисусе, как ему хотелось выпить.

Давление упало до восьмидесяти пси. Осторожно, чуть морщась от боли в руках, Джек снова закрыл спусковой клапан. Но с этого момента за котлом придется следить внимательней, чем всегда. Остаток зимы Джек не доверит ему больше сотни пси. А если и будет немножко зябко, придется просто усмехнуться и стерпеть.

Он сорвал два волдыря. Руку дергало, как гнилой зуб.

Выпить. Выпивка подкрепила бы его. Но в проклятом доме нет ничего, кроме шерри для готовки. С этой точки зрения выпивка была лекарством. Долг выплачен, и теперь можно сделать легкую анестезию — чем-нибудь посильнее экседрина. Но тут хоть шаром покати.

Он припомнил поблескивавшие в полумраке бутылки.

Он спас отель. Отель захочет вознаградить его. Джек не сомневался. Вынув из заднего кармана носовой платок, он направился к лестнице. Он обтер губы. Маленький глоточек, один-единственный. Чтоб облегчить боль.

Он сослужил службу «Оверлуку», теперь «Оверлук» послужит ему. Джек был уверен в этом. Ноги перебирали ступеньки быстро и нетерпеливо, торопливыми шагами человека, вернувшегося с долгой, горькой войны. Было 5:20 утра по горному времени.

41. ПРИ СВЕТЕ ДНЯ

Дэнни со сдавленным всхлипом очнулся от ужасного сна. Произошел взрыв. Пожар. «Оверлук» горел. Они с мамой наблюдали это с газона перед крыльцом.

Мама сказала: «Смотри, Дэнни, посмотри на кусты!»

Он посмотрел — они все были мертвы. Листья приняли коричневый оттенок, как будто задохлись. Из-под них показались сросшиеся ветки, похожие на скелеты полурасчлененных трупов. А потом из больших двустворчатых дверей «Оверлука» вывалился папа, он пылал как факел. Его одежда была охвачена пламенем, кожа приобрела темный, зловещий загар, который к этому моменту делался все темнее. Волосы превратились в горящие заросли.

Тут-то Дэнни и проснулся. Горло сдавил страх, руки вцепились в одеяло и простыни. Кричал он или нет? Он посмотрел на мать. Венди спала на боку, натянув одеяло до подбородка, на щеку упала прядь соломенных волос. Она сама была похожа на ребенка. Нет, Дэнни не кричал.

Он лежал в постели, глядя в потолок, и кошмар постепенно отступал. Дэнни испытывал любопытное ощущение, что на волосок от них

(пожар? взрыв?)

прошла большая трагедия. Дэнни позволил своему сознанию поплыть на поиски папы и обнаружил, что тот стоит где-то внизу. В вестибюле. Дэнни чуть поднажал, пробуя забраться в мысли отца. Нехорошо. Потому что папа думал о Плохом Поступке. Он думал, как

(кстати пришелся бы стаканчик-другой... наплевать... где-то на свете над нок-реей встало солнце, помнишь, как мы говорили, Эл? Джин с тоником, бурбон с капелькой горького, шотландское с содовой, ром с кока-колой... тру-ля-ля и тра-ля-ля... для меня и для тебя... где-то на свете приземлились марсиане... в Принстоне или Хьюстоне, или Стокли, или Кармайкле... в каком-то поганом городишке... в конце концов самый сезон и все мы не...)

(УБИРАЙСЯ ИЗ ЕГО МЫСЛЕЙ, МАЛЕНЬКИЙ ГОВНЮК!)

От этого мысленного голоса Дэнни в ужасе и отвращении подался назад, глаза широко раскрылись, руки вцепились в стеганое покрывало. Это не был голос его отца, просто искусное подража-

ние. Знакомый ему голос. Хриплый, грубый и все-таки таящий в себе какое-то бессмысленное веселье.

Значит, так скоро?

Дэнни откинул одеяло и мигом спустил ноги на пол. Пинком выбросил из-под кровати тапочки и обулся. Он подошел к двери, открыл ее, заспешил по коридору — ноги в тапочках шелестели по ворсу ковровой дорожки... Мальчик свернул за угол...

На полдороге к лестнице, преграждая Дэнни путь, на четвереньках стоял какой-то мужчина.

Дэнни замер.

Мужчина поднял на него крошечные красные глазки. На нем был серебристый, расшитый блестками маскарадный костюм. Костюм собаки, понял Дэнни. Крестец этого странного создания заканчивался длинным пушистым хвостом с кисточкой на конце. Вдоль спины до шеи шла молния. Слева от мужчины лежала не то волчья, не то собачья голова: пустые глазницы, раскрытая в бессмысленном оскале пасть. Между клыками, сделанными, похоже, из папье-маше, виднелось сине-черное плетение ковра.

Рот, подбородок и щеки мужчины были измазаны кровью.

Он зарычал на Дэнни. Несмотря на усмешку, рычал он по-настоящему. Рычание рождалось в глубине горла — звук незамысловатый, бросающий в дрожь. Потом этот человек залаял. Зубы тоже были окрашены в красное. Он пополз к Дэнни, волоча за собой бескостный хвост. Забытая маска лежала на ковре, бессмысленно уставившись куда-то за плечо Дэнни.

— Пропустите,— сказал Дэнни.

— Сейчас я тебя съем, малыш,— ответил человек-собака, и вдруг из ухмыляющегося рта вырвался целый залп лая. Свирепого по-настоящему, хотя понятно было, что это — подражание. Костюм был тесным, и темные волосы мужчины слиплись от пота. Он выдыхал смесь виски и шампанского.

Дэнни дрогнул, но не побежал.

— Пропустите.

— Только через мой труп-труп-труп,— отозвался человек-собака. Маленькие красные глазки внимательно глядели в лицо Дэнни. С губ не сходила ухмылка.— Я тебя съем, малыш. И думаю начать с твоего маленького пухленького *члена*.

Ворча, он кокетливо поскакал вперед маленькими прыжками.

У Дэнни сдали нервы. Оглядываясь через плечо, он помчался обратно в короткий коридорчик, который вел к их комнатам. Вслед полетел смешанный с лаем и рыканием вой, его прерывало невнятное бормотание и смешки.

Дэнни, дрожа, стоял в коридоре.

— Поддай жару! — орал из-за угла пьяный человек-собака.— Поддай жару. Гэрри, сукин ты ублюдок! Наплевать мне, сколько у тебя казино, авиалиний и кинокомпаний! Знаю, знаю, что тебе нравится в уединении собственного дома! Поддай жару! *Будуффффу-у... и будупффф...* пока Гэрри Дервента к чертям со-

бачьим не *сдуууууем*! — тирада завершилась долгим, бросающим в дрожь, воем, который, прежде чем замереть вдали, словно бы перешел в боль и ярость.

Предчувствуя дурное, Дэнни развернулся и спокойно пошел в конец коридора, к закрытой двери спальни. Открыв ее, он просунул голову внутрь. Мама спала в той же самой позе. Никто ничего не слышал, только он.

Мальчик тихонько притворил дверь и пошел обратно к пересечению их коридора с основным, надеясь, что человек-собака исчез, как кровь со стен президентского люкса. Он осторожно выглянул из-за угла.

Человек в костюме собаки все еще был там. Он снова надел маску и сейчас скакал на четвереньках возле лестницы, гоняясь за собственным хвостом. Иногда он спрыгивал с ковра и падал, рыча по-собачьи.

— Вау! Вау! Боу воу воуууууууу! ГРРРРР!

Из стилизованной под ворчание пасти маски вылетали глухие звуки и среди прочих такие, которые могли быть всхлипами или смешком.

Дэнни вернулся в спальню и уселся на кроватку, закрыв глаза руками. Теперь хозяином положения стал отель. Может, первые происшествия были всего лишь случайностями. Может быть, те вещи, которые Дэнни видел в начале, *действительно* не могли причинить вреда, как не могут этого страшные картинки. Но теперь ими управлял отель, и они *могли* обидеть и сделать больно. «Оверлук» не хотел, чтобы Дэнни шел к отцу. Это могло испортить всю забаву. Поэтому он поставил у Дэнни на пути человека-собаку — как поставил на пути к дороге зверей живой изгороди.

Но папа может прийти сюда. И рано или поздно папа придет.

Мальчик заплакал. Слезы беззвучно катились по щекам. Слишком поздно. Они погибнут, все трое и, когда на будущий год в конце весны «Оверлук» опять откроется, окажутся тут как тут, чтобы вместе с остальными призраками встретить гостей. И женщина из ванны. И человек-собака. И ужасное создание тьмы, которое было в цементном тоннеле. Они...

(перестань! перестань сейчас же!)

Дэнни принялся яростно тереть глаза кулаками, прогоняя слезы. Он сделает все, что сможет, только бы это не произошло. Ни с ним, ни с папой и мамой. Он будет стараться изо всех сил.

Он закрыл глаза и пронзительным, сильным, чистым ударом грома послал мысль

(!!! ДИК ПОЖАЛУЙСТА ПРИЕЗЖАЙ ПОСКОРЕЕ НАМ ОЧЕНЬ ПЛОХО... ДИК НАМ НУЖНО)

И вдруг во тьме позади Дэнни оказалось существо, гнавшее его в снах по темным коридорам «Оверлука» — прямо *там, там*, огромное создание в белом, занесшее над головой доисторическую клюшку:

— *Ты у меня перестанешь! Щенок проклятый! Я тебя заставлю прекратить это, потому что я — твой ОТЕЦ!*

— *Нет!* — он рывком вернулся в реальность спальни, широко раскрыв неподвижные глаза, изо рта несся визг, с которым ничего нельзя было поделать. Мать мигом проснулась и села, прижимая к груди простыню.— *Нет, папочка, нет, нет, нет...*

И оба услышали злобный свист невидимой клюшки, которая, опускаясь, рассекала воздух где-то совсем близко, а потом, когда он подбежал к матери и, дрожа, как кролик в силках, обхватил ее, свист затих и наступило молчание.

«Оверлук» не собирался позволить Дэнни вызвать Дика. Это тоже могло испортить всю забаву.

Они были одни.

Снаружи усилился снег, отгородив их завесой от всего мира.

42. ВЫСОКО В ВОЗДУХЕ

Посадку на рейс Дика Холлоранна объявили в 6:45 утра по европейскому времени. Служащий аэропорта, отвечающий за посадку, продержал нервно перекладывающего из руки в руку дорожную сумку Дика у входа № 32 до самого последнего объявления в 6:55. Они оба высматривали человека по имени Карлтон Векер — единственного пассажира на рейс № 196 Майами — Денвер, который не зарегистрировался.

— Ладно,— сказал клерк и выдал Холлоранну голубой билет первого класса.— Вам повезло. Можете пройти на борт, сэр.

Холлоранн поспешно поднялся по отгороженному трапу и позволил механически улыбающейся стюардессе оторвать контроль и вернуть ему билет.

— В полете мы подаем завтрак,— сказала она.— Если хотите.

— Только кофе, детка,— сказал он и зашагал по проходу к месту в отделении для курящих. Он все еще ждал, что в последнюю секунду из двери, как чертик из табакерки, выскочит не объявившийся Векер. На сиденье у окна читала «Вы можете быть себе лучшим другом» женщина с кислым, недоверчивым лицом. Холлоранн застегнул ремень безопасности, взялся крупными черными руками за подлокотники кресла и пообещал отсутствующему Векеру, что для того, чтобы вытащить его с этого места, тому понадобится помощь пяти крепких служащих авиакомпании. Он не сводил глаз с циферблата. Часы отсчитывали минуты, оставшиеся до назначенного на 7:00 отлета со сводящей с ума медлительностью.

В 7:05 стюардесса сообщила, что полет немного задерживается, поскольку наземная служба заново проверяет один из замков на двери грузового отсека.

— Идиоты,— пробормотал Дик Холлоранн.

Соседка повернула к нему свое кислое, недоверчивое лицо с резкими чертами, а потом снова вернулась к книге. Ночь Холлоранн

провел в аэропорту, переходя от стойки к стойке («Объединенные авиалинии», «Эмерикэн», «ТВА», «Континентал», «Брэнифф») и как привидение преследовал клерков, занимающихся билетами. После полуночи, глотая в буфете не то восьмую, не то девятую чашку кофе, он решил, что, взвалив все это себе на плечи, свалял полного дурака. Есть же еще начальники. Он спустился к ближайшим телефонам и, обратившись к трем разным операторам, получил номер срочного вызова руководителей национального парка «Скалистые горы».

Тот, кто ответил на звонок, был, судя по голосу, измучен до предела. Назвавшись выдуманным именем, Холлоранн сказал, что к западу от Сайдвиндера в отеле «Оверлук» случилась беда. Большая беда.

Его попросили подождать.

Спасатель (Холлоранн полагал, что это спасатель) вернулся минут через пять.

— У них есть рация,— сказал он.

— Конечно, есть,— подтвердил Холлоранн.

— Мы не получали от них сигнала «мэйдей».

— Мужик, *наплевать*. Они...

— Собственно, мистер Холл, что за беда у них приключилась?

— Ну, там живет одна семья... сторож с семьей. Я подумал, вдруг он чуть-чуть завернулся, понимаете? Вдруг сделал что-нибудь с женой и сыном?

— Можно спросить, откуда у вас такие сведения, сэр?

Холлоранн прикрыл глаза.

— Как тебя звать, приятель?

— Том Стонтон, сэр.

— Видишь ли, Том, я это *знаю*. Теперь как на духу: там у них крупные неприятности. Может, убийство... сечешь?

— Мистер Холл, честное слово, мне нужно знать, откуда у вас...

— Слушай,— сказал Холлоранн.— Говорят тебе, *я знаю*. Несколько лет тому назад там работал парень по фамилии Грейди. Он убил жену и двух дочек, потом сам себя порешил. Говорят тебе, ежели вы, ребята, не уберете отсюда свои задницы, чтоб помешать, опять стрясется то же самое!

— Мистер Холл, вы звоните не из Колорадо.

— Нет. Какая разница...

— Если вы не в Колорадо, значит, вы за пределами коротковолнового диапазона рации «Оверлука». А если вы за его пределами, то, вероятно не могли связаться с... э-э...— слабый шелест бумаги,— семьей Торранс. Пока вы ждали, я попытался связаться по телефону. Он не работает, и удивляться тут нечему. Между отелем и сайдвиндерской АТС до сих пор двадцать пять миль телефонного кабеля идут поверху. Мой вывод: вы, должно быть, немного того.

— Ну, мужик, ну и тупой же ты...— Но отчаяние Холлоранна

было слишком велико, чтобы подобрать подходящее эпитету существительное. Его вдруг осенило.

— Вызовите их! — крикнул он.

— Сэр?

— У вас рация, у них рация. Ну, так вызови их! Вызови и спроси, что происходит!

Наступило короткое молчание — только гудели телефонные провода.

— Ты и это пробовал, да? — спросил Холлоранн. — Вот почему я так долго ждал. Ты попробовал позвонить, а потом — вызвать их по радио, *ничего* не вышло, но по-твоему все нормально... что ж вы, ребята, тут делаете? Отсиживаете зады и играете в «джин-рамми» *?

— Нет, — сердито отозвался Стонтон. От гневной ноты в его голосе Холлоранну стало легче. Он впервые ощутил, что разговаривает с человеком, а не с магнитофонной записью. — Я тут один, сэр. Все остальные — спасатели плюс сторожа с аттракционов, плюс добровольцы — наверху, в Хэсти-Нотч, рискуют жизнью из-за трех мудаков с полугодовым опытом, которым вздумалось попробовать залезть на северный склон Кингз-Рэм. Они застряли на полпути и, может быть, спустятся, а может, нет. Там две вертушки, тоже рискуют жизнью, потому что здесь ночь и пошел снег. Так что если вы еще не можете смекнуть, что к чему, я вам помогу. Первое: мне некого послать в «Оверлук». Второе: «Оверлук» не главное — главное, что делается в парке. Третье: после захода солнца ни одна вертушка не сумеет взлететь, потому что, если верить национальной метеослужбе, вот-вот повалит совершенно безумный снег. Ситуация ясна?

— Да, — тихо ответил Холлоранн. — Ясна.

— Теперь, почему с моей точки зрения не удалось вызвать их по радио. Причина очень проста. Не знаю, который у вас там час, а у нас здесь половина десятого. Думаю, они отключились и пошли спать. Дальше, если вы...

— Удачи твоим альпинистам, парень, — сказал Холлоранн. — Но мне хочется, чтоб ты понял: не только они застряли в горах из-за того, что не знали, во что лезут.

Он повесил трубку.

В 7:20 утра боинг-747 авиакомпании ТВА, грохоча, выбрался задним ходом из ангара и покатил к взлетной полосе. Холлоранн испустил долгий, беззвучный вздох. Карлтон Векер, где бы ты ни был, утрись!

В 7:28 рейс № 196 расстался с землей, а в 7:31, когда боинг набрал высоту, голову Дику Холлоранна снова пистолетным выстрелом пронзила мысль. От запаха апельсинов он втянул голову

* «Джин-рамми» — карточная игра, во всех ее вариантах требуется подобрать последовательность из трех или более карт по достоинству или масти. (прим. перев.)

в плечи, но это не помогло, и Холлоранн судорожно дернулся. Лоб сморщился, рот поехал вниз в гримасе боли.

(!!! ДИК ПОЖАЛУЙСТА ПРИЕЗЖАЙ ПОБЫСТРЕЕ НАМ ОЧЕНЬ ПЛОХО ДИК НАМ НУЖНО...)

И все. Все исчезло. Если в прошлый раз слова затихали постепенно, то сейчас связь обрубили начисто, будто ножом. Холлоранн испугался. Руки, все еще не выпустившие подлокотники кресла, стали почти белыми. Во рту пересохло. С мальчиком что-то случилось. Он был уверен в этом. Если малыша кто-нибудь обидел...

— Вы всегда так бурно реагируете на взлет?

Он огляделся. Это сказала женщина в роговых очках.

— Не в этом дело,— ответил Холлоранн.— Мне в голову впихнули стальную пластинку. После Кореи. Ну и время от времени от нее в голове прострел. Ну, знаете, вибрация... Царапает...

— Вот как?

— Да, мэм.

— За любое вторжение в чужую страну расплачиваются только рядовые,— мрачно заявила женщина с резкими чертами.

— Неужто?

— Да. Эта страна должна прекратить свои грязные войнишки. Какую бы грязную войну не вела в этом веке Америка, у истоков всегда ЦРУ. ЦРУ и дипломатия доллара...

Она раскрыла книжку и принялась читать. «НЕ КУРИТЬ» погасло. Холлоранн глядел на уменьшающуюся землю и раздумывал, все ли в порядке с мальчиком. Малыш ему понравился, правда, его родители вызывали менее теплые чувства.

Холлоранну оставалось уповать на Бога, что те присматривают за Дэнни.

43. ВЫПИВКА ЗА СЧЕТ ОТЕЛЯ

Джек стоял, задрав голову и прислушиваясь, в столовой, прямо перед дверью, ведущей в бар «Колорадо». Он слабо улыбался.

Он слышал, как вокруг оживает «Оверлук».

Трудно сказать, как именно Джек это понял... сам он считал, что это не слишком отличается от вспышек ясновидения, которые время от времени случаются у Дэнни... яблочко от яблоньки. Кажется, так принято говорить.

Не то, чтобы Джек что-то видел или слышал, хотя его восприятие от подобных ощущений отделяла лишь тончайшая перцептуальная завеса. Как будто всего в нескольких дюймах за этим «Оверлуком» лежал еще один, отделенный от реального мира (если существует такая штука, как «реальный мир», подумал Джек), но постепенно приходящий в равновесие с ним. Он припомнил фильмы категории З-Д, которые видел в детстве. Если смотреть на экран без специальных очков, изображение двоится — при-

мерно это он сейчас и чувствовал. Но стоит надеть очки, изображение обретает смысл.

Теперь соединились все эпохи «Оверлука» — все, кроме нынешней, эпохи Торранса. Но уже очень скоро и она сольется с остальными. Хорошо. Очень хорошо.

Он просто слышал самоуверенное «динь! динь!» звонка на серебряной подставке, прикрепленного к стойке администратора, зовущее к парадному крыльцу рассыльных по мере того, как регистрировались приезжающие (модные в двадцатые годы фланелевые костюмы) и выписывались уезжающие (двубортные костюмы в тонкую полоску, какие носили в сороковые). У камина окажутся три монашки, они сядут подождать, чтобы поредела очередь на выписку, а за их спинами, обсуждая прибыль и убытки, жизнь и смерть, станут аккуратно одетые Чарльз Грондэн и Вито Дженелли, чьи сине-белые узорчатые галстуки заколоты бриллиантовыми булавками. Из кладовок для багажа явились десятки чемоданов, некоторые свалили один на другой, как на ярмарках в худшие времена. В восточном крыле, в бальном зале, одновременно вели дюжину деловых переговоров, разделенных лишь несколькими сантиметрами времени. Болтали о Невилле Чемберлене и кронпринце Австрии. Музыка, смех. Все в подпитии. Истерия. В разгаре бал-маскарад. Праздновались дни рождения, юбилеи, приемы в честь бракосочетаний, суаре. Немного любви — не в открытую, но все пропитано тайной чувственностью. Джек словно бы слышал, как все они перемещаются по отелю, создавая приятную неразбериху звуков. В столовой, где он стоял, прямо у него за спиной одновременно подавали завтрак, ленч и обед за семьдесят лет. Джек как будто бы слышал... долой *«как будто бы», он слышал* все это, пока еще слабо, но отчетливо — так в жаркий летний день можно услышать гром за много миль от себя. Он слышал всех этих прекрасных незнакомцев. Он начинал сознавать их присутствие — так, как они, должно быть, с самого начала сознавали присутствие Джека.

Нынче утром все номера в «Оверлуке» были заняты.

Дом полон.

А из-за двустворчатых дверей, подобно ленивому дыму сигарет, кружась, наплывало тихое жужжание голосов. Беседа более искушенная, более интимная. Низкий горловой женский смешок, тот, что словно бы дрожью отдается в волшебном кольце внизу живота и вокруг гениталий. Касса, окошко которой мягко светится в темном полумраке, вызванивает стоимость «джинарики», «манхэттенов», «падающих бомбардировщиков», шипучки из можжевеловой настойки с терном, «зомби». Из музыкального автомата льются песенки для пьяных, в нужный момент перекрывая одна другую.

Джек толкнул дверь, распахнув ее настежь, и прошел внутрь.

— Привет, мальчики,— тихо сказал Джек Торранс.— Я уходил, но вернулся.

— Добрый вечер, мистер Торранс,— сказал искренне обрадованный Ллойд.— Приятно вас видеть.

— Приятно вернуться, Ллойд,— отозвался Джек и вскарабкался на табуретку между мужчиной в ядовито-синем костюме и женщиной в черном платье, чьи затуманенные глаза не отрывались от глубин «сингапурского слинга».

— Что будете пить, мистер Торранс?

— Мартини,— с огромным удовольствием выговорил Джек. Он посмотрел за стойку бара на ряды тускло поблескивающих бутылок, прикрытых серебряными сифонами. «Джим Бим». «Дикая индейка». «Джилбиз». «Шэрродс прайвит лейбл». «Торо». «Сигрэмз». Снова дома.

— Будь любезен, одного марсианина покрупнее,— сказал Джек.— Где-то на свете приземлились марсиане, Ллойд.

Он вытащил бумажник и выложил на стойку двадцатку.

Пока Ллойд готовил ему выпивку, Джек оглянулся через плечо. Ни одной свободной кабинки. Некоторые из их обитателей были в маскарадных костюмах. Женщина в газовых шароварах и сверкающем фальшивыми бриллиантами лифе с мужчиной, над вечерним костюмом которого лукаво вздымалась лисья морда; человек в серебристом костюме пса к общей радости окружающих щекотал кисточкой длинного хвоста нос женщине в саронге.

— Это не ваша забота, мистер Торранс,— сказал Ллойд, поставив на двадцатку Джека бокал.— От ваших денег тут проку нет. Заказывает управляющий.

— Управляющий?

Ему стало немного не по себе и все же он взял бокал и всколыхнул мартини, наблюдая, как в прохладной глубине напитка легко подпрыгивает затонувшая оливка.

— Разумеется, управляющий,— улыбка Ллойда стала еще шире, но глаза прятались в тени, а кожа была ужасающе белой, как у мертвеца.— Позже он полагает лично заняться благополучием вашего сына. Он весьма заинтересован в мальчике. Дэнни — талантливый мальчуган.

Можжевельный дух джина приятно дурманил, но одновременно, похоже, туманил рассудок. Дэнни? Что это насчет Дэнни? И что сам Джек делает в баре с бокалом спиртного в руке?

Он завязал. Бросил пить.

Он дал зарок.

Чего им надо от его сына? Что им может быть нужно от Дэнни? Венди с Дэнни тут ни при чем. Джек пытался заглянуть в скрытые тенью глаза Ллойда, но было слишком темно, слишком мрачно, все равно, как если бы он пытался прочесть какие-то чувства в пустых глазницах черепа.

(Это я должен быть им нужен... ведь так? Именно я. Не Дэнни, не Венди. Это мне здесь страшно нравится. Они хотели уехать. Это я позаботился о снегоходе... просмотрел старые

записи... скинул давление в котле... обманывал... практически продал свою душу... что им может быть нужно от него?)

— Где же управляющий? — Джек старался говорить небрежно, однако губы уже занемели после первой порции спиртного, и слова слетели с них не как в сладком сне, а, скорее, как в кошмаре.

Ллойд улыбнулся.

— Что вам надо от моего сына? Дэнни тут ни при чем... да? — в собственном голосе Джек расслышал неприкрытую мольбу.

Лицо Ллойда словно бы потекло, начало меняться, сделавшись неприятным. Белая кожа пожелтела, как при гепатите, растрескалась, на ней высыпали красные болячки, из которых текла вонючая жидкость. На лбу Ллойда выступил кровавый пот, а где-то серебряные куранты пробили четверть часа.

(маски долой! маски долой!)

— Пейте, пейте, мистер Торранс,— мягко сказал Ллойд,— вас это не касается. В данный момент.

Джек снова поднял свой бокал, поднес к губам и помедлил. Ему послышался жесткий страшный треск ломающейся руки Дэнни. Он увидел смятый велосипед, перелетающий через капот машины Эла, отчего ветровое стекло покрылось звездочками трещин. Он увидел лежащее на дороге одинокое колесо: искореженные спицы торчали в небо, как острые выступы на рояльных струнах.

И понял, что все разговоры прекратились.

Он оглянулся через плечо. Все молча смотрели на него. Они выжидали. Сидевший рядом с женщиной в саронге мужчина снял лисью маску, и Джек увидел, что это Горас Дервент, по лбу у него рассыпались светлые волосы. Возле стойки все тоже наблюдали за Джеком. Его соседка не сводила с него глаз, словно пыталась вернуть зрению четкость. Платье соскользнуло с одного плеча и, поглядев вниз, Джек увидел рыхлый сморщенный сосок, венчающий отвислую грудь. Взглянув ей в лицо, он пришел к мысли, что она может оказаться той женщиной из 217 — той, которая пыталась задушить Дэнни. По другую руку от Джека мужчина в ядовито-синем костюме вытащил из кармана пиджака небольшой револьвер 32 калибра с перламутровой рукояткой и лениво крутил его на стойке, словно собирался сыграть в русскую рулетку.

(я хочу...)

Он сообразил, что онемевшие голосовые связки не пропускают слова и попробовал еще раз.

— Я хочу видеть управляющего. Я... думаю, он не понимает. Мой сын не является частью всего этого. Он...

— Мистер Торранс,— сказал Ллойд. Из недр лица, которое чума расписала красной охрой, шел отвратительно-любезный голос.— С управляющим вы встретитесь в должное время. Честно говоря, он решил сделать вас доверенным лицом в этом вопросе, посредником. Ну, пейте же, пейте.

Джек поднял стакан сильно трясущейся рукой. Там оказался

чистый джин. Он заглянул внутрь. Смотреть было все равно, что тонуть.

Его соседка невыразительным, мертвым голосом запела:

— Деньги на боч-ку...

и мы развлечемся на сла-ву...

Ллойд подхватил. За ним — человек в синем костюме. Присоединился и человек-собака, одной лапой отбивая по столу такт.

Ну-ка деньги на бочку...
развлечемся на сла-а-ву...
Время бочку выкатывать...

К прочим голосам прибавился голос Дервента. Из уголка губ под углом небрежно торчала сигарета. Правая рука, обнимая за плечи женщину в саронге, деликатно и рассеянно ласкала ее грудь. Он пел, глядя на человека-собаку с веселым презрением.

— ... банда вся собрала-ась...

Джек поднес бокал ко рту и тремя большими глотками осушил его. Прокатившись вниз по пищеводу, как грузовик по тоннелю, джин взорвался в желудке, рикошетом бросился в голову и там, в последнем приступе судорожной дрожи, вцепился в мозг Джека.

Когда это прошло, Джек почувствовал себя отлично.

— Повтори, будь добр,— сказал он и подтолкнул к Ллойду пустой стакан.

— Да, сэр,— ответил Ллойд, забирая его. Ллойд снова выглядел абсолютно нормально. Смуглый мужчина спрятал пистолет. Женщина справа от Джека опять смотрела в свой «сингапурский слинг». Одна грудь, полностью показавшаяся из-под платья, лежала на кожаной обивке стойки. Из дряблого рта лились бессмысленные причитания. Снова, сливаясь и сплетаясь, послышалась невнятная речь.

Перед Джеком появилась новая порция спиртного.

— *Мучас грасиас*, Ллойд,— сказал он, взяв бокал.

— Всегда приятно услужить вам, мистер Торранс,— Ллойд улыбнулся.

— Ты, Ллойд, всегда был лучше всех.

— О, спасибо, сэр.

На этот раз Джек пил медленно, позволяя жидкости струйкой затекать в горло. На счастье он проглотил несколько орешков. Выпивка исчезла мгновенно и он заказал еще. Мистер Президент, я встретил марсиан и рад доложить, что они настроены дружелюбно. Пока Ллойд занимался следующей порцией, Джек принялся искать по карманам четвертак, чтоб сунуть в музыкальный автомат. Он опять подумал про Дэнни — но теперь, к его радости, лицо Дэнни стало неясным, неразличимым. Однажды он причинил Дэнни боль, это случилось до того, как Джек научился справляться с выпитым... но эти дни миновали. Больше он никогда не обидит Дэнни.

Ни за что на свете.

44. О ЧЕМ ГОВОРИЛИ ГОСТИ

Джек танцевал с прекрасной женщиной. Он понятия не имел, сколько сейчас времени, сколько он уже пробыл в «Колорадо» или здесь в бальном зале. Время потеряло значение.

Джек смутно припоминал: вот он слушает человека, который некогда был преуспевающим радиокомиком, а потом, на заре эры телевидения, стал звездой варьете. Тот рассказывал страшно длинный и смешной анекдот про кровосмешение между сиамскими близнецами. Вот на глазах у Джека женщина в разукрашенном лифе и шальварах, медленно извиваясь раздевается под несущийся из музыкального автомата стук и грохот (похоже, это была музыка Дэвида Роуза к «Стриптизерке»). Вот он идет по вестибюлю в компании еще двух человек, оба его спутника — в вечерних костюмах по моде конца десятых годов, и все трое распевают про засохшее пятнышко на панталонах Рози О'Греди. Кажется, Джек помнил, что выглянул из большой двустворчатой двери и увидел повторяющие изгиб подъездной дороги изящные округлые арки, очерченные гирляндами китайских фонариков. Они светились мягкими пастельными тонами, как тусклые драгоценные камни. На крыльце горел большой стеклянный светильник в виде шара, порхающие вокруг ночные насекомые бились об стекло, и какая-то частичка Джека — возможно, последняя крошечная искорка трезвости,— пыталась втолковать ему, что уже шесть часов декабрьского утра. Но время отменили.

(доводы, опровергающие безумие, с мягким шорохом падали насквозь, слой за слоем...)

Кто это? Какой-нибудь поэт, которого Джек читал на выпускном курсе? Какой-нибудь поэт-недоучка, который теперь торгует чистящими средствами в Уосоу или страховыми полисами в Индианаполисе? Может быть, это он сам придумал? Неважно.

(ночь темна, звездный купол высок, изуродован сладкий пирог, и плывет он по небу ночному...)

Джек беспомощно хихикнул.

— Что смешного, милый?

Джек снова очутился в бальном зале. Горели канделябры, повсюду кружились пары, кто-то в костюмах, кто-то — нет, ровно играла какая-то послевоенная группа — но которая то была война? Можно ли сказать точно?

Нет, конечно, нет. Точно Джек мог сказать только одно: он танцует с прекрасной женщиной.

Высокая, с волосами цвета опавшей листвы, одетая в тесно прилегающий белый шелк, она танцевала близко-близко, легонько, приятно прижимаясь грудью к груди Джека. Белые пальцы сплелись с его пальцами. На ней была усыпанная блестками черная полумаска, а зачесанные на сторону волосы мягкой поблески-

вающей волной лились в ложбинку между их соприкасающимися плечами. Юбка у платья была длинной, до полу, но время от времени Джек касался ногой ее бедра, и в нем крепла уверенность, что под платьем — гладкая, припудренная нагота.

(чтоб лучше почувствовать твою эрекцию, милый)

Ему же щегольнуть было нечем. Если это ее оскорбляло, она это хорошо скрывала, даже прижималась к нему теснее.

— Ничего смешного, прелесть моя,— сказал он, хихикнув.

— Ты мне нравишься,— прошептала она, и Джек подумал, что ее аромат напоминает аромат лилий, прячущихся в укромных расселинах, заросших зеленым мхом, куда солнце заглядывает ненадолго, а тени длинны.

— Ты мне тоже нравишься.

— Если хочешь, можно пойти наверх. Я должна быть с Гэрри, но он даже не заметит. Он слишком занят тем, что дразнит бедняжку Роджера.

Мелодия закончилась. Раздался плеск аплодисментов, а потом музыканты почти без паузы рванули «Тональность индиго».

Джек посмотрел поверх обнаженного плеча партнерши и увидел Дервента, который стоял у стола с напитками. С ним была девушка в саронге. На закрытом белой скатертью столе выстроились в ряд ведерки со льдом, в них — шампанское. В руке Дервента пенилась бутылка. Смеясь, собралась группа людей. Перед Дервентом и девушкой в саронге на четвереньках выделывал нелепые антраша Роджер, за ним вяло волочился хвост. Роджер лаял.

— Голос, мальчик, голос! — кричал Горас Дервент.

— Р-гав! Р-гав! — отвечал Роджер. Все захлопали в ладоши, раздалось несколько свистков.

— А теперь служи. Служи!

Роджер присел на корточки. Морда его маски замерла в вечном оскале. Внутри дырок для глаз ворочались глаза Роджера, взволнованные, горящие безумным весельем. Он вытянул руки, согнув и свесив кисти.

— Гав! Гав!

Дервент перевернул бутылку шампанского, и та пенящейся Ниагарой низверглась на поднятую вверх маску. Роджер разразился неистовыми хлюпающими звуками. Все снова зааплодировали. Некоторые женщины визжали от смеха.

— Ну разве Гэрри не чудак? — спросила партнерша Джека, опять прижимаясь теснее.— Все так говорят. Знаете, он бисексуал. А бедняжка Роджер просто гомик. Один раз он провел с Гэрри уикэнд на Кубе... ну, это было *месяцы* назад... и теперь повсюду таскается за ним и виляет хвостиком.

Она хихикнула. Вверх поплыл тонкий аромат лилий.

— Но, конечно, Гэрри никогда не вернется ко второму сорту... во всяком случае, там, где дело касается его гомосексуализма... а Роджер просто *обезумел*. Гэрри сказал, если Роджер придет на

бал-маскарад одетый песиком, *хорошеньким* песиком, он может передумать, а Роджер *так* глуп, что он...

Музыка умолкла. Снова аплодисменты. Музыканты гуськом спустились с эстрады, чтоб передохнуть.

— Извини, дорогуша,— сказала она.— Там кое-кто, кого я просто *должна*... Дарла! Дарла, девочка моя милая, где же *ты пропадаешь*?

Изворачиваясь, она протиснулась через жующую, пьющую массу, а Джек глупо глазел на нее, не в состоянии понять, как вообще вышло, что они танцевали вместе. Он не помнил. Все случившееся с ним, кажется, не было взаимосвязано. Сперва тут, потом бог знает где. Голова кружилась. Пахло лилиями и ягодами можжевельника. Теперь впереди, у стола с напитками, Дервент держал над головой Роджера крошечный треугольный сандвич и заставлял сделать обратное сальто к общему веселью зевак. Собачья маска была повернута кверху. Серебристые бока костюма вздымались и опадали. Роджер вдруг подпрыгнул, подогнул голову под брюхо и попытался перевернуться высоко в воздухе. Однако он слишком устал, прыжок вышел недостаточно высоким, и бедняга неловко приземлился на спину, как следует приложившись головой о кафельный пол. Из-под собачьей маски вырвался стон.

Первым зааплодировал Дервент.

— Попробуй-ка еще разок, песик! Еще разок!

Наблюдатели нараспев подхватили: *еще разок, еще разок* — и Джек неверным шагом отправился в другую сторону, смутно ощущая, что болен.

Наткнувшись на тележку с напитками, которую катил перед собой мужчина с низким лбом, в белом кителе официанта, он чуть не упал. Нога задела нижнюю хромированную полку тележки, и бутылки наверху дружно и мелодично зазвенели.

— Простите,— хрипло выговорил Джек. Вдруг ему показалось, что он заперт здесь и, испытав чуть ли не клаустрофобию, Джек захотел выбраться. Ему захотелось, чтобы «Оверлук» снова стал таким, как прежде... свободным от незваных гостей. Ему, как подлинному открывателю пути, не оказали должных почестей — он оказался лишь одним из десяти тысяч веселящихся рядовых гостей, песиком, который по команде кувыркается и служит.

— Ничего-ничего,— ответил человек в белой куртке официанта. Вежливый, беглый английский в устах этого головореза звучал сюрреалистически.

— Хотите выпить?

— Мартини.

За спиной Джека раздался еще один взрыв смеха: Роджер подвывал мелодии «Домой с войны». Кто-то уже подбирал аккомпанемент на классном «стейнвее».

— Прошу.

В ладонь Джеку втиснули холодный, как лед, стакан. Джек

с благодарностью выпил, чувствуя, как джин пресекает и разносит в клочья первые поползновения трезвости.

— Все в порядке, сэр?

— Отлично.

— Спасибо, сэр.

Тележка поехала дальше.

Джек вдруг протянул руку и коснулся плеча этого человека.

— Да, сэр?

— Простите... как вас зовут?

Его собеседник не выказал ни малейшего удивления.

— Грейди, сэр. Делберт Грейди.

— Но вы... я хочу сказать...

Официант вежливо посмотрел на него. Джек попробовал снова, хотя рот был забит джином и нереальностью. Каждое слово казалось крупным, как кубик льда.

— Разве когда-то вы не работали тут смотрителем? Вы тогда... тогда...— Но закончить Джек не смог. Он не мог произнести это.

— Да нет, сэр. По-моему, нет.

— Но ваша жена... дочки...

— Жена помогает в кухне, сэр. Девочки, разумеется, спят. Для них уже слишком поздно.

— Вы были смотрителем. Вы...

Ну, говори же!

— Вы их убили.

Лицо Грейди осталось равнодушно вежливым.

— Я ничего такого не помню, сэр.— Стакан Джека был пуст. Грейди извлек его из несопротивляющихся пальцев Джека и приготовился налить еще. На тележке стояла белая пластиковая корзиночка, полная оливок. Они почему-то напомнили Джеку крошечные отрубленные головы. Грейди ловко подцепил одну, бросил в бокал и подал Джеку.

— Но вы...

— Смотритель — *вы*, сэр,— мягко сказал Грейди.— Вы всегда были смотрителем, сэр, я-то уж знаю. Я все время был тут. Нас нанял один и тот же управляющий, одновременно. Все в порядке, сэр?

Джек подавился оливкой. Голова шла кругом.

— Мистер Уллман...

— Не знаю никого с такой фамилией, сэр.

— Но он...

— Управляющий,— повторил Грейди.— *Отель*, сэр. Конечно же вы понимаете, кто вас нанял, сэр.

— Нет,— хрипло сказал тот.— Нет, я...

— По-моему, вы должны еще раз поговорить с сыном, мистер Торранс, сэр. Он все понимает, хотя вас в курс дела не ввел. Осмелюсь сказать, довольно некрасиво с его стороны, сэр. Фактически,

он обманывал вас чуть ли не на каждом шагу, правда? А ему еще и шести нет.

— Да,— согласился Джек.— Да.

Из-за спины накатила новая волна смеха.

— Мальчика следует наказать, если позволите так выразиться. Он нуждается в хорошем разговоре, сэр, а может быть и кое в чем еще. Моих собственных девочек, сэр, сперва не заботил «Оверлук». Одна из них даже украла у меня коробок спичек и пыталась сжечь отель. Я их наказал. Наказал по возможности сурово. А когда жена пыталась помешать мне исполнить свой долг, я и ее наказал.— Он вежливо, бессмысленно улыбнулся Джеку.— Тот факт, что женщины редко понимают ответственность отца за своих детей, я нахожу грустным, но верным. Мужья и отцы несут определенную ответственность, не так ли, сэр?

— Да,— сказал Джек.

— Они не любили «Оверлук» так, как я,— продолжал Грейди, принимаясь готовить ему очередную порцию спиртного. В перевернутой бутылке джина поднялись серебристые пузырьки.— Точь-в-точь как его не любят ваши жена с сыном... во всяком случае, сейчас. Но они его полюбят. Вы должны указать им на ошибочность подобного отношения, мистер Торранс. Вы согласны?

— Да. Согласен.

Он действительно понял. Он был с ними слишком мягок. Мужья и отцы несут определенную ответственность. «Папа знает лучше». Они не понимают. Само по себе это не преступление, но они не понимают *намеренно*. Обычно Джек не был суров. И если его жена с сыном намеренно настраивают себя против его желаний, против того, что, по мнению Джека, было им только на пользу, тогда не обязан ли он...

— Неблагодарное дитя хуже ядовитой змеи,— сказал Грейди, подавая ему бокал.— Я совершенно уверен, что управляющий сумеет наставить вашего сына на путь истинный. Вскоре придет очередь и вашей жены. Вы согласны, сэр?

Джек вдруг растерялся.

— Я... но.. если бы они просто могли уехать... я хочу сказать, в конце концов, ведь управляющему нужен я? Иначе быть не может. Потому что...— Почему? Ему следовало знать, но Джек вдруг обнаружил, что не знает. Ах, как кружилась его бедная голова!

— Фу, какая собака! — громко говорил Дервент, контрапунктом к смеху.— Плохая собака, надула на пол лужу!

— Вы конечно, знаете,— сказал Грейди, доверительно склоняясь к Джеку над тележкой,— что ваш сын пытался привлечь сюда сторону извне. У вашего мальчика огромный талант — управляющий мог бы использовать его на дальнейшее процветание «Оверлука», еще больше... ну, скажем, обогатить его. Но ваш

сын пытается применить этот самый талант против нас. И делает это намеренно, мистер Торранс, сэр. Намеренно.

— Сторону извне? — тупо спросил Джек.

Грейди кивнул.

— Кого?

— Ниггера, — сказал Грейди. — Черномазого повара.

— Холлоранна?

— Да, сэр, по-моему, его зовут так.

За очередным взрывом смеха последовал ноющий протестующий голос Роджера, который что-то говорил.

— Да! Да! Да! — нараспев затянул Дервент. Его окружение подхватило, но не успел Джек расслышать, чего они теперь хотели от Роджера, как музыканты снова заиграли — мелодию «Такседо джанкшн», в которой было много сочного саксофона, но не очень много «соул».

(«соул»? «соул» еще даже не придумали, или придумали?)

(ниггер... черномазый повар...)

Джек открыл рот, собираясь заговорить и не зная, что может получиться. Вышло вот что:

— Мне сказали, вы не получили высшего образования. Однако, вы говорите не как необразованный человек.

— Я действительно очень рано завершил организованное образование, сэр. Но управляющий заботится о своих служащих. Он считает, что это себя оправдывает. Образование всегда оправдывает себя, вы согласны, сэр?

— Да, — изумленно сказал Джек.

— Вы, например, выказали сильную заинтересованность в том, чтобы побольше узнать об отеле «Оверлук». Очень мудро с вашей стороны, сэр. Очень благородно. В подвале был оставлен известный альбом — чтобы вы нашли его.

— Кем? — быстро спросил Джек.

— Конечно, управляющим. Если пожелаете, в ваше распоряжение можно предоставить и иные материалы определенного рода...

— Желаю. Очень сильно. — Джек попытался справиться с жаром в голосе и самым жалким образом потерпел поражение.

— Да, вы настоящий ученый, — сказал Грейди. — Не бросаете тему, пока та не исчерпается. Истощаете все источники. — Нагнув низколобую голову, он оттянул лацкан белой куртки и костяшками пальцев стер невидимое Джеку пятнышко грязи. — И потом, управляющий никак не ограничивает свою щедрость, — продолжал Грейди. — Никоим образом. Взгляните на меня — бросил школу в десятом классе. Подумайте, насколько вы сами могли бы продвинуться в организационной структуре «Оверлука». Возможно... в свое время... на самый верх.

— В самом деле? — прошептал Джек.

— Но ведь на самом деле это решать вашему сыну, верно? — спросил Грейди, приподняв брови. Деликатный жест странным

образом сочетался с ними: брови были мохнатыми и создавали впечатление свирепости.

— Это решать Дэнни?— Джек нахмурился, глядя на Грейди.— Конечно, нет. Нет. Я не позволю своему сыну принимать решения, касающиеся моей карьеры. Еще не хватало. За кого вы меня принимаете?

— За преданного человека,— тепло сказал Грейди.— Возможно, я плохо выразился, сэр. Давайте скажем так: ваше будущее здесь зависит от того, как вы решите поступить относительно своенравного сына.

— Свои решения я принимаю сам,— прошептал Джек.

— Но вам придется разобраться с мальчиком.

— Разберусь.

— Решительно.

— Решительно.

— Мужчина, не умеющий справиться с собственной семьей, представляет очень небольшой интерес для нашего управляющего. Если человек не в состоянии направлять жену и сына, вряд ли можно ожидать от него, что он сумеет выбрать правильный путь для себя — не говоря уже о том, чтобы принять на себя ответственный пост в столь значительной операции. Он...

— *Я же сказал, что приструню его!* — выкрикнул Джек, неожиданно впадая в ярость.

Только что закончилась «Такседо джанкшн», а новая мелодия еще не начиналась. Крик попал точнехонько в паузу, и разговоры за спиной Джека внезапно прекратились. Его вдруг бросило в жар. Он положительно уверился, что все до единого не сводят с него глаз. Они покончили с Роджером, и теперь примутся за него. Кувырнись. Служи. Умри. Если будешь играть с нами, мы тоже поиграем с тобой. Ответственный пост. Они хотят, чтобы он принес в жертву своего сына.

(а теперь он повсюду таскается за Гэрри и виляет хвостиком...)

(кувырнись, умри, отдай сына на заклание.)

— Пожалуйста, сюда, сэр,— говорил Грейди.— Кое-что, что может вас заинтересовать.

Разговор потек снова, он делался то громче, то тише, у него был свой ритм, он то вплетался в музыку, то выбивался из нее. Играли свинговую вариацию «Тикет ту райд» Леннона и Маккартни.

(слыхал я и лучше — в супермаркете, из громкоговорителя)

Джек идиотски хихикнул. Опустив взгляд к левой руке, он увидел, что там еще один полупустой бокал. И осушил его одним большим глотком.

Теперь он стоял перед каминной полкой, ноги согревал разожженный в камине потрескивающий огонь.

(огонь?... в августе?... да... и нет... время стало единым)

Между двумя слониками из слоновой кости стояли часы под стеклянным колпаком. Стрелки показывали без одной минуты

полночь. Он затуманенными глазами уставился на них. Что, Грейди хотел показать ему вот это? Он повернулся, чтобы спросить, но Грейди его уже покинул.

Наполовину отыграв «Тикет ту райд», музыканты завершили мелодию медью фанфар.

— Пришло время! — объявил Горас Дервент. — Полночь! Маски долой! Маски долой!

Он снова попытался обернуться, чтобы увидеть, какие известные лица окажутся под глянцем и красками масок, но оцепенел, не в силах отвести глаз от часов — их стрелки сошлись, указывая вертикально вверх. Гости продолжали скандировать:

— *Маски долой!*

Часы начали деликатно вызванивать полночь. Вдоль стального рельса под циферблатом навстречу друг другу поехали две фигурки — одна справа, другая слева. Джек смотрел, позабыв, что снимаются маски. Часы зажужжали. Зубцы повернулись, сцепились; тепло поблескивала латунь. Балансир исправно ходил из стороны в сторону.

Одна из фигурок изображала поднявшегося на цыпочки мужчину, в руках у него было зажато что-то наподобие крошечной клюшки для гольфа. Вторая — маленького мальчика, одетого в бумажный колпачок школьника-лодыря. Поблескивающие куколки были выполнены фантастически точно. Спереди на тулье бумажной шапочки малыша Джек прочел надпись: ДУРАК.

Фигурки скользнули на противоположные концы стальной палочки-оси. Откуда-то безостановочно неслись звенящие ноты вальса Штрауса. В голове Джека в такт мелодии закрутились слова бредовой рекламной песенки: «корм для собак... гав-гав-гав-гав... корм для собак...»

В часах папочка опустил на голову мальчугана стальной молоточек. Сын рухнул вперед. Молоточек поднимался и опускался, поднимался и опускался. Воздетые вверх для защиты руки мальчика задрожали. Скорчившийся малыш упал навзничь. А молоточек все поднимался и опускался под легкую, звенящую музыку Штрауса; казалось, Джек видит лицо мужчины — вспухшие узлы мышц, сосредоточенность, зажатость — видит, как рот игрушечного папочки открывается и закрывается, пока он поливает руганью безжизненную обезображенную фигурку сына.

Изнутри на стеклянном колпаке появилось крошечное красное пятнышко.

Еще одно. Рядом шлепнулись еще два.

Теперь брызги красной жидкости летели вверх, подобно грязному дождю, они ударялись о стеклянные бока колпака и стекали по ним, мешая видеть, что делается внутри, а к ярко-алому примешались крошечные серые ленточки живой ткани, кусочки мозга и кости. И все равно Джек видел, как взлетает и падает молоток — ведь часовой механизм продолжал поворачиваться, зуб-

цы по-прежнему цеплялись за рычаги и зубчики этой хитроумной машины.

— *Маски долой! Маски долой!* — визжал за его спиной Дервент, а где-то человеческим голосом выл пес.

(но у часов не может идти кровь, часовой механизм не может кровоточить.)

Кровь залила уже весь колпак. Джек разглядел клочки слипшихся волос — но и только, слава Богу, ничего больше он не видел, и все равно думал, что его стошнит, ведь он все еще слышал удары опускающегося молотка, слышал даже сквозь стекло, слышал не хуже, чем мелодию «Голубого Дуная». Но это было уже не механическое «тинк-тинк-тинк», когда механический молоток бьет по механической голове, удары стали мягкими, расплющивающими, глухими — воздух разрезал настоящий молоток, он с чавканьем опускался на губчатые грязные останки. Останки, некогда бывшие...

— МАСКИ ДОЛОЙ!

(и над всем воцарилась Красная Смерть!)

В нем поднялся жалобный пронзительный вопль. Джек бросился прочь от часов, вытянув вперед руки, спотыкаясь; ноги, как деревянные, цеплялись друг за дружку. Он умолял остановить это — забрать его, Дэнни, Венди, забрать весь мир, если им так хочется, — только остановиться, не погружать его в полное безумие, оставить хоть крошечный огонек.

Бальный зал был пуст.

Стулья, растопырив ножки, покоились вверх дном на столах, закрытых от пыли кусками пластика. Красный с золотым узором ковер вернулся на танцевальную площадку, защищая полированный паркет. Эстрада пустовала, если не считать отсоединенной микрофонной стойки и пыльной гитары без струн, прислоненной к стене. Из высоких окон вяло падал холодный утренний свет — зимний свет.

У Джека по-прежнему кружилась голова, он все еще чувствовал опьянение, но, обернувшись назад к камину, мгновенно протрезвел. Там стояли только слоники... и часы.

Спотыкаясь, Джек пересек холодный, полный теней вестибюль и столовую. Нога зацепилась за ножку стола, тот с треском перевернулся, а Джек растянулся во весь рост, до крови разбив нос об пол. Он поднялся, шмыгая и промокая нос тылом руки. Добравшись до бара «Колорадо», Джек ввалился туда сквозь качающуюся дверь так, что створки отлетели назад и ударились о стены.

Пусто... но, слава Богу, бар был полон! В темноте тепло поблескивало стекло и серебряные каемки этикеток.

Однажды, вспомнил Джек, давным-давно он рассердился, что за полками нет зеркала. Сейчас он был этому рад. Поглядев в него, он увидел бы просто очередного пьяницу, который только

что нарушил зарок не пить: расквашенный нос, расстегнутая рубаха, взъерошенные волосы, заросшие щеки.

(вот каково, если сунуть в гнездо всю руку.)

Джека вдруг пронзило чувство полного одиночества. Он расплакался, чувствуя себя неожиданно несчастным, и от души желая умереть. Наверху от него заперлись жена и сын. Вечеринка закончилась.

Он снова потянулся вперед, к стойке.

— Ллойд, мать твою так, где ты? — заорал он.

Ответа не было. В этой прекрасно обитой

(камере)

комнате не было даже эха, которое вернуло бы его же слова и создало бы видимость компании.

← Грейди!

Никакого ответа. Только бутылки, стоящие по стойке смирно, все — внимание.

(кувырнись, умри, апорт, служи, умри)

— Наплевать, сделаю сам, черт вас дери.

Обойдя стойку наполовину, он потерял равновесие и упал вперед, глухо стукнувшись головой об пол. Он поднялся на четвереньки, вращая глазами (причем каждый глаз делал это независимо от второго), и что-то невнятно забормотал. Потом рухнул, повернув голову набок, и захрапел.

Снаружи ветер, который гнал перед собой сгущающийся снег, завыл громче. Было 8:30 утра.

45. АЭРОПОРТ СТЭПЛТОН, ДЕНВЕР

В 8:31 по горному времени летевшая рейсом № 196 авиакомпании ТВА женщина разрыдалась и принялась выплескивать свое личное мнение, которое, возможно, разделяла часть пассажиров (а коли на то пошло, даже экипаж), что самолет сейчас разобьется.

Женщина с резкими чертами лица подняла глаза от книги и выдала краткий анализ характера: «Дура», после чего вернулась к чтению. За время полета она прикончила две порции водки с апельсиновым соком, но, похоже, не смягчилась.

— Мы разобьемся! — пронзительно причитала женщина. — Я знаю, знаю!

К пассажирке поспешила стюардесса, присела рядом с ней на корточки. Холлоранн подумал, что только стюардессы и очень молоденькие домохозяйки умеют присесть на корточки изящно в полном смысле этого слова. Редкий и чудесный дар. Так он размышлял, а стюардесса тем временем тихонько уговаривала женщину и мало-помалу успокаивала ее.

Насчет прочих пассажиров рейса № 196 Холлоранн был не в курсе, но сам он перепугался так, что чуть не наложил в штаны. За окошком виднелась только налетающая волнами белая пеле-

на. Резкие порывы ветра, налетавшие словно бы со всех сторон, бросали самолет с боку на бок, вызывая тошноту. Чтобы частично компенсировать это, завели моторы, и в результате пол под ногами затрясся. Несколько человек за их спиной стонало над «туристами», одна из стюардесс вернулась с охапкой чистых пакетов, а мужчина, сидевший на три ряда впереди Холлоранна, сделал «уу-уп» в свой номер «Нэшнл Обзервер» и, извиняясь, улыбнулся девушке, которая подошла помочь ему почиститься.

— Все нормально,— успокоила она его,— я себя так чувствую, когда читаю «Ридерз дайджест».

У Холлоранна был достаточный летный опыт, чтоб предположить, что же произошло. Они почти все время летели против сильного ветра, над Денвером неожиданно ухудшилась погода, но теперь уже поздновато было заворачивать куда-то, где погода поприличнее. Ну, выноси, родимый!

(дружок, это же не баба, а сигнал к кавалерийской атаке, мать ее!)

Стюардесса, кажется, успешно обуздала истерику пассажирки. Та хлюпала и сморкалась в шелковый носовой платок, но перестала беспрепятственно сообщать пилотской кабине свои мысли насчет вероятного завершения полета. Стюардесса в последний раз похлопала ее по плечу и встала, но тут боинг накренился совсем сильно, она попятилась, споткнулась и приземлилась на колени мужчине, которого недавно стошнило в газету. Обнаружилось прелестное, длинное, затянутое в нейлон бедро. Мужчина заморгал, а потом добродушно похлопал девушку по плечу. Она вернула улыбку, но Холлоранн подумал, что напряжение заметно. Нынче утром лететь было черт знает как трудно.

Раздался легкий щелчок и вновь появилось предупреждение НЕ КУРИТЬ.

— Говорит командир экипажа,— сообщил негромкий голос с легким южным выговором.— Мы готовы начать снижение в Международный аэропорт Стэплтон. Прошу извинить за трудный рейс. Посадка тоже может оказаться не слишком простой, но никаких серьезных затруднений мы не ожидаем. Пожалуйста, обратите внимание на предупреждающие надписи: ПРИСТЕГНИТЕ РЕМНИ и НЕ КУРИТЬ. Мы надеемся, что вам понравится пребывание в Денверской зоне... Еще мы надеемся...

От очередного сильного толчка самолет подбросило, а потом швырнуло вниз, подобно несущемуся с головокружительной скоростью лифту. Желудок Холлоранна проплясал вызывающий тошноту «хорнпайп». Несколько человек — явно не только женского пола — завизжали.

— ... что очень скоро встретимся с вами на одном из рейсов авиакомпании ТВА.

— Накося выкуси,— сказал кто-то позади Холлоранна.

— Как глупо,— заметила остролицая соседка Холлоранна, закладывая книгу оберткой от спичек и захлопывая ее, когда само-

лет начал снижение.— Когда человек видел ужасы грязной войны... как вы... или ощутил унизительную аморальность вторжения дипломатии доллара ЦРУ... как я... сложное приземление просто *блекнет* в своей *незначительности*. Я права, мистер Холлоранн?

— Как пить дать, мэм,— сказал он и затуманенным взором уставился в иллюминатор на бешено несущийся снег.

— Можно узнать, как на все это реагирует ваша стальная пластинка?

— О, голова у меня в полном порядке,— сказал Холлоранн.— Просто немного растрясло желудок.

— Стыдно.— Она снова раскрыла книгу.

Пока они снижались в непроницаемых снежных тучах, Холлоранн подумал про крушение, случившееся несколько лет тому назад в бостонском аэропорту Логан. Условия были похожими, только вместо снега — туман, снизивший видимость до нуля. Самолет врезался брюхом в подпорную стойку в конце посадочной полосы. То, что осталось от восьмидесяти девяти пассажиров, не слишком отличалось от рагу «Гамбургер Хелпер».

Будь дело только в Холлоранне, он бы не переживал так сильно. На свете у него теперь почти никого не осталось, и на его похороны пришли бы лишь те, с кем он вместе работал, да старый отступник Мастертон — тот, по крайней мере, выпьет за помин души Дика. Но мальчик... мальчик зависел от него. Может быть, он — единственная помощь, какую может ожидать мальчуган. К тому же Холлоранну не нравилось, как обрубили последний призыв малыша. У него не шло из головы, как передвигаются эти звери-кусты...

На его руку легла тонкая, белая.

Женщина с резкими чертами сняла очки. Без них лицо казалось куда мягче.

— Все обойдется,— сказала она.

Холлоранн кивнул, изобразив улыбку.

Как и было объявлено, приземление прошло непросто. Силы, с которой самолет воссоединился с землей, хватило, чтобы выкинуть из переднего багажного отделения все вещи и заставить пластиковые подносы каскадом обрушиться на пол камбуза подобно огромным игральным картам. Никто не закричал, но Холлоранн услышал, как у нескольких человек сильно, словно цыганские кастаньеты, щелкнули зубы.

Потом взвыли турбины двигателей, тормозя самолет, и, когда вой затих, из системы внутренней связи раздался мягкий голос пилота-южанина.

— Леди и джентльмены, мы совершили посадку в аэропорту Стэплтон. Прошу оставаться на местах до тех пор, пока самолет окончательно не остановится. Спасибо.

Соседка Холлоранна закрыла книгу и длинно вздохнула.

— Мы живем, чтобы давать бой каждому новому дню, мистер Холлоранн.

— Мэм, мы еще не разделались с этим.

— Верно. Очень верно. Не выпьете со мной в баре?

— Я бы не прочь, но у меня назначена встреча.

— Неотложная?

— Еще как,— серьезно ответил Холлоранн.

— Надеюсь, она хоть чуть-чуть улучшит общее положение дел.

— Вот и я надеюсь,— с улыбкой отозвался Холлоранн. Она улыбнулась в ответ, отчего ее лицо тихо помолодело лет на десять.

Поскольку весь багаж Холлоранна состоял из дорожной сумки, Дик протолкался через толпу к стойке Герца этажом ниже. Сквозь затемненные оконные стекла он увидел, что снег и не думает перестать. Налетающий резкими порывами ветер носил из стороны в сторону белые снежные облака, и идущие к стоянке люди с трудом пробивались сквозь метель. Один мужчина потерял шляпу, она взлетела, описывая красивые широкие круги. Холлоранн посочувствовал. Мужчина пристально глядел шляпе вслед, и Холлоранн подумал:

(да забудь ты о ней, мужик. Этот «хомбург» не приземлится, пока до Аризоны не долетит)

Следом пришла другая мысль:

(ежели в Денвере так гадко, каково ж тогда к западу от Боулдера?)

— Я могу вам помочь, сэр?— спросила девушка в желтой герцевской униформе.

— Ежели у вас есть машина, то можете,— широко ухмыляясь, ответил он.

За плату выше средней можно было нанять машину тоже не среднюю — серебристо-черный «бьюик/электра». Холлоранн думал скорее об извилистых горных дорогах, чем о стиле — все равно, где-нибудь по пути придется остановиться и поставить цепи. Без них далеко не уедешь.

— Плохо дело, а?— спросил он, когда девушка подавала ему на подпись договор о найме.

— Говорят, такой бури не бывало с шестьдесят девятого,— весело откликнулась она.— Вам далеко ехать, сэр?

— Дальше, чем хотелось бы.

— Если хотите, сэр, я могу позвонить на станцию «Тексако» у перекрестка дороги № 270. Они вам поставят цепи.

— Милочка, это было бы просто счастье.

Она сняла трубку и позвонила.

— Вас будут ждать, сэр.

— Огромное спасибо.

Отходя от стойки, он увидел, что в одной из образовавшихся

у багажной карусели очередей стоит женщина с резкими чертами лица. Она по-прежнему читала книгу. Проходя мимо, Холлоранн подмигнул ей. Она подняла голову, улыбнулась и сделала знак мира.

(сияет)

Улыбаясь, он поднял воротник пальто и переложил дорожную сумку в другую руку. Слабенькое сияние, но Холлоранн почувствовал себя лучше. Жаль, что он наплел ей про стальную пластинку в голове. Он мысленно пожелал ей всего доброго и, выходя в снег и воющий ветер, подумал, что она ответила тем же.

На станции обслуживания плату взимали умеренную, но Холлоранн сунул рабочему из гаража лишнюю десятку, чтоб хоть немного продвинуться в списке ожидающих. На дорогу он фактически вырвался уже в четверть десятого: поскрипывали дворники, цепи с шипами немузыкально, монотонно звенели на больших колесах бьюика.

Автострада представляла собой кашу. Даже с цепями нельзя было ехать быстрее тридцати. Машины съезжали с дороги под сумасшедшими углами, а на нескольких полосах просто двигались с трудом, летние шины беспомощно проворачивались в плывущем рыхлом снегу. Здесь, в предгорье (если можно назвать предгорьем высоту в милю над уровнем моря) это была первая крупная буря за зиму, так сказать, первая ласточка. Многих она застала врасплох — дело обычное, и все равно, протискиваясь в дюйме от недотеп, косясь на залепленное снегом боковое зеркало, чтобы убедиться, что по левой полосе никто

(не прорывается сквозь снег)

не подъезжает наподдать ему по черной заднице, Холлоранн обнаружил, что клянет их на чем свет стоит.

Ему снова не повезло: пришлось ждать у въезда на дорогу № 36. Дорога № 36, автострада Денвер-Боулдер, тоже идет на запад к Эстес-парк, где соединяется с дорогой № 7. Седьмая дорога, известная также как Нагорное шоссе, проходит через Сайдвиндер, минует отель «Оверлук» и, наконец, спускается по Западному склону в штат Юта.

Въезд заблокировал перевернувшийся «семи». Фары ярко светили, разгоняя окружающий мрак, словно именинные свечи на каком-то идиотском детском пироге.

Холлоранн остановился и опустил окошко. Полицейский в натянутой на уши меховой казачьей шапке указал затянутой в перчатку рукой в сторону потока машин, которые двигались к северу по И-25.

— Наверх вам не попасть,— проорал он Холлоранну, заглушая ветер.— Проедете два выезда, выберетесь на девяносто первую и возле Брумфилда выедете на тридцать шестую!

— Думаю, я смогу объехать его слева! — прокричал Холло-

ранн в ответ.— Куда вы меня пихаете, это ж двадцать миль крюку!

— Я тебе сейчас твою долбаную *голову* спихну! — заорал фараон.— Этот въезд закрыт!

Холлоранн дал задний ход, подождал, пока в потоке машин появится просвет, и поехал дальше по дороге И-25. Указатели сообщили, что до Шейенны, Вайоминг, всего лишь сто миль. Не ищи Холлоранн свой въезд, он отправился бы сразу туда.

Он немного прибавил скорость, до тридцати пяти, но больше не посмел: снег уже грозил залепить дворники, а поток машин двигался совершенно бредово. Двадцатимильный крюк! Холлоранн выругался. В нем снова поднялось чувство, что у мальчика остается все меньше времени, оно затопило его, почти задушило своей безотлагательностью. И в то же время он ощущал обреченную уверенность, что не вернется из своего похода.

Он включил радио, покрутил и после рождественских объявлений нашел прогноз погоды.

— ... уже шесть дюймов, но в зоне Денвера к вечеру ожидается еще фут. Местная полиция и полиция штата убедительно просят вас без крайней необходимости не выводить машины из гаража и предупреждают, что большинство горных дорог уже закрыто. Так что оставайтесь дома, смазывайте лыжи и слушайте...

— Спасибо, мама,— сказал Холлоранн и свирепо выключил приемник.

46. ВЕНДИ

Около полудня, после того, как Дэнни отправился в туалет, Венди вынула из-под подушки завернутый в полотенце нож, положила его в карман купального халата и пошла к двери ванной.

— Дэнни?

— Что?

— Я иду вниз приготовить нам что-нибудь на ленч. Угу?

— Угу. Хочешь, чтобы я спустился?

— Нет, я все принесу наверх. Как насчет омлета с сыром и супа?

— Согласен.

Она еще немного помедлила возле запертой двери.

— Дэнни, ты уверен, что все хорошо?

— Ага,— ответил он.— Только будь осторожна.

— Где отец? Ты знаешь.

В ответ донесся до странности невыразительный голос:

— Нет. Но все нормально.

Она подавила настойчивое желание продолжить расспросы, еще чуть-чуть пощупать границы проблемы. Проблема была, они с Дэнни знали, в чем она, и ковыряться в этом значило бы только еще сильнее напугать Дэнни... и себя.

Джек потерял рассудок. Когда около восьми утра буран,

озлившись, принялся изо всех сил лупцевать отель, они с Дэнни сидели на его кровати и слушали, как внизу, спотыкаясь и что-то выкрикивая, бродит Джек. Основной шум вроде бы доносился из бального зала. Джек немузыкально исполнял обрывки песенок, вел спор с немым собеседником, один раз громко закричал, от чего они уставились друг на друга с застывшими лицами. Наконец, стало слышно, как Джек, спотыкаясь, возвращается через вестибюль, и Венди подумала, что слышит громкий стук — как будто Джек упал или с силой распахнул настежь какую-то дверь. Примерно с половины девятого (то есть уже три с половиной часа) царило молчание.

Она прошла по короткому коридорчику, свернула в главный коридор второго этажа и направилась к лестнице. Остановившись на площадке, Венди поглядела вниз, в вестибюль. Он казался пустынным, но серый снежный день оставил в тени почти все длинное помещение. Возможно, Дэнни ошибается. Возможно, Джек окажется за стулом или диваном... а может, за стойкой... поджидая, чтоб она сошла вниз...

Она облизала губы.

— Джек?

Никакого ответа.

Нащупав рукоятку ножа, Венди начала спуск. Она много раз представляла себе конец своего замужества — развод, гибель пьяного Джека в аварии (эта картина неизменно посещала ее в два часа темного стовингтонского утра), а иногда Венди грезила наяву, как ее отыщет другой человек — Галахад из мыльной оперы,— он закинет их с Дэнни на седло своего снежно-белого коня и умчит прочь. Но она ни разу не рисовала себе такой вот картины: чтобы она, подобно преступнице, вся — сплошные нервы, кралась по коридорам и лестницам, а в руке сжимала нож, уготованный для Джека!

От этой мысли Венди волной накрыло отчаяние. Пришлось остановиться на полпути, ухватившись за перила — от страха, как бы не подкосились ноги.

(Признайся, дело не только в Джеке — он-то здесь единственное реальное существо. Прицепиться можно и к другим вещам — тем, в которые ты не можешь поверить и в которые тем не менее, тебя заставляют поверить: к кустам живой изгороди, к сувенирам с вечеринки, которые были в лифте, к маске...)

Она попыталась оборвать мысль, но было слишком поздно.

(и к голосам)

Потому что время от времени казалось, что внизу — не одинокий безумец, который кричит и беседует с призраками, обитающими внутри его крошащегося рассудка. Время от времени Венди слышала (или только думала, что слышит) похожие на то замирающий, то усиливающийся радиосигнал другие голоса, и музыку, и смех. Вот к ней доносилась беседа Джека с кем-то по фамилии Грейди (имя было смутно знакомым, но откуда, она не могла

сообразить): ее муж что-то утверждал, задавал вопросы и, хотя царило молчание, его голос звучал громко, будто Джек хотел перекричать непрекращающийся шум на заднем плане. И тут же, вселяя ужас, раздавались иные звуки, как бы скользнувшие на место — танцевальная музыка, аплодисменты, веселый и все же властный мужской голос, который, кажется, пытался убедить кого-то произнести речь. Эти звуки доносились периодами от тридцати секунд до минуты (достаточно, чтобы ослабеть от ужаса), а потом снова исчезали, и слышался лишь голос Джека. Тон был приказным, а речь немного невнятной — ах, как хорошо Венди помнила эту манеру выражаться нетрезвого Джека! Но в отеле, кроме шерри для готовки, пить было нечего. Разве не так? Да, но если она сумела вообразить, что отель полон музыки и голосов, не мог ли Джек вообразить, что пьян?

Эта мысль ей не понравилась. Совершенно.

Венди добралась до вестибюля и осмотрелась. Бархатный шнур, отгораживающий бальный зал, сняли; стальная стойка, к которой он был прикреплен, перевернулась, как будто кто-то, проходя мимо, неосторожно задел ее. Из высоких, узких окон бального зала на ковер в вестибюле через открытые двери падал мягкий, приятный белый свет. Венди с колотящимся сердцем прошла к распахнутым дверям и заглянула. Пусто и тихо. Единственным звуком было то любопытное субауральное эхо, которое как бы задерживается во всех больших комнатах — от самых крупных соборов до самых крохотных гостиных, где играют в бинго.

Она вернулась к стойке и нерешительно постояла, прислушиваясь к вою ветра снаружи. Такого сильного бурана еще не бывало, и он продолжал набирать силу. Где-то на западной стороне со ставня сорвало замок, и ставень мотался из стороны в сторону с заунывным треском — так стреляет в тире одинокий посетитель.

(Джек, честное слово, тебе надо этим заняться. Прежде, чем внутрь что-нибудь проберется.)

Как она поступит, если Джек накинется на нее прямо сейчас? — задумалась Венди. Если он выскочит из-за темной глянцевитой регистрационной стойки со стопками бланков, где на серебряной подставке расположился маленький звонок? Выскочит, как некий кровожадный чертенок из табакерки, как ухмыляющийся чертик с огромным ножом в руке и глазами, лишенными всякого проблеска разума? Оцепенеет она от ужаса или в ней сохранилось достаточно от праматери, чтобы дать ему бой и ради сына бороться, пока один из них не погибнет? Венди не знала. Сама мысль вызывала дурноту, вся жизнь начинала казаться долгим спокойным сном, который убаюкал ее и, беспомощную, выбросил в этот кошмар наяву. Она расслабилась. Когда грянула беда, она спала. Прошлое Венди было самым обычным. Ее никогда не испытывали огнем, теперь настало время испытаний, но льдом, а не пламенем, и ей не позволят проспать его. Наверху ждет сын.

Покрепче сжав рукоять ножа, она заглянула за стойку и оста-

новилась, чтобы сперва заглянуть во внутренний офис, а уж потом заходить туда. Потом пошарила в поисках блока кухонных выключателей по стене за следующей дверью, бесстрастно ожидая, что в любую секунду ее руку накроет чужая ладонь. Потом, тихонько загудев, загорелись лампы дневного света, стала видна кухня мистера Холлоранна — теперь ее кухня, хорошо это или плохо,— бледно-зеленые кафельные плитки, блестящая посуда, фарфор без единого пятнышка, пылающие хромированные кромки. Она обещала мистеру Холлоранну держать кухню в чистоте и сдержала свое слово. Ей казалось, что это — одно из безопасных для Дэнни мест. Ее как будто окутывало и успокаивало присутствие Дика Холлоранна. Дэнни обратился к мистеру Холлоранну. Когда Венди в страхе сидела наверху рядом с сыном, а муж распевал, шумел и буянил внизу, казалось, что надежды почти нет. Но здесь, во владениях мистера Холлоранна, она без малого поверила в его приезд. Может быть, сейчас он был уже в пути, стремясь добраться к ним, несмотря на буран. Может быть.

Она прошла на другой конец кухни к кладовке, отодвинула засов и зашла внутрь. Взяв жестянку томатного супа, Венди снова закрыла дверь и заперла ее на засов. Дверь плотно прилегла к полу. Если держать ее на замке, не придется беспокоиться, что в рисе, муке или сахаре обнаружится мышиный или крысиный помет.

Венди вскрыла консервную банку и — плоп! — вывалила отчасти застывшее содержимое в кастрюльку. Потом сходила к холодильнику взять молоко и яйца для омлета. Потом — в холодильную камеру за сыром. Все эти действия, такие обыденные, вошедшие в жизнь Венди еще до того, как там появился «Оверлук», помогли ей успокоиться. Она растопила на сковородке масло, развела суп молоком, а потом вылила на сковородку взбитые яйца.

Вдруг ее охватило чувство, что кто-то стал у нее за спиной и тянется к горлу.

Венди резко обернулась, стискивая нож. Никого.

(!возьми себя в руки, девочка!)

Натерев в мисочку сыра от большого куска, Венди добавила его в омлет, сам омлет подбросила и убавила газ до чистого голубого пламени. Суп разогрелся. Кастрюльку она поставила на большой поднос, там уже лежало столовое серебро и стояли две глубоких тарелки, две мелких, солонка и перечница. Когда омлет тихонько запыхтел, Венди переложила его на тарелку, а второй накрыла.

(теперь назад той же дорогой, что пришла, выключить свет в кухне, пройти через контору, через воротца в стойке, прихватить двести долларов)

Пройдя через дверцу в стойке в вестибюль, Венди остановилась и поставила поднос рядом с серебряным звонком. Нереальность простиралась только до этого места. Какая-то сюрреалистическая игра в прятки...

Она стояла в полном теней вестибюле, хмурилась и размышляла.

(ну, девочка, на этот раз посмотри фактам в лицо: хотя ситуация действительно бредовая, в ней есть определенные реальные моменты. Например — в этом нелепом сборище чувство ответственности не утратила только ты. У тебя сын пяти с хвостиком лет, за которым надо приглядывать, и муж — что бы с ним ни случилось и как бы опасен он ни сделался... может, отчасти ты и за него отвечаешь. А даже, если нет, подумай-ка вот над чем: сегодня — второе декабря. Если спасателю не случится проезжать мимо, ты можешь застрять тут еще на четыре месяца. Даже, если они начнут удивляться, почему вы не выходите в эфир, сегодня никто сюда не соберется... может, не соберется еще несколько недель. Ты что, будешь целый месяц красться вниз за едой, с ножом в кармане, вздрагивая от каждой тени? Ты действительно полагаешь, что целый месяц сумеешь избегать Джека? Думаешь, тебе удастся целый месяц не впускать Джека в комнаты наверху, если он захочет войти? У него есть ключ ко всем дверям, а засов треснет от первого же сильного удара ногой.)

Оставив поднос на стойке, Венди медленно дошла до столовой и заглянула. Ни живой души. Стулья стояли только вокруг одного столика — того, за которым они пытались есть, пока пустота столовой не начала действовать им на нервы.

— Джек? — нерешительно позвала она.

В этот момент резкий порыв ветра швырнул снегом в закрытые ставни, но Венди почудилось, что она что-то слышит. Какой-то сдавленный стон.

— *Джек?*

На сей раз отклика она не получила, но наткнулась взглядом на какой-то предмет под дверью бара «Колорадо» — предмет, слабо блестевший в рассеянном свете. Зажигалка Джека.

Собравшись с духом, Венди прошла к дверям и, толкнув, открыла. Запах джина был так силен, что у нее перехватило горло. Его даже нельзя было назвать запахом — в баре воняло, иначе не скажешь. Где, скажите на милость, Джек нашел эту дрянь? Что, в глубине какого-то шкафа притаилась бутылка? *Где?*

Снова раздался тихий, неопределенный, но на этот раз отчетливо слышный стон. Венди медленно подошла к стойке.

— Джек?

Ответа не было.

Она заглянула за стойку: он оказался там, оцепенело распластался по полу. Судя по запаху, пьяный, как сапожник. Должно быть, пытался перелезть прямо через стойку и потерял равновесие. Чудо, что он не сломал шею. Венди вспомнилась старая поговорка: пьяному море по колено.

Но она не сердилась. Глядя на Джека сверху вниз, Венди думала: он похож на малыша, который пытался сделать слишком много, но страшно утомился и уснул на полу посреди комнаты. Он

бросил пить, а взяться за старое решил не сам — здесь не было спиртного, чтобы Джек мог начать сызнова... Так откуда же оно взялось?

Через каждые пять-шесть футов на изогнутой подковой стойке бара покоились оплетенные соломкой винные бутылки. Их горлышки были заткнуты свечами. По идее, решила Венди, это создает богемную обстановку. Подняв одну бутылку, она встряхнула ее, почти не сомневаясь, что услышит, как внутри плещется джин.

(новое вино в старых бутылях)

Но там ничего не было. Она поставила бутылку на место.

Джек пошевелился. Она прошла вдоль стойки, отыскала дверцу и, оказавшись по другую сторону, направилась туда, где лежал муж, задержавшись только, чтобы взглянуть на поблескивающие хромированные краны. Они были сухими, но, пройдя рядом, она уловила сырой и свежий запах пива, витавший в воздухе, как тонкий туман.

Когда она добралась к Джеку, он перекатился на спину, раскрыл глаза и посмотрел вверх, на нее. Через секунду абсолютно бессмысленный взгляд прояснился.

— Венди? — спросил он. — Ты?

— Да, — сказала она. — Как думаешь, ты доберешься наверх? Если обнимешь меня? Джек, где ты...

На ее щиколотке грубо сомкнулись пальцы Джека.

— Джек! Что ты...

— Поймал! — сказал он и расплылся в ухмылке. Витающий вокруг тяжелый запах джина и оливок словно бы поселил в Венди прежний ужас — куда более сильный, чем мог вселить любой отель как таковой. Некая ее отстраненная частичка подумала: самое плохое, что все свелось вот к чему: я да мой муж пьяница.

— Джек, я хочу помочь.

— Ага, ага. Вы с Дэнни хотите просто *помочь*. — Теперь пальцы давили на щиколотку так, словно хотели стереть ее в порошок. Не выпуская ее, Джек встал на трясущиеся колени. — Вы хотели так напомогать, чтоб ноги нашей тут не было! Но теперь... ты... *попалась!*

— Джек, больно...

— Тебе еще не так больно станет, *сука*.

Слово до такой степени оглушило Венди, что, когда Джек выпустил ее лодыжку и неуверенно поднялся с колен на ноги, да так и остался стоять перед ней, пошатываясь, она даже не попыталась убежать.

— Ты меня никогда не любила, — заявил он. — Ты хочешь, чтоб мы уехали, потому что знаешь: тут-то со мной и будет покончено. Ты хоть раз подумала про мои о-о... обя... обяз'ти? Не-е, мать твою так, это тебе в голову не приходило. Вечно думаешь только одно: как бы спихнуть меня пониже. Точь-в-точь моя мамаша, ты *сука* бесхарактерная, тряпка!

— Прекрати,— велела Венди со слезами,— ты сам не знаешь, что говоришь. Ты пьян. Не знаю, как тебе это удалось, но ты напился.

— А-а, понял. Теперь я понял. Ты да он. Этот щенок наверху. Вы сговорились. Вы что-то задумали. Разве не так?

— Нет, нет! Ничего мы не задумали! Что ты...

— *Ах ты врунья!* — пронзительно закричал он.— О, я знаю, как ты это делаешь! Когда я говорю: «мы остаемся, я буду работать», ты говоришь: «да, милый», и он говорит: «да, папа», а потом вы начинаете замышлять. Вы надумали использовать снегоход. Сговорились. Но я понял. Я вычислил. *Ты думала, я не соображу? Ты думала, я тупица?*

Венди воззрилась на него, лишившись дара речи. Он собрался убить ее, а следом — Дэнни. Тогда, может быть, отель будет доволен и позволит Джеку убить себя. Как тому прежнему смотрителю. Как

(Грейди)

Замирая от ужаса, Венди, наконец, сообразила, с кем это Джек беседовал в бальном зале.

— Ты восстановила против меня моего сына. Вот что хуже всего.— Лицо Джека обвисло от жалости к себе.— Мальчик мой. Теперь он тоже ненавидит меня. Ты позаботилась об этом. Вот что ты замышляла с самого начала, да? Ты всегда ревновала, что, не так? Прямо как твоя мамаша. Не могла успокоиться, пока не прибрала к рукам все. *Не могла?*

Слова не шли у Венди с языка.

— Ну, я тебя успокою,— пообещал он и попытался ухватить ее за горло.

Венди сделала шаг назад, потом еще один, и Джек качнулся к ней. Она вспомнила про нож в кармане халата и полезла за ним, но Джек обвил ее левой рукой, пригвоздив ее собственную руку к боку. На нее пахнуло резким запахом джина и кислым — пота.

— Придется наказать...— бурчал Джек.— Наказать... наказать... и жестоко.

Правой рукой он нашел горло Венди.

Когда доступ воздуха прекратился, нахлынула чистой воды паника. К правой руке Джека присоединилась левая, теперь можно было свободно вытащить нож, но Венди забыла про него. Ее пальцы взлетели к горлу и беспомощно пытались отодрать руки мужа, которые были больше и сильнее.

— *Мама!* — пронзительно закричал откуда-то Дэнни.— *Папа, перестань! Ты делаешь маме больно!* — Мальчик пронзительно верещал, высокий чистый звук несся откуда-то издалека.

Перед глазами Венди, как балетные танцовщики, запрыгали красные вспышки света. В комнате потемнело. Она увидела, как сын вскарабкался на стойку и всем телом кинулся Джеку на плечи. Вдруг одна из ладоней, давивших ей на горло, исчезла — это Джек с рычанием отшвырнул Дэнни в сторону. Мальчик влетел спиной

в пустые полки и, отключившись, свалился на пол. Ладонь вернулась на горло Венди. Красные вспышки стали чернеть.

Дэнни тихонько плакал. В груди у Венди горело. Джек выкрикивал ей в лицо:

— Я тебе покажу! Будь ты проклята, я тебе покажу, кто тут хозяин! Я тебе покажу...

Но все звуки растаяли и исчезли в длинном темном коридоре. Венди боролась все слабее. Одна рука выпустила пальцы мужа и медленно падала, пока не простерлась под прямым углом к телу, кисть вяло, как у утопленницы, свесилась с запястья.

Пальцы коснулись бутылки, одной из оплетенных соломкой винных бутылок, служивших декоративными канделябрами.

Венди вслепую, из последних сил, потянулась к горлышку и нашла его — ладонь ощутила жирные потеки воска.

(о Господи, а вдруг выскользнет)

Она занесла бутылку и обрушила вниз, молясь, чтоб не промахнуться. Венди знала, если она попадет только в плечо или по руке, ей не жить.

Но бутылка опустилась точнехонько на голову Джека Торранса с такой силой, что стекло под соломкой разлетелось. Толстое, тяжелое донышко стукнулось о череп с таким же звуком, с каким падает на твердый пол пилюля. Джек покачнулся на каблуках, глаза закатились. Давление на горло ослабло, а потом исчезло совсем. Джек вытянул руки вперед, словно желая удержаться на ногах, а потом рухнул на спину.

Венди, всхлипнув, сделала глубокий вдох. Она и сама чуть не упала, но сжала край стойки и сумела удержаться. Сознание то уплывало, то возвращалось. Она слышала плач Дэнни, но не понимала, где мальчик. Как будто плач долетал из гулкой комнаты. Она неотчетливо видела капли крови размером с десятицентовик, падающие на поверхность стойки — «у меня из носа»,— подумала Венди. Она откашлялась и сплюнула на пол. От этого снизу вверх по горлу прошла судорога, но спазм сменился равномерной давящей болью... вполне терпимой.

Мало-помалу ей удалось взять себя в руки.

Она выпустила стойку, обернулась и увидела, что Джек лежит, вытянувшись во весь рост, рядом — разбитая бутылка. Он напоминал поверженного гиганта. Дэнни скрючился под кассой, зажав рот обеими руками, и не сводил глаз с потерявшего сознание отца.

Венди подошла и коснулась его плеча. Дэнни съежился от страха.

— Дэнни, послушай...

— Нет, нет,— забормотал он хриплым старческим голосом.— Папа сделал тебе больно... ты сделала больно папе... папа сделал тебе больно... хочу спать. Дэнни хочет спать.

— Дэнни...

— Спать, спать. Баю-бай.

— *Нет!*

По горлу опять прошла волна боли. Венди поморщилась, но малыш открыл глаза. Они осторожно выглянули из обведенных темными кругами глазниц.

Неотрывно глядя мальчику в глаза, она заставила себя заговорить спокойным тоном. Голос был хриплым и тихим, почти шепот. Говорить было больно.

— Послушай, Дэнни, это не папа. Мне пытался сделать больно не папа. А я не хотела сделать больно ему. В него вселился отель, Дэнни. *В твоего папу вселился «Оверлук».* Ты понимаешь меня?

В глаза Дэнни вернулось что-то вроде понимания.

— Всякая Дрянь,— прошептал он.— Ее тут раньше совсем не было, правда?

— Нет. Это отель подсунул ее сюда. Это...— Приступ кашля прервал ее объяснения, и Венди выплюнула еще немного крови.— Это отель заставил его напиться. Ты слышал людей, с которыми папа разговаривал сегодня утром?

— Да... с людьми отеля...

— Я тоже слышала. А значит, отель набирает силу. Он хочет сделать больно всем нам. Но я думаю... я надеюсь... что он может сделать это только через папу. Отель сумел подловить только его. Ты понимаешь меня, Дэнни? Отчаянно важно, чтобы ты понял.

— Отель подловил папу,— он посмотрел на Джека и беспомощно застонал.

— Я знаю, что ты любишь папу. Я тоже. Нам надо помнить, что отель старается причинить ему такую же боль, как и нам.

Венди не сомневалась, что дело обстоит именно так. Более того, она думала, что на самом деле, может быть, отелю нужен Дэнни, вот почему он зашел так далеко... может быть, поэтому он *сумел* так продвинуться. Могло даже оказаться, что каким-то непонятным образом силы ему дает именно сияние Дэнни — так, как аккумулятор питает электрооборудование в машине, заводит ее. Выберись они отсюда, «Оверлук», возможно, унялся бы и вернулся к прежнему состоянию, когда ощущал окружающее только наполовину и мог лишь демонстрировать грошовые страшные картинки самым психически восприимчивым постояльцам из тех, что переступают его порог. Без Дэнни отель превращался всего лишь в «дом с привидениями» из аттракциона «комната ужасов», где гость-другой может услышать обрывки или призрачный шум бала-маскарада или иногда увидеть что-нибудь тревожащее. Но если бы «Оверлук» поглотил Дэнни... сияние Дэнни или его жизненную силу, или дух... называйте, как угодно... вобрал это в себя — что тогда?

От этой мысли Венди вся похолодела.

— Хочу, чтоб папа поправился,— сказал Дэнни, и у него снова потекли слезы.

— Я тоже,— ответила она, крепко обнимая малыша.— Вот

почему, милый, тебе придется помочь мне куда-нибудь перенести папу. В такое место, где отель не сможет заставить его обидеть нас, и где папа не сможет повредить себе. Тогда... если приедет твой друг Дик или спасатель из парка, мы сможем увезти папу отсюда. И я думаю, он поправится. Наверное, у всех у нас все будет хорошо. Думаю, такая возможность еще есть... надо только быть сильными и храбрыми, как ты, когда прыгал ему на спину. Понимаешь? — Она умоляюще глядела на него и думала: как странно, он никогда еще не был так похож на Джека.

— Да,— сказал мальчик, кивая.— Думаю... если мы сможем уехать отсюда... все станет, как раньше. Куда можно его перенести?

— В кладовку. Там еда, а снаружи — хороший крепкий засов. Там тепло. А мы сможем есть то, что в холодильнике и морозилке. Хватит всем троим до прихода помощи.

— Мы это сделаем сейчас?

— Да, прямо сейчас. Пока он не проснулся.

Дэнни поднял перегородку стойки кверху, а она тем временем сложила Джеку руки на груди и послушала дыхание. Оно было медленным, но мерным. Пахло от него так, что Венди решила: должно быть, Джек выпил очень много... но ведь он оставил эту привычку. Наверное, подумала она, его вырубил не только удар бутылкой, но и спиртное.

Венди взялась за ноги Джека и потащила его по полу. Она была замужем за ним уже почти семь лет, Джек лежал на ней несчетное число раз,— наверное, тысячи раз,— но никогда Венди не сознавала, какой он тяжелый. Воздух входил в пораненное горло и вырывался наружу с болезненным свистом. Тем не менее, уже много дней Венди не чувствовала себя лучше. Она была жива. Смерть промелькнула так близко, что жизнь стала просто драгоценной. И Джек тоже был жив. Благодаря скорее слепому везению, чем размышлениям, они, возможно, отыскали единственный способ всем выбраться отсюда целыми и невредимыми.

Хрипло пыхтя, Венди на минуту остановилась, удерживая ноги Джека на уровне бедер. Обстановка напоминала ей вопль старого морского волка из «Острова сокровищ» после того, как слепой Пью передал ему черную метку: *«Мы им еще покажем!»*, но тут же она с некоторым беспокойством вспомнила, что буквально через несколько секунд старый пират упал замертво.

— Мам, ты в порядке? Он... он слишком тяжелый?

— Справлюсь,— она снова принялась тащить. Дэнни шел рядом с отцом. Одна рука Джека свалилась с груди, и Дэнни осторожно, любовно вернул ее на место.

— Ты уверена, мам?

— Да. Это лучший выход, Дэнни.

— Все равно, что посадить его в тюрьму.

— Только ненадолго.

— Тогда ладно. Ты уверена, что справишься?

— Да.

Но дело это оказалось нелегким и кропотливым. Когда они перешагивали дверные пороги, Дэнни удерживал голову отца руками, но когда они входили в кухню, пальчики малыша соскользнули с сальных волос Джека. Тот ударился затылком о кафель и начал стонать и шевелиться.

— Придется воспользоваться дымом,— быстро пробормотал Джек.— Беги-ка, принеси мне канистру с бензином.

Венди и Дэнни обменялись напряженным испуганным взглядом.

— Помоги-ка,— тихо сказала она.

Секунду Дэнни не двигался с места, как будто отцовское лицо парализовало его, потом неровным шагом перебрался к матери поближе и помог держать левую ногу. Они проволокли Джека по кухонному полу, двигаясь медленно, как в кошмаре. Было тихо, только под потолком, будто насекомые, гудели лампы дневного света, да слышалось их собственное затрудненное дыхание.

Когда они добрались до кладовки, Венди опустила ноги Джека и повернулась, чтоб неумело отодвинуть засов. Дэнни смотрел вниз на отца, который снова расслабился и вяло лежал на полу. Пока они тащили его, сзади из штанов выбился хвостик рубашки. Дэнни подумал: «Интересно, папа так сильно напился, что ему не холодно, или нет?» Казалось, запирать папу в кладовку, словно дикого зверя, нельзя, неправильно, но Дэнни видел, что тот пытался сделать с мамой. Даже находясь наверху, он знал, что папа собирается сделать. Их перебранка звучала у него в голове.

(если б только мы все смогли отсюда выбраться или это оказалось бы сном — я сплю в Стовингтоне и вижу сон, если бы только)

Засов не поддавался.

Венди тянула изо всех сил, но он не шевелился. Она не могла отодвинуть проклятую штуковину. Глупо и нечестно... когда она ходила в кладовку за банкой супа, то дверь открылась без всякого труда. Сейчас засов не желал двигаться, что же ей следовало делать? Они не могли засунуть Джека в рефрижератор — там он бы замерз и задохнулся насмерть. Но если они оставят его на свободе, и он очнется...

Джек на полу снова пошевелился.

— Я об этом позабочусь,— пробормотал он.— Я понимаю.

— Мам, он просыпается! — предостерег Дэнни.

Всхлипывая, она вцепилась в засов обеими руками.

— Дэнни? — в тоне Джека сквозила какая-то пока неясная мягкая угроза.— Это ты, док, старина?

— Папа, ты поспи,— нервно сказал Дэнни.— Знаешь, уже пора спать.

Он поднял глаза на мать, которая все еще сражалась с засовом, и немедленно понял, что именно не так. Она забыла, что сперва надо повернуть засов, а уж потом пытаться вытащить его. Маленький язычок сидел в своем гнезде.

— Вот,— сказал он тихонько, отстраняя ее дрожащие руки своими, такими же трясущимися. Он выбил ладонью язычок, и засов легко отодвинулся.

— Быстрее,— сказал Дэнни. Он поглядел вниз. Джек опять распахнул глаза, странно невыразительные, задумчивые, и на этот раз папа смотрел прямо на него.

— Ты списывал,— сказал ему папа.— Я знаю, что ты списывал. Но оно где-то здесь. И я его найду. Обещаю тебе. Я его найду...— слова снова стали неразборчивыми и затихли.

Толкнув дверь кладовки коленкой, Венди открыла ее, едва замечая едкий запах сушеных фруктов, который поплыл оттуда. Она снова взялась за ноги Джека и втащила его внутрь. Теперь она дышала хрипло, судорожно, из последних сил. Когда она дернула шнур выключателя, Джек опять раскрыл глаза.

— Ты что делаешь? Венди! Что ты делаешь?

Она перешагнула через него.

Джек оказался проворным, на удивление проворным. Он выкинул руку в сторону и, чтоб увернуться, Венди пришлось вильнуть, поэтому за дверь она буквально вывалилась. Он все-таки ухватил ее за халат, тот с громким треском порвался. Теперь Джек стоял на четвереньках, волосы падали на глаза. Он напоминал грузного зверя. Большую собаку или льва.

— Будьте вы оба прокляты. Знаю, чего вам надо. Но ни хрена у вас не выйдет. Этот отель... он мой. Ему нужен я. Я! Я!

— Дэнни, дверь! — крикнула она.— *Запри дверь*!

Дэнни толкнул тяжелую деревянную дверь, и та с треском захлопнулась в тот момент, когда Джек прыгнул. Когда она вошла в проем, Джек глухо ударился в нее, но тщетно.

Маленькие ручки Дэнни ухватились за засов. Венди была слишком далеко, чтобы помочь; вопрос о том, будет ли Джек заперт внутри или окажется на свободе, должен был решиться за пару секунд. Дэнни упустил засов, снова нашел его и пропихнул в скобы как раз тогда, когда дверь бешено затряслась. Потом ее перестали трясти, но раздалось несколько глухих ударов — это Джек бил в нее плечом. Стальной засов диаметром четверть дюйма держал крепко и не собирался поддаваться. Венди медленно перевела дух.

— Выпустите меня! — бушевал Джек.— Выпустите! Дэнни, мать твою так, я твой отец и хочу выйти отсюда! *А ну, делай, что тебе говорят!*

Рука Дэнни машинально потянулась к засову. Венди перехватила ее и прижала к груди.

— Дэнни, с отцом надо считаться! Делай, как я сказал! Или я тебе так задам, что всю жизнь будешь помнить. *Открой эту дверь, или я тебе вобью в голову твои паршивые мозги!*

Дэнни смотрел на мать, бледный, как оконное стекло.

Слышно было, как Джек тяжело дышит за полудюймом твердого дуба.

— Венди, выпусти меня! Сейчас же выпусти! Ах, ты, дешевка,

сука фригидная! Выпусти меня! Слышишь! А ну, выпусти меня отсюда, тогда я все спущу на тормозах! А нет, так я из тебя котлету сделаю! Излуплю, как сидорову козу, родная мать тебя не узнает! *Сейчас же открой дверь!*

Дэнни застонал. Венди посмотрела на него и увидела, что мальчик вот-вот потеряет сознание.

— Пошли, док,— сказала она, удивляясь спокойствию собственного голоса.— Помни, это говорит не папа. Это отель.

Джек накинулся на дверь, царапая ее ногтями. Послышался скребущий раздирающий звук.

— Это отель,— повторил Дэнни.— Отель. Я помню.

Но он оглядывался, и перепуганное личико съежилось.

47. ДЭННИ

Было три часа пополудни длинного-предлинного дня.

Они сидели на большой кровати в своей квартире. Дэнни безостановочно крутил в руках модель лилового лимузина с чудовищем, высунувшимся через опущенный верх, и не мог перестать.

Пока они шли через вестибюль, было слышно, как папа сотрясает дверь; к ним долетали удары и хриплый, обиженно-раздраженный голос. Джек, подобно бессильному правителю, извергал поток обещаний покарать, изрыгал проклятия, обещал им обоим, что они будут жалеть о своем предательстве до самой смерти — ведь все эти годы он буквально надрывался ради них.

Дэнни думал, что наверху эти крики слышны не будут, однако яростные звуки во всей полноте поднимались из шахты лифта для доставки еды. Мамино лицо было бледным, а на шее — на шее проступили ужасные коричневатые синяки. Там, где папа пытался...

Он все крутил и крутил в пальцах модель — ее подарил папа в награду за то, что Дэнни выполнил свои задания по чтению.

(... где папа пытался обнять маму слишком крепко...)

Мама поставила на проигрыватель какую-то тихую музыку, скрипучую и полную рожков и флейт. Она устало улыбнулась Дэнни. Он попытался улыбнуться в ответ и потерпел неудачу. Даже когда прибавили звук, мальчику казалось, что он слышит, как папа кричит на них и кидается на дверь кладовки, будто зверь в клетке зоопарка. Что, если папе понадобится в туалет? Что он тогда будет делать?

Дэнни заплакал.

Венди сразу же убавила звук проигрывателя и обняла мальчика, покачивая на коленях.

— Дэнни, миленький, все будет хорошо. Правда. Если твое послание не получит мистер Холлоранн, так получит кто-нибудь другой. Как только кончится буран. Все равно, пока он не перестанет, никто не сможет сюда добраться. Ни мистер Холлоранн, ни-

кто. Но когда буря кончится, все снова будет отлично. Мы уедем отсюда. И знаешь, что мы сделаем будущей весной? Все втроем?

Дэнни помотал головой, уткнувшись ей в грудь. Он не знал. Ему казалось, что весны не будет уже никогда.

— Мы поедем на рыбалку. Наймем лодку и поедем ловить рыбу. Как в прошлом году на озере Чэттертон. Ты, да я, да папа. Может быть, ты поймаешь нам на ужин окуня. А может, мы ничего не поймаем, но время проведем здорово. Это уж точно.

— Мамочка, я тебя люблю,— сказал мальчик и обхватил ее.

— Ах, Дэнни, и я тоже люблю тебя.

Снаружи выл и визжал ветер.

Около половины пятого, когда дневной свет начал убывать, крики прекратились.

Они в это время были погружены в тревожную дремоту. Венди по-прежнему обнимала Дэнни. Она не проснулась. Проснулся мальчик. Тишина почему-то показалась более страшной, более угрожающей, чем крики и удары в крепкую дверь кладовки. Что, папа снова заснул? Или умер? Или...?

(или выбрался оттуда?)

Пятнадцатью минутами позже тишину нарушили громкий металлический скрип и дребезжание. Тяжелый скрежет, потом механический гул. Венди с криком проснулась.

Снова заработал лифт.

Они прислушивались к его гудению, широко раскрыв глаза, обнявшись. Лифт ездил с этажа на этаж, закрываясь, хлопала решетчатая дверца, с треском распахивалась латунная. Слышался смех, пьяные крики, иногда — визг и звуки поломки.

Вокруг них оживал «Оверлук».

48. ДЖЕК

Он сидел на полу кладовки, поставив между вытянутыми ногами коробку крекеров «Трискит», и смотрел на дверь. Крекеры он глотал, не разбирая вкуса, один за другим, просто потому, что следовало чем-нибудь подкрепиться. Когда он выберется отсюда, ему понадобятся силы. Все, до капли.

В данную конкретную секунду Джек думал, что еще ни разу в жизни не чувствовал себя таким жалким. Его разум и тело вместе представляли настоящий справочник боли. Голова раскалывалась, как с похмелья, боль накатывала приступами, вызывающими дурноту. Были налицо и прочие признаки похмелья: во рту будто эскадрон ночевал, в ушах звенело, сердце билось сильней обычного, тяжелыми ударами, как тамтам. Вдобавок от того, что он кидался на дверь, ломило оба плеча, а горло от напрасных криков саднило и было будто ободрано. Он оцарапал о дверной замок правую руку.

Ну, вот он выберется отсюда и надает кой-кому пинков.

Джек жевал крекер за крекером, отказывая в передышке своему многострадальному желудку, который стремился вернуть все обратно. Он подумал про лежащий в кармане экседрин и решил подождать, чтобы желудок хоть немного успокоился. Нет смысла глотать обезболивающее, если собираешься тут же все выблевать. Придется пошевелить мозгами. Знаменитыми мозгами Джека Торранса. Разве ты — не тот парень, который когда-то собирался зарабатывать на жизнь головой? Джек Торранс, автор бестселлеров. Джек Торранс, признанный драматург и обладатель Награды нью-йоркского критического общества. Джек Торранс, писатель, уважаемый мыслитель, в семьдесят лет получивший Пулитцеровскую премию за книгу мемуаров «Моя жизнь в двадцатом веке». Суть у этой ерунды была одна: зарабатывать на жизнь мозгами.

Зарабатывать на жизнь мозгами — значит, всегда знать, где осы.

Он забросил в рот еще один «трискит» и разжевал. На самом деле, считал Джек, все свелось к тому, что они перестали ему доверять. К их неспособности поверить в то, что Джек знает, что для них лучше всего и как этого добиться. Жена попыталась незаконно перехватить у него власть — сперва честными

(до некоторой степени)

средствами, а потом — бесчестными. Когда Джек хорошо обоснованными аргументами опрокинул ее намеки и пресек постоянное зудение на тему «я не согласна», Венди настроила против него сына, попыталась убить его бутылкой, а потом заперла — надо же куда! — в проклятую *кладовку,* мать ее!

И все-таки Джека поддразнивал негромкий внутренний голосок:

(да, но откуда взялось спиртное? разве не в этом собака зарыта? Ты знаешь, что бывает, когда ты напиваешься, знаешь это по собственному горькому опыту: когда ты пьешь, ты перестаешь соображать.)

Он швырнул коробку «трискитов» через всю комнатушку. Они стукнулись об полку с консервами и свалились на пол. Джек проводил коробку взглядом, утер губы ладонью, а потом посмотрел на часы. Было почти полседьмого. Он пробыл здесь уже четыре часа. Запертый женой, он провел здесь уже несколько *часов,* так их растак.

Он уже мог посочувствовать своему отцу.

Джек теперь понял — он никогда не задавался вот каким вопросом: что довело его отца до пьянства. Да, правда... если опускаешься до состояния, которое его прежние ученики называли «вшивый алкаш»... разве дело не в женщине, на которой ты женат? Половая тряпка, а не баба, она всегда молча таскалась по дому с мученическим выражением лица. Ядро, прикованное цепью к отцовской щиколотке. Нет, не ядро на цепи. Она никогда не предпринимала активных попыток лишить отца свободы, а Венди по-

ступила с ним именно так. Судьба отца Джека, вероятно, была скорее подобна судьбе дантиста Мак-Тига из известного романа Фрэнка Норриса: прикован наручниками к мертвецу в пустыне. Да, это более удачное сравнение. Его мать, мертвая духовно и душевно, была скована с отцом наручниками их брака. И все-таки папа пытался поступить справедливо, волоча по жизни ее гниющий труп. Он пытался вырастить четверых детей так, чтоб они отличали хорошее от плохого, понимали дисциплину и, прежде всего, уважали своего отца.

И все они оказались неблагодарными, включая и самого Джека. За что он теперь и расплачивается — его собственный сын тоже оказался неблагодарным. Но оставалась надежда. Он как-нибудь выберется отсюда. И накажет — сурово накажет — обоих. Он подаст Дэнни пример, ведь мальчик повзрослеет... пусть же, когда придет день, Дэнни лучше Джека будет знать, как поступить.

Он вспомнил тот воскресный ужин, когда отец за столом избил мать тростью... как все они ужаснулись. Теперь Джек сумел понять необходимость этого, сумел понять, что отец лишь притворялся пьяным, а его ум все время оставался живым и острым, подстерегая малейший признак неуважения.

Джек подполз к крекерам и снова принялся есть, усевшись возле двери, которую столь вероломно заперла Венди. Он задумался, что же именно заметил отец и как подловил мать своим притворством. Может, она потихоньку глумилась над ним? Показывала язык? Делала непристойные жесты? Или просто надменно и оскорбительно смотрела на него, убежденная, что он слишком отупел от выпитого, чтобы заметить это? Что бы она ни делала, отец застиг ее на этом и немедленно покарал. И теперь, двадцать лет спустя, Джек смог, наконец, оценить отцовскую мудрость.

Конечно, можно сказать, что самой большой глупостью, какую сделал отец, была женитьба на такой бабе — приковать себя к подобному трупу... уж коли на то пошло, к трупу, совершенно его не уважавшему. Но за поспешный брак молодые расплачиваются медленно. Может быть, и отец отца был женат на женщине такого же типа, так что отец Джека подсознательно выбрал в жены такую же — как и сам Джек. Вот только *его* жена вместо того, чтоб удовлетвориться тем, что пассивно загубила карьеру Джека на одном поприще и изуродовала — на другом, поставила себе задачу, до отвращения требующую активных действий: уничтожить последний шанс мужа стать одним из служащих «Оверлука» и, возможно, в свое время возвыситься... до поста управляющего. Она попыталась отнять у него Дэнни, который был его, Джека, пропуском. Конечно, это глупо — зачем нужен сын, если можно заполучить отца? — но наниматели частенько бывают привержены дурацким идеям, и таково поставленное ему условие.

Теперь Джек понял: он не намерен уговаривать ее. Он попытался урезонить Венди в баре «Колорадо», но она отказалась

выслушать, и за все свои старания он получил бутылкой по голове. Но скоро ему представится другой случай. Он выберется отсюда.

Джек вдруг затаил дыхание и резко поднял голову. Где-то играли на пианино буги-вуги, а люди смеялись и хлопали в ладоши. Хоть тяжелая деревянная дверь и заглушала звуки, расслышать их можно было. Играли песенку «В старом городе сегодня будет пыль столбом».

Пальцы Джека беспомощно сжались в кулаки. Чтобы удержаться от очередной атаки на дверь, пришлось напрячься. Вечеринка снова началась. Спиртное, должно быть, льется рекой. Где-то с кем-то другим танцует девушка, которая под белым шелковым платьем казалась на ощупь такой одуряюще обнаженной.

— Вы за это заплатите! — взвыл он.— Чтоб вы провалились, вы оба за это заплатите! Вы свое получите, чтоб вас! Даю честное слово. Я...

— Ну, ну,— раздался за дверью негромкий голос.— Зачем же кричать, старина, я вас прекрасно слышу.

Джек вскочил на ноги.

— Грейди? Это вы?

— Да, сэр. Именно так. Кажется, вас заперли.

— Выпустите меня, Грейди. Быстро.

— Я вижу, что вы, сэр, вряд ли справитесь с делом, которое мы обсуждали. С тем, чтобы наказать жену и сына.

— Они-то меня здесь и заперли. Отодвиньте засов, ради Бога!

— Вы позволили им запереть вас здесь? — В тоне Грейди прозвучало благовоспитанное удивление.— Ах, Господи. Женщина вдвое меньше вас и маленький мальчик? Вряд ли это характеризует вас как человека, имеющего задатки занять один из самых высоких управленческих постов, верно?

В ручейках сосудов на правом виске Джека запульсировала кровь.

— Выпустите меня, Грейди. Я о них позабочусь.

— Действительно, сэр? Не знаю, не знаю.— Благовоспитанное удивление сменилось благовоспитанным сожалением.— Очень больно говорить об этом, сэр, но я сомневаюсь. Я... и остальные, мы пришли к убеждению, что вы не вкладываете в это души, сэр. Это вам... не по зубам, сэр.

— *Вкладываю!* — заорал Джек.— *Клянусь, вкладываю!*

— Вы отдадите нам вашего сына?

— Да! Да!

— Ваша жена будет очень сильно возражать, мистер Торранс. Она, кажется... несколько сильнее, чем мы воображали. Так сказать, у нее больший запас прочности. Конечно же, все лучшее она взяла от *вас*.

Грейди поцокал языком.

— Вероятно, мистер Торранс, вам следовало заняться ею с самого начала.

— Я отдам его, клянусь,— сказал Джек. Теперь он приблизил

лицо к двери. Его прошиб пот.— Она не станет возражать. Клянусь, не станет. Она не сможет.

— Боюсь, вам придется убить ее,— холодно заметил Грейди.

— Я поступлю, как должно. Только *выпустите меня отсюда.*

— Вы даете слово, сэр?— настаивал Грейди.

— Слово, обещание, клятву, что угодно, черт возьми. Если вы...

Засов с невыразительным щелчком отодвинулся. Дверь дрогнула и приоткрылась на четверть дюйма. У Джека захватило дух, а слова замерли на губах. На секунду ему показалось, что за дверью стоит сама смерть. Он прошептал:

— Спасибо, Грейди. Клянусь, вы не пожалеете. Клянусь.

Ответа не было. Он сознавал, что прекратились все звуки, только за стенами отеля свистит холодный ветер.

Он толкнул дверь, и та открылась. Слабо скрипнули петли.

Кухня была пуста. Грейди исчез. В холодном белом сиянии ламп дневного света все выглядело оцепеневшим, неподвижным. Взгляд Джека упал на большую колоду для разделки мяса, за которой они ели всей семьей.

Там стояли: бокал из-под мартини, пяток бутылок джина и пластиковое блюдце с оливками.

К блюдцу прислонили молоток для роке, который Джек видел в сарае.

Он долго глядел на него.

Потом откуда-то — отовсюду — раздался голос, куда более глубокий и властный, чем у Грейди... голос раздался внутри Джека.

(*держите же свое слово, мистер Торранс*)

— Сдержу,— ответил он. И услышал в своем голосе лакейскую угодливость, однако справиться с ней не сумел.— Будет сделано.

Он прошел к колоде, взялся за рукоятку молотка.

И поднял его.

Взмахнул.

Молоток со злобным свистом рассек воздух.

Джек Торранс заулыбался.

49. ХОЛЛОРАНН: НА СЕВЕР, В ГОРЫ

Когда он, наконец, съехал с дороги, была уже четверть второго пополудни и, если верить залепленным снегом указателям и счетчику миль, до Эстес-Парк оставалось неполных три мили. Такого быстро и яростно падающего снега, как тут, на возвышенности, Холлоранн в жизни не видел (впрочем, возможно, такое сравнение мало о чем говорит — ведь всю жизнь Холлоранн старался видеть снег как можно реже), ветер же, налетавший прихотливыми порывами то с запада, то из-за спины, с юга, застилал Дику поле зрения облаками пушистого снега и раз за разом бесстрастно заставлял сознавать, что стоит Дику прозевать поворот,

и он за милую душу нырнет вниз с дороги на пару сотен футов. «Электра», крутя колесами, полетит вверх тормашками. Положение ухудшало еще и то, что к зимним дорогам Холлоранн не привык. Его пугала погребенная под крутящейся поземкой желтая разделительная полоса, пугали свободно налетавшие из-за макушек холмов резкие, сильные порывы ветра, которые буквально разворачивали тяжеленный бьюик. Пугало то, что почти все дорожные знаки прятались под снегом — хоть монетку кидай, чтобы узнать, справа или слева оборвется впереди эта дорога с белого экрана кинотеатра для автомобилистов, по которому, казалось Холлоранну, он едет. Он был напуган, еще как. С того момента, как к западу от Боулдера и Лайонса Холлоранн поднялся к холмам, он вел машину весь в холодном поту, обращаясь с газом и тормозом так, будто это вазы эпохи «минг». Диск-жокей между рок-н-ролльными мелодиями настойчиво советовал шоферам держаться подальше от главных магистралей и ни под каким видом не ездить в горы, поскольку все дороги опасны, а по многим невозможно проехать. Передали сводку мелких дорожных происшествий, сообщили о двух серьезных авариях: компания лыжников в микроавтобусе «фольксваген» и семья, которая пробиралась в Альбукерк через горы Сагре-де-Кристо. В обеих авариях четверо погибли и пятеро получили ранения. «Так что держитесь подальше от дорог и слушайте хорошую музыку»,— бодро заключил диск-жокей и завел «Дети моря на солнце», отчего Холлоранн почувствовал себя еще несчастней. «Мы смеемся, мы ликуем, мы...» — радостно выпаливал Терри Джекс, и Холлоранн злобно выключил приемник, зная, что через пять минут снова включит его. Плевать, что передают всякую дрянь — все лучше, чем ехать сквозь белое безумие в одиночестве.

(*давай колись! энтого вот черного парня такой мандраж бьет... аж евонная спина, так ее раздак, сверху до низу трясется!*)

Веселей не стало. Если бы не убежденность Дика, что мальчуган в ужасной беде, он дал бы задний ход еще не доезжая до Боулдера. Даже сейчас, где-то в глубине, под черепом, тоненький голосок (Холлоранн подумал, что это говорит скорее здравый смысл, нежели трусость) твердил ему: пересиди ночь в мотеле в Эстес-Парк и дождись хотя бы, чтобы снегоочистители расчистили центральную полосу. Голосок снова и снова напоминал, как трясло самолет, когда тот садился в Стэплтоне, как сердце Холлоранна уходило в пятки от ощущения, что они вот-вот воткнутся носом в землю и вместо калитки № 39, дорожка Б, окажутся прямехонько у врат ада. Но здравый смысл не мог противостоять тому, что подгоняло Дика. Ему надо было добраться к мальчику сегодня. Снежный буран — это личное невезение. Придется с ним совладать. Холлоранн опасался, что в ином случае придется во сне справляться кое с чем похуже.

Снова налетел резкий порыв ветра, на сей раз с северо-запада — не было печали! — и Холлоранна отгородило снежной

стеной и от неясно вырисовывающихся холмов, и даже от сугробов вдоль обочины. Он ехал сквозь метель.

И тут в месиве перед Холлоранном угрожающе выросли яркие, как горящий натрий, фары снегоочистителя, они неслись навстречу, и Холлоранн с ужасом понял, что вместо того, чтобы пройти рядом, бьюик целится носом точно между этих огней. Снегоочиститель не слишком-то заботился, по своей стороне дороги едет или нет, а Холлоранн позволил бьюику положиться на судьбу.

Сквозь громкий вой ветра прорвался лязгающий рев дизеля, а за ним — гудение клаксона, протяжное, оглушительно громкое.

Яйца Холлоранна превратились в два маленьких сморщенных мешочка, набитых колотым льдом, а кишки словно бы слиплись, сделавшись кучей замазки.

Теперь из белизны появился и цвет — залепленный снегом оранжевый. Дик видел высокую кабину, длинный отвал, а за ним — фигуру размахивающего руками водителя. Он видел У-образные боковые ножи снегоочистителя, изрыгающие на сугробы вдоль левой обочины снег, похожий на белый выхлоп.

— УАААААААА! — требовательно орал клаксон. Холлоранн надавил на акселератор так, словно это была грудь его возлюбленной, и бьюик рванулся вперед и вправо, туда, где обочина была свободна от снежной насыпи; снегоочистители, которые ехали в ту сторону, сбрасывали снег прямо с обрыва.

(*с обрыва, ах, да, с обрыва...*)

Мимо, слева от Холлоранна, всего в паре дюймов промелькнули боковые ножи, которые оказались на добрых четыре фута выше крыши «электры». Авария казалась неизбежной до тех пор, пока снегоочиститель не проехал мимо. В голове у Дика пронеслись обрывки молитвы, которая наполовину была невнятным извинением перед мальчуганом.

А потом снегоочиститель оказался сзади, в зеркальце вспыхивали и сверкали крутящиеся синие лампочки.

Холлоранн опять вывернул руль бьюика влево, но толку не было, машину на ходу занесло, и она, как во сне, поплыла к краю обрыва, взбивая дворниками снежную пену на ветровом стекле.

Холлоранн рванул руль обратно, в том направлении, куда тащило бьюик, и багажник с капотом начали меняться местами. Охваченный паникой, Дик с силой надавил на тормоз, а потом ощутил сильный удар. Дорога впереди исчезла... он смотрел в бездонную пропасть, заполненную крутящимся снегом, глубоко внизу смутно виднелись далекие зеленовато-серые сосны.

(*свалюсь, матерь божья, сейчас свалюсь*)

И тут машина остановилась, накренившись вперед под углом в тридцать градусов. Левое крыло вмялось в бордюр, задние колеса почти оторвались от земли. Когда Холлоранн попытался дать задний ход, они лишь беспомощно закрутились. Сердце исполняло барабанную дробь не хуже Джима Крапы.

Дик очень осторожно вылез из машины — и, обойдя бьюик, остановился возле заднего моста.

Он стоял там, беспомощно разглядывая колеса, и тут бодрый голос позади него сказал:

— Привет, приятель. Ты, мать твою, свихнулся, не иначе.

Холлоранн обернулся и увидел на дороге в сорока ярдах от себя снегоочиститель, еле различимый за несущимся по ветру снегом, только на крыше кабины вращались синие лампы, да плыла вверх темно-коричневая струя выхлопа. Прямо за спиной Дика стоял водитель в длинной дубленке, поверх которой был натянут непромокаемый плащ. На голове сидела шапочка механика в тонкую сине-белую полоску, и Холлоранн никак не мог взять в толк, почему кусачий ветер не сдувает ее.

(*приклеил, клянусь Богом, точно приклеил*)

— Привет,— сказал он.— Можете вытащить меня обратно на дорогу?

— Да, наверное, могу,— сказал водитель снегоочистителя.— Какого черта вы делаете на этой дороге, мистер? Неплохой способ угробить свою задницу.

— Неотложное дело.

— Таких неотложных дел не бывает,— водитель говорил медленно и доброжелательно, как с умственно неполноценным.— Треснись вы о столбик чуток посильней, никто б вас отсюда не выволок до первого апреля. Нездешний, что ль?

— Нет. И, не будь мое дело таким срочным, как я говорю, духу моего бы здесь не было.

— Вон как?— водитель переменил позу, готовый общаться дальше, словно они случайно остановились поболтать на заднем крыльце, а не торчали в снежном буране, разговаривая посредством чего-то среднего между криком и воплем, а машина Холлоранна не балансировала на высоте трехсот футов над верхушками деревьев.— Куда едете? Эстес?

— Нет, есть тут место, называется отель «Оверлук»,— сказал Холлоранн.— Чуть дальше за Сайдвиндером...

Но водитель горестно затряс головой.

— Сдается мне, я это место отлично знаю,— сказал он.— Мистер, до старого «Оверлука» вы в жизни не доберетесь. Дороги между Эстес-парк и Сайдвиндером превратились хер знает во что, чтоб им пусто было. Как снег ни разгребай, тут же наваливает новый. Я тут несколько миль ехал через заносы, так там в середке футов шесть будет, провались они. А даже коли вы и доберетесь до Сайдвиндера, так дорога оттудова закрыта до самого Бакленда, а это уж в Юте. Не-а.— Он покачал головой.— Не выйдет, мистер. Ни хрена у вас не выйдет.

— Надо постараться,— ответил Холлоранн, призвав остатки терпения, чтоб говорить нормальным тоном.— Там один мальчуган...

— *Мальчуган?* Не-е. «Оверлук» в конце сентября закрывается.

Чего его держать открытым, невыгодно. Больно много таких вот дерьмовых буранов.

— Он сынишка сторожа. Попал в беду.

— Почем вы знаете?

Терпение Холлоранна лопнуло.

— Господи, вы что, собираетесь до вечера стоять тут и хлопать языком? *Знаю я, знаю!* Ну, будете вы вытаскивать меня обратно на дорогу или нет!

— Что это вы, осерчали, что ль? — заметил шофер, не особенно смутившись. — Конечно, лезьте в машину. У меня под сиденьем цепь.

Холлоранн снова сел за руль, и тут от запоздалой реакции его затрясло. Руки у него буквально отнялись — он забыл взять перчатки.

Снегоочиститель задним ходом подобрался к багажнику бьюика, и Холлоранн увидел, что водитель вылез с большим мотком цепи.

Холлоранн открыл дверцу и крикнул:

— Помочь?

— Не лезьте под руку, вот и все, — прокричал в ответ водитель. — Делов-то — раз плюнуть.

И верно. Цепь туго натянулась, бьюик содрогнулся и секундой позже вновь оказался на дороге, нацелившись более или менее на Эстес-Парк. Водитель снегоочистителя подошел к окошку и постучал в защитное стекло. Холлоранн опустил окно.

— Спасибо, — сказал Дик. — Извините, что накричал.

— Первый раз, что ль, — с ухмылкой ответил водитель. — Сдается мне, вы вроде как заведенный. Возьмите-ка. — На колени Холлоранна упала пара толстых синих шерстяных перчаток. — Когда снова соскочите с дороги, они вам понадобятся. Морозит. Берите, ежели, конечно, не хотите весь остаток жизни ковыряться в носу вязальным крючком. Потом пришлете обратно. Их жена связала, так я к ним неровно дышу. Имя и адрес вшиты прямо в шов. Кстати говоря, звать меня Говард Коттрелл. Как станут не нужны, отошлете их обратно, и дело с концом. Да запомните — чтоб я за доставку не платил.

— Ладно, — сказал Холлоранн. — Спасибо. Вот невезуха...

— Вы поосторожней, я б и сам вас подвез, да дел по горло.

— Да ничего. Еще раз спасибо.

Он начал поднимать стекло, но Коттрелл остановил его.

— Как доберетесь в Сайдвиндер, *если* доберетесь, сходите в «Дэркин Коноко». Прямо рядом с читальней, мимо не пройдешь. Спросите Лэрри Дэркина. Скажите, вас Коттрелл послал — надо, мол, нанять один из его снегоходов. Назовете мое имя и покажете эти перчатки, тогда выйдет дешевле.

— Опять-таки, спасибо, — сказал Холлоранн.

Коттрелл кивнул.

— Забавно. Никак вам не узнать было, что в «Оверлуке» непо-

рядок... телефон вырубился, зуб даю. Но я вам верю. Я иногда нутром чувствую.

Холлоранн кивнул.

— И я тоже — иногда.

— Ага. Знаю. Только поосторожней там.

— Ладно.

Коттрелл исчез в несущейся мимо тусклой пелене, помахав на прощание рукой. Шапочка механика по-прежнему дерзко сидела на голове. Холлоранн снова тронулся в путь, цепи молотили снежный покров шоссе и, наконец, зарылись в него настолько, что бьюик стронулся с места. Позади Говард Коттрелл, прощаясь, в последний раз нажал на клаксон, хотя, по сути дела, это было необязательно — Холлоранн и так ощущал, что тот желает ему удачи.

Вот два сияния за день,— подумал Дик,— должно быть, это что-то вроде доброго предзнаменования. Однако Дик не верил в предзнаменования, ни в плохие, ни в хорошие. То, что он в один день встретил двух людей, способных сиять (хотя обычно попадалось человек пять за год, не больше), могло не значить ровным счетом ничего. Ощущение, что все решено, ощущение

(*что все завершилось*)

которое он не мог точно определить, до сих пор не покинуло его. Оно...

На узкой извилистой дороге бьюик все время пытался вильнуть то в одну, то в другую сторону, так что Холлоранн вел его осторожно, затаив дыхание. Включив еще раз приемник, он услышал голос Ареты, а Арета — это отлично. С ней он разделил бы герцевский бьюик хоть сейчас.

От очередного порыва ветра машина закачалась и заскользила вбок. Холлоранн выругался и ближе склонился к рулю. Арета допела песню, и опять заговорил диск-жокей, он сообщил Холлоранну, что сесть сегодня за руль — отличный способ расстаться с жизнью.

Холлоранн выключил приемник.

Он все-таки добрался до Сайдвиндера, хотя ехал до города от Эстес-Парк четыре с половиной часа. К тому времени, как он выбрался на Нагорное шоссе, полностью стемнело, но буран и не думал ослабевать. Дважды дорогу преграждали сугробы, доходившие бьюику до крыши, так что пришлось остановиться и ждать, пока снегоочистители расчистят проезд. К одному сугробу снегоочиститель подъехал по полосе Дика, и гудок опять прозвучал совсем рядом. Шофер ограничился тем, что объехал машину Холлоранна. Он не высунулся, чтобы сказать, что думает, просто сделал пару непристойных жестов, знакомых всем американцам старше десяти лет, и знаки эти вряд ли означали миролюбие.

Казалось, чем ближе Дик подъезжает к «Оверлуку», тем сильнее что-то подгоняет его, вынуждая торопиться. Он поймал себя

на том, что постоянно поглядывает на часы. Руки Дика как будто бы рвались вперед.

Через десять минут после того, как он свернул на Нагорное, промелькнули два указателя. Свистящий ветер очистил обе надписи от снежной оболочки, так что их можно было прочесть. Первая гласила: САЙДВИНДЕР, 10. Вторая: В ЗИМНИЕ МЕСЯЦЫ ДОРОГА В 12 МИЛЯХ ВПЕРЕДИ ЗАКРЫТА.

— Лэрри Дэркин,— пробормотал Холлоранн себе под нос. В приглушенном зеленоватом свете приборного щитка лицо Дика выглядело напряженным и утомленным. Было десять минут седьмого.— Лэрри... «Коноко» возле библиотеки.

И тогда на него всей тяжестью обрушился запах апельсинов, а с ним — мысль, мощная, смертоносная, полная ненависти.

(*пошел вон отсюда, грязный ниггер, тебя это не касается, ниггер, заворачивай оглобли, разворачивайся или мы тебя прибьем, вздернем на суку, ты, обезьяна черножопая, а потом спалим тело, вот как мы обходимся с ниггерами, так что сейчас же поворачивай назад!*)

В замкнутом пространстве машины взвился крик Холлоранна. Послание пришло к нему не словами, а серией загадочных образов, которые впечатывались в сознание с ужасающей силой. Чтобы стереть их, он выпустил руль.

Тут машина врезалась крылом в бордюр, отскочила, наполовину развернулась и остановилась, понапрасну крутя задними колесами. Холлоранн резко вырубил сцепление, а потом спрятал лицо в ладони. Не то, чтобы он плакал — у него вырывалось прерывистое «ох-хо-хо». Грудь тяжело вздымалась. Он понимал, что, застигни его этот удар на том отрезке дороги, где хоть одна обочина обрывалась в пропасть, он был бы уже мертв. Может, так и было задумано. И в любой момент удар мог настичь его снова. Придется защититься. Его обступила кровавая сила безграничной мощи — может быть, памяти. Он тонул в инстинкте.

Дик отнял руки от лица и осторожно открыл глаза. Ничего. Если что-то и пыталось снова испугать его, оно не смогло к нему пробиться. Он отгородился.

И вот такое случилось с мальчуганом? Господи Боже, такое случилось с маленьким мальчиком?

Сильней всех прочих образов Дика тревожил чмокающий звук, как будто молотком лупили по толстому ломтю сыра. Что это значило?

(*Иисусе, только не малыш. Господи, прошу тебя!*)

Включив малую скорость, он одновременно немного прибавил газ. Колеса завертелись, зацепились шинами за дорогу, опять завертелись, зацепились еще раз. Бьюик поехал, фары слабо рассеивали снежные водовороты. Холлоранн взглянул на часы. Уже почти половина седьмого. На него нахлынуло ощущение, что уже действительно очень поздно.

50. ТРЕМС

Венди Торранс в нерешительности стояла посреди спальни и глядела на сына, который мигом уснул.

Полчаса назад шум прекратился. Весь и сразу. Лифт, вечеринка, хлопанье открывающихся и закрывающихся дверей. Вместо того, чтобы принести облегчение, тишина усилила зародившееся в Венди напряжение; обстановка напоминала зловещее затишье перед последним жестоким порывом бури. Дэнни, однако, задремал почти сразу, сперва мальчик ворочался, но в последние десять минут сон стал глубже. Даже глядя на сына в упор, Венди с трудом различала, как медленно поднимается и опускается узенькая грудная клетка малыша.

Она задумалась: когда же мальчик в последний раз проспал ночь напролет, без мучительных снов, без долгих периодов бодрствования, когда ловишь звуки пирушки, ставшей слышной — и видной — Венди только в последние день или два, с тех пор, как «Оверлук» вцепился в их троицу.

(*действительно психологический феномен или групповой гипноз?*)

Венди этого не знала и не считала важным. В любом случае происходящее грозило им гибелью. Она взглянула на Дэнни и подумала,

(*слава тебе Господи, он лежит спокойно*)

что, если не тревожить мальчика, тот сможет проспать весь остаток ночи. При любых талантах он все равно оставался малышом и нуждался в отдыхе.

Джек — вот кто начинал ее тревожить.

Венди скривилась от внезапной боли, отняла руку ото рта и увидела, что сорвала ноготь. А уж ногти она всегда старалась держать в порядке. Они были не настолько длинны, чтобы назвать их когтями, но еще сохранили красивую форму и

(*и что это ты забеспокоилась о ногтях?*)

Она немножко посмеялась, но голос дрожал, радости в нем не было. Сперва Джек перестал завывать и кидаться на дверь. Потом опять началась вечеринка

(*может, она и не прекращалась? может быть, она время от времени уплывает в немножко другой временной слой, туда, где мы не должны ее слышать?*)

а контрапунктом к ней скрежетал и хлопал дверцей лифт. Потом все стихло. В этой новой тишине, когда Дэнни засыпал, Венди вообразила, будто в кухне, почти прямо под ними, слышит тихие, заговорщические голоса. Сперва она отнесла их на счет ветра — тот мог имитировать широкий диапазон человеческих голосов, от похожего на шелест бумаги шепота умирающего за дверьми и оконными рамами и до оглушительного визга под карнизами... так в дешевых мелодрамах визжат, убегая от убийцы, женщины.

И все же, оцепенело сидя подле Дэнни, она все больше убеждалась, что это действительно голоса.

Джек с кем-то обсуждал свой побег из кладовки.

Обсуждал убийство жены и сына.

Для здешних стен ничего нового в этом не было — убийства тут случались и раньше.

Она подошла к стояку и приложила к нему ухо, но в этот самый момент заработала топка, и все звуки потонули в волне поднявшегося из подвала теплого воздуха. Пять минут назад, когда толпа снова утихла, отель погрузился в полную тишину — только выл ветер, билась в стены и окна снежная крупа да иногда стонала какая-нибудь доска.

Венди посмотрела на содранный ноготь. Из-под него выступили бисеринки крови.

(*Джек выбрался оттуда.*)

(*не болтай ерунду.*)

(*да, выбрался, он взял на кухне нож или, может быть, топорик для разделки мяса. вот сейчас он поднимается наверх, идет по самому краешку ступенек, чтобы они не скрипели.*)

(*ты не в своем уме!*)

Губы Венди задрожали, и на секунду показалось, что она выкрикнет эти слова вслух. Но тишину ничто не нарушило.

У нее было такое чувство, будто за ней наблюдают.

Она резко обернулась и уставилась в зачерненное ночью окно — там что-то бормотало кошмарное белое лицо с темными кругами вокруг глаз, лицо безумца, монстра, который с самого начала скрывался в этих стонущих стенах...

Это были всего лишь морозные узоры на стекле снаружи.

Венди перевела дух, вздох получился долгим, шелестящим, перепуганным. Ей показалось, что на этот раз она вполне отчетливо расслышала доносящиеся откуда-то звуки веселой болтовни.

(*ты пугаешься теней, и без того дела достаточно плохи, к завтрашнему утру ты созреешь для желтого дома.*)

Успокоить страхи можно было только одним способом — Венди знала, каким.

Придется сходить вниз и убедиться, что Джек по-прежнему в кладовке.

Очень просто. Сойти вниз по лестнице. Заглянуть. Вернуться наверх. Заодно забрать со стойки администратора поднос. Омлет уже пропал, но суп можно разогреть на плитке возле пишущей машинки Джека.

(*ну еще бы, да смотри, чтоб тебя не убили, если он там, внизу, с ножом*)

Венди подошла к туалетному столику, пытаясь стряхнуть окутывающую ее пелену страха. По столику оказалась рассыпана горстка мелочи, лежала пачка талонов на бензин для казенного грузовичка, две трубки, которые Джек повсюду возил за собой, но курил редко... и связка ключей.

Она взяла ее, подержала, а потом положила обратно. Идея запереть за собой дверь спальни пришла ей в голову, но привлекательной не показалась. Дэнни спал. У Венди промелькнула смутная мысль о пожаре и еще о чем-то, что зацепило ее куда сильнее, однако это Венди из головы выкинула.

Она пересекла комнату, нерешительно постояла у двери, потом достала из кармана нож и сжала деревянную рукоятку.

И открыла дверь.

Короткий коридор, ведущий к их спальне, был пуст. Через равные промежутки на стенах ярко горели электрические светильники, выгодно выделяя синий фон ковра и вытканный на нем извилистый узор.

(*видишь? никакого буки.*)

(*да нет, конечно. им надо, чтобы ты вышла из спальни. им надо, чтобы ты сделала какую-нибудь бабскую глупость, чем ты сейчас и занята.*)

Она опять помедлила, вдруг почувствовав себя совершенно несчастной, не желая покидать Дэнни и безопасную комнату, но в то же время ей обязательно нужно было убедиться, что Джек *по-прежнему заперт и не представляет угрозы.*

(*ну конечно же*)

(*но голоса*)

(*не было никаких голосов, это все — твое воображение*)

— Нет, не ветер.

От звука собственного голоса Венди подскочила. Но прозвучавшая в нем страшная уверенность заставила ее двинуться вперед. Сбоку болтался нож, лезвие ловило блики света и отбрасывало на шелковистые обои зайчики. Тапочки шелестели по ворсу ковра. Нервы пели, как провода.

Она добралась до того места, где главный коридор поворачивал, и заглянула за угол. От предчувствия того, что там можно увидеть, рассудок Венди оцепенел.

Видеть было нечего.

После секундной запинки она обогнула угол и пошла прочь по главному коридору. С каждым шагом к окутанному тенью колодцу лестничной клетки ужас рос, а сознание того, что она оставила спящего сына одного, без защиты, крепло. Ноги, обутые в тапочки, ступали по ковру все громче, так ей казалось. Дважды Венди оглядывалась, чтобы удостовериться — не подползает ли к ней что-нибудь сзади.

Она добралась до лестницы и положила руку на холодную колонку перил. В вестибюль вело девятнадцать широких ступеней. Она достаточно часто пересчитывала их, чтобы знать. Девятнадцать покрытых ковром ступенек и ни единого Джека, который бы скрючился на одной из них. Конечно, нет. Джек заперт в кладовке, за толстой деревянной дверью, на здоровенный стальной засов.

Но в вестибюле темно и — ох! — в нем столько теней...

Сердце ровно и тяжело заколотилось у Венди в горле.

Впереди, чуть левее, издевательски зияла латунная дверь лифта, приглашая войти и прокатиться.

(*нет, спасибо*)

Внутри вся кабина была украшена розовыми и белыми гофрированными лентами серпантина. Из двух взорвавшихся хлопушек разлетелось конфетти. В дальнем углу лежала пустая бутылка из-под шампанского.

Позади себя Венди ощутила какое-то движение и резко обернулась, чтобы посмотреть на те девятнадцать ступенек, которые вели к площадке третьего этажа, однако ничего не увидела. Тем не менее ее не покидало ощущение, что краешком глаза она уловила, как в более глубокую тень коридора наверху прежде, чем она сумела разглядеть их, отпрянули какие-то существа.

(*существа*)

Она снова посмотрела вниз.

Правая ладонь, сжимавшая деревянную рукоять ножа, вспотела. Венди быстро переложила нож в левую руку, вытерла правую о розовый махровый халат и перебросила нож обратно. Почти не сознавая, что рассудок скомандовал телу начать движение вперед, Венди принялась спускаться по лестнице: левой, правой, левой, правой; свободная рука легонько касалась перил.

(*где же гости? ну, не дайте же спугнуть себя, вы, сборище заплесневелых простынь! подумаешь, перепуганная баба с ножом! давайте-ка чуть-чуть музыки! чуть-чуть жизни!*)

Десять шагов вниз, дюжина, чертова дюжина.

Сюда из коридора первого этажа просачивался скучный желтый свет, и Венди вспомнила, что следовало зажечь свет в вестибюле — либо у входа в столовую, либо в конторе управляющего.

И все-таки свет падал откуда-то еще — белый, неяркий.

Лампы дневного света. Конечно же. В кухне.

Она задержалась на тринадцатой ступеньке и попыталась вспомнить: когда они с Дэнни уходили, погасила она свет или нет. Вспомнить просто не удалось.

Под ней, в вестибюле, стояли залитые тенью стулья с высокими спинками. Стекла входных дверей белой казенной пеленой занавесил наметенный снег. Латунные шляпки гвоздей в обивке дивана слабо поблескивали — ни дать, ни взять, кошачьи глаза. Сотня мест, где можно спрятаться.

Ноги Венди ослабли от ужаса, но она пошла дальше.

Вот уже семнадцатая ступенька, восемнадцатая, девятнадцатая...

(*вестибюль, мадам, выходите осторожно*)

Из распахнутых настежь дверей бального зала лился один лишь мрак. Внутри что-то равномерно тикало, как адская машина. Венди оцепенела, потом вспомнила про часы на каминной полке — часы под стеклянным колпаком. Должно быть, их завел Джек... или Дэнни... а может быть, они пошли сами, как все прочее в «Оверлуке».

Она свернула к стойке администратора, собираясь пройти через дверцу в них в контору управляющего и дальше, в кухню. Было видно, как поблескивает серебром пресловутый поднос с их ленчем.

Тогда часы начали отбивать тихие, звенящие удары.

Венди приросла к месту, язык прижался к небу. Потом она расслабилась. Бьет восемь часов, вот и все. Восемь часов.

... пять, шесть, семь...

Она считала удары. Вдруг показалось, что пока часы не замолчат, дальше идти не следует.

... восемь... ...девять...

(девять??)

(...десять... одиннадцать...)

Неожиданно она сообразила — но время было упущено. Венди неуклюже заспешила обратно к лестнице, уже понимая, что опоздала. Но как же она могла знать это раньше?

Двенадцать.

В бальном зале зажегся полный свет. Громко, пронзительно запела медь фанфар. Венди громко вскрикнула, но ее крик затерялся в реве, который исторгали эти латунные легкие.

— *Маски долой!* — эхом несся крик. — *Маски долой!*

Потом все стихло, словно ушло по длинному коридору времени, и Венди снова осталась одна.

Нет, не одна.

Венди обернулась — он приближался.

Это был и Джек, и не Джек. Глаза горели бессмысленным кровожадным огнем, знакомый рот кривила странная, безрадостная усмешка.

В руках он держал молоток для роке.

— Думаешь, заперла меня? Заперла, так по-твоему?

Молоток просвистел в воздухе. Венди попятилась, наступила на мягкую подушечку и упала на ковер, закрывающий пол вестибюля.

— Джек...

— Сука, — прошептал он. — Знаю я, что ты такое.

Молоток опустился снова. Просвистев в воздухе со смертоносной скоростью, он погрузился в ее мягкий живот. Венди закричала, внезапно окунувшись в океан боли. Она смутно видела, что молоток поднялся снова. И вдруг поняла, что этим самым молотком, который Джек держит в руках, он собирается забить ее до смерти. Венди парализовало.

Она еще раз попыталась докричаться до него, упросить остановиться — ради Дэнни, — но от удара задохнулась и сумела выдавить лишь почти неслышное слабое хныканье.

— Вот. Вот, клянусь Богом, — сказал Джек, ухмыляясь. Он пинком отшвырнул с дороги подушечку. — Вот сейчас, по-моему, ты и получишь, что тебе причитается.

Молоток опустился. Венди откатилась влево, полы халата за-

путались выше колен. Молоток, врезавшись в пол, вырвался у Джека из рук. Ему пришлось нагнуться и поднять свое орудие, а она тем временем побежала к лестнице. К ней, наконец, вернулась способность дышать, и она, всхлипывая, втягивала воздух. Живот превратился в сплошной пульсирующий болью кровоподтек.

— Сука,— процедил Джек сквозь усмешку и погнался за ней.— Сука вонючая, сейчас ты свое получишь. Будь спокойна.

Венди услышала свист опускающегося молотка, и правый бок разорвала мучительная боль — это головка молотка попала ей прямо под грудь, сломав два ребра. Венди упала вперед, на ступеньки, ударилась раненым боком, и ее сотрясла новая судорога боли. Однако, несмотря на это, инстинкт заставил ее перекатиться на другой бок, прочь, и молоток пронесся едва ли не в дюйме от ее скулы; он с глухим стуком врезался в толстые складки ковра. Тут Венди увидела нож — он вырвался у нее из руки, когда она падала. Нож поблескивал на четвертой ступеньке.

— Сука,— повторил Джек, молоток опустился. Она подтянулась повыше, и удар пришелся прямо под колено. Голень внезапно охватило пламя. По икре потекла кровь. Потом молоток снова полетел вниз. Венди рывком отдернула голову, и тот, пролетев в углубление между ее шеей и плечом, вырвав кусочек уха, влепился в ступеньку.

Джек снова опустил молоток, и на этот раз Венди подкатилась ему навстречу, вниз по лестнице, внутрь траектории удара. Когда сломанные ребра заскрипели, стукаясь о ступени, у нее вырвался пронзительный крик. Джек потерял равновесие, и тут она ударила его по ногам так, что он с воплем удивления и гнева полетел вниз, выделывая ногами кренделя, чтобы удержаться на лестнице. Потом глухо ударился об пол. Молоток вылетел у Джека из рук. Джек сел и некоторое время не сводил с Венди очумелых глаз.

— За это я тебя убью,— сообщил он.

Перекатившись на другой бок, он потянулся к ручке молотка. Венди заставила себя подняться. Левую ногу до самого бедра пронзила боль. Лицо было пепельно-серым, но собранным. Когда пальцы Джека сжали ручку молотка, она прыгнула мужу на спину.

— *Боже ты мой!* — раздался в вестибюле «Оверлука» пронзительный крик Венди, и она по самую рукоятку воткнула нож Джеку в поясницу.

Джек, на котором она повисла, замер, а потом закричал. Ей показалось, визжат сами доски, окна, двери отеля. Ничего более жуткого Венди не приходилось слышать. Придавленный ее весом, Джек одеревенел, но крик все не кончался. Вместе они походили на салонную шараду — всадник и лошадь. Вот только спина фланелевой рубашки Джека в черно-красную клетку делалась все темнее, намокая от пропитывающей ее крови.

Потом он рухнул вперед, лицом вниз, скинув Венди; та ударилась больным боком и застонала.

Некоторое время она лежала, тяжело дыша, не в силах пошевелиться. Вся она, с головы до ног, превратилась в сгусток мучительной, пульсирующей боли. Каждый раз, как Венди делала вдох, в нее что-то злобно вонзалось, а шею заливало кровью из ободранного уха.

Слышно было только, как она пытается дышать, как шумит ветер и еще — как тикают часы в бальном зале.

Наконец, Венди заставила себя подняться на ноги и захромала к лестнице. Добравшись туда, она вцепилась в столбик перил, опустив голову — волнами накатывали слабость и головокружение. Когда стало полегче, Венди принялась карабкаться наверх, пользуясь здоровой ногой и подтягиваясь руками за перила. Один раз она взглянула наверх, ожидая увидеть там Дэнни, но лестничная клетка

(*слава Богу, он это проспал, слава Богу, слава Богу*)

была пуста. На шестой ступеньке ей пришлось отдохнуть. Венди склонила голову, и светлые кольца волос рассыпались по перилам, свесившись в пролет. Она с трудом дышала, воздух словно оброс колючками. Правый бок превратился в размозженное горящее месиво.

(*давай, Венди, давай, старушка, запри за собой дверь, а потом посмотришь раны, еще тринадцать ступенек. Не так уж плохо. А когда доберешься до коридора наверху, сможешь ползти, я разрешаю*)

Венди втянула столько воздуха, сколько позволили ее сломанные ребра и наполовину подтянулась, наполовину упала на следующую ступеньку. Она прошла уже половину пути и была на девятой ступеньке, когда снизу из-за спины раздался голос Джека. Он хрипло выговорил:

— Ты меня убила. Сука.

На нее нахлынул черный, как полночь, ужас. Она оглянулась и увидела, что Джек медленно поднимается на ноги. Венди видна была торчащая из его выгнутой луком спины рукоятка кухонного ножа. Глаза Джека как бы сузились, почти затерялись в бледных, обвисших складках кожи. Джек некрепко держал в левой руке молоток. Его головка была в крови. Клочок розового махрового халата Венди прилип почти к самой середине.

— Ты у меня получишь,— прошептал он и, пошатываясь, двинулся к лестнице.

Похныкивая от страха, Венди опять принялась подтягиваться. Десять ступенек, двенадцать, чертова дюжина. И все равно, коридор второго этажа казался далеким, как недоступная горная вершина. Теперь Венди тяжело дышала, бок пронзительно протестовал. Волосы мотались перед глазами, как у сумасшедшей. Уши словно бы заполнило тиканье часов под колпаком в бальном зале,

а контрапунктом к нему звучало судорожное, мучительное дыхание Джека, который начал подниматься по лестнице.

51. ХОЛЛОРАНН

Лэрри Дэркин оказался высоким тощим человеком с угрюмым лицом, которое венчала сияющая грива рыжих волос. Холлоранн поймал его в тот самый момент, когда Дэркин уходил со станции «Коноко», пряча свою мрачную физиономию в глубинах парки армейского образца. Неважно, из какого далека приехал Холлоранн — у Лэрри не было охоты в такой буран задерживаться на работе, а еще больше не хотелось сдавать один из своих снегоходов в наем этому чернокожему с дикими глазами, который настаивал на том, чтобы поехать в горы в старый «Оверлук». Среди тех, кто почти всю жизнь провел в маленьком городке Сайдвиндер, отель пользовался дурной славой. Там случилось убийство. Некоторое время отелем управляла банда хулиганья, а некоторое время — делец из тех, что готов тебе глотку перегрызть. А кое-что еще из творившегося в старом «Оверлуке» в газеты так и не попало — денежки говорят красноречиво. Однако сайдвиндерцы хорошо представляли себе, что да как. Почти все тамошние горничные были родом отсюда — а горничные много чего видят.

Но, когда Холлоранн упомянул Говарда Коттрелла и показал Дэркину ярлычок, пришитый с изнанки синей перчатки, владелец бензоколонки смягчился.

— Стало быть, он вас сюда наладил,— спросил Дэркин, отпирая один из гаражей и заводя Холлоранна внутрь.— Приятно узнать, что у старого греховодника осталась хоть капля мозгов. Я уж думал, он совсем того.— Он щелкнул выключателем. Оживая, слабо загудели несколько старых и очень грязных флюоресцентных ламп.— И что ж, едрена вошь, вам там надобно, приятель?

У Холлоранна начали сдавать нервы. Последние несколько миль до Сайдвиндера дались с большим трудом. Один раз налетел резкий порыв ветра (его скорость была никак не меньше шестидесяти миль в час) и развернул бьюик вокруг оси. А ведь Дику еще ехать и ехать, и одному Богу известно, что ждет его в конце пути. Он не просто боялся за мальчугана, он был в ужасе. Уже почти без десяти семь, а ему снова надо заводить все те же песни и пляски.

— Там, наверху, дело неладно,— очень осторожно проговорил он.— С сынишкой сторожа.

— Чего? С Торрансовым пацаном? Да чего с ним может быть неладно?

— Черт его знает,— пробурчал Холлоранн. При мысли о том, сколько времени он теряет на объяснения, ему сделалось тошно. Он разговаривал с провинциалом, а ведь известно, что провин-

циала хлебом не корми — дай сперва обнюхать дельце, походить вокруг да около, а уж потом он полезет в сделку. Но время поджимало — Дик превратился просто в перепуганного негра, и, затянись все это еще немного, мог бы плюнуть и сбежать.

— Слушай,— сказал он.— Будь человеком. Мне надо туда подняться, а без снегохода ничего не выйдет. Заплачу, сколько скажешь, только, ради Бога, не лезь в мои дела.

— Ладно,— ответил невозмутимый Дэркин.— Если тебя послал Говард, это уже кое-что. Бери-ка «Арктическую кошку». Я залью в бак пяток галлонов бензина. Думаю, она тебя свозит и туда, и обратно.

— Спасибо,— не очень уверенно ответил Холлоранн.

— Дашь двадцать долларов. Это будет вместе со спиртом.

Холлоранн нащупал в бумажнике двадцатку; вытащил и протянул Дэркину. Тот запихал ее в карман рубашки, даже не поглядев.

— По-моему, нам, наверное, лучше махнуться одежонкой,— сказал Дэркин, стаскивая парку.— От твоего пальтеца нынче вечером толку ни хрена не будет. Придешь возвращать машинку, тогда махнемся обратно.

— Эй, да я не могу...

— Давай-ка не шуми,— перебил Дэркин, все еще мягко,— я тебя замерзать не пошлю. Я-то пройду пару домов — и готово, вот он мой стол, а на столе — ужин. Давай.

С легким изумлением Холлоранн обменял пальто на отделанную мехом парку Дэркина. Над головой тихонько гудели лампы дневного света, и это напоминало ему про светильники в кухне «Оверлука».

— Торрансов пацан,— проговорил Дэркин и покачал головой.— Хорошенький щенок, верно? Пока снег взаправду не пошел, они с папашей частенько тут бывали. По большей части — на грузовичке из отеля. Мне показалось, эта парочка так друг за дружку держится, что крепче некуда. Вот мальчишка, который и вправду любит папку. Надеюсь, с ним все в норме.

— Я тоже надеюсь.— Холлоранн застегнул молнию парки и завязал капюшон.

— Дайка-сь помогу тебе выпихнуть эту штуку наружу,— сказал Дэркин. Они прокатили снегоход по заляпанному бензином цементному полу к воротам гаража.— Ты раньше-то на таком ездил?

— Нет.

— Ну, тут невелика хитрость. Руководство приклеено к приборной доске, но на самом деле требуется только знать, где стоп, где ход. Тут ручка навроде мотоциклетной. С другой стороны — тормоз. На поворотах наклоняй машинку. По твердой корке эта детка шпарит на семидесяти, но по такой каше больше пятидесяти не выжмешь, да и то с напрягом.

Теперь они очутились на заснеженном дворе станции обслуживания. Дэркин повысил голос, чтоб его не заглушали порывы ветра.

— С дороги не съезжай! — кричал он в ухо Холлоранну.— Смотри за бордюром и указателями, и все будет о'кей. Ежели свалишь с дороги, ты покойник. Понял?

Холлоранн кивнул.

— Погоди минутку! — велел Дэркин и побежал обратно в гараж. Пока его не было, Холлоранн повернул ключ зажигания и немного поддал газу. Снегоход чихнул и ожил, нахально и беспокойно затарахтев.

Дэркин вернулся с черно-красной лыжной маской.

— Поддень под капюшон! — прокричал он.

Холлоранн натянул маску. Она была тесновата, но мигом отсекла ветер, от которого коченели лоб, щеки и подбородок.

Дэркин нагнулся поближе, чтоб его было слышно.

— По-моему, ты кой-чего просекаешь, вот как иной раз Гови,— сказал он.— Это ладно, только вот у отеля тут слава фиговая. Хочешь, дам тебе карабин.

— Думаю, толку от него не будет,— закричал в ответ Дик.

— Хозяин-барин. Но ежели заберешь мальчишку, привози его на 16-ю Пич-Лейн. Жена супу подогреет.

— О'кей. Спасибо за все.

— Осторожней там! — завопил Дэркин.— Держись дороги!

Холлоранн кивнул и медленно потянул ручку. Снегоход замурлыкал и двинулся вперед, фара рассекла густо падающий снег конусом яркого света. В зеркальце заднего вида мелькнула поднятая рука Дэркина. Дик помахал в ответ, потом слегка толкнул локтями руль влево и оказался на Главной улице. В белом свете уличных фонарей снегоход шел, как по маслу. Спидометр показывал тридцать миль в час. Было десять минут восьмого. В «Оверлуке» Венди и Дэнни спали, а Джек Торранс обсуждал вопросы жизни и смерти со своим предшественником.

Через пять кварталов фонари на Главной улице кончились. Полмили тянулись маленькие домики, наглухо задраенные от бурана, а потом осталась только тьма, в которой выл ветер. Стоило Дику вновь очутиться в темноте, которую рассеивал лишь тонкий лучик от фары снегохода, как навалился прежний ужас — такими гнетущими и опустошающими бывают детские страхи. Он никогда еще не чувствовал себя таким одиноким. В те несколько минут, пока летели прочь отражающие в зеркальце редкие огни Сайдвиндера, стремление развернуться и поехать обратно было просто непреодолимым. Холлоранн подумал, что, несмотря на всю озабоченность Дэркина судьбой сынишки Джека Торранса, он не предложил взять второй снегоход и поехать вместе с ним.

(*тут, в городе, слава у отеля фиговая*)

Сжав зубы, Дик подвинул рукоятку повыше и посмотрел, как

стрелка спидометра вскарабкалась вверх, минуя отметку «40», и остановилась на сорока пяти. Ему казалось, что снегоход несется ужасающе быстро, и все же опасался, что этого недостаточно. При такой скорости он будет добираться до «Оверлука» почти час. А если поедет быстрее, то может вообще туда не добраться.

Дик приклеился взглядом к проносящемуся мимо защитному ограждению. Каждый столбик венчал рефлектор размером с десятицентовик. Многие занесло снегом. Дважды Холлоранн с опасным опозданием заметил знак поворота и почувствовал, что снегоход сперва заехал на сугроб и только потом вернулся туда, где летом проходит дорога. Счетчик расстояния отсчитывал мили так медленно, что можно было сбеситься — пять, десять, наконец, пятнадцать. Лицо одеревенело даже под вязаной лыжной маской, а ноги закоченели.

(*ей-богу, не пожалел бы стольник за пару лыжных штанов*)

Ужас Холлоранна рос с каждой следующей милей. Можно было подумать, что отель окутывает некая ядовитая атмосфера, сгущающаяся по мере приближения к нему. Было ли так и раньше? «Оверлук», по сути дела, никогда не нравился Холлоранну, и не ему одному, однако такого еще не бывало.

Он чувствовал, что голос, чуть не угробивший его за Сайдвиндером, пытается пробить защиту, добраться до мягкой сердцевины. Голос этот был силен и за двадцать пять миль отсюда — насколько же он окреп теперь? Полностью отгородиться от него не удавалось. Кое-что проскальзывало в мозг Холлоранна, затопляя его зловещими образами из подсознания. Ему все чаще и чаще представлялась сильно израненная женщина в ванной, она подняла руки, тщетно пытаясь отвести удар, и у Дика крепла уверенность, что эта женщина, должно быть...

(*Иисусе, осторожнее!*)

Перед ним выросло ограждение, как будто он катил по американским горкам. Витая в облаках, он пропустил знак поворота. Сильно рванув вправо рукоять управления, Дик развернул накренившийся снегоход на сто восемьдесят градусов. Полозья пронзительно заскрежетали по камням. Холлоранн подумал, что вот-вот вылетит из снегохода. И верно — тот зашатался, балансируя на грани падения, а потом наполовину благодаря усилиям водителя, наполовину — по инерции откатился обратно на более или менее ровную поверхность заваленной снегом дороги. Потом впереди оказался обрыв, фара высветила резкую границу между снежным покровом и простирающейся за ним тьмой. Дик развернул снегоход в другую сторону, сердце тошнотворно колотилось в горле.

(*держись на дороге Дикки старина*)

Он заставил себя еще немного повернуть рукоятку кверху. Теперь стрелка спидометра колебалась около пятидесяти. Ветер выл и ревел. Фара пронзала тьму.

Неизвестно, сколько времени прошло прежде, чем Холлоранн выехал к лежащему в снежных берегах повороту и впереди заме-

тил вспыхивающий свет. Сверкнул огонек, потом все загородила вздыбившаяся складкой земля. Свет показался на такое короткое время, что Холлоранн внушал себе: это только игра воображения. Однако за следующим поворотом огонек мигнул снова, теперь уже ближе. На этот раз сомневаться в его реальности не приходилось — Дик уже столько раз раньше видел его под этим же углом... «Оверлук». Похоже, свет горел на первом и втором этажах.

Страх съехать с дороги или расколотить снегоход на невидимом повороте полностью растаял. Снегоход уверенно свернул на первую половину S-образного поворота, который Холлоранн теперь вспомнил вплоть до фута, и тут фара что-то высветила

(*Господи Иисусе... Боже, что это*)

на дороге впереди. Обрисованное застывшим черным и белым. Сперва Холлоранн подумал, что это какой-то необыкновенно огромный волк, которого буря согнала с гор. Но, приблизившись, понял, что это, и горло перехватил ужас.

Не волк, а лев. Лев — фигура живой изгороди.

Очерченная черной тенью и пушистым снегом морда, напрягшиеся для прыжка бедра... и лев действительно прыгнул. Он резко толкнулся задними лапами, и вокруг них беззвучно взорвался, заклубился сверкающими искорками снег. Закричав, Холлоранн с силой вывернул руль вправо, одновременно ныряя вниз. По лицу, шее, плечам прошла рябь царапающей боли. Дика выбросило из снегохода. Лыжная маска разодралась сверху донизу. Холлоранн упал, приминая снег, и покатился.

Он чувствовал, что зверь приближается, ноздри заполнил запах зеленой листвы падуба. Огромная зеленая лапа обрушилась ему на поясницу, и Холлоранн пролетел по воздуху добрых десять футов, вывернув носки, как тряпичная кукла. У него на глазах оставшийся без водителя снегоход ударился о бордюр и встал на дыбы, ощупывая фарой небо. Потом он с глухим стуком перевернулся и замер.

Тут лев прыгнул на Холлоранна. Раздалось потрескивание и шелест. Что-то вспороло парку на груди, разрывая ее в клочки. Может статься, твердые прутики — но Холлоранн знал: это когти.

— Тебя здесь нет! — пронзительно выкрикнул Холлоранн рычащему льву.— *Нет, нет, нет!* — Он с трудом поднялся на ноги и успел пройти полдороги к снегоходу, но лев прыгнул и ударил Холлоранна по голове лапой, заканчивающейся иголками. Холлоранн увидел беззвучно взрывающиеся огни.

— Нет тебя,— снова выговорил он, но это было лишь замирающее бормотанье. Колени Дика подкосились, и он упал в снег. Правая половина лица превратилась в кровавую полосу. Дик пополз. Лев ударил снова и перекатил его на спину, как черепаху. Зверь игриво зарычал.

Холлоранн изо всех сил старался добраться до снегохода. Там

лежало то, что было ему необходимо. Но лев, разрывая и царапая, снова набросился на него.

52. ВЕНДИ И ДЖЕК

Венди рискнула еще раз бросить взгляд через плечо. Джек был на шестой ступеньке, он льнул к перилам почти так же, как она сама. Он по-прежнему ухмылялся, а медленно сочащаяся изо рта сквозь улыбающиеся губы темная кровь стекала вниз по подбородку. Заметив взгляд Венди, Джек осклабился.

— Сейчас я тебе мозги в башку-то вколочу, прямехонько в башку, мать твою так,— он с усилием поднялся еще на одну ступеньку.

Пришпоренная паникой, Венди почти перестала замечать боль в боку. Она принялась подтягиваться кверху так быстро, как только могла, невзирая на боль, судорожно цепляясь за перила. Добравшись до площадки, она оглянулась.

Джек, казалось, не теряет, а набирает силы. От площадки его отделяли только четыре ступеньки. Правой рукой он подтягивался, а в левой держал молоток и примеривался к расстоянию.

— Я тут как тут, прямо за спиной,— словно читая ее мысли, тяжело пропыхтел Джек окровавленными губами, растянутыми в ухмылке.— На пяточки наступаю, стерва. Вот сейчас я тебе покажу.

Зажимая рот руками, спотыкаясь, Венди побежала по главному коридору.

Дверь одного из номеров распахнулась, и оттуда высунулся мужчина в зеленоватой маске вурдалака.

— *Классная вечеринка, да?* — пронзительно прокричал он ей в лицо и дернул за вощеный шнурок хлопушки. Раздалось гулкое «бэнг!», и вдруг вокруг Венди пошел дождь из шелковистых лент серпантина. Мужчина в маске вурдалака противно захихикал и снова захлопнул дверь номера. Венди во весь рост растянулась на ковре. Ей показалось, что правый бок взорвался болью, и она принялась отчаянно бороться с чернотой обморока. Сквозь растопыренные пальцы Венди был виден узор ковра, он как бы шевелился, качаясь и сплетаясь, и доносился неясный шум лифта.

У нее за спиной с треском опустился молоток. Венди, всхлипывая, кинулась вперед. Оглянувшись, она увидела, что Джек споткнулся, потерял равновесие, но за секунду до того, как рухнуть на ковер, заливая ворс яркой кровью, опустил молоток.

Тот попал ей точно между лопаток. Пронзившая Венди боль оказалась столь мучительной, что она смогла лишь заизвиваться, сжимая и разжимая кулаки. У нее внутри что-то хрустнуло — Венди явственно расслышала это — а следующие несколько минут она воспринимала окружающее будто оглохнув и наблюдая за происходящим сквозь туманную пелену тонкой прозрачной ткани.

Потом сознание вернулось полностью, а с ним — боль и ужас.

Джек попытался подняться, чтобы довести дело до конца.

Венди попробовала встать и обнаружила, что это невозможно. Вверх и вниз по спине при каждом усилии пробегало что-то вроде электрических разрядов. Она, извиваясь, поползла по коридору. Джек полз следом, молоток для роке заменял ему не то костыль, не то трость.

Она добралась до угла и, уцепившись руками за стену, заползла за него. Ужас Венди рос. Это казалось невозможным и тем не менее было так. Не видеть Джека, не знать, насколько близко он подобрался, было в сто раз хуже. Подтягивая тело вперед, Венди так цеплялась за ковер, что надергала полные пригоршни ворса. Она доползла до середины короткого коридорчика и только тогда заметила, что дверь спальни распахнута настежь.

(*Дэнни. О Господи.*)

Она заставила себя встать на колени, потом, хватаясь за стену, поднялась на ноги. Пальцы соскальзывали с шелковистых обоев. Ногти Венди выдирали из них маленькие бумажные ленточки. Как только Джек появился из-за угла в дальнем конце коридора и, опираясь на молоток для роке, устремился вперед, Венди, презрев боль, ковыляющими шагами перетащилась через порог комнаты. Ухватившись за край туалетного столика, она выпрямилась и вцепилась в дверь.

Джек кричал на нее:

— Не смей закрывать дверь! Будь ты проклята, не *смей* закрываться!

Она с треском захлопнула ее и задвинула засов. Пальцы левой рукой наугад рылись в хламе, валявшемся на столике, сброшенные на пол монетки раскатились во все стороны. В тот самый момент, когда, просвистев в воздухе, молоток саданул по двери так, что та задрожала, Венди схватила связку ключей. Со второго захода ключ вошел в замок. Она повернула его вправо. Щелкнул язычок замка, Джек издал вопль. Молоток осыпал дверь градом гулких ударов, отчего Венди вздрогнула и попятилась. Как Джеку удается это, ведь у него в спине нож? Откуда он черпает силы? Ей хотелось завизжать в запертую дверь: *почему ты жив?*

Вместо этого она повернулась к ней спиной. Придется им с Дэнни отправиться в примыкающую к спальне ванную и запереться — на случай, если Джек действительно сумеет вломиться в комнату. У нее в голове промелькнула дикая мысль о побеге через шахту лифта для доставки пищи, но Венди отказалась от нее. Дэнни достаточно мал, чтобы пролезть туда, но управлять веревками она не сумеет. Мальчик может слететь вниз и разбиться. Нет, придется в ванную. А если Джек вломится и туда...

Но думать об этом она себе не позволила.

— Дэнни, милый, ну-ка просыпай...

Но кроватка была пуста.

Когда мальчик уснул покрепче, она накинула на него простыню и одеяло. Теперь они были отброшены.

— Я до тебя доберусь! — выл Джек.— Я до вас обоих доберусь!

Каждое слово подкреплялось ударом молотка, но Венди игнорировала и то, и другое. Все ее внимание сосредоточилось на пустой кроватке.

— *А ну, выходи! Открывай эту проклятую дверь!*

— Дэнни? — прошептала она.

Конечно... когда Джек напал на нее, малыш почувствовал это — ведь он всегда чувствовал сильные недобрые эмоции. Возможно, все это даже приснилось ему в кошмаре. Дэнни спрятался.

Венди неуклюже упала на колени, перетерпев еще одну волну боли, накатившую от раздувшейся кровоточащей ноги. Она заглянула под кровать. Ничего — катышки пыли да тапочки Джека.

Джек визгливо выкрикнул ее имя, саданул молотком в дверь, и о паркет стукнула отскочившая длинная щепка. От следующего удара дверь отвратительно крякнула, раскалываясь; с таким звуком отлетают лучинки от сухого полена. Сквозь новую дыру в филенке влетел окровавленный молоток — теперь он и сам треснул, справа на головке была вмятина,— затем молоток убрали, а потом вновь обрушили на дверь, отчего по всей комнате разлетелась деревянная шрапнель.

Венди, хватаясь за изножье кровати, поднялась на ноги и захромала на другой конец комнаты к шкафу. Сломанные ребра вонзились в нее, заставив застонать.

— Дэнни?

Венди в неистовстве смахнула в сторону вешалки с одеждой. Кое-что соскользнуло и неизящно спланировало на пол. В шкафу Дэнни не оказалось.

Она захромала в сторону ванной и, добравшись до двери, оглянулась. Молоток снова пробил дверь насквозь, расширив брешь, а потом появилась рука — она ощупывала засов. Венди с ужасом поняла, что забыла в замке всю связку ключей Джека.

Рука рывком отодвинула засов и тут наткнулась на ключи. Они весело зазвенели. Рука победоносно сжала их.

Венди со всхлипом проковыляла в ванную и захлопнула дверь в тот момент, когда в распахнувшуюся настежь дверь спальни ввалился орущий Джек.

Она задвинула щеколду и повернула пружинный замок. И отчаянно огляделась. Ванная была пуста. Дэнни не оказалось и здесь. Но, мельком увидев в зеркальце аптечки свое измазанное кровью, перепуганное лицо, Венди обрадовалась. Она всегда считала, что детям не следует присутствовать даже при мелких родительских стычках. Существо же, которое сейчас бесчинствовало в спальне, круша и переворачивая мебель, могло в конце концов обессилеть прежде, чем сумеет отправиться за ее сыном. «Может

быть,— подумала Венди,— я могу навредить этой твари еще сильнее... может, убить ее».

Она быстро скользнула взглядом по серийным фарфоровым поверхностям ванны, отыскивая то, что могло бы послужить оружием. Кусок мыла... но, даже если завернуть его в полотенце, им вряд ли убьешь, подумала она. Все прочее было привинчено к полу. Господи, что же, она ничего не может сделать?

За дверью под аккомпанемент непрекращающихся животных звуков разрушения Джек хрипло выкрикивал, что «они свое получат», «заплатят за то, что с ним сделали». Он «покажет, кто тут хозяин». Они оба «никчемные щенки».

С глухим стуком перевернулся проигрыватель. Гулко разлетелся кинескоп подержанного телевизора. Зазвенело оконное стекло. Под дверь ванной потянуло холодным сквозняком. Ровный глухой удар — со сдвинутых вместе кроватей, где они спали бок о бок, сорвали матрасы. Джек наобум лазаря лупил по стенам молотком — бум, бум, бум.

Однако в завывающем, невнятно бормочущем, раздраженном и обиженном голосе не было ничего от настоящего Джека. Голос то скулил, полный жалости к себе, то поднимался в страшном, трагическом вопле. Это напоминало Венди крики, которые иногда начинались в гериатрическом отделении больницы, где она подрабатывала летом, заканчивая школу, и у нее мороз пошел по коже. Старческое слабоумие. Джека больше не было. Она слышала безумный, неистовый голос самого «Оверлука».

Молоток с треском влепился в дверь ванной, выбив большой кусок тонкой филенки. На Венди уставилась половина сосредоточенного лица сумасшедшего. Рот, щеки, горло покрывала кровавая пена. Единственный глаз, видневшийся в дыре, был крошечным, как у поросенка, и поблескивал.

— А бежать-то тут некуда, шлюха,— тяжело пропыхтело это существо растянутыми в ухмылке губами. Молоток снова опустился, щепки брызнули в ванну и в зеркало на дверце аптечки...

(!!!аптечка!!!)

Венди, заскулив в отчаянии, забыла на время про боль, обернулась и распахнула дверцу аптечки. Она принялась рыться в содержимом шкафчика, позади хриплый голос орал: «Иду, иду! Вот я иду, свинья!» Существо уничтожало дверь подобно взбесившейся машине.

Пальцы Венди в сумасшедшем темпе перебирали баночки и бутылочки — сироп от кашля, вазелин, шампунь на травяной эссенции «Клэройл», перекись водорода, бензокаин... те падали в раковину, разлетаясь вдребезги.

В тот самый миг, когда Венди услышала, как рука Джека снова зашарила в поисках замка и щеколды, ее пальцы сжали коробочку с опасными лезвиями.

Хрипло, часто дыша, Венди вынула бритву. Она порезала кон-

чик большого пальца. Круто повернувшись назад, она вспорола руку, которая уже открыла замок и теперь нащупывала щеколду.

Джек закричал и отдернул руку.

Тяжело дыша, зажав лезвие большим и указательным пальцами, Венди ждала, чтобы Джек сделал еще одну попытку. Дождавшись, она полоснула еще раз. Джек с криком попробовал ухватить ее за руку, и она ответила очередным ударом. Бритва повернулась в пальцах, снова порезав Венди, и упала на кафельный пол возле унитаза.

Она вытащила из коробочки следующую и стала ждать.

Движение в комнате за стеной...

(??уходит??)

и долетевший через окно спальни шум. Мотор. Тонкое жужжание, будто летит крупное насекомое. Джек яростно взревел, а потом — да, да, Венди была в этом уверена — расчищая себе дорогу среди обломков, он пошел прочь из квартиры смотрителя в коридор.

(??кто-то едет? спасатель? Дик Холлоранн?)

— О Боже,— судорожно пробормотала она. Рот словно забился щепками и лежалыми опилками.— О Боже, пожалуйста.

Теперь надо было уходить, надо было отправляться на поиски сына, чтобы остаток кошмара они смогли встретить плечом к плечу. Венди потянулась и нащупала щеколду. Рука, казалось, преодолела не одну милю. Наконец, Венди отодвинула задвижку. Толкнув дверь, Венди вышла, пошатываясь, и вдруг исполнилась ужасной уверенности: Джек только притворился, что уходит, а сам залег, поджидая ее.

Она огляделась. В спальне пусто, в гостиной тоже. Повсюду — перевернутые, разломанные вещи.

В шкафу? Пусто.

Потом Венди омыли мягкие серые тени, и она в полуобмороке упала на матрас, который Джек стащил с кровати.

53. ОПРОКИНУТЫЙ ХОЛЛОРАНН

Холлоранн добрался до перевернутого снегохода в тот момент, когда за полторы мили от него Венди втащилась за угол в ведущий к их комнатам короткий коридорчик.

Дику нужен был не снегоход, а прикрепленная к нему сзади двумя эластичными веревками канистра с бензином. Пальцы в синих перчатках Говарда Коттрелла ухватились за верхнюю веревку и отвязали ее, и тут позади зарычал древесный лев — похоже, звук раздавался не столько снаружи, сколько в голове Дика. По левой ноге что-то сильно шлепнуло — ни дать, ни взять ветка ежевики — и колено заныло от боли: создавая суставы, Господь не рассчитывал на то, что их будут сгибать под таким углом, как сейчас вывернулась нога Дика. У Холлоранна сквозь сжатые

зубы вырвался стон. Теперь льву в любой момент может надоесть игра, и он нападет, чтобы убить.

Он ощупал вторую завязку. В глаза затекала липкая кровь.

(рычание! шлепок!)

Он пришелся по ягодицам, чуть было не опрокинув Дика и не оттащив его назад, от снегохода. Дик из кожи вон лез, чтоб удержаться — без преувеличения. Потом он отвязал вторую веревку. Он прижал к себе канистру с бензином, и тут лев нанес очередной удар, перекатив Дика на спину. Тот снова увидел зверя — в темноте, под падающим снегом, тот казался просто кошмарной тенью, вроде ожившей химеры. Когда шевелящийся силуэт подкрался, взметая лапами облачка снега, Холлоранн уже отвинчивал колпачок с канистры. Лев опять подался вперед, колпачок отвернулся, едко запахло бензином.

Холлоранн стал на колени и, когда тень оказалась рядом, невероятно быстро плеснул на нее по низу бензином.

Шипение, фырканье — и тень отпрянула.

— Бензин! — закричал Холлоранн ломким, пронзительным голосом. — Щас я тебя спалю, детка! Погоди, щас просечешь!

Лев, не переставая сердито фыркать, приблизился снова. Холлоранн плеснул еще, но на сей раз зверь не сдался. Он атаковал. Дик скорее почувствовал, чем увидел, как к его лицу наискосок приближается морда зверя, и рванулся назад; отчасти ему удалось увернуться. Однако львиная лапа вскользь задела его в верхней части груди, и там вспыхнула боль. По руке и пальцам потек смертельно холодный бензин — он, булькая, лился из канистры, которую Холлоранн так и не выпустил из рук. Теперь он лежал на снежном откосе справа от снегохода, до которого было шагов десять. Слева шипел, напоминая о своем присутствии, здоровенный лев. Он опять наступал. Холлоранн подумал, что видит, как ходит из стороны в сторону хвост.

Он зубами сорвал с правой руки перчатку Коттрелла, ощутив вкус мокрой шерсти и бензина. Задрав подол парки, он сунул руку в карман штанов — там, в глубине, вместе с ключами и мелочью лежала старая, здорово потрепанная зажигалка «Зиппо». Он купил ее в пятьдесят четвертом, в Германии. Один раз петелька сломалась, и Дик вернул зажигалку на зипповский завод, так там ее починили задаром, прямо как в рекламе. За какую-то долю секунды в сознании Холлоранна потоком из кошмара пронеслось:

(милый Зиппо крокодил зажигалку проглотил его в Тихий океан обронил аэроплан заблудился самолет в меня немец пулю шлет я в окоп нырнуть успел и в сраженьи уцелел милый Зиппо мне сдается эта дрянь не заведется так что мне каюк придет лев башку мне оторвет)

Зажигалка не срабатывала. Дик со щелчком вернул колпачок на место. Лев ринулся на него, рычание напоминало треск рвущегося полотна. Палец Холлоранна чиркнул колесиком зажигалки. Искра. *Пламя.*

(моя рука)

Пропитавшаяся бензином рука Дика вдруг запылала, огненные языки побежали вверх по рукаву парки, не больно, еще не больно; лев отпрянул от внезапно вспыхнувшего у него под носом факела, чудовищная колеблющаяся статуя из живого дерева с глазами и пастью отпрянула — слишком поздно.

Морщась от боли, Холлоранн ткнул пылающей рукой в жесткий колючий бок.

В мгновение ока огонь охватил тварь с головы до хвоста, превратив в извивающийся на снегу погребальный костер. Зигзагами удаляясь от Холлоранна, это существо словно бы ловило собственный хвост, громко воя от боли и ярости.

Дик воткнул руку глубоко в снег, сбивая языки пламени. Предсмертная агония льва на миг приковала к себе его взгляд. Потом он поднялся на ноги, хватая ртом воздух. Рукав парки Дэркина был вымазан сажей, но не обгорел, как и рука Дика. Тридцатью ярдами ниже того места, где стоял Холлоранн, лев превратился в огненный шар. В небо летели искры, их подхватывал и уносил обозленный ветер. На миг оранжевое пламя обрисовало ребра и череп зверя, а потом все это словно бы сжалось, разъединилось и рухнуло, распавшись на отдельные горящие кучки.

(наплевать, давай, двигай)

Он подобрал канистру и с трудом пошел к снегоходу. Сознание то ненадолго гасло, то вспыхивало опять, показывая ему кусочки и обрывки видеофильма, но ни разу — целостную картину. В один из таких моментов Дик понял, что вытащил снегоход на прежнюю колею и сидит на нем, переводя дух, не способный стронуться с места еще несколько секунд. В другой раз он заново закреплял канистру, в которой еще сохранилась половина содержимого. В голове ужасно стучало — виной этому были пары бензина (и, подумал Холлоранн, реакция на схватку со львом), а по дымящейся выемке неподалеку Дик понял, что его вырвало — но вот когда, припомнить не сумел.

Снегоход, мотор которого еще не остыл, завелся сразу. Дик дрожащими пальцами повернул рукоять и рывками двинулся вперед, рискуя сломать себе шею, отчего голова разболелась еще свирепее. Сперва снегоход водило из стороны в сторону, как будто за рулем сидел пьяный, но Дик, приподнявшись так, чтобы лицо оказалось выше ветрового стекла, подставил его резкому колючему ветру. Это отчасти избавило Холлоранна от ступора. Он прибавил газу.

(а где остальные кусты?)

Этого он не знал, но, по крайней мере, снова его врасплох не застанут.

Перед ним выросла громада «Оверлука». Освещенные окна второго этажа отбрасывали на снег длинные желтые прямоугольники. Ворота, ведущие на подъездную дорогу, были на замке. Холлоранн неуверенно огляделся и спешился, молясь, чтобы клю-

чи оказались в кармане, чтоб не вывалились, когда он вытаскивал зажигалку... нет, вот они. В ярком свете фары снегохода он перебрал их, нашел нужный ключ и открыл висячий замок, уронив его в снег. Сперва Дику показалось, что в ворота все равно не проехать. Обезумев, он принялся разгребать снег возле них руками, не обращая внимания на мучительные толчки боли в голове и страх, что один из оставшихся львов, может быть, подползает сзади. Сумев оттянуть створку ворот на полтора фута, он протиснулся в щель и поднажал. Ворота нехотя подвинулись еще на пару футов, освободив достаточно места для снегохода, и Дик провел его на дорогу.

Тут он понял, что впереди, в темноте, что-то шевелится. Звери — вся живая изгородь — собрались в кучу у ступеней «Оверлука», охраняя вход и выход. Львы стлались по земле. Собака поставила на нижнюю ступеньку передние лапы.

Холлоранн оттянул рукоять, и снегоход прыгнул вперед, взбивая позади себя снег. В квартире смотрителя, услышав высокое, похожее на осиное, жужжание мотора, Джек Торранс вздернул голову и вдруг деловито направился обратно в коридор. Плевать на эту стерву. Она может подождать. Теперь очередь грязного ниггера. Грязного, сующего нос не в свое дело ниггера, который лезет, куда не просят. Сперва ниггер, потом сын. Он им покажет. Он им покажет... что... что он — один из *правящей верхушки.*

Снегоход за стенами отеля все быстрее мчался по дороге. «Оверлук» словно бы стремительно несся навстречу. В лицо Холлоранну летел снег. Бегущий впереди свет фары выхватил из темноты морду овчарки, ее пустые глаза, лишенные глазниц.

Потом собака отпрянула, оставив брешь. Напрягая остаток сил, Холлоранн дернул рычаг скорости, и снегоход, брыкаясь, взметая тучи снега, угрожая перевернуться вверх дном, описал крутую дугу. Багажник ударился о нижние ступени крыльца и срикошетил. Холлоранн молниеносно оказался на снегу и помчался вверх по ступеням. Он споткнулся, упал, поднялся. Совсем близко за спиной (опять у Дика в голове) раздалось собачье рычание. Плечо парки что-то вспороло, а потом Холлоранн оказался на крыльце, в безопасности, он стоял в узком проходе, который Джек расчистил в сугробах. Звери были слишком крупными, чтобы пролезть сюда.

Дик добрался до большой двустворчатой двери, которая вела в вестибюль, и опять полез за ключами. Вытаскивая их, он надавил на ручку, и та свободно повернулась. Он толкнул дверь и вошел.

— *Дэнни!* — хрипло крикнул он. — *Дэнни, где ты?*

Ответом была тишина.

Дик обшарил глазами вестибюль, добрался до подножия широкой лестницы, и у него вырвалось хриплое «ах!». Перемазанный, залитый кровью ковер. Клочок розового махрового халата. Вверх по лестнице вел кровавый след. Перила тоже были в крови.

— Господи Иисусе,— пробормотал он и снова повысил голос:
— *Дэнни! ДЭННИ!*

Царящая в отеле тишина казалась издевательской, она дразнила эхом, которое жило здесь испокон века — скрытое, но неизбывное.

(Дэнни? Кто это Дэнни? Знает тут кто-нибудь какого-нибудь Дэнни? Дэнни, Дэнни, у кого Дэнни? Кто будет играть в «покрути Дэнни»? В «накрути Дэнни хвост»? Катись отсюда, черный. Тут никто сроду не знал никакого Дэнни)

Иисусе, что же, он прошел через все это, чтобы опоздать?

Неужели все уже кончено?

Прыгая через две ступеньки, Дик взбежал по лестнице и остановился на площадке второго этажа. Кровь тянулась до квартиры смотрителя. Холлоранн шагал по короткому коридорчику, а ужас растекался по его жилам, тихонько подбираясь к рассудку. Звери живой изгороди — плохо, но вот это было много хуже. В душе Дик уже не сомневался, что обнаружит, когда дойдет до комнаты.

Увидеть это он не торопился.

Пока Холлоранн поднимался по лестнице, Джек прятался в лифте, и теперь подкрадывался к фигуре в парке с заснеженным капюшоном со спины — улыбающийся призрак, вымазанный свежей и запекшейся кровью. Молоток для роке взлетел так высоко, как только позволила раздирающая, сильная

(??что, сука заколола меня... не могу вспомнить??)

боль в спине.

— Ну, черномазый,— шептал Джек.— Я тебя отучу совать нос в чужие дела.

Услышав шепот, Холлоранн начал поворачиваться, пригибаться, но молоток для роке со свистом опустился. Капюшон парки недостаточно смягчил удар. В голове у Холлоранна взорвалась шутиха, оставив шлейф звездочек... а потом все исчезло.

Он покачнулся, прислонился к шелковистым обоям, и Джек ударил снова — на этот раз молоток скользнул вбок, раздробив Холлоранну скулу и почти все зубы с левой стороны. Тот безвольно опустился на пол.

— Ну вот,— прошептал Джек.— Ну вот, клянусь Богом.

Где же Дэнни? У него дело к сыну, который лазает туда, куда посторонним вход воспрещен.

Тремя минутами позже на полном теней четвертом этаже с лязгом открылась дверь лифта. Джек Торранс был один. Кабина остановилась на полпути к дверному проему и, чтобы выбраться на этаж, Джеку пришлось подтянуться. Он извивался от боли. За собой Джек тащил сплющенный молоток для роке. Снаружи под карнизами выл и ревел ветер. Глаза Джека вращались в глазницах. В волосах кровь мешалась с конфетти.

Его сын был здесь, наверху. Где-то здесь. Джек чуял это. Предоставленный самому себе, мальчишка мог творить, что угодно:

выводить мелками каракули на дорогих шелковистых обоях, портить мебель, бить окна. Парень оказался врунишкой, мошенником, и его следовало наказать... сурово наказать.

Джек Торранс с трудом поднялся.

— Дэнни? — позвал он. — Дэнни, поди сюда на минутку. Ты кое-что натворил, так я хочу, чтобы ты пришел получить по заслугам. Как мужчина. Дэнни? *Дэнни?*

54. ТОНИ

(Дэнни...)

(Дэнннииии...)

Темнота и коридоры. Он блуждал по темным коридорам, которые напоминали те, что пролегли в отеле «Оверлук», и все же неуловимо отличались от них. Оклеенные шелковистыми обоями стены уходили в такую высь, что, даже вытянув шею, Дэнни не удавалось разглядеть потолок — тот тонул в полумраке. В сумрак же поднимались и запертые двери. В каждой, пониже глазка (в этих гигантских дверях глазки были размером с ружейный прицел), был привинчен крошечный череп со скрещенными костями.

И откуда-то звал Тони.

(Дэнннииии...)

Раздался глухой стук, хорошо знакомый мальчику, и хриплые, ослабленные расстоянием, крики. Всех слов разобрать он не мог, но теперь текст был уже известен. Дэнни слышал его раньше — и во сне, и наяву.

Он остановился — малыш, всего три года назад выбравшийся из пеленок, — и попытался определить, где оказался; где мог оказаться. Мальчик боялся — но жить эта боязнь не мешала. Последние два месяца его ни на минуту не покидал страх, сила которого менялась от постоянного беспокойства до откровенного, не дающего думать ужаса. Сегодняшний же страх жить не мешал. Но Дэнни хотелось узнать, почему появился Тони, почему тот звал его по имени в коридоре, который не был ни частью реального мира, ни частью страны видений, где Тони иногда показывал Дэнни разные вещи. Да что же это, где...

— Дэнни.

Далеко-далеко в огромном коридоре темная фигурка Тони — почти такая же крошечная, как сам Дэнни.

— Где я? — тихо обратился он к Тони.

— Спишь, — ответил тот. — Спишь в спальне папы и мамы.

В голосе Тони звучала печаль.

— Дэнни, — сказал он. — Твоей маме сделают очень больно. Может быть, убьют. Мистера Холлоранна тоже.

— Нет!

Дэнни выкрикнул это, сдерживая горечь и ужас, которые, казалось, источало мрачное призрачное окружение. Однако в сознании возникли образы смерти: распластанная по автостраде лягу-

шка — странный отпечаток; сломанные папины часы, лежащие наверху коробки с мусором и предназначенные на выброс; могильные плиты, под каждой из которых лежит покойник; мертвая сойка возле телеграфного столба; холодные объедки, которые мама отскребала с тарелок, скидывая в темную пасть мусорного ведра.

И все-таки мальчик не мог уравнять эти простые символы с движущейся сложной реальностью своей матери — она олицетворяла его детское представление о вечности. Она уже была на свете, когда Дэнни еще не появился, и будет существовать, когда он снова канет в небытие. Возможность собственной смерти Дэнни мог принять — он уже столкнулся с этим, когда попал в двести семнадцатый.

Но не мамину смерть.

Не папину.

Он начал бороться, и темный коридор заколыхался. Силуэт Тони сделался призрачным, неясным.

— Не надо! — кричал Тони.— Не надо, Дэнни, не делай этого!

— Она не умрет! *Нет!*

— Тогда ты должен помочь ей, Дэнни... сейчас ты глубоко в собственном сознании. Там, где я. Я — часть тебя, Дэнни.

— Ты — *Тони.* Ты — не я. Хочу к мамочке... к мамочке...

— Я не приводил тебя сюда, Дэнни. Ты сам пришел. Потому, что знал.

— Нет...

— Ты всегда знал,— продолжил Тони, начиная подходить поближе. В первый раз Тони начал приближаться к нему.— Ты — глубоко внутри себя, там, куда не проникает ничто. Мы здесь одни, Дэнни, ненадолго. Это — «Оверлук», куда никому нет ходу, никогда. Здесь не идут ни одни часы. К ним не подходит ни один ключ, и их никогда не завести. Двери никогда не открывались, а в комнатах никогда никто не жил. Но долго оставаться тут ты не можешь. Потому что оно идет.

— Оно... — испуганно прошептал Дэнни. Стоило ему выговорить это, как неравномерный глухой стук сделался словно бы громче, приблизился. Ужас мальчика, всего минуту назад холодный и сдержанный, стал более насущной вещью. Теперь можно было разобрать слова. Хриплое настырное бормотание было только грубой подделкой под папин голос, это шел не папа. Теперь Дэнни понял это. Он знал.

(Ты сам пришел. Потому что знал.)

— *Ой, Тони, неужели это папа?* — закричал Дэнни.— *Папа идет за мной?*

Тони не ответил. Но ответ и не требовался. Дэнни знал. Здесь годами тянулся бесконечный, похожий на кошмар, бал-маскарад. Мало-помалу нарастала сила — тайная и негласная, как интерес к банковскому счету. Сила, присутствие, форма — все это были лишь слова, ни одно из них не имело значения. Под множеством масок скрывалось одно существо. Теперь же оно где-то искало

Дэнни. Оно пряталось за папиным лицом, оно подражало папиному голосу, оно оделось в папину одежду.

Но это был не папа.

Это был не папа.

— Я должен им помочь! — выкрикнул мальчик.

И тут Тони оказался прямо перед ним, глядеть на него было все равно, что глядеть на самого себя, десятилетнего, отраженного в волшебном зеркале: широко расставленные, очень темные глаза, твердый подбородок, красиво вылепленный рот. Светлые, как у матери, волосы, однако черты лица повторяли отцовские, словно Тони — словно Дэниел Энтони Торранс, которым он станет в один прекрасный день,— был остановкой на полпути от отца к сыну, призраком обоих сразу, их сплавом.

— Ты должен постараться помочь,— сказал Тони.— Но твой отец... теперь он на стороне отеля, Дэнни. Его тянет туда. Ты тоже нужен отелю, потому что он очень жадный.

Тони прошел мимо него в тень.

— Погоди! — крикнул Дэнни.— Я... что я могу...

— Теперь он уже близко,— сказал Тони, не останавливаясь.— Тебе нужно бежать... прятаться... держаться от него подальше. Держись подальше.

— Тони, я не могу!

— Но ты уже начал,— сказал Тони.— Ты вспомнишь, о чем забыл твой отец.

И исчез.

Где-то совсем близко раздался холодно увещевающий голос отца:

— Дэнни? Можешь выходить, док. Чуток нашлепаю, вот и все. Ну же, будь мужчиной, и дело с концом. Она не нужна нам, док. Только ты да я, идет? Когда с этой небольшой... трепкой будет покончено, останемся только мы — ты да я.

Дэнни побежал.

У него за спиной норов этого существа взломал притворную нормальность:

— *Иди сюда, говнюк маленький! Сейчас же!*

Прочь по длинному коридору, тяжело дыша, хватая ртом воздух. За угол. Вверх по пролету лестницы. Мальчик бежал, а стены, которые простирались так высоко вверх, были такими далекими, поехали вниз; на неясном пятне ковра под ногами проступило знакомое извилистое сплетение вытканных синих и черных линий; двери опять оказались пронумерованными, за ними шли нескончаемые вечеринки, где толпились целые поколения гостей. Воздух вокруг как будто мерцал, эхо вновь и вновь подхватывало удары молотка по стенам. Дэнни словно бы прорывался сквозь тонкую оболочку из утробы сна на ковер, застилающий пол четвертого этажа у дверей президентского люкса; рядом окровавленной грудой лежали тела двух мужчин, одетых в костюмы и узкие галсту-

ки. Пистолетные выстрелы давным-давно лишили их жизни, а теперь они зашевелились перед Дэнни и поднялись на ноги.

Мальчик набрал воздуху, чтобы закричать, но промолчал.

(!!!не настоящие лица! не настоящие!!!)

Под его взглядом мужчины выцвели, как старые фотографии, и исчезли.

Однако внизу молоток безостановочно лупил по стенам; слабые звуки ударов плыли вверх по шахте лифта и лестничной клетке. Управляющая всем сила «Оверлука» в лице отца Дэнни бродила по второму этажу.

За спиной мальчика с тоненьким скрипом раскрылась дверь.

В коридор высунулся разложившийся труп женщины в сгнившем шелковом платье, пожелтевшие, теряющие плоть пальцы украшали серо-зеленые кольца. По лицу медленно ползали жирные осы.

— Заходи,— прошептала она Дэнни, усмехаясь почерневшими губами.— Заходи, станцуем таааанго...

— Не настоящее лицо!— прошипел он.— Не настоящее!

Она встревоженно попятилась от него и, пока отступала, растаяла и исчезла.

— Где ты?— пронзительно кричало существо, но голос по-прежнему раздавался только в голове у мальчика. Он продолжал слышать, как существо, нацепившее личину Джека, бродит по второму этажу... и еще что-то.

Высокий воющий звук приближающегося мотора.

Тихонько ахнув, Дэнни затаил дыхание. Что это, очередная маска отеля, новая иллюзия? Или это Дик? Ему хотелось— отчаянно хотелось— верить, что это *по-настоящему. Что это в самом деле* Дик, но мальчик не смел так рисковать.

Он отступил по главному коридору и свернул в боковой проход, шаги шелестели по ворсу ковра. Как и во сне, на Дэнни хмуро смотрели запертые двери, только сейчас он был в реальном мире, где игры доигрывались до конца.

Он свернул направо и попал в тупик, сердце сильно колотилось в груди. По ногам тянуло жаром. Конечно, из печных заслонок. Должно быть, сегодня— день, когда папа прогревает западное крыло и

(ты вспомнишь, что забыл твой отец)

Что же? Еще чуть-чуть, и он сообразит. Что-нибудь, что может спасти их с мамой? Но Тони сказал, что спасать придется ему самому. Так что же это?

Он опустился на пол под стену, отчаянно пытаясь думать. Думать было трудно... отель все время пробовал пролезть к нему в голову... Дэнни виделась темная бесформенная фигура, размахивающая из стороны в сторону молотком, обдирающая обои... выбивающая облачка известковой пыли...

— Помоги,— пробормотал он.— Тони, помоги.

И вдруг осознал, что в отеле воцарилась мертвая тишина. Вой мотора прекратился.

(наверное, он был невсамделишный)

прекратилось шумное веселье, и только ветер безостановочно выл и свистел.

Внезапно ожив, загудел лифт.

Он поднимался. И Дэнни знал, кто — *что* — в нем ехало.

Он мигом вскочил на ноги, уставясь перед собой невидящими глазами. Сердце сжала паника. Почему Тони послал его на четвертый этаж? Здесь он в ловушке. Все двери заперты.

Чердак!

Дэнни знал, что в отеле есть чердак. Он приходил туда с папой в тот день, когда папа расставлял крысоловки. Но из-за крыс папа не позволил Дэнни подняться наверх вместе с ним — боялся, как бы Дэнни не покусали. И люк на чердак открывался в потолке короткого коридорчика — последнего в этом крыле. К стене была прислонена длинная палка. Этим шестом папа толкнул крышку люка, и та открылась. Когда она пошла вверх, заскрежетали противовесы, и спустилась лесенка. Если б можно было забраться туда и втянуть лестницу за собой...

Где-то в лабиринте коридоров за спиной мальчика остановился лифт. С металлическим дребезжанием стукнула раскрытая дверь. И голос — уже не в сознании малыша, а наяву, ужасающе реальный,— позвал:

— Дэнни? Дэнни, поди сюда на минуточку, а? Ты тут кой-что натворил, и я хочу, чтобы ты пришел и получил по заслугам. Будь мужчиной, Дэнни! Дэнни?

Послушание настолько крепко въелось в Дэнни, что он, как робот, действительно сделал два шага на голос, и только потом остановился. Пальчики сжались в кулаки.

(Не настоящий! Фальшивое лицо, я знаю, кто ты! Снимай маску!)

— *Дэнни!* — взревело существо.— *Иди сюда, щенок! Поди сюда, получи свое, будь мужчиной!*

Громкое гулкое «бум!» — это молоток ударил в стену. Когда голос вновь проревел его имя, то звучал уже в другом месте. Ближе.

Охота начиналась в реальном мире.

Дэнни побежал. Бесшумно касаясь ногами толстого ковра, он бежал мимо закрытых дверей, мимо шелковистых узорчатых обоев, мимо привинченного к стене у поворота огнетушителя. Мальчик помедлил, потом нырнул в последний коридорчик. В конце коридорчика оказалась только дверь, закрытая на засов. Бежать было некуда.

Но шест оказался на месте — он стоял там, где папа оставил его, прислонив к стене.

Дэнни схватил шест. Он вытянул шею и пристально взглянул

на люк. Шест заканчивался крючком, которым надо было подцеплять кольцо, ввинченное в крышку люка. Надо было...

С крышки люка свисал новехонький йельский амбарный замок. Замок, который Джек Торранс повесил после того, как расставил ловушки — просто на случай, если сыну в один прекрасный день взбредет в голову залезть туда на разведку.

Заперто. Дэнни обуял ужас.

Существо за его спиной приближалось. Пошатываясь, спотыкаясь, оно миновало президентский люкс. Молоток, злобно свистя, рассекал воздух.

Дэнни привалился спиной к последней запертой двери и стал ждать.

55. ТО, О ЧЕМ ЗАБЫЛИ

Венди понемножку приходила в себя, серая пелена утекала прочь, сменяясь болью: спина, нога, бок... она подумала, что не в силах двинуться с места. Болели даже пальцы, сперва Венди не понимала почему.

(бритва, вот почему)

Светлые волосы Венди, теперь спутанные и влажные, свисали на глаза. Она откинула их прочь, и изнутри в тело воткнулись ребра, заставив ее застонать. Она разглядела сине-белое пространство матраса, запятнанное кровью. Ее кровью, а может, кровью Джека. Неважно — все равно кровь еще не засохла, значит отключилась Венди ненадолго. Это имело значение, потому что...

(??почему??)

Потому что...

Сперва Венди вспомнила жужжание мотора. На секунду она тупо сосредотачивалась на нем, а потом головокружительной, тошнотворной волной вернулась память, показав все сразу.

Холлоранн. Это должен быть Холлоранн. А то с чего бы Джек ушел так внезапно, не закончив... не прикончив ее!

Потому что время лениться для него прошло. Джеку надо было быстро разыскать Дэнни и... и сделать свое дело. Прежде, чем Холлоранн сумеет положить этому конец.

А может, все уже кончено?

Венди слышала вой поднимающегося лифта.

(О Господи, пожалуйста, нет, кровь, кровь еще свежая, не попусти уже все)

Каким-то образом она нашла силы встать и, шатаясь, пройти через спальню и развалины гостиной к закрытой двери. Толкнув ее, Венди вышла в коридор.

— Дэнни! — закричала она, морщась от боли в груди.— Мистер Холлоранн! Есть тут кто-нибудь? *Кто-нибудь?*

Остановился в очередной раз поехавший лифт. Она услышала металлический лязг распахнутой рывком дверцы, а потом подумала, что слышит какие-то слова. Может быть, она придумала

это. Из-за слишком громкого ветра трудно было сказать наверняка.

Опираясь о стену, она добралась до конца короткого коридорчика. Венди совсем уже собралась свернуть за угол, когда вниз по лестничной клетке и шахте лифта поплыл крик, заставивший ее остолбенеть:

— *Дэнни! Выходи, щенок! Выходи и получи свое! Будь мужчиной!*

Джек. На третьем или четвертом этаже. Ищет Дэнни.

Она свернула за угол, споткнулась, чуть не упала. У нее перехватило дыхание. Примерно в четверти пути от лестницы что-то (кто-то?)

лежало под стеной бесформенной грудой. Венди пошла быстрее, морщась каждый раз, как вес ее тела приходился на поврежденную ногу. Она разглядела, что это мужчина, а, подтащившись поближе, поняла, что означало жужжание мотора.

Мистер Холлоранн. Все-таки он приехал.

Венди осторожно опустилась рядом с ним на колени, вознеся бессвязную молитву — окажись живым, окажись! У Холлоранна из носа текла кровь, а изо рта выплеснулся страшный кровавый сгусток. Половина лица превратилась во вспухший лиловый синяк. Но, слава Богу, Дик дышал. Хрипло, глубоко, отчего вся грудная клетка сотрясалась.

Венди повнимательнее присмотрелась к нему и широко раскрыла глаза. Рукав парки, надетой на Холлоранна, почернел и обуглился. Половина куртки продрана насквозь. В волосах запеклась кровь, а по шее вниз шла скверного вида, хоть и не глубокая, царапина.

(Господи, что с ним случилось?)

— *Дэнни!* — рычал наверху хриплый раздраженный голос.— *Выходи, чтоб тебя!*

Сейчас времени раздумывать не было. Венди затрясла Холлоранна, кривя лицо от мучительных вспышек боли в ребрах. Бок ощущался горячей размозженной массой.

(А что, если ребра протыкают мне легкое, когда я шевелюсь?)

Но и тут помочь было нечем. Если Джек разыщет Дэнни, он убьет его, забьет до смерти молотком, как пытался забить Венди.

Поэтому она трясла Холлоранна, а потом принялась легонько похлопывать по той щеке, на которой не было синяка.

— Очнитесь,— говорила она.— Мистер Холлоранн, вы должны очнуться. Пожалуйста.. прошу вас...

Наверху без устали стучал молоток — это Джек Торранс разыскивал своего сына.

Дэнни стоял, прижавшись к двери, глядя туда, где соединялись коридоры. Молоток не переставая бил по стенам в рваном ритме, и удары звучали все громче. Гнавшееся за Дэнни существо

пронзительно кричало, выло и ругалось. Сон и явь соединились без единого шва.

Существо свернуло за угол.

То, что ощутил Дэнни, в определенном смысле было облегчением. Это не был его отец. Маска лица и тела разодралась, разлезлась и сделалась атрибутом скверной шутки. Разве это папа — это чудище из субботней передачи «Вечернее шок-шоу», ужасное существо, которое вращает глазами, горбится и втягивает голову в плечи, а рубашка на нем пропитана кровью? Нет, какой же это папа!

— Сейчас, клянусь Богом,— выдохнуло оно. Обтерло губы трясущейся рукой.— Сейчас ты узнаешь, кто тут хозяин. Увидишь. Им не ты нужен, а я. Я! Я!

И махнуло сплеча исцарапанным молотком, двусторонняя головка которого уже потеряла форму и оббилась от бесчисленных ударов. Тот врезался в стену, проделав в шелковистых обоях круглую дырку. Вылетело облачко известковой пыли. Существо ухмыльнулось.

— Поглядим, как ты теперь будешь свои фокусы показывать,— пробормотало оно.— Я не вчера родился, ясно? И с лавки меня нянька не роняла, Господь свидетель. Мальчик, я намерен выполнить по отношению к тебе свой отцовский долг.

Дэнни сказал:

— Ты не мой папа.

Существо остановилось. На миг показалось просто растерянным — как будто точно не знало, кто или что оно такое. Потом двинулось дальше. Молоток со свистом ударил по двери, и та глухо откликнулась: «бум!»

— Врешь,— сказало оно.— Иначе кто же я такой? У меня две родинки, у меня пупок чашечкой, у меня даже *инструмент* имеется, малыш. Спроси мамочку.

— Ты — маска,— сказал Дэнни.— Просто не настоящее лицо. Просто ты не такой мертвый, как остальные, вот и понадобился отелю. Но когда он с тобой закончит, ты превратишься в пустое место. В ничто. Я не боюсь тебя.

— Будешь бояться!— взвыло существо. Неумолимый молоток опустился, со свистом врезавшись в ковер между ступнями Дэнни. Мальчик не дрогнул.

— Ты оклеветал меня! Ты объединился с ней! Ты что-то замышлял против меня! *И жульничал! Списал на последнем экзамене!* — Из-под мохнатых бровей на Дэнни сверкнули глаза. В них светилась хитрость сумасшедшего.— Ничего, я и это найду. Сочинение где-то в подвале. Я найду его. Мне пообещали, что я смогу смотреть все, что захочу.

Существо снова замахнулось.

— Да, пообещали,— согласился Дэнни.— Но они врут.

Молоток замер в высшей точке размаха.

Холлоранн начал приходить в себя, но Венди перестала хлопать его по щекам. Минуту назад вниз по шахте лифта приплыли неясные, еле слышные сквозь ветер слова: «*Ты жульничал! Списывал на экзамене!*». Кричали где-то в глубине западного крыла. Венди была почти уверена, что Дэнни с Джеком — на четвертом этаже и Джек — то, что вселилось в него, — нашел сына. Теперь они с Холлоранном ничего не могли сделать.

— Ох, док, — пробормотала она. Глаза застлали слезы.

— Сукин сын сломал мне челюсть, — хрипло проворчал Холлоранн. — *А голова...*

Он пытался сесть. Правый глаз стремительно превращался в щелку от вспухающего под ним лилового синяка. Тем не менее Венди он заметил.

— Миссус Торранс...

— Шшшшшш, — сказала она.

— Где мальчуган, миссус Торранс?

— На четвертом этаже, — ответила она. — С отцом.

— Они врут, — снова повторил Дэнни. В голове мальчика что-то промелькнуло, вспыхнув, как сгорающий метеор — слишком коротко, слишком ярко, чтоб поймать и удержать эту мысль. От нее остался только хвостик.

(это где-то в подвале)

(ты вспомнишь, о чем забыл отец)

— Ты... — нельзя так говорить с отцом, — хрипло сказало существо. Молоток задрожал и опустился. — Сам себе делаешь хуже, вот и все. На... наказание. Суровее.

Существо пьяно покачнулось и воззрилось на Дэнни, жалея себя до слез. Жалость стала перерастать в ненависть.

— Ты не мой папа, — снова заявил Дэнни. — А если в тебе осталась хоть капелька моего папы, она знает, что они врут. Тут все — вранье и надувательство. Как игральные кости, которые папа положил в мой чулок на Рождество, как те подарки, что кладут на витрину — папа сказал, там внутри ничего нет, никаких подарков, одни пустые коробки. Просто показуха, сказал папа. Ты — *оно*, а не папа. Ты — отель. И, когда ты добьешься своего, то ничего не дашь моему папе, потому что слишком любишь себя. И папа это знает. Тебе пришлось заставить папу напиться Всякой Дряни, потому что только так можно было его заполучить. Ты — врун, фальшивая морда.

— Врешь! Врешь! — крик вышел тонким, пронзительным. Молоток бешено заходил в воздухе.

— Ну, давай, ударь. Только ты никогда не получишь от меня того, что тебе нужно.

Лицо, в которое смотрел Дэнни, изменилось. Трудно сказать, как — оно не оплавилось, не облезло. Тело слегка содрогнулось, а потом окровавленные пальцы разжались, как сломанные клешни. Выпавший молоток глухо стукнулся о ковер. Вот и все. Но

вдруг перед Дэнни оказался *папа*, он смотрел на мальчика в смертельной муке и так печально, что сердце малыша запылало в груди. Уголки рта опустились, выгнулись дрожащим луком.

— Док,— сказал Джек Торранс.— Убегай. Быстро. И помни, как сильно я тебя люблю.

— Нет,— сказал Дэнни.

— Дэнни, ради Бога...

— Нет,— сказал Дэнни. Он взял окровавленную руку отца и поцеловал.— Уже почти все.

Холлоранн, опираясь спиной о стену, рывками поднялся на ноги. Они с Венди уставились друг на друга, как жуткая парочка уцелевших после бомбежки госпиталя.

— Надо туда, наверх,— сказал он.— Надо ему помочь.

Белая, как мел, Венди загнанно взглянула ему в глаза.

— Слишком поздно,— ответила она.— Теперь помочь Дэнни может только он сам.

Прошла минута, две. Три. И они услышали, как существо над их головами пронзительно закричало — но на этот раз не гневно, а в смертельном ужасе.

— Боже милостивый,— прошептал Холлоранн,— что происходит?

— Не знаю,— сказала она.

— Оно убило его?

— Не знаю.

Оживая, лязгнул лифт. Он поехал вниз, заключив в себя пронзительно кричащее, неистовствующее существо.

Дэнни стоял, не шевелясь. Ему некуда было бежать — «Оверлук» был повсюду. Мальчик понял это внезапно, полностью, безболезненно. Впервые в жизни его посетила взрослая мысль, взрослое чувство, квинтэссенция опыта, приобретенного им в этом скверном месте — полное горечи извлечение:

(мама с папой не могут мне помочь, и я остался один)

— Уходи,— сказал он стоящему перед ним окровавленному незнакомцу.— Уходи. Убирайся отсюда.

Существо нагнулось. Стала видна торчащая из спины рукоятка ножа. Пальцы опять сжали молоток, однако, вместо того, чтоб направить удар в Дэнни, существо перевернуло свое орудие, целясь твердой стороной себе в лицо.

Дэнни внезапно понял.

А молоток начал подниматься и опускаться, разрушая остатки образа Джека Торранса. Существо в коридоре отплясывало зловещую странную польку; контрапунктом к шарканью ног звучали отвратительные удары молотка, который опускался вновь и вновь. На обои выплескивалась кровь. В воздух, как клавиши разбитого пианино, летели обломки кости. Сколько это продолжалось, сказать было невозможно, но когда существо вновь обра-

тило внимание на Дэнни, отец мальчика исчез навсегда. То, что осталось от его лица, превратилось в странную подвижную композицию, где небрежно смешались в одно множество лиц. Дэнни разглядел женщину из 217-го номера, человека-собаку, голодное, похожее на мальчика существо из цементного кольца...

— Тогда маски долой,— прошептало существо.— Больше никаких препятствий...

Молоток был занесен в последний раз. Уши Дэнни заполнило тиканье.

— Скажешь еще что-нибудь?— спросило существо.— Ты уверен, что не хочешь убежать? А может, сыграем в салочки? Все, что у нас осталось, это время, ты же знаешь. Целая *вечность*. А может, кончим все это? Тоже можно. В конце концов, там празднуют без нас.

Оно жадно ухмыльнулось, показав выбитые зубы.

И тут Дэнни осенило. Вот о чем забыл отец.

Лицо мальчика неожиданно исполнилось торжества, существо заметило это и озадаченно замялось.

— *Котел!*— пронзительно закричал Дэнни.— *Давление не сбрасывали с самого утра! Оно растет! Котел взорвется!*

По разбитому лицу стоявшего перед Дэнни существа разлились нелепый ужас и понимание. Его тоже осенило. Молоток выпал из сжатых в кулак пальцев и безобидно стукнул о сине-черный ковер.

— Котел!— закричало существо.— О нет! Этого нельзя допустить! Конечно же, нет! Нет! Ах, ты, щенок проклятый! Конечно же, нет! О, о, о...

— *Да!*— яростно крикнул Дэнни в ответ. Он заерзал и затряс кулачками перед этой развалиной.— Теперь в любую минуту! Я знаю! Котел, папа забыл про котел! *И ты тоже забыл!*

— Нет, о, нет, нельзя, не может быть, ты, грязный мальчишка, я тебе задам, ты у меня получишь все до капельки, о, нет, нет...

Оно вдруг повернулось к нему спиной и неуклюже двинулось прочь, волоча ноги. На стене запрыгала, то увеличиваясь, то уменьшаясь, тень — но тут же исчезла. Крик, как старый серпантин, шлейфом тянулся за этим существом.

Через минуту лязгнула дверца лифта.

Вдруг на мальчика снизошло сияние,

(мамочка мистер Холлоранн Дик для друзей вместе живы они живы надо выбираться сейчас взорвется сейчас жахнет прямо в небо)

подобное жаркому, сверкающему солнечному свету, и Дэнни побежал. Нога отшвырнула с дороги окровавленный, потерявший форму молоток для роке. Дэнни этого не заметил.

Заливаясь слезами, он бежал к лестнице.

Надо было выбираться отсюда.

56. ВЗРЫВ

Как развивались события после этого, Холлоранн не мог сказать до конца жизни. Он помнил, что мимо них вниз, не останавливаясь, проехал лифт, внутри него что-то находилось. Но Дик не сделал попытки разглядеть в ромбик окошка, что это такое — судя по звукам, человеком оно не было. Минутой позже на лестнице послышался топот бегущих ног. Сперва Венди Торранс отпрянула к Холлоранну, а потом заковыляла по главному коридору к лестнице так быстро, как только могла.

— Дэнни! Дэнни! Слава Богу! Слава Богу!

Она схватила мальчика и прижала к себе, застонав от радости и боли одновременно.

(Дэнни.)

Дэнни поглядел на него из объятий матери, и Холлоранн увидел, как изменился мальчик. Бледное личико съежилось, глаза потемнели, стали бездонными. Он как будто бы похудел. Увидев их рядом, Холлоранн подумал, что мать выглядит моложе, несмотря на то, как страшно избита.

(Дик... нам надо уходить... бежать... отель... вот-вот...)

Образ: «Оверлук», через крышу которого выбивается пламя. На снег дождем летят кирпичи. Звон пожарных колоколов... не то, чтоб какая-нибудь пожарная команда сумела добраться сюда раньше конца марта. Главное, что проникло в его сознание — то, что это может произойти *в любой момент.*

— Ладно,— сказал Холлоранн. Он двинулся к ним, поначалу ощутив себя так, будто плыл по глубокой воде. Его чувство равновесия пострадало, правый глаз не желал четко видеть. От челюсти к виску и вниз по шее расходились чудовищные вспышки боли, а щека казалась большой, как кочан капусты. Но настойчивость мальчика заставила его двинуться с места, и от этого стало немного легче.

— Ладно? — переспросила Венди. Она смотрела то на сына, то на Холлоранна.— Что значит «ладно»?

— Нам надо уходить,— сказал Холлоранн.

— Я не одета... вещи...

Дэнни стрелой вылетел из ее объятий и помчался по коридору. Она проводила сына глазами — он как раз исчез за углом,— и опять посмотрела на Холлоранна.— Что, если он вернется?

— Ваш муж?

— Это не Джек,— пробормотала Венди.— Джек мертв. Его убил этот отель. *Этот проклятый отель.*

Она ударила кулаком в стену и расплакалась от боли в порезанных пальцах.

— Дело в котле, верно?

— Да, мэм. Дэнни говорит, он вот-вот взорвется.

— Хорошо.— В слове прозвучала полная завершенность, как

будто все уже было решено.— Не знаю, смогу ли еще раз спуститься по лестнице. Ребра... он сломал мне ребра. И что-то в спине. Больно.

— Сможете,— сказал Холлоранн.— Мы успеем.

Но вдруг он вспомнил про зверей живой изгороди и задумался, что им делать, если те охраняют выход. Потом вернулся Дэнни. Он принес сапоги, куртку и перчатки Венди и свою курточку с перчатками.

— Дэнни,— сказала мать.— Твои сапожки.

— Слишком поздно,— ответил он, не сводя со взрослых глаз в каком-то отчаянном безумии. Мальчик поглядел на Дика, и вдруг в голове у Холлоранна возник образ часов под стеклянным колпаком, часов из бального зала, которые в 1949 году подарил отелю шведский дипломат. Стрелки показывали без одной минуты полночь.

— О Господи,— сказал Холлоранн.— Боже милостивый.

Обхватив Венди одной рукой, Дик поднял ее, а другой рукой прижал к себе Дэнни. И побежал к лестнице.

Когда Холлоранн сдавил сломанные ребра, а в спине что-то зашло одно за другое, Венди пронзительно вскрикнула от боли, однако Дик не сбавил ходу. Не отпуская их, он нырнул вниз по лестнице. Один глаз был широко раскрыт в отчаянии, другой заплыл, превратившись в крохотную щелку. Дик напоминал одноглазого пирата, похищающего заложников, чтоб потом получить за них выкуп.

Во внезапном озарении он понял, почему Дэнни сказал, что слишком поздно. Он ощутил, как в подвале назревает взрыв, назревает, чтобы грохнуть, раздирая нутро этого проклятого дома.

И поднажал, стрелой пролетев по вестибюлю прямо к двустворчатым дверям.

Оно торопилось по подвалу на слабый желтый свет единственной лампочки, туда, где находилась топка. Оно всхлипывало от страха. Еще немного — совсем немного — и оно заполучило бы мальчишку вместе с его замечательной, ни с чем не сравнимой силой! Теперь проиграть нельзя было. Этого нельзя было допустить. Оно скинет давление в котле, а потом сурово накажет мальчишку.

— Нельзя! — кричало существо.— О нет, нельзя!

Спотыкаясь, оно поспешило через комнату к котлу. Половина длинного цилиндрического корпуса раскалилась докрасна, излучая ровный жар. Котел пыхтел, скрежетал и, как чудовищная каллиопа *, с шипением выпускал по всем направлениям облачка пара. Стрелка манометра убежала на дальний конец шкалы.

— *Нет, этого нельзя допустить!* — закричал смотритель-управляющий.

Существо положило руки — руки Джека Торранса — на вен-

* «Каллиопа» — клавишный музыкальный инструмент, состоящий из нескольких рядов паровых свистков. (прим. перев.)

тиль, не обращая внимания на запах горелого, который поднялся от обуглившейся плоти, когда раскаленное докрасна колесо утонуло в ней, будто это была мягкая дорожная грязь. Вентиль поддался. Существо с торжествующим воплем отвернуло его до упора. Из котла с громовым ревом вырвался пар — словно дружно зашипела дюжина драконов. Но прежде, чем пар полностью скрыл из вида стрелку манометра, она явственно начала отклоняться обратно.

— *Победа!* — завопило существо. В поднимающемся горячем тумане оно выделывало непристойные па, размахивая над головой охваченными пламенем руками.— *Успел! Победа! Успел! Успел вовремя!*

Слившиеся в пронзительный вопль торжества слова поглотил разрушительный рев — это взорвался котел «Оверлука».

Вывалившись из двустворчатой двери, Холлоранн пронес обоих по канаве, прорытой в большом сугробе на крыльце. Он отчетливо видел зверей — кусты живой изгороди,— четче, чем раньше, и в тот миг, когда он понял, что сбылись его худшие опасения, и звери перекрыли дорогу от крыльца к снегоходу — отель взорвался. Дику почудилось, что все произошло сразу, хотя позже, вспоминая ход событий, он понял — такого быть не могло.

Раздался несильный взрыв, звучащий словно бы на одной всепроникающей ноте

(ВУУУУММММММММММММ...)

после чего в спину ударил теплый воздух, который как бы осторожно подтолкнул их. Дыхание взрыва сбросило всех троих с крыльца, и, пока они летели по воздуху, в голове у Холлоранна мелькнула спутанная мысль:

(вот так должен чувствовать себя супермен)

Упустив Дэнни и Венди, он врезался в сугроб. Снег набился под рубашку и в нос, и Холлоранн смутно осознал, что пострадавшей щеке от этого приятно.

Потом он с трудом вскарабкался на верхушку сугроба, не думая в этот момент ни про зверей живой изгороди, ни про Венди Торранс, ни даже про мальчика. Он перекатился на спину, чтобы видеть, как умирает отель.

Окна «Оверлука» разлетелись. В бальном зале колпак, прикрывающий часы на каминной полке, треснул, развалился надвое и слетел на пол. Часы перестали тикать; зубчики, стерженьки, балансир замерли. Раздался то ли вздох, то ли шепот, вылетела большая туча пыли. В двести семнадцатом ванна вдруг раскололась пополам, выпустив немного зеленоватой, едко пахнущей воды. В президентском люксе вдруг вспыхнули обои. Двери бара «Колорадо» неожиданно сорвались с петель и свалились на пол столовой. Огонь попал под арку подвала на большие груды и стопки старых бумаг, и те вспыхнули, фыркая, как бенгальские огни. Кипящая вода извергалась на языки пламени, но не гасила их. Бума-

ги скручивались и чернели, как осенние листья, горящие под осиным гнездом. Топка взорвалась и разнесла потолочные балки подвала: ломаясь, они осыпались, как кости динозавра. Ничем не сдерживаемая газовая горелка, питавшая топку, взметнулась ревущим огненным столбом сквозь треснувший пол вестибюля. Ковровые дорожки на ступеньках лестницы загорелись и наперегонки погнали пламя к площадке второго этажа, как будто жаждали сообщить чрезвычайно приятное известие. Отель сотрясала канонада взрывов. В столовой с треском и звоном, сбивая столы, рухнула люстра — двухсотфунтовая хрустальная бомба. Пять труб «Оверлука» изрыгнули пламя к промоинам в тучах.

(Нет! Нельзя! Нельзя! НЕЛЬЗЯ!)

Существо визжало; визжало, но голоса уже не было — осталась лишь воющая паника, смерть и проклятия, слышные только ему одному; оно растворялось, лишаясь рассудка и воли; оно рвало паутину и искало, искало и не находило, выбираясь, выбираясь, удирая, уходя в пустоту, в ничто, оно осыпалось...

57. ИСХОД

Рев сотрясал весь фасад отеля. Стекла вылетели на снег и поблескивали там алмазной крошкой. Изображавшая собаку фигура живой изгороди, которая направлялась к Дэнни с матерью, попятилась, расписанные тенью под мрамор зеленые глаза стали равнодушными, хвост поджался под брюхо, ляжки опали от малодушного страха. В голове Холлоранна зазвучал ее полный ужаса вой, к которому примешивалось испуганное, недоуменное мяуканье больших кошек. С трудом поднявшись на ноги, чтобы подойти к Венди и Дэнни и помочь им, он увидел нечто более кошмарное, чем все прочее: все еще укутанный снегом кролик бешено колотился в стальную сетку ограды на дальнем конце детской площадки, и та, как цитра из плохого сна, вызванивала некое подобие музыки. Треск и хруст тесно сросшихся веток и прутиков, составлявших тело кролика и ломавшихся, как кости, долетал даже сюда.

— Дик! Дик! — закричал Дэнни. Он пытался поддержать мать, помочь ей дойти до снегохода. Вещи, которые он прихватил для нее и для себя, оказались раскиданы между тем местом, где они упали и тем, где стояли теперь. Холлоранн вдруг сообразил, что молодая женщина одета в ночную рубашку и халат, Дэнни — без курточки, а на улице мороз.

(Господи, да она босиком)

Барахтаясь в снегу, он двинулся обратно, подбирая их с Дэнни куртки, сапоги Венди, перчатки. Потом побежал назад, к ним, время от времени проваливаясь выше колен и неуклюже выбираясь из снега. Венди была страшно бледна, шея с одной стороны — в крови, и эта кровь застывала на морозе.

— Не могу,— пробормотала она, едва ли сознавая, что творится вокруг.— Нет, я... не могу. Извините.

Дэнни поднял на Холлоранна умоляющие глаза.

— Все будет тип-топ,— сказал тот и снова подхватил Венди.— Пошли.

Все трое направились туда, где снегоход застрял в снегу после разворота. Холлоранн усадил женщину на пассажирское сиденье и накинул на нее куртку. Приподняв ноги Венди, которые еще не были отморожены, но холодны, как лед, он как следует растер их курточкой Дэнни, а потом обул в сапоги. Лицо Венди было белым, как алебастр, затуманенные глаза полуприкрыты, но ее начинала бить дрожь. Холлоранн подумал, что это хороший признак.

Отель за их спинами сотрясли три взрыва подряд. Оранжевое пламя осветило снег.

Дэнни приблизил губы к уху Холлоранна и что-то прокричал.

— Что?

— Я говорю, вам это нужно?

Мальчик показывал на красную канистру с бензином, косо торчащую из снега.

— Кажись, нужно.

Дик поднял ее и встряхнул. Бензин еще был, сколько — он не мог сказать. Он привязал канистру к заднему сиденью снегохода. Ему пришлось несколько раз ощупать работу, прежде, чем убедиться, что все верно, потому что пальцы уже закоченели. Он в первый раз сообразил, что потерял перчатки Говарда Коттрелла.

(*эти я посеял но сеструха тебе свяжет дюжину таких гови*)

— Залезай! — крикнул Холлоранн мальчику.

Дэнни отпрянул.

— Мы замерзнем!

— Надо съездить к сараю! Там всякая всячина... одеяла... и все такое прочее. Давай, лезь к мамке за спину!

Дэнни забрался в снегоход, а Холлоранн повернул голову так, чтоб можно было прокричать в лицо Венди:

— Миссус Торранс! Держитесь за меня! Поняли? *Держитесь!*

Она обхватила его и прижалась щекой к спине. Холлоранн завел снегоход и осторожно повернул рукоятку, так, чтобы плавно тронуться с места. Женщина еле держалась и, если бы она съехала назад, то выпала бы сама и своей тяжестью сбросила мальчика.

Они поехали. Дик сделал круг, и они взяли курс на запад, параллельно отелю. Холлоранн прибавил ходу, чтобы попасть к сараю, обогнув отель с тыла.

На мгновение им открылась четкая панорама вестибюля «Оверлука». Из разлетевшегося пола била струя горящего газа, похожая на гигантскую свечку с именинного пирога —

ярко-желтая середка, окаймленная мерцающим голубым. В тот момент казалось, что пламя лишь освещает отель, а не разрушает его. Видна была стойка администратора с серебряным колокольчиком, переводные картинки, изображающие кредитные карточки, старомодный кассовый аппарат, украшенный завитушками, небольшие узорчатые ковровые покрывала, стулья с высокими спинками, набитые конским волосом маленькие подушечки... Дэнни разглядел диванчик у камина, там в день их приезда — день закрытия — сидели три монахини. Но подлинный день закрытия наступил сегодня.

Потом эту картину загородили сугробы на крыльце. Еще минута — и снегоход заскользил вдоль западного крыла отеля. Все еще было достаточно светло, чтобы видеть, не включая фару. Теперь пылали оба верхних этажа, из окон выстреливали огненные флажки. Блестящая белая краска почернела и сходила лохмотьями. Ставни, скрывавшие живописный вид за окном президентского люкса — те ставни, которые Джек, согласно полученным инструкциям старательно закрыл в середине октября — теперь повисли, подобно пылающим головешкам, а за ними открылся широкий выбитый темный провал, похожий на беззубую пасть, разинутую в последнем беззвучном предсмертном рычании.

Венди прижалась лицом к спине Холлоранна, прячась от ветра, а Дэнни точно так же прижимался лицом к спине матери, поэтому финал видел только Холлоранн — но он никогда не рассказывал об этом. Ему показалось, что через окно президентского люкса вылетел какой-то громадный темный силуэт, заслонивший собой снежную целину. Он на миг обрел форму гигантской грязной мантильи, и ветер подхватил ее, разодрал, разорвал в клочки, как старую темную бумагу. Она разлезлась, попала в маленький водоворот дыма и через секунду исчезла. Словно ее и не было. Но за те несколько мгновений, что клочья мрачно крутились и плясали, подобно световым пятнам на негативе, Холлоранн припомнил кое-что из своего детства... было это лет пятьдесят назад, а может, больше. Сразу к северу от своей фермы они с братом нашли здоровенное гнездо земляных ос, втиснувшееся в выбоину под разбитым молнией старым деревом. У брата за ленту на шляпе был воткнут бенгальский огонь, сбереженный аж с четвертого июля. Парень вытащил его и сунул в гнездо. Оно взорвалось с громким «бэнг!», и оттуда понеслось сердитое гудение, поднявшееся чуть ли не до тихого визга. Ребята помчались прочь, словно за ними черти гнались. Холлоранн придерживался мнения, что в известном смысле черти имелись. В тот день, оглядываясь через плечо — вот как сейчас — Дик увидел большое темное облако шершней, поднявшихся в разогретый воздух. Они то кружились в едином водовороте, то разделялись, выискивая, что за враг так обошелся с их домом, чтобы им — единому групповому интеллекту — закусать его до смерти.

Потом та штука в небе пропала — в конце концов, это мог

быть просто-напросто дым или огромный хлопающий обрывок обоев,— и остался лишь «Оверлук», который погребальным костром пылал в ревущей глотке ночи.

Ключ от висячего замка на двери сарая в связке Холлоранна имелся, но Дик увидел, что он не потребуется. Дверь была приоткрыта. Отпертый замок висел на одном ушке.

— Я туда не могу идти,— прошептал Дэнни.

— Ничего. Оставайся-ка ты с мамой. Туда всегда сваливали старые попоны. Теперь-то они, наверное, трачены молью, да все лучше, чем замерзнуть до смерти. Миссус Торранс, вы еще с нами?

— Не знаю,— ответил тусклый голос.— Наверное.

— Хорошо. Я мигом.

— Приходи побыстрей,— прошептал Дэнни.— Пожалуйста.

Холлоранн кивнул. Он направил фару на дверь и теперь неуклюже пробирался по снегу, отбрасывая перед собой длинную тень. Он толкнул дверь сарая и вошел. Попоны так и лежали в углу, возле набора для роке. Он взял четыре штуки — от них пахло затхлостью, старостью, и моль, само собой, всласть покормилась на дармовщинку,—а потом помедлил.

Одного молотка для роке не хватало.

(это им он меня треснул?)

Ну, чем его треснули, значения не имело, ведь так? Тем не менее пальцы Холлоранна поднялись к лицу и начали ощупывать большую опухоль на щеке. Один удар — и трудов дантиста, которые обошлись Дику в шесть сотен долларов, как не бывало. И потом,

(может быть, он треснул меня не этим, может, молоток потерялся, или его украли, или взяли на память, в конце концов)

по сути дела, какая разница? Летом здесь некому будет играть в роке. Не только летом, вообще никогда в обозримом будущем.

Действительно, разницы никакой. Вот только вид расставленных в стойке молотков, одного из которых недоставало, словно бы очаровывал, захватывал. Дик поймал себя на том, что думает, как твердая деревянная головка ударяет по круглому деревянному шару. Бух! Замечательный летний звук. Что представляет, как шар катится по

(костям, крови.)

гравию. Это по ассоциации вызвало воспоминание о

(костях, крови.)

чае со льдом, гамаках, дамах в белых соломенных шляпах, комарином звоне и

(скверных маленьких мальчиках, которые играют не по правилам)

тому подобном. Точно. Приятная игра. Сейчас не в моде, но... приятная.

— Дик?— тоненький, обезумевший и, подумал Холлоранн,

довольно-таки неприятный голосок.— Дик, с тобой все в порядке? Выходи. *Пожалуйста!*

(давай, ниггер, выходи, масса зовет всех вас)

Рука Дика крепко сжала ручку молотка. Ощущение оказалось приятным, понравилось.

(пожалеешь розог — испортишь ребенка)

В мерцающей, проколотой огнем темноте взгляд Холлоранна стал бессмысленным. Право, он сделает им обоим одолжение. Она вся переломана... ей больно... и почти во всем этом

(во всем)

виноват проклятый мальчишка. Точно. Он бросил в огне собственного папочку. Ежели поразмыслить, такое дело недалеко ушло от убийства, черт дери. Отцеубийство, вот как это называется. Экая мерзость.

— Мистер Холлоранн? — голос Венди был тихим, слабым, недовольным. И не слишком понравился Холлоранну.

— *Дик!* — теперь малыш всхлипывал от ужаса.

Холлоранн извлек молоток из стойки и повернулся на белый свет, потоком льющийся из фары снегохода. Он неровными шагами зашаркал по дощатому полу сарая, как пущенная заводная игрушка.

Вдруг он остановился, удивленно глядя на молоток в своей руке, и с нарастающим ужасом спросил себя — что ж это он задумал? Убийство? *Он что, обдумывал убийство?*

На миг сознание Дика как будто полностью затопил слабо подначивающий грубый голос:

(ну же! ну, ты, слабый в коленках! ниггер без яиц! убей их! УБЕЙ ОБОИХ!)

Тогда, с еле слышным, полным ужаса криком, Дик отшвырнул молоток за спину. Тот со стуком упал в угол, где лежали попоны, уставив на Холлоранна одну из двух головок, приглашая совершить нечто отвратительное...

Дик спасся бегством.

Дэнни сидел на сиденье снегохода, Венди слабо держалась за него. Мальчика трясло как в лихорадке, лицо блестело от слез. Стуча зубами, он выговорил:

— Где ты был? Мы *испугались!*

— Где ж еще пугаться, как не здесь,— медленно произнес Холлоранн.— Даже сгори это до основания, ближе, чем на сто миль меня к нему подойти не заставишь. Ну, миссус Торранс, завернитесь-ка вот в это. Я помогу. Ты тоже, Дэнни. Ну-ка, чтоб стал похож на араба!

Он завернул Венди в два одеяла, соорудив из одного капюшон, чтоб прикрыть ей голову, и помог Дэнни завязать свои, чтобы те не спадали.

— Ну, теперь держитесь, что есть силы,— сказал он.— Путь неблизкий, но худшее теперь уже позади.

Он объехал вокруг сарая, а потом направил снегоход обратно

по своему же следу. Теперь «Оверлук» превратился в пламенеющий под небом факел. Пламя проело в его боках огромные дыры, а внутри воцарился красный ад, который то разгорался, то притихал. По обугленным водостокам дымящимися водопадами стекал растаявший снег.

Они протарахтели по газону перед парадным крыльцом. Дорога была хорошо освещена. Сугробы светились ярко-алым.

— Глядите! — закричал Дэнни, когда перед воротами Холлоранн сбавил ход. Мальчик тыкал пальцем в сторону детской площадки.

Все фигуры живой изгороди вернулись на свои места, однако ветви обнажились, потемнели, будто опаленные. Мертвые сучья в отблесках пламени застыли, сплетенные в сеть. У подножия фигур, как опавшие лепестки, были рассыпаны маленькие листочки.

— Умерли! — с истерическим торжеством выкрикивал Дэнни.— *Умерли! Сдохли!*

— Шшшшш,— сказала Венди.— Все хорошо, милый. Все хорошо.

— Эй, док,— сказал Холлоранн.— Давай-ка поедем в какое-нибудь теплое местечко. Готов?

— Да,— прошептал Дэнни.— Давным-давно готов...

Холлоранн протиснулся в щель между воротами и столбом. Через мгновение они оказались на дороге, целясь в сторону Сайдвиндера. Шум мотора снегохода ослабел и затерялся в неумолчном реве ветра. Под его дуновением остовы фигур превратились в огромные погремушки, и ветер трещал в их ветвях, рождая утомленный, тихий, безутешный звук. Огонь то вспыхивал, то притихал. Спустя некоторое время после того, как тарахтение снегохода затихло, в «Оверлуке» провалилась крыша — сначала в западном крыле, потом в восточном, а еще через несколько секунд — в центральной части здания. В заполненную воем ветра ночь взметнулся по спирали огромный сгусток искр и пылающих обломков.

Ветер швырнул кучку горящей черепицы и несколько реек в двери сарая.

И немного погодя сарай тоже загорелся.

Когда Холлоранн остановился, чтобы залить в бак остаток бензина, до Сайдвиндера оставалось еще двадцать миль. Он начинал сильно тревожиться за Венди Торранс — она как бы уплывала от них. А ехать еще так далеко!

— *Дик!* — закричал Дэнни. Забравшись на сиденье с ногами, он показывал куда-то пальцем.— *Дик, смотри! Смотри! Там!*

Снег прекратился. Из расходящихся туч выглянул серебряный доллар луны. Впереди на дороге виднелась жемчужная цепь огней — далеких, но движущихся по извилистому серпантину шоссе в их сторону. Ветер на мгновение затих, и Холлоранн услышал далекое жужжащее ворчание моторов. Снегоходы!

Холлоранн, Дэнни и Венди встретились с ними через пятнадцать минут. Им привезли одежду, бренди и доктора Эдмондса.

И долгая тьма закончилась.

58. ЭПИЛОГ/ЛЕТО

Проверив салаты, приготовленные учеником, и заглянув в кастрюлю с бобами по-домашнему (на этой неделе они служили аппетитной закуской), Холлоранн развязал фартук, повесил на крючок и выскользнул через черный ход. До того, как всерьез приступить к обеду, у него оставалось примерно сорок пять минут.

Это место называлось «Сторожка Красная стрела» и пряталось в горах западного Мэна в тридцати милях от городка Ренджли. Холлоранн считал, что здешняя контора ничего себе. Работы не слишком много, чаевые приличные, и пока еще ни одно блюдо не отсылали обратно. Вовсе неплохо, если учесть, что полсезона уже позади.

Дик прошел между баром под открытым небом и бассейном (хотя с чего это людям взбредает в голову купаться в бассейне, когда до озера рукой подать, он не мог себе представить), пересек зеленое поле, где компания из четырех человек, хохоча, играла в крокет, и взобрался на небольшую насыпь. Там росли сосны, ветер весело вздыхал в их ветвях, принося аромат хвои и сладкой смолы.

По другую ее сторону среди деревьев врассыпную стояли домики, выходящие на озеро. Самый крайний был лучше других, и в апреле, получив здесь работу, Холлоранн забронировал его для двоих гостей.

На крыльце с книгой в руках сидела в кресле-качалке женщина. Холлоранна снова поразило, как она изменилась. Отчасти дело было в том, что, несмотря на совершенно неофициальное окружение, женщина сидела будто аршин проглотив, как в присутственном месте — но, разумеется, виноват был корсет на спине. У нее оказался сломан позвоночник, а еще — три ребра и несколько внутренних повреждений. Позвоночник заживал медленнее всего, Венди до сих пор носила корсет... отсюда и ее казенная поза. Но перемена состояла не только в этом. Она теперь выглядела старше, уже не такой смешливой. Сейчас, когда она сидела за чтением, Холлоранн заметил печальную красоту — ее не было в день их первой встречи, около девяти месяцев назад. Тогда Венди была еще совсем девчонкой. Теперь же перед ним сидела женщина, человек, который совершил вынужденное путешествие в царство тьмы и, возвратившись, оказался в силах склеить куски заново. Но, подумал Холлоранн, они никогда не сойдутся так, как раньше. В этом мире — уже никогда.

Она услышала шаги и, закрывая книгу, подняла глаза.

— Дик! Привет! — она стала подниматься, и лицо исказила легкая гримаса боли.

— Не-не, сидите,— сказал он.— Ежели я без фрака и белого галстука, так не настаиваю, чтоб версаль вертеть.

Она улыбнулась, а Дик поднялся по ступенькам и уселся на крыльцо подле нее.

— Как дела?

— Прекрасно,— сознался он.— Сегодня вечером попробуйте креветок по-креольски. Вам понравится.

— По рукам.

— Где Дэнни?

— Вон там, дальше.— Она показала, и Холлоранн увидел в конце пристани маленькую фигурку. На Дэнни были закатанные до колен джинсы и рубашка в красную полоску. Чуть поодаль на спокойной воде покачивался поплавок. Время от времени Дэнни выдергивал его, осматривал крючок и грузило и забрасывал обратно.

— Загорел,— сказал Холлоранн.

— Да. Сильно загорел,— она нежно взглянула на мальчика.

Дик вытащил сигарету, размял и прикурил. Дым пластами лениво поплыл вверх в солнечное послеполуденное небо.

— Как насчет этих его снов?

— Лучше,— откликнулась Венди.— За эту неделю только один раз. Раньше бывало каждую ночь, иногда по два-три раза. Взрывы. Живая изгородь. А чаще всего... ну, вы знаете.

— Ага. Венди, с ним все будет о'кей.

Она взглянула на Дика.

— Правда? Хотела бы я знать.

Холлоранн кивнул.

— Вы оба... вы оба возвращаетесь. Может, не такие, как раньше, но живые-невредимые. Вы уже не те, что были, оба. Но это необязательно плохо.

Они немного помолчали. Венди легонько покачивалась в кресле-качалке, Холлоранн курил, задрав ноги на перила крыльца. Налетел легкий ветерок, он протолкался укромной дорожкой через сосны, однако едва взъерошил Венди волосы. Она их коротко остригла.

— Я решила принять предложение Эла... мистера Шокли,— сообщила она.

Холлоранн кивнул.

— Работа вроде неплохая. Из тех, что может вам стать интересной. Когда приступаете?

— Сразу после Дня труда. Когда мы с Дэнни уедем отсюда, то отправимся прямиком в Мэриленд поискать жилье. Знаете, на самом деле меня убедила брошюрка «Чэмбер оф Коммерс». Вроде бы подходящий город, чтоб растить там ребенка. И потом, хотелось бы начать работать до того, как мы слишком сильно влезем в страховку Джека. Еще осталось больше сорока тысяч. Если правильно вложить эти деньги, хватит, чтобы послать Дэнни

в колледж и еще останется на первое время, пока он не станет на ноги.

Холлоранн кивнул.

— Ваша мама?

Она взглянула на него и бледно улыбнулась.

— Думаю, Мэриленд достаточно далеко.

— Не забудете старых друзей, а?

— Дэнни не позволит. Сходите, повидайтесь с ним, он ждал весь день.

— Да и я тоже,— он поднялся, отряхивая белые штаны повара.— Все с вами будет тип-топ. С обоими,— повторил он.— Неужто не чувствуете?

Венди подняла глаза на Дика, и на этот раз улыбка вышла более теплой.

— Да,— сказала она. Она взяла его руку и поцеловала.— Иногда мне кажется, что да.

— Креветки по-креольски,— напомнил он, шагая к ступенькам.— Не забудьте.

— Не забуду.

Он спустился с откоса, прошел по посыпанной гравием дорожке, которая вела к пристани, а потом — по видавшим виды доскам на край, где, опустив ноги в прозрачную воду, сидел Дэнни. Дальше ширилось озеро, отражая растущие по берегам сосны. Места тут были гористые, но от старости горы скруглились, износились от времени. Холлоранну они пришлись очень по душе.

— Много поймал?— спросил Холлоранн, усаживаясь рядом с мальчиком. Он снял ботинок, потом другой. И со вздохом опустил в прохладную воду разгоряченные ступни.

— Нет. Но совсем недавно клевало.

— Завтра утром возьмем лодку. Ежели, мальчик мой, тебе охота поймать съедобную рыбу, надо выбираться на середину. Там, дальше — вот уж где рыба большая.

— Очень большая?

Холлоранн пожал плечами.

— Ну... акулы, марлини, киты и все такое.

— Тут нет никаких китов!

— Нет, *синих-то* нет, конечно нету. Тутошние больше восьмидесяти футов не бывают. Розовые киты.

— А как же они могут попасть сюда из океана?

Холлоранн положил ладонь на светлые рыжеватые волосы мальчика и взъерошил их.

— Плывут против течения, мальчуган. Вот как.

— Правда?

— Правда.

Они немного помолчали, глядя на неподвижное озеро, а Холлоранн думал. Когда он снова посмотрел на Дэнни, то увидел, что в глазах у малыша стоят слезы. Приобняв его, он спросил:

— Что такое?

— Ничего,— прошептал Дэнни.

— Скучаешь по папке, так?

Дэнни кивнул.

— Ты всегда понимаешь.

Из угла правого глаза выскользнула слезинка, она медленно покатилась вниз по щеке.

— У нас с тобой секретов быть не может,— согласился Холлоранн.— Вот оно как.

Не сводя глаз с удочки, Дэнни сказал:

— Иногда хочется, чтоб все случилось со мной. Это я виноват. Во всем виноват я.

Холлоранн сказал:

— Тебе неохота говорить про это, когда мамка рядом, да?

— Нет. Она хочет забыть, что это вообще случилось. Я тоже, но...

— Но не можешь.

— Нет.

— Тебе надо поплакать?

Мальчик попытался ответить, но слова потонули во всхлипе. Он припал головой к плечу Холлоранна и заплакал; слезы градом катились по лицу. Холлоранн молча обнимал его. Он знал, мальчику еще не раз нужно будет выплакаться, и Дэнни повезло — он пока так мал, что ему это удается. Те же слезы, что лечат, еще обжигают и бичуют.

Когда мальчик немного успокоился, Холлоранн сказал:

— Ты с этим совладаешь. Сейчас-то ты так не думаешь, но ты справишься. У тебя си...

— Не хочу! — задохнулся Дэнни, голос еще был хриплым от слез.— Не хочу, чтоб оно у меня было!

— Но оно есть,— спокойно сказал Холлоранн.— Хорошо это или плохо, есть. Тебя не спрашивают, малыш. Но худшее позади. Сияние может пригодиться, чтоб поговорить со мной. Ежели начнется черная полоса, позови — и я тут как тут.

— Даже если я буду в Мэриленде?

— Даже там.

Они притихли, наблюдая, как поплавок Дэнни относит на тридцать футов от края пристани. Потом Дэнни еле слышно выговорил:

— Будешь со мной дружить?

— Пока буду тебе нужен.

Мальчик крепко обнял его, и Холлоранн сжал его в ответ.

— Дэнни. Послушай-ка меня. Что я тебе сейчас скажу — скажу один-единственный раз, больше никогда ты этого не услышишь. Кой-какие вещи не стоит говорить ни одному шестилетке на свете; только вот то, что должно быть, да то, что есть на самом деле, не шибко совпадает. Жизнь — штука жесткая, Дэнни, ей на нас плевать. Не то, чтоб она ненавидела нас... нет, но и любить нас она тоже не любит. В жизни случаются страшные вещи, и объяснить

их никто не может. Хорошие люди умирают страшной мучительной смертью и остаются их родные, которые любят их, остаются одни-одинешеньки. Иногда кажется, будто только плохие люди как сыр в масле катаются, и болячка к ним не пристает. Жизнь тебя не любит — зато любит мамочка... и я тоже. Ты убиваешься по отцу. Вот как почувствуешь, что должен по нему поплакать — лезь в шкаф или под одеяло и реви, пока все не выревешь. Вот как должен поступать хороший сын. Только научись управляться с этим. Вот твоя работа в нашем жестоком мире: сохранять живой свою любовь и следить, чтоб держаться, что бы ни случилось. Соберись, прикинься, что все в порядке — и так держать!

— Ладно,— прошептал Дэнни.— Хочешь, будущим летом я опять к тебе приеду... если можно. Будущим летом мне исполнится семь.

— А мне — шестьдесят два. И я так обниму тебя, аж мозги из ушей полезут. Но давай сперва проживем одно лето, а уж потом примемся за следующее.

— О'кей.— Он посмотрел на Холлоранна.— Дик?

— М-м-м?

— Ты ведь долго не умрешь, да?

— Будь спок, я этим заниматься не собираюсь, а ты?

— *Нет, сэр. Я...*

— Клюет, сынок.— Дик показал туда, где под водой скрылся красно-белый поплавок. Он выскочил, поблескивая, а потом опять нырнул.

— *Эй!* — ахнул Дэнни.

Венди спустилась вниз и теперь присоединилась к ним, остановившись у Дэнни за спиной.

— Что там? — спросила она.— Щука?

— Нет, мэм,— ответил Холлоранн.— По-моему, это розовый кит.

Удочка согнулась. Дэнни потянул, и длинная радужная рыба, описав сияющую мерцающую параболу, снова исчезла.

Сдерживая волнение, Дэнни неистово сматывал леску.

— Дик, помоги! Поймал! Поймал! Помоги!

Холлоранн рассмеялся.

— Ты и сам отлично справляешься, мужичок. Не знаю, розовый это кит или форель, но лишней эта рыбка не будет. Она отлично сгодится.

Он обнял Дэнни за плечи, и мальчик мало-помалу вытащил рыбу на берег. Венди уселась по другую сторону от Дэнни... так они и сидели втроем на краю причала, в лучах послеполуденного солнца.

ТУМАН

ГЛАВА 1

Вот как это произошло. В июле 19.. года, в ту ночь, когда на севере Новой Англии наконец спала страшная за всю ее историю жара, в западном регионе штата Мэн разразилась невиданная по силе буря.

Мы жили на озере Лонг-Лейк и заметили, как первые порывы ветра бьют по глади озера перед самым закатом. За час до этого стоял полный штиль. Американский флаг, что мой отец вывесил над лодочным сараем еще в 1936 году, безвольно приник к штоку. Жара стояла плотная, осязаемая и, казалось, такая же глубокая, как вода в озере. После обеда мы все втроем ходили купаться, и даже в воде не было спасения, если не уходить на глубину. Но ни Стеффи, ни я не хотели этого делать из-за Билли. Ему было всего пять лет.

В полшестого мы перебрались на верхнюю террасу с видом на озеро и принялись за холодный ужин, без всякого энтузиазма ковыряя картофельный салат и пережевывая бутерброды с ветчиной. Никто, похоже, не хотел ничего, кроме пепси-колы, стоявшей в железном ведерке с кубиками льда.

После ужина Билли отправился играть, а мы со Стеффи остались на террасе и молча курили, изредка бросая взгляды в сторону Харрисона на противоположном берегу озера. Деревья там стояли пыльные, пожухлые. На западе, словно армия перед наступлением, собирались огромные фиолетовые грозовые тучи, среди которых то и дело вспыхивали молнии. И каждый раз радиоприемник нашего соседа Брента Нортона, настроенный на станцию, постоянно передающую с горы Вашингтон классическую музыку, откликался громким треском. Нортон имел адвокатскую практику в Нью-Джерси, а на Лонг-Лейк у него был только летний коттедж. Два года назад у нас с ним возник конфликт из-за границы участков, дело пошло в суд, и я выиграл. Как считал Нортон, выиграл я только потому, что он нездешний, и с тех пор отношения между нами оставались довольно прохладными.

Стефф вздохнула и принялась обмахиваться верхним краем купальника.

— Не хочу тебя пугать,— сказал я,— но, думаю, скоро начнется сильная буря.

Она посмотрела на меня с сомнением.

— Вчера тоже были тучи и позавчера, но разошлись...

— Сегодня не разойдутся.

— Ты уверен?

— Если буря будет очень сильной, нам придется спуститься вниз.

— Ты думаешь, она будет сильной?

Мой отец построил на этой стороне озера кирпичный дом, где можно было жить круглый год, но в 1938 году буря разрушила его до основания, даже стены не уцелели. Остался только лодочный сарай. Через год отец начал строить новый дом.

— Не знаю,— сказал я, в общем-то это было правдой, поскольку о большой буре тридцать восьмого года знаю только по рассказам.— Но ветер с озера может разогнаться, как скорый поезд.

Чуть позже вернулся Билли, жалуясь, что играть неинтересно, потому что он «весь взмок». Я взъерошил ему волосы и открыл для него еще одну бутылку пепси.

Тучи подбирались ближе, расталкивая голубизну неба в стороны. Медленно прокатившись над озером и вернувшись назад эхом, прогремел гром. Тучи вились и перекатывались: черные, фиолетовые, полосатые и снова черные. Постепенно они нависали над озером, и я увидел, как из них опускается тонкая завеса дождя. Но пока еще дождь был далеко, может быть, над Болстерс-Миллс или над Норуэем.

Появившийся было ветерок неуверенно поднял флаг, затем снова опустил его. Однако становилось свежее, и вскоре ветер окреп. В этот момент я и увидел бегущий по озеру серебристый смерч. За несколько секунд пелена дождя закрыла собой Харрисон и двинулась прямо на нас.

— Папа! Смотри!

— Пойдем в дом,— я встал и положил руку ему на плечи.

— Но ты видишь? Пап, что это?

— Водяной смерч. Пойдем.

Стефф бросила на меня короткий укоризненный взгляд и сказала:

— Пойдем, Билли. Папу надо слушаться.

Мы прошли в гостиную через раздвижные стеклянные двери, после чего я закрыл их на щеколду и остановился, глядя наружу. Серебристая завеса уже прошла три четверти пути через озеро, превратившись в бешено крутящуюся воронку между осевшим черным небом и поверхностью воды цвета свинца с потеками чего-то белого. Озеро стало похожим на океан. Высокие волны набегали на берег и, разбиваясь о причалы и волнорезы, взлетали фонтанами брызг.

Смерч завораживал. Он почти подобрался к нашему берегу, когда молния полыхала так ярко, что с полминуты я увидел все как на негативной пленке. Я обернулся к своим: жена с сыном стояли возле большого панорамного окна с видом на северо-западную часть озера.

И тут меня посетило одно из тех ужасных видений, которые уготованы лишь мужьям и отцам: стекло, взрывающееся внутрь

с тяжелым, похожим на кашель треском; кривые стрелы осколков, летящие в обнаженный живот и лицо сына.

Я схватил их обоих за руки и рывком оттащил от окна.

— Что вы встали тут, черт побери! Марш отсюда...

Стефф посмотрела на меня удивленно, а Билли выглядел так, словно его только что пробудили из глубокого сна. Я отвел их на кухню и включил свет.

И тут налетел ветер. У меня создалось впечатление, что дом взлетает, словно «Боинг-747». Где-то засвистело высоко и протяжно, срываясь на басовый рев перед тем, как снова плавно перейти в пронзительный визг.

— Идите вниз,— прокричал я Стефф. Прямо над домом захлопал гром — словно громадные доски бились друг об дружку. Билли вцепился мне в ногу.

— Ты тоже иди! — крикнула в ответ Стефф.

Я махнул рукой, прогоняя их. С трудом оторвал Билли.

— Иди с мамой. Я хочу на всякий случай найти свечи.

Он пошел за ней вниз, а я принялся рыться в ящиках. Странные штуки эти свечи. Ты их кладешь каждую весну в определенное место, зная, что из-за летней бури может нарушиться энергоснабжение, но, когда приходит время, они прячутся.

Четвертый ящик. Заводные игрушечные челюсти, купленные для Билли в магазине новинок; куча фотографий, которые Стефф давно уже собиралась наклеить в семейный альбом... Я заглянул под толстенный торговый каталог и пошарил рукой за резиновой куклой, изготовленной на Тайване. Куклу я выиграл, сбивая кегли теннисными мячами...

Свечи, все еще упакованные в полиэтиленовую обертку, оказались за этой самой куклой со стеклянными неживыми глазами. Как раз в этот момент, когда я их нащупал, свет погас. Гостиную то и дело озаряло сериями частых белых и фиолетовых вспышек. Я услышал, как внизу заплакал Билли, а Стефф начала говорить ему что-то успокаивающее.

Меня потянуло еще раз взглянуть за окно.

Смерч или уже прошел, или иссяк, добравшись до берега, но все равно дальше двадцати ярдов на озере ничего не было видно. Вода буквально кипела. Мимо несло чей-то причал, видимо, Джессеров, то разворачивая сваями вверх, то вновь скрывая его под бурлящей водой.

Как только я спустился вниз, Билли обхватил меня за ноги. Я взял его на руки, прижал к себе, потом зажег свечи. Мы сидели в комнате для гостей, через коридор от моего маленького кабинета. Сидели, глядя друг на друга в мигающем желтом свете свечей, и слушали, как буря бьется в наш дом. Минут через двадцать послышался сухой треск дерева, и мы поняли, что где-то рядом упала одна из больших сосен. Затем наступило затишье.

— Все? — спросила Стефф.

— Может быть,— сказал я.— А может быть, еще нет.

Мы поднялись наверх, каждый со свечой в руке, словно монахи, идущие на вечернюю молитву. Билли держал свою свечу с гордостью: нести огонь — для него это много значило. И помогало забыть, что ему страшно.

Билли уже давно было пора спать, но ни я, ни Стефф не стали заставлять его идти в постель. Мы просто сидели в гостиной, слушали ветер и наблюдали за молниями. Потом Билли пристроился у Стефф на коленях и попытался заснуть.

Примерно через час ветер снова начал крепчать. В течение предыдущих трех недель держалась температура около девяноста градусов [1], а шесть раз за эти двадцать с лишним дней станция Национальной метеорологической службы в Портланд-Джетпорте сообщала, что температура перевалила за сто. Невероятная погода. Плюс суровая зима, плюс поздняя весна, и люди опять заговорили о том, что все это последствия испытаний атомных бомб в пятидесятых годах.

Второй шквал оказался не таким сильным, но мы услышали грохот падения нескольких деревьев, ослабленных первой атакой ветра. И, когда он начал совсем стихать, одно из деревьев рухнуло на нашу крышу. Билли вздрогнул и с опаской поглядел на потолок.

— Дом выдержит, малыш,— успокоил я.

Билли неуверенно улыбнулся.

Около десяти налетел последний шквал. Ветер взревел так же громко, как в первый раз, а молнии, казалось, засверкали прямо вокруг нас. Снова падали деревья. Недалеко от воды что-то рухнуло с треском, и Стефф невольно вскрикнула, но Билли все еще безмятежно спал у нее на коленях.

— Дэвид, что это было?

— Я думаю, лодочный сарай.

— О, боже...

— Стеффи, пойдем вниз.— Я взял Билли на руки. Стефф смотрела на меня испуганными глазами.

— Дэвид, все будет хорошо?

— Да.

— Правда?

— Правда.

Мы отправились вниз. И через десять минут, когда шквал достиг максимальной силы, сверху донесся грохот и звон разбитого стекла: разлетелось панорамное окно. Так что привидевшаяся мне сцена, может быть, и не была столь нелепой. Стефф, которая к тому времени задремала, вскрикнула и проснулась. Билли заворочался в постели.

— В комнату попадет дождь,— сказала она.— Мебель испортит...

— Попадет — значит, попадет. Мебель застрахована.

---

[1] 90° по Фаренгейту соответствуют примерно 32° по Цельсию (*ред.*)

— Мне от этого не легче,— произнесла она расстроенно.— Шкаф твоей матери... Наш новый диван... Цветной телевизор...

— Ш-ш-ш,— сказал я.— Спи.

— Не могу,— ответила она, но минут через пять уснула.

Я не ложился еще с полчаса, оставив для компании горящую свечу, и слушал, как бродит, бормоча, на улице гром. Нетрудно было представить, как завтра утром множество людей, живущих вокруг озера, начнут вызывать своих страховых агентов, как зажужжат бензопилы владельцев домов, чьи крыши и окна порушило падающими деревьями, как на дорогах появятся оранжевые машины энергокомпании.

Буря стихала, и, кажется, нового шквала не предвиделось. Оставив Стефф и Билли, я поднялся наверх посмотреть, что стало с комнатой. Раздвижная дверь выдержала, но там, где было панорамное окно, зияла рваная дыра, из которой торчали ветки березы — верхушка старого дерева, стоящего с незапамятных времен во дворе у входа в погреб. И я понял смысл реплики Стефф, когда она говорила, что ей не будет легче от того, что у нас все застраховано. Я любил это дерево. Много суровых зим мы пережили с ним — единственной березой на нашем берегу, которую я никогда даже и не думал спиливать. В лежащих на ковре больших кусках стекла многократно отражалось пламя свечи, и я подумал, что нужно будет обязательно предупредить Стефф и Билли, ведь оба они любили шлепать по утрам босиком.

Я пошел вниз. В ту ночь мы все трое спали на кровати для гостей: мы со Стефф по краям, Билли между нами.

ГЛАВА 2

Утро было ясное и чистое, как звук колокола. Дул легкий ветерок, от которого по дороге весело бегали чередующиеся пятна солнечного света и теней от деревьев.

— О-о-о! — вырвалось у Билли.

Он стоял у забора, отделявшего нас от участка Нортона, и смотрел вдоль подъездной аллеи, ведущей к нашему дому. Аллея эта, длиной около четверти мили, выходит на грунтовую дорогу, которая через три четверти мили, в свою очередь, выходит на двухрядное шоссе, называющееся Канзас-роуд. Оттуда уже вы можете ехать куда угодно или по крайней мере до Бриджтона. Я взглянул в ту же сторону, куда смотрел Билли, и у меня похолодело на сердце.

— Ближе не подходи, малыш. Даже здесь уже опасно.

Билли спорить не стал.

Недалеко от того места, где стоял Билли, из травы доносилось шипение, и на первый взгляд могло показаться, что там извивается клубок змей: ведущие к нашему дому провода оборвались и лежали теперь беспорядочными витками всего в двадцати футах от нас на участке выжженной травы. Изредка они лениво перево-

рачивались и плевались искрами. Если бы пронесшийся ливень не промочил деревья и траву столь основательно, дом мог бы загореться. А так на траве образовалась лишь почерневшая проплешина, где спустились провода.

— Лектричество может убить человека, пап?

— Да. Может.

— А что мы будем с ним делать?

— Ничего. Подождем машину энергокомпании.

— А когда они приедут?

— Не знаю.— У пятилетних детей вопросов бывает хоть отбавляй.— Думаю, сегодня утром у них полно забот. Хочешь пройтись со мной до конца аллеи?

Он двинулся за мной, потом остановился, с подозрением глядя на провода. Один из них вдруг выгнулся и лениво перевернулся, словно приманивая к себе.

— Пап, а лектричество может пройти через землю?

Справедливый вопрос.

— Да, но не беспокойся. Электричеству нужна земля, а не ты. Все будет в порядке, если ты не станешь подходить близко к проводам.

— Земля нужна...— пробормотал он, подбежав ко мне, и мы, взявшись за руки, пошли вдоль аллеи.

Все оказалось несколько хуже, чем я ожидал. В четырех местах на дорогу упали деревья: одно маленькое, два средних и еще одно совсем старое, толщиной, наверное, футов в пять, облепленное мхом, словно гнилым корсетом.

Повсюду валялись ветки с оборванными листьями, и мы с Билли дошли до самой грунтовой дороги, отбрасывая в сторону те, что были не очень большие.

— Пап, можно я пойду к озеру?

Он устал бросать ветки, а когда ребенок устает что-то делать, единственный разумный способ занять его — это разрешить делать что-то другое. Мы вместе вернулись к дому, и оттуда Билли побежал направо, обогнув дом и упавшие провода по широкой дуге, а я пошел налево к гаражу. Как я и предвидел, вдоль всего берега озера уже запели свою заунывную песню бензопилы соседей. Я залил бачок пилы бензином, снял рубашку и двинулся было к аллее, но тут, озабоченно глядя на повалившиеся деревья, вышла из дома Стефф.

— Как дела?

— Справляюсь. Как дома?

— Я убрала стекла, но Дэвид, ты должен сделать что-нибудь с березой. Дерево в гостиной будет нам мешать.

— Пожалуй, ты права,— преувеличенно серьезно сказал я.

Мы посмотрели друг на друга и расхохотались. Я поставил пилу на бетонированную площадку у крыльца и поцеловал Стефф.

— Не надо,— прошептала она.— Билли...

В тот же момент он выскочил из-за угла дома.

— Папа! Папа! Иди посмотри...

Стеффи заметила оборванные провода и закричала, чтоб он был осторожнее. Билли, бежавший достаточно далеко от них, остановился.

— Все в порядке, мама,— произнес он тоном, каким люди обычно успокаивают очень старых и глупых, и двинулся к нам, демонстрируя, что с ним действительно все в порядке.

— Не волнуйся,— сказал я Стефф.— Он предупрежден.

— Да, но людей постоянно убивает током,— возразила она.— По телевизору все время предупреждают про оборванные провода... Билли, немедленно иди домой!

— Да ладно тебе, мама... Я хочу показать папе лодочный сарай.— Глаза его просто лезли из орбит от возбуждения.

— Иди домой! Эти провода опасны и...

— Папа сказал, что им нужна земля, а не я...

— Билли, не спорь со мной!

— Я сейчас приду посмотрю, малыш. Ты пока беги...— Я почувствовал, как напряглась Стефф,— ... с другой стороны дома.

— Ага. Ладно.

Он пронесся мимо нас. Рубашка вылезла у него из брюк. Он скрылся за углом, и вскоре оттуда донеслось еще одно «О-о-о!», свидетельствующее о том, что он обнаружил новые следы разрушения.

— Билли знает про провода,— сказал я Стефф, положив руки ей на плечи.— Он их боится, и это хорошо, потому что так он будет в безопасности.

По щеке ее скатилась слеза.

— Я тоже боюсь, Дэвид.

— Ну что ты. Все уже кончилось.

— Ты уверен? Зима была плохая... И поздняя весна... В городе ее называют «черной весной», говорят, такого в здешних местах не было с 1888 года...

«Говорят» — это наверняка имеется в виду миссис Кармоди, владелица «Бриджтонского антиквариата», магазинчика со всяким хламом, в который Стефф иногда заглядывала. Билли всегда с радостью ходил с ней. Там, в глубине магазинчика, в одной из пыльных комнат «жили» чучела сов с окаймленными золотым блеском глазами, навсегда расправившие крылья и ухватившиеся лапами за полированные сучья, трио енотов, стоящих у «ручья», сделанного из длинного куска покрывшегося пылью зеркала, и даже изъеденное молью чучело застывшего в леденящем душу вечном молчаливом рыке волка, из пасти которого вместо слюны падали опилки. Миссис Кармоди уверяла, что волка еще в 1901 году застрелил ее отец, когда зверь пришел напиться у ручья Стивен-Брук.

Эти экспедиции в антикварную лавку доставляли и жене, и сыну массу удовольствия. Стефф отводила душу, перебирая стеклян-

ные украшения, а Билли изучал «смерть во имя таксидермии». Однако мне всегда казалось, что старуха довольно неприятным образом влияет на здравомыслие Стефф, которая во всех других отношениях была практична и рациональна. Старухе просто удалось найти ее слабое место, «ахиллесову пяту» ее натуры. Впрочем, в городе Стефф оказалась не единственным человеком, кого миссис Кармоди удалось приворожить своими предсказаниями и народными рецептами (которые всегда прописывались именем божьим).

Вода из гнилого пня поможет вам избавиться от синяков под глазами, если ваш муж из тех, что после третьей рюмки распускает руки. Зиму предсказать вы сможете, сосчитав в июле количество сегментов на гусеницах или измерив толщину пчелиных сот в августе. А сейчас, боже спаси и сохрани, вновь наступила ЧЕРНАЯ ВЕСНА 1888 ГОДА (восклицательных знаков проставьте, сколько вам захочется). Я тоже слышал эту историю. Ее здесь любят рассказывать: если весна будет достаточно холодная, лед на реке станет черным, как гнилой зуб. Редкое, конечно, явление, но едва ли из тех, что случаются раз в столетие. Тем не менее все эту историю рассказывают, но я сомневаюсь, чтобы кто-нибудь, кроме миссис Кармоди, мог рассказывать ее с такой убедительностью.

— Была обычная плохая зима, потом поздняя весна. Теперь наступило жаркое лето. Прошла буря, но теперь все кончилось. Ты же всегда умела рассуждать здраво, Стефф.

— Это была не обычная буря,— сказала она неожиданно хриплым голосом.

— Хорошо. Здесь я с тобой соглашусь.

Рассказ о «черной весне» мне довелось услышать от Билла Джости, владельца и в некотором смысле управляющего «Мобил Джости» в Каско Виллидж.

Стефф снова с сомнением поглядела на упавшие провода.

— Когда приедут люди из энергокомпании?

— Как только смогут. Скоро. И не беспокойся о Билли. У него голова на месте. Он, может быть, иногда забывает убрать свою одежду, но уверяю тебя, не будет бегать посреди проводов под напряжением. Он прекрасно понимает, что такое опасность.— Я коснулся пальцем уголка ее рта, и он послушно двинулся чуть вверх, рождая улыбку.— Уже лучше?

— Когда я поговорю с тобой, мне всегда становится лучше,— сказала она, и от этого мне тоже стало лучше.

— Тогда пойдем осмотрим развалины.

— Для этого,— фыркнула Стефф, печально улыбнувшись,— мне достаточно пройти в гостиную.

— Ну тогда просто доставь малышу удовольствие.

Мы двинулись вниз по каменным ступеням и только дошли до первого поворота, как навстречу нам, едва не сбив с ног, вылетел Билли.

— Ты что так носишься? — воскликнула Стефф, нахмурясь. Может быть, ей представилось, как он, не рассчитав, влетает в этот страшный клубок искрящихся проводов.

— Идите скорее! — задыхаясь, закричал Билли. — Лодочный сарай раздавило! Пристань выкинуло на камни, а в бухте деревья. Черт знает что!

— Билли Дрейтон! — негодующе прикрикнула Стефф.

— Ой, больше не буду, мам... Идите скорее... Там... — И он снова исчез.

— «Произнеся мрачное пророчество, он удалился», — сказал я, и Стефф рассмеялась. — Пожалуй, как только распилю деревья на дороге, я сгоняю в контору «Энергоцентрала Мэна» на Портланд-роуд и расскажу им, что у нас тут случилось, о'кей?

— О'кей. — Она обрадовалась. — Когда ты сможешь поехать?

Если не считать того большого дерева в корсете из мха, работы было от силы на час. Но с ним я думал справиться не раньше одиннадцати.

— Тогда я принесу тебе ленч. Но ты должен будешь заехать в магазин и кое-что купить... У нас почти кончилось молоко и масло. И потом... Короче, я напишу тебе список.

Обняв Стефф за плечи, я кивнул, и тут мы дошли до угла дома. Достаточно было одного взгляда, чтобы понять, от чего Билли пришел в такое возбуждение.

— Боже, — слабым голосом произнесла Стефф.

С небольшой возвышенности, где мы стояли, отлично просматривалось почти четверть мили побережья: участок Биббера слева, наш участок и участок Брента Нортона справа.

Огромная старая сосна, что охраняла нашу лодочную гавань, сломалась пополам. То, что осталось, торчало из земли, словно неаккуратно заточенный карандаш, и поблескивающая на изломе древесина казалась беззащитно белой по сравнению с потемневшей от времени и непогоды корой. Верхняя же половина старой сосны, около ста футов длиной, рухнула и наполовину ушла под воду в нашей мелкой бухте. Нам здорово повезло, подумал я, что наш «Стар-Крузер» не затонул под ней: неделю назад мотор катера начал барахлить, и я отогнал его в Нейплс, где он до сих пор терпеливо дожидался ремонта.

На другом конце нашего маленького участка берега лежали обломки лодочного сарая, раздавленного вторым деревом. Тут я увидел, что упавшее дерево росло на участке Нортона, и меня охватило негодование. Это дерево высохло еще лет пять назад, и Нортону давно следовало его спилить. Теперь же оно упало само. Тонкие планки из пробитой деревом дыры разбросало ветром по всему берегу. Когда Билли сказал, что сарай «раздавило», он не сильно погрешил против истины.

— Это дерево Нортона! — сказала Стефф, и в голосе ее чувствовалось такое негодование, что я улыбнулся, несмотря на собственную боль в душе.

Шток с флагом упал в воду и плавал вместе с запутавшимся шнуром. Разглядывая все это, я представил себе ответ Нортона: «А ты подай на меня в суд!»

Билли забрался на волнорез, разглядывая выброшенный на камни причал, покрашенный в голубую и желтую полоски. Оглянувшись через плечо, он радостно закричал:

— Это, наверное, причал Мартинсов, да?

— Он самый,— сказал я.— Большой Билл, как насчет того, чтобы слазить в воду и выудить флаг?

— Сейчас!

Билли полез за флагом. И остановился. В тот же момент я почувствовал, как насторожилась Стефф, и заметил причину этого сам. Весь берег со стороны Харрисона исчез под полосой тумана. Даже намека на береговую линию не было видно, но за долгие годы жизни здесь я столько раз смотрел на противоположный берег Лонг-Лейк, что мне казалось, будто ровная, словно вычерченная по линейке полоса тумана скрыла всего несколько ярдов воды.

— Что это, папа?— крикнул Билли, стоя по колено в воде и пытаясь дотянуться до вымокшего флага.

— Туман.

— На озере?— с удивлением спросила Стефф, и я увидел в ее глазах отблеск влияния миссис Кармоди. Черт бы побрал эту старуху!

— Ну да. Ты никогда раньше не видела тумана на озере?

— Такого никогда. Он больше похож на облако.

— Это оттого, что свет яркий,— сказал я.— То же самое можно увидеть, пролетая над облаками на самолете.

— Но откуда он взялся? Туман бывает здесь только в сырую погоду.

Я взглянул на разрушенный сарай, потом посмотрел на полосу тумана. Мне показалось, что он приблизился, но за это я бы не поручился. Если он приближался, то опровергал все законы природы, потому что ветер — легкий бриз — дул с нашей стороны. Туман был белым-белым. Единственное, с чем я мог его сравнить, это с только что выпавшим снегом, ослепительно контрастирующим с глубокой голубизной зимнего неба. Но снег всегда отражает тысячи и тысячи алмазных лучиков солнца, а этот странный яркий и чистый туман не блестел совсем. Несмотря на то, что говорила Стефф, туман в ясные дни не такое уж редкое явление, но, когда его много, от взвешенной в воздухе влаги почти всегда возникает радуга. Сегодня радуги не было.

Снова вернулось какое-то тяжелое предчувствие, но не успело оно окрепнуть, как я услышал низкое механическое «чух-чух-чух», за которым последовало едва слышное: «Дьявол!». Механический звук повторился, но человек смолчал. В третий раз за кашляющим звуком мотора последовало: «Чтоб тебя!», произнесенное тем же тоном. Тоном человека, решившего самостоятельно спра-

виться с трудной задачей и быстро в этом решении разочаровавшегося.

«Чух-чух-чух-чух...»

Я невольно улыбнулся. Звук хорошо разносится здесь, жужжащие бензопилы были далеко, и я без труда узнал не особенно приятный голос моего соседа, Брента Нортона.

Спустившись ближе к воде, я сделал вид, что просто иду к причалу, выброшенному на наш волнорез. Отсюда Нортона уже стало видно. Он стоял на усыпанной старыми сосновыми иглами прогалине у веранды, одетый в заляпанные краской джинсы и спортивную майку. Сорокадолларовая его прическа совершенно потеряла форму, а по лицу стекал пот. Стоя на одном колене, он пытался завести свою бензопилу. В глубине души я даже немного обрадовался, увидев, что на его стол, предназначенный для пикников, упала желтая береза и разломила его на две части.

Нортон снова рванул трос стартера.

«Чух-чух-чухчухчух-ЧОХ! ЧОХ!ЧОХ!... ЧОХ! Чух!»

Почти удалось, приятель.

Еще один рывок, достойный Геркулеса.

«Чух-чух-чух».

— Скотина! — яростно прошептал Нортон, обозлившись на свою шикарную бензопилу.

Я отвернулся, чувствуя себя по-настоящему хорошо в первый раз за все утро. Моя пила завелась с первого же рывка, и я принялся за работу.

Около десяти кто-то постучал меня по плечу. Я обернулся и увидел Билли с банкой пива в одной руке и списком, составленным Стефф, в другой. Засунув список в задний карман джинсов, я взял у него банку пива, не то чтобы совсем ледяного, но по крайней мере холодного, и одним глотком махнул сразу половину.

— Спасибо, малыш.

— Мама что-то приписала внизу, но я не мог разобрать ее почерк,— сказал Билли.

Я достал листок из кармана. «Никак не поймаю «ВОКСО» по радио,— написала Стефф.— Может быть, после бури они не могут выйти в эфир?»

«ВОКСО» — местная автоматическая станция, транслирующая рок-музыку в длинноволновом диапазоне. Станция передает из Норуэйя, что примерно милях в двадцати к северу, но это почти все, что берет наш старый слабенький приемник.

— Скажи маме: «может быть»,— поручил я Билли, предварительно прочитав ему сам вопрос.— И пусть она попробует поймать Портланд на коротких волнах.

— О'кей. Пап, а мне можно будет поехать с тобой в город?

— Конечно. И тебе, и маме, если она захочет.

— О'кей! — Он бросился к дому с пустой банкой в руке.

Добравшись наконец до большого дерева, я сделал первый пропил, затем заглушил пилу, чтобы дать ей немного остыть. Де-

рево было для нее слишком большим, но я полагал, что справлюсь, если не буду пороть горячку. Неожиданно я подумал, а расчищена ли дорога, ведущая к шоссе Канзас-роуд, и как раз в этот момент в просвете между деревьев мелькнул оранжевый грузовик энергокомпании, видимо, направлявшийся в дальний конец нашего маленького отрезка дороги. Значит, все в порядке и к полудню, можно надеяться, люди из энергокомпании будут у нас и займутся проводами.

Я отпустил большой кусок ствола, оттащил его к краю дороги и подумал, что было бы неплохо выпить еще пива: одна банка только растравляет душу. Затем снова взялся за пилу, но меня продолжали преследовать тревожные мысли насчет «ВОКСО». Именно оттуда надвигался этот странный туман. И там же был городок Шеймор, где размещался «Проект Стрела».

Этот самый «Проект Стрела» служил у Билла Джости одной из версий «черной весны». В западной части Шеймора, недалеко от того места, где город граничит с Стонхемом, действительно находился принадлежащий правительству участок земли, обнесенный колючей проволокой. Зона охранялась часовыми.

Никто не знал, откуда, собственно, взялось название «Проект Стрела», и никто не мог сказать с уверенностью, действительно ли это название проекта и ведутся ли там вообще какие-нибудь работы. Однако Билл Джости утверждал, что ведутся, но, когда я спросил его, каким образом и откуда он это узнал, начал крутить: якобы его племянница работает в телефонной компании «Континенталь» и слышит порой разные вещи. Он всегда отвечал в таком вот духе.

— Это все атомные дела,— сказал он как-то, дохнув на меня мощным пивным духом.— Вот этим они там и занимаются. Атомы в воздух пуляют и все такое.

— Мистер Джости, в воздухе и так полно атомов,— влез в разговор Билли.— Так сказала миссис Нири. Она говорила, что атомов везде полно.

Билл Джости уставился на моего сына долгим взглядом своих покрасневших глаз, отчего Билли в конце концов сник.

— Это совсем *другие* атомы, сынок.

— А-а-а, да...— пробормотал Билли, не вступая в спор.

Дик Мюллер, наш страховой агент, говорил, что «Проект Стрела»— это опытная сельскохозяйственная станция, выполняющая работу для правительства, не более того.

— Крупные томаты, способные плодоносить длительное время,— изрек Дик глубокомысленно и вернулся к разъяснениям по поводу того, как я могу наиболее эффективным образом помочь своей семье, если умру молодым.

Миссис Кармоди... Она, пожалуй, больше склонялась к мнению Билла Джости: не просто атомы, а *другие* атомы.

Я отпилил еще два куска дерева, потом снова пришел Билли с банкой в одной руке и запиской от Стефф в другой. Если и есть

какое-нибудь дело, которое Большой Билл любит больше, чем бегать с поручениями, то я просто не представляю, что это может быть.

— Спасибо,— сказал я, забирая у него пиво и записку.

— А мне можно будет глоток?

— Только один. В прошлый раз ты сделал два. Я не могу допустить, чтобы ты бегал пьяный в десять утра.

— Уже четверть одиннадцатого,— сказал он смущенно. Я улыбнулся в ответ: не бог весть какой юмор, но Билли так редко пытается шутить. Затем я прочитал записку. «Поймала «Джей-Ви-Кью»,— писала Стефф.— Не напивайся, пока не съездишь в город. Я разрешаю тебе еще одну банку, но до ленча это все. Как ты думаешь, дорога свободна?»

Я отдал Билли записку.

— Скажи маме, что с дорогой все в порядке, потому что я видел, как прошел грузовик энергокомпании. Скоро они доберутся и сюда.

— О'кей.

— Малыш?

— Что, пап?

— Скажи маме, что все в порядке.

Он снова улыбнулся, словно сначала повторил это про себя, сказал «О'кей» и бросился бегом к дому.

Я стоял и глядел, как мелькают подошвы его кедов. Я люблю его. Что-то есть в его лице и в том, как он смотрит на меня, отчего мне начинает казаться, что в жизни все в порядке. Конечно, это ложь: в нашем мире никогда не бывает все в порядке и никогда не было. Но мой сын дает мне возможность поверить в эту ложь.

Я отпил немного пива, осторожно поставил банку на камень и взялся за пилу. Минут через двадцать кто-то легонько постучал меня по плечу, и я обернулся, ожидая снова увидеть Билли. Но оказалось, что это Брент Нортон, и я заглушил пилу.

Выглядел он совсем не так, как обычно. Он был потный, уставший, несчастный и немного ошарашенный.

— Привет, Брент,— сказал я.

Последний раз мы с ним разговаривали довольно резко, и я не знал, как сейчас себя вести. У меня появилось забавное ощущение, что он стоял в нерешительности за моей спиной последние минут пять и старательно прочищал горло. Этим летом я его даже толком не видел. Он похудел, но выглядел не лучше обычного. Жена его умерла в прошлом ноябре. От рака, как сообщила Стефф Агги Биббер, которая все про всех знает. В каждой округе есть такие. Из того, как Нортон обычно изводил и унижал свою жену (делая это с легкой презрительностью матадора-ветерана, всаживающего бандерильи в тело старого неуклюжего быка), я заключил, что он будет даже рад этой развязке. Если бы меня спросили, я мог бы предположить, что на следующее лето он появится под руку с девицей лет на двадцать моложе его и с глупой сальной улыбкой на

лице. Но вместо глупой улыбки у него лишь прибавилось морщин, и вес сошел как-то не в тех местах, где нужно, оставив мешки, складки и наплывы. На какое-то мгновение мне захотелось отвести его на солнце, усадить рядом с упавшим деревом, дать ему в руку банку пива и сделать угольный набросок портрета.

— Привет, Дэйв,— ответил он после продолжительного неловкого молчания, показавшегося еще более гнетущим без треска бензопилы. Он помолчал еще, потом буркнул: — Это чертово дерево. Извини. Ты был прав...

Он издал горлом какой-то странный звук. Губы его шевельнулись, словно у беззубого старика, пережевывающего даты прошлого. Секунду мне казалось, что он вот-вот заплачет беспомощно, как ребенок в песочнице, но он кое-как справился с собой, пожал плечами и отвернулся, будто бы поглядеть на отпиленные мною куски ствола.

— Послушай, Дэйв, может быть, ты одолжишь мне машину сгонять в город. Я хочу купить хлеба, каких-нибудь закусок и пива. Много пива.

— Мы с Билли тоже собирались в город,— сказал я.— Если хочешь, поедешь с нами. Только тебе придется помочь мне оттащить с дороги то, что осталось от дерева.

— С удовольствием.

Он ухватился за один конец ствола, но не смог даже приподнять его, и почти всю работу пришлось делать мне. В конце концов нам удалось скинуть сосну в заросли внизу. Нортон пыхтел и никак не мог отдышаться, щеки его стали совсем пунцовыми. А перед этим он еще столько раз дергал стартер своей пилы, что я начал немного беспокоиться, не случилось бы у него что-нибудь с сердцем.

Из дома вышла Стефф, и на секунду на ее лице застыло удивление, когда она увидела, с кем я иду. Нортон улыбнулся, ползая взглядом по ее плотно обтягивающей грудь кофточке. Все-таки он не сильно изменился.

— Привет, Брент,— сказала она настороженно, и из-под ее руки тут же высунул голову Билли.

— Привет, Стефени. Привет, Билли.

— Он поедет в город с нами.

— Наверно, на это уйдет какое-то время. Может быть, вам придется заехать в магазин в Норуэйе.

— Почему?

— Ну если в Бриджтоне нет электричества...

— Мама сказала, что все кассовые аппараты работают на электричестве,— пояснил Билли.

— Что ж, справедливо.

— Ты еще не потерял список?

Я похлопал себя по карману, и Стефф перевела взгляд на Нортона.

— Мне было очень жаль, когда я узнала про вашу жену. Нам всем было жаль...

— Спасибо,— сказал он.— Спасибо вам.

Затем наступил еще один период неловкого молчания, которое нарушил Билли.

— Мы уже можем ехать, папа?— Он успел переодеться в новые джинсы и кеды.

— Да, пожалуй. Ты готов, Брент?

— Если можно, одно пиво на дорожку, и я готов.

Стефф чуть нахмурилась. Она никогда не одобряла мужчин, которые водят машину, зажав между ног банку с пивом. Я едва заметно кивнул ей, и она, пожав плечами, принесла Нортону банку. Я не хотел сейчас спорить с ним.

— Благодарю,— сказал он Стефф, даже не благодаря на самом деле, а только пробормотав это слово, словно разговаривал с официантом в ресторане. Потом повернулся ко мне.— Вперед, Макдафф!

— Минутку,— сказал я, направляясь в гостиную.

Нортон двинулся за мной, начал охать по поводу березы, но в тот момент меня не интересовали ни его впечатления, ни стоимость нового стекла. Я смотрел в сторону озера через окно, выходящее на террасу. Ветер немного окреп, и, пока я пилил деревья, стало теплее градусов на пять. Я думал, что странный туман наверняка разойдется, но этого не произошло. Более того, он стал ближе, добравшись уже до середины озера.

— Я тоже его заметил,— изрек Нортон с важным видом.— Надо думать, это какая-то температурная инверсия.

Мне это не нравилось. Никогда в жизни я не видел ничего подобного. Меня беспокоила удивительно прямая линия фронта наступающего тумана, потому что в природе не бывает таких линий: прямые грани — это изобретение человека. К тому же настораживала его ослепительная белизна, непрерывная и без влажного блеска. До тумана теперь оставалось всего полмили, и контраст между ним и голубизной неба и озера стал еще более разительным.

— Поехали, пап!— Билли потянул меня за штанину.

Мы все вернулись на кухню, и по пути Нортон еще раз окинул взглядом дерево, вломившееся в нашу гостиную.

— Жалко, что это не яблоня, а?— сострил Билли.— Это моя мама сказала. Здорово, да?

— Твоя мама просто прелесть, Билли,— сказал Нортон, взъерошив ему волосы машинальным жестом, и его взгляд снова вернулся к кофточке Стефф. Нет, определенно он не тот человек, который мог бы мне понравиться.

— Слушай, а почему бы тебе не поехать с нами, Стефф?— спросил я. Сам не знаю почему, я вдруг не захотел ее оставлять.

— Нет, я, пожалуй, останусь и займусь сорняками в саду,— ответила она. Взгляд ее скользнул к Нортону, потом снова пере-

шел на меня.— Сегодня утром, похоже, я здесь единственная машина, которой не требуется электричества.

Нортон рассмеялся, слишком громко и неискренне. Я понял, что она хочет сказать, но на всякий случай попробовал еще раз.

— Ты точно не поедешь?

— Точно,— ответила она твердо.— И потом, немного упражнений мне не повредит.

— Ладно, только на солнце долго не сиди.

— Я надену соломенную шляпу. К приезду наделаю вам сандвичей.

— Отлично.

Она подставила щеку для поцелуя.

— Осторожнее там... На Канзас-роуд тоже могут быть поваленные деревья.

— Буду осторожен.

— И ты тоже,— сказала она Билли и поцеловала его в щеку.

— Хорошо, мама,— он вылетел на улицу, с грохотом захлопнув дверь.

Мы с Нортоном вышли за ним.

— Может, нам отправиться к тебе и перепилить это дерево, что упало на твою машину?— спросил я, неожиданно для себя начав придумывать причину, чтобы отложить поездку в город.

— Не хочу даже смотреть на него до тех пор, пока не перекушу и не приму еще банку-другую,— сказал Нортон.— Что случилось, то уже случилось, Дэйв.

Мы забрались все втроем на переднее сиденье «скаута», и я задним ходом выехал из гаража. Под колесами захрустели сорванные бурей ветки. Стефф стояла на бетонной дорожке, ведущей к грядкам в западном конце нашего участка. В одной руке она держала садовые ножницы, в другой тяпку. На голову она надела старую мятую панаму, и лицо ее было в тени. Я дал два коротких гудка, она помахала в ответ рукой, в которой держала ножницы, и мы выехали на дорогу.

С тех пор я больше ее не видел.

Шоссе Канзас-роуд оказалось свободным от завалов, но в некоторых местах мы видели оборванные провода, а примерно в четверти мили за туристским лагерем «Викки-Линн» в канаве лежал столб, у верхушки которого толстые провода спутались в какой-то дикой прическе.

— Однако нам досталось от непогоды,— сказал Нортон своим гладким, натренированным в судебных заседаниях голосом, но сейчас он не работал на публику, а просто, видимо, был озабочен.

— Да уж.

Нортон допил пиво, раздавил банку рукой и, не задумываясь, бросил ее на пол «скаута».

Билли принялся крутить ручки радиоприемника, и я попросил его посмотреть, вернулись ли в эфир «ВОКСО». Он прогнал дви-

жок до конца длинноволнового диапазона, но, кроме нудного гудения, ничего не поймал, и я попытался вспомнить, какие еще станции располагались по ту сторону этого странного тумана.

— Попробуй «ВБЛМ»,— сказал я.

Он прогнал движок в другую сторону, пройдя через передачи еще двух станций. Эти передавали, как обычно, но «ВБЛМ», основная станция в Мэне, специализирующаяся на прогрессивном роке, молчала.

— Странно,— сказал я.

— Что — странно? — спросил Нортон.

— Нет, ничего. Просто мысли вслух.

Билли вернулся к одной из музыкальных станций, и довольно скоро мы приехали в город.

Прачечную «Нордж» в торговом центре закрыли, поскольку без электричества в автоматической прачечной делать нечего, но бриджтонская аптека и супермаркет «Федерал Фудс» работали. Как всегда в середине лета, на автостоянке перед супермаркетом было полно машин, и среди них много с номерами других штатов. Тут и там на солнцепеке стояли небольшие группки людей, видимо, обсуждали бурю, женщины с женщинами, мужчины с мужчинами.

Я заметил миссис Кармоди, повелительницу чучел и проповедницу воды из трухлявого пня. Одетая в ослепительный канареечного цвета брючный костюм, она вплыла в двери супермаркета. Сумка, размерами похожая скорее на чемодан, висела у нее через руку. Потом какой-то идиот в джинсовой куртке, зеркальных очках и без шлема с ревом пронесся мимо меня на «Ямахе», едва не задев передний бампер.

— Глупая скотина! — прорычал Нортон.

Я объехал стоянку по кругу, подыскивая место получше. Мест не было, и я уже совсем решился на долгую прогулку пешком из дальнего конца стоянки, когда мне повезло: из ряда, ближайшего ко входу в супермаркет, начал выбираться «кадиллак» размером с автобус. Как только он освободил место, я мгновенно его занял.

Список покупок я вручил Билли. Хотя ему всего пять, он умеет читать печатные буквы.

— Бери тележку и начинай. Я попробую позвонить маме. Мистер Нортон тебе поможет. Я скоро.

Мы выбрались из машины, и Билли сразу же схватил Нортона за руку. Мы давным-давно приучили его не ходить по автостоянке без взрослых, и он до сих пор не забыл этого. Нортон сначала удивился, но потом улыбнулся, и я почти простил ему то, как он ощупывал глазами Стефф.

Я двинулся к телефону, что находился между аптекой и прачечной. Какая-то, видимо, изнемогающая от жары женщина в фиолетовом купальнике стояла у телефона и непрерывно дергала за рычаг. Остановившись за ее спиной, я сунул руки в карманы, размышляя, почему я так волнуюсь за Стефф и почему это волне-

ние как-то связано с линией белого матового тумана, замолчавшими радиостанциями и «Проектом Стрела».

Женщина с обгоревшими, покрытыми веснушками полными плечами выглядела, как вспотевший оранжевый ребенок. Она швырнула трубку на рычаг, повернулась к аптеке и тут заметила меня.

— Не тратьте деньги. Одно только «ту-ту-ту»,— сказала она раздраженно и пошла прочь.

Я чуть не хлопнул себя по лбу. Конечно же, где-нибудь оборвало и телефонные провода. Часть из них проложена под землей, но ведь далеко не все. На всякий случай я попробовал позвонить. Телефоны-автоматы в здешних местах из тех, что Стефф называет «параноидными». Вместо того, чтобы сразу опустить туда десять центов, вы сначала слышите гудок, потом набираете номер. Когда кто-то отвечает, телефон автоматически отключает звук, и вы должны срочно, пока там не повесили трубку, запихать свою монету. Это раздражает, но в тот день я действительно сэкономил десять центов. Как сказала дама в купальнике, только «ту-ту-ту».

Толкнув дверь, я вошел в магазин и первым делом заметил, что кондиционеры не работают. Летом их тут включают так, что, если пробудешь в магазине больше часа, наверняка что-нибудь себе отморозишь.

Как все современные супермаркеты, «Федерал» больше всего напоминал лабиринт, где волей современной техники торговли все покупатели превращаются в подопытных белых крыс. То, что вам действительно нужно, например, такие продукты, как хлеб, молоко, мясо, пиво, замороженные обеды,— все это находится в самом дальнем конце магазина, и, чтобы попасть туда, вам нужно пройти мимо того, что покупается под влиянием момента, мимо всех «ненужных» предметов, начиная от зажигалок и кончая резиновыми костями для собак.

Я двинулся вдоль стеллажей, потом свернул налево и нашел своих только в третьем проходе, где Билли остановился в задумчивости перед упаковками желе и концентрата для пудинга. Нортон стоял у него за спиной, заглядывая в список в таком замешательстве, что я невольно улыбнулся.

Я стал пробираться к ним мимо наполовину загруженных тележек (очевидно, Стефф была не единственной, у кого сработал «беличий» инстинкт) и обирающих стеллажи покупателей. Нортон выбрал две банки начинки для пирога и положил их в тележку.

— Как успехи?— спросил я, и Нортон оглянулся с видом явного облегчения.

— Все в порядке, да, Билли?

— Конечно,— сказал Билли и, не удержавшись, добавил довольно ехидным тоном: — Правда, здесь записано еще много такого, что мистер Нортон тоже не смог разобрать.

Возле каждого пункта, что они с Билли выполнили, Нортон

поставил по-адвокатски аккуратную галочку — примерно с полдюжины, включая молоко и упаковку кока-колы. Оставалось еще с десяток различных продуктов.

— Придется нам вернуться во «Фрукты и овощи»,— сказал я.— Маме нужны помидоры и огурцы.

Билли принялся разворачивать тележку, когда Нортон сказал:

— Ты лучше посмотри, какая там очередь, Дэйв.

Я пошел смотреть. Такое можно иногда увидеть лишь в газете на фотографии с какой-нибудь забавной надписью в дни, когда им больше нечего печатать. Работали только две кассы, и двойная очередь людей с покупками тянулась мимо почти опустевших хлебных стеллажей, загибалась вправо и исчезала из вида за рефрижераторами с замороженными продуктами. Новенькие, компьютеризованные кассовые аппараты стояли под чехлами, а на контроле две уже измучившиеся девушки подсчитывали стоимость покупок на батарейных калькуляторах. Рядом с ними стояли двое служащих супермаркета, Бад Браун и Олли Викс. Олли мне всегда нравился больше, чем Бад, который, как мне кажется, считал себя неким Шарлем де Голлем мира универмагов.

Когда каждая из девушек заканчивала подсчет, Бад или Олли подкалывали листки с суммой к банкнотам или чекам покупателей и бросали их в специальный ящик. Все четверо, похоже, взмокли и устали.

— Надеюсь, ты захватил с собой хорошую книгу,— сказал Нортон, присоединяясь ко мне.— Мы, видимо, долго простоим.

Я вновь подумал о Стефф, оставшейся дома в одиночестве, и опять испытал какое-то неуютное чувство.

— Ты говорил с мамой?— потянул Билли меня за рубашку.

— Нет. Телефон не работает.

— Ты волнуешься за нее?

— Нет,— солгал я. В действительности я волновался, сам не понимая, почему.— Нет, конечно. А ты?

— Не-е-е...— Но он тоже волновался, и по его лицу это было заметно.

Нам следовало бы ехать домой сразу. Но даже тогда, может быть, уже было поздно.

ГЛАВА 3

Пробираясь обратно к фруктам и овощам, я чувствовал себя, словно лосось, сражающийся с течением. Стали попадаться знакомые лица: Майк Хатлен, один из членов городского управления, миссис Репплер, учительница начальных классов (гроза нескольких поколений третьеклассников с улыбкой разглядывала стеллаж с дынями), миссис Терман, которая иногда оставалась посидеть с Билли, когда мы со Стефф отправлялись куда-нибудь вдвоем. Но в основном здесь собрались люди, приехавшие на лето: они запасались не требующими приготовления продуктами

и перебрасывались шутками насчет «суровых условий», в которых приходится проводить отпуска. Отдел копченостей и прочих закусок они подчистили так же основательно, как бывает, подчищают стенды с десятипроцентовыми книгами в день дешевой распродажи: там не осталось ничего, кроме сосисок, фарша и одинокого несъедобного вида батона колбасы.

Я взял помидоры, огурцы и банку майонеза. Стефф нужен был еще бекон, но бекона уже не осталось, и я прихватил вместо него колбасного фарша, хотя с тех пор, как газеты сообщили, что в каждой упаковке содержится небольшое количество «примесей» от насекомых (бесплатный довесок), я никогда не ел его с большим энтузиазмом.

— Посмотри,— сказал Билли, когда мы свернули за угол в четвертом проходе.— Вон — солдаты.

Их было двое, и серая форма сразу бросилась в глаза на фоне более яркой летней одежды и спортивных костюмов остальных покупателей. Все давно привыкли к появлению на улицах военнослужащих: примерно миль тридцать отделяло город от «Проекта Стрела». Эти двое выглядели так, словно бриться начали совсем недавно.

Я посмотрел список и убедился, что мы взяли все, что нужно... Нет, почти все. В самом конце, словно вспомнив об этом напоследок, Стефф подписала: «Бутылка „Лансерс“»?

Оставив тележку, я пошел к винным стеллажам, выбрал бутылку и двинулся обратно мимо большой двустворчатой двери в складское помещение, из-за которого доносилось ровное гудение сильного генератора. Но, видимо, его хватало только на то, чтобы поддерживать холод в рефрижераторах, а на автоматические двери, кассовые аппараты и другое электрическое оборудование мощности уже недоставало. Звук был такой, словно за дверью работал мотоцикл.

Когда мы встали в очередь, появился Нортон с двумя упаковками светлого пива, буханкой хлеба и колбасой, которую я заметил раньше, и встал в очередь рядом с нами. Без кондиционирования в помещении магазина было жарко, и я подумал, что тут стало бы гораздо лучше, если бы кто-нибудь из подсобных рабочих по крайней мере застопорил входные двери в открытом положении. Через два прохода позади от нас я видел грузчика Бадди Иглтона в его красном фартуке, но он явно не собирался трогаться с места. От монотонного гудения генератора у меня начала болеть голова.

— Положи продукты в нашу тележку,— сказал я Нортону.

— Благодарю.

Теперь очередь тянулась мимо секции замороженных продуктов, и, чтобы добраться к нужным стеллажам, покупателям приходилось, постоянно извиняясь, пробираться через два ряда людей.

— Мы здесь хрен знает сколько будем стоять,— угрюмо про-

бормотал Нортон, и я нахмурился: на мой взгляд, такого рода выражения Билли лучше не слышать.

Когда очередь проползла немного вперед, рев генератора стал менее слышен, и мы с Нортоном разговорились, старательно обходя тему раздора из-за земли, в результате которого мы оба оказались в суде, и касаясь лишь шансов на победу команды «Ред Сокс» и погоды. Исчерпав наконец запас ни к чему не обязывающих тем, мы оба замолчали.

— М-м-м. Почему они так медленно, пап? — спросил Билли, лицо которого все еще сохраняло встревоженное выражение, и внезапно окутывающий меня туман беспокойства на мгновение расступился. Сквозь него проглянуло что-то ужасное — блестящее металлическое лицо страха.

— Спокойнее, малыш,— пробормотал я.

Внезапно откуда-то издалека возник похожий на крик звук. Он быстро приближался и превратился в вой полицейской сирены. С перекрестка донесся автомобильный гудок, потом визг тормозов. Оттуда, где я стоял, видно было плохо, но вскоре звук сирены достиг максимальной громкости, когда полицейская машина пронеслась мимо супермаркета, и стал стихать по мере того, как она удалялась. Несколько человек, стоявших в очередях, пошли посмотреть, в чем дело, но большая часть осталась на месте: люди стояли слишком долго, чтобы рисковать потерять свою очередь.

Нортон пошел: его покупки все равно лежали в нашей тележке. Через несколько секунд он вернулся и встал на место.

— Местные легавые,— прокомментировал он.

Тут, медленно перерастая в крик, стихая, потом снова возвышаясь до крика, завыла сирена городской пожарной охраны. Билли взял меня за руку. Вернее, схватил.

— Что это, папа? — спросил он. И тут же еще: — Ты думаешь, с мамой все в порядке?

— Должно быть, пожар на Канзас-роуд,— сказал Нортон,— Эти чертовы оборванные провода.

Какой-то парень распахнул входную дверь, и мне показалось, что это был тот самый, что чуть не врезался в нашу машину на «Ямахе».

— Туман! — закричал он.— Что творится! Это надо видеть!

Люди стали поворачиваться к парню. Он дышал тяжело, словно долго бежал. Все молчали.

— В самом деле, это надо видеть,— повторил он, на этот раз уже будто оправдываясь.

Люди продолжали молча глядеть на него, кто-то шаркнул ногой, но уходить из очереди никто не хотел. Несколько человек из тех, что еще не встали в очередь, бросили свои тележки и прошли мимо неработающих касс посмотреть, о чем идет речь.

Очередь снова двинулась вперед. Люди вытягивали шеи, стараясь разглядеть туман, о котором говорил вбежавший в магазин парень, но через окно было видно лишь чистое голубое небо. Кто-

то сказал, что парнишка, видимо, пошутил. Кто-то ответил, что меньше часа назад видел полосу необычного тумана на озере. Пожарная сирена продолжала надсадно завывать. Все это мне очень не понравилось. Слишком сильно отдавало большой катастрофой.

Еще несколько человек вышли на улицу. Некоторые даже оставили место в очереди, отчего она продвинулась чуть дальше. Затем старый седой Джон Ли Фровин, механик с заправочной станции «Тексако», прошмыгнул в магазин и крикнул:

— Эй! У кого-нибудь есть фотоаппарат?

Он оглядел зал и выскочил обратно на улицу. Тут уже все зашевелились: если зрелище стоит того, чтобы его фотографировать, то уж хотя бы посмотреть надо обязательно.

Неожиданно своим ржавым, но сильным старческим голосом закричала миссис Кармоди:

— Не ходите туда!

Люди стали оборачиваться к ней. Стройная очередь распалась: кто-то отправился посмотреть на туман, кто-то просто отошел, разыскивая своих друзей. Привлекательная молодая женщина в красной блузке и темно-зеленых брюках задумчиво, оценивающе смотрела на миссис Кармоди. Кассирша рядом с Бадом Брауном обернулась, и тот постучал ее по плечу своим длинным пальцем.

— Не отвлекайся, Салли.

Снова закричала миссис Кармоди:

— Не ходите туда! Там смерть! Я чувствую, что там смерть!

Бад и Олли, хорошо знавшие ее, лишь раздраженно поморщились, но приезжие, даже стоявшие в очереди, тут же отошли от нее подальше. Видимо, к этим крикливым старухам в больших городах относятся так же. Словно они переносчицы какой-то заразной болезни. Впрочем, кто знает? Может быть, так оно и есть.

Тут через входную дверь ввалился мужчина с разбитым носом.

— Там что-то есть в тумане! — закричал он. Билли прижался ко мне, то ли испугавшись этого человека с окровавленным лицом, то ли того, что он говорил.

— Там в тумане что-то есть! — продолжал кричать мужчина. — Что-то из тумана схватило Джона Ли! Что-то... — Покачнувшись, он наткнулся спиной на витрину с подкормкой для газонов и опустился рядом с ней на пол. — Что-то из тумана схватило Джона Ли, и я слышал, как он кричал!

Ситуация переменилась. Волнение, вызванное бурей, а потом полицейскими и пожарными сиренами, растерянность, которую средний американец всегда испытывает при нарушении электроснабжения, атмосфера нарастающей напряженности, все это вдруг заставило людей зашевелиться.

Они не побежали. Сказав так, я создал бы у вас неверное впечатление. Паники не было. Никто не бежал, по крайней мере, большинство людей не бежало. Они просто пошли. Одни проби-

рались к большой витрине у конца кассового ряда, другие направились прямо к дверям, причем некоторые с неоплаченными покупками. Бад Браун тут же закричал требовательным голосом:

— Эй! Вы не заплатили! Эй, вы! Ну-ка вернитесь! Немедленно верните сюда пирожки с сосисками!

Кто-то рассмеялся над ним, и от этого сумасшедшего неестественного хохота остальные люди заулыбались. Но, даже улыбаясь, все они выглядели испуганно, неуверенно и неспокойно. Потом засмеялся кто-то еще, и Браун побагровел. Он выхватил коробку с грибами у дамы, которая пыталась протиснуться мимо него к окну, облепленному людьми.

— Отдайте мои грибочки,— завизжала дама, и это неуместное уменьшительное «грибочки» вызвало истерический хохот еще у двоих мужчин, стоявших рядом.

Происходящее чем-то уже стало напоминать сумасшедший дом. Миссис Кармоди продолжала трубить, чтобы мы не выходили на улицу. Не переставая, завывала пожарная сирена, словно крепкая старуха, заставшая у себя дома вора. Билли заплакал.

— Папа, что это за человек в крови? Почему?

— Все в порядке, Большой Билл, он просто расшиб себе нос. Не волнуйся.

— Что он имел в виду, этот человек? Про что-то там в тумане? — спросил Нортон, усиленно хмурясь, что, видимо, заменяло ему замешательство.

— Папа, я боюсь,— сквозь слезы выдавил Билли.— Пожалуйста, давай поедем домой.

Кто-то пробежал мимо, грубо меня толкнув, и я взял Билли на руки. Я тоже испугался. А смятение нарастало. Салли, кассирша, работавшая рядом с Бадом Брауном, попыталась встать, и он вцепился в воротник ее красного халата. Ткань лопнула, и кассирша, отмахиваясь от него руками, вырвалась, закричав:

— Убери свои поганые лапы!

— Заткнись,— рявкнул Браун, но по его голосу чувствовалось, что он в полной растерянности.

Он снова потянулся за ней, но его остановил Олли Викс:

— Бад! Остынь!

Кто-то еще закричал. Если раньше паники не было, почти не было, то теперь обстановка быстро приближалась к панической. Люди текли из обеих дверей. Послышался звон бьющегося стекла, и по полу разлилась пузырящаяся лужа кока-колы.

— Боже, что происходит? — воскликнул Нортон.

И в этот момент начало темнеть. Я подумал было, что отключился свет в зале, и совершенно рефлекторно задрал голову, взглянул на флуоресцентные лампы. И не один я решил, что потемнело именно из-за этого. Потом я вспомнил, что тока нет, и что лампы не горели все время, пока мы были в магазине. Но ведь света хватало... И тут я понял, даже раньше, чем люди, стоявшие у окон, которые начали кричать и указывать руками на улицу.

Надвигался туман.

Туман катился с Канзас-роуд, и даже с близкого расстояния он казался таким же, каким я впервые заметил его на озере. Белый, чистый, он быстро продвигался, и вместо солнца на небе осталась теперь маленькая серебряная монета, словно полная луна, видимая зимой сквозь тонкий покров облаков.

Казалось, что туман лишь лениво ползет, но в природе есть явления, протекающие с такой же плавной, гипнотизирующей быстротой, например, ураганы и торнадо. Они буквально завораживают, как заворожил смерч стоявших у панорамного окна Билли и Стефф.

Туман катился по двухрядному шоссе и постепенно скрывал его под собой. Вот поглотило голландский домик Маккеонсов. Какое-то время из тумана еще торчал второй этаж стоявшего по соседству ветхого дома, но потом и он пропал. Дорожные знаки с призывом «Держись правой стороны» у въезда на стоянку супермаркета и выезда с нее тоже исчезли, хотя сами буквы еще несколько секунд плавали в воздухе.

— Боже, что происходит? — снова спросил Нортон, и на этот раз в его голосе что-то дрогнуло.

Широкое стекло витрины заволокло ровным белым цветом. Дальше урны, стоявшей в четырех футах от окна, я не мог разглядеть почти ничего. Едва виден был лишь передний бампер моего «Скаута».

Послышался долгий и громкий женский крик. Билли прижался ко мне еще плотнее. Он дрожал, словно в лихорадке. Какой-то мужчина вскрикнул и бросился мимо одной из пустующих касс к выходу. Видимо, с этого и началась паника. Люди беспорядочной толпой бросились к двери.

— Эй! — заорал Браун. Я не знаю, был ли он напуган, рассержен или и то и другое сразу. Лицо его стало почти фиолетовым, на шее канатами вздулись вены.— Эй, вы все! Вы не имеете права... Ну-ка, вернитесь сюда с продуктами. Это — воровство!

Люди не останавливались, хотя некоторые все же побросали взятые было продукты. Кто-то рассмеялся. Люди вливались в туман, и никто из нас, оставшихся, больше их не видел. Через распахнутые двери в супермаркет проникал слабый едкий запах. На выходе началась толчея. Кто-то кого-то толкнул, кто-то кого-то ударил.

Нортон с каким-то отрешенным выражением лица пошел к двери. От тяжести у меня заболели плечи: Билли — парень довольно крупный. Стефф в шутку иногда называла его молодым теленком. Я пересадил его на другую руку, чтобы остановить Нортона.

— Не стоит пока,— посоветовал я.

— Что? — спросил он, обернувшись.

— Лучше подождем.

— Чего подождем?

— Не знаю,— сказал я.

— Не думаешь ли ты...— начал было он, но тут кто-то пронзительно закричал в тумане.

Нортон замолчал. Пробка у выхода из магазина чуть рассосалась, потом люди бросились назад. Гомон возбужденных голосов, крики — все смолкло. Лица людей у дверей вдруг стали бледными и какими-то плоскими, словно двухмерными.

Крик с улицы не прекращался, соревнуясь с пожарной сиреной. Неужели в человеческих легких может хватить воздуха на такой долгий пронзительный крик?

— О, господи,— пробормотал Нортон, взъерошив волосы обеими руками.

Неожиданно крик оборвался, словно его отрезало. Один мужчина вышел на улицу. Наверно, он хотел помочь этой женщине. Какое-то мгновение его было видно через стекло и туман, словно сквозь пленку высохшего молока на стакане, а потом что-то двинулось к нему, какая-то серая тень на фоне белизны. Мне показалось, что он не вошел, а с раскинутыми от неожиданности руками был буквально вдернут в туман.

Несколько секунд в зале супермаркета царило молчание. Внезапно целое созвездие лун вспыхнуло снаружи: включились фонари на автостоянке, питание к которым, видимо, подводилось подземными кабелями.

— Не ходите туда! — завопила миссис Кармоди своим каркающим голосом.— Там — смерть!

Желающих спорить с ней не оказалось.

Снаружи донесся еще один крик, приглушенный расстоянием, и Билли вздрогнул, прижимаясь ко мне.

— Дэвид, что происходит? — спросил Олли Викс, оставив свое место у кассы. На его гладком круглом лице застыли крупные капли пота.— Что это?

— Если бы я знал, черт побери! — не сдержался я.

Олли выглядел очень испуганным. Жил он один в симпатичном маленьком домике на берегу озера Хайлэнд, любил заходить в бар у Приятной Горы. На мизинце левой руки Олли носил кольцо с сапфиром.

— Ничего не понимаю,— выдохнул он.

— Я тоже. Билли, у меня руки отрываются... Придется поставить тебя на пол. Я буду держать тебя за руку, о'кей?

— Мама...— прошептал он.

— С ней все в порядке,— сказал я. Надо же было что-нибудь сказать.

Мимо нас прошел старик, хозяин комиссионного магазинчика, что рядом с «Рестораном Джона», как всегда, в свитере с названием колледжа, который он носил круглый год.

— Это одно из тех ядовитых облаков... Заводы в Рамфорде и Саут-Парке... Химикалии...— буркнул он и двинулся дальше по проходу мимо лекарств и туалетной бумаги.

— Надо смываться отсюда, Дэвид,— нервно сказал Нортон, впрочем, без всякого убеждения в голосе.— Что ты думаешь, если...

Тут нас тряхнуло. Ногами я почувствовал странный тяжелый удар, словно здание неожиданно упало с высоты фута в три. Музыкальным звоном отозвались бутылки, падая с полок на плиточный пол. От одной из секций витринного стекла откололся стеклянный клин, и я заметил, как прогнулись и кое-где расщепились деревянные рамы, удерживающие стекла.

Вой пожарной сирены внезапно оборвался. Люди настороженно молчали в наступившей тишине, словно ждали чего-то, чего-то худшего.

— Эй, люди! — крикнул Нортон.— Слушайте все!

Люди стали оборачиваться. Нортон поднял руку с раскрытой ладонью над головой, словно политический деятель, произносящий слова присяги.

— Выходить на улицу сейчас опасно!

— Почему? — выкрикнула какая-то женщина.— У меня дома дети. Мне нужно к ним.

— Там, на улице — смерть! — вылезла в проход миссис Кармоди. Она встала рядом с уложенными у окна двадцатипятифунтовыми мешками с удобрениями. Ее лицо показалось мне припухшим, словно его раздуло изнутри.

Какой-то подросток толкнул ее, и она, удивленно хрюкнув, осела на мешки.

— Заткнись, ты, карга старая! Несешь всякую чушь собачью!

— Прошу вас! — продолжал Нортон.— Если мы немного подождем, туман развеется и мы увидим...

Ответом послужил шквал противоречивых возгласов.

— Мистер Нортон прав,— поддержал я, стараясь перекричать шум.— Давайте наберемся терпения.

— Я думаю, это было землетрясение,— сказал мягким голосом мужчина в очках. В одной руке у него были сверток пирожков с мясом и пакет с булочками, другой он держал за руку маленькую девочку, может быть, на год моложе Билли.— Честное слово, землетрясение.

С какого-то стеллажа, видимо откинутая на самый край ударом, землетрясением или чем бы это там ни было, упала запоздавшая банка, громко и неожиданно загремев на полу. Билли расплакался.

— Я хочу домой! Я хочу к ма-а-аме!

— Будь добр, заткни ему пасть,— рявкнул Бад Браун. Глаза его быстро, но бесцельно метались из стороны в сторону.

— А в зубы не хочешь? — осведомился я.

— Дэйв, ну пожалуйста... Лучше от этого не будет...— проговорил Нортон, думая о чем-то другом.

— Очень жаль,— сказала женщина, кричавшая про детей.—

Мне очень жаль, но я не могу здесь оставаться. Мне надо домой, к детям.

И она медленно обвела нас всех взглядом. Блондинка с привлекательным лицом.

— Ванда должна смотреть за маленьким Виктором, понимаете? Ванде всего восемь, и она иногда забывает... Забывает, что ей положено смотреть за ним, знаете?.. А маленький Виктор... Он любит включать конфорки на плите; там загораются такие маленькие красные лампочки... Ему нравятся лампочки... А иногда он выдергивает вилки из розеток... А Ванда... Ей надоедает смотреть за ним... Ей всего восемь...— женщина замолчала и вновь посмотрела на нас. Должно быть, мы казались ей шеренгой безжалостных глаз, не людей, а одних только глаз.— Неужели никто не поможет мне?— вдруг закричала она. Губы ее задрожали.— Неужели... Неужели никто не проводит женщину до дома?

Никто не ответил. Женщина переводила взгляд своих несчастных глаз с одного лица на другое. Какой-то толстяк шагнул было к ней, но жена рывком дернула его назад и крепко схватила за запястье.

— Вы?— спросила блондинка Олли.

Тот отрицательно покачал головой.

— Вы?— обратилась она к Баду.

Бад накрыл рукой калькулятор, лежавший на прилавке, и промолчал.

— Вы?— повернулась она к Нортону, и он начал что-то говорить своим сильным адвокатским голосом о том, что нельзя, мол, так, сломя голову... Женщина махнула на него рукой, и он смущенно замолк.

— Вы?— спросила она меня, и я снова взял Билли на руки, держа его как щит, будто пытался отразить этот ужасный взгляд сломленного бедой человека.

— Чтоб вы все сгорели в аду...— прошептала она. Не выкрикнула, а именно прошептала смертельно усталым голосом. Потом подошла к двери и оттянула ее двумя руками.

Я хотел было окликнуть ее, но у меня пересохло во рту.

— Э-э-э, леди, послушайте...— произнес парень, накричавший на миссис Кармоди, и схватил ее за руку.

Женщина поглядела на руку. Парень, покраснев, отпустил ее, и она вышла на улицу. Туман поглощал ее, делая бесплотной, оставляя вместо человека лишь размытый набросок фигуры на самой белой в мире бумаге, и никто не произнес ни слова. Какое-то время она была как надпись «Держись правой стороны», плавающая в воздухе: ее руки, ноги, светлые волосы стерлись, осталось только пятно красного летнего платья, казалось, танцующего в белом пространстве. Потом исчезло и оно, и никто не проронил ни слова.

ГЛАВА 4

Билли расплакался, сквозь слезы требуя маму, и я повел его по одному из проходов, обняв за плечи. Мы остановились у длинного белого холодильника с мясом, расположенного вдоль всей задней стены магазина.

Я сел на пол, посадил Билли на колени, прижал лицом к себе и стал успокаивать. Я говорил неправду, которую родители обычно держат про запас для тяжелых случаев, ту самую неправду, которая так убедительно звучит для ребенка.

— Это не простой туман,— прохныкал Билли, взглянув на меня потемневшими, полными слез глазами.— Да, папа?

— Да, думаю, это не простой туман,— здесь я лгать не хотел.

Билли начал клевать носом. Я не шевелился, опасаясь, что он может снова проснуться, но вскоре он заснул по-настоящему. Возможно, Билли плохо спал этой ночью, когда мы легли все вместе в первый раз с тех пор, как он вышел из младенческого возраста. А возможно — при этой мысли внутри у меня будто пронесся холодный вихрь,— возможно, он предчувствовал что-то еще.

Я положил Билли на пол и пошел искать, чем бы его укрыть. Почти все, оставшиеся в магазине, до сих пор стояли у витрин, вглядываясь в плотный покров тумана. Нортон собрал небольшую группу слушателей и продолжал что-то говорить. Бад Браун твердо стоял на посту, но Олли Викс уже покинул свое место у кассы. Несколько человек с испуганными лицами отрешенно бродили в проходах.

Через большую двойную дверь между рефрижераторным шкафом для мяса и охладителем пива я прошел в складское помещение, где за фанерной перегородкой ровно гудел генератор. Что-то здесь было не так. Сильно пахло дизельным выхлопом. Я двинулся к перегородке, стараясь дышать неглубоко, потом расстегнул рубашку, задрал ее и закрыл нос и рот скомканной тканью.

Узкий длинный склад скудно освещали два ряда аварийных лампочек. Повсюду стояли штабеля коробок: пачки отбеливателя с одной стороны, ящики с безалкогольными напитками — с другой, дальше — упаковки макарон с мясом и коробки с кетчупом.

Я открыл задвижку на дверце генераторного отсека и прошел внутрь. Машину окутывали маслянистые клубы голубого дыма. Выхлопная труба выходила на улицу через отверстие в стене, и, очевидно, что-то забило ее снаружи. Я щелкнул выключателем: генератор чихнул, плюнул дымом, закашлялся и умолк, издав напоследок серию затихающих меленьких хлопков, напомнивших мне упрямую бензопилу Нортона.

Аварийное освещение погасло. Оставшись в темноте, я испугался и тут же потерял ориентацию. Выходя из отсека, я ударился носом о хлипкую фанерную дверь, и сердце у меня екнуло. На входных дверях, ведущих на склад, имелись окна, но по какой-то причине их закрасили черной краской, отчего темнота была почти

полной. Я сбился с пути и наткнулся на штабель коробок с отбеливателем, которые тут же посыпались на пол. Одна из них пролетела у самого моего лица. Невольно шагнув назад, я споткнулся о другую, растянулся на полу и так сильно ударился головой, что перед глазами у меня засверкали яркие звезды. Хорошенькое представление!

Некоторое время я лежал, ругая самого себя, и потирал ушибленное место. Заставлял успокоиться, чтобы затем подняться и выйти на свет, к Билли.

Я осторожно встал, пытаясь найти взглядом карандашную линию света между створками двери, и наконец увидел еле заметную царапину на полотне тьмы. Двинулся туда и тут же замер, услышав какой-то звук.

Мягкий скользящий шорох. Он прекратился, потом снова возник с легким осторожным постукиванием. Внутри у меня все обмерло, словно я волшебным образом вновь стал четырехлетним ребенком. Звук доносился не из магазина, а откуда-то из-за спины. Снаружи. Оттуда, где туман. Что-то скользило и скребло там по шлакобетону. Пытаясь, может быть, пробраться сюда.

А может быть, оно уже внутри и тянется ко мне? Может быть, через мгновение я почувствую, как это что-то ползет по моему ботинку или хватает меня за шею...

Снова раздался шорох. Теперь я был уверен, что звук шел снаружи. Но легче от этого не стало. Я с трудом заставил свои ослабевшие ноги двигаться. Потом звук изменился, и что-то проскребло в темноте. Сердце у меня екнуло, и я бросился вперед к тонкой вертикальной линии света, изо всех сил ударил по двери вытянутыми руками и вылетел в помещение магазина.

Несколько человек стояли у дверей, среди них Олли Викс. Они испуганно отскочили назад, а Олли схватился за сердце.

— Дэвид! — выдавил он.— Боже... Ты что, хочешь лишить меня десяти лет... И тут он увидел мое лицо.— Что с тобой?

— Ты слышал? — спросил я, и собственный голос показался мне странным — высоким и визгливым.— Вы ничего не слышали?

Они, конечно, ничего не слышали. А сюда пришли просто посмотреть, почему не работает генератор. Пока Олли мне все это объяснял, появился носильщик Норм с охапкой батареечных фонариков и с любопытством поглядел сначала на Олли, потом на меня.

— Я отключил генератор,— сказал я и объяснил почему.

— А что ты слышал? — спросил один из мужчин, работавший в городском управлении дорог. Звали его Джим... Фамилию я тогда не вспомнил.

— Не знаю. Какой-то скребущий звук. Не хотел бы я снова его услышать.

— Нервы,— хмыкнул еще один мужчина из тех, что подошли вместе с Олли.

— А ты слышал этот звук до того, как погас свет?

— Нет. После. Но...— Добавить мне было нечего. Я видел, как они смотрят на меня. Им не хотелось ни плохих новостей, ни чего-то пугающего, ни даже необычного. Всего этого уже было достаточно. Только Олли смотрел так, словно поверил мне.

— Надо бы снова включить генератор,— сказал носильщик, раздавая фонарики.

Олли взял фонарик и посмотрел на него с сомнением.

Носильщик предложил один и мне. После секунды раздумий я взял фонарик: мне все равно нужно было найти что-нибудь, чем можно укрыть Билли.

Олли распахнул двери, застопорил их, чтобы хоть немного света попадало в помещение склада, и я увидел разбросанные по полу коробки с отбеливателем около приоткрытой двери в генераторный отсек.

Джим принюхался и сказал:

— Действительно, запах сильный. Ты сделал правильно, Дэвид.

Лучи фонариков запрыгали по коробкам с туалетной бумагой и банками консервов для собак. В лучах клубился дым, который заблокированная выхлопная труба вернула в помещение склада. Носильщик повел фонариком вправо, в сторону широкой загрузочной двери. По стенам прыгали изогнутые чудовищные тени от бегающих и пересекающихся лучей.

Носильщик пошел к загрузочной двери.

— Я не стал бы выходить,— обронил я.

— Знаю, что ты не стал бы...

— Попробуй теперь, Олли,— сказал один из мужчин, кивнув на генератор.

Генератор чихнул и заревел.

— Черт! Выключай! Фу, зараза, какая вонь!

Генератор снова заглох.

Носильщик вернулся от двери как раз тогда, когда остальные выбрались из генераторного отсека.

— Там в самом деле что-то мешает,— озабоченно произнес один из мужчин.

— Вот что,— предложил носильщик. Глаза его блестели в лучах фонариков, а на лице появилось бесшабашное выражение.— Вы его включите ровно настолько, чтобы можно было открыть загрузочную дверь. Я выскочу на улицу и освобожу трубу.

— Я не уверен, что это очень хорошая идея,— с сомнением произнес Олли.

— А что, эта дверь открывается электромотором?— спросил Джим.

— Точно,— ответил Олли.— Но я думаю, это неразумно...

— Все нормально,— перебил его второй мужчина, сдвигая на затылок свою бейсбольную шапочку.— Я справлюсь.

— Вы не понимаете...— снова начал Олли.— Я в самом деле не думаю, что кому-то...

— Послушайте, это была моя идея! — возмутился носильщик Норм.

И тут они принялись спорить, кто пойдет наружу, вместо того, чтобы решить, стоит ли это делать вообще. Ведь никто из них не слышал этого отвратительного скользящего звука.

— Прекратите! — крикнул я.

Все обернулись ко мне.

— Вы, похоже, еще не поняли, что это не обычный туман. И упорно не хотите понять. С тех пор, как он появился, никто не заходил в магазин. Если вы откроете эту дверь и что-нибудь заползет...

— Что заползет? — спросил Норм с типичной для восемнадцатилетнего бравадой.

— То, что издавало звуки, которые я слышал...

— Мистер Дрэйтон! — фыркнул Джим. — Я знаю, что вы важный художник со связями в Нью-Йорке, Голливуде и все такое, но это, на мой взгляд, не делает вас отличным от всех остальных людей. Я так понимаю, что вы оказались тут в темноте и, видимо, э-э-э... малость струхнули.

— Может быть, — согласился я. — Но если вам так хочется наружу, вам следовало бы прежде проводить ту леди до дома, где у нее остались дети...

Непонимание ситуации этими людьми одновременно и злило меня, и пугало. Глаза их горели, как у мальчишек в тире.

— Эй, — ухмыльнулся приятель Джима, — когда нам понадобится совет, мы вас спросим.

— Генератор на самом деле не так уж и нужен, — сказал Олли нерешительно. — Продукты в холодильных шкафах могут пролежать двенадцать часов и даже больше, если нужно, безо всякого...

— Ну, парень, вперед, — скомандовал Джим, не обращая на Олли никакого внимания. — Я включу генератор, а ты быстро поднимай дверь, пока здесь снова не завоняло дымом. Мы с Майроном будем у выхлопной трубы, так что крикни, когда освободишь ее.

— О'кей, — ответил Норм возбужденно и двинулся к двери.

— Это просто сумасшествие, — покачал головой я. — Вы позволили женщине идти одной...

— Я что-то не заметил, чтобы ты сам сильно рвался ее провожать.

— ...а теперь собираетесь позволить этому мальчишке рисковать жизнью из-за генератора, который даже не нужен.

— Заткнешься ты или нет! — крикнул Норм.

— Послушайте, мистер Дрэйтон, — проговорил Джим, и на губах его появилась холодная усмешка. — Вот что я вам посоветую: если вы захотите сказать что-нибудь еще, лучше пересчитайте сначала свои зубы...

Олли испуганно посмотрел на меня. Я пожал плечами.

Джим и его дружок Майрон сочли, что я сдался, и направились в генераторный отсек.

— Ты готов, Норм? — спросил Джим.

— Да.

— Норм, — сказал я, — не валяй дурака.

— Это ошибка, — выдавил Олли.

Норм затравленно оглянулся на нас, и лицо его вдруг стало лицом маленького ребенка. Кадык судорожно дернулся, и я понял, что он до смерти напуган. Он открыл было рот, собираясь что-то сказать — видимо, отказаться — но в этот момент снова взревел генератор, и Норм нажал кнопку справа от двери. Дверь медленно, со скрежетом поползла вверх по двум стальным направляющим. Когда заработал генератор, включилось аварийное освещение, но теперь лампы засветились вполсилы, из-за того, что мотор, поднимающий дверь, съедал какую-то часть мощности.

Тени отползли назад и растаяли. Склад начал наполняться мягким белым светом, словно в пасмурный зимний день, и я снова почувствовал этот странный едкий запах.

Дверь поднялась на два фута, потом на четыре, и в открывшемся проеме я увидел прямоугольную бетонную площадку, очерченную желтыми полосами, которые уже в трех футах от стены исчезали в невероятно плотном тумане.

— Оп-ля! — крикнул Норм.

Языки тумана, белые и прозрачные, словно взвешенное в воздухе кружево, поползли внутрь вместе с холодным воздухом. Утро было прохладным, особенно по сравнению с тремя последними неделями удушающей жары, но теперь уже стало по-настоящему холодно. Как в марте. Я вздрогнул и вспомнил о Стефф.

Генератор заглох, и как раз в тот момент, когда Норм, пригнувшись, нырнул в проем под дверью, Джим вышел из-за загородки. И тут он увидел. И я. И Олли.

Над дальним краем бетонной разгрузочной площадки прозмеилось щупальце и схватило Норма за ногу. У меня отвисла челюсть. Олли издал какой-то странный горловой звук. Щупальце было толщиной около фута в том месте, где оно обернулось вокруг ноги Норма, и, может быть, четыре-пять футов там, где его скрывал туман. Оно было серое сверху и почти телесно-розового цвета на внутренней стороне, там, где рядами располагались присоски, двигающиеся и шевелящиеся, словно сотни маленьких сморщенных ртов.

Норм посмотрел вниз и увидел, что его держит. Глаза его расширились от ужаса.

— Уберите это от меня! Эй, снимите это! Скорее уберите эту чертову штуку!

— О, господи! — простонал Джим.

Норм ухватился за нижнюю кромку двери. Щупальце чуть

вздулось, как мускулы на руке, когда ее сгибают, и вытянуло Норма до половины на улицу. Рубашка его зацепилась за нижний край двери, и ее вытащило из брюк. Норм снова рванулся.

— Помогите же мне! — всхлипывая, молил он. — Эй, вы, помогите мне! Пожалуйста!

Я стоял ближе всех. Схватив Норма за пояс, я дернул его на себя изо всех сил. Секунду мы действительно двигались назад, но только секунду. Это было все равно, что тянуть круглую резинку или конфету-тянучку. Щупальце подалось, но не отпустило. Из тумана выплыли еще три щупальца и потянулись к нам. Одно ухватило болтающийся красный фирменный фартук Норма и рывком содрало его.

Другие два щупальца слепо скользили взад-вперед по разгрузочной площадке, издавая тот самый скребущий звук, что я слышал раньше. Затем одно из них наткнулось на левое бедро Норма и скользнуло вокруг, задев меня за руку. Оно было теплое, пульсирующее и гладкое. Наверно, если бы оно вцепилось в меня своими присосками, я бы тоже оказался на улице. Но щупальце меня не тронуло, схватив только Норма. Третье обвило кольцами его другую лодыжку, и теперь все три тянули Норма наружу.

— Помогите же мне! — закричал я. — Олли! Кто-нибудь! Помогите!

Никто не подошел. Не знаю, что они там делали, но на помощь никто не пришел.

Я взглянул и увидел, как щупальце, обвившееся вокруг пояса Норма, впивается в кожу. Присоски в полном смысле слова поедали Норма. Из проеденной пульсирующим щупальцем полосы кожи начала сочиться кровь.

Я ударился головой о нижний край наполовину поднятой двери, и ноги Норма снова оказались на улице. Одна кроссовка соскочила с его ноги; из тумана тут же появилось новое щупальце, схватило ее и скрылось в тумане. Побелевшие пальцы Норма цеплялись за нижний край двери смертельной хваткой. Он больше не кричал, только голова его болталась из стороны в сторону да дико метались длинные черные волосы.

Из тумана появились новые щупальца, сначала около дюжины, потом целый лес. Большинство из них маленькие, но несколько было просто гигантских, толщиной, может быть, с облепленное мхом дерево, что еще утром лежало поперек дороги у нашего участка, с карамельно-розовыми присосками величиной с крышку люка. Одно такое огромное щупальце шмякнулось о бетон платформы и поползло в нашу сторону, словно слепой червь. Я снова дернул изо всех сил, и щупальце, державшее правую ногу Норма, чуть соскользнуло, но не больше.

Одно из щупалец коснулось моей щеки и зависло, дрожа, в воздухе, словно раздумывая. Я вспомнил о Билли, уснувшем у длинного белого мясного рефрижератора мистера Маквея. Если одна

из этих штук вцепится в меня, некому будет заботиться о сыне, кроме, может быть, Нортона...

Я отпустил Норма и упал на четвереньки. Щупальце скользнуло слева от меня, как бы перешагивая на присосках, потом тронуло руку Норма, замерло на секунду и обвило его кольцами.

Норм выглядел теперь, как фрагмент из кошмарного сна со змеями. Щупальца опутали его почти целиком и уже вились вокруг меня. Я неуклюже отпрыгнул в сторону, упал и откатился. Джим и Майрон замерли по обеим сторонам двери в генераторный отсек, словно восковые фигуры из музея мадам Тюссо, с бледными лицами и блестящими глазами.

— Включайте генератор! — закричал я.

Никто не двинулся с места. Они, не отрываясь, словно загипнотизированные, продолжали смотреть в проем загрузочной двери.

Я пошарил по полу, схватил первое, что попалось под руку, кажется, коробку отбеливателя, и швырнул ее в Джима. Он, охнув, схватился за ушибленное место. Что-то осмысленное наконец появилось в его взгляде.

— Включай этот чертов генератор! — заорал я так сильно, что заболело в горле.

Он не двинулся с места и принялся оправдываться, решив, видимо, что теперь, когда какая-то тварь вылезла из тумана и почти съела Норма живьем, наступило время выяснить, кто в этом повинен.

— Я не виноват,— визжал он.— Я не знал... Откуда я, черт побери, мог знать? Ты сказал, что слышал что-то, но я не понял, что ты имеешь в виду. Надо было лучше объяснить. Я думал... Не знаю... Может, птица какая...

Олли, опомнившись, оттолкнул его плечом в сторону и бросился в генераторный отсек. Джим споткнулся о коробку с отбеливателем и упал, как я тогда, в темноте.

— Я не виноват,— повторил он.

Его рыжая челка сбилась на лоб. Щеки стали белыми, а в глазах застыл ужас. Через секунду генератор кашлянул и заревел.

Я повернулся к загрузочной двери. Норма почти не было видно, но он все еще упорно цеплялся за дверь рукой. Щупальца буквально кишели вокруг него, а на бетон капали капли крови с десятицентовую монету. Голова Норма все еще болталась из стороны в сторону, а глаза, глядящие в туман, вылезали из орбит от ужаса.

Новые щупальца подползли ко входу и забрались внутрь помещения. Около кнопки, включающей дверной механизм, их оказалось так много, что туда страшно было подойти. Одно из них обвило бутылку пепси и унесло с собой. Другое скользнуло вокруг картонной коробки и сдавило ее. Картон лопнул, и из коробки фонтаном взметнулись рулоны туалетной бумаги, упакованные в целлофан, попадали на пол, раскатились. Щупальца расхватали их мгновенно.

Одно из самых больших щупалец заползло дальше других, чуть приподнялось кончиком от пола, словно принюхиваясь, и двинулось в сторону Майрона. Тот, бешено вращая глазами, отпрыгнул, и из помертвевших его губ вырвался истошный визг.

Я поискал глазами что-нибудь длинное, чтобы дотянуться до кнопки на стене над ищущими щупальцами, и заметил швабру, прислоненную к штабелю ящиков с пивом.

Норм упал на бетонную платформу, лихорадочно пытаясь уцепиться за что-нибудь еще. Взгляды наши на секунду встретились: я видел, что он понимает, какой конец ждет его. И через мгновение клубок щупалец, подпрыгивая и перекатываясь, потянул Норма в туман. Он издал последний сдавленный крик и исчез.

Я нажал кнопку рукояткой швабры, мотор взвыл, и дверь заскользила вниз: коснулась сначала самого толстого щупальца, того, что ползло в направлении Майрона, сдавила его, потом прорезала. Брызнула черная жижа. Щупальце бешено забилось, заметалось по складу, словно огромный невероятной толщины кнут. Потом вдруг сплющилось, скользнуло под дверь и исчезло. Остальные тоже начали отползать.

Одно из щупалец тянуло за собой пятифунтовую коробку собачьих консервов и никак не хотело ее оставлять. Опускающаяся дверь разрубила его надвое и с тяжелым стуком встала на место. Отрубленный кусок щупальца конвульсивно сжал упаковку, и по складу во все стороны разлетелись коричневые куски собачьего концентрата. Щупальце забилось на полу, словно рыба, выброшенная на берег. Оно сжималось и раскручивалось, но с каждым разом все медленнее, до тех пор, пока не замерло совсем. Я ткнул его рукояткой швабры, и трехфунтовый кусок щупальца хищно сжался вокруг нее, потом обмяк и упал.

Все стихло, только генератор продолжал гудеть и надрывно плакал за фанерной перегородкой Олли. Через открытую дверь я видел, как он раскачивается на стуле, закрыв руками лицо.

Затем я осознал, что слышу еще какой-то звук. Мягкое скользящее шуршание, которое я слышал раньше, только теперь оно стало в десять раз сильнее: щупальца за загрузочной дверью, пытающиеся проникнуть в помещение.

Майрон сделал несколько шагов в мою сторону.

— Послушай...— начал он.— Ты должен понять...

Я ударил его кулаком в лицо, и от неожиданности он даже не попытался защититься. Удар пришелся под нос, верхнюю губу расплющило о зубы, и из разбитой губы потекла кровь.

— Ты убил его!— задыхаясь, крикнул я.— Ты хорошо видел, что произошло? Ты видел, что ты наделал?

И я принялся бить его, нанося удары и левой, и правой, но не так, как учили меня когда-то в секции бокса в колледже, а просто наотмашь. Он отступал, отбивая часть ударов и принимая другие в каком-то оцепенении, вызванном, может быть, чувством вины.

От этого я злился еще больше. Я расквасил ему нос и посадил синяк под глазом.

— Послушай...— продолжал твердить он.— Послушай, ну послушай же...

Не знаю, как долго я лупил бы его, но тут кто-то схватил меня за руки. Я вырвался и обернулся.

Это оказался Олли. С круглым смертельно бледным лицом и темными кругами под глазами, еще влажными от слез.

— Ты и твой приятель — глупое дерьмо! — прорычал я.

— Не надо, Дэвид,— попросил он.— Не бей его больше. Это ничего не изменит.

Джим с ошарашенным видом стоял неподалеку. Я со злостью пнул ногой какую-то коробку, она ударилась о его ботинок и отскочила.

— Хватит, Дэвид,— сказал Олли устало.— Успокойся.

— Вы, два дурака, убили этого парня.

Джим смотрел себе под ноги. Майрон сидел на полу, держась за свой «пивной» живот. Я тяжело дышал, кровь стучала в висках, и меня била дрожь. Я сел на картонные коробки и какое-то время сидел, не двигаясь, чувствуя, что или потеряю сознание, или меня стошнит, или случится еще что-нибудь.

— Ладно,— тупо произнес я.— Все.

— Хорошо,— сказал Олли.— Надо придумать, что делать дальше.

— Выключи генератор для начала.

— Да, и давайте сматываться отсюда,— добавил Майрон, глядя на меня виновато.— Мне жаль, что так получилось с этим парнем. Но ты должен понять...

— Ничего не хочу понимать. Вы с приятелем идите обратно в магазин, но ждите нас прямо тут, у пивного охладителя. И никому ничего не говорить... пока.

Они пошли, не споря, и, прижавшись друг к другу, протиснулись в дверь. Олли заглушил генератор, но за секунду до того, как погас свет, я увидел брошенную на ящик с пустыми бутылками стеганую тряпку вроде тех, что грузчики обычно подкладывают под хрупкие предметы, и прихватил ее с собой.

Шаркая ногами и на что-то натыкаясь, Олли выбрался из генераторного отсека. Как большинство людей с лишним весом, он дышал тяжело и чуть с присвистом.

— Дэвид?— его голос немного дрожал.— Ты еще здесь?

— Здесь, Олли. Осторожней, тут кругом эти коробки с отбеливателем.

— Угу.

Я наводил его голосом, и через полминуты или около того он протянул в темноте руку и схватил меня за плечо, судорожно, с облегчением вздохнув.

— Черт. Давай выбираться отсюда. Здесь темно и... паршиво.

— Да уж,— сказал я.— Но подожди минуту. Я хотел поговорить с тобой, только без этих двух идиотов.

— Дэйв, они ведь не заставляли его. Ты должен это помнить.

— Норм — мальчишка, а эти двое — взрослые люди. Ну, ладно, хватит об этом. Нам придется рассказать им, Олли. Людям в магазине.

— А если будет паника...

— Может, будет, может, нет. Но по крайней мере они дважды подумают, прежде чем выходить на улицу, чего как раз и хотят большинство из них. Почти у всех дома кто-то остался. У меня тоже. Надо заставить их понять, чем они рискуют, выходя наружу.

Когда мы уже дошли до самой двери, Олли сказал растерянно:

— То, что мы видели... Это невозможно, Дэвид. Ты ведь согласен? Даже если бы, скажем, грузовик из Бостонского Океанариума вывалил позади магазина какое-нибудь чудовище типа тех, что описаны в «Двадцать тысяч лье под водой», оно бы умерло. Просто умерло.

— Да,— сказал я.— Согласен.

— Так что же случилось, а? Что произошло? И что это за чертов туман?

— Не знаю, Олли,— ответил я.

ГЛАВА 5

Джим и его приятель Майрон стояли сразу за дверями, и каждый из них держал в руках по банке «Будвайзера». Я посмотрел на Билли, увидел, что он еще спит, и укрыл его стеганой подстилкой. Он зашевелился во сне, но потом снова затих. Я взглянул на часы: было всего 12.15. Невероятно. Мне казалось, что с тех пор, как я пошел на склад искать что-нибудь, чтобы укрыть Билли, прошло по крайней мере часов пять. Но на самом деле все заняло не больше тридцати пяти минут.

Я вернулся к Олли, Джиму и Майрону. Олли тоже взял себе пива и предложил банку мне. Я одним глотком отпил половину, как утром, когда пилил деревья. Стало чуть легче.

Джим оказался Джимом Грондином, а фамилия Майрона была Ляфлер. Немного комично, но что поделаешь: на губах, подбородке и щеках Майрона-цветка засохла кровь. Подбитый глаз уже распухал. Стройная девушка в красной кофточке, проходя мимо, бросила на него настороженный взгляд. Я хотел было сказать ей, что Майрон опасен лишь для подростков, которые пытаются доказать, что уже повзрослели, но смолчал. В конце концов Олли был прав: они действительно хотели сделать как лучше, хотя делали это слепо и скорее из страха, чем из желания общего блага.

— Нам нужно будет сказать что-то людям,— начал я.

Джим открыл было рот, собираясь возразить.

— Мы с Олли не станем болтать о том, как вы послали Норма

наружу, если вы подтвердите сказанное нами о том... О том, что его утащило.

— Конечно,— подобострастно произнес Джим.— Если мы им не скажем, еще кто-нибудь пойдет на улицу. Как та женщина... которая...— он вытер ладонью губы и торопливо приложился к банке.— Боже, что происходит?

— Дэвид,— пробормотал Олли.— А что...— Он замолчал, потом заставил себя продолжить.— А что, если они заберутся внутрь? Эти щупальца.

— Каким образом?— спросил Джим.— Вы же закрыли дверь.

— Да,— сказал Олли.— Но весь фасад магазина — это сплошная стеклянная витрина.

У меня возникло такое ощущение, словно я падаю в лифте с двадцатого этажа. Конечно, я все время это знал, но до сих пор почему-то об этом не думал. Я повернулся в ту сторону, где спал Билли, вспомнив, как обвивали щупальца Норма, и представил, что то же самое случится с Билли.

— Витринное стекло,— прошептал Майрон.— Боже милостивый!..

Я оставил их у охладителя пива, где они начали уже по второй банке, и пошел искать Брента Нортона. Нашел его разговаривающим с Бадом Брауном у кассы номер два. Оба они — Нортон с его шикарной седеющей прической и привлекательностью уже немолодого, но еще активного мужчины, и Браун, с его строгой физиономией — словно сошли с карикатуры из «Ньюйоркера».

Человек двадцать пять бесцельно бродили между линией касс и витриной. Некоторые выстроились вдоль стекла, вглядываясь в туман, и они напоминали мне людей, разглядывающих новостройку через щели в заборе.

Миссис Кармоди сидела на конвейерной ленте у одной из касс и курила. Ее взгляд скользнул по мне, потом ушел в сторону. Выглядела она так, будто видела сны наяву.

— Брент,— позвал я.

— Дэвид? Куда ты запропастился?

— Вот об этом-то я и хочу с тобой поговорить.

— Там, у охладителя, люди пьют пиво,— мрачно произнес Браун тоном человека, сообщающего, что во время церковной службы показывали порнографический фильм.— Я их вижу в специальное зеркало. С этим нужно покончить.

Мы с Нортоном двинулись мимо стеллажей с посудой и кухонными принадлежностями к охладителю в дальнем конце магазина. Я оглянулся через плечо, отметив, как сильно выгнулись и потрескались деревянные рамы, окантовывающие высокие прямоугольные секции витринных стекол. Одно из них, вспомнил я, уже разбилось. Неровный клин стекла вывалился из верхнего угла рамы после того странного подземного толчка. Может быть, нам удастся заткнуть дыру какими-нибудь тряпками, скажем,

охапкой тех женских кофточек по 3 доллара 95 центов, что я видел у винного стеллажа...

Эти мысли оборвались внезапно, и мне пришлось зажать рот ладонью, как будто я хотел заглушить звук отрыжки. На самом деле я пытался подавить нервное хихиканье, вызванное мыслью о том, чем я собирался защититься от щупалец, утащивших Норма. Я сам видел, как одно из них — причем маленькое — давило пачку собачьих консервов, пока та просто не лопнула.

— Дэвид? Что с тобой?

— А?

— Твое лицо... Ты выглядишь так, словно придумал что-то или очень хорошее, или совсем ужасное.

Тут меня как будто ударило.

— Брент, а где тот человек, который выбежал из тумана и кричал, что что-то схватило Джона Ли Фровина?

— С разбитым носом?

— Да, тот самый.

— Он потерял сознание, и мистер Браун приводит его в чувство какой-то ароматной солью из аптечки первой помощи. А что?

— Он сказал что-нибудь, когда очнулся?

— Продолжал что-то говорить про эту свою галлюцинацию. Мистер Браун отвел его в свой кабинет, а то женщины начали пугаться. Он пошел в общем-то даже охотно. Говорил что-то про стекла. Когда мистер Браун сказал, что в кабинете менеджера только маленькое окно, да и то забрано решеткой, он пошел охотно. Надо полагать, он все еще там.

— То, о чем он говорил, не галлюцинация.

— Конечно, нет.

— А тот толчок, что мы почувствовали?

— Тоже. Но, Дэвид...

Нортон напуган, напоминал я себе. Не перестарайся. На сегодня уже достаточно. С ним нужно полегче, потому что именно так он вел себя во время того дурацкого спора из-за земли. Сначала покровительственно, потом саркастически и, наконец, когда стало ясно, что он проигрывает, просто отвратительно. Не перестарайся, потому что он тебе нужен. Он, может быть, не способен завести свою собственную бензопилу, но если он велит людям не паниковать, они не будут. Поэтому не перестарайся.

— Ты видишь вон те двойные двери за охладителем пива?

Он посмотрел и нахмурился.

— Брент, ты меня слушаешь?

Он рассеянно взглянул на меня.

— Извини, Дэйв. Что ты говорил?

— Ты видишь эти двери?

— Вижу, конечно. И что?

— Они ведут в складское помещение, расположенное вдоль

всей западной стены здания. Когда Билли уснул, я пошел туда поискать, чем можно его укрыть...

Я рассказал ему все, скрыв только спор о том, стоит ли Норму выходить или нет. Я рассказал ему о том, что заползло в загрузочную дверь и чем все кончилось. Брент Нортон отказывался верить. Нет, он отказывался даже предположить, что такое может произойти. Я подвел его к Джиму, Олли и Майрону. Все трое подтвердили мои слова, хотя Джим и Майрон-цветок уже здорово накачались.

Нортон опять не поверил. Просто уперся.

— Нет,— сказал он.— Нет, нет и нет. Простите, джентльмены, но это совершенно невозможно. Или вы пытаетесь меня разыграть,— он одарил нас сияющей улыбкой, показывая, что не хуже других понимает шутки,— или вы все страдаете какой-то формой групповой галлюцинации.

Я начал терять самообладание, но все же сдержался. Мне нужно было думать о Билли и о том, что могло случиться или уже случилось со Стефани. Эти мысли грызли меня постоянно.

— Ладно,— сказал я.— Пошли. Там, на полу, остался кусок щупальца. Его отрезало дверью, когда мы ее закрывали. И там ты сможешь услышать их. Они шуршат у двери, словно ветер в зарослях плюща.

— Нет,— сказал он спокойно.

— Что?— Я действительно подумал, что ослышался.— Что ты сказал?

— Я сказал «нет». Я не пойду туда. У всякой шутки должен быть предел.

— Брент, клянусь тебе, это не шутка.

— Разумеется, вы решили пошутить,— сурово произнес он, потом посмотрел на Джима и Майрона, остановил взгляд на Олли Виксе, который выдержал его спокойно и бесстрастно, и наконец взглянул на меня.— Это то, что вы, местные, называете «животы надорвать можно»? Да, Дэвид?

— Брент... Послушай...

— Нет, это ты послушай!— голос его загремел, разносясь по магазину, и несколько человек, изнервничавшихся и бесцельно шатающихся по проходам, обернулись в нашу сторону.— Это шутка. Банановая кожура. И вы выбрали меня, чтобы я на ней поскользнулся. Никто из вас особенно не любит людей со стороны, так ведь? Вы все тут друг за друга. Так же, как случилось в тот раз, когда я потащил тебя в суд, чтобы получить то, что причитается мне по праву. Ты тогда выиграл, ладно. Ну как же? Ведь твой отец знаменитый художник, и это твой город, а я здесь лишь плачу налоги и трачу деньги!

Он уже не играл, отчитывая нас хорошо поставленным адвокатским голосом. Он почти кричал, готовый вот-вот совсем потерять контроль над собой. Олли Викс развернулся и пошел прочь

со своим пивом. Майрон и Джим смотрели на Нортона с откровенным удивлением.

— И я должен идти туда и смотреть на какую-то резиновую игрушку за девяносто восемь центов, а эти два болвана будут стоять рядом и ржать?

— Эй, ты, полегче. Кого ты называешь болваном? — спросил Майрон.

— Я, если хочешь знать, просто счастлив, что дерево упало на твой лодочный сарай. Просто счастлив.— Нортон издевательски улыбнулся.— Его раздавило? Замечательно! А теперь прочь с дороги!

И он попытался отпихнуть меня, чтобы пройти. Я схватил его за руку и толкнул на охладитель.

— Прочисти уши и слушай, Брент. От этого зависят жизни людей. И жизнь моего ребенка для меня — не последнее дело. Так что ты лучше слушай, а не то, клянусь, я из тебя выколочу дерьмо.

— Ну, давай,— сказал Нортон, все еще улыбаясь с какой-то безумной бравадой во взгляде.— Покажи всем, что ты сильный и смелый и можешь избить человека с больным сердцем, который тебе в отцы годится.

— Вмажь ему! — прорычал Джим.— Хрен с ним и с его больным сердцем. Я думаю, что у этого паршивого нью-йоркского крючкотвора вообще нет сердца.

— Не лезь,— сказал я Джиму и наклонился к Нортону.— Прекрати кипятиться. Ты прекрасно знаешь, что я говорю правду.

— Я... ничего такого... не знаю,— сказал он, тяжело дыша.

— Если бы это случилось в другое время и в другом месте, я бы отвязался от тебя. Но сейчас ты напуган, и я не держу на тебя зла за твои слова. Я тоже боюсь, но ты мне нужен, черт побери! Дошло до тебя? Ты мне нужен!

— Отпусти меня!

Я схватил его за рубашку и встряхнул.

— Ты что, ничего не понял? Люди начнут выходить из магазина и наткнутся прямо на это чудовище! Понял ты наконец, черт побери?

— Отпусти меня!

— Нет. До тех пор, пока ты не пойдешь со мной и не посмотришь.

— Я сказал тебе — нет! Это все обман, шутка, и я не настолько глуп, чтобы...

— Тогда я потащу тебя силой.

Я схватил его за плечо и за шею. Шов рубашки на одном из рукавов не выдержал и с легким треском разошелся. Я потащил его к дверям склада. Нортон издал сдавленный крик. Поблизости собралось человек пятнадцать или восемнадцать, но никто не подошел и не собирался вмешиваться.

— Помогите! — закричал Нортон, выпучив глаза за стеклами

очков. Его прическа снова рассыпалась. Люди шаркали ногами и наблюдали.

— Что ты кричишь? — прошипел я ему в ухо.— Это же всего лишь шутка. Именно поэтому я взял тебя с собой в город, когда ты попросил, и поэтому доверил тебе перевести Билли через автостоянку. Все потому, что у меня тут был заготовлен туман; я арендовал специальную машину в Голливуде за пятнадцать тысяч долларов и еще заплатил восемь тысяч за доставку — все для того, чтобы тебя разыграть. Прекрати вести себя как идиот и открой глаза.

— От-пус-ти! — провыл Нортон, когда мы были почти у дверей.

— Ну-ка, ну-ка! Что там такое? Что вы делаете? — расталкивая толпу, появился Браун.

— Заставьте его отпустить меня,— хрипло попросил Нортон.— Он сошел с ума.

— Нет. Хотел бы я, чтобы так было, но это не так,— вступился за меня Олли, и я был готов молиться на него. Он прошел между стеллажами позади нас и остановился напротив Брауна.

Взгляд Брауна упал на банку пива, которую Олли держал в руке.

— Ты пьешь! — произнес он, и в голосе его послышалось удивление, не лишенное, впрочем, нотки удовлетворения.— Ты потеряешь за это работу!

— Брось, Бад,— сказал я, отпуская Нортона.— Сейчас чрезвычайные обстоятельства.

— Правила пока никто не отменял,— самодовольно произнес Браун.— Я позабочусь, чтобы руководство компании узнало о случившемся. Это моя обязанность.

Нортон тем временем отбежал в сторону и остановился там, приглаживая волосы и заправляя рубашку. Взгляд его метался между Брауном и мной.

— Эй! — неожиданно крикнул Олли громким и басовитым голосом. Я никогда бы не подумал, что этот полный, но мягкий и скромный человек может говорить таким голосом.— Эй! Вы все! Идите сюда и слушайте! Это касается всех вас! — Он взглянул на меня спокойно и спросил, совершенно игнорируя Брауна: — Я правильно делаю?

— Да.

Люди начали собираться. Толпа зрителей, наблюдавших за моим спором с Нортоном, сначала удвоилась, потом утроилась.

— Вам всем следует кое-что узнать...— начал Олли.

— Немедленно поставь пиво на место,— перебил его Браун.

— Немедленно заткнись,— сказал я и шагнул к нему.

Браун тут же сделал шаг назад.

— Я не знаю, что некоторые из вас думают,— сказал он,— но могу пообещать, что все происходящее здесь будет доложено руководству «Федерал Фудс Компани»! Все! И я хочу, чтобы вы по-

няли, что за этим, возможно, последует судебное разбирательство!

Губы Брауна скривились в нервной гримасе, и мне стало его жаль. Он пытался справиться с ситуацией. Точно так же, как Нортон поставил сам себе мысленный барьер. Как Майрон и Джим, пытавшиеся превратить все в мужскую браваду, если мы починим генератор, туман сам разойдется... Браун поступал по-своему: он защищал магазин.

— Давай записывай фамилии,— сказал я.— Только молчи.

— Я запишу много фамилий,— ответил Браун,— и твоя будет в списке первой, ты — «богема».

— Мистер Дрэйтон должен сказать вам что-то важное,— объявил Олли,— и, я думаю, всем вам стоит прислушаться на тот случай, если вы собираетесь отправиться домой.

Я рассказал им обо всем, что произошло, примерно так же, как рассказывал Нортону. Сначала некоторые смеялись, но к концу рассказа всех охватило глубокое беспокойство.

— Это все ложь, как вы понимаете,— Нортон попытался голосом усилить значение своих слов, но перестарался. И этому человеку я рассказал первому, надеясь заручиться его умением убеждать. Как я ошибся!

— Конечно, все это ложь! — воскликнул Браун.— Бред! Откуда, по-вашему, взялись эти щупальца, мистер Дрэйтон?

— Я не знаю, но они есть. И...

— Я подозреваю, что они появились из этих вот пивных банок.

Эта реплика вызвала смех, но его тут же заглушил сильный скрипучий голос миссис Кармоди.

— Смерть! — выкрикнула она, и смеявшиеся быстро замолчали.

Она вошла в центр неровного круга. Ее канареечные брюки, казалось, сами излучали свет, огромная сумка болталась у массивного бедра. Черные глаза смотрели высокомерно и сверкали остро и зло, как глаза сороки. Двое симпатичных девчонок лет шестнадцати с надписями «Лесной лагерь» на спинах белых маек из искусственного шелка испуганно отскочили в сторону.

— Вы слушаете и не слышите! Слышите и не верите! Кто из вас хочет выйти наружу и убедиться самостоятельно? — она обвела взглядом всех собравшихся, потом посмотрела на меня.— И что вы предлагаете делать, мистер Дэвид Дрэйтон? Что, вы считаете, можно сделать?

Она осклабилась, словно персонаж из фильма ужасов, и продолжала:

— Это конец, говорю я вам! Конец всему! Перст божий вывел строку приговора не огнем, а туманом. Земля разверзлась и исторгла чудовищ...

— Остановите ее кто-нибудь! — нервно выкрикнула одна из девчонок, расплакавшись.— Я боюсь...

— Достаточно, миссис Кармоди! — Олли схватил ее за руку. — Хватит!

— Отпустите меня! Это конец, говорю я вам! Это — смерть!

— Все ложь, — убежденно сказал Нортон. — Вы просто сговорились, вот и все.

— В то, что ты рассказал, невозможно поверить, — заявил Браун.

— Ах так... — ответил я. — Пойдем на склад. Сам увидишь. И услышишь.

— Покупателям не положено...

— Бад, — устало сказал Олли, — сходи с ним.

— Ладно, — согласился Браун. — Мистер Дрэйтон, давайте наконец покончим с этим вопросом.

Оттолкнув двери, мы вошли в темноту.

Звук, идущий снаружи, был неприятный, даже зловещий.

Браун тоже это почувствовал, несмотря на всю свою твердолобую американскую манерность. Он тут же схватил меня за руку, дыхание его на мгновение перехватило, потом он снова задышал, но уже как-то хрипло.

Низкий шепчущий звук доносился со стороны загрузочной двери, почти ласкающий звук. Я провел ногой по полу, задел один из фонариков, наклонился, подобрал его и включил. Лицо Брауна застыло, хотя он еще ничего не видел, только слышал. Но я видел и мог представить себе, как щупальца извиваются и ползают по гофрированной стальной поверхности двери, словно живые лианы...

— Ну, что ты теперь думаешь? Невозможно поверить?

Браун обвел взглядом разбросанные коробки и пакеты.

— Это все они натворили?

— Да, по большей части они. Иди сюда.

Он с неохотой подошел. Я направил луч фонарика на сжавшийся свернутый кусок щупальца, лежавший рядом со шваброй. Браун наклонился.

— Не трогай, — сказал я. — Оно, может, еще живо.

Он быстро выпрямился. Я подобрал швабру, взяв ее за щетку, и потыкал щупальце рукояткой. На третий или четвертый раз оно разогнулось лениво, показав две целые присоски и неровный сегмент третьей. Потом обрубок молниеносно сжался и замер. Браун издал какой-то утробный звук, словно его затошнило.

— Достаточно?

— Да, — выдохнул он. — Пойдем отсюда.

Мы проследовали за прыгающим лучом к дверям и вышли в торговый зал. Все лица повернулись к нам, гул голосов стих. Лицо Нортона стало похожим на старый сыр. Глаза миссис Кармоди заблестели. Олли продолжал пить пиво, и по его лицу все еще сбегали капельки пота, хотя в магазине было уже не жарко. Двое девчонок с надписями «Лесной лагерь» на майках прижались друг к другу, как молодые лошадки перед грозой. Я видел только

глаза. Так много глаз. «Я мог бы написать их»,— неожиданно подумал я, холодея. Не лица, а одни глаза в полумраке. Я мог бы написать их, но никто не поверит, что такое бывает в действительности.

ГЛАВА 6

Следующие несколько часов прошли словно во сне. За подтверждением Брауна последовала тяжелая полуистеричная дискуссия. Впрочем, может быть, она длилась не так долго, как мне показалось. Просто у людей возникла мрачная необходимость пережевать полученную информацию, взглянуть на нее со всех сторон и потрепать, как собака треплет кость, чтобы добраться до костного мозга. Люди начинают верить медленно. То же самое вы можете наблюдать на любом городском собрании в Новой Англии.

«Общество Верящих в Плоскую Землю» — так я обозвал группу людей во главе с Нортоном, не поверивших моему рассказу. Нортон снова и снова повторял, что всего четыре свидетеля якобы видели, как носильщика унесли «щупальца с планеты Икс». В первый раз это вызвало смех, но быстро приелось.

Наконец, когда дискуссия с «Обществом Верящих в Плоскую Землю», состоявшим из десяти человек, стала слишком острой, Олли не выдержал:

— Если вы нам не верите, мистер Нортон, это ваше дело. Я вам подскажу, что вы можете сделать. Вы выйдете через главный вход и пройдете за магазин. Там гора пустых банок из-под пива и бутылок из-под содовой. Мы с Нормом и Бадди выставили их туда сегодня утром. Вы прихватите пару бутылок, и мы убедимся, что вы действительно там были. Если вы это сделаете, я обещаю, что первый сниму и съем свою рубашку...

Нортон начал багроветь.

Олли продолжал добивать его тем же ровным мягким голосом:

— ...своими разговорами вы только вредите, вот что я вам скажу. Здесь есть люди, которые хотят пойти домой, чтобы удостовериться, что их семьи в порядке. У меня у самого сестра с годовалым ребенком дома в Нейплсе, и я, конечно, хотел бы проверить, как она там. Но если люди поверят вам и начнут расходиться, с ними случится то же самое, что с Нормом.

Но Нортон не принял предложения Олли, и никто не принял. Он и его маленькое «Общество», уменьшившееся теперь на несколько человек, отошли к прилавку с готовыми мясными продуктами. Один из них при этом задел Билли за ногу, и он проснулся.

Я хотел уложить его снова, но Билли прижался ко мне и прошептал:

— Не надо, папа. Пожалуйста.

Я разыскал тележку и посадил его на сиденье для детей. Это

было бы забавно, если бы не его бледное лицо, темные волосы, сбившиеся на лоб, и грустные глаза.

В отсутствие «Общества Верящих в Плоскую Землю» дискуссия нашла себе новый громоотвод. И теперь в этой роли оказалась миссис Кармоди.

При тусклом освещении в своем ослепительном канареечном костюме, с раздувшейся сумкой и позвякивающей кольчугой бижутерии из черепаховой кости и адамантина, она здорово походила на ведьму. Серые, мелко завитые волосы удерживались на месте тремя роговыми гребнями и были собраны сзади в пучок, а сжатые губы выглядели словно отрезок узловатого каната.

— Нет защиты против воли Божьей! И того, что произошло, следовало ожидать. Я видела знамение. Здесь есть те, кому я говорила это, но нет таких, кто был бы настолько слеп, что не увидел бы сам.

— Ну и что? Что вы предлагаете? — перебил ее Майк Хатлен, член городского управления, хотя сейчас, в своей яхтсменской шапочке и «бермудах» с отвисшим задом, он на официальное лицо никак не походил. Он пил пиво, что теперь делали уже почти все мужчины. Бад Браун давно прекратил протестовать, но тем не менее записывал фамилии, стараясь уследить за всеми сразу.

— Предлагаю? — эхом откликнулась миссис Кармоди, поворачиваясь к Хатлену.— Я предлагаю, чтобы ты, Майк Хатлен, готовился встретить своего Господа.— Она обвела взглядом всех собравшихся.— Готовьтесь встретить своего Господа!

— Готовьтесь встретить кучу дерьма! — пьяным голосом пробормотал Майрон Ляфтер из-за охладителя.— Старуха, у тебя, наверно, язык подвешен посередине, чтобы ты могла трепать им с двух сторон.

Послышался одобрительный ропот. Билли нервно оглянулся, и я положил руку ему на плечо.

— Нет, я все-таки скажу свое слово! — прокричала миссис Кармоди. Верхняя губа ее вытянулась вверх, открывая кривые зубы, желтые от никотина, и мне вспомнились пыльные чучела животных из ее магазина, вечно лакающие воду из зеркала, изображающего ручей.— Сомневающиеся будут сомневаться до самого конца! Но чудовища заберут этого заблудшего! Чудовища из тумана! Мерзость из дурных снов! Ты сомневаешься? Тогда выйди на улицу!

— Миссис Кармоди, вам придется прекратить это,— сказал я.— Вы пугаете моего ребенка.

Какой-то мужчина с маленькой девочкой поддержал меня. Девчонка с пухлыми ножками и ободранными коленками прижалась лицом к его животу и закрыла уши руками.

— У нас есть только один шанс,— провозгласила миссис Кармоди.

— Какой, мадам? — вежливо спросил Майк Хатлен.

— Жертвоприношение,— ответила она и, мне показалось, улыбнулась в полумраке.— Кровавое жертвоприношение...

«Кровавое жертвоприношение» — слова будто повисли в воздухе, медленно поворачиваясь. Даже сейчас, когда я знаю, что это не так, я говорю себе, что она, может быть, имела в виду чью-нибудь собачку. Две как раз бегали по залу, несмотря на правила, запрещающие приводить собак в помещение магазина.

Она открыла рот, собираясь что-то добавить, но в этот момент небольшого роста мужчина в красных спортивных брюках и опрятной футболке ударил ее по лицу. Мужчина с аккуратным, словно по линейке, пробором слева, в очках — типичный турист, из тех, что наезжают сюда летом.

— Немедленно прекратите эти грязные речи,— сказал он мягким невыразительным голосом.

Миссис Кармоди подняла руку к губам, потом вытянула ее в нашу сторону в молчаливом обвинении. На ладони была кровь, но ее черные глаза светились, казалось, каким-то сумасшедшим ликованием.

— Давно напрашивалась! — выкрикнула из толпы женщина.— Я бы и сама с удовольствием это сделала!

— Они доберутся до вас,— миссис Кармоди протянула к нам окровавленную ладонь.— Не сейчас... Вечером. Ночью, когда опустится темнота. Они придут в ночи и возьмут кого-нибудь еще... Ночью они придут! И вы услышите, как они ползут и скребутся. И когда они придут, вы еще будете умолять мать Кармоди подсказать вам, что делать.

Мужчина в красных спортивных брюках медленно поднял руку.

— Ну, ударь меня,— прошептала она, улыбаясь окровавленными губами.

Рука дрогнула.

— Ударь, если посмеешь.

Рука опустилась, и миссис Кармоди пошла прочь. Билли заплакал, прижавшись лицом ко мне, как только что плакала маленькая девочка.

— Я хочу домой,— сказал он.— Я хочу к маме.

Я утешал его как мог. Но, наверное, я мог не очень многое.

В конце концов, темы разговоров стали менее пугающими и обескураживающими. Кто-то упомянул витринные стекла, наиболее уязвимое место супермаркета. Майк Хатлен спросил, как еще можно проникнуть в магазин, и Олли с Брауном тут же перечислили: две разгрузочные двери, кроме той, что открывал Норм, главный вход. И окно с толстым армированным стеклом в кабинете менеджера.

Разговор этот произвел странный эффект. Опасность стала казаться более реальной, но в то же время все почувствовали себя значительно лучше. Это стало заметно даже по Билли. Он спросил,

можно ли ему сходить взять плитку шоколада, и я разрешил при условии, что он не будет подходить к окнам.

Когда Билли отошел подальше, мужчина, стоявший рядом с Майком Хатленом, сказал:

— Что будем делать с окнами? Старую леди, может быть, действительно бешеный клоп укусил, но она права насчет того, что ночью кто-то может вломиться.

— А вдруг туман к этому времени разойдется?— предположила какая-то женщина.

— Вряд ли,— сказал мужчина.

— Есть какие-нибудь идеи?— спросил я у Бада и Олли.

— Минутку,— вымолвил мужчина, стоявший рядом с Хатленом.— Я — Ден Миллер из Линна, штат Массачусетс. Вы меня не знаете — не было повода познакомиться. Мой дом на озере Хайтлэнд, и я купил его только в этом году. Содрали с меня черт знает сколько, но я просто должен был его купить.— Он рассмеялся.— Я вот о чем хотел сказать. Там, в углу, я видел целую гору мешков с удобрениями и подкормкой для газонов. Фунтов по двадцать пять каждый. Мы можем сложить из них баррикаду. Оставим амбразуры, чтобы смотреть...

Люди начали возбужденно обсуждать предложение. Я едва сдержался, чтобы не высказать то, что вертелось у меня на языке. Миллер был прав. Можно сложить эти мешки у витрин — это никому не повредит и, возможно, даже будет какая-то польза. Но мои мысли все время возвращались к воспоминанию о том, с какой легкостью щупальце разделалось с упаковкой концентрата для собак.

Все начали расходиться, намереваясь приняться за дело, и Миллер закричал:

— Стойте! Стойте! Пока мы все здесь, давайте попробуем решить остальные вопросы!

Люди вернулись, и человек пятьдесят-шестьдесят собрались в углу между охладителем, дверью в складское помещение и мясным прилавком. Билли просочился сквозь толпу и протянул мне плитку шоколада.

— Хочешь, папа?

— Спасибо.— Я откусил кусочек.

— Может быть, это глупый вопрос,— продолжил Миллер,— но нужно все выяснить до конца. У кого-нибудь есть оружие?

Все замолчали, поглядывая друг на друга и пожимая плечами. Седой старик, представившийся Эмброузом Корнеллом, сказал, что у него в багажнике машины есть охотничье ружье.

— Если хотите, я попробую его достать.

— Сейчас, я думаю,— сказал Олли,— это не лучшая идея, мистер Корнелл.

— Подождите минутку,— произнесла женщина в красной кофточке и зеленых брюках. У нее были светлые, песочного цвета волосы и спортивная фигурка. Короче, очень привлекательная

молодая леди. Она расстегнула сумочку и достала оттуда средних размеров револьвер. Толпа издала глухой возглас удивления, словно на их глазах фокусник проделал какой-то особенно эффектный трюк. Женщина, и так уже пунцовая, покраснела еще сильнее. Она покопалась в сумочке и извлекла оттуда коробку патронов.

— Аманда Дамфрис,— представилась она Миллеру.— Этот пистолет... Это идея мужа. Он считал, что мне обязательно нужно оружие для самозащиты. Я ношу его уже два года незаряженным...

— Ваш муж здесь, мадам?

— Нет, он в Нью-Йорке. Он часто ездит туда по делам и поэтому хотел, чтобы у меня было оружие.

— Что ж,— сказал Миллер,— если вы умеете им пользоваться, то пусть оно лучше останется у вас.

— Я стреляла всего один раз в жизни, в тире...

Миллер взял у нее револьвер и , осмотрев, отщелкнул барабан. Проверил, действительно ли он не заряжен.

— О'кей,— сказал он.— У нас есть оружие... Кто хорошо стреляет?

Все промолчали. Потом Олли неохотно сказал:

— Я довольно часто тренируюсь. У меня дома «кольт» сорок пятого калибра и «лама» двадцать пятого.

— Ты?— удивился Браун.— Ха! Ты к вечеру так налижешься, что и видеть-то ничего не будешь.

— Почему бы тебе не заткнуться и не заняться своими списками?— предложил Олли внятно и отчетливо.

— Это, может быть, тоже покажется вам глупым,— продолжал Миллер, повернувшись к Брауну с его записями и Олли с пивом,— но нет ли здесь чего-нибудь вроде огнемета?

— У-у-у, дьявол!— вырвалось у Бадди Иглтона, и он тут же покраснел, как до него Аманда Дамфрис.

— Что такое?— спросил Майк Хатлен.

— М-м-м... До прошлой недели у нас был целый ящик таких маленьких паяльных ламп. Из тех, что обычно используют дома, чтобы запаять протекающую трубу, или глушитель у автомашины, или что-нибудь в таком духе... Вы помните их, мистер Браун?

Тот мрачно кивнул.

— Распроданы?— спросил Миллер.

— Нет, они совсем не пошли. Мы продали всего три или четыре штуки и отослали остальные обратно. Вот зараза!.. Виноват... Жаль...— Покраснев так, что щеки его стали чуть ли не фиолетовыми, Бадди Иглтон снова смешался с толпой.

У нас, конечно, были спички, соль (кто-то смутно припоминал, что он когда-то слышал, что всяких кровососов и прочую нечисть вроде бы нужно посыпать солью), различные щетки и швабры с длинными ручками. Многие все еще бодрились, но я поймал

взгляд Олли и заметил в нем спокойную безнадежность, которая хуже страха. И он, и я видели эти щупальца. И мысль о том, что мы будем бросать в них соль или отбиваться швабрами, казалась даже забавной, но забавной, как страшная карикатура.

— Майк,— сказал Миллер,— почему бы тебе не возглавить это маленькое мероприятие — укладывать мешки? Я хочу еще переговорить с Олли и Дэйвом.

— С удовольствием,— Хатлен хлопнул Дена Миллера по плечу.— Кто-то должен был взять на себя командование, и у тебя это отлично получилось. Добро пожаловать в наш город.

— Означает ли это, что я получу скидку с налогов?— попытался пошутить Миллер. Внешне он напоминал петуха: маленький, подвижный, с редеющей рыжей шевелюрой. Вообще Миллер был из тех, кто не может не понравиться при первом знакомстве и так же легко может разонравиться, когда пообщаешься с ним некоторое время. Из тех, кто знает, как делать абсолютно все лучше вас.

Доев шоколад, я взял банку пива, чтобы запить сладкое.

— Вот что я думаю,— сказал Миллер.— Надо отрядить с полдюжины человек обматывать швабры тряпками и обвязывать веревками. Потом надо будет приготовить несколько этих канистр с жидкой растопкой для угля. Если срезать с них крышки, можно очень быстро делать факелы.

Я кивнул. Идея была хорошей. Хотя наверняка недостаточно хорошей в глазах тех, кто видел, как щупальца утащили Норма. Но в любом случае факелы лучше, чем соль.

— По крайней мере, им будет чем себя занять,— сказал Олли.

Губы Миллера сжались.

— Дела настолько плохи?

— Вот именно,— подтвердил Олли.

К полпятому мешки с удобрениями и подкормкой закрывали все окна, за исключением небольших проемов для наблюдения. У каждого из них сидел дежурный со вскрытой банкой угольной растопки и горкой самодельных факелов. Всего сделали пять проемов, и Ден Миллер организовал смену дежурств. К полпятому я уже сидел на мешке у одного из проемов. Билли примостился рядом, и мы всматривались в туман.

Сразу за окном стояла красная скамейка, где люди иногда поджидали друг друга, поставив рядом сумки с покупками. Дальше начиналась автостоянка. Плотный тяжелый туман медленно перемещался. Один вид его заставлял чувствовать себя безвольным и проигравшим.

— Папа, ты знаешь, что происходит?— спросил Билли.

— Нет, малыш,— ответил я.

Он замолчал, разглядывая свои руки, лежащие на коленях.

— А почему нас никто не спасает?— спросил он наконец.— Полиция, ФБР или еще кто-нибудь?

— Я не знаю.

— А ты думаешь, с мамой все в порядке?

— Билли, я просто не знаю,— ответил я и обнял его за плечи.

— Я очень хочу к маме...— прошептал Билли, борясь со слезами.— Я больше не буду плохо себя вести...

— Билли...— сказал я и остановился, ощутив в горле соленый привкус и едва сдерживая дрожь в голосе.

— Это когда-нибудь кончится, папа? Кончится?

— Не знаю,— ответил я, и он уткнулся лицом в мое плечо. Я положил руку ему на затылок и почему-то вспомнил вечер того дня, когда мы со Стефф обручились. Я смотрел, как она снимает простое коричневое платье, в которое она переоделась после церемонии. На бедре у нее был большой фиолетовый синяк, оттого что за день до венчания она ударилась о полуоткрытую дверь. Помню, я смотрел на этот синяк, думая: «Когда она наставила себе этот синяк, она была еще Стефени Степанек», и испытывал что-то вроде удивления. Потом мы лежали рядом, а за окном сыпал с тускло-серого декабрьского неба снег.

Билли заплакал.

— Тш-ш-ш, Билли, тш-ш-ш,— говорил я ему, чуть покачивая голову, но Билли продолжал плакать. Такой плач умеют успокаивать только матери.

В «Федерал Фудс» наступила преждевременная ночь, и Бад Браун раздал штук двадцать фонариков — все, что были в запасе. Нортон от лица своей группы громко требовал выделить фонари для них и получил два. Пятна света запрыгали по проходам, словно беспокойные призраки.

Прижимая к себе Билли, я продолжал смотреть в проем между мешками. Молочный полупрозрачный свет снаружи почти не изменился. Стало темно, оттого что мы заложили витрины мешками. Несколько раз мне казалось, будто я что-то вижу, но скорее всего мне это просто казалось.

Билли снова увидел миссис Терман и, обрадовавшись, побежал к ней, хотя она и не приходила посидеть с ним целое лето. Ей тоже выделили фонарик, и она позволила Билли поиграть с ним. Скоро Билли уже выписывал свое имя лучом на чистых стеклянных панелях шкафов с замороженными продуктами. Оба они, похоже, были одинаково рады видеть друг друга и через какое-то время вдвоем подошли ко мне. На груди у Хэтти Терман, высокой, худощавой женщины с красивыми рыжими волосами, в которых только-только начала появляться седина, висели на цепочке с орнаментом очки — такие очки, как я понимаю, с полным правом могут носить лишь женщины средних лет.

— Стефени здесь, Дэвид?— спросила она.

— Нет. Дома.

Она кивнула.

— Алан тоже. Долго тебе еще дежурить?

— До шести.

— Что-нибудь видел?

— Нет. Только туман.

— Если хочешь, я побуду с Билли до шести.

— Ты хочешь, Билли?

— Да. Можно?— ответил он, медленно выводя фонариком дугу над головой и глядя на игру света на потолке.

— Господь сохранит твою Стеффи и моего Алана,— сказала миссис Терман и увела Билли за руку. Она сказала это с искренней убежденностью, но в глазах ее не было уверенности.

Около пяти тридцати в дальнем конце магазина послышались громкие спорящие голоса. Кто-то над чем-то рассмеялся, и кто-то — я думаю, это был Бадди Иглтон — выкрикнул:

— Вы все сумасшедшие, если туда собираетесь.

Несколько лучей света сошлись в центре группы спорящих, потом двинулись вместе с ними к выходу. Резкий издевательский смех миссис Кармоди, напоминающий неприятный звук, раздающийся, когда ведешь пальцем по грифельной доске, расколол тишину. А над гомоном голосов послышался адвокатский тенор Нортона:

— Позвольте пройти! Позвольте нам пройти!

Мужчина, дежуривший у соседнего со мной проема, оставил свой пост и пошел посмотреть, из-за чего крики. Я решил остаться на месте: люди все равно двигались в мою сторону.

— Пожалуйста,— говорил Майк Хатлен, давайте все обговорим.

— Нам не о чем разговаривать,— заявил Нортон. Из темноты выплыло его лицо, решительное, но изможденное и несчастное. В руках он держал один из выделенных «Обществу» фонариков. Закрученные пучки волос все еще торчали у него за ушами, как украшение рогоносца. Нортон вел за собой маленькую группку людей — пять человек из тех девяти или десяти, что были с ним вначале.

— Мы идем на улицу,— объявил он.

— Что за сумасшествие?! — спросил Миллер.— Майк прав. Мы ведь можем все обсудить. Мистер Маквей жарит кур на газовом гриле, и мы сможем сесть спокойно, поесть и...

Он оказался на пути Нортона, и тот оттолкнул его. Миллеру это не понравилось. Лицо его залилось краской.

— Можете делать, что хотите,— заявил он.— Но вы ведете этих людей на смерть.

Ровным тоном, свидетельствующим о непреклонной решимости или о непробиваемом заблуждении, Нортон сказал:

— Мы пришлем вам помощь.

Один из сторонников Нортона пробормотал что-то в его поддержку, но другой в этот момент потихоньку скользнул в сторону. Теперь с Нортоном осталось четверо. Может быть, это не так уж и плохо: даже самому Христу удалось найти только двенадцать.

— Послушайте,— сказал Майк Хатлен.— Мистер Нортон...

Брент, останьтесь по крайней мере поесть. Горячее вам не помешает.

— Чтобы дать вам шанс продолжить ваши уговоры? Я слишком много времени провел на судебных заседаниях, чтобы попасться на эту удочку. Вы уже одурачили с полдюжины моих людей.

— Ваших людей? — Хатлен почти простонал. — Ваших людей? Боже праведный, что это за разговоры? Они просто люди, и все. Это не игра и тем более не судебное заседание. Там, снаружи, бродят какие-то твари, другого слова и не подберешь, так какой же смысл рисковать своей жизнью?

— Твари, говорите? — сказал Нортон с усмешкой. — Где? Ваши люди уже часа два дежурят у проемов. Кто-нибудь хоть что-нибудь видел?

— Но там, позади магазина...

— Нет, нет и нет, — сказал Нортон, качая головой. — Это мы уже обсуждали не один раз. Мы уходим.

— Нет, — прошептал кто-то, и этот звук разнесся вдруг, отражаясь эхом, словно шорох опавших листьев в полумраке октябрьского вечера. — Нет-нет-нет...

— Вы попытаетесь удержать нас силой? — пронзительным голосом спросила престарелая леди в бифокальных очках, одна из «людей Нортона», если воспользоваться его же термином. — Вы хотите задержать нас?

Мягкое бормотание протестующих голосов стихло.

— Нет, — ответил Майк. — Я не думаю, что кто-то будет вас задерживать.

Тут я наклонился, зашептал на ухо Билли, и он посмотрел на меня вопросительно и удивленно.

— Прямо сейчас беги, — сказал я. — Быстренько.

Билли побежал выполнять поручение.

Нортон пригладил волосы рассчитанным жестом бродвейского актера. Мне он нравился гораздо больше, когда беспомощно дергал стартер бензопилы, ругаясь и думая, что его никто не видит. Я не мог сказать тогда и сейчас не знаю, верил ли он в то, что делает, или нет. Глубоко внутри, я думаю, он знал, что должно случиться. Я думаю, что та логика, которой он молился всю жизнь, в конце концов обернулась против него, как взбесившийся и озверевший некогда дрессированный тигр.

Он беспокойно огляделся вокруг, словно желал сказать что-нибудь еще, потом повел четверку своих сторонников мимо одной из касс. Кроме старушки, с ним были пухлый парень лет двадцати, молодая девушка и мужчина в джинсах и сдвинутой на затылок шапочке для гольфа.

Взгляд Нортона встретился с моим, глаза его чуть расширились, потом ушли в сторону.

— Брент, подожди минуту, — сказал я.

— Я не хочу больше ничего обсуждать. Тем более с тобой.

— Я знаю, но хочу попросить об одном...— я обернулся и увидел, что Билли бежит к кассам.

— Что это?— спросил Нортон подозрительно, когда Билли вручил мне целлофановый пакет.

— Бельевая веревка,— ответил я, смутно понимая, что сейчас все в супермаркете смотрят на нас, собравшись по другую сторону от линии касс.— Тут ее довольно много. Триста футов.

— И что?

— Я подумал, может быть, ты привяжешь один конец за пояс перед тем, как выйти. Когда веревка натянется, привяжи ее к чему-нибудь. Например, к дверце машины.

— Боже, зачем?

— Я буду знать, что вы прошли по крайней мере триста футов.

— Что-то мелькнуло в его глазах, но только на мгновение.

— Нет,— сказал он.

Я пожал плечами.

— О'кей. В любом случае, удачи.

Мужчина в шапочке для гольфа неожиданно сказал:

— Я сделаю это, мистер. Почему бы нет...

Нортон обернулся к нему, словно собирался сказать что-то резкое, но мужчина посмотрел на него пристально и спокойно. Он решил, и у него просто не было никаких сомнений. Нортон тоже понял это и промолчал.

— Спасибо,— сказал я, разрезая упаковку своим карманным ножом, и веревка вывалилась гармошкой жестких колец. Я вытащил один конец и обвязал пояс «чемпиона по гольфу» свободной петлей с простым узлом. Он тут же развязал веревку и быстро затянул туже на добротный морской узел. В зале магазина стояла полнейшая тишина. Нортон в нерешительности переминался с ноги на ногу.

— Дать нож?— спросил я мужчину.

— У меня есть,— он взглянул на меня.— Ты, главное, следи за веревкой. Если она запутается, я ее обрежу.

— Мы все готовы?— спросил Нортон слишком громким голосом. Пухлый парень подскочил, словно его толкнули.

Не получив ответа, Нортон двинулся к выходу.

— Брент,— сказал я, протягивая руку.— Удачи.

Он посмотрел на мою руку с сомнением.

— Мы пришлем вам помощь,— сказал он наконец и толкнул дверь с надписью «Выход».

Я снова почувствовал тот едкий запах. «Его люди» последовали за Нортоном. Майк Хатлен подошел и остановился рядом со мной. Группа из пяти человек остановилась в медленно движущемся молочном тумане. Нортон сказал что-то, что я вполне мог бы расслышать на таком расстоянии, но туман, казалось, гасил все звуки. Кроме двух-трех слогов, словно доносящихся из работающего вдалеке радиоприемника, я не расслышал ничего. Потом они начали удаляться.

Хатлен придерживал открытую дверь. Я стравливал веревку и старался, чтобы она свободно провисала, помня об обещании перерезать ее, если она застрянет. Снаружи все еще не доносилось ни звука. Билли стоял рядом, и я чувствовал, как он дрожит от напряжения.

Снова возникло странное чувство, что эти пятеро не исчезли в тумане, а просто стали невидимы. Какое-то мгновение их одежда плыла уже без них, а затем и она пропала. Этот туман по-настоящему впечатлял своей плотностью, лишь когда можно было увидеть, как он проглатывает людей буквально в течение секунд.

Я продолжал стравливать веревку. Сначала ушла в туман четверть, потом половина. На мгновение движение прекратилось, веревка обмякла. Я задержал дыхание, но веревка снова пошла, скользя у меня между пальцами.

Ушло три четверти веревки, и я уже видел ее конец, лежавший на ботинке Билли, но тут веревка в моей руке снова остановилась. Секунд пять она лежала неподвижно, затем рывком ушли пять футов, и вдруг, резко дернув влево, веревку натянуло о край двери так, что она даже зазвенела.

Еще двадцать футов рывком сдернуло с моей руки, оставив на ладони ожог, и из тумана донесся высокий дрожащий крик. Я даже не мог понять, мужчина кричит или женщина.

Снова дернуло веревку. И снова. Ее мотало в дверном проеме то вправо, то влево, потом уползло еще несколько футов, и из тумана донесся захлебывающийся вопль, услышав который, Билли застонал, а Хатлен замер с широко раскрытыми от ужаса глазами.

Вопль внезапно оборвался, и, казалось, целую вечность стояла тишина. Затем закричала старушка, и на этот раз никаких сомнений насчет того, кто кричит, не было.

— Уберите его от меня! — кричала она.— О, господи, господи, уберите...— Голос ее оборвался.

Внезапно почти вся веревка сбежала с моей ладони, оставив новый ожог, и обвисла. Из тумана донеслось сочное громкое хрюканье, от которого у меня во рту тут же пересохло.

Такого звука я не слышал никогда в жизни, но ближе всего тут подошло бы сравнение с фонограммой из какого-нибудь кинофильма, снятого в африканском вельде или в южноамериканских болотах. Такой звук могло издать только очень большое животное. Он снова донесся до нас, низкий, неистовый, звериный звук. И снова. Потом перешел в прерывистое бормотание и затих.

— Закройте дверь,— дрожащим голосом попросила Аманда Дамфрис.— Пожалуйста.

— Минуту,— сказал я и потянул за веревку.

Она выползла из тумана и укладывалась у моих ног неровными петлями и кольцами. Последние фута три новой бельевой ве-

ревки с обгрызенным концом были окрашены в кирпично-красный цвет.

— Смерть! — выкрикнула миссис Кармоди.— Там — смерть! Вы все видели?

Никто не стал спорить с миссис Кармоди.

Майк Хатлен отпустил дверь, и она захлопнулась.

Мистер Маквей работал в Бриджтоне мясником еще с тех пор, когда мне было лет двенадцать или тринадцать, но я не знал ни его имени, ни каков его возраст. Он установил небольшой газовый гриль под одной из вентиляционных решеток (вентиляторы не работали, но решетки создавали хоть какую-то тягу), и к 6.30 вечера запах жарящихся цыплят заполнил весь магазин. Бад Браун не стал возражать. Может быть, от потрясения. Но, скорее всего, он просто осознал, что птица и мясо со временем отнюдь не становятся свежее. Цыплята пахли великолепно, но не всем хотелось есть. Мистер Маквей, маленький, худой и аккуратный в своем белом халате, все равно продолжал жарить цыплят, укладывать куски на бумажные тарелки и расставлять их, как это делают в кафетериях, на мясном прилавке.

Миссис Терман принесла нам с Билли по порции с гарниром из картофельного салата. Я поел сколько смог, но Билли даже не притронулся к своей тарелке.

— Тебе надо поесть, силач,— сказал я.

— Я не голоден,— ответил он и отодвинул тарелку.

— Ты не станешь большим и сильным, если...

Миссис Терман покачала головой.

— Ладно,— сказал я.— По крайней мере, пойди съешь персик. О'кей?

— А если мистер Браун скажет что-нибудь?

— Если он скажет что-нибудь, скажи мне.

Билли медленно пошел вдоль стеллажей. Мне показалось, он как-то сник, и мое сердце сжималось, когда я видел его таким. Мистер Маквей продолжал жарить цыплят, очевидно, совершенно не обращая внимания на то, что почти никто не ест, удовлетворенный, видимо, своими чисто механическими действиями. Кажется, я уже писал, что люди по-разному реагируют на подобные ситуации. Трудно представить, что это может быть так, но это действительно так.

Мы с миссис Терман сидели в середине аптечного ряда, и нам было видно, что по всему магазину люди собирались маленькими группками. Никто, кроме миссис Кармоди, не сидел один. Даже Майрон и Джим были вместе: оба храпели у пивного охладителя.

Шестеро новых дежурных сидели у проемов в мешках. Одним из них был Олли. Он грыз цыплячью ногу и запивал ее пивом. У каждого поста стояли прислоненные к мешкам факелы, изготовленные из швабр, а рядом банки с угольной растопкой, но, я думаю, теперь никто не верил в эти приготовления так, как раньше. После того ужасного звериного рыка и после отгрызенной

окровавленной веревки никто уже не верил. Если что-то оттуда, снаружи, захочет нас, оно свое получит. Оно или они.

— Насколько опасно будет сегодня ночью?— спросила миссис Терман. Голос ее звучал спокойно, но в глазах застыл испуг.

— Хэтти, я не знаю.

— Пусть Билли побольше будет со мной... Я... Дэвид, я боюсь смертельно.— Она коротко хохотнула.— Да, видимо, это так называется. Но если Билли будет со мной, я буду в порядке. Ради него.

Глаза ее блестели. Я наклонился и тронул ее за плечо.

— Я так волнуюсь за Алана,— сказала она.— Но он, наверно, мертв, Дэвид. Я сердцем чувствую, что его уже нет.

— Не надо, Хэтти. Ты не можешь этого знать.

— Но я чувствую, что это так. Ты ничего не чувствуешь про Стефени? Хоть какое-то ощущение?

— Нет,— солгал я, стиснув зубы.

Она издала горлом странный сдавленный звук и зажала рот рукой. В ее очках отражались отсветы лучей фонариков.

Билли ел персик. Хэтти Терман похлопала по полу рядом с собой и сказала, что, когда он доест, она покажет ему, как из персиковой косточки и нитки делается человечек. Билли устало улыбнулся ей, и она улыбнулась в ответ.

В 20.00 новые шестеро дежурных сели у проемов, и Олли подошел ко мне.

— Где Билли?

— Там, дальше, с миссис Терман,— ответил я.— Занимаются рукоделием. Они уже прошли человечков из персиковых косточек, маски из пакетов и яблочных кукол, а теперь мистер Маквей показывает ему, как делать маленьких трубочистов.

Олли сделал большой глоток пива и сказал:

— Там, за окнами, что-то движется.

Я пристально посмотрел на него, но он ответил мне уверенным взглядом.

— Что ты имеешь в виду? Что там движется?

— Я не уверен. Спросил у Уолтера, и он сказал, что у него такое же чувство. На минуту какая-то область тумана становится темнее, иногда просто маленькая полоса, иногда пятно, похожее на синяк. Потом снова пропадает. И сам туман шевелится. Даже Эрни Симмс почувствовал, что там что-то происходит, а он слепой как летучая мышь.

— А остальные?

— Они все из других штатов, я их не знаю,— сказал Олли.— Я ни у кого из них не спрашивал.

— Ты уверен, что тебе не померещилось?

— Уверен,— сказал он и кивнул в сторону миссис Кармоди, сидевшей в одиночестве в конце прохода. Происшедшее отнюдь не испортило ей аппетита, и на ее тарелке лежала целая груда цыплячьих костей.

— В одном она была права,— добавил Олли. Мы все узнаем. Станет темно, и мы все узнаем.

ГЛАВА 7

Но темноты ждать не пришлось. Когда это случилось, Билли почти ничего не видел, потому что миссис Терман держала его в дальнем конце магазина. Олли сидел со мной, когда один из дежуривших взвизгнул и, размахивая руками, отскочил от проема. Время приближалось к 20.30, и жемчужно-белый туман снаружи потемнел до ровного серого цвета ноябрьских сумерек.

Что-то прижалось со стороны улицы к стеклу у одного из проемов.

— Боже! — вскрикнул дежуривший там мужчина.— Пустите меня! Я не могу!..

И он, выпучив глаза, побежал, кидаясь из стороны в сторону.

Кто-то еще вскрикнул в темноте, и люди побежали посмотреть, что происходит. Другие, наоборот, кинулись в дальний конец зала, не интересуясь и не заботясь, что там ползает по стеклам снаружи.

Мы с Олли двинулись к проему. Олли держал руку в кармане брюк, куда положил револьвер миссис Дамфрис. Еще один наблюдатель вскрикнул, но скорее от отвращения, чем от страха.

Мы прошли мимо касс, и теперь я понял, что напугало дежурного. Я не знал, что это, но я мог видеть. Существо немного походило на эти странные игрушки из винила за доллар девяносто восемь центов, что люди покупают, чтобы попугать друзей.

Фута два длиной, сегментированная тварь цвета розовой заживающей после ожога кожи. Два выпуклых глаза на стебельках. Существо ползло по стеклу, цепляясь толстыми присосками. За спиной существа медленно колыхались огромные слюдяные крылья, похожие на крылья мухи.

У другого проема, слева от нас, по стеклу ползали, оставляя за собой липкие улиточные следы, сразу три таких твари. Глаза, если это на самом деле были глаза, покачивались на концах стебельков толщиной с палец. Самая большая из этих тварей была около четырех футов в длину. Время от времени они переползали друг через друга.

— Чертовщина какая-то,— сказал Том Смолли с омерзением в голосе. Он стоял у проема справа от нас. Я промолчал. Если эти твари ползают по окнам у каждого проема, значит, они облепили все здание... Как черви кусок мяса...

Где-то плакали. Миссис Кармоди кричала про «исчадия ада». Кто-то грубо приказал ей заткнуться, если она не хочет получить...

Олли достал из кармана револьвер. Я схватил его за руку.

— Не сходи с ума.

— Я знаю, что делаю,— сказал он, высвобождаясь, потом

с застывшей на лице маской отвращения постучал стволом по стеклу. Твари заработали крыльями так быстро, что их почти не стало видно, потом взлетели.

Другие увидели, что делает Олли, и, воспользовавшись идеей, стали стучать по окнам рукоятками швабр. Твари улетали, но вскоре возвращались обратно. Очевидно, мозгов у них было не больше, чем у обыкновенной мухи. Почти паническая обстановка разрядилась гомоном разговоров, и я услышал, как кто-то спрашивает, что будет, если такая тварь на тебя сядет. Отнюдь не тот вопрос, ответ на который мне хотелось бы узнать из личного опыта.

Стук по окнам стал утихать. Олли повернулся ко мне, собираясь что-то сказать, но не успел он открыть рот, как из тумана вынырнуло еще что-то и схватило ползающую по стеклу тварь. Кажется, я закричал. Не помню.

Участок тумана потемнел и превратился во что-то с хлопающими кожистыми крыльями, белым, как у альбиноса, телом и красноватыми глазами. Это что-то схватило розовую тварь и исчезло. Все вместе заняло не более пяти секунд. Мне показалось, что розовая тварь дергалась и трепыхалась, исчезая в глотке, как трепыхается маленькая рыбешка в клюве чайки.

Раздался еще один удар, потом еще. Снова послышались крики, и люди опять бросились в дальний конец магазина. Потом кто-то пронзительно вскрикнул, на этот раз от боли, и Олли сказал:

— О, господи, там упала старушка, и ее чуть не растоптали.

Он бросился в проход между кассами. Я повернулся было бежать за ним, но тут заметил нечто такое, что меня остановило.

Справа от меня один из мешков с удобрениями под самым потолком начал сползать. Том Смолли сидел прямо под ним, глядя в туман через свою амбразуру.

Еще одна розовая тварь плюхнулась на стекло у проема, где стояли мы с Олли, и ее тут же подхватил спикировавший летающий хищник. Сбитая с ног старушка продолжала кричать пронзительным надтреснутым голосом.

Мешок. Мешок сползал.

— Смолли! — крикнул я. — Берегись! Сверху!

В общем шуме он меня так и не расслышал. Мешок упал прямо ему на голову. Смолли рухнул на пол, задев подбородком низкую полку, проходящую под витриной.

Одна из тварей-альбиносов начала протискиваться через рваную дыру в стекле, и теперь, когда крики немного стихли, я расслышал производимый ею мягкий скребущий звук. На чуть склоненной в сторону треугольной голове поблескивали красные глаза. Хищно раскрывался и закрывался тяжелый загнутый клюв. Тварь одновременно напоминала птеродактиля из книги про доисторических животных и фрагмент бредового сна сумасшедшего.

Я схватил один из факелов и обмакнул его в банку с угольной растопкой.

Летающая тварь уселась на верхний мешок, оглядываясь вокруг и медленно, зловеще переступая с одной когтистой лапы на другую. Я уверен, что эти существа тоже глупы: дважды оно пыталось расправить крылья, ударяясь ими о стены, и складывало их за горбатой спиной, словно гриф. В третий раз тварь потеряла равновесие и неуклюже свалилась со своего насеста, упав на спину Тома Смолли. Одним движением когтистой лапы она разорвала рубашку Тома и располосовала его спину до крови.

Я стоял всего в трех футах от нее. С факела капала жидкость для растопки, и я был готов убить эту тварь, но тут понял, что мне нечем зажечь огонь. Последнюю спичку я истратил за час до того, зажигая мистеру Маквею сигару.

В зале творилось что-то невероятное. Люди увидели сидящую на спине Смолли тварь — зрелище, которого никто никогда на Земле еще не видел. Тварь стремительно ударила клювом и вырвала кусок мяса из шеи Смолли.

Я уже собирался воспользоваться факелом как дубиной, когда обмотанный тряпками конец его вдруг вспыхнул. Рядом, держа зажигалку с эмблемой морской пехоты, стоял Ден Миллер. Лицо его словно окаменело от ужаса и ярости.

— Убей ее,— хрипло сказал он.— Убей.

Тут же с револьвером в руке стоял Олли, но он не мог стрелять из опасения попасть в Тома.

Тварь расправила крылья и взмахнула ими, явно не собираясь взлетать, а просто чтобы получше уцепиться за свою жертву, потом обволокла крыльями туловище бедняги Смолли, и оттуда донесся звук чего-то рвущегося. Отвратительный звук, я даже не могу его описать.

Все это произошло за считанные секунды. Затем я ткнул в нее горящим факелом. У меня возникло ощущение, что я ударил что-то не более прочное, чем воздушный змей, и в следующий момент тварь вспыхнула, издав скрежещущий звук и снова расправила крылья. Голова ее задергалась, глаза закатились. Потом со звуком, напоминающим хлопающие на ветру простыни, тварь взлетела и опять издала этот ржавый скребущий звук.

Следя за ее огненным предсмертным полетом, из всего происшедшего ничего не запомнилось мне ярче, чем этот зигзагообразный полет пылающей твари в зале супермаркета. Она летела, роняя то тут, то там горящие куски, и в конце концов рухнула на стеллаж с соусами для спагетти. От нее не осталось почти ничего, кроме пепла и костей. По магазину пополз тошнотворный резкий запах горящего мяса, и, словно подчеркивая его, появился другой — тонкий едкий запах тумана, проникающего в разбитое окно.

Мгновение стояла тишина. Нас всех словно околдовала черная

магия этого огненного полета. Потом все закричали, и откуда-то издалека я услышал плач сына.

Кто-то схватил меня за плечо. Оказалось, Бад Браун. Глаза его лезли из орбит, рот кривился в гримасе, открывающей искусственные зубы.

— Там еще одна. Другая...— сказал он, показывая рукой.

Сквозь дыру в стекле пролезла розовая тварь и уселась на мешке с удобрениями, тараща глаза на стебельках и жужжа своими мушиными крыльями, как дешевый вентилятор. Розовое болезненно-пухлое тело быстро вздымалось и опадало.

Мой факел еще не погас, и я бросился к ней, но меня опередила миссис Репплер, учительница третьих классов, лет пятидесяти, может быть, шестидесяти, худая сухощавая женщина, которая своим видом всегда напоминала мне полоску вяленого мяса.

В каждой руке она держала по баллону с аэрозолем, словно какой-то персонаж из фильмов ужасов. Издав яростный крик, сделавший бы честь любому пещерному человеку, разбивающему череп врага, она вытянула вперед руки с баллонами и нажала обе кнопки. Густой слой инсектицида покрыл розовую тварь, и она забилась в конвульсиях, завертелась и наконец свалилась с мешков, отскочила от тела уже, без всяких сомнений, мертвого Тома Смолли и упала на пол. Крылья бешено зажужжали, но они уже не могли никуда ее унести: их покрывал толстый слой аэрозоли. Через несколько секунд крылья ослабели, потом замерли, и тварь умерла.

Я снова услышал плач. И стоны. Все еще стонала затоптанная пожилая леди. Откуда-то доносился смех. Смех сумасшедшего. Миссис Репплер, часто и тяжело дыша, стояла над своей жертвой.

Хатлен и Миллер нашли небольшую тележку типа тех, на которых грузчики подвозят к секциям магазина ящики с товарами, и вдвоем запихнули ее на мешки с удобрениями, закрыв клиновидную дыру в стекле. В качестве временной меры это было неплохо.

Двигаясь, словно лунатик, появилась Аманда Дамфрис. В одной руке она держала пластиковое ведерко, в другой метелку, все еще завернутую в прозрачный целлофан. Она наклонилась, глядя перед собой огромными пустыми глазами, и замела мертвую розовую тварь в ведерко. Я даже расслышал треск целлофановой обертки, когда Аманда водила метелкой по полу. Потом она подошла к двери — к счастью, на ней не было этих тварей — приоткрыла ее немного и выбросила ведерко на улицу. Оно упало на бок, перекатываясь туда-обратно по сокращающейся дуге. Еще одно розовое насекомое появилось с жужжанием из темноты, уселось на ведерко, потом принялось ползать вокруг.

Аманда разрыдалась.

Мы с Олли сходили на склад и принесли еще штук шесть подстилок, таких же, какой я укрыл Билли. Теперь на них спали люди.

Потом мы притащили несколько тяжелых ящиков с апельсинами и персиками и вчетвером затолкали их на мешки напротив разбитого стекла. Этим птицеобразным тварям пришлось бы поработать, чтобы сдвинуть ящики: каждый из них весил фунтов девяносто.

Но «птицы» и розовые твари были не единственными, кто таился в тумане. Были еще щупальца, утащившие Норма. И обгрызенный конец веревки тоже заставлял кое о чем задуматься. Было, наконец, то существо, что издавало низкий гортанный рев. До нас время от времени доносились эти звуки, чаще издалека, хотя кто может сказать, как далеко это «издалека», когда туман так гасит звуки? А иногда они раздавались так близко, что тряслось здание, и казалось, что сердце вдруг наполняется ледяной водой.

Билли зашевелился во сне и застонал. Я погладил его по голове, и он простонал чуть громче, но потом, похоже, снова уплыл в менее опасные воды сновидений. С наступлением темноты мне самому удалось поспать лишь часа полтора.

Не только мы с Билли спали плохо. Одни вскрикивали во сне, другие продолжали кричать, уже проснувшись. Пиво исчезало из охладителя с огромной скоростью. Бадди Иглтон без комментариев подвез со склада еще несколько ящиков. Майк Хатлен сказал мне, что кончился «Соминекс». Полностью. Видимо, некоторые брали снотворное по шесть-восемь бутылочек.

— Есть еще «Нитол»,— сказал он.— Хочешь, Дэвид?

Я покачал головой.

В проходе у кассы номер пять обосновались наши пьянчуги. Их было человек семь, все из других штатов, кроме Лу Таттингера, работавшего на мойке машин. Лу, как говорится, никогда долго не искал повода, чтобы понюхать пробку. Вся винная бригада анестезировала себя уже довольно прилично.

Да. Еще было человек шесть-семь, которые сошли с ума. Не совсем точный термин, но я не могу придумать лучшего. Эти люди впали в полнейшую апатию без помощи пива, вина или пилюль. Пустыми, блестящими, как медная дверная ручка, глазами смотрели они вокруг. Твердый бетон реальности дал трещину в каком-то немыслимом землетрясении, и эти бедняги в нее провалились. Со временем они могли бы поправиться. Если бы было время.

Остальные приноровились к ситуации, сделав собственные выводы и компромиссы, порой несколько странные. Миссис Репплер, например, была уверена, что все это сон. Так, по крайней мере, она сказала. Но сказала с убеждением.

Около четырех Билли проснулся и огляделся вокруг сонными непонимающими глазами.

— Мы еще здесь?

— Да, родной,— сказал я.— Еще здесь.

Он заплакал слабо, беспомощно, и это было ужасно. Аманда проснулась и поглядела на нас.

— Эй, малыш,— сказала она, мягко обнимая Билли.— Придет утро, и все будет гораздо лучше.

— Нет,— упрямо ответил Билли.— Не будет. Не будет. Не будет...

— Тс-с-с,— сказала она, глядя на меня поверх его головы.— Тебе давно пора спать.

— Я хочу к маме!

— Знаю, малыш,— сказала Аманда.— Конечно.

Пристроившись к ней, Билли повертелся немного и лег так, чтобы ему было меня видно. Какое-то время он смотрел на меня, потом снова уснул.

— Спасибо,— сказал я.— Может быть, вы были ему нужны.

— Он меня даже не знает.

— Это не важно.

— А что, вы думаете, будет дальше?— спросила она, не сводя с меня твердого взгляда своих зеленых глаз.— Что вы действительно думаете?

— Спросите меня утром.

— Я спрашиваю сейчас.

Я уже собрался было ответить, но тут из темноты, словно нечто из рассказов ужасов, материализовался Олли Викс. В руках он держал направленный в потолок фонарь с обернутой вокруг отражателя женской кофточкой, и приглушенный свет отбрасывал на его лицо странные тени.

— Дэвид,— прошептал он.

Аманда взглянула на него, сначала встревоженно, потом снова испуганно.

— Что такое, Олли?— спросил я.

— Дэвид,— повторил он.— Пойдем. Пожалуйста.

— Я не хочу оставлять Билли. Он только что уснул.

— Я побуду с ним,— сказала Аманда.— Вы идите.— Потом добавила чуть тише:— Боже, это никогда не кончится.

Я пошел вслед за Олли. Он направлялся к складскому помещению и, проходя мимо пивного охладителя, схватил банку пива.

— Олли, что случилось?

— Я хочу, чтобы ты сам увидел.

Мы прошли за двойные двери, и створки закрылись за нами, чуть всколыхнув воздух. Здесь было холодно. Место это совсем не нравилось мне после того, что случилось с Нормом. Кроме того, я вспомнил, что где-то здесь все еще валяется отрубленный кусок щупальца.

Олли убрал закрывающую отражатель кофточку и направил луч фонарика вверх. В первый момент мне показалось, что кто-то подвесил на обогревательную трубу под потолком два манекена. Знаете, детские шуточки в канун дня всех святых.

Затем я увидел ноги, висящие в семи дюймах от бетонного пола, и две кучи разбросанных картонных коробок. Я взглянул вверх, и в горле у меня начал подниматься крик, потому что там были лица, но не манекенов. Обе головы свернулись набок, словно их хозяева смеялись над какой-то жутко забавной шуткой, так смеялись, что лица их посинели.

Оба были в военной форме. Те самые молодые солдаты, которых я заметил еще вначале, но потом потерял из вида в сутолоке событий. Солдаты из...

Крик. Я ощущал, как он поднимается у меня в горле, словно стон полицейской сирены, но тут Олли схватил меня за руку над локтем.

— Не кричи, Дэвид. Кроме нас с тобой, никто еще не знает. И лучше будет, если так и останется.

Как-то я справился с собой и проговорил:

— Это солдаты...

— Из «Проекта Стрела»,— сказал Олли.— Точно.

Что-то холодное ткнулось мне в руку. Банка пива...

— На, выпей. Полегчает.

Я осушил ее мигом, и Олли начал рассказывать.

— Я пришел посмотреть, нет ли здесь еще баллонов для гриля мистера Маквея. И увидел их.

— Но почему?

— Я думаю, ты знаешь, почему. Конечно, летние туристы, вроде этого парня, Миллера, не поймут, но здесь есть и местные, которые вполне могут догадаться.

— «Проект Стрела»?

— Я целыми днями стою у касс,— сказал Олли,— и многое слышу. Всю весну до меня доходили разные слухи про эту чертову «Стрелу», но ни одного хорошего.

Я вспомнил, как Билл Джости наклонился к окну моей машины, дохнув мне в лицо теплым алкогольным перегаром... «Не просто атомы, а *другие* атомы».

— Я слышал кое-что. Сразу от нескольких людей,— продолжал Олли.— Джастин Робардс, Ник Точай, Бен Майклсон. В маленьких городах секретов не бывает. Что-то обязательно всплывает. Иногда это как родник: он просто выбивается из-под земли, и никто не знает, откуда он взялся. Ты что-то услышал в библиотеке, передал кому-то другому. Или на пристани в Харрисоне... Бог знает, где еще или почему. Но все лето я слышу: «Проект Стрела», «Проект Стрела»...

— Но эти двое...— сказал я.— Боже, Олли, они еще совсем мальчишки.

— Во Вьетнаме такие мальчишки отрезали у местных уши. Я был там. Я видел.

— Но... что заставило их сделать это?

— Я не знаю. Может быть, они что-то знали. Или догадыва-

лись. Но они, видимо, понимали, что люди в конце концов начнут задавать им вопросы.

— Если ты прав,— сказал я,— то это должно быть что-то действительно кошмарное.

— Буря,— сказал Олли мягким ровным голосом.— Может, там что-то повредило во время бури. Может, случилась какая-то катастрофа. Кто знает, чем они там занимались? Некоторые утверждали, что там экспериментировали с высокомощными лазерами и мазерами. А иногда я слышал про термоядерную энергетику. Вдруг они... прокололи дыру в какое-нибудь другое измерение?

— Бред,— сказал я.— Но сейчас перед нами другая проблема. Что мы будем делать?

— Я думаю, надо срезать их и спрятать,— тут же предложил Олли.— Завалить их чем-нибудь, что никому не понадобится. Собачьими консервами, стиральным порошком или еще чем. Если люди об этом узнают, будет только хуже. Именно поэтому я к тебе и пришел, Дэвид. Я никому больше не мог довериться.

— Как нацистские военные преступники,— пробормотал я,— которые кончали с собой в камерах...

— Да. Я тоже об этом подумал.

Мы замолчали, и неожиданно снаружи из-за стальной загрузочной двери снова донеслись скребущие звуки щупалец, ползающих у входа. Мы невольно встали ближе друг к другу, и я почувствовал, как по коже у меня бегают мурашки.

— Быстро закончим — и обратно,— сказал Олли. В свете фонаря тускло блеснуло его сапфировое кольцо.— Я хочу убраться отсюда поскорей.

Олли со щелчком открыл свой нож, удобный для того, чтобы вскрывать картонные коробки. И, разумеется, перерезать веревки.

— Ты или я?— спросил он.

— Каждому по одному,— ответил я, проглотив комок в горле.

Когда мы вернулись, подступала заря. Чернота в проемах между мешками с удобрениями очень неохотно уступила место густому серому цвету, потом желтоватому и наконец яркой безликой матовой белизне экрана кинотеатра на открытом воздухе. Майк Хатлен спал в складном кресле, которое он неизвестно где выкопал. Ден Миллер сидел неподалеку на полу и уминал пончик, посыпанный сахарной пудрой.

— Садитесь, мистер Дрэйтон,— пригласил он.— Берите пончик.— Он протянул мне коробку.

Я покачал головой.

— Эта сахарная пудра — верная смерть. Хуже сигарет.

— Тогда возьмите два,— сказал он, рассмеявшись.

Я с удивлением обнаружил, что во мне тоже осталось немного смеха. Он выманил его из меня, и этим мне понравился. Я взял

два пончика, и они оказались довольно приятными на вкус. После них я выкурил сигарету, хотя обычно не курю по утрам.

— Мне надо к сыну,— сказал я.— Он скоро проснется.

Миллер кивнул.

— Эти розовые жуки...— сказал он.— Все исчезли. И птицы. Хэнк Ваннерман говорит, что последняя ударилась в окно около четырех. Видимо, этот зверинец гораздо активнее, когда темно.

— Брент Нортон так бы не сказал,— заметил я.— И Норм.

Он снова кивнул, помолчал, потом закурил сигарету и взглянул на меня.

— Мы не можем здесь долго оставаться, Дрэйтон,— сказал он.

— Здесь полно еды. И есть что пить.

— Запасы к этому делу не имеют никакого отношения, как ты сам прекрасно понимаешь. Что мы будем делать, если одна из этих больших зверюг решит к нам вломиться? Вместо того, чтобы просто топать по ночам снаружи? Будем отгонять ее швабрами и угольной растопкой?

Конечно же, он был прав. Может быть, туман защищал нас в какой-то степени. Прятал. Но не исключено, что это ненадолго, и, кроме того, меня тревожили другие соображения. Мы пробыли в «Федерал Фудс» примерно восемнадцать часов, и я уже чувствовал, как что-то вроде летаргии охватывает меня, что-то очень похожее на оцепенение, которое я ощущал, заплыв слишком далеко. Хотелось остаться, не рисковать, продолжать заботиться о Билли, подождать, вдруг туман разойдется, и все станет по-прежнему.

То же самое я видел на других лицах, и мне пришло в голову, что сейчас в супермаркете есть люди, которые не уйдут отсюда ни при каких обстоятельствах. После того, что случилось, одна мысль о том, что нужно выйти за дверь, заморозит их.

Миллер следил, вероятно, как эти мысли отражаются на моем лице, потом сказал:

— Когда появился этот чертов туман, здесь было человек восемьдесят. Из этого количества вычти носильщика, Нортона, четверых, что были с ним, и Смолли. Остается семьдесят три.

«А если вычесть еще двух солдат, что лежат теперь под мешками щенячьей кормежки, остается семьдесят один».

— Затем вычти людей, которые просто свихнулись,— продолжал он.— Их человек десять-двенадцать. Скажем, десять. Остается шестьдесят три. Но...— Он поднял испачканный в сахарной пудре палец.— Из этих шестидесяти трех человек двадцать никуда не пойдут, даже если их тащить и толкать.

— И что это все доказывает?

— Что надо отсюда выбираться, вот и все. Я иду около полудня, наверно. И собираюсь взять с собой столько людей, сколько пойдут. Я бы хотел, чтобы ты и твой парень пошли со мной.

— После того, что случилось с Нортоном?

— Нортон пошел, как баран на бойню. Это не означает, что я или люди, которые пойдут со мной, должны поступать так же.

— Как ты можешь этому помешать? У нас один револьвер.

— Хорошо, хоть один есть. Но если нам удастся пройти через перекресток, может быть, мы попадем в «Спортмэнс Эксчейндж» на Мэйн-стрит. Там оружия более чем достаточно.

— Тут на одно «если» и на одно «может быть» больше чем нужно.

— Дрэйтон,— сказал он,— мы вообще попали в довольно сомнительную ситуацию.

Это у Миллера легко сорвалось с языка, но у него не было маленького сына, о котором нужно заботиться.

— Слушай, давай пока все это оставим, о'кей? Я не очень много спал сегодня ночью, зато имел возможность о многом подумать. Хочешь, поделюсь?

— Конечно.

Он встал и потянулся.

— Пойдем пройдемся со мной к окну.

Мы прошли вдоль касс, около хлебных полок и остановились у одного из проемов.

— Все эти твари исчезли,— сказал дежуривший там мужчина.

Миллер хлопнул его по спине.

— Можешь сходить выпить кофе. Я постою за тебя.

— О'кей. Спасибо.

Он ушел, и мы с Миллером подошли к проему.

— Скажи мне, что ты там видишь,— попросил он.

Я посмотрел в окно. Очевидно, одна из летающих тварей опрокинула ночью мусорный бак, рассыпав по асфальту бумажки, банки и пластиковые стаканчики. Чуть дальше исчезал в тумане ряд ближайших к магазину автомашин. Больше я ничего не видел и так ему и сказал.

— Вот тот голубой пикап «шевроле» — мой,— сказал он, указывая рукой, и я различил в тумане намек на что-то голубое.

— Но если ты помнишь, вчера, когда ты подъезжал, стоянка была почти полна, не так ли?

Я взглянул на свой «скаут», вспоминая, что мне удалось поставить машину близко к входу в магазин только потому, что кто-то освободил место, и кивнул.

— А теперь, Дрэйтон,— сказал Миллер,— присоединим к этому факту еще кое-что. Нортон и его четверка... Как ты их называл?

— «Общество Верящих в Плоскую Землю».

— Отлично. Прямо в точку. Они выбрались, так? И прошли почти всю длину веревки, а потом мы услышали этот рев, словно там бродило целое стадо слонов. Так?

— Это не было похоже на слонов,— сказал я.— Скорее на... «На что-то из доисторических болот»,— просилось на язык.

— Я не знаю, на что,— закончил я тихо.

— Но, судя по звуку, это было что-то большое.

— Да, пожалуй. И я полагаю, это еще мягко сказано.

— Тогда почему мы не слышали, как бьются машины? Скрежет металла? Звон стекла?

— Ну потому что...— Я замолчал.— Не знаю.

— Они никак не могли все выбраться со стоянки до того, как нас тряхнуло,— сказал Миллер.— Я вот что думаю. Я думаю, мы не слышали этих звуков, потому что машин просто нет. Сквозь землю провалились, испарились, как хочешь... Если уж перекосило эти рамы, с полок все попадало... И городская сирена замолчала в тот же момент.

Я попытался представить себе половину автостоянки. Представил, что иду и подхожу к свежему провалу в земле, где кончается асфальт с аккуратно расчерченными желтой краской местами для автомашин. Провал, склон или, может быть, бездонная пропасть, затянутая белым ровным туманом.

— Если ты прав,— сказал я, подумав,— то как далеко ты уедешь на своем пикапе?

— Я про него не думал. Я думал про твою машину с четырехколесным приводом.

Об этом, конечно, стоило подумать, но не сейчас.

— Что у тебя на уме?

— Соседняя аптека,— не заставляя себя упрашивать, продолжил Миллер.— Об этом я тоже думал. Что ты на это скажешь?

Я открыл было рот, собираясь сказать, что не имею ни малейшего представления, о чем он говорит, но тут же и закрыл. Когда мы подъезжали к магазину, бриджтонская аптека работала. Прачечную закрыли, но аптека работала. Чтобы впустить свежий воздух, они открыли двери настежь и застопорили их резиновыми колодками, потому что кондиционеры у них, как и везде, остались без электричества. Дверь в аптеку должна быть не дальше двадцати футов от входа в магазин. Тогда почему...

— Почему никто из тех людей не пришел к нам? — задал за меня вопрос Миллер.— Ведь прошло восемнадцать часов. Они должны были бы проголодаться...

— Там есть продукты,— сказал я.— Они всегда продают что-нибудь. Крекеры, выпечку и всякую всячину. Плюс кондитерский прилавок.

— Я не думаю, что они стали бы сидеть на такой диете, когда здесь столько всего.

— Что ты имеешь в виду?

— Я имею в виду, что я хочу смыться отсюда, но не хочу стать обедом для какого-нибудь беглеца из второсортного фильма ужасов. Четверо или пятеро из нас могут сходить и проверить ситуацию в аптеке. Своего рода пробный шар.

— Это все?

— Нет, есть еще одно дело.

— Что еще?

— Она,— сказал Миллер и ткнул пальцем в направлении одного из средних проходов.— Эта сумасшедшая стерва. Ведьма.

Указывал он на миссис Кармоди. Она уже была не одна: к ней присоединились две женщины. По их яркой одежде я заключил, что они из тех, которые приезжают сюда на лето, дамы, оставившие, может быть, дома семьи, чтобы «сгонять в город и кое-что купить», и теперь съедаемые беспокойством за своих мужей и детей. Дамы, готовые ухватиться за любую соломинку. Даже за мрачные утешения миссис Кармоди.

— Она — это еще одна причина, почему я хочу убраться отсюда, Дрэйтон. К вечеру рядом с ней будет уже человек шесть. А если розовые твари и птицы вернутся сегодня ночью, завтра утром у нее будет целая конгрегация. И тогда уже нужно будет беспокоиться о том, кого она прикажет им принести в жертву, чтобы результат был получше. Может быть, меня, или тебя, или этого Хатлена. Может, твоего сына.

— Бред какой-то,— сказал я.

Но так ли это? Холодок, пробежавший у меня по спине, подсказывал, что, может быть, он прав. Губы миссис Кармоди двигались и двигались, а дамы-туристки, не отрываясь, следили за ее морщинистыми губами. Бред? Я вспомнил пыльные чучела, пьющие воду из стеклянного ручья. Миссис Кармоди обладала какой-то силой. Даже Стефф, обычно рациональная и рассудительная, упоминала ее имя с некоторой настороженностью.

«Сумасшедшая стерва,— назвал ее Миллер.— Ведьма».

— Люди, собравшиеся здесь, испытывают на себе сейчас нечто подобное воздействию восьмого круга ада,— сказал Миллер и, показав жестом на выкрашенные красной краской рамы, обрамляющие стекла, перекошенные, выгнутые, потрескавшиеся, добавил: — Их мозги сейчас как эти вот рамы. Уж про себя я точно могу сказать. Половину прошлой ночи я думал, что я свихнулся, что на самом деле я в смирительной рубашке где-нибудь в Данверсе, что я просто вообразил этих розовых тварей, доисторических птиц, щупальца, и все это исчезнет, когда войдет хорошенькая медсестра и вколет мне в руку успокоительного.— Его маленькое лицо побелело и напряглось. Он посмотрел на миссис Кармоди, затем снова на меня.— Я скажу тебе, что произойдет. Чем больше люди свихиваются, тем лучше для некоторых из них она будет выглядеть. И я не хочу тут оставаться, когда это случится...

Утром Билли чувствовал себя уже лучше. Он был бледен, мешки под глазами от слез, выплаканных ночью, еще не прошли, лицо его имело изможденный вид, и чем-то оно теперь напоминало лицо старика. Но он все еще мог смеяться, по крайней мере до тех пор, пока снова не вспоминал, где находится и что происходит.

Мы сели вместе с Амандой и Хэтти Терман, попили кофе из бумажных стаканчиков, и я рассказал им, что с несколькими людьми собираюсь идти в аптеку.

— Я не хочу, чтобы ты уходил,— немедленно заявил Билли, мрачнея.

— Все будет в порядке, Большой Билл. Я тебе принесу комиксы про Спайдермена.

— Я хочу, чтобы ты остался.— Теперь он был не просто мрачен, теперь он был испуган.

Я взял его за руку, но он тут же отдернул ее.

— Билли, рано или поздно нам придется отсюда выбираться. Ты ведь это понимаешь?

— Когда туман разойдется...

— Билли, мы здесь уже почти целый день.

— Я хочу к маме.

— Может быть, это первый шаг, чтобы мы могли к ней попасть.

— Не надо, чтобы мальчик сильно надеялся на это, Дэвид,— сказала миссис Терман.

— Черт возьми!— взорвался я.— Нужно же ему хоть на что-то надеяться!

Миссис Терман опустила глаза.

— Да. Может быть.

Билли ничего этого не заметил.

— Папа... Там же всякие... чудовища, папа.

— Мы знаем. Но большинство из них — не все — выходят только ночью.

— Они подстерегут вас,— прошептал Билли, глядя на меня огромными глазами.— Они будут ждать вас в тумане, и, когда вы будете возвращаться, они вас съедят. Как в сказках.— Он крепко обнял меня с какой-то панической страстностью.— Не ходи, пожалуйста, папа.

Осторожно расцепив его руки, я объяснил, что должен идти.

— Я вернусь, Билли.

— Ладно,— произнес он хрипло, но больше не смотрел на меня. Билли не верил, что я вернусь, и это было написано на его лице, уже не гневном, а печальном и тоскующем.

Я снова подумал, правильно ли делаю, подвергая себя такому риску, но потом взгляд мой случайно остановился на среднем проходе, где сидела миссис Кармоди. У нее появился третий слушатель, небритый мужчина со злыми, налитыми кровью глазами. И это был Майрон Ляфлер. Человек, бездумно пославший мальчика выполнять работу мужчины.

«Сумасшедшая стерва. Ведьма».

Я поцеловал Билли и крепко прижал к себе. Затем пошел к витрине, но не через проход с посудой: не хотел лишний раз попадаться на глаза миссис Кармоди. Когда я прошел уже три четверти пути, меня догнала Аманда.

— Ты, в самом деле, должен это сделать?— спросила она. Щеки ее раскраснелись, а глаза стали зеленее обычного. Она боялась, очень боялась.

Я пересказал ей свой разговор с Деном Миллером. Загадка с машинами и тот факт, что никто не пришел к нам из аптеки, ее не очень тронули. Зато она всерьез отнеслась к предположению относительно миссис Кармоди.

— Возможно, он прав,— сказала она.

— Ты серьезно в это веришь?

— Не знаю. Но в этой женщине есть что-то жуткое. А если людей пугать достаточно сильно и достаточно долго, они пойдут за любым, кто пообещает спасение.

— Но человеческие жертвоприношения, Аманда?

— Ацтеки это делали,— сказала она ровно.— Послушай, Дэвид. Ты обязательно возвращайся. Если что-нибудь случится, хоть что-нибудь, сразу возвращайся. Бросай все и беги. Возвращайся.

— Хорошо. Обязательно.

— Дай бог тебе...— Она выглядела усталой и постаревшей. Мне пришло в голову, что так выглядим почти все мы. Но не миссис Кармоди. Миссис Кармоди стала моложе и как-то ожила. Словно она попала в свою среду.

ГЛАВА 8

Собрались мы не раньше 9.30 утра. Пошли семеро: Олли, Ден Миллер, Майк Хатлен, бывший приятель Майрона Ляфлера Джим, Бадди Иглтон, я. Седьмой была Хильда Репплер, хотя Миллер и Хатлен вполсилы попытались отговорить ее. А я подумал, что она может оказаться более подготовленной к неизвестному, чем любой из нас, за исключением, может быть, Олли. В одной руке миссис Репплер держала небольшую полотняную сумку, загруженную аэрозольными банками с инсектицидами, уже без колпачков и готовыми к употреблению. В другой руке она несла теннисную ракетку.

— Что вы собираетесь с ней делать, миссис Репплер?— спросил Джим.

— Не знаю,— сказала она низким хриплым голосом.— Но ракетка хорошо сидит в руке.

Каждый из нас держал что-то в руках, хотя выглядел такой набор оружия довольно-таки странно. У Олли был револьвер. Бадди Иглтон принес откуда-то стальной ломик. Я прихватил черенок швабры.

— О'кей,— сказал Ден Миллер, повысив голос.— Прошу внимания!

Человек двенадцать добрели до выхода посмотреть, что происходит, и остановились нестройной группой. Справа от них стояла миссис Кармоди со своими новыми сторонниками.

— Мы собираемся в аптеку — посмотреть, как там дела. Надеюсь, мы найдем что-нибудь для миссис Клапхем.

Так звали старушку, которую затоптали вечером, когда появились розовые твари.

Миллер взглянул на нас.

— Мы не должны рисковать,— сказал он.— При первых же признаках опасности мигом возвращаемся в магазин...

— И приведете к нам эти исчадия ада!— выкрикнула миссис Кармоди.

— Она права!— поддакнула одна из «летних» дам.— Из-за вас они заметят нас! Вы приманите их сюда! Почему бы вам не успокоиться, пока все хорошо?

— То, что случилось с нами, вы называете «все хорошо»?— спросил я.

Миссис Кармоди с горящими глазами шагнула вперед.

— Ты умрешь там, Дэвид Дрэйтон! Ты хочешь, чтобы твой сын остался сиротой?— Она обвела нас всех взглядом. Бадди Иглтон опустил глаза и одновременно поднял ломик, словно защищаясь от ее злых чар.

— Вы все умрете там! Разве вы не поняли, что наступил конец света? Враг рода человеческого шагает по земле! Пылает адский огонь, и каждый, кто ступит за дверь, будет растерзан! Они придут за теми из нас, кто остался здесь, как сказала эта добрая женщина. Люди, неужели вы позволите, чтобы это произошло?— Теперь миссис Кармоди обращалась к собравшимся зрителям, и толпа зароптала.— После того, что случилось с неверящими вчера? Там — смерть! Смерть! Там...

Банка зеленого горошка, пролетев через две кассы, ударила ей в грудь. Миссис Кармоди, квакнув от неожиданности, замолчала. Вперед вышла Аманда.

— Заткнись!— выкрикнула она.— Стервятница! Заткнись!

— Она служит Нечистому!— Опять заорала миссис Кармоди, и на губах ее заиграла неровная улыбка.— Мать Кармоди все видит! Да! Мать Кармоди видит, что не видят другие!

Но наваждение уже прошло, и Аманда спокойно выдержала ее взгляд.

— Мы идем или будем стоять здесь целый день?— спросила миссис Репплер.

И мы пошли. Спаси нас бог, мы пошли.

Ден Миллер шел первым. Олли вторым. Я шел последним, сразу за миссис Репплер. Наверное, я никогда в жизни так не боялся. Моя ладонь, сжимающая черенок швабры, стала скользкой от пота.

Выйдя за дверь, я снова почувствовал запах тумана. Миллер и Олли уже растворились в белизне, а Хатлена, шедшего третьим, было едва видно.

«Всего двадцать футов,— твердил я себе.— Всего двадцать футов».

Миссис Репплер медленно, но твердо шагала впереди меня,

чуть покачивая зажатой в правой руке теннисной ракеткой. Слева от нас была красная шлакоблочная стена. Справа, как призрачные корабли, стояли в тумане машины первого ряда автостоянки. Потом из белизны возник мусорный бак, а за ним скамейка, на которой люди иногда ждали очереди к телефону-автомату.

— О, боже! — истерично вскрикнул Миллер, добравшись до аптеки.— Боже милостивый! Вы только посмотрите!

Внутри аптека больше всего напоминала бойню. Мы с Миллером почти угадали. Все твари, скрывающиеся в тумане, находили жертву по запаху. И это было логично. Зрение для них почти бесполезно. От слуха толку не намного больше, поскольку, как я уже писал, туман странным образом путает всю акустику: звуки, рождающиеся близко, делает далекими, а далекие иногда близкими. Эти твари из тумана шли, повинуясь самому надежному чувству: обонянию.

Тех, кто остался в супермаркете, в каком-то смысле спасло отсутствие электричества, потому что перестали работать двери с фотоэлементами, и, когда появился туман, магазин оказался как бы запечатанным. В аптеке же двери были открыты и застопорены. Когда прервалась подача электричества, перестали работать кондиционеры, и тогда открыли дверь, чтобы дать доступ свежему воздуху. Однако со свежим воздухом в аптеку вошло и что-то еще...

В дверях лежал на животе мужчина в бордовой рубашке. Вернее, это сначала я подумал, что она бордовая, а потом заметил несколько белых участков внизу и понял, что бордовой она стала от засохшей крови. Что-то здесь было не так, и я долго не мог сообразить, в чем дело. Даже когда Бадди Иглтона стошнило, до меня и то дошло не сразу. Видимо, когда с людьми случается что-то столь несообразное, мозг отказывается воспринимать это сразу.

У мужчины... не хватало головы. Ноги его лежали на пороге аптеки, и голове полагалось бы свисать с нижней ступеньки. Но ее просто не было.

Джиму этого оказалось достаточно. Он отвернулся, закрывая рот руками, глянул на меня безумными красными глазами и, качаясь, побрел обратно к супермаркету. Миллер прошел внутрь аптеки. Майк Хатлен — за ним. Миссис Репплер остановилась у дверей. Олли встал с другой стороны двери, держа в руке направленный в землю револьвер, и сказал:

— Кажется, я начинаю терять надежду, Дэвид.

В аптеке царил самый настоящий хаос. Повсюду валялись книги в бумажных обложках и журналы. У самых моих ног лежали «Спайдермен» и «Невероятная Громадина», и, почти не задумываясь, я поднял их и сунул в задний карман. Бутылочки и коробочки с лекарствами были разбросаны по всему полу. Из-за прилавка свисала чья-то рука.

Меня охватило ощущение нереальности. Помещение выглядe-

ло так, словно тут справляли какой-то сумасшедший праздник: повсюду висели, как мне сначала показалось, гирлянды и ленты. Не широкие и плоские, как обычно, а похожие или на толстые струны, или на тонкие провода. Я обратил внимание, что они такого же ярко-белого цвета, как сам туман, и по спине у меня пробежал холодок. Если это не креп, то что же? На некоторых «гирляндах» висели, болтаясь в воздухе, книги и журналы.

Майк Хатлен пнул ногой какую-то странную черную штуку. Длинную и щетинистую.

— Что это за чертовщина?— спросил он, не обращаясь ни к кому конкретно...

И внезапно я понял, что убило всех этих людей, которые были в аптеке. Людей, которых нашли по запаху...

— Назад.— В горле у меня пересохло, и слова вылетали коротко и сухо, как выстрелы.— Уходим.

Олли взглянул на меня.

— Дэвид?..

— Это — паутина,— сказал я, и в этот момент с улицы донеслись два крика. Первый от испуга, второй от боли. Кричал Джим.

— Бежим! — крикнул я.

И тут что-то взвилось в тумане. На белом фоне невозможно было разглядеть, что это, но я услышал звук, похожий на свист хлыста, которым хлопнули вполсилы. И когда это обвило ногу Бадди Иглтона, перехватив джинсы под коленом, он вскрикнул и схватился за первое, что попало под руку — телефон. Трубка соскочила и, пролетев на длину провода, закачалась у земли.

— О, боже! Мне больно! — закричал Бадди.

Олли подхватил его, и тут я понял, почему у человека, лежавшего на ступенях, не было головы. Тонкий белый провод, закрутившись вокруг ноги Бадди, как шелковый шнур, начал врезаться в кожу. Штанина, отрезанная словно бритвой, стала сползать, а на коже, в том месте, где в нее врезался «провод», появился круглый надрез, брызжущий кровью.

Олли дернул Бадди на себя. Раздался звук, будто что-то лопнуло, и Бадди освободился. Губы его дрожали.

Майк и Ден двинулись назад, но, наверное, медленно. Ден налетел на несколько растянутых «веревок» и прилип к ним, как муха к липучке. С огромным усилием он вырвался, оставив кусок рубашки на паутине.

— Всем назад! — крикнул Олли.

Мы двинулись к магазину. Олли поддерживал Бадди. Ден Миллер и Майк Хатлен шли по обе стороны от миссис Репплер. Белые обрывки паутины появлялись из тумана, почти неразличимые, заметные только на фоне красной шлакоблочной стены.

Одна нить обвилась вокруг левой руки Майка Хатлена. Вторая перехлестнула ему шею. Вена на шее прорвалась, выбросив

фонтан крови, и Майка с безвольно повисшей головой уволокло в туман.

Неожиданно Бадди стал падать вперед, и Олли чуть не рухнул на колени.

— Он потерял сознание, Дэвид. Помоги...

Я обхватил Бадди за пояс, и мы поволокли его дальше. Даже потеряв сознание, Бадди не выпустил из рук стальной ломик. Нога, которую зацепило паутиной, торчала в сторону под каким-то неестественным углом.

— Осторожнее! — крикнула миссис Репплер.— Сзади!

Я начал оборачиваться, и в этот момент белая «веревка» опустилась на голову Дена Миллера. Он принялся рвать ее и отбивать руками.

И тут, позади нас, из тумана появился паук величиной с крупную собаку. Черный с желтыми полосками. («Как гоночная автомашина»,— пронеслась у меня в голове сумасшедшая мысль). Глаза его блестели красно-фиолетовым гранатовым огнем. Он деловито приближался к нам, переступая двенадцатью или четырнадцатью ногами с множеством сочленений,— не обычный земной паук, увеличенный, словно для съемок фильма ужасов, а что-то совершенно другое, может быть, и вовсе не паук. Он приближался к нам, выдавливая паутину из отверстия на брюхе. «Веревки» плыли к нам почти правильным веером. Глядя на этот кошмар, так похожий на черных пауков, раздумывающих над мертвыми мухами и жуками в полутьме нашего лодочного сарая, я чувствовал, что вот-вот сойду с ума. Наверно, только мысль о Билли позволила мне сохранить какое-то подобие способности рассуждать.

Олли, однако, держался совершенно хладнокровно. Он плавно поднял револьвер, словно в стрелковом тире, и в упор с равномерными промежутками всадил весь барабан в отвратительное существо. Из какой бы преисподней оно ни появилось, неуязвимым оно не было. Черная кровь брызнула из его ран. Паук издал мерзкий мяукающий звук, такой низкий, что он скорее чувствовался, чем слышался, как басовая нота на синтезаторе, и, метнувшись в туман, исчез. Можно было бы подумать, что это плод воображения, чудовищный наркотический бред, если бы не лужа липкой черной жидкости, которую он оставил после себя.

Звякнул об асфальт ломик, который Бадди наконец выпустил из рук.

— Он мертв,— произнес Олли.— Отпусти его, Дэвид. Эта чертовщина зацепила бедренную артерию, и он умер. Давай, к черту, отваливать отсюда.— Его большое круглое лицо покрылось потом, глаза, казалось, вот-вот вылезут из орбит. Тут одна из «веревок» коснулась, опускаясь, тыльной стороны его ладони, и он одним резким движением отдернул руку. На коже осталась кровавая полоска.

Миссис Репплер снова закричала: «Берегись!», и мы оберну-

лись в ее сторону. Еще один паук выбежал из тумана и обхватил своими ногами Дена Миллера. Ден отбивался кулаками. Я успел лишь наклониться и подхватить ломик Бадди, а паук уже принялся опутывать Миллера своей смертоносной паутиной, превратив его попытки освободиться в мрачный танец смерти.

Миссис Репплер приблизилась к пауку, держа в вытянутой руке баллон инсектицида. Когда несколько паучьих ног потянулись в ее сторону, она нажала кнопку и выпустила струю яда прямо в сверкающие, словно рубины, глаза. Я снова услышал тот же мяукающий звук. Паук задрожал всем телом и стал, пошатываясь, пятиться, царапая волосатыми ногами по асфальту и волоча за собой тело Дена. Миссис Репплер швырнула в него баллон. Банка отскочила от паука и покатилась по асфальту. Паук врезался в дверцу маленькой спортивной машины с такой силой, что та закачалась на рессорах, потом скрылся во мгле.

Я подбежал к едва державшейся на ногах, бледной миссис Репплер и подхватил ее рукой.

— Благодарю вас, молодой человек,— сказала она.— Мне вдруг стало плохо.

— Ничего,— хрипло ответил я.

— Я спасла бы его, если бы могла.

— Я знаю.

Олли присоединился к нам, и мы бросились к дверям магазина, уворачиваясь от падающих «веревок». Одна из них опустилась на сумку миссис Репплер и тут же продырявила полотняный бок. Миссис Репплер обеими руками пыталась удержать свою сумку, но проиграла, и сумка покатилась вслед за «веревкой» в туман. Когда мы были уже у самого входа в магазин, из тумана вдоль стены здания выбежал маленький паук, не больше щенка коккер-спаниеля. Паутину он не выбрасывал: видимо, еще не дорос.

Олли надавил плечом на дверь, пропуская вперед миссис Репплер, а я в этот момент с размаху всадил в паука стальной прут, наколов его словно на дротик. Паук бешено задергался, заскреб ногами воздух; его красные глаза нашли мои глаза и уставились, будто запоминая...

— Дэвид!— Олли еще держал дверь.

Я бросился внутрь, он — сразу за мной.

Мы уходили всемером, а вернулись втроем. Олли, тяжело дыша, прислонился к стеклянной двери и принялся перезаряжать револьвер.

— Что там?— спросил кто-то низким хриплым голосом.

— Пауки,— мрачно ответила миссис Репплер.— Мерзкие твари утащили мою сумку.

Тут Билли, просочившись ко мне сквозь толпу, бросился ко мне, вытянув вперед руки, и я крепко обнял его.

Пришла моя очередь спать, и про эти четыре часа я ничего не помню. Проснулся я уже во второй половине дня, испытывая

ужасную жажду. Молоко начало скисать, но я все же выпил целую кварту.

Вскоре к нам с Билли и миссис Терман присоединилась Аманда. С ней подошел старик, предлагавший сходить за ружьем. Корнелл, вспомнил я. Эмброуз Корнелл.

— Как ты, сынок? — спросил он.

— Все в порядке.— Но я еще хотел пить, и у меня болела голова. И самое главное, я боялся. Обняв Билли, я посмотрел на Корнелла и Аманду, потом спросил:

— Что нового?

— Мистер Корнелл беспокоится насчет этой миссис Кармоди. Я тоже.

— Билли, почему бы тебе со мной не прогуляться? — спросила Хэтти.

— Не хочу,— ответил Билли.

— Прогуляйся немного, Билли,— повысил я голос, и он с неохотой ушел.

— Миссис Кармоди продолжает мутить воду,— сказал Корнелл и посмотрел на меня с какой-то особой старческой удрученностью.— Я думаю, что нужно прекратить это. Любым доступным способом.

— С ней уже больше десяти человек,— добавила Аманда.— Это какая-то дикая религиозная служба.

— В самом деле? — спросил я.

— Только восемь,— поправил Корнелл.— Но она говорит непрерывно. Это черт знает что.

Восемь человек. Не так много. Но я понимал беспокойство, отразившееся на их лицах. Восьмерых было вполне достаточно, чтобы сделать их самой большой моральной силой в супермаркете, особенно теперь, когда не стало Дена и Майка. И мысль о том, что самая большая моральная сила в нашей замкнутой системе внимает каждому слову миссис Кармоди об ужасах ада и чашах гнева Господня, вызывала у меня чертовски сильную клаустрофобию.

— Она опять начала болтать о человеческих жертвоприношениях,— сказала Аманда.— Бад Браун подошел к ней и велел прекратить эти мерзкие разговоры в его магазине. Двое мужчин, что теперь с ней — один из них, кстати, Майрон Ляфлер,— сказали, чтобы он сам заткнулся, потому что, мол, это еще свободная страна. Он не заткнулся, и произошла... Ну, в общем, немного помахали руками, я бы сказала...

— Брауну разбили нос,— добавил Корнелл.— Они всерьез готовы на многое.

— Но не убийство же, в самом деле,— сказал я.

— Я не знаю, как далеко они зайдут,— мягко заметил Корнелл,— если туман не разойдется. Но я не хотел бы узнать. Я собираюсь дать отсюда ходу.

— Легче сказать, чем сделать.— Какие-то мысли зашевели-

лись у меня в голове. Запах. Вот ключи к решению. Здесь, в магазине, мы были более-менее в безопасности. Розовых тварей, как обычных насекомых, видимо, привлекал свет фонарей. Но чудовища побольше не трогали нас до тех пор, пока мы не высовывались. Бойня в аптеке произошла именно потому, что там оставили двери открытыми. В этом я не сомневался. То существо или, скажем, существа, что прикончили группу Нортона, по звуку казались огромными, как дом, но они не приближались к супермаркету. А это означало...

Мне срочно понадобилось переговорить с Олли Виксом. Я просто должен был с ним поговорить.

— Или я выберусь отсюда, или погибну,— сказал Корнелл.— Я не собираюсь жить тут все лето.

— Четверо уже покончили с собой,— неожиданно произнесла Аманда.

— Что?— Первая мысль, пришедшая мне в голову вместе с чувством полувины, была о том, что тела солдат обнаружены.

— Снотворное.— Коротко ответил Корнелл.— Я и еще несколько человек отнесли тела на склад.

Я чуть не засмеялся, подумав, что скоро у нас там будет настоящий морг.

— Уже темнеет,— ответил Корнелл.— Я хочу убраться отсюда.

— Вы не доберетесь до своей машины, поверьте.

— Даже до первого ряда? Это ближе, чем до аптеки.

Я не ответил. Время еще не подошло.

Примерно через час я нашел Олли у пивного охладителя. Он пил пиво с бесстрастным лицом, но тоже, похоже, наблюдал за миссис Кармоди. Старуха не знала усталости. И она действительно снова обсуждала человеческое жертвоприношение, только теперь никто не советовал ей заткнуться. А некоторые из тех, кто еще днем раньше требовал, чтобы она замолчала, сегодня или были с ней, или по крайней мере охотно слушали. Других оставалось все меньше.

— К завтрашнему утру она сможет их уговорить,— заметил Олли.— Может быть, нет, но если это случится, кого, ты думаешь, она выберет?

Бад Браун перешел ей дорогу. Аманда. Тот человек, что ее ударил. И, конечно, я.

— Олли,— сказал я.— Думаю, с полдюжины человек могут отсюда выбраться. Не знаю, как далеко мы уедем, но по крайней мере мы выберемся.

— Как?

Я выложил ему свой план. Ничего сложного я не предлагал. Если броситься бегом к моему «Скауту» и всем быстро забраться внутрь, они не успеют ничего учуять. Во всяком случае, если закрыть окна машины.

— Но, предположим, их привлечет какой-нибудь другой запах? — спросил Олли. — Например, выхлопные газы?

— Тогда нам крышка, — согласился я.

— Движение, — сказал он. — Движение машины в тумане тоже может привлечь их, Дэвид.

— Я не думаю. Без запаха жертвы они не нападут. Я действительно думаю, что в этом все дело.

— Но ты не уверен...

— Нет. Не уверен.

— Куда ты собираешься ехать?

— Сначала домой. За женой.

— Дэвид...

— Ладно. Проверить... Убедиться...

— Эти твари могут быть везде, Дэвид. Они могут напасть на тебя, как только ты выйдешь из машины.

— Если это случится, «Скаут» — твой. Я только прошу, чтобы ты позаботился о Билли как и сколько можешь.

Олли допил пиво и бросил банку в охладитель, где она со звоном упала на гору других пустых банок. Рукоять револьвера, который дала ему Аманда, торчала у него из кармана.

— Значит, на юг? — спросил он, глядя мне в глаза.

— Да, видимо, — сказал я. — Надо двигаться на юг и пытаться выбраться из тумана. Изо всех сил пытаться.

— У тебя много бензина?

— Почти полный бак.

— Тебе не приходило в голову, что выбраться будет невозможно? Что, если это самое, с чем они там экспериментировали в «Проекте Стрела», перетянуло весь наш район в другое измерение с такой же легкостью, как люди выворачивают носок наизнанку?

— Приходило, — ответил я. — Но единственная альтернатива всему этому — сидеть и ждать, кого миссис Кармоди выберет на почетную роль.

— Ты думал отправиться сегодня?

— Нет, сейчас уже поздно, а эти твари как раз ночью становятся активными. Я думал отправиться завтра утром, очень рано.

— Кого ты хочешь взять?

— Тебя, Билли, Хэтти Терман, Аманду Дамфрис. Этого старика Корнелла и миссис Репплер. Может быть, Бада Брауна тоже. Это уже восемь, но Билли может сесть к кому-нибудь на колени, и мы немного потеснимся.

Олли ненадолго задумался.

— О'кей, — сказал он наконец. — Давай попробуем. Ты с кем-нибудь уже говорил?

— Нет.

— Я советую тебе пока никому ничего не говорить. Часов до четырех утра. Я приготовлю пакеты с продуктами под прилавком у кассы, ближайшей к выходу. Если нам повезет, сможем вы-

скользнуть еще до того, как кто-нибудь что-нибудь заметит.— Взгляд Олли снова скользнул в сторону миссис Кармоди.— Если она обо всем узнает, то может попытаться помешать нам.

— Ты так думаешь?

Олли взял еще одну банку пива.

— Да, я так думаю.

ГЛАВА 9

Вторая половина дня — вчерашнего дня — прошла словно в замедленной съемке. Подползла темнота, снова превращая белый туман в грязно-желтый, и к половине девятого мир, оставшийся снаружи, медленно растворился в черноте.

Вернулись розовые твари, потом, бросаясь на окна и подхватывая розовых, появились твари-птицы. Что-то рыкало изредка в темноте, и один раз, незадолго до полуночи, раздалось долгое протяжное «ааарруууу...». Люди повернулись к черным стеклам с испугом и ожиданием на лицах. Примерно такой звук, наверное, издает самец-крокодил в болоте.

Все шло примерно так, как и предсказывал Миллер. К началу новых суток миссис Кармоди заполучила еще с полдюжины душ. Среди них оказался мясник мистер Маквей.

Миссис Кармоди разошлась не на шутку. Казалось, сон ей совсем не нужен. Ее проповедь — сплошной поток ужасов из Доре, Босха и Джонатана Эдвардса — продолжалась и продолжалась, неуклонно приближаясь к какому-то зловещему финалу. Ее сторонники что-то бормотали вслед за ней и раскачивались взад-вперед, как «истинно верующие» на сходке. Пустые глаза их лихорадочно блестели. Они полностью отдались чарам миссис Кармоди.

Около трех утра (проповедь все продолжалась, и те, кого она не интересовала, ушли в дальний конец магазина, чтобы там попытаться хоть немного уснуть) я увидел, как Олли положил пакет с продуктами на полку под прилавком ближайшей к выходу кассы. Через полчаса он добавил туда еще один пакет. Похоже, кроме меня, его действий никто не заметил. Билли, Аманда и миссис Терман спали, прижавшись друг к другу, у опустошенной секции колбас. Я присоединился к ним и погрузился в тревожную дремоту.

В четыре пятнадцать Олли меня разбудил. Рядом с ним стоял Корнелл, и глаза его блестели за стеклами очков.

— Время, Дэвид,— сказал Олли.

Я почувствовал, как в животе у меня нервно закололо, но это быстро прошло. Я разбудил Аманду.

Ее зеленые глаза взглянули в мои.

— Дэвид?

— Мы хотим сделать попытку выбраться отсюда. Ты пойдешь с нами?

— О чем ты говоришь?

Я начал было объяснять, но потом разбудил миссис Терман, чтобы мне не пришлось дважды повторять одно и то же.

— Эта твоя теория насчет запахов,— спросила Аманда,— пока просто догадка?

— Да.

— Для меня это не имеет значения,— сказала Хэтти. Лицо ее стало бледным, и, несмотря на то, что ей удалось поспать, под глазами темнели большие пятна.— Я готова на все, чтобы только снова увидеть солнце.

«Только бы снова увидеть солнце». Я вздрогнул. Она очень близко угадала суть моих собственных страхов, то чувство почти полной обреченности, что охватило меня, когда я увидел, как щупальца выволокли Норма через загрузочную дверь. Сквозь туман солнце казалось тогда маленькой серебряной монеткой, словно мы были на Венере.

Страх вызывали не чудовища, подстерегающие нас в тумане. Мой удар ломиком доказал, что они не бессмертные монстры из книг Лавкрафта, а всего лишь обычные уязвимые существа. Дело было в самом тумане, который отбирал силу и лишал остатков воли. «Только бы снова увидеть солнце». Хэтти права. Одно это стоит того, чтобы пройти через ад.

Я улыбнулся Хэтти, и она неуверенно улыбнулась в ответ.

— Да,— сказала Аманда.— Я тоже.

Я начал осторожно будить Билли.

— Я с вами,— коротко ответила миссис Репплер.

Мы все собрались у мясного прилавка. Все, кроме Бада Брауна. Он поблагодарил нас за предложение, но отказался, сказав, что не может оставить магазин, потом добавил, на удивление мягким голосом, что не осуждает Олли за его уход.

От белых эмалированных ящиков начало тянуть неприятным сладковатым запахом, напомнившим мне случай, когда во время нашей недельной поездки на мыс у нас испортился морозильник. Может быть, этот запах протухающего мяса и погнал мистера Маквея в команду миссис Кармоди.

— ...искупление! — продолжала она свою проповедь.— Сейчас мы должны думать об искуплении! Бог покарал нас! Мы наказаны за то, что пытались проникнуть в секреты, запрещенные Богом древних! Мы видели отвратительные кошмары! Когда все это кончится? Что остановит это?

— Искупление! — орал старый добрый Майрон Ляфлер.

— Искупление... искупление...— шептали неуверенно остальные.

— Я хочу услышать, что вы действительно верите! — кричала миссис Кармоди. Вены вздулись у нее на шее, словно канаты. Голос ее сел, охрип, но все еще сохранял властную силу, и я подумал, что эту силу дал ей именно туман. Силу и способность затумани-

вать людям головы. Туман, отобравший у всех нас силу солнца. До этого она оставалась просто несколько эксцентричной старой женщиной с антикварным магазином в городе, где полно антикварных магазинов.

— ИСКУПЛЕНИЕ! — закричали они все хором.

— Искупление, да! — лихорадочно кричала миссис Кармоди. — Искупление разгонит туман! Искупление сметет этих чудовищных монстров! Искупление снимет завесу тумана с наших глаз и позволит увидеть! — Голос ее стал чуть тише. — А что есть искупление по Библии? Что есть единственное средство, снимающее грех в глазах и разуме всевышнего?

— Кровь.

На этот раз меня всего затрясло: еще чуть-чуть, и у меня, наверное, зашевелились бы волосы. Слово это произнес мистер Маквей. Мясник мистер Маквей, который резал мясо в Бриджтоне еще в ту пору, когда я был ребенком. Мистер Маквей, принимающий заказы и режущий мясо в своем запачканном белом халате. Мистер Маквей, чье знакомство с ножом было очень долгим. И с топором тоже. Мистер Маквей, который лучше других поймет, что средство для очищения души вытекает из ран на теле.

— Кровь... — шептали они.

— Папа, я боюсь, — Билли крепко сжал мою руку. Лицо его вытянулось и побледнело.

— Олли, — сказал я, — по-моему, нам пора уходить из этого дурдома.

— О'кей, — согласился он. — Пошли.

Олли, Аманда, Корнелл, миссис Терман, миссис Репплер, Билли и я неплотной группой двинулись ко второму проходу к дверям. Было уже без четверти пять, и туман снова начал светлеть.

— Ты и Корнелл берите пакеты, — сказал Олли, обращаясь ко мне.

— О'кей.

— Я пойду первым. У «Скаута» четыре дверцы?

— Да.

— Отлично. Я открою дверцу водителя и заднюю с одной стороны. Миссис Дамфрис, вы удержите Билли на руках?

— Я не слишком тяжелый? — спросил Билли.

— Нет, милый.

— Вы с Билли забирайтесь вперед, — продолжал Олли. — К противоположной дверце. Миссис Терман вперед в середину. Ты, Дэвид, за руль. А остальные...

— Куда это вы собрались? — спросила вдруг миссис Кармоди.

Она остановилась рядом с кассой у входа, где Олли спрятал продукты. Брючный костюм ее вызывающе желтел в полумраке. Всклокоченные волосы дико торчали во все стороны, как у Эльзы Ланчестер в «Невесте Франкенштейна». Глаза ее горели, а за спиной, загораживая двери, стояли человек пятнадцать. И все они выглядели так, словно только что выбрались из машины, потерпев-

шей аварию, или увидели летающую тарелку, или на их глазах дерево вытащило из земли корни и пошло.

Билли прижался к Аманде, уткнувшись лицом в ее щеку.

— Мы уходим, миссис Кармоди,— сказал Олли необычайно мягким голосом.— Пожалуйста, не задерживайте нас.

— Вы не можете уйти. Там смерть. Вы что, до сих пор не поняли?

— Вам никто не мешал,— сказал я,— и мы хотели бы, чтобы к нам отнеслись так же.

Миссис Кармоди наклонилась и безошибочно нашла пакеты с продуктами, с самого начала, должно быть, догадываясь о наших планах. Она вытащила их с полки, и один пакет сразу разорвался, консервные банки посыпались на пол. Другой пакет она грохнула об пол, и газированная вода с шипением растеклась во все стороны.

— Вот такие люди виновны в том, что случилось!— закричала миссис Кармоди.— Люди, которые не желают склониться перед волей Всемогущего! Грешники в гордыне, надменные и упрямые! Из их числа должна быть выбрана жертва! Их кровь должна принести искупление!

Поднявшийся одобрительный ропот будто пришпорил ее. Она впала в неистовство и, брызжа слюной, закричала:

— Нам нужен мальчишка! Хватайте его! Хватайте! Нам нужен мальчишка!

Они бросились к нам, впереди всех с каким-то радостным блеском в пустых глазах бежал Майрон Ляфлер. Мистер Маквей — сразу за ним. Лицо его было неподвижно и бесстрастно.

Аманда отшатнулась назад, еще крепче прижав к себе Билли, обнявшего ее за шею, и испуганно взглянула на меня.

— Дэвид, что мне...

— Обоих хватайте!— кричала миссис Кармоди.— Девку его тоже хватайте!

Будто апокалипсическое воплощение желтой и мрачной радости, миссис Кармоди запрыгала на месте, все еще держа накинутую на руку сумку.

— Хватайте мальчишку! Хватайте девку! Обоих хватайте! Хватайте всех!

Раздался короткий звук выстрела.

И все замерли, словно балующиеся дети в классе, когда вдруг входит учитель и резко хлопает дверью. Майрон Ляфлер и мистер Маквей остановились примерно в десяти шагах от нас, и Майрон неуверенно оглянулся на мясника. Тот не ответил на его взгляд и даже, кажется, не понял, что Ляфлер рядом. На лице мистера Маквея застыло то самое выражение, что я слишком часто замечал у людей за последние два дня: его разум не выдержал.

Тут Майрон попятился, глядя на Олли Викса расширившимися испуганными глазами, потом бросился бежать, в конце про-

хода поскользнулся на банке, упал, поднялся и затем скрылся где-то в дальнем конце магазина.

Олли замер в классической стойке для стрельбы, сжимая револьвер обеими руками. Миссис Кармоди продолжала стоять у ближайшей к выходу кассы, схватившись за живот покрытыми пигментными пятнами руками. Кровь текла у нее между пальцами и капала на желтые брюки.

Рот ее открылся и закрылся. Потом еще раз. Она попыталась что-то сказать, и наконец ей это удалось.

— Вы все умрете там,— произнесла она и медленно упала вперед. Сумка соскользнула с руки и ударилась о пол, рассыпав содержимое. Завернутый в бумагу цилиндрик выскочил из сумки, прокатился по полу и задел мой ботинок. Не задумываясь, я наклонился и поднял его. Оказалось, что там какие-то таблетки, и я тут же выкинул их.

«Конгрегация», лишенная своего центра, начала пятиться и распадаться. Люди расходились, не отрывая взглядов от лежащей фигуры и расползающегося из-под нее темного пятна.

— Ты убил ее!— крикнул кто-то испуганно и зло. Однако никто не сказал, что она хотела сделать то же самое с моим сыном.

Олли все еще стоял в той же позе, но теперь губы его дрожали. Я тронул его за плечо.

— Олли, пойдем. И спасибо тебе.

— Я убил ее,— хрипло произнес он.— Я в самом деле убил ее.

— Да,— сказал я.— Именно за это я тебя и поблагодарил. А теперь пойдем.

Мы снова двинулись к выходу. Избавленный стараниями миссис Кармоди от пакета с продуктами, я смог взять Билли на руки. У двери мы на мгновение остановились, и Олли сказал низким сдавленным голосом:

— Я не стал бы в нее стрелять, Дэвид, если бы был какой-нибудь другой выход.

Держа револьвер наготове, Олли бросился вперед. Мы с Билли еще не успели выйти, а он уже стоял у «Скаута», бесплотный, как призрак из телефильма. Он открыл дверцу водителя, потом заднюю дверцу. И тут что-то выскочило из тумана и разрезало его почти пополам.

Я даже не разглядел толком, что это было. Может быть, к лучшему. Оно было красное, словно вареный омар, и издавало низкое хрюканье, довольно похожее на то, что мы слышали, когда Нортон и его маленькое «Общество Верящих в Плоскую Землю» ушли из супермаркета.

Олли успел выстрелить один раз, но клешни этого «омара» со щелчком дернулись вперед, и он словно переломился в ужасном фонтане крови. Револьвер выпал у него из руки, ударился о мостовую и снова выстрелил. Я успел заметить лишь черные матовые глаза, похожие на виноградины, когда длинное сегментированное

тело с шуршанием уползло в туман, унося с собой то, что осталось от Олли Викса.

Я пережил мгновение выбора, которое, видимо, бывает всегда, может быть, очень краткое, но бывает. Какая-то моя часть звала меня прижать к себе Билли и броситься назад в супермаркет. Другая часть приказывала бежать к машине, забросить Билли внутрь и нырнуть вслед. Тут закричала Аманда. Высоким поднимающимся криком, взбирающимся все выше и выше, пока он почти не перешел в ультразвук. Билли прижался ко мне, пряча лицо у меня на груди.

На Хэтти Терман набросился огромный паук. Он сбил ее с ног, обхватив за плечи волосатыми лапами, тут же принялся опутывать ее паутиной.

«Миссис Кармоди была права,— пронеслось у меня в голове.— Мы все умрем здесь. Мы действительно все умрем».

— Аманда!— закричал я.

Она не отреагировала, совершенно отключившись от происходящего. Паук оседлал останки бывшей сиделки Билли, когда-то так любившей головоломки и кроссворды, с которыми ни один нормальный человек не может справиться без того, чтобы не сойти с ума. «Веревки» белой паутины, опутывающей ее тело, покраснели там, где выделяемая ими кислота уже въелась в кожу.

Корнелл медленно попятился к магазину, глядя на нас огромными, как блюдца, глазами за стеклами очков, потом повернулся и, оттолкнув тяжелую входную дверь, скрылся внутри.

Мой миг нерешительности кончился, когда миссис Репплер подскочила к Аманде и дважды ударила ее ладонью по щекам. Аманда замолчала. Подбежав к ней, я развернул Аманду к машине и крикнул ей в лицо:

— Вперед!

Она пошла. Миссис Репплер промчалась мимо меня, затолкала Аманду на заднее сиденье, забралась сама и захлопнула дверцу.

Я оторвал от себя Билли и толкнул его в машину. Когда я садился сам, из тумана вылетела «веревка» и опустилась на мою лодыжку. Кожу обожгло, как бывает, когда через сжатый кулак рывком протягиваешь рыболовную леску. Держала «веревка» крепко, и, чтобы высвободиться, мне пришлось изо всех сил дернуть ногой. Затем я скользнул за руль.

— Закрой дверь, закрой... О, боже!— истерично закричала Аманда.

Я захлопнул свою дверцу, и мгновением позже в нее с размаху ткнулся один из пауков. Я сидел всего в нескольких дюймах от его красных бездумно-холодных глаз. Ноги его, каждая толщиной с мою руку у запястья, двигались туда-сюда по капоту машины. Аманда кричала, не переставая, словно пожарная сирена.

— Да заткнись же ты,— приказала ей миссис Репплер.

Паук наконец сдался. Он не мог учуять нас, следовательно, нас

для него тут не было. Он засеменил обратно в туман на своих неестественно многочисленных ногах.

Я выглянул в окно, чтобы удостовериться, что он ушел, и открыл дверцу.

— Что ты делаешь? — закричала Аманда, но я знал, что делаю, и думаю, Олли сделал бы то же самое. Я ступил одной ногой на мостовую, наклонился и схватил револьвер. Что-то бросилось ко мне из тумана, но я не разглядел, что именно. Я нырнул обратно в машину и захлопнул дверцу.

Аманда разрыдалась. Миссис Репплер обняла ее и принялась успокаивать.

— Мы поедем домой, папа? — спросил Билли.

— Попробуем, Большой Билл.

— О'кей, — сказал он тихо.

Я проверил револьвер и положил его в отделение для перчаток. Олли перезарядил его после экспедиции в аптеку, и хотя остальные патроны пропали вместе с ним, я решил, что оставшихся хватит. Револьвер выстрелил один раз в миссис Кармоди, один раз в эту тварь с клешнями и один раз, когда ударился о мостовую. В «Скауте» было четверо, но я решил, что если уж нас совсем прижмет, для себя я найду какой-нибудь иной способ.

Я немного погонял двигатель вхолостую, выжидая, какое еще чудовище может привлечь шум мотора или запах выхлопа. Прошло пять минут, самые длинные пять минут в моей жизни, но ничего не случилось.

— Мы поедем или будем здесь сидеть? — спросила миссис Репплер.

— Поедем, — ответил я, вывел машину со стоянки и включил свет.

ГЛАВА 10

Осторожно, со скоростью всего пять миль в час, мы двинулись по Канзас-роуд. Даже со включенными фарами и подфарниками дальше чем на семь-десять футов ничего не было видно.

Миллер оказался прав. Землетрясение действительно сильно покорежило грунт. Кое-где дорога лишь потрескалась, но в отдельных местах встречались провалы с огромными вывернутыми из земли кусками асфальта. Слава богу, у «Скаута» привод на все четыре колеса, иначе нам бы не выбраться. Но я сильно опасался, что где-нибудь впереди нам встретится препятствие, которое не одолеет даже эта машина.

Сорок минут ушло на дорогу, которая обычно занимала не больше семи-восьми. Наконец впереди показался знак, указывающий на поворот к нашему дому. Билли, которого подняли в четверть пятого, крепко заснул в машине, знакомой ему настолько, что, должно быть, она уже казалась ему домом.

Аманда, нервничая, взглянула на дорогу.

— Ты действительно хочешь туда проехать?

— Хочу попробовать,— сказал я.

Но это оказалось невозможно. Пронесшаяся буря ослабила много деревьев, а тот странный подземный удар довершил ее работу, повалив деревья на землю. Через два небольших дерева я еще перебрался, но вскоре наткнулся на огромную древнюю сосну, лежащую поперек дороги, словно это было делом рук лесных разбойников. До дома оттуда оставалось почти четверть мили. Билли продолжал спать рядом со мной. Я остановил машину и, закрыв лицо руками, принялся думать, что делать дальше.

Сейчас, когда я сижу в здании «Ховард Джонсонс», что у выезда номер 3 на шоссе, идущее через весь штат Мэн, и записываю все, что с нами случилось, на фирменных бланках отеля, я уверен, что миссис Репплер с ее опытом и выдержкой могла бы охарактеризовать безвыходность положения, в котором мы оказались, несколькими быстрыми штрихами. Но у нее достаточно такта и понимания, чтобы дать возможность мне самому прийти к соответствующему выводу.

Выбраться я не мог. Не мог оставить их. Я не мог даже уговорить себя, что все эти чудовища из фильмов ужасов остались там, у супермаркета: приоткрыв окно, я слышал, как что-то продирается сквозь заросли в лесу, раскинувшемся на крутом склоне, который в здешних краях называют Карнизом. С нависающей листвы непрерывно капала влага, и на мгновение стало совсем темно, когда прямо перед нами пролетел какой-то чудовищный, едва различимый во мраке воздушный змей.

Я пытался убедить себя в том, что, если Стефени действовала быстро и наглухо закрылась в доме, ей должно хватить продуктов дней на десять, может быть, на две недели. Но это мало помогает. Мешает мое последнее воспоминание о ней: я вижу ее в мягкой соломенной шляпе, в садовых перчатках, на дорожке к нашему маленькому огороду, а позади нее неотвратимо накатывается с озера туман.

Теперь мне надо думать о Билли. «Билли,— говорю я себе,— Большой Билл, Большой Билл...» Я должен написать его имя на этом листке бумаги, может быть, сотню раз. Как школьник, которого заставили писать фразу: «Я не буду плеваться промокашкой в школе», когда в окна льется солнечная трехчасовая тишь, а за своим столом сидит, проверяя домашние задания, учительница, и единственный звук в классе — это скрип ее авторучки да долетающие откуда-то издалека голоса детей, делящихся на команды для игры в бейсбол...

В конце концов я сделал тогда единственное, что мне оставалось. Осторожно вывел «Скаут» задним ходом на Канзас-роуд. И там заплакал.

— Дэвид, мне очень жаль...— сказала Аманда, тронув меня за плечо.

— Да,— сказал я, пытаясь безуспешно остановить слезы.— Мне тоже...

Туман оставался таким же густым. Один раз пришлось остановиться, потому что мне показалось, будто поперек дороги лежат деревья. Но потом стволы начали двигаться и изгибаться, и я понял, что это щупальца. Мы подождали, и через какое-то время они уползли. Потом на капот опустилась большая тварь с переливчатым зеленым туловищем и длинными прозрачными крыльями, смахивающая на огромную уродливую стрекозу. Она посидела немного, потом взмахнула крыльями и унеслась прочь.

Часа через два после того, как мы оставили позади Канзас-роуд, проснулся Билли и спросил, добрались ли мы до мамы. Я сказал, что не смог проехать по нашей дороге из-за упавших деревьев.

— С ней ничего не случилось, папа?

— Я не знаю, Билли. Но мы еще вернемся и узнаем.

Он не заплакал, а снова задремал, и я подумал, что лучше бы он все же расплакался: Билли спал слишком много, и меня это беспокоило.

Добравшись до города, я проехал к заставе. Аккуратный ряд будок, где принимают плату за проезд, с остатками выбитых стекол выглядел, словно пустые глазницы. Во вращающейся двери одной из них застряла куртка с эмблемами Мэнской заставы, пропитанная высыхающей кровью. По дороге от супермаркета мы не встретили ни одного живого человека.

— Попробуй радио, Дэвид,— сказала миссис Репплер.

На коротких волнах я не поймал ничего, кроме статики, а на длинных царило ровное зловещее молчание.

— Значит, они все не работают?— спросила Аманда, и мне показалось, я понял, что она имеет в виду: мы отъехали достаточно далеко на юг и могли бы принимать сразу несколько мощных бостонских радиостанций. Но если Бостон тоже...

— Это пока ничего еще не значит,— сказал я.— Статика на коротких — это просто помехи. Кроме того, туман гасит радиосигналы.

— Ты уверен, что этим все объясняется?

— Да,— ответил я, хотя совсем не был уверен.

Минут двадцать второго, когда я уже начал ощущать голод, Билли вдруг схватил меня за руку.

— Папа, что это? Что это?

Впереди выросла тень. Огромная, как скала, она двигалась в нашу сторону. Я ударил по тормозам, и задремавшую было Аманду бросило вперед.

— Это был динозавр, папа? Как птица, которая прорвалась в магазин?

— Не думаю. Я не уверен даже, что животное таких размеров когда-нибудь существовало, Билли. По крайней мере на Земле.

Я снова вспомнил о «Проекте Стрела», задавая себе вопрос: «Чем эти сумасшедшие могли там заниматься?»

— Наверное, нам стоит ехать? — спросила Аманда робко.— Оно может вернуться.

Да. А может быть, нечто подобное ждет нас впереди. Но говорить об этом я не стал. Куда-то нужно было двигаться, и я погнал машину вперед, объезжая эти жуткие следы, пока они не ушли в сторону от дороги.

До «Ховард Джонсонс» у выезда номер 3 мы добрались уже в сумерках, когда вести машину стало просто опасно. Перед этим мы рискнули проехать по мосту через Сако. Выглядел он сильно поврежденным, но в тумане невозможно было разглядеть, цел он или нет. В этот раз нам повезло.

Сейчас уже ночь, без четверти час. Двадцать третье июля. Буря, послужившая сигналом к началу этого кошмара, пронеслась всего четыре дня назад. Билли спит в холле на матрасе, который я для него отыскал. Аманда и миссис Репплер спят рядом. Я сижу и пишу при свете большого карманного фонаря, а снаружи бьются в стекло все те же розовые твари. Время от времени раздается более громкий удар, когда одну из них подхватывает «птица».

В баке осталось горючего еще миль на девяносто. Придется заправляться здесь. Совсем рядом есть заправочная «Эксон», и, хотя электрические насосы не работают, думаю, я смог бы откачать из хранилища немного бензина. Но...

Но это означает, что придется выходить из машины.

Если мы добудем бензин — здесь или дальше по пути — мы сможем продолжать двигаться. Дело в том, что у меня есть цель. Это последнее, о чем я хотел рассказать.

В квартире управляющего я нашел батарейный приемник с широким диапазоном, антенна от которого была выведена через окно на улицу. Включив приемник, я перевел его на питание от батареек, покрутил настройку, пощелкал переключателем диапазонов, но, кроме статики или просто молчания, так ничего и не поймал.

И когда я уже собрался выключить его, перегнав движок в самый конец коротковолнового диапазона, мне показалось, что я расслышал одно-единственное слово.

И все. Я ждал целый час, но больше ничего не услышал. Если это одно-единственное слово действительно прозвучало, оно, должно быть, прорвалось через какой-то крошечный разрыв в гасящем радиоволны тумане, разрыв, который тут же снова сомкнулся.

Одно слово.

Мне надо поспать... Мне надо проспать до утра, если меня не будут преследовать во сне лица Олли Викса, миссис Кармоди, но-

сильщика Норма... и лицо Стефф, на которое падает тень от широких полей соломенной шляпы.

Здесь есть ресторан, типичный для отелей «Ховард Джонсонс», ресторан с обеденным залом и длинным в форме подковы прилавком с закусками. Я собираюсь оставить эти страницы на прилавке и, может быть, когда-нибудь кто-нибудь их найдет и прочтет...

Одно слово.

Если только я действительно его слышал. Если только.

Надо ложиться спать. Но сначала я поцелую сына и шепну ему на ухо два слова. Знаете, чтобы не снилось ничего плохого.

Два слова.

Одно из них — то самое, что я услышал: «Хартфорд».

Другое слово: «Надежда».

РАССКАЗЫ

Я ЗНАЮ, ЧЕГО ТЫ ХОЧЕШЬ

— Я знаю, чего ты хочешь.

Вздрогнув, Элизабет оторвала взгляд от учебника по социологии и увидела довольно невзрачного молодого человека в куртке защитного цвета. На мгновение лицо показалось ей знакомым. Он был с нее ростом, щупловатый и... какой-то нервный. Да, нервный. Хотя он стоял неподвижно, такое было впечатление, что внутри его всего колотит. К его черной шевелюре давно не прикасались ножницы парикмахера. Грязные линзы очков в роговой оправе увеличивали его темно-карие глаза. Нет, конечно, она его раньше не видела.

— Сомневаюсь,— сказала она.

— Ты хочешь клубничный пломбир в вафельном стаканчике. Угадал?

Она еще раз вздрогнула и в растерянности захлопала ресницами. Да, она действительно подумала, что хорошо бы сделать короткую паузу и съесть мороженое. Она готовилась к годовым экзаменам в кабинке на третьем этаже Дома студентов, и, увы, конца не было видно.

— Угадал?— повторил он с нажимом и улыбнулся. И сразу в его лице, еще секунду назад таком напряженном, почти отталкивающем, появилось что-то привлекательное. «Миленький»— это слово вдруг пришло ей на ум, и хотя в отношении взрослого парня такое определение было бы, пожалуй, оскорбительным, в данном случае оно выглядело уместным. Она улыбнулась ему в ответ, сама того не желая. Вот уж чего ей совсем не хотелось: тратить драгоценное время на какого-то психа. Ничего не скажешь, подходящий он выбрал момент, чтобы обратить на себя внимание. Ей еще предстояло одолеть ни много ни мало шестнадцать глав «Введения в социологию».

— Спасибо, не надо,— сказала она.

— Ну и зря, так можно заработать головную боль. Ты ведь уже два часа сидишь не разгибаясь.

— Откуда такие точные сведения?

— Я за тобой наблюдал,— он одарил ее улыбкой этакого сорванца, но она его улыбку не оценила. Как нарочно заболела голова.

— Можешь больше не трудиться,— сказала она излишне резко.— Я не люблю, когда меня вот так разглядывают.

— Извини.

Ей стало жаль его, как иногда бывает жалко бродячих собак. Он был такой нескладный: куртка висит как на вешалке, носки разного цвета. Один черный, другой коричневый. Она уже хотела улыбнуться ему, но сдержалась.

— У меня на носу экзамен,— объяснила она почти доверительно.

— Намек понял. Исчезаю.

Она задумчиво посмотрела ему вслед, а затем снова углубилась в учебник. Но в голове засело: клубничный пломбир.

В общежитие она пришла в двенадцатом часу ночи. Элис валялась на кровати и читала «Маркизу О» под аккомпанемент Нейла Даймонда.

— Разве эта вещь включена в программу?— удивилась Элизабет.

Элис села на кровати.

— Расширяем кругозор, сестричка. Повышаем интеллектуальный уровень. Растем, Лиз.

— А? Что?

— Ты меня слышишь?

— Прости, я, кажется...

— Кажется, ты в отключке.

— Я познакомилась сегодня с парнем. Странный, знаешь, парень.

— Ну еще бы. Оторвать саму Элизабет Роган от любимого учебника!

— Его зовут Эдвард Джексон Хамнер. Да еще «младший». Невысокий, тощий. Волосы последний раз мыл, наверно, в день рождения Джорджа Вашингтона. И носки разного цвета. Черный и коричневый.

— Я-то думала, тебе больше по вкусу наши из общежития.

— Это другое. Я занималась в читалке на третьем этаже, он спрашивает: «Как насчет мороженого?» Я отказалась, и он вроде отвалил. Но после этого мне уже ничего не лезло в голову, только и думала о мороженом. Ладно, сказала я себе, устроим маленькую передышку. Спускаюсь в столовку, а у него уже тает в руках клубничный пломбир в вафельных стаканчиках.

— Я трепещу в ожидании развязки.

Элизабет хмыкнула.

— Отказаться было неудобно. Ну, сели. Он, оказывается, в прошлом году изучал социологию у профессора Браннера.

— Чудны дела твои, Господи. Подумать только, чтобы...

— Погоди, сейчас ты действительно упадешь. Ты же знаешь, я пахала как зверь.

— Да. Ты даже во сне сыплешь терминами.

— У меня средний балл — семьдесят восемь, а чтобы сохранить стипендию, нужно восемьдесят. Значит, за экзамен я должна получить минимум восемьдесят четыре. Короче, Эд Хамнер гово-

рит, что Браннер каждый год дает на экзамене практически один и тот же материал. А Эд — эйдетик.

— Ты хочешь сказать, что у него... как это называется?.. фотографическая память?

— Вот именно. Смотри.— Она раскрыла учебник, между страниц которого лежали три исписанных тетрадных листка.

Элис пробежала их глазами.

— Тут что, все варианты?

— Да. Все, что в прошлом году давал Браннер, *слово в слово*.

— Это невозможно,— тоном, не терпящим возражений, сказала Элис.

— Но они охватывают весь материал!

— И тем не менее.— Элис возвратила листки.— Если это пугало...

— Он не пугало. Не называй его так.

— Хорошо. Уж не склонил ли тебя этот *молодой человек* к тому, чтобы ты вызубрила эту шпаргалку и не тратила попусту время на подготовку?

— Нет,— ответила Элизабет через силу.

— А даже если бы здесь были все варианты, по-твоему, это честно?

Она не ожидала от себя столь бурной реакции, с языка сами слетали обидные слова:

— Тебе хорошо говорить. Каждый семестр в списке отличников, и за все платят предки, голова ни о чем не болит... Ой, прости. Я не хотела.

Элис передернула плечами и снова раскрыла «Маркизу О».

— Все правильно,— сказала она подчеркнуто бесстрастным тоном.— Нечего соваться в чужие дела. И все же... что тебе мешает проштудировать учебник? Для собственного спокойствия.

— Само собой.

Но в основном она штудировала конспект Эдварда Джексона Хамнера-младшего.

Когда она вышла после экзамена, в коридоре сидел Эд в своей армейской курточке защитного цвета. Он с улыбкой поднялся ей навстречу:

— Ну, как?

Она не удержалась и поцеловала его в щеку. Давно она не испытывала такого восхитительного чувства облегчения.

— Кажется, попала в яблочко.

— Да? Здорово. Как насчет гамбургера?

— С удовольствием,— ответила она рассеянно. Она еще вся была там. На экзамене ей попалось именно то, что было в конспекте Эда, почти дословно, так что она благополучно миновала все рифы.

За едой она спросила, сдал ли он уже свой экзамен.

— Мне нечего сдавать. Я ведь закончил семестр с отличием. Хочу — сдаю, хочу — нет.

— Почему ж ты тогда сидел в коридоре?

— Я должен был узнать, чем там у тебя кончилось.

— Эд, стоило ли из-за меня... Это, конечно, мило с твоей стороны, но... — Ее смутила откровенность его взгляда. На нее часто так смотрели — она была хорошенькая.

— Да, — тихо сказал он. — Стоило.

— Эд, спасибо тебе, ты спас мою стипендию. Правда. Но, понимаешь, у меня есть друг.

— Это серьезно? — он попытался придать вопросу оттенок беспечности.

— Более чем, — ответила она ему в тон. — Вот-вот помолвка.

— Везунчик. Он сам-то знает, как ему повезло?

— Мне тоже повезло, — сказала она, вызывая в памяти лицо Тони Ломбарда.

— Бет, — вдруг сказал он.

— Что? — она вздрогнула.

— Тебя ведь так никто не называет?

— Н-нет. Никто.

— И он тоже?

— Нет...

Тони звал ее Лиз. Иногда Лиззи, что ей совсем уже не нравилось.

Эд подался вперед.

— Но тебе хотелось бы, чтобы тебя называли Бет, ведь так?

Она засмеялась, маскируя этим свое смущение.

— С чего ты взял, что...

— Неважно. — Опять эта улыбка шкодливого мальчика. — Я буду звать тебя Бет. Красивое имя. Что же ты не ешь свой гамбургер?

Вскоре заканчивался ее первый учебный год, и пришло время прощаться с Элис. Отношения между ними стали натянутыми, о чем Элизабет искренне сожалела. Она чувствовала свою вину: не стоило, конечно, распускать хвост, когда объявили оценки по социологии. Она получила девяносто семь — высший балл на всем отделении.

В аэропорту, ожидая посадки на самолет, она убеждала себя, что ее действия не более аморальны, чем зубрежка, которой ее вынуждали заниматься в кабинке библиотеки. Нельзя же назвать зубрежку серьезным изучением предмета. Повторяешь как попугай, чтобы после экзамена сразу все забыть.

Она нащупала конверт, торчавший у нее из сумочки, — извещение о стипендии на следующий год, две тысячи долларов. Этим летом она будет подрабатывать вместе с Тони в Бутбэе, штат Мэн, и эти деньги плюс стипендия решат все проблемы.

Спасибо Эду Хамнеру, теперь она проведет чудесное лето. Все идет как по маслу.

Знала бы она, какое лето ее ожидает.

Июнь выдался дождливый, перебои с горючим ударили по туризму, и чаевые, которые Элизабет получала в «Бутбэйской харчевне», оставляли желать лучшего. Но еще больше ее удручала та настойчивость, с какой Тони торопил ее с женитьбой. Он собирался устроиться на работу в студенческом городке или где-то рядом; его заработка и ее стипендии должно было хватить им на жизнь, и она могла спокойно получить степень бакалавра. Странно, но сейчас эта перспектива скорее пугала ее, чем радовала.

Вдруг все разладилось.

Она не в силах была понять причины, но ни с того ни с сего, на пустом месте, все как-то стало разваливаться. Однажды, ближе к концу июля, с ней случилась настоящая истерика, со слезами; хорошо еще, ее соседка Сандра Акерман, тихоня с виду, неожиданно убежала на свидание.

В начале августа ей приснился кошмарный сон. Она лежала, беспомощная, в открытой могиле. На лицо падали капли дождя. Вдруг наверху выросла фигура Тони в защитном желтом шлеме строителя.

— Выходи за меня замуж, Лиз,— он произнес это без всякого выражения.— Выходи за меня замуж или пеняй на себя.

Она пыталась заговорить, сказать «да»; она готова была на все, лишь бы он вытащил ее из этой жуткой размокшей ямы. Но язык не слушался ее.

— Ну что ж,— сказал он,— пеняй на себя.

Он отошел от края. Она по-прежнему не могла пошевелиться.

И тут она услышала рев бульдозера.

Секундой позже она увидела желтую махину, толкавшую своим стальным лезвием гору земли. Из открытой кабины выглядывало окаменевшее лицо Тони.

Он решил похоронить ее заживо.

Недвижимая, безгласная, она могла лишь наблюдать за происходящим с застывшим в глазах ужасом. В яму посыпались комья грязи...

Знакомый голос крикнул:

— Прочь! Оставь ее! Прочь!

Тони выскочил из кабины и побежал.

Волна облегчения захлестнула ее. Она бы заплакала, если бы могла. Над разверстой ямой, точно могильщик, стоял ее спаситель Эд Хамнер, в мешковатой куртке, волосы растрепаны, очки сползли к кончику носа.

— Вылезай,— мягко сказал он.— Я знаю, чего ты хочешь. Вылезай, Бет.

Только сейчас ноги подчинились ей. Она всхлипнула, слова благодарности сами хлынули наружу. Эд кивнул ей с ободряю-

щей улыбкой. Она взяла протянутую руку и на мгновение опустила взгляд, чтобы удобнее поставить ногу. А когда снова подняла, то увидела свою ладонь в мохнатой лапе ощеренного, готового укусить, матерого волчищи с горящими красными глазами.

Она проснулась в холодном поту и несколько минут сидела в постели, дрожа всем телом. Даже после теплого душа и стакана молока она не смогла себя заставить выключить ночник. Так и спала при свете.

Через неделю Тони не стало.

Она пошла открывать в халате, ожидая увидеть Тони, но это был Дэнни Килмер из его бригады. Дэнни был весельчак и балагур; он и его девушка пару раз проводили время вместе с Тони и Элизабет. Но сейчас вид у него был серьезный, чтобы не сказать болезненный.

— Дэнни? — удивилась она. — Что слу...

— Лиз, ты должна взять себя в руки. Ты должна... о Господи! — Он стукнул по косяку грязным кулачищем, и она увидела у него в глазах слезы.

— Тони? Что-нибудь с...

— Он погиб. Произошла... — Но Элизабет его уже не слышала: она потеряла сознание.

Неделю она прожила как во сне. Подробности случившегося она узнала из короткой, до обидного короткой заметки в газете и, конечно, от Дэнни за кружкой пива в «Харбор Инн».

Их бригада ремонтировала дренажную систему под дорожным полотном. Часть дорожного покрытия была снята, и Тони стоял с флажком, предупреждая водителей об опасности. С холма спускался красный «фиат» с молоденьким парнишкой за рулем. Тони помахал ему флажком, но тот даже не притормозил. У Тони за спиной находился самосвал, отпрыгнуть было некуда.

Паренек поранил себе голову и сломал руку, его била нервная дрожь, но он был трезв как стеклышко. Полиция обнаружила странные ямки на всем протяжении тормозного пути: в отдельных местах словно асфальт подтаял. У паренька была высшая водительская квалификация — просто машина ему не подчинилась. Тони оказался жертвой редчайшего из дорожных происшествий: аварии в чистом виде.

Шок и депрессия, которая за ним последовала, усугублялись чувством вины. Богини судьбы взяли решение их участи в свои руки, и втайне Элизабет была этому рада. Ей не хотелось выходить замуж за Тони, а точнее расхотелось... После ночного кошмара.

Накануне отъезда домой у нее произошел нервный срыв.

Она долго сидела в уединенном месте на камне, и вдруг хлынули слезы. Она плакала, пока хватало сил, но облегчения ей это не приносило, только внутреннюю опустошенность.

И тут раздался голос Эла Хамнера:

— Бет?

Успев почувствовать во рту медный привкус страха, она резко повернулась, ожидая увидеть ощеренного волка. Но это был всего лишь Эд Хамнер, загорелый и какой-то беззащитный без своей армейской куртки. На нем были красные шорты до колен, белая футболка, вздувавшаяся на его тощем теле подобно парусу, и легкие сандалии. Слепящее солнце, отражавшееся в очках, не позволяло прочесть истинное выражение его посерьезневшего лица.

— Эд? — с сомнением спросила она, почти уверенная, что это плод ее расстроенного воображения. — Неужели...

— Да, я.

— Но как ты...

— Я подрабатываю в Лейквуд тиэтр в Скохегане, и вот столкнулся с твоей подружкой по общежитию... Элис?

— Да.

— Она мне все рассказала, и вот я здесь. Бет, бедняжка. — Он слегка отклонился, и стекла его очков перестали слепить ее. Ничего волчьего или хищного — ничего, кроме выражения искренней симпатии.

Опять хлынули слезы, плечи затряслись от рыданий. Он прижал ее к себе, и она быстро успокоилась.

Обедали они в ресторанчике «Молчунья» в Уотервилле, милях в двадцати пяти от кампуса — пожалуй, именно на такое расстояние ей и хотелось отъехать. Эд хорошо вел машину — новенький «корвет», без рисовки и без суетливости, которой она от него почему-то ожидала. Ей не хотелось говорить, не хотелось, чтобы ее подбадривали. Словно угадав ее желание, он включил тихую музыку.

Еду он заказал, опять-таки ни о чем не спросив: рыбное блюдо. Ей казалось, что она не голодна, но когда перед ней поставили тарелку, она с жадностью набросилась на еду.

Когда она подняла глаза, тарелка была пуста. Эд курил сигарету, наблюдая за ней. Она сказала с нервным смешком:

— Ну вот, горюющая барышня слопала целую порцию. Ты, наверно, считаешь меня чудовищем.

— Нисколько. Тебе пришлось несладко, и теперь надо восстанавливать силы. Как после болезни, точно?

— Точно.

Он взял ее руку в свою, осторожно сжал и тотчас отпустил.

— Сейчас ты быстро пойдешь на поправку, Бет.

— Думаешь?

— Уверен, — сказал он. — Расскажи мне про твои планы.

— Завтра лечу домой. А что потом — неизвестно.

— Но ты вернешься к новому семестру?

— Даже не знаю. После того, что случилось, все это кажется таким... мелким. Ушла цель. И просто радость.

— Все вернется, можешь мне поверить. Через полтора месяца сама увидишь. Тебе ведь не остается ничего другого.

Последняя фраза прозвучала как вопрос.

— Ты прав... Можно мне тоже сигаретку?

— Разумеется. Только они с ментолом. Извини, других нет.

Она закурила.

— Как ты догадался, что я не люблю ментоловые?

Он пожал плечами:

— Тип, что ли, не такой.

Она улыбнулась:

— А знаешь, ты смешной.

Улыбнулся и он, подчеркнуто вежливо.

— Нет, правда. Примчался... Я ведь никого не хотела видеть, и все же я рада, что это оказался ты, Эд.

— Иногда приятно видеть человека, с которым тебя ничто не связывает.

— Пожалуй.— Она помолчала,— Эд, кто ты? Помимо того, что ты мой чудесный ангел-хранитель?— она вдруг почувствовала непраздность этого вопроса.

— Да в общем никто. Один из тех смешных субъектов, что снуют по кампусу со стопкой книг под мышкой.

— Неправда, Эд. Ты не такой.

— Такой, такой,— улыбнулся он.— Не расставшийся со школьными прыщиками, не приглашенный ни в одно студенческое общество, не сделавший ничего достойного внимания. Обыкновенный книжный червь, протирающий штаны ради хороших отметок. Как следующей весной здесь появятся представители крупных фирм, чтобы провести собеседования с выпускниками, Эд Хамнер, скорее всего, подпишет с кем-нибудь из них контракт и навсегда исчезнет с горизонта.

— Очень жаль,— сказала она негромко.

Он снова улыбнулся, и это была горькая улыбка.

— А твои родители?— спросила она.— Где вы живете, чем ты занимаешься дома?

— В другой раз,— сказал он.— Надо отвезти тебя обратно. Завтра у тебя долгий перелет и трудный день.

Оставшийся вечер она провела одна и впервые со дня смерти Тони сумела расслабиться, забыть о том, что где-то внутри все наматывается и наматывается пружина, грозя вот-вот лопнуть. Ей казалось, что она легко уснет, но тут она обманулась.

Мозг сверлили всякие вопросики.

Элис мне все рассказала... Бет, бедняжка.

Но ведь Элис проводила лето в Киттери, а это в восьмидесяти милях от Скохегана. Наверно, приезжала в Лейквуд на спектакль.

«Корветт», последняя модель. Дорогая игрушка. Явно не по карману рабочему сцены в Лейквуд тиэтр. Богатые родители?

В ресторане он заказал то, что заказала бы она сама. Воз-

можно, единственное в меню блюдо, которое могло пробудить у нее чувство голода.

А сигареты с ментолом... а поцелуй при расставании, именно такой, какой она ждала. А...

Завтра у тебя долгий перелет.

Он знал, что она уезжает домой, она сама ему об этом сказала. Но откуда ему было знать, что она летит самолетом? И что перелет будет долгим?

Все это смущало ее. Смущало потому, что она уже готова была влюбиться в Эда Хамнера.

Я знаю, чего ты хочешь.

Подобно зычному голосу лоцмана, оглашающего, сколько футов под килем, эти его слова звучали у нее в ушах, пока она не уснула.

Он не приехал проводить ее в маленький аэропорт Огасты, и это огорчило ее сильнее, чем можно было ожидать. Она думала о том, как легко привыкнуть к человеку, почти как к наркотику. Сев на иглу, иной пытается убеждать себя, что может соскочить в любую минуту, хотя...

— Элизабет Роган,— прозвучало из динамика,— пожалуйста, подойдите к белому телефонному аппарату.

Она поспешила снять трубку и услышала голос Эда:

— Бет?

— Эд! Как я рада тебя слышать! А я, знаешь, подумала, что ты...

— Что я приеду тебя проводить?— рассмеялся он.— Ну, в этом ты как раз не нуждаешься. Ты у нас взрослая и сильная. Тут моя помощь не нужна. Так я тебя увижу здесь в сентябре?

— Я... да, скорее всего.

— Отлично.— Секундная пауза, а затем:— Я ведь люблю тебя. С первой минуты.

Она онемела. Язык присох к гортани. В голове роились десятки мыслей.

Он тихо засмеялся.

— Не надо ничего говорить. Сейчас не надо. У нас еще будет время. Очень много времени. Приятного путешествия, Бет. Счастливо.

И он отключился, оставив ее с белой трубкой в руке и с тысячей вопросов, от которых голова шла кругом.

Сентябрь.

Элизабет вернулась к занятиям, как женщина к прерванному вязанию. Ее соседкой снова была Элис — так уж пошло с первого дня, когда компьютер, помогавший расселять студентов-первокурсников, соединил их имена в одну пару. Несмотря на различные характеры и наклонности, они хорошо уживались. Элис всерьез занималась химией и имела довольно высокий балл. Эли-

забет больше смотрела по сторонам, чем в книги, хотя и у нее были свои профессиональные интересы — педагогика и математика.

Они по-прежнему ладили, но после лета в их отношениях появилась прохладца. Элизабет объясняла ее себе щекотливостью ситуации с экзаменом по социологии и сознательно не возвращалась к этой теме.

Трагические летние события подернулись дымкой. Смешно сказать, но иногда ей начинало казаться, что Тони — всего лишь один из ее бывших одноклассников. Вспоминать о нем было больно, и она избегала говорить о нем с Элис, но боль, безусловно, притупилась.

Больнее было от другого — Эд Хамнер не звонил.

Прошла неделя, две, наступил октябрь. Она раздобыла телефонный справочник и нашла его имя. Что толку? После его имени стояло «Милл-стрит», улица такой протяженности, что всякие поиски бесполезны. Она продолжала ждать и отказывала всем, кто пытался назначить ей свидание, а таких было немало. Элис удивлялась, но помалкивала; она совсем закопалась в биохимических экспериментах, рассчитанных на полтора месяца, и почти все вечера проводила в библиотеке. Элизабет видела, что раз или два в неделю ее соседке приходят длинные белые конверты, обычно после первой пары, но не придавала им значения. В этом была заслуга частного сыскного агентства — оно никогда не печатало на конверте обратного адреса.

Когда загудел селектор, Элис занималась.

— Лиз, ты не подойдешь? — попросила она. — Скорее всего, это тебя.

Элизабет подошла.

— Да?

— Лиз, к тебе тут молодой человек.

О Господи.

— Как его зовут? — в ее голосе звучала досада, а в голове мелькали привычные отговорки. Мигрень! Давненько она не пускала ее в ход.

Дежурная откровенно забавлялась:

— Его зовут Эдвард Джексон Хамнер. И не какой-нибудь, а *младший*. — Она перешла на шепот. — И носки у него разного цвета.

Элизабет теребила ворот халата.

— Бой ты мой! Скажи ему, что я сию минуту выйду. То есть через минуту. Нет, через две, хорошо?

— О'кей, — удивилась дежурная. — Ты там смотри не лопни.

Элизабет сорвала с вешалки брюки. Передумала, схватила короткую легкую юбочку. Взвыла, нащупав на голове бигуди, и начала их выдергивать.

Элис наблюдала за ней, не говоря ни слова, а потом еще долго задумчиво глядела ей вслед.

Он был все такой же, нисколько не изменился. Зеленая армейская куртка по виду на два размера больше. Одна дужка очков замотана изолентой. Джинсы стоят колом. И, конечно, носки... один зеленый, другой коричневый.

И все предельно ясно: именно он, такой вот, ей и нужен.

— Где ты раньше был? — спросила она, идя ему навстречу.

Он заложил руки в карманы куртки и смущенно улыбался.

— Я решил дать тебе возможность развлечься. Присмотреться к другим парням. Сделать выбор.

— Я уже сделала.

— Отлично. Может, в кино сходим?

— Все что угодно.

С каждым днем она все больше убеждалась в том, что не было второго такого человека, который бы так безошибочно угадывал ее настроения и желания. Их вкусы во всем совпадали. Если Тони нравились фильмы с насилием, вроде «Крестного отца», то Эд предпочитал комедию или «бескровную» драму. Однажды, когда она хандрила, он повел ее в цирк, и это был полный восторг. Если они договаривались позаниматься вместе, то действительно занимались, а не просто слонялись по третьему этажу Дома студентов. На танцплощадке он был особенно хорош в старых танцах, которые она любила. Они даже взяли приз за номер «Когда мы были молодыми». А еще он понимал, когда ей хочется дать волю страсти. Он никогда не давил, не подгонял. С другими парнями у нее было такое чувство, будто все кем-то расписано: от прощального поцелуя в щечку (свидание № 1) до совместной ночи в квартирке друга (свидание № 10). У Эда были собственные аппартаменты на Милл-стрит. Элизабет часто приходила туда, и ни разу у нее не возникло ощущения, что она попала в любовное гнездышко провинциального донжуана. Он ничего не требовал. Он хотел того же, чего хотела она, и именно тогда, когда она хотела. Одним словом, их роман бурно развивался.

Возобновились занятия после зимних каникул. Элис с головой ушла в свои дела. Элизабет украдкой посматривала на соседку, которая с озабоченным видом теребила в руках большой конверт. Лиз подмывало спросить, не случилось ли чего, но так и не спросила. Да и что спрашивать — скорее всего, в конверте были результаты очередного эксперимента по биохимии.

Когда они возвращались из ресторана, пошел сильный снег. Эд остановил машину у двери общежития.

— Завтра у меня?

— Да. Я приготовлю кукурузные хлопья.

— Отлично. — Он поцеловал ее. — Я тебя люблю, Бет.

— А я тебя.

— Может, останешься на ночь? — вопрос был задан как бы между прочим. — Я о завтрашнем вечере.

— Как скажешь, Эд.

— Ну и чудно. Спокойной ночи.

— Тебе тоже.

Элизабет вошла к себе на цыпочках, но Элис не спала, она сидела за письменным столом.

— Элис, ты что это так поздно?

— Мне надо с тобой поговорить, Лиз. Об Эде.

— А в чем дело?

Элис тщательно подбирала слова:

— Боюсь, что, когда я закончу, между нами все будет кончено. Мне бы этого очень не хотелось, поэтому выслушай меня внимательно.

— Тогда, может, не стоит начинать?

— Я все же попробую.

Возникшее было у Элизабет чувство любопытства сменилось гневом:

— Уж не шпионила ли ты за Эдом?

Элис встретилась с ней взглядом и промолчала.

— Ты завидовала?

— Нет. Если бы я тебе завидовала, я бы давным-давно отсюда съехала.

Элизабет была обескуражена. У нее не было оснований не верить подруге. Ей вдруг стало не по себе.

— Меня насторожили два момента, связанные с Эдом Хамнером,— начала Элис.— Первое. Ты написала мне подробное письмо о смерти Тони и упомянула о том, как, мол, удачно мы с Эдом встретились в Лейквуд тиэтр... как он после этого сразу примчался в Бутбэй и помог тебе обрести почву под ногами. Так вот, Лиз, мы с ним не встречались. Меня там близко не было.

— Но...

— Но как же он узнал о смерти Тони? Понятия не имею. Во всяком случае, не от меня. И второе. Его так называемая эйдетическая память. Лиз, неужели ты это серьезно? Да он не помнит, в каких он носках!

— Это совсем другое,— сухо возразила Лиз.— Это...

— Летом Эд Хамнер был в Лас-Вегасе,— спокойно продолжала Элис.— Вернулся он в середине июля и снял номер в мотеле «Пемакид» на берегу Бутбэйского залива, сразу за городской чертой. Он словно ждал, когда тебе понадобятся его услуги.

— Абсурд! И откуда ты знаешь, что Эд был в Лас-Вегасе?

— Перед началом учебного года я встретила Шерли Д'Антонио. Она подрабатывала в ресторане Пайнса как раз напротив театра. Эда Хамнера там близко не было. Тут мне окончательно стало ясно, что тебя водят за нос. Я пошла к отцу, все ему рассказала и получила «добро».

— На что?— не поняла Элизабет.

— На то, чтобы обратиться в частное сыскное агентство.

Элизабет резко вскочила.

— Все, Элис. Довольно.

Сейчас она сядет в автобус, идущий в город, и проведет эту ночь с Эдом. Она давно была готова к такому повороту.

— Тебе не мешало бы все знать,— сказала Элис.— А там уж делай свои выводы.

— Я знаю только то, что он хороший и добрый, а...

— А любовь слепа, да?— Элис горько усмехнулась.— А что если я тебя тоже по-своему люблю? Тебе это никогда не приходило в голову, Лиз?

Элизабет внимательно на нее посмотрела.

— В таком случае твоя любовь проявляется весьма странно. Что ж, продолжай. Возможно, ты права. Возможно, ты заслужила такое право. Я тебя слушаю.

— Ты с ним знакома тыщу лет,— тихо произнесла Элис.

— Я... что ты сказала?

— Публичная школа № 119 в Бриджпорте, штат Коннектикут.

Элизабет онемела. Она шесть лет прожила с родителями в Бриджпорте, на новое место они переехали в год, когда она закончила второй класс. Да, она ходила в школу № 119, но...

— Элис, ты в этом уверена?

— А ты его не помнишь?

— Естественно, я его не помню!— Однако память услужливо напоминала ей первое ощущение, что где-то она видела Эда.

— Хорошенькие болоночки не помнят беспородных щенков. Вы с ним учились в первом классе. Он мог в тебя по уши влюбиться. Может, он сидел на задней парте и глаз с тебя не сводил. Или посматривал издалека во дворе школы. Ничем не примечательный недопесок в очечках, с металлическими скобками на передних зубах. Конечно, ты его не запомнила, но он-то тебя наверняка запомнил.

— Что еще?— спросила Элизабет.

— Сыскное агентство нашло его по отпечаткам пальцев, дальше было просто: найти тех, кто его знал. Агента, которому поручили это дело, некоторые моменты ставили в тупик. Меня тоже. Жутковатые, прямо скажем, моменты.

— Ну еще бы,— мрачно отреагировала Элизабет.

— Эд Хамнер-старший был прирожденный игрок. Работал в шикарном рекламном агентстве в Нью-Йорке. Увез он семью в Бриджпорт с такой поспешностью, словно скрывался от преследования. По словам агента, ни одна крупная игра в покер не проходила без его участия. Во всех казино он оставил свой след.

Элизабет закрыла глаза:

— Да, эти люди честно отработали свои доллары — вон сколько грязи.

— Тебе виднее. Короче, в Бриджпорте отец Эда попал в новую заварушку. Он занял кругленькую сумму у какой-то местной

акулы. Это для него кончилось двумя переломами. По словам агента, на несчастный случай не похоже.

— Что еще? Избиение ребенка? Растрата казенных денег?

— В 1961 году он перебрался в Лос-Анджелес, все та же реклама. До Лас-Вегаса уже было рукой подать. Он стал летать туда на субботу-воскресенье. Проигрывался в пух и прах. А затем он стал брать с собой Эда-младшего. И сразу начал выигрывать.

— По-моему, ты это все сочинила. От первого до последнего слова.

Элис положила перед собой досье.

— Здесь все материалы, Лиз. Возможно, кое-что из этого суд изъял бы из дела за недоказанностью состава преступления, но агент уверен: людям, с которыми он встречался, не было смысла говорить неправду. Эд-старший называл сына «мой талисман». Поначалу никто особенно не возражал против присутствия ребенка за игорным столом, хотя это было нарушением закона. Слишком желанным клиентом считался Эд-старший. Со временем, однако, тот перешел на рулетку, причем ставил исключительно на «чет-нечет» или «красное-черное». Так вот, к концу года перед мальчиком закрылись двери всех казино. Тогда его отец переключился на другую игру.

— Какую же?

— Биржу. В шестьдесят первом, когда Хамнеры перебрались в Лос-Анджелес, они снимали клетушку за девяносто долларов, и глава семьи ездил на подержанном «шевроле». Спустя шестнадцать месяцев они уже жили в собственном доме в Сан-Хосе; Эд-старший оставил работу и разъезжал на новехоньком «сандерберде», а его жена на «фольксвагене». Да, закон запрещает несовершеннолетнему находиться в казино штата Невада, но на биржевые ведомости запрета, как ты понимаешь, не существует.

— Ты намекаешь на то, что Эд... что он мог... Элис, ты с ума сошла!

— Ни на что не намекаю. Разве только на то, что он, по-видимому, знал, чего хочет его отец.

Я знаю, чего ты хочешь.

Элизабет вздрогнула: ей показалось, будто эти слова кто-то шепнул ей прямо в ухо.

— Последующие шесть лет, с небольшими перерывами, миссис Хамнер провела в различных психолечебницах с диагнозом «нервное расстройство», однако по словам санитара, с которым говорил агент, это был самый настоящий психоз. Она утверждала, что ее сын — прихвостень дьявола. В шестьдесят четвертом году она пырнула его ножницами. Пыталась убить. Она... Лиз? Лиз, что с тобой?

— Шрам, — пробормотала Элизабет. — Мы были в университетском бассейне, и я увидела у него глубокую вмятину... вот здесь, — она показала точку над левой грудью. — Он тогда сказал... — К горлу подступила тошнота, и пришлось сделать выну-

жденную паузу.— Он тогда сказал, что напоролся в детстве на кол в заборе.

— Мне продолжать?

— Почему бы и нет. Хуже уже не будет.

— В шестьдесят восьмом его мать вышла из дорогой клиники в долине Сан-Джоакин. Они втроем отправились путешествовать. На трассе 101-го шоссе есть стоянка для пикника, там они сделали привал. Пока Эд-младший собирал хворост для костра, миссис Хамнер разогнала машину и вместе с мужем сиганула с высокого утеса в океан. Не исключен вариант, что она рассчитывала сбить машиной собственного сына. Эду тогда было под восемнадцать. От отца ему осталось наследство — ценные бумаги на сумму один миллион долларов. Через полтора года Эд перебрался на восточное побережье и поступил в наш колледж. Вот, собственно, и вся история.

— Новых трупов в шкафу не предвидится?

— Тебе этого мало?

Элизабет прошлась по комнате.

— Теперь понятно, почему он избегал разговоров о своих родителях. Тебе непременно надо было разворошить их могилы, да?

— Предпочитаешь ничего не видеть.— Элис смотрела, как Лиз надевает платье.— Сейчас ты, конечно, к нему?

— Угадала.

— Ты ведь его любишь.

— Вот именно.

Элис подошла к подруге и слегка встряхнула ее за плечо.

— Ты можешь на секунду поджать свои коготки и просто *подумать*? Эд Хамнер обладает способностями, о которых мы, обычные люди, можем только догадываться. Он помог своему отцу развернуться на рулетке, а после озолотил, играя на бирже. Видимо, он обладает даром внушения. Может, он экстрасенс. Или ясновидящий. Не мне судить. Но что такие, как он, существуют — это факт. Лиз, неужели ты еще не поняла — ведь он заставил тебя полюбить его.

Лиз медленно повернулась к Элис.

— Это уже ни в какие ворота не лезет.

— Да? Он подсказал тебе правильные ответы на экзамене, как раньше подсказывал своему папаше, в каком секторе остановится металлический шарик! Не прослушал ни одного курса по социологии, я проверила! Просто нахватался всяких терминов, чтобы пустить тебе пыль в глаза!

— Замолчи! — Лиз закрыла уши руками.

— Он знал, что будет на экзамене, знал, когда погиб Тони, знал, что ты летишь домой самолетом. Он даже знал, в какой момент психологически выигрышно снова появиться в твоей жизни после летнего перерыва.

Элизабет высвободилась и направилась к двери.

— Лиз, выслушай, прошу тебя. Я не знаю, как он это делает.

Он и сам, возможно, не знает. Я допускаю, что он не желает причинить тебе зла, но уже причинил. Пользуясь тем, что ему известно каждое твое сокровенное желание, он заставил тебя полюбить его. Но это не любовь. Это насилие.

Элизабет хлопнула дверью и побежала вниз по лестнице.

Она успела на последний городской автобус. Валил густой снег, и автобус продирался сквозь заносы, как хромоногий жук. Элизабет сидела сзади, погруженная в свои мысли. Кроме нее в салоне было еще шесть или семь пассажиров.

Он попал в самую точку с ментоловыми сигаретами. И с тем, что ее мать все домашние зовут Диди. Первоклашка, который заглядывается на хорошенькую девчушку, а той и невдомек, что...

Я знаю, чего ты хочешь.

Нет, нет, нет. Я люблю его!

Любит? А может, ей просто доставляет удовольствие находиться в компании того, кто всегда заказывает в ресторане блюда по ее вкусу, и никогда не ошибается в кинотеатре с выбором фильма, и вообще делает только то, что нравится ей? Не превратился ли он для нее давно в своего рода зеркало, которое показывает ей лишь то, что она хочет увидеть? Он замечательно угадывает с подарками. Когда вдруг похолодало, и она начала мечтать о фене, кто ей его подарил? Эд Хамнер, кто же. Заглянул случайно к «Дэйзу» — и вот, пожалуйста. Она, само собой, пришла в восторг.

Но это не любовь. Это насилие.

Она сошла на углу Мэйн и Милл-стрит, холодный ветер обжег лицо, и она поежилась, а автобус уже отъехал с мягким ворчанием. Задние фары помигали в сумерках и растворились.

Никогда еще ей не было так одиноко.

Эда дома не оказалось.

Она стучала минут пять, а потом в растерянности стояла под дверью, не зная, как быть дальше. У нее не было ни малейшего представления, чем Эд занимается и с кем встречается, когда они не видятся. Об этом как-то речь не заходила.

Может, зарабатывает сейчас покером на новый фен?

Неожиданно решившись, она встала на цыпочки и поискала над дверью, где, она знала, лежал запасной ключ. Пальцы нашарили ключ, и он со звоном упал к ногам.

Она вставила ключ в замочную скважину.

В отсутствие Эда квартира выглядела совсем другой — неживой, как бутафорская мебель в театре. Ее всегда забавляло, что человек, совершенно безразличный к своему внешнему виду, сделал из квартиры игрушку, хоть фотографируй для модного журнала. Квартира была вся точно специально устроена для нее, а не для него. Ну это, положим, бредовая мысль. Бредовая?

Словно впервые она отметила про себя, как ей нравится заниматься, сидя на этом стуле, или смотреть телевизор. Как сказала бы Златовласка, усевшись на стул Младшего Медвежонка: «В самый раз». Не слишком твердо и не слишком мягко. Идеально. Как и все остальное, что ассоциировалось у нее с Эдом Хамнером.

Из гостиной вели две двери — в кухоньку и в спальню.

За окном разгулялся ветер, и старый дом скрипел, как бы вжимаясь в землю.

В спальне она стояла над железной кроватью. Тоже в самый раз. Внутренний голос не удержался от язвительного вопроса: «Шикарная кроватка, а?»

Элизабет остановилась перед стеллажами, взгляд скользнул по корешкам книг. Одно название привлекло ее внимание. Она сняла книгу с полки: «Что мы танцевали в пятидесятых?» Томик раскрылся на танце «Стролл». Пояснения обведены жирным красным карандашом, а на полях крупно, с вызовом: БЕТ.

Уходи, сказала она себе. Еще что-то можно спасти. Если он сейчас вернется, я не смогу смотреть ему в глаза. То-то Элис восторжествует. Не зря платила денежки.

Но она уже не могла остановиться. Слишком далеко все зашло.

Она подошла к чулану и повернула ручку, но дверь не поддалась. Заперто.

На всякий случай она пошарила над дверью и сразу нащупала ключ. «Не делай этого», — предупредил ее внутренний голос. Она вспомнила, что случилось с женой Синей Бороды, когда она открыла запретную дверь. Но остановиться сейчас — значило навсегда остаться в неведении. Она открыла дверь.

И в тот же миг у нее возникло странное чувство, что Эд Хамнер-младший жил именно здесь.

Чулан являл собой страшный кавардак: гора скомканной одежды, книги, теннисная ракетка без струн, изношенные спортивные тапочки, разбросанные конспекты, пачка табака «Боркум Рифф», наполовину рассыпанного. Зеленая армейская куртка валялась в дальнем углу.

Она подняла с пола книжку. «Золотая ветвь» Фрэзера. Подняла вторую. «Древние ритуалы, современная мистика». Третью. «Гаитянское ву-ду». Последняя книжка, в старом потрескавшемся переплете, с почти стершимся заглавием, запахом своим напоминала тухлую рыбу. «Некрономикон». Она открыла наугад и с омерзением отшвырнула книгу. Низкопробная похабщина.

Она потянулась к куртке Эда как к спасительной соломинке, даже самой себе в этот момент не признаваясь, что собирается шарить по карманам. Под курткой обнаружилась жестяная коробочка...

Она с любопытством повертела ее в руках, внутри что-то погромыхивало. В таких жестянках мальчишки обычно хранят свои

сокровища. На крышке рельефными буквами было написано: «Бриджпортские леденцы». Она сняла крышку.

Сверху лежала куколка. Куколка, с которой она играла в далеком детстве.

Элизабет затрясло.

Куколка была одета в красный нейлоновый лоскут, оторванный от шарфика, который Лиз потеряла два-три месяца назад. Потеряла в кино, где она была вдвоем с Эдом. Ручки куколки обернуты мхом. Уж не кладбищенский ли? Волосы... волосы были какие-то не такие. Белые шелковистые, неумело приклеенные к розоватой целлулоидной головке, тогда как ее «натуральные» волосы были песочного цвета и грубее. Эти скорее напоминали волосы Элизабет...

В детстве.

Она сглотнула слюну. В первом классе им всем выдали маленькие ножницы с круглыми лезвиями. Неужто ее тайный воздыхатель подкрался к ней сзади и...

Элизабет отложила в сторону куколку и снова заглянула в коробку. Голубой чип для игры в покер с необычным шестигранником, нарисованным на одной стороне красными чернилами. Ветхая газетная вырезка с некрологом мистера и миссис Хамнер. Оба улыбались бессмысленной улыбкой с приложенной к некрологу фотографии, и оба лица были опять-таки заключены в шестигранники, но уже черные. Еще две куколки, мужская и женская. Сходство с лицами на фотографии было пугающим.

И кое-что еще.

Пальцы у нее так дрожали, что она едва не выронила вещицу. Из груди вырвался сдавленный стон.

Это был игрушечный автомобильчик типа «Склей сам» — такие продаются в сувенирных лавках. Красный «фиат». На радиаторе — клок от рубашки бедного Тони.

Она перевернула автомобильчик. Весь низ был раскурочен.

— Докопалась, значит, тварь неблагодарная.

Она вскрикнула и выронила игрушку вместе с жестянкой. Все эти омерзительные сокровища рассыпались по полу.

Он стоял в дверях, разглядывая ее в упор. Она не подозревала, что в человеческих глазах может быть столько ненависти.

— Ты убил Тони,— сказала она.

Он криво усмехнулся:

— Интересно, как ты это докажешь.

— Неважно.— Ее удивила твердость собственного голоса.— Главное, я теперь знаю. Больше мы с тобой не увидимся. Никогда. А если ты... проделаешь это... с кем-нибудь еще, я сразу пойму. И тогда тебе не поздоровится. Можешь мне поверить.

Лицо его исказила гримаса.

— Вот она, твоя благодарность. Я дал тебе все, что ты хотела. Кто дал бы тебе столько? Разве я не сделал тебя счастливой?

— Ты убил Тони! — она сорвалась на крик.

Он шагнул ей навстречу.

— Да, ради тебя. А на что способна ты, Бет? Ты не знаешь, что такое настоящая любовь. Я полюбил тебя с первой минуты и люблю вот уже семнадцать лет. А что твой Тони? К тебе все само плыло в руки. Потому что ты красивая. Все к твоим услугам, и одиночества можно не опасаться. Не надо... прилагать усилия, как некоторым. Всегда найдется какой-нибудь очередной Тони. Все, что от тебя требовалось, это улыбнуться и сказать «пожалуйста».— Он возвысил голос.— А мне ничего не давалось само! Думаешь, *мне* не хотелось? Да не тут-то было. Отец сам из меня тянул что мог. Я не услышал от него ни одного доброго слова, пока не сделал его богатым. И мать была такая же. Я вернул ей мужа — думаешь, она воспылала благодарностью? Она меня ненавидела! Шарахалась, как от прокаженного! Считала выродком! Я ей и то и это, а она... Бет, не надо! не на-аа-а...

Она наступила на детскую куколку — свое подобие — и раздавила ее каблуком. И сразу отпустило сердце. Страх прошел. Перед ней был не мужчина — жалкий мальчишка, не умеющий даже подобрать носки одного цвета.

— Теперь ты мне ничего не сделаешь, Эд,— сказала она.— Ничего. Что, разве не так?

Он повернулся к ней спиной.

— Уходи,— сказал он упавшим голосом.— Только коробку оставь. Хоть это.

— Ладно, так и быть. Пустую.

Когда она поравнялась с ним, он дернулся, словно желая остановить ее, и тут же весь обмяк.

Она уже была на втором этаже, когда он выскочил на лестницу и истерично закричал ей вслед:

— Иди, иди! Но учти, ни с одним мужчиной тебе не будет так, как со мной! А когда ты состаришься, и они перестанут исполнять твои желания, ты меня еще вспомнишь! Ты еще пожалеешь о том, что так легко все отбросила.

Она вышла на заснеженную улицу. Легкий морозец приятно холодил лицо. Ей предстояло пройти пешком добрых две мили, но это ее не смущало. Ей даже хотелось пройти по морозу. Хотелось очиститься.

Странно, но ей по-своему было жаль этого взрослого мальчика, чья изуродованная душа с кулачок разрывалась под напором сверхъестественных сил. Да, ей было жаль этого мальчика, который пытался сделать из взрослых людей послушных солдатиков и в ярости давил их, если они артачились или разгадывали его намерения.

А что сказать о ней? О ней, от природы награжденной всем, чего лишен он, хотя тут не было ни его вины, ни ее заслуги? Она вспомнила свой спор с Элис. С каким слепым безрассудством, с какой безоглядной ревностью хваталась она за того, с кем было не столько хорошо, сколько удобно.

А когда ты состаришься, и они перестанут исполнять твои желания, ты меня еще вспомнишь!.. Я знаю, чего ты хочешь.

Неужели она так ничтожна, чтобы хотеть так мало?

Господи, сохрани и помилуй.

Половина пути осталась позади. На мосту она помедлила, и вот вниз, одна за другой, полетели магические атрибуты Эда Хамнера. Последним вниз полетел игрушечный красный «фиат», он несколько раз перевернулся в воздухе и наконец исчез в снежной метели. Дальше она шла налегке.

ПОСЛЕДНЯЯ СТУПЕНЬКА

Не прошло и недели, как мы с отцом вернулись из Лос-Анджелеса, и вдруг вчера я получаю письмо от Катрины. Оно было адресовано в Уилмингтон, штат Делавар, хотя за это время я успел дважды переехать. Сейчас все переезжают, и когда нас наконец настигает конверт, испещренный пометками «Выбыл» и «Адрес изменился», эти узкие наклейки, смешно сказать, кажутся пальцами, направленными на нас с укоризной. Уголок конверта, измятого и запачканного, надорвался, пройдя через много рук. Я прочел письмо, а пришел в себя уже в гостиной — сняв телефонную трубку, я собирался звонить отцу. Я положил трубку с чувством леденящего страха. Отец человек старый, перенес два инфаркта. Ну как я ему скажу про письмо Катрины, когда мы еще не отошли после Лос-Анджелеса? Я могу убить его этим.

Так и не позвонил. И поделиться-то было не с кем. О таких вещах не расскажешь первому встречному — только жене или близкому другу, но близкими друзьями я за последние годы как-то не обзавелся, а с женой мы в семьдесят первом развелись. Нас с Элен теперь связывают только рождественские открытки. Как дела? Как работа? С Новым годом.

Ночью я не сомкнул глаз, все думал о письме Катрины. Оно могло бы уместиться на обычной открытке. После слов «Дорогой Ларри» следовала одна-единственная фраза. Но и одна фраза может многое вместить в себя. И сказать может о многом.

Я вспомнил, как мы с отцом летели из Нью-Йорка на западное побережье,— высота пять тысяч метров, безжалостно яркое солнце, и его постаревшее, осунувшееся лицо. Когда пилот объявил, что мы пролетели над Омахой, отец сказал: «Я не представлял себе, Ларри, что это так далеко». В его голосе была бесконечная печаль, и мне стало не по себе, потому что я не мог до конца прочувствовать ее. Теперь, получив это письмо, я ее прочувствовал.

Наша семья — папа, мама, Катрина и я — жила в местечке под названием Дом Хемингфорда в восьмидесяти милях к западу от Омахи. Я на два года старше Катрины, которую все звали Китти. Она росла прелестной девочкой — ей было восемь, когда произошел тот случай в амбаре, а уже было ясно, что ее шелковистые пшеничного цвета волосы никогда не потемнеют и глаза оста-

нутся синими-синими, как у скандинавов. Этим глазам предстояло сражать мужчин наповал.

Жили мы, можно сказать, по-деревенски. Отец засевал по триста акров тучной земли, разводил скот. Про эти места мы говорили «у нас дома». Весной и осенью дороги становились непроезжими, исключая, конечно, 96-е шоссе местного значения и 80-ю автостраду, связывающую Небраску с соседним штатом, поездка же в город была событием, к которому начинали готовиться дня за три.

Сегодня я одна из самых заметных фигур в корпорации независимых юристов... по крайней мере таково общее мнение, с которым, справедливости ради, я не могу не согласиться. Президент одной крупной компании как-то раз, представляя меня своему совету директоров, выразился так: «Этому пулемету цены нет». Я ношу дорогие костюмы и обувь из самой лучшей кожи. У меня три помощника на окладе, а захочу — будет еще десять. Ну а в те времена я связывал ремнем книжки и, перебросив их через плечо, топал по грязи в школу, помещавшуюся в одной комнате, и рядом со мной топала Катрина. Случалось, что и босоногие, в весеннюю распутицу. Тогда еще можно было босиком зайти в закусочную или в магазин, и тебя бы обслужили.

Потом умерла мама — мы с Катриной учились тогда в старших классах в Коламбиа Сити, а спустя два года наш дом пошел с молотка, и отец устроился куда-то продавать трактора. Семья распадалась, хотя поначалу все складывалось не так уж плохо. Отец продвинулся по службе, купил торговый патент, а лет девять тому назад даже получил место управляющего. Я же за футбольные заслуги получил от школы стипендию, которая позволила мне поступить в университет штата Небраска и постичь там разные премудрости в придачу к уже освоенной науке выбрасывать мяч из «коридора».

А что же Катрина? О ней-то я и хочу рассказать.

Мой рассказ — об этом происшествии в амбаре — относится к началу ноября, субботе. В каком году — я, признаться, не помню, но Айк [1] еще был президентом. Мама уехала в Коламбиа-Сити на ярмарку, отец отправился к нашему ближайшему соседу (за семь миль) помочь отремонтировать сеноуборочную машину. В тот день должен был прийти нанятый отцом сезонник, но он так и не пришел, и вскоре его рассчитали.

Поручив мне несколько дел (и Китти тоже), отец предупредил нас: никаких игр, пока все не закончите. Ноябрь ведь на дворе — не успеешь оглянуться, а уж надо заканчивать. Такое это время: и не сделал дело, а гуляешь смело. Вот и в тот день опять нам повезло. Когда-то еще такое будет.

Хорошо помню тот день. Небо обложено тучами, и хотя не холодно, так и чувствуется, что осени просто-таки не терпится дожить до холодов и устроить нам заморозки с порошей или мо-

[1] Дуайт Эйзенхауэр.

крым снегом. Поля лежали голые. Точно одурелая, скотина бродила как в полусне. По дому бесцеремонно разгуливали сквозняки.

В такой день приятнее всего было забраться в амбар, где вместе с теплом тебя обволакивали запахи сена, шерсти и навоза, а над головой о чем-то непонятном щебетали ласточки. Задрав голову, можно было увидеть, как блеклый ноябрьский свет просачивается сквозь щели, и, пользуясь его жалкими крохами, написать по буквам свое имя. Эта игра была словно нарочно придумана для таких вот пасмурных осенних дней.

К сеновалу на третьем ярусе высоченного амбара вела лестница, верхним своим концом прибитая к поперечной балке. Лазить на сеновал нам не разрешалось, поскольку лестница была старая и расшатанная. Отец тысячу раз обещал маме убрать ее и поставить более прочную, но всякий раз, когда выдавалось свободное время, находились другие дела... например, помочь соседу отремонтировать сеноуборочную машину. От нанятого же сезонника проку было мало.

Взобравшись по этой шаткой лестнице в сорок три ступеньки — мы с Китти знали их все как свои пять пальцев,— ты ступал на балку, а это ни много ни мало двадцать метров над уровнем пола, сплошь усеянного соломой. А стоило пройти по балке метра четыре — коленки при этом дрожали, ступни ныли от напряжения, а в пересохшем рту, казалось, плавится резина,— и ты оказывался над гигантским стогом сена. Оттолкнулся — и, как коршун, камнем вниз с этой головокружительной высоты, аж дух захватывает, и — бултых! — в душистую перину. Лежишь, в животе пустота, все внутренности как будто зависли в воздухе, не долетев до земли, а ты лежишь, расслабленный, и у тебя такое чувство... ну как у Лазаря, что ли. Ты выжил и теперь можешь рассказать, как все было.

Этот вид спорта был, конечно, вне закона. Если бы нас застигли на месте преступления, мама бы подняла вселенский крик, а отец отстегал бы нас как маленьких. И за лестницу, и за узкую балку, откуда можно было запросто загреметь, недотянув до надежного стога, и, значит, хрястнуться о жесткий дощатый пол, так что костей не соберешь.

Но искушение было слишком велико. Известное дело — папы-мамы дома нет... продолжать, я думаю, не надо.

В тот день, как всегда, мы с Китти стояли у подножия лестницы и, глядя друг на друга, испытывали это болезненно-сладкое чувство страха, смешанное с радостным нетерпением. Лицо у Китти разрумянилось, глаза потемнели и отливали каким-то особенным блеском.

— Ну, кто смелый? — начал я.

А Китти:

— Уж не ты ли?

А я:

— Дамы проходят первые.

А Китти:

— Проходят, а не прыгают.

Она потупила глазки — вылитая пай-девочка. А вообще-то у нас в Хемингфорде она слыла отчаянной, но так уж она решила. Не прыгать первой.

— Ладно, тогда я пошел.

В тот год мне исполнилось десять: худющий я был, как скелет, и весил не больше сорока. Восьмилетняя Китти была легче меня на девять килограммов. Лестница нас всегда выдерживала, а значит, и впредь, считали мы, будет выдерживать; подобная философия нередко приводит к печальным последствиям — и отдельных людей, и целые народы.

В тот день я нутром это почувствовал, исполняя в воздухе все более странные па по мере продвижения вверх по гуляющей лестнице. На середине я, как всегда, представил себе, что будет, если лестница подо мной вдруг охнет и испустит дух. Я продолжал подниматься, пока не ухватился за поперечную балку, еще немного — и, навалившись на нее животом, я глянул вниз.

Обращенное ко мне лицо Китти превратилось в безликий маленький овал. Сама она казалась куклой в выцветшей клетчатой рубашке и голубых брючках. Над моей головой в пыльном царстве карнизов и навесов неугомонно щебетали ласточки.

И снова игра:

— Эй там, внизу! — выкрикнул я, и голос мой уплыл вместе с частичками мякины.

— Эй там, наверху! — донеслось в ответ.

Я встал на ноги. Качнулся, обретая равновесие. Как всегда, ни с того ни с сего задуло отовсюду... или это мне только так казалось. С колотящимся сердцем, шажочками я двинулся вперед, балансируя в воздухе руками. Прямо передо мной промчалась ласточка и чуть не оборвала это захватывающее путешествие. Я был весь во власти страха.

Но в тот раз обошлось. Когда подо мной наконец замаячил спасительный стог, я опустил глаза и ощутил не столько ужас, сколько волнующий озноб. Миг предвкушения. А затем я шагнул в пространство, для пущего эффекта зажав нос двумя пальцами, и, как всегда, эта внезапная сила притяжения, грубо дернувшая меня за ноги — так и ухнул чугунной болванкой вниз,— едва не вырвала из моих легких вопль: *Мамочка, прости меня, я не хотел!*

Но тут я воткнулся в стог, врезался в него как снаряд, меня обдало клубами пыли и сладких запахов, а я еще куда-то погружался — будто в плотную массу воды, пока окончательно не замер в сенных недрах. Как всегда, я ощутил непреодолимое желание чихнуть. И услышал, как полевые мыши кинулись искать в стогу уголок поспокойнее. И испытал это удивительное чувство — точно я заново родился. Помнится, однажды Китти мне сказала, что, окунувшись в сено, она выходит из него свеженькая и чистая, как новорожденный младенец. Тогда я отмахнулся от ее слов —

они были мне и понятны и непонятны,— сейчас же, после ее письма, я снова и снова прокручиваю их мысленно.

Я вылез, а точнее выплыл из сена, и вот уже подо мной твердый дощатый пол. Сено забилось мне в штаны и под рубаху. Ошметки сена на тапочках и на локтях. А уж что делалось на голове, и говорить не приходится.

К тому времени Китти добралась до середины лестницы и продолжала карабкаться вверх; ее золотые косички подпрыгивали на лопатках, освещенные пыльным лучом осеннего солнца. Бывало, он горел не хуже сестренкиных волос, но в тот день ничто не могло поспорить с ее косичками — во всем амбаре не было ярче пятен.

Помнится, мне не понравилось, как прогибается лестница. Дунь — рассыплется.

А Китти уже стояла на поперечной балке, немыслимо высоко — теперь я для нее был куклой с запрокинутым белым овалом вместо лица, а ее голос плыл ко мне с частичками мякины, среди которых после моего прыжка царил настоящий переполох.

— Эй там, внизу!

— Эй там, наверху!

Она прошла по балке короткий отрезок, и только когда я увидел ее стоящей над спасительным стогом, только тогда меня немного отпустило. Я всегда за нее ужасно волновался, при том что она была ловчей меня и, я бы сказал, физически более развитой, как ни странно это может прозвучать — ведь она была младше.

Она подалась чуть вперед, на носки стареньких полукед, вытянула перед собой руки. И прыгнула «ласточкой». Вот говорят: это нельзя забыть, это невозможно описать. Я могу *попробовать* описать, но все равно вы не поймете, как это было красиво, как совершенно,— один из немногих моментов моей жизни, который и сейчас у меня перед глазами. Нет, все не то. Ни рассказать, ни описать мне не дано.

Какое-то мгновение казалось, она парит на гребне одного из тех загадочных воздушных потоков, что прокатывались, похоже, только по этому сеновалу,— яркая ласточка с золотым оперением, какой Небраска еще не видывала. Это была Китти, моя сестренка, с заведенными назад крылышками рук, с изящно прогнувшейся спиной,— и как же я любил ее в этот короткий миг!

А Китти уже врезалась в стог — была и нету. Только фонтан соломинок и заливистого смеха. Я успел забыть, какой шаткой показалась мне недавно лестница, и пока Китти выбиралась из стога, уже был на полпути к цели.

Я тоже хотел прыгнуть «ласточкой», но в последний момент меня, как всегда, охватил страх, и я просто полетел вниз этаким пушечным ядром. И знаете, когда я вот так летел, в отличие от Китти, я не до конца верил в то, что стог окажется на месте.

Сколько продолжалась эта игра? Трудно сказать. Прыгнув

еще раз десять, я посмотрел вверх: солнце ушло. Скоро вернутся отец и мама, а мы с ног до головы в мякине — улики налицо. Мы решили прыгнуть еще по разу.

Взбираясь по лестнице, я чувствовал, как она гуляет подо мной, и даже слышал, как — едва различимо — с натужным скрипом, миллиметр за миллиметром вылезают из отверстий разболтавшиеся ржавые гвозди. Впервые за все время я не на шутку, до смерти перепугался. Находись я где-то внизу, я бы скорее всего спустился, и дело с концом, но до балки было рукой подать, а уж балка-то не подведет. Оставались последние три перекладины, когда скрип разболтанных гвоздей стал явственней, и тут я похолодел — от ужаса, от очевидной мысли, что я зарвался.

Но в этот самый миг мои ладони нащупали занозистую балку, и я перенес на нее свой вес. Я почувствовал на лбу неприятный холодный пот и прилипшие соломинки. Вся радость от игры улетучилась.

Я поскорей прошел по балке и прыгнул. Никакого удовольствия от приземления. Погружаюсь в стог, а перед глазами: что бы со мной было, упади я не в мягкие объятия сена, а на жесткие доски.

Когда я выбрался на середину амбара, Китти была уже на верхотуре.

— Эй, давай обратно! — закричал я. — Там опасно!

— Ничего, выдержит! — выкрикнула она в ответ со знанием дела. — Я ведь легче!

— Китти...

Закончить я не успел. Ибо в это самое мгновение лестница не выдержала.

Она сломалась с глухим треском — древесина совсем прогнила. Я ахнул, Китти вскрикнула. Она успела добраться до того места, где минутами раньше меня пронзила мысль, что я слишком долго испытывал судьбу.

Ступенька, на которой стояла Китти, треснула, и тут же треснули боковые стойки. Сломавшаяся лестница, похожая в ту секунду на гигантское насекомое, не то богомола, не то фантастического жука, казалось, решила после короткого раздумья заковылять прочь. Но затем нижняя ее часть начала заваливаться и с оглушительным стуком рухнула на пол; поднялось облако пыли, встревоженно замычали коровы. Одна из них лягнула дощатую переборку.

Китти пронзительно закричала:

— Ларри! Ларри!

Я знал, что надо делать, мгновенно сообразил. Я, конечно, жутко испугался, но не настолько, чтобы ум отшибло. Она повисла почти на двадцатиметровой высоте, выше были только ласточки, продолжавшие щебетать как ни в чем не бывало, а Китти отчаянно дрыгала ногами в воздухе. Испугался я смертельно. Я по сей день, можете себе представить, не могу смотреть воздуш-

ные аттракционы, даже по телевизору. В животе сразу что-то сжимается.

Но я знал, что надо делать.

— Китти! — завопил я. — Только не шевелись! Не шевелись!

Она тотчас подчинилась. Перестала дрыгать ногами и повисла, изо всех сил держась за последнюю ступеньку — это было все, что осталось от лестницы, — так в струнку висит воздушный гимнаст на неподвижной трапеции.

Я метнулся к стогу, захватил сколько мог сена, вернулся, бросил на пол. Потом опять к стогу. И опять. И опять.

Сознание мое как бы выключилось, помню только, что сухие травинки забились в нос, и я, расчихавшись, не мог остановиться. Я носился туда-назад с охапками сена; там, где недавно было основание лестницы, рос стожок. Вот именно — стожок, смотреть не на что. Достаточно было взглянуть на него, а потом на крошечную фигурку под крышей амбара, чтобы перед глазами возникла карикатура вроде тех, где человек прыгает с небоскреба в стакан воды.

Туда-назад. Туда-назад.

— Ларри, я больше не могу! — В голосе сестренки звенело отчаяние.

— Китти, держись! Ты должна держаться!

Туда-назад. Клочья сена за пазухой. Туда-назад. Стожок вырос мне до подбородка, но что это против семиметрового стога, куда мы прыгали. Если она только сломает себе ноги, подумал я, она легко отделается. А если она пролетит мимо стожка — верная смерть. Туда-назад.

— Ларри! Ступенька!

Я услышал нарастающий надсадный скрип — верхняя перекладина подавалась под тяжестью Китти. Она снова судорожно задрыгала ногами, и я понял, что это ее погубит, что она пролетит мимо стожка.

— Не надо! — завопил я. — Ногами не надо! Отпускай! Отпускай перекладину! — Уже не успеть за новой охапкой. Уже ничего не успеть... разве что подумать о чудесном спасении.

Ей было сказано отпустить перекладину, и она ее отпустила. Мне показалось, что она летела целую вечность — золотые косички торчком, глаза закрыты, лицо белей китайского фарфора. И ни звука. Сложенные ладони прижаты к губам в молитвенном жесте.

Она врезалась в стожок, в самую его середину, она вошла в него, как нож в масло. Или скорее, как реактивный снаряд, потому что, когда она исчезла в стожке, клочья сена полетели во все стороны. Я услышал, как тело с глухим стуком ударилось о доски. Звук этот заставил меня похолодеть. Очень уж он был громкий, слишком громкий. Теперь самое страшное — заглянуть внутрь.

С плачем вкогтился я в стожок и принялся раздирать его, отшвыривая сено охапками, сколько захватывалось. Вот показалась нога в джинсовой брючине, вот клетчатая рубашка... и наконец

лицо Китти. Веки опущены. Лицо покойника. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять: она мертва. Мир для меня стал серым, как ноябрь. Лишь два осталось в нем светлых пятна — золотые косички.

И вдруг эти васильковые радужницы — она открыла глаза.

— Китти? — Мой голос, охрипший, сиплый, большим вопросительным знаком прорвался наружу. Точно сквозь слой мякины,— Китти?

— Ларри? — изумленно спросила она.— Разве я жива?

Я поднял ее и прижал к груди, а она прижалась ко мне, обняв мою шею руками.

— Живая,— ответил я.— Живая, живая.

Она сломала себе левую лодыжку, ничего больше. Когда доктор Педерсен, врач из Коламбиа-Сити, вместе со мной и отцом пришел в амбар, он долго, задрав голову, всматривался в темнеющую перспективу. Последняя ступенька лестницы все еще висела — косо, на одном гвозде.

Как я уже сказал, он долго всматривался. Потом, обращаясь к отцу, произнес: «Чудо», презрительно пнул сложенный мною стожок. После чего сел в свой запыленный «десото» и уехал.

На плечо мне легла отцовская рука.

— А сейчас, Ларри, мы пройдемся с тобой в сарай,— произнес он очень спокойно.— Я думаю, ты догадываешься — зачем.

— Да, сэр,— прошептал я.

— Я хочу, чтобы при каждом ударе ты вслух благодарил Господа за то, что твоя сестра осталась в живых.

— Да, сэр.

И мы пошли. Удары я не считал, их было столько, что потом целую неделю я ел стоя и еще две недели — подкладывая подушечку. И всякий раз, когда на меня обрушивалась огромная отцовская пятерня, вся в красных мозолях, я благодарил Господа.

Я благодарил его громко, очень громко. Так что под конец я почти не сомневался, что он меня услышал.

Меня пустили к Китти перед сном. Помню, за окном сидел дрозд. Нога у Китти была забинтована и покоилась на доске.

Она встретила меня таким долгим и нежным взглядом, что я смешался.

— Ты, оказывается, натаскал туда сена,— прервала она молчание.

Я поддакнул.

— А что мне оставалось? Без лестницы-то наверх не влезешь.

— Я и не знала, что ты делаешь,— призналась она.

— Как не знала? Я же прямо под тобой носился!

— Я боялась смотреть вниз. Испугалась я, понимаешь. Так и висела зажмуренная.

Я стоял, точно громом пораженный.

— Не знала, говоришь? Не знала, что я делаю?

Она мотнула головой.

— Значит, когда я крикнул тебе «отпускай перекладину!», ты... ты просто отпустила?

Она кивнула.

— Да как же ты не побоялась?

Она смотрела на меня своими васильковыми бездонными глазами.

— Я знала, ты что-то там придумал,— сказала она.— Ты ведь мой старший брат. Я знала, с тобой я не пропаду.

— Ах, Китти, ты же была на волосок от смерти, а ты и не знала...

Я закрыл лицо руками. Она села на постели и разняла мои ладони. А потом поцеловала в щеку.

— Не знала,— согласилась она,— но это неважно. Главное — ты был внизу. Ой, спать как хочется. До завтра, Ларри. А ногу мне положат в гипс, вот. Так сказал доктор Педерсен.

Гипс не снимали почти месяц, и все ее одноклассники на нем расписались, меня она тоже заставила расписаться. Потом гипс сняли, и на происшествии в амбаре можно было поставить точку. Отец соорудил новую лестницу на сеновале третьего яруса, но я уже никогда не залезал на верхотуру и не прыгал в стог сена. И Китти, насколько мне известно, тоже не прыгала.

Итак, можно было бы поставить точку, но до точки, оказалось, еще далеко. В сущности, точка была поставлена лишь девять дней тому назад, когда Китти выбросилась с последнего этажа здания, которое занимала страховая фирма. У меня в бумажнике лежит вырезка из «Лос-Анджелес таймс». Видно, мне суждено всегда носить ее с собой — не в удовольствие, как мы носим при себе фотокарточки наших близких, или билет на запавший в душу спектакль, или программку кубкового матча. Я ношу эту вырезку, как тяжелый крест, который, кроме меня, нести некому. Набранный крупным шрифтом заголовок гласит: ГУЛЯЩАЯ ДЕВИЦА ВЫБРАСЫВАЕТСЯ ИЗ ОКНА.

Детство осталось позади. Вот все, что я могу сказать, остальное не имеет значения. Китти собиралась поступать в коммерческий колледж в Омахе, но в год окончания школы, летом, она заняла первое место на конкурсе красоты и выскочила замуж за одного из членов жюри. Как в скверном анекдоте, не правда ли? Это моя-то Китти.

Я учился на факультете права, когда она развелась с мужем и прислала мне длиннющее письмо листов на десять, где рассказывала о своей супружеской жизни, о том, как она не сложилась и как могла бы сложиться, если бы она смогла родить. Она просила меня приехать. Но пропустить неделю занятий на факультете права — это все равно, что прогулять четверть на гуманитарном отделении. Они ведь там звери. На секунду потерял из виду движущуюся мишень — ее уже и след простыл.

Она переехала в Лос-Анджелес и вышла замуж , во второй раз.

К тому времени, когда и этот брак распался, я успел получить диплом юриста. Опять от нее пришло письмо — короче первого и более горькое. Никогда уж, писала она, ей не удержаться на этой карусели, не успеешь поймать медное кольцо — упал с лошадки и сломал себе шею. Аттракцион открыт для всех, но не слишком ли высока цена? И приписка: *Может, приедешь, Ларри? Столько лет не виделись.*

Я ответил, что рад бы приехать, но не могу. В фирме, где я получил место, конкуренция жестокая, я же только начинал и пока был для всех ломовой лошадью. Но ничего, ближайший год покажет, кто чего стоит. На этот раз я накатал длиннющее письмо, целиком посвященное моей карьере.

Я отвечал на все ее письма. Но, знаете, я как-то не до конца верил в то, что мне пишет именно она, Китти, как в свое время не до конца верил в то, что стог окажется на месте... пока не падал, живой и невредимый, в его мягкие объятья. Я не мог поверить, что моя сестренка и эта измочаленная женщина, которая подписывалась в конце письма «Китти» и обводила имя кружком,— одно лицо. Моя сестренка была девочкой с косичками и без намека на грудь.

Потом она перестала мне писать. Изредка приходили поздравительные открытки — к Рождеству, ко дню рождения, на которые отвечала моя жена. А потом мы разошлись, я переехал и окончательно закрутился. Очередные поздравления были мне пересланы. С пометкой: «Выехал». И я подумал: «Не мешало бы, между прочим, написать Китти и сообщить новый адрес». Но я так и не написал.

Хотя все это, как я уже сказал, неважно. Важно другое: детство осталось позади, и Китти, Китти выбросилась с последнего этажа. Китти, верившая когда-то, что стог всегда окажется на месте. Китти, сказавшая: «Я знала, ты что-то там придумал». Только это важно. И еще ее письмо.

Сейчас все переезжают, и когда нас, наконец, настигает конверт, испещренный пометками «Выбыл» и «Адрес изменился», эти узкие наклейки, смешно сказать, кажутся пальцами, направленными на нас с укоризной. В верхнем левом углу конверта она напечатала обратный адрес своей последней квартиры в симпатичном жилом доме на улице Ван Нюйс. Мы с отцом ходили туда за ее вещами. И хозяйка симпатичная. Хорошо отзывалась о Китти.

Судя по штемпелю, письмо было отправлено за две недели до самоубийства. Я получил бы его гораздо раньше, если бы не перемены адресов. Я думаю, Китти устала ждать.

Дорогой Ларри,
в последнее время я много думала об этом, и вот к чему я пришла: если бы та ступенька обломилась до того, как ты успел натаскать сена, было бы гораздо лучше.

Твоя Китти.

Да, пожалуй, она устала ждать. Мне легче думать так, чем допустить мысль: а вдруг она решила, что я ее забыл? Не хочется думать, что она так могла решить: наверно, это письмо, состоящее из одной-единственной фразы, заставило бы меня броситься на зов.

Но даже не это причина моей бессонницы. Только я закрою глаза и начну задремывать, как в сознании всплывает картина: Китти ласточкой летит вниз, синие глаза широко открыты, спина прогнулась, руки-крылья заведены назад.

В отличие от меня она всегда верила, что стог окажется на месте.

ЧУЖИМИ ГЛАЗАМИ

Мы с Ричардом сидели на крыльце моего дома и любовались песчаными дюнами и заливом. Дым от его сигары клубился над нами, заставляя москитов держаться на расстоянии. Залив был нежно-зеленоватого цвета, небо темно-синего. Приятное сочетание.

— Ты — их окно в мир,— задумчиво повторил Ричард.— Ну а если ты никого не убивал? Если это тебе приснилось?

— Не приснилось. Только мальчика убил не я. Повторяю: это они. Я их окно в мир.

Ричард вздохнул:

— Ты его закопал?

— Да.

— Где, помнишь?

— Да.— Я нашарил сигарету в нагрудном кармане. Сделать это было непросто с забинтованными руками. Чесались они нестерпимо.— Если хочешь убедиться, приезжай на вездеходе. Эта штуковина,— я показал на инвалидное кресло,— по песку не проедет.

Говоря о вездеходе, я имел в виду его «фольксваген» модели 1959 года со специальными шинами. Он пользовался им, когда собирал на отмели деревянные обломки. Выйдя на пенсию и перестав заниматься делами о недвижимости в Мэриленде, он перебрался в Ки Кэролайн и принялся изготовлять деревянные скульптуры, которые зимой загонял туристам по баснословной цене.

Ричард подымил сигаретой, глядя на залив.

— Это точно. Расскажи-ка еще раз, как все было.

Я вздохнул и завозился со спичками. Он забрал их у меня и помог закурить. Я сделал две глубокие затяжки. Зуд в пальцах сводил меня с ума.

— Ладно. Вчера в семь вечера я вот так же сидел здесь с сигаретой и...

— Нет, раньше,— попросил он.

— Раньше?

— Начни с полета.

Я покачал головой:

— Слушай, сколько можно. Я же больше ничего...

— Вдруг вспомнишь,— перебил он. Его лицо, все в морщинах, казалось таким же загадочным, как его скульптуры.— Именно сейчас.

— Думаешь?

— Попробуй. А потом поищем могилу.

— Могилу,— повторил я. Слово прозвучало, словно из черной ямы — черней, чем межпланетная пустыня, сквозь которую мы с Кори неслись пять лет назад. Кромешная тьма.

Под бинтами мои новые глаза силились что-то разглядеть в темноте. И сводили меня с ума этим зудом.

Нас с Кори вывел на орбиту ракетоноситель «Сатурн-16», телекомментаторы называли его не иначе как Эмпайр Стэйт Билдинг. Да, махина, скажу я вам. Для взлета ей потребовалась пусковая шахта глубиной в двести футов — в противном случае она бы развоpотила половину мыса Кеннеди. Рядом с ней старенький «Сатурн-18» показался бы игрушкой.

Мы облетели Землю, проверили бортовые системы, а затем взяли курс на Венеру. А в сенате тем временем разгорелись нешуточные дебаты вокруг дополнительных ассигнований на освоение глубокого космоса, и руководство НАСА готово было на нас молиться, чтобы мы вернулись не с пустыми руками.

— Все, что угодно,— говорил после третьего бокала Дон Ловингер, тайный вдохновитель программы «Зевс».— Ваш корабль нафарширован аппаратурой. Телекамеры, уникальный телескоп. Найдите нам золото или платину. А еще лучше — каких-нибудь симпатичных синих человечков, которых мы бы потом изучали, как козявок, с чувством собственного превосходства. Что угодно. Даже тень отца Гамлета сойдет для начала.

Кто бы возражал, только не мы с Кори. Но пока дальняя космическая разведка не приносила желаемых результатов. Шестьдесят восьмой: экипаж Бормана, Андреса и Ловелла, достигнув Луны, обнаружил пустой и бесприютный мир, напоминавший наши грязные песчаные пляжи. Семьдесят девятый: Маркхен и Джекс высадились на Марсе, где не росло ничего, кроме чахлого лишайника. Миллионы, пущенные на ветер. Плюс человеческие жертвы. Педерсен с Ледекером до сих пор болтаются вокруг Солнца в результате аварии на предпоследнем «Аполлоне». Джону Дэвису тоже не повезло — осколок метеорита пробил его орбитальную обсерваторию. Нет, что ни говори, а космическая программа не приносила никакой отдачи. Похоже, не хватало только экспедиции к Венере, чтобы окончательно в этом убедиться.

Прошло шестнадцать дней — мы съели не одну банку концентратов, сыграли не одну партию в джин и успели наградить друг друга насморком, но, с практической точки зрения, дело шло ни шатко ни валко. На третий день мы потеряли увлажнитель воздуха, достали запасной — вот, собственно, и все «успехи». Ну а за-

тем мы вошли в атмосферные слои Венеры. На наших глазах она превратилась из звезды в четвертак, из четвертака в хрустальный шар молочной белизны. Мы обменивались шутками с центром управления полетами, слушали записи Вагнера и «Битлз», проводили различные эксперименты в автоматическом режиме. Мы сделали две промежуточные коррекции орбиты, практически не показавшие никаких отклонений, и на девятый день полета Кори вышел в открытый космос, чтобы постучать по ДЭЗЕ, решившей вдруг забарахлить. В остальном все было в норме...

— Что это — ДЭЗА? — поинтересовался Ричард.

— Этот эксперимент провалился. НАСА делала ставку на гала-антенну: мы передавали программные команды на коротких волнах — вдруг кто-нибудь услышит? — Я почесал пальцы о брюки, но стало только хуже. — Вроде этого радиотелескопа в Западной Вирджинии, который ловит сигналы из космоса. Они слушают, а мы передавали, в основном на далекие планеты — Юпитер, Сатурн, Уран. Если там и была разумная жизнь, она отсыпалась...

— В открытый космос выходил один Кори?

— Да. И если он подхватил какую-то межзвездную заразу, телеметрия ничего не показала.

— Но...

— Это все неважно, — возразил я, мрачнея. — Важно то, что происходит здесь и сейчас. Вчера они убили мальчика. Понимаешь, каково это было видеть? Тем более в этом участвовать. Его голова... разлетелась на мелкие осколки. Точно внутри разорвалась ручная граната.

— Рассказывай дальше, — попросил он.

Я невесело рассмеялся.

— Да что рассказывать?

Мы вращались вокруг планеты по эксцентрической орбите. Семьдесят шесть в апогее, двадцать три в перигее — первый виток. На втором витке орбита еще более вытянулась. За четыре витка мы хорошо ее разглядели. Сделали шестьсот снимков, а сколько метров пленки накрутили — это одному Богу известно.

Облако состоит из метана, аммиака, пыли и всякой дряни. Планета похожа на Большой Каньон, по которому гуляет ветер. Кори прикинул: шестьсот миль в час. Наш бур, все время сигналя, сел на поверхность и с визгом принялся за дело. Растительности или иных признаков жизни мы не обнаружили. Спектроскоп отметил лишь залежи ценных минералов. Вот вам и Венера. Казалось бы, пусто и пусто, но у меня душа ушла в пятки. Это было все равно, что кружить над домом с привидениями. Понимаю ненаучность такого сравнения, а только пока мы не повернули обратно, я чуть не рехнулся. Еще немного, и горло бы себе перерезал. Это вам не Луна. Луна пустынная, но, я бы сказал, стерильно чистая. То, что мы увидели здесь, было за гранью. Спасибо еще, эта

облачная пелена. Представьте себе совершенно лысый череп — точнее образа не подберу.

На обратном пути мы узнаем: сенат проголосовал за то, чтобы урезать фонды на освоение космоса вдвое. Кори прокомментировал это решение примерно так: «Ну что, Арти, возвращаемся к метеоспутникам?» Я же, признаться, был даже доволен. Нечего нам соваться во все дыры.

Через двенадцать дней Кори погиб, а я стал на всю жизнь инвалидом. Как говорится, мягкой посадки. Ну не ирония судьбы? Провести месяц в космосе, вернуться из немыслимой дали и так кончить... а все потому, что какой-то тип ушел попить кофейку и не проверил какое-то реле.

Мы шмякнулись будь здоров. Один из вертолетчиков сказал потом, что это было похоже на летящего к земле гигантского младенца с развевающейся пуповиной. При ударе оземь я потерял сознание.

В себя я пришел уже на палубе авианосца «Портленд». Вместо красной ковровой дорожки меня ждали носилки. Впрочем, красного цвета хватало. Я был весь в крови.

— Я провел два года в Вифезде. Получил медаль, кучу денег и это инвалидное кресло. А потом перебрался сюда. Люблю смотреть, как взлетают ракеты.

— Да, я знаю,— сказал Ричард. Он помолчал.— Покажи мне свои руки.

— Нет! — ответ получился быстрым и резким.— Тогда они смогут все видеть. Я тебе говорил.

— Прошло пять лет, Артур. Почему сейчас, вдруг? Можешь ты мне это толком объяснить?

— Не знаю. Не знаю! Может, такой длительный инкубационный период. А может, я подцепил эту штуку не там, а позже, в форте Лодердейл. Или даже тут, на крылечке.

Ричард со вздохом перевел взгляд на залив, красный в закатных лучах солнца.

— Я пытаюсь найти разумный ответ, Артур. Очень не хочется думать, что тебе изменил рассудок.

— В крайнем случае я покажу тебе свои руки,— я сказал это через силу.— Но только в крайнем случае.

Ричард поднялся и взял трость. Он казался старым и немощным.

— Я пригоню вездеход, и мы поищем мальчика.

— Спасибо, Ричард.

Он двинулся домой по разбитой проселочной дороге, которая уходила через Большие Дюны в сторону Ки Кэролайна. На другом конце залива, ближе к мысу, небо стало цвета гнилой сливы, и уже можно было расслышать отдаленные раскаты грома.

Я не знал имени мальчика, но я часто видел, как он с решетом под мышкой прогуливался по песку перед закатом солнца. Маль-

чик был черным от загара, в заношенных шортах, сделанных из летних брюк. На городском пляже предприимчивый человек может собрать за день, если повезет, до пяти долларов, отсеивая решетом четвертаки и десятипенсовики. Иногда я махал ему издали, и он махал мне в ответ — две незнакомые, но родственные души, два местных жителя, противостоящие легиону крикливых туристов на «кадиллаках» с туго набитыми кошельками. Вероятно, мальчик жил на хуторе близ почты, в полумиле отсюда.

Вчера, когда он появился, я уже с час сидел сиднем на своем наблюдательном пункте. Бинты я снял — зуд был непереносимый. Когда же открывались глаза — *их* глаза,— становилось полегче.

Невероятное ощущение: тебя, как дверь, приоткрыли и поглядывают в щель на мир, вызывающий ненависть и страх. Ужасней всего то, что я, отчасти, тоже видел его таким в эти минуты. Вообразите, что ваша душа переселилась в слепня, и он в упор разглядывает ваше бренное тело. Теперь вам ясно, почему я бинтовал руки, даже если рядом не было ни души?

Все началось в Майами. Я там имел дела с человеком из департамента ВМФ по фамилии Крессвелл. Он навещал меня раз в год. Кажется, его боссы готовы были снабдить меня грифом «секретно». Интересно, что они ожидали увидеть: странный блеск в глазах? алую букву на лбу? Кто их знает. Не зря же мне отвалили пенсию, какую и получать-то неловко.

Я сидел у Крессвелла в отеле, на террасе, и мы за бутылкой обсуждали будущее космической программы Соединенных Штатов Америки. Было начало четвертого. Вдруг у меня зачесались пальцы. Как-то по-особенному, словно по ним ток прошел. Я сказал об этом Крессвеллу.

— Небось, трогал ядовитый плющ на этом своем золотушном острове,— ухмыльнулся он.

— Там, кроме кустарника пальметто, и потрогать-то нечего. Может, это инфекция семилетней давности? — Я разглядывал свои пятерни. Руки как руки. Только чешутся.

В тот день я подписал стандартный бланк («Торжественно клянусь, что я не получал и не передавал никакой информации, которая бы могла...») и поехал домой на своем старом «форде» с ручным управлением. Отлично придумано — сразу чувствуешь себя человеком.

Дорога предстояла неблизкая, и пока я добрался до поворота к дому, я уже изнывал от чесотки. Знаете, как заживает глубокий порез? Вот-вот. Ощущение такое, будто под кожу проникли живые существа и роют там ходы.

Солнце почти село, и мне пришлось разглядывать свои руки при свете приборного щитка. На подушечках, там, где снимают отпечатки пальцев, появилась краснота, маленькие такие пятнышки. И еще несколько — на суставах. Я лизнул кончики пальцев и тут же отдернул руку от омерзения. Кожа была воспаленной и какой-то желеобразной, вроде мякоти подгнившего яблока.

Остаток пути я пытался убедить себя в том, что всему виной ядовитый плющ, но мозг сверлила жутковатая мысль. Дело в том, что моя тетушка провела последние десять лет жизни в мансарде нашего дома, отрезанная от внешнего мира. Моя мать, носившая наверх еду, запретила мне, ребенку, даже упоминать ее имя. Позже я узнал, что у тетушки была болезнь Хансена — проказа.

Приехав домой, я сразу позвонил на материк доктору Фландерсу. Мне ответили, что он отправился на рыбную ловлю, но если что-то срочное, доктор Баллэнджер.

— Когда вернется доктор Фландерс? — не выдержал я.

— Завтра к обеду. Вы можете?

— Могу.

Я набрал номер Ричарда — телефон не отвечал. Я сидел в нерешительности. Зуд усиливался. От рук исходила какая-то энергия.

Я подъехал в кресле к книжному стеллажу и снял с полки потрепанную медицинскую энциклопедию. В разъяснениях было столько тумана, что они больше смахивали на издевку. Я мог быть болен чем угодно... или ничем.

Я откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. В дальнем углу комнаты тикали старые «космические» часы. Издалека доносилось высокое ровное гудение самолета, державшего курс на Майами. Я слышал собственное дыхание.

И вдруг я с ужасом понял: *я вижу страницы раскрытой энциклопедии.* Вижу, хотя глаза мои закрыты. Правда, это было какое-то иное, четвертое измерение книги, искаженной почти до неузнаваемости, но это была она, вне всякого сомнения.

И я был не единственный, кто ее разглядывал.

Я скорей открыл глаза, чувствуя, как у меня сжалось сердце. Пережитое секундой назад ощущение не то чтобы прошло, но чуть притупилось. Я видел текст и диаграммы своим обычным зрением и одновременно, под острым углом, какими-то другими глазами. И эти последние воспринимали книгу как совершенно чужеродный предмет уродливейшей формы и исполненный зловещего смысла.

Я медленно поднес ладони к лицу, и вдруг вся комната явилась мне во всем своем отталкивающем бесстыдстве.

Я вскрикнул.

Воспаленная кожа на пальцах потрескалась, и из этих язвочек на меня глядело множество глаз. Раздвигая мягкие ткани, глаза упрямо, бессмысленными толчками выталкивали себя на поверхность.

Но даже не это заставило меня вскрикнуть. Я впервые увидел таким свое лицо — лицо монстра.

Вездеход преодолел песчаный бархан и остановился возле самого крыльца. Мотор прерывисто поревывал. Я съехал в кресле

по специальному пандусу, и Ричард помог мне перелезть в машину.

— Ну что, Артур, сегодня ты за главного. Командуй.

Я показал в сторону залива, где Большие Дюны постепенно сходили на нет. Ричард согласно кивнул. Из-под задних колес брызнул песок, и вездеход рванул с места в карьер. Обычно я не пропускал случая попенять Ричарду на то, что он лихачит, но сегодня я помалкивал. В голове крутились мысли поважнее: темнота их бесила, я чувствовал, как они лезут вон из кожи, чтобы я снял бинты.

Вездеход, взвывая, мчался скачками по буграм, перелетал через высокие барханы. Слева садилось солнце во всем своем кровавом великолепии. Из глубины залива наползали черные тучи. Вот первая молния острогой вонзилась в воду.

— Направо,— сказал я.— Возле той односкатной крыши.

Ричард лихо тормознул, перегнулся через сиденье и достал заступ. Меня передернуло.

— Где?— бесстрастным голосом спросил он.

— Там,— показал я.

Он выбрался из машины, не спеша подошел к этому месту, секунду поколебался и всадил заступ в песок. Он копал и копал, бросая мокрый тяжелый песок через плечо. Тучи наливались чернотой, вода в заливе стала свинцово-холодной.

Он еще не кончил копать, а я уже знал, что он не найдет мальчика. Они его перезахоронили. Я разбинтовал руки на ночь, так что они могли все видеть — и действовать. Если меня так легко заставили убить, могли заставить и перенести тело. Пока я спал.

— Ты видишь, Артур: никого.

Ричард бросил заступ в машину и устало сел за руль. По пляжу скользили тени, словно убегая от надвигающейся грозы. Порывы ветра швыряли пригоршнями песок в проржавевшее крыло вездехода.

Зуд в пальцах совершенно изводил меня.

— Они заставили меня перенести тело,— возразил я мрачно.— Они все больше забирают надо мной власть. Раз за разом все больше приоткрывают дверь. Я вдруг ловлю себя на том, что разглядываю банку бобов, а когда я перед ней остановился — не помню, хоть убей. Я выставляю вперед пальцы и вижу банку *их* глазами: смятую, искореженную, уродливую...

— Артур,— перебил он меня.— Ну все. Подумай, что ты говоришь.— В слабом свете сумерек на его лице была написана откровенная жалость.— *Остановился... перенес* тело... О чем ты говоришь, Артур? Ты же давно не ходишь. У тебя омертвели ноги.

Я притронулся к приборному щитку.

— Эта штука тоже мертвая. Но когда ты поворачиваешь ключ зажигания, ты заставляешь вездеход тронуться с места. Ты можешь заставить его сбить человека. Он бессилен помешать тебе

в этом.— Голос у меня уже дрожал.— Я их окно в мир, ты можешь это понять? Они убили мальчика! Они перенесли тело!

— По-моему, тебе надо обратиться к врачу,— тихо сказал он.— Поехали обратно. Все равно ты...

— А ты проверь! Убедись, что мальчик никуда не исчез!

— Но ведь ты даже имени его не знаешь.

— Он должен быть с хутора. Там всего несколько домов. Поинтересуйся...

— Я говорил по телефону с Мод Харрингтон. Вряд ли в целом штате найдется еще одна женщина, которая бы все про всех знала. Я поинтересовался, не пропал ли у кого-нибудь в округе мальчик прошлой ночью. Она сказала, что ни о чем таком не слышала.

— Он местный! Можешь мне поверить!

Ричард потянулся к зажиганию, но я его остановил. Он с удивлением повернулся, и тут я начал разбинтовывать руки.

Со стороны залива угрожающе заворчал гром.

В тот раз я решил не обращаться к врачу. Просто в течение трех недель бинтовал руки, перед тем как выползти на свет Божий. В течение трех недель я слепо верил, что все еще поправимо. Нельзя сказать, что в этом было много здравого смысла. Будь я нормальным человеком, передвигающимся на своих двоих, я бы скорее всего воспользовался услугами доктора Фландерса или хотя бы Ричарда. Но у меня еще не изгладились в памяти воспоминания о моей тетушке, приговоренной судьбой к пожизненному заключению, заживо пожираемой страшной болезнью. Я тоже приговорил себя к мучительному затворничеству и только молился в душе, чтобы проснуться однажды утром, стряхнув с себя этот дурной сон.

Но с каждым днем я все отчетливее ощущал их присутствие. *Их*. Безымянного разума. Я никогда не задавался вопросом, как они выглядят или откуда появились. Тут можно слишком долго спорить. Главное — я был их окном и дверью. Мне передавались их ужас и отвращение перед миром, столь отличным от их собственного. Мне передавалась их слепая ненависть. Но своих наблюдений они не прекращали. Они пустили корни в мою плоть и теперь манипулировали мной, как марионеткой.

Когда мальчик, проходя мимо, помахал мне вместо приветствия, я уже для себя решил, что звоню Крессвеллу в военно-морской департамент. Лично я не сомневался, что подцепил эту заразу в космосе, а точнее — на орбите Венеры. Пусть обследуют меня и убедятся, что я не какой-нибудь там полудурок. Я не хочу просыпаться среди ночи от собственного крика, чувствуя всей кожей, что они смотрят, смотрят, смотрят...

Мои руки сами потянулись к мальчику, и я с опозданием сообразил, что они не забинтованы. Дюжина глаз — огромных, с золотистой радужницей и расширенными зрачками — словно затаясь, следили за происходящим. Однажды я попал в один из них

кончиком карандаша и едва не взвыл от боли. Глаз уставился на меня с холодной еле сдерживаемой яростью, которая была хуже, чем физическая боль. Отныне я аккуратно обращался с острыми предметами.

Сейчас они разглядывали мальчика. Внезапно мой мозг словно отключился, я потерял контроль над собой. *Окно приоткрылось.* Мои собственные глаза перестали видеть, а чужие словно препарировали на фоне гипсовомертвого моря и зловеще пурпурного неба загадочное и ненавистное существо с непонятным предметом из дерева и проволочной сетки, вызывающим в своей прямоугольности.

Мне никогда не узнать, о чем подумал этот бедолага с решетом под мышкой, с карманами, набитыми туристскими монетками, о чем он подумал, видя простертые к нему руки, руки незрячего дирижера, потерявшего свой безумный оркестр, о чем он подумал перед тем, как его черепная коробка лопнула, точно мыльный пузырь.

Зато мне хорошо известно, о чем подумал я.

Я подумал о том, что шагнул за край самой жизни и оказался низвергнут в геенну огненную.

Тучи окончательно затянули небо, и на дюны опустились сумерки. Ветер рвал бинты у меня из рук.

— Ричард, обещай мне...— приходилось почти кричать, так завывало вокруг.— Обещай, что побежишь, если... если я попытаюсь причинить тебе боль. Обещаешь?

— Хорошо.— Воротник открытой на груди рубашки Ричарда хлопал на ветру. Лицо его сделалось сосредоточенным.

Последние бинты упали к моим ногам.

Я поднял глаза на Ричарда, и *они* тоже. Я видел человека, которого успел полюбить за пять лет. *Они* видели бесформенную человеческую тушу.

— Убедился?— спросил я охрипшим голосом.— Теперь ты убедился?

Он невольно попятился. Лицо исказил ужас. Сверкнула молния, и через секунду гром прокатился по черной поверхности залива.

— Артур...

Господи, как же он мерзок! И я с ним встречался, вел с ним беседы! Это же не человек, это же...

— Беги! Беги, Ричард!

Он побежал. Помчался большими прыжками, нелепо раскидывая руки. Мои зрячие пальцы сами потянулись вверх, к тучам, к единственной близкой им реальности в этом мире кошмаров.

И тучи *им* ответили.

Небо сверху донизу прошила гигантская молния, словно предвещая конец света. И Ричард словно испарился — остался запах озона и другой, горелый запах.

...Очнулся я на крыльце в своем кресле. Гроза миновала, воз-

дух был по-весеннему свеж. Светила луна. На всем пространстве девственно белых дюн не видно было ни Ричарда, ни его вездехода.

Я посмотрел на руки. Глаза были открытые, остекленевшие. Отдав всю свою энергию, они дремали.

И я решился. Прежде чем окно приотворится еще на дюйм, я должен его захлопнуть. Навсегда. Вот уже начались необратимые изменения: пальцы явно короче и какие-то... не такие.

В гостиной был камин, зимой я его растапливал, спасаясь от промозглого флоридского холода. Сейчас я это сделал с завидной быстротой — они могли проснуться в любую минуту.

Дождавшись, когда огонь хорошо разгорится, я съездил за канистрой и опустил в нее обе руки. От адской боли глаза на пальцах чуть не вылезли из орбит. Я испугался, что не успею добраться до камина.

Но я успел.

Все это происходило семь лет назад.

Я по-прежнему во Флориде и по-прежнему люблю смотреть, как взлетают ракеты. В последнее время это происходит чаще: нынешняя администрация проявляет к космосу куда больший интерес. Поговаривают о новой серии запусков на Венеру пилотируемых кораблей.

Я выяснил, как звали мальчика, хотя это, конечно, ничего не меняло. Он действительно жил на хуторе. Его мать посчитала, что он уехал на материк, и забила тревогу только в понедельник. Что касается Ричарда... у нас в округе его всегда держали за чудака. Все сошлись на том, что он вдруг отчалил в свой родной Мэриленд или сбежал с какой-нибудь новой знакомой.

У меня тоже репутация большого чудака, но относятся ко мне терпимо. Согласитесь, немногие из бывших астронавтов забрасывают своих конгрессменов в Вашингтоне письмами о том, что ассигнования на космос следовало бы употребить с большей пользой.

Я научился вполне сносно управлять своими крючками. Целый год меня мучили сильные боли, но человек ко всему привыкает. Я сам бреюсь и сам завязываю шнурки. А как я печатаю на машинке, вы уже могли убедиться. Словом, не думаю, что мне будет трудно вставить в рот стволы дробовика и нажать на спуск. Видите ли, три недели назад история повторилась.

Дюжина золотистых глаз, расположившихся по окружности, проступила у меня на груди.

И ПРИШЕЛ БУКА

Мужчина, лежавший на кушетке, был Лестер Биллингс из Уотербери, Коннектикут. Согласно записи в формуляре, сделанной сестрой Викерс: двадцать восемь лет, служащий индустриаль-

ной фирмы в Нью-Йорке, разведен, отец троих детей. Все дети умерли.

— Я не могу обратиться к священнику, потому что неверующий. Не могу к адвокату, потому что за такое дело он не возьмется. Я убил своих детей. Одного за другим. Первого, второго, третьего.

Доктор Харпер включил магнитофон.

Биллингс лежал прямой как палка — каждый мускул напряжен, руки сложены на груди, как у покойника, ноги свешиваются с кушетки. Портрет человека, приготовившегося пережить унижение. Он уставился в белый потолок так, словно на нем было что-то изображено.

— Хотите ли вы этим сказать, что вы самолично их убили, или...

— Нет,— нетерпеливо отмахнулся он.— Но они все на моей совести. Денни в шестьдесят восьмом. Шерли в семьдесят первом. Энди совсем недавно. Я хочу рассказать вам, как все было.

Харпер промолчал. Он думал о том, что Биллингс выглядит изможденным и старше своих лет. Волосы поредели, цвет лица нездоровый. Под глазами мешки от пристрастия к спиртному.

— Они были убиты, но никто этого не понимает. Если бы понимали, мне стало бы легче.

— Почему?

— Потому что...

Биллингс осекся и, приподнявшись на локтях, уставился в одну точку.

— Что там?— резко спросил он. Глаза сузились до щелок.

— Где?

— За дверью?

— Чулан,— ответил доктор Харпер.— Я вешаю там плащ и ставлю галоши.

— Откройте. Я хочу посмотреть.

Доктор, не говоря ни слова, подошел к чулану и открыл дверь. На вешалке висел рыжеватый дождевик, внизу стояла пара резиновых сапог, из одного торчал номер «Нью-Йорк таймс». Больше ничего.

— Все в порядке?— спросил Харпер.

— Да.— Биллингс снова вытянулся на кушетке.

— Вы сказали,— напомнил доктор, садясь на стул,— что если бы факт убийства был доказан, вам стало бы легче. Почему?

— Я бы получил пожизненное, а в тюрьме все камеры просматриваются. Все,— он улыбнулся неизвестно чему.

— Как были убиты ваши дети?

— Только не вздумайте тянуть из меня подробности!— Биллингс повернулся на бок и с неприязнью уставился на Харпера.— Я сам скажу. Я не из тех, кто привык тут у вас изображать из себя Наполеона или объяснять, что он пристрастился к героину из-за того, что в детстве его не любила мамочка. Вы мне не пове-

рите, я знаю, но это неважно. Мне все равно. Для меня главное — рассказать.

— Я вас слушаю,— доктор Харпер достал из кармана трубку.

— Мы с Ритой поженились в шестьдесят пятом, мне стукнул двадцать один, ей восемнадцать. Она уже ждала ребенка. Это был Денни.— На лице Биллингса появилась вымученная улыбка, которая тут же погасла.— Мне пришлось бросить колледж и зарабатывать на жизнь, но я не жалел ни о чем. Я любил жену и сына. Мы были счастливой семьей.

Вскоре после рождения нашего первенца Рита снова забеременела, и в декабре шестьдесят шестого на свет появилась Шерли. Энди родился летом шестьдесят девятого, к тому времени Денни уже не было в живых. Энди был зачат случайно. Это не мои слова. Рита мне потом объяснила, что противозачаточные средства иногда дают сбой. Случайно? Сомневаюсь. Дети связывают мужчину по рукам и ногам, а женщине только этого и надо, особенно когда мужчина умней ее. Вы со мной согласны?

Харпер неопределенно крякнул.

— Не суть важно. Я его сразу полюбил,— он произнес это с какой-то мстительной интонацией, словно ребенка он полюбил назло жене.

— И кто же убил детей?— спросил доктор.

— Бука,— тотчас ответил Лестер Биллингс.— Всех троих убил Бука. Вышел из чулана и убил.— Он криво усмехнулся.— Считаете меня сумасшедшим? По лицу вижу. А мне как-то все равно. Расскажу эту историю, и больше вы меня не увидите.

— Я вас слушаю,— повторил Харпер.

— Это началось, когда Денни было около двух, а Шерли только родилась. Ее кровать стояла рядом с нашей, Денни же спал в другой спальне. С какого-то момента он начал постоянно плакать, стоило Рите уложить его на ночь. Я сразу решил, что это он из-за бутылочки с молоком, которую ему перестали давать в постель. Рита считала, что не стоит идти на принцип, пусть, дескать, пьет себе в свое удовольствие, скоро сам отвыкнет. Вот так в детях воспитывают дурные наклонности. Напозволяют им черт-те чего, испортят, а после за сердце хватаются, когда он в пятнадцать лет подружку обрюхатит или сядет на иглу. Или еще хуже — сделается «голубым». Представляете? Просыпаетесь в один прекрасный день, а ваш сын «голубой».

Короче, я стал его сам укладывать. Плачет — я ему шлепок. Рита мне: «Знаешь, он все время повторяет: свет, свет». Не знаю, разве можно разобрать, чего они там лепечут. Конечно, матери — оно виднее...

Рита предложила оставлять включенным ночник. У нас был такой, знаете, с Мики Маусом на абажуре. Я запретил. Если не преодолеет страх перед темнотой в два года, всю жизнь будет бояться.

Да... В общем, он умер в первое лето после рождения Шерли.

Я уложил его, помнится, в кровать, и он с ходу начал плакать. В тот раз я даже разобрал, что он там лепечет сквозь слезы. Он показывал пальчиком на чулан и приговаривал: «Бука, папа... Бука...»

Я выключил ночник и, придя в нашу спальню, спросил у Риты, зачем она научила ребенка этому слову. Она сказала, что не учила. «Врешь, дрянь»,— сказал я. Хотел даже устроить ей легкую выволочку, но сдержался.

Лето тогда выдалось тяжелое, понимаете. Никак не мог найти работу и вот нашел: грузить на складе ящики с пепси-колой. Дома валился от усталости. А тут еще Шерли по ночам орет, и Рита ее без конца укачивает. Я был готов выкинуть их обеих в окно, честное слово. Дети иногда могут до того довести, так бы, кажется, своими руками и задушил.

В ту ночь Денни разбудил меня в три, как по часам. Я поплелся в уборную, можно сказать, с закрытыми глазами, а Рита мне вдогонку: «ты не подойдешь к нему?» Сама, говорю, подойдешь. Ну и завалился снова в постель. Уже совсем засыпал, когда она подняла истошный крик.

Я встал и пошел в другую спальню. Малыш лежал на спине, мертвый. В лице ни кровинки, глаза открыты. Это было самое страшное: открытые остекленевшие глаза. Помните фотографии убитых детей во Вьетнаме? Вот такие глаза. У американского ребенка не должно быть таких глаз. Он лежал на спине в подгузнике и клеенчатых трусах — последние две недели он стал опять мочиться. В общем, жуть. Такой был чудный парень...

Биллингс помотал головой, на губах появилась уже знакомая вымученная улыбка.

— Рита вопила как резаная. Она хотела взять его на руки и покачать, но я не позволил. Полицейские не любят, когда прикасаются к вещественным доказательствам. Я это точно знаю...

— Вы тогда догадывались, что это Бука? — мягко перебил его доктор Харпер.

— Нет, что вы. Гораздо позже. Но я обратил внимание на одну деталь. Тогда она не показалась мне какой-то особенной, но в память запала.

— Что же?

— Дверь в чулан была приоткрыта. На одну ладонь. А я ее сам закрывал, это я отлично помнил. У нас там стояли пакеты с порошком для сухой чистки. Сунет ребенок голову в такой пакет — и хлоп: асфиксия. Слыхали о таких случаях?

— Да. Что было дальше?

Биллингс передернул плечами.

— Похоронили, что.— Он с тоской поглядел на свои руки, которым пришлось бросать горсть земли на три детских гробика.

— Медицинское освидетельствование проводили?

— А то как же.— В глазах Биллингса блеснула издевка.— Деревенский олух со стетоскопом и черным саквояжем, а в сак-

вояже — мятные карамельки и диплом ветеринарной школы. Сказать, какой он поставил диагноз? «Младенческая смерть»! Залудил, а? Это про двухгодовалого ребенка!

— О младенческой смерти обычно говорят применительно к первому году,— осторожно заметил доктор Харпер,— но иногда, за неимением лучшего термина, врачи употребляют его...

— Чушь собачья! — Биллингс словно выплюнул эти два слова.

Доктор разжег погасшую трубку.

— Через месяц после похорон мы перенесли Шерли в комнату Денни. Рита стояла насмерть, но последнее слово было за мной. Далось мне это нелегко, можете мне поверить. Мне нравилось, что малышка при нас. Но над детьми нельзя дрожать, так их только испортишь. Когда моя мать брала меня с собой на пляж, она себе голос срывала от крика: «Не заходи в воду! Осторожно, там водоросли! Ты только что поел! Не ныряй!» Акулами меня пугала, дальше уже ехать некуда. И что же? Теперь я к воде близко не подойду. Ей-богу. У меня при одном ее виде ногу судорогой сводит. Когда Денни еще был жив, Рита меня достала: свози их в Сэвин Рок. Так вот, меня там чуть не стошнило. Короче, в этих делах я кое-что смыслю. Над детьми нельзя дрожать. И самим тоже нельзя раскисать. Жизнь продолжается. Так что Шерли сразу переехала в кроватку Денни. Только матрас мы выбросили на свалку — сами понимаете, микробы, то-се.

Год проходит. Укладываю я Шерли спать, а она вдруг устраивает настоящий концерт. «Бука,— кричит,— Бука!»

Я аж вздрогнул. Прямо как Денни. Тут в памяти и всплыла приоткрытая дверь в чулан. Сразу захотелось унести Шерли в нашу спальню.

— Даже так?

— Нет, «захотелось»,— это, конечно, громко сказано.— Взгляд Биллингса снова упал на руки, и сразу щека задергалась.— Не мог же я признать перед Ритой, что оказался не прав. Я обязан был проявить силу воли. Вот она бесхарактерная... запросто легла со мной в постель, когда браком еще и не пахло.

Харпер не удержался:

— А если взглянуть иначе, то это *вы* запросто легли с ней в постель задолго до женитьбы.

Биллингс оставил в покое свои руки и повернулся к доктору.

— Умника из себя строите?

— Вовсе нет.

— Тогда не мешайте мне рассказывать по-моему,— огрызнулся Биллингс.— Я пришел облегчить душу. Вспомнить, как все было. Если вы ждали, что я здесь начну расписывать всякие постельные подробности, то вы сильно просчитались. У нас с Ритой был здоровый секс, никаких там грязных извращений. Я знаю, некоторые заводятся, рассказывая про всякое такое, но я не из их числа, понятно?

— О'кей,— примирительным тоном сказал доктор.

— О'кей,— в тоне Биллингса был вызов, но не было уверенности. Казалось, он потерял нить разговора и только беспокойно поглядывал на плотно прикрытую дверь чулана.

— Открыть?— спросил Харпер, проследив его взгляд.

— Нет!— вскинулся Биллингс и позволил себе нервный смешок.— Что я, галош не видал?

Он помолчал.

— Шерли тоже стала жертвой Буки.— Биллингс потер лоб, словно помогая себе воскресить детали.— Не прошло и месяца. Но перед этим кое-что случилось. Однажды ночью я услышал шум, а затем ее крик. В холле горел свет, и я быстро добежал до соседней спальни. Я распахнул дверь и увидел... она сидела в кроватке, вся в слезах, а в затененном пространстве перед чуланом... что-то двигалось... шлепало по мокрому.

— Дверь была открыта?

— Немного. На ладонь.— Биллингс облизал губы.— Шерли кричала: «Бука, Бука!» И еще что-то, вроде «уан». Прибежала Рита: «Что стряслось?» «Испугалась,— говорю,— теней от веток на потолке».

— Вы сказали «уан»?

— А что?

— Может быть, она хотела сказать «чулан»?

— Может быть. А может, и нет,— он перешел на шепот и как-то странно покосился на дверь.

— Вы заглянули в чулан?

— Д-да.— Биллингс сжал пальцы так, что побелели суставы.

— И увидели там Б...

— Ничего я не увидел!— взвился Биллингс. Слова вдруг хлынули из него потоком, точно где-то внутри вытащили пробку:— Она вся почернела, слышите? А глаза, глаза смотрели прямо на меня, словно говорили: «Вот он меня убил, а ты ему помог, ты ушел в другую комнату...»

Он бормотал нечто невразумительное, на глаза навернулись слезы.

— В Хартфордском госпитале, после вскрытия, мне сказали, что она проглотила собственный язык из-за мозговой спазмы. Я уехал оттуда один, потому что Риту они накачали транквилизаторами. Она была не в себе. Я возвращался и думал: «Чтобы у ребенка случилась мозговая спазма, его надо до смерти напугать». Я возвращался домой и думал: «Там прячется *оно*».

Биллингс помолчал и прибавил, понижая голос:

— Я лег спать на кушетке. С зажженным светом.

— Что-нибудь еще произошло в ту ночь?

— Мне приснился сон. Темная комната, а рядом, в чулане... кто-то, кого я не могу толком разглядеть. Оно там... шуршало. Этот сон напоминал мне комикс, который я читал в детстве «Таинственные истории» — помните эту книжку? Картинки к ней

делал этот тип Грэм Инглз, он мог нарисовать вам любую жуть, какая только есть на свете... и какой нет — тоже. Короче, была там история про женщину, утопившую своего мужа. Она привязала ему к ногам по камню и столкнула в карьер, заполненный водой. А он возьми и явись домой. Распухший, зеленый, весь в водорослях. Пришел и убил ее... И вот я, значит, проснулся среди ночи оттого, что будто надо мной кто-то наклонился...

Доктор Харпер взглянул на часы, встроенные в письменный стол: Лестер Биллингс говорил почти тридцать минут. Доктор спросил:

— Как повела себя по отношению к вам жена после возвращения из больницы?

— Она по-прежнему меня любила,— в голосе Биллингса звучала гордость.— И по-прежнему готова была во всем меня слушаться. Жена есть жена, верно? Эти феминистки — все ненормальные. По-моему, так: всяк сверчок знай свой шесток. У каждого человека свой... как бы это сказать?..

— Свое место в жизни?

— Вот! — Биллингс щелкнул пальцами.— В самую точку. В семье главный кто — муж. В общем, первые месяцы Рита была как пришибленная — тенью слонялась по дому, не пела, не смеялась, не смотрела телевизор. Но я знал: это пройдет. К маленьким детям не успевают так уж сильно привязаться. Через год без карточки и не вспомнишь, как они выглядели. Она хотела нового ребенка,— добавил он мрачно.— Я был против. Не вообще, а пока. Надо ж сначала в себя прийти. Поживем, говорю, хоть немного в свое удовольствие. Когда нам было жить? В кино выбраться — носом землю роешь, кто бы посидел с ребенком. На бейсбольный матч съездить — детей к ее родителям подбрасываешь. Моя мать — та наотрез отказывалась. Не могла простить, что Денни родился не через положенные девять месяцев после свадьбы. Она называла Риту уличной девицей. У нее все были уличными девицами — ну не анекдот? Однажды она усадила меня перед собой и стала рассказывать, какими болезнями может наградить мужчину уличная... ну то есть проститутка. Назавтра у тебя на... члене появится краснота, а через неделю он отсохнет. Вот так. Она даже на свадьбу к нам не пришла.

Биллингс забарабанил по груди пальцами.

— Гинеколог предложил Рите поставить спираль. Это, говорит, с гарантией. Вы и знать не будете, что она у вас стоит.— Он усмехнулся, глядя в потолок.— Вот именно, никто не знает, стоит она там или не стоит. А потом — бац! — опять залетела. Правильно, с гарантией.

— Идеальных противозачаточных средств не существует,— подал голос доктор Харпер.— Таблетки, например, оставляют два процента риска. Что касается спирали, то ее могут вытолкнуть сокращения матки или месячные, или...

— Или ее просто вытаскивают.

— Тоже возможный вариант.

— Одним словом, она уже вяжет вещи для маленького и съедает целую банку пикулей в один присест. И щебечет, сидя у меня на коленях, что «это Господь так захотел». Смех собачий.

— Ребенок родился в конце года?

— Да. Мальчик. Эндрю Лестер Биллингс. Я к нему долгое время вообще не подходил. Она эту кашу заварила, пускай сама и расхлебывает. Вы меня, наверно, осуждаете, но не забудьте, что я пережил.

Ну а потом я оттаял, да-да. Из всех троих он единственный был на меня похож. Денни пошел в мать, а Шерли вообще неизвестно в кого, ну разве что в мою бабку. Зато Энди был вылитый я.

После работы я всегда играл с ним в манеже. Схватит меня за палец, вот так, и заливается. Представляете, парню девять недель, а он уже улыбается до ушей своему папашке.

Раз, помню, выхожу из лавки... с прыгунком. Это я-то! Я всегда говорю: дети не ценят своих родителей, а вырастут, еще спасибо скажут. Я когда начал ему покупать все эти штучки-дрючки, сам почувствовал, как к нему привязался. Я тогда уже устроился на приличное место, в компанию «Клюэтт и сыновья», продавать запчасти. Неплохие, между прочим, деньги зарабатывал. И когда Энди исполнился год, мы переехали в Уотербери. В прежнем доме было слишком много тяжелых воспоминаний... и чуланов.

Следующий год был наш год. Я бы отдал все пальцы на правой руке, чтобы его вернуть. Конечно, еще был Вьетнам, и хиппи разгуливали по улицам в чем мать родила, и черномазые шумели о своих правах, но нас все это не касалось. Мы жили на тихой улице с симпатичными соседями. Да, счастливое было времечко. Я раз спросил Риту, нет ли у нее страха. Бог любит троицу и все такое. А она мне: «Это не про нас». Понимаете, она считала, что господь отметил нашего Энди, что он очертил вокруг него священный круг.

Лицо Биллингса, обращенное кверху, исказила страдальческая гримаса.

— Ну а потом все как-то стало разваливаться. В самом доме что-то изменилось. Я начал оставлять сапоги в холле, чтобы лишний раз не заглядывать в чулан. «Вдруг *он* там? — говорил я себе. — Притаился и ждет, когда я открою дверь». Мне уже мерещилось: шлеп-шлеп... весь зеленый, в водорослях, и с них вода капает.

Рита забеспокоилась, не много ли я взвалил на себя работы, и тут я ей выдал, как в былые времена. Каждое утро у меня сжималось сердце оттого, что они остаются вдвоем в доме, но сам при этом, учтите, не хотел лишнюю минуту задержаться. Я начал думать, что *оно* потеряло нас из виду, когда мы переехали. Оно нас повсюду искало, вынюхивало наши следы. И наконец нашло. Теперь оно подстерегает Энди... и меня тоже. Понимаете, если по-

стоянно о чем-то таком думать, это превращается в реальность. Реальность, способную убивать детей и... и...

— Вы боитесь договаривать, мистер Биллингс?

Он не отвечал. Часы отсчитали минуту, две...

— Энди умер в феврале,— резко нарушил он молчание.— Риты дома не было. Ей позвонил отец и сказал, что ее мать находится в критическом состоянии. Рита уехала в тот же вечер. Критическое состояние продлилось ни много ни мало два месяца. Днем, когда я был на работе, за Энди присматривала одна женщина, добрая душа. А ночью я уже сам.

Биллингс облизал губы.

— Малыша я укладывал в нашей спальне. Забавно. Ему было два года, и Рита меня как-то спросила, не хочу ли я перенести его кровать в другую спальню. Вычитала у Спока или у кого-то из этой компании, что детям вредно спать в одной комнате с родителями. Из-за секса и всякого такого. Не знаю, лично мы этим занимались, когда он засыпал. И вообще, честно вам скажу, не хотелось мне убирать его от нас. Страшно было... после Денни и Шерли.

— Но вы его убрали?— полуутвердительно спросил Харпер.

— Да,— Биллингс выдавил из себя виноватую, жалкую улыбку.— Убрал.

И снова мучительное молчание.

— Я был вынужден!— взорвался он.— Вы слышите меня, вынужден! Когда Рита уехала, он... оно осмелело. Начало... Нет, вы мне не поверите. Однажды ночью все двери в доме вдруг открылись настежь. В другой раз, утром, я обнаружил цепочку грязных следов на полу, между чуланом и входной дверью. Пластинки выпачканы илом, зеркала разбиты... и эти звуки... звуки...

Он запустил пятерню в свою поредевшую шевелюру.

— Под утро просыпаешься — как будто только часы тикают, а вслушаешься — крадется! Но не бесшумно, нет, а чтобы его слышали! Точно лапами — легко так — по полу. А ты лежишь... и с открытыми глазами-то страшно: еще, не дай Бог, увидишь, и закрыть боязно — сейчас как ударит в лицо хохотом и гнилью... и за шею тебя скользкими своими щупальцами...

Биллингс, белый как полотно, пытался совладать с дрожью.

— Я вынужден был убрать малыша от нас. Я знал, что *оно* окажется тут как тут, ведь Энди — слабейший. Так все и вышло. Среди ночи он закричал, и когда я, собрав все свое мужество, перешагнул порог его спальни, Энди, стоя в кровати, повторял: «Бука... Бука... хочу к папе...».

Голос Биллингса сорвался на детский фальцет. Он весь словно съежился на кушетке.

— Но я не мог его забрать в нашу спальню. Не мог, поймите вы это... А через час крик повторился, но уже какой-то сдавленный. Я сразу кинулся на этот крик, уже ни о чем не думая. Когда я ворвался в спальню, *оно* трясло моего мальчика, словно терьер

какую-нибудь тряпку... трясло, пока у Энди не хрустнули шейные позвонки...

— А вы?

— А я бросился бежать,— бесцветным, неживым голосом отвечал Биллингс.— Прямиком в ночное кафе. Вот что значит душа в пятки ушла. Шесть чашек кофе, одну за другой. А затем уже отправился домой. Светало. Первым делом я вызвал полицию. Когда мы вошли в спальню, мальчик лежал на полу, в ушке запеклась капля крови. Дверь в чулан была приоткрыта на ладонь.

Он умолк. Доктор Харпер взглянул на циферблат: прошло пятьдесят минут.

— Запишитесь на прием у сестры,— сказал доктор.— Вам придется походить ко мне. Вторник и четверг вас устраивают?

— Я пришел рассказать историю, больше ничего. Думал облегчить душу. Знаете, полиции я тогда соврал. Он у нас, говорю, уже выпадал из кроватки... и они это проглотили. А что им, интересно, оставалось? Картина обычная. Сколько таких несчастных случаев. А вот Рита догадалась. Уж не знаю как... но она... догадалась...

Он прикрыл глаза ладонью и заплакал.

— Мистер Биллингс, нам предстоит долгий разговор,— сказал доктор Харпер после небольшой паузы.— Надеюсь, я помогу вам освободиться, хотя бы частично, от чувства вины, которое гнетет вас. Но для этого вы сами должны хотеть освободиться.

— А вы думаете, я не хочу?— Биллингс убрал ладонь. В красных слезящихся глазах стояла мольба.

— Пока я в этом не уверен,— осторожно сказал Харпер.— Итак, вторник и четверг?

После некоторого молчания Биллингс недовольно проворчал:

— Психиатры чертовы. Ладно, будь по-вашему.

— Тогда запишитесь у приемной сестры, мистер Биллингс. Желаю вам удачного дня.

Биллингс хмыкнул и вышел из кабинета, даже не оглянувшись.

Сестры за столом не оказалось. Аккуратная табличка извещала: ВЕРНУСЬ ЧЕРЕЗ МИНУТУ.

Биллингс снова заглянул в кабинет.

— Доктор, если приемная сестра...

Никого.

Только дверь в чулан приоткрыта на ладонь.

— Чудненько,— донесся оттуда приглушенный голос. Можно было подумать, что у говорившего рот набит водорослями.— Чудненько.

Биллингс прирос к полу, чувствуя, как между ног расползается теплое влажное пятно.

Дверь чулана открылась.

— Чудненько,— повторил Бука, вылезая на свет.

В зеленоватых пальцах утопленника он держал маску... лицо доктора Харпера.

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ НИКОМУ НЕ ПОДАВАЛ РУКИ

За окном был морозный вечер, часы пробили восемь, и вскоре мы все перебрались в библиотеку, прихватив с собой бокалы, которые Стивенс не забывал вовремя наполнять. Довольно долго тишину нарушали только треск огня в камине, отдаленное постукивание бильярдных шаров да вой ветра. Но в доме номер 249в было тепло.

Помнится, справа от меня в тот вечер сидел Дэвид Адли, а слева Эмлин Маккэррон — однажды он нас напугал рассказом о женщине, разродившейся в немыслимых обстоятельствах. Против меня сидел Йоханссон с «Уоллстрит мэгэзин» на коленях.

Вошел Стивенс и вручил Джорджу Грегсону ненадписанный пакет. Стивенс — идеальный дворецкий, невзирая на заметный бруклинский акцент (или благодаря ему), и главное его достоинство состоит в том, что он всегда безошибочно угадывает, кому передать послание, если адресат не указан.

Джордж взял пакет и какое-то время неподвижно сидел в своем высоком кресле с подголовником, глядя на огонь в камине, где при желании можно было бы зажарить здорового бычка. Я видел, как в его глазах что-то промелькнуло, когда взгляд его упал на афоризм, выбитый на каменном цоколе: СЕКРЕТ В РАССКАЗЕ, А НЕ В РАССКАЗЧИКЕ.

Он разорвал пакет своими старческими дрожащими пальцами и швырнул содержимое в огонь. Вспыхнула яркая радуга, которая вызвала у присутствующих легкое оживление. Я обернулся к Стивенсу, стоявшему в тени у двери. Руки сложены за спиной, лицо бесстрастно.

Внезапно молчание нарушил скрипучий, немного ворчливый голос Джорджа, и мы все вздрогнули. Во всяком случае за себя ручаюсь.

— Однажды я был свидетелем того, как в этой темноте убили человека,— сказал Джордж Грегсон,— хотя никакой суд не вынес бы убийце обвинительного приговора. Кончилось, однако, тем, что он сам себя осудил и сам привел приговор в исполнение.

Установилась пауза, пока он разжигал трубку. Его морщинистое лицо окутал голубоватый дым; спичку он загасил замедленным движением ревматика. Он бросил спичку на горячий пепел, оставшийся после сожженного пакета, и проследил за тем, как она обуглилась. Под кустистыми седоватыми бровями прятались цепкие синие глаза, выражавшие сейчас задумчивость. Крупный нос крючком, узкие жесткие губы, втянутая в плечи голова.

— Не дразните нас, Джордж,— проворчал Питер Эндрюс.— Рассказывайте.

— Расскажу. Наберитесь терпения.

Мы ждали, пока он вполне не удовлетворился тем, как раскурена трубка. Уложив в глубокую чашечку из корня верескового дерева аккуратный слой угольков, Джордж сложил на коленях подрагивающие руки и начал:

— Так вот. Мне восемьдесят пять лет, а то, что я собираюсь вам рассказать, случилось, когда мне было двадцать или около того. Если быть точным, в 1919-м. Я как раз вернулся с Большой Войны. Пятью месяцами ранее умерла моя невеста, от инфлюэнцы. Ей едва исполнилось девятнадцать. Боюсь, что спиртному и картам я тогда уделял чрезмерное внимание. Видите ли, она ждала меня два года, и не проходило недели, чтобы я не получил от нее письма. Да, я загулял и потерял чувство меры; может быть, вы скорее меня поймете, узнав, что я тогда не имел никакой опоры ни в семье, ни в вере — из окопов, знаете, догматы христианства выглядят в несколько комическом свете. Зато не покривив душой, могу сказать, что настоящие друзья, которые были со мной в дни испытаний, не оставляли меня одного. Их у меня было пятьдесят три (многие ли похвастаются таким числом?): пятьдесят две карты в колоде да бутылка виски «Катти Сарк». Между прочим, поселился я в этих самых апартаментах на Бреннан-стрит. Правда, стоили они тогда несравнимо дешевле, и лекарств на полке было куда меньше. А вот времени я здесь проводил, пожалуй, столько же — в доме номер 249в и тогда легко было составить компанию для покера.

Тут его перебил Дэвид Адли, и, хотя на губах его играла улыбка, вопрос прозвучал со всей серьезностью:

— А что Стивенс? Он уже служил у вас, Джордж?

Грегсон повернулся к дворецкому:

— Стивенс, вы служили мне тогда, или это был ваш отец?

Ответ сопровождался отдаленным подобием улыбки:

— Я полагаю, шестьдесят пять лет назад этим человеком мог быть мой дед, сэр.

— Во всяком случае, место вы получили по наследству,— философски изрек Адли.

— Как вам будет угодно,— вежливо откликнулся Стивенс.

— Я вот сейчас вспоминаю его,— снова заговорил Джордж,— и, знаете, Стивенс, вы поразительно похожи на вашего... вы сказали *деда*?

— Именно так, сэр.

— Если бы вас поставить рядом, я бы, пожалуй, затруднился сказать, кто есть кто... впрочем, этого уже не проверишь, не так ли?

— Да, сэр.

— Ну так вот, я сидел в ломберной — вон за той дверью — и раскладывал пасьянс, когда увидел Генри Брауэра... в первый и в последний раз. Нас уже было четверо, готовых сесть за покер; мы ждали пятого. И тут Джейсон Дэвидсон сообщает мне, что

Джордж Оксли, наш пятый партнер, сломал ногу и лежит в гипсе, подвешенный к дурацкому блоку. Увы, подумал я, видимо, игра сегодня не состоится. Впереди долгий вечер, и нечем отвлечься от печальных мыслей, остается только раскладывать пасьянс и глушить себя слоновьими дозами виски. Как вдруг из дальнего угла раздался спокойный приятный голос:

— Джентльмены, речь, кажется, идет о покере. Я с удовольствием составлю вам компанию, если вы, конечно, не возражаете.

До этого момента гость сидел, зарывшись в газету «Уорлд», поэтому я впервые мог разглядеть его. Я увидел молодого человека со старым лицом... вы понимаете, о чем я? После смерти Розали на моем лице появились точно такие же отметины, только их было гораздо меньше. Молодому человеку, судя по его шевелюре, было не больше двадцати восьми, но опыт успел наложить отпечаток на его лицо, в глазах же, очень темных, залегла даже не печаль, а какая-то затравленность. У него была приятная наружность — короткие подстриженные усики, темно-русые волосы. Верхняя пуговица воротничка элегантного коричневого костюма была расстегнута.

— Меня зовут Генри Брауэр,— отрекомендовался он.

Дэвидсон тотчас бросился к нему с протянутой рукой, от радости он, кажется, готов был силой схватить покоившуюся на коленях ладонь молодого человека. И тут произошло странное: Брауэр выронил газету и резко поднял вверх обе руки, так что они оказались вне досягаемости. На его лице был написан ужас.

Дэвидсон остановился в замешательстве, скорее смущенный, чем рассерженный. Ему самому было двадцать два. Господи, какие же мы были... телята.

— Прошу прощения,— со всей серьезностью сказал Брауэр,— но я никогда не пожимаю руки!

Дэвидсон захлопал ресницами:

— Никогда? Как странно. Но отчего же?

Вы уже поняли, что он был настоящий теленок. Брауэр попытался объяснить ему как можно доходчивее, с открытой (хотя и страдальческой) улыбкой:

— Я только что из Бомбея. Удивительное место... толпы, грязь... эпидемии, болезни. На городских стенах охорашиваются стервятники. Я пробыл там два года в торговой миссии, и наша западная традиция обмениваться рукопожатием стала вызывать у меня священный ужас. Я отдаю себе отчет в том, что поступаю глупо и невежливо, но ничего не могу с собой поделать. И если вы не будете столь великодушны, что расстанетесь со мной без обиды в сердце...

— С одним условием,— улыбнулся Дэвидсон.

— Каким же?

— Вы сядете за игровой стол и пригубите виски моего друга Джорджа, а я пока схожу за Бейкером, Френчем и Джеком Уайлденом.

Брауэр учтиво кивнул и отложил в сторону газету. Дэвидсон круто развернулся и бросился за остальными партнерами. Мы с Брауэром пересели за стол, покрытый зеленым сукном, я предложил ему выпить, он вежливо отказался и сам заказал бутылку. В этом я усмотрел новое свидетельство его странной фобии и промолчал. Я знавал людей, чей страх перед микробами и заразными болезнями был сродни брауэровскому, если не сильнее. Вероятно, вам тоже известны подобные случаи.

Мы покивали в знак согласия, а Джордж продолжал:

— Как здесь хорошо,— задумчиво произнес Брауэр.— С тех пор, как я оставил службу в Индии, я избегал общества. Негоже человеку быть одному. Я полагаю, даже для самых независимых самоизоляция есть худшая из пыток!

Он сказал это с каким-то особым нажимом; я молча согласился. Что такое настоящее одиночество, я хорошо почувствовал в окопах, ночью. Еще острее — после смерти Розали. Я начинал проникаться симпатией к Брауэру, несмотря на столь откровенную эксцентричность.

— Бомбей, наверно, удивительный город,— заметил я.

— Удивительный... и отвратительный. С нашей точки зрения, многое в тамошней жизни просто не укладывается в голове. Например, их реакция на автомобили: дети шарахаются от них в сторону, а затем бегут за ними несколько кварталов. Самолет в глазах местных жителей — сверхъестественное чудовище. То, что мы воспринимаем с абсолютным спокойствием или с оттенком самодовольства, для них чудо; но, скажу вам честно, с таким же ужасом я впервые смотрел на уличного бродягу, проглотившего пачку стальных иголок и вытаскивавшего их одну за другой из открытых язв на кончиках пальцев. А для них это в порядке вещей.

— Как знать,— продолжил он с некоторой торжественностью,— возможно, этим двум культурам суждено было не смешиваться, но существовать обособленно, каждой со своими чудесами. Проглоти вы или я пакет с иголками, и нам не избежать медленной и мучительной смерти. А что касается автомобилей...— он умолк с отрешенным выражением лица.

Я собирался что-то сказать, но тут появился Стивенс-старший с бутылкой шотландского виски для Брауэра, а за ним Дэвидсон и остальные.

Прежде чем отрекомендовать своих приятелей, Дэвидсон обратился к Брауэру:

— Генри, я их предупредил о вашей маленькой причуде, так что можете ни о чем не беспокоиться. Позвольте вам представить: Даррел Бейкер... этот суровый мужчина с бородой — Эндрю Френч... и, наконец, Джек Уайлден. Джорджа Грегсона вы уже знаете.

Брауэр с учтивой улыбкой поклонился каждому, что как бы заменяло рукопожатие. Тут же были распечатаны три колоды карт, деньги обменены на фишки, и игра началась.

Мы играли шесть часов кряду. Я сорвал около двухсот долларов; Бейкер, игрок довольно слабый, оставил долларов восемьсот и глазом не моргнул (его отец владел тремя самыми крупными обувными фабриками в Новой Англии); Френч с Уайлденом поделили, примерно поровну, остальные шесть сотен. Дэвидсон оказался в небольшом плюсе, а Брауэр в таком же минусе, но для последнего остаться почти что при своих было равносильно подвигу: ему весь вечер фатально не шла карта. Он одинаково свободно чувствовал себя как в традиционной игре с пятью картами на руках, так и в новомодном варианте с семью картами, и, по-моему, он несколько раз сорвал банк на чистом блефе, на который сам я скорее всего не отважился бы.

Я обратил внимание: пил он изрядно, к последней сдаче почти усидел в одиночку бутылку виски, но язык у него не заплетался, играл он безошибочно и при этом был постоянно начеку, если чьи-то пальцы вдруг оказывались в опасной от него близости. В случае выигрыша он не забирал банк, пока все до последней фишки не были разменены на наличность или если кто-то по рассеянности не делал вовремя ставку. Один раз Дэвидсон поставил свой стакан рядом с его локтем, и Брауэр, отпрянув, едва не расплескал собственный. Бейкер удивленно поднял брови, но Дэвидсон разрядил обстановку.

Перед этим Джек Уайлден заявил, что ему предстоит неблизкая дорога в Олбани и что хорошо бы ограничиться последним кругом. Круг заканчивался на Френче, который объявил, что сдает по семь.

Я помню эту последнюю сдачу так же отчетливо, как свое имя; а спроси вы меня, с кем я вчера обедал и что подавали, я ведь, пожалуй, не отвечу. Вот они, парадоксы возраста. Впрочем, будь вы тогда на моем месте, вы бы тоже не забыли.

Мне сдали две червы в закрытую и одну в открытую. Про Уайлдена и Френча ничего не скажу, у Дэвидсона же был туз червей, а у Брауэра десятка пик. Дэвидсон прошел двумя долларами — пять был потолок,— и все получили еще по одной открытой карте. Я прикупил к трем червям четвертую, Брауэр — валета пик к десятке. Дэвидсону досталась тройка, и, хотя это вряд ли поправило его дела, он добавил еще три доллара. «Последняя игра,— весело сказал он.— Не скупитесь, мальчики! Завтра мне предстоит угощать одну даму!»

Нагадай мне кто-нибудь, что эта фраза будет преследовать меня всю мою жизнь, я бы не поверил.

Френч в третий раз сдал по одной в открытую. Мне для цвета ничего не пришло, а вот Бейкер, главный неудачник, составил пару — кажется, королей. Брауэр получил двойку бубен, которая была ему как-то ни к чему. Бейкер со своей парой поставил пять долларов, максимум, Дэвид не задумываясь поставил еще пять. Остальные поддержали, и Френч в последний раз сдал в открытую. Я прикупил короля червей и оказался с цветом, Бейкер взял

к своей паре третьего короля. Дэвидсон увидел второго туза, и глаза у него заблестели. Брауэру досталась трефовая дама, и почему он сразу не вышел из игры, я, убей меня Бог, понять не мог: казалось, в очередной раз за этот вечер он оказался ни с чем.

Ставки резко возросли. Бейкер дал пять, Дэвидсон пять добавил, Брауэр поставил десять. Со словами: «Ну, с моей парой мне здесь делать нечего»,— Джек Уайлден сбросил карты. Я поставил десять и еще пять. Бейкер поставил и накинул столько же.

Я не стану утомлять вас скучными подробностями. Замечу лишь, что каждый мог трижды пройтись по максимуму, и все мы — Бейкер, Дэвидсон и я — воспользовались этим правом. Брауэр — тот всякий раз просто доставлял, выждав паузу, когда все уберут руки от денег. А денег уже собралось немало — двести с чем-то. И тогда Френч раздал по последней, в закрытую.

Воцарилось молчание, пока все смотрели свои карты, хотя мне-то смотреть было не на что, у меня уже была комбинация и, судя по общему раскладу, сильная. Бейкер поставил пять, Дэвидсон увеличил, и мы все поглядели на Брауэра. Тот давно снял галстук и расстегнул вторую пуговицу, к щекам прихлынула кровь от выпитого виски, но он оставался все таким же невозмутимым. «Десять... и еще пять»,— сказал он.

Я даже сморгнул от удивления: я не сомневался, что он скинет. Ну а с моими картами я, конечно, должен был играть на выигрыш, поэтому я приплюсовал еще пять долларов. Мы торговались без ограничений, и банк рос как на дрожжах. Я остановился первым, довольный уже тем, что, по-видимому, накажу кого-то с фулем. За мной последовал Бейкер, уже кидавший подозрительные взгляды то на Дэвидсона с его парой тузов, то на Брауэра с его загадочным пшиком. Как уже говорилось, Бейкер был слабый игрок, но его хватало на то, чтобы учуять в воздухе опасность.

Дэвидсон и Брауэр поднимали ставки еще раз по десять, если не больше. Мы с Бейкером вынужденно отвечали — слишком много было поставлено. Фишки у всех кончились, и поверх груды пластмассовых кругляшек росла гора бумажных денег.

— Ну ладно,— сказал Дэвидсон после того, как Брауэр в очередной раз поднял банк,— пожалуй, я раскроюсь. Если это был блеф, Генри, то он вам вполне удался. Но я должен вас проверить, да и Джеку предстоит дальняя дорога.— С этими словами он бросил пять долларов и повторил: — Раскроемся.

Не знаю, как другие, а я почувствовал облегчение, не имевшее, кстати, никакого отношения к выложенной сумме. Игра пошла на выживание, и если мы с Бейкером могли себе позволить проиграть, то для Дэвидсона это был вопрос жизни. Он не вылезал из долгов, имея источником дохода скромное наследство, оставленное ему тетушкой. Ну а Брауэр — был ли ему такой проигрыш по средствам? Не забывайте, джентльмены, на кону стояло свыше тысячи долларов.

Джордж умолк. Его трубка погасла.

— А дальше? — весь подался вперед Адли.— Не дразните нас, Джордж. Видите, мы ерзаем от нетерпения. Огорошьте нас неожиданным финалом или успокойте.

— Немного выдержки, мой друг,— невозмутимо отвечал Джордж. Он чиркнул спичкой о подошву туфли и принялся раскуривать трубку. Мы напряженно ждали, храня молчание. За окном подвывал ветер.

Но вот все уладилось, трубка задымила, и Джордж продолжал:

— Как вам известно, правила покера гласят: тот, кто предлагает открыться, первым показывает карты. Но Бейкер не мог больше выносить напряжения, он перевернул одну из своих карт, лежавших лицом вниз, и все увидели королевское каре.

— У меня меньше,— сказал я.— Цвет.

— Тогда банк мой,— обратился к Бейкеру Дэвидсон и перевернул две карты. У него оказалось каре на тузах.— Отлично сыграно, господа.

И он начал сгребать гору денег.

— Подождите! — остановил его Брауэр. Он не взял Дэвидсона за руку, как мог бы поступить любой из нас, но и одного этого слова было достаточно. Дэвидсон замер с отвисшей челюстью — у него словно атрофировались лицевые мускулы. А Брауэр перевернул все три карты, и обнаружился... флеш-рояль, от восьмерки до дамы.— Я думаю, это будет старше вашего каре.

Дэвидсон покраснел, потом побледнел.

— Да,— неуверенно выдавил он из себя, словно такая последовательность комбинаций была ему в новинку.— Да, старше.

Я дорого бы дал, чтобы узнать, чем был вызван последовавший затем жест Дэвидсона. Он ведь отлично знал, что Брауэр терпеть не мог, когда к нему прикасаются; тому было множество свидетельств за этот вечер. Может, Дэвидсон запамятовал, уж очень ему хотелось показать Брауэру (и всем нам), что даже такой проигрыш ему по карману, и он способен перенести удар столь сокрушительной силы как истинный джентльмен. Я уже говорил вам, что он был этакий теленок, так что жест был вполне в его характере. Но не забудем: если теленка раздразнить, он может и боднуть. Не убьет, конечно, и кишки не выпустит, но одним-двумя швами можно поплатиться. Такой поступок тоже был бы в характере Дэвидсона.

Да, я дорого бы дал, чтобы узнать причину... но в конце концов главное — результат.

Когда Дэвидсон убрал руки от банка, Брауэр потянулся за деньгами. На лице Дэвидсона вдруг изобразилось живейшее расположение, он схватил руку Брауэра и крепко ее сжал со словами: «Великолепно сыграно, Генри, просто великолепно. Я первый раз вижу...»

Раздался пронзительный, какой-то женский визг, прозвучав-

ший особенно жутко в тишине ломберной комнаты; Брауэр выдернул кисть и отшатнулся. Стол едва не опрокинулся, фишки и вся наличность полетели в разные стороны.

Мы все окаменели. Брауэр, пошатываясь, сделал несколько шагов, держа перед собой вытянутую руку, точно леди Макбет в мужском варианте. Он был белый как саван, в глазах непередаваемый ужас. Мне стало страшно; ни до, ни после не испытывал я такого страха, даже когда получил телеграмму о смерти Розали.

Он начал стонать. Звук шел словно из гулкой бездны, леденящий звук, почти нечеловеческий. Помнится, я подумал: «Да ведь он сумасшедший!» И тут он понес какую-то околесицу: «Ключ... я оставил ключ зажигания включенным... Господи, я не хотел!» И он кинулся к лестнице, что вела в главный холл.

Я первым пришел в себя. Встал рывком из кресла и бросился за ним следом, а Бейкер, Уайлден и Дэвидсон так и не пошевелились; они напоминали высеченные из камня статуи инков, охраняющие сокровища племени.

Парадная дверь еще раскачивалась на петлях, я выбежал на улицу и сразу увидел Брауэра, стоявшего на обочине и тщетно пытавшегося поймать такси. Завидев меня, он горестно охнул, и я уже не знал, жалеть ли мне его или изумляться.

— Подождите! — крикнул я. — Примите мои извинения за Дэвидсона, хотя, уверен, он сделал это не нарочно. Но если в результате вы вынуждены покинуть нас, что ж, не смею вас задерживать. Но сначала вы должны забрать свой выигрыш, деньги немалые.

— Мне не следовало сюда приходить, — простонал он. — Ноги сами понесли меня к людям, и вот... вот чем...

Я безотчетно потянулся к нему — естественное движение человека, желающего помочь несчастному, — Брауэр же отпрянул и возопил:

— Не прикасайтесь ко мне! Мало вам одного? Боже, лучше бы я умер!

Вдруг его лихорадочный взгляд остановился на бродячем псе с ввалившимися боками и шелудивой драной шерстью. Свесив язык, пес трусил на трех лапах по другой стороне безлюдной в этот ранний час улицы — наверное, высматривал мусорный бак, чтобы перевернуть его и порыться в отбросах.

— Вот и я так же, — в задумчивости сказал Брауэр как бы самому себе. — Всеми избегаемый, обреченный на одиночество, осмеливающийся выйти на улицу лишь после того, как все запрутся в своих домах. Пария!

— Послушайте, — сказал я более жестким тоном, не желая выслушивать мелодраматические излияния. — Я догадываюсь, что вы пережили сильное потрясение, и это расстроило ваши нервы, но, поверьте, на войне мне довелось видеть великое множество...

— Так вы мне не верите? По-вашему, я потерял голову?

— Старина, я не знаю, вы потеряли голову или она вас, но

я точно знаю, что если мы с вами еще немного подышим этой сыростью, мы определенно потеряем голос. Так что соблаговолите войти внутрь, хотя бы в холл, а я попрошу Стивенса...

Я осекся под взглядом безумца; в этом взгляде не осталось ни проблеска здравого смысла. Мне сразу вспомнились повредившиеся рассудком солдаты, которых после выматывающих боев увозили на подводах с передовой: кожа да кости, страшные невидящие глаза, язык мелет что-то несусветное.

— Не желаете ли взглянуть, как один изгой откликается на зов другого? — спросил он, игнорируя мои слова.— Смотрите же, чему я научился в чужедальних портах!

Он возвысил голос и выкрикнул как повелитель.

— Эй ты, кабыздох!

Пес задрал голову и посмотрел на него настороженными бегающими глазками (один светился яростным блеском, другой закрыло бельмо), а потом неохотно изменил направление и, прихрамывая, затрусил к тому месту, где стоял Брауэр.

Пес сделал это против своей воли, вне всякого сомнения. Он скулил, рычал, поджимал хвост, напоминавший скорее грязную веревку, а ноги сами несли его к противоположному тротуару. Он растянулся у ног Брауэра, весь дрожа и подвывая. Его впалые бока ходили ходуном, а здоровый глаз, казалось, готов был выпрыгнуть из орбиты.

У Брауэра вырвался дикий хохот, от которого я и по сей день иногда вздрагиваю во сне.

— Ну что? Убедились? — сказал он, садясь на корточки.— Он узнал во мне своего... и понял, чем это ему грозит.

Брауэр протянул руку — пес обнажил клыки и угрожающе зарычал.

— Не надо! — воскликнул я.— Он вас цапнет!

Брауэр и бровью не повел. В свете уличного фонаря его лицо, искаженное гримасой, было синевато-серым, зрачки чернели, как две прожженные в пергаменте дыры.

— Вот еще,— пропел он.— Глупости какие. Мы с ним просто обменяемся сейчас рукопожатием... как недавно с вашим другом.

Он проворно схватил собачью лапу и встряхнул. Пес отчаянно взвыл, но даже не подумал укусить человека.

Брауэр резко поднялся. Взгляд его прояснился, и только необычная бледность отличала его в эту минуту от того джентльмена, что любезно согласился быть нашим партнером за карточным столом.

— Я должен идти,— спокойно сказал он.— Пожалуйста, передайте вашим друзьям мои извинения за столь нелепое поведение. Может быть, мне еще представится случай... искупить свою вину.

— Это нам следовало бы принести свои извинения,— сказал я.— И не забудьте о деньгах, которые вы выиграли. Тысяча долларов на дороге не валяются.

— Ах да! Деньги! — его губы скривила горькая улыбка.

— Вам нет необходимости возвращаться в холл. Если вы обещаете мне подождать здесь, я принесу деньги. Обещаете?

— Да. Если вам угодно.— Он задумчиво поглядел на пса, скулившего у него в ногах.— Что, дворняга, никак напрашиваешься в гости, хочешь разок в жизни поесть прилично?— И снова эта горькая улыбка.

Я оставил его, пока он не передумал, и поспешил в дом. Кто-то — скорее всего Джек Уайлден, самый рассудительный,— успел обменять фишки на «зелененькие» и сложить купюры аккуратной стопкой в центре игрового стола. Никто не проронил ни звука, пока я собирал деньги. Бейкер и Уайлден курили; Дэвидсон сидел как в воду опущенный, терзаясь муками раскаяния. Перед уходом я положил ему руку на плечо, и он проводил меня благодарным взглядом.

Когда я снова вышел на улицу, там не было ни души. Брауэр исчез. Я стоял, зажав в каждой руке по пачке денег, и бесцельно вертел головой по сторонам. Я выкликнул его имя на случай, если он укрылся в тени где-нибудь поблизости,— ответа не последовало. Взгляд мой упал вниз. Бродячий пес лежал на прежнем месте, но я сразу понял, что ему уже никогда не рыться в отбросах. Передо мной был труп. Клещи и блохи организованно покидали околевающее тело. Я попятился, испытывая чувство брезгливости... и безотчетного страха. Что-то мне подсказывало: Генри Брауэр не исчез из моей жизни. Так оно и вышло, хотя мне не суждено было его увидеть.

От полыхавшего в камине огня остались язычки пламени, из углов комнаты потянуло холодком, однако никто не пошевелился, пока Джордж снова раскуривал трубку. Он вздохнул, скрестил ноги на другой манер, так что суставы затрещали, и продолжил свой рассказ:

— Надо ли говорить, что все участники ночной игры были единодушны: следует найти Брауэра и отдать ему выигрыш. Кто-то, возможно, назовет нас ненормальными, но, не будем забывать, наша молодость пришлась на более достойные времена. Дэвидсон совсем скис. Я попытался отвести его в сторонку и както взбодрить — пустое, он лишь мотнул головой и побрел домой. Я не стал его удерживать. Отоспится, решил я, и все предстанет уже не в таком мрачном свете, тогда можно будет вдвоем отправиться на розыски Брауэра. Вдвоем, потому что Уайлден уезжал из города, а Бейкеру предстояли «общественные визиты».

Надо помочь Дэвидсону вернуть чувство собственного достоинства — с этими словами я отправился к нему на квартиру утром следующего дня. Он еще спал. Можно было, конечно, разбудить, но в этом возрасте сон целителен, и я решил пока разъяснить кое-какие факты.

— Прежде всего я поговорил с вашим, Стивенс...— Джордж вопросительно вскинул брови, глядя на своего дворецкого.

— Дедом, сэр,— подсказал тот.

— Благодарю.

— Всегда к вашим услугам, сэр.

— Я поговорил с дедом Стивенса. Кстати, на этом самом месте. И выяснил, что некто Рэймонд Гриэр, человек, с которым я был немного знаком, вел какие-то дела Брауэра. Гриэр служил в городской торговой палате, и я без промедления отправился в его офис, размещавшийся в Флатирон Билдинг. Он был у себя, и мы сразу нашли общий язык.

Когда я рассказал ему о событиях прошлой ночи, на его лице изобразилась сложная гамма чувств: жалость, озабоченность, испуг.

— Генри, бедняга! — воскликнул он. — Я ждал, что этим кончится, вот только не думал, что так скоро.

— Вы о чем? — спросил я.

— О его нервном срыве, — пояснил Гриэр. — Это случилось в год его пребывания в Бомбее, и, вероятно, никто, кроме Генри, не знает всех подробностей. Я вам расскажу, что мне известно.

То, что я услышал от Гриэра, заставило меня отнестись к Генри Брауэру с большим пониманием и симпатией. Этот молодой человек, оказалось, пережил настоящую трагедию. Как и полагается в классической трагедии, несчастье здесь явилось результатом фатальной ошибки — а именно: забывчивости.

В распоряжении у Брауэра, представителя торговой миссии в Бомбее, находился автомобиль, по тогдашним временам — экзотика. По словам Гриэра, Генри радовался как ребенок, разъезжая по узким улочкам и видя, как шарахаются выводки цыплят, а мужчины и женщины падают на колени, прося защиты у своих языческих богов. Он ездил по всему городу, собирая толпы оборванных детей; они следовали за ним по пятам, но всегда робели, стоило предложить им прокатиться на этом чуде техники. То был «форд-седан», модель А, один из первых автомобилей, который можно было привести в движение без заводной ручки, простым нажатием кнопки стартера. Прошу это запомнить.

Однажды Брауэр поехал в другой конец города обсудить с местным набобом возможный контракт на партию джутового каната. Как обычно, мощный рев двигателя и автомобильные выхлопы, не уступавшие в громкости пушечной пальбе, привлекли всеобщее внимание и прежде всего ребятишек.

Брауэра ждал обед с джутовым магнатом; такие обеды проводились весьма церемонно, с соблюдением всех формальностей. И вот, вскоре после того, как подали второе блюдо, — а сидели они на открытой террасе, над многолюдной улицей, — снизу послышалось знакомое чиханье и рев мотора, сопровождаемые визгом и улюлюканьем.

Один отважный мальчишка, сын какого-то гуру, залез в кабину, пребывая, вероятно, в убеждении, что без сидящего за рулем белого человека дракон, который прячется в этой груде железа, не сможет выскочить наружу. И надо же было такому случиться, что

Брауэр, настроенный на предстоящие переговоры, не выключил зажигание, а искра возьми да и проскочи.

Нетрудно себе представить, как мальчишка осмелел на глазах у своих сверстников, как он трогал, вертел руль и издавал губами звуки в подражание клаксону. Всякий раз, когда он поддразнивал притаившегося дракона, зрители, надо думать, приходили в священный экстаз.

Вероятно, чтобы не сползти вниз, одной ногой мальчик уперся в педаль сцепления, и тут он ненароком нажал на кнопку стартера. Двигатель был разогрет и заработал мгновенно. Перепугавшись насмерть, мальчишка должен был отдернуть ногу и приготовиться выпрыгнуть из кабины. Была бы машина старая или в неважном состоянии, мотор, скорее всего, заглох бы. Но Брауэр содержал автомобиль в образцовом порядке, и тот рванулся вперед, скачками, с воем и урчанием. Брауэр выскочил из-за стола и кинулся на улицу.

Мальчика погубила роковая случайность. Он так отчаянно пытался выбраться, что, вероятно, зацепил локтем дроссельный клапан... или надавил на него в безумной надежде, что таким способом белый человек лишает дракона его могущества. А вышло все наоборот, увы. Автомобиль, развив убийственную скорость, помчался под уклон по оживленной, весело галдящей улице, перескакивая через тюки и узлы, давя плетеные корзинки с домашними животными на продажу, разбивая в щепы тележки с цветами. На перекрестке он перелетел через бордюр, врезался в стену дома и, взорвавшись, запылал как гигантский факел.

Джордж переместил трубку в другой угол рта.

— Вот, собственно, все, что мог поведать мне Гриэр со слов Брауэра... все, с точки зрения здравого смысла. Остальное — его горячечный бред на тему фантастических последствий столкновения двух столь несхожих культур. Перед тем как Брауэр был отозван из Бомбея, к нему явился отец погибшего мальчика, чтобы швырнуть в убийцу зарезанного цыпленка. И сопроводить это проклятьем. Дойдя до этого места, Гриэр улыбнулся, давая мне понять, что мы-то с ним люди без предрассудков, и, закурив, добавил:

— В подобных случаях непременно жди проклятий. Эти несчастные язычники не могут без театральных жестов. Они зарабатывают себе этим на хлеб.

— И в чем же заключалось проклятье?

— Разве вы еще не догадались? — удивился Гриэр. — Индус этот сказал ему: «Тот, кто применил колдовство против ребенка, станет отверженным, парией». И еще он сказал: «Все живое, к чему ни прикоснешься, ждет скорая смерть». Отныне и вовеки, аминь.

Гриэр хмыкнул.

— И что же Брауэр? Поверил в проклятье?

— Похоже, что так. Не забывайте, для Брауэра это был страш-

ный шок. И, судя по тому, что я сейчас от вас услышал, эта его мания прогрессирует.

— Я спросил домашний адрес Брауэра,— продолжал Джордж.— Гриэр порылся в бумагах и наконец нашел нужную.

— Не гарантирую, что вы его там найдете,— сказал он.— Брауэру, сами понимаете, никто не спешит давать место, так что с деньгами у него, по-моему, негусто.

— Что-то меня резануло в этих словах,— признался нам Джордж,— но я промолчал. Было в Гриэре что-то самодовольное, высокомерное, и казалось незаслуженным, что именно он располагал пусть даже такой скудной информацией о Генри Брауэре. Я поднялся, и вдруг у меня непроизвольно вырвалось:

— Вчера ночью я был свидетелем того, как Брауэр пожал лапу шелудивой дворняге. Через пятнадцать минут собака сдохла.

— Правда? Как интересно.— Гриэр удивленно вскинул брови, словно сказанное не имело никакого отношения к теме разговора.

— Я направился к выходу,— продолжал Джордж,— но раньше открылась дверь, и на пороге возникла секретарша Гриэра.

— Извините, вы, кажется, мистер Грегсон?

— Да.

— Только что позвонил мистер Бейкер. Он просил вам передать, чтобы вы незамедлительно прибыли по адресу: 19-я стрит, дом № 23.

— Я вздрогнул,— признался нам Джордж,— я ведь совсем недавно, утром, заходил туда, но Дэвидсон еще спал. Я направился к дверям, а Гриэр преспокойно погрузился в «Уолл-стрит джорнэл», попыхивая трубочкой. Больше я его не видел и, знаете, как-то не жалею об этом. Я ушел со смутным ощущением чего-то страшного — чего-то такого, что никогда не примет очертания реального страха, связанного с конкретным предметом,— слишком это все чудовищно, слишком невероятно, чтобы подходить с обычными мерками.

Тут я прервал его повествование:

— Помилуйте, Джордж, уж не хотите ли вы сказать нам, что ваш друг Дэвидсон был мертв?

— Именно так,— последовал ответ.— Я прибыл туда почти одновременно со следователем, который констатировал смерть от коронарного тромба. Через шестнадцать дней Дэвидсону должно было исполниться двадцать три года.

Почти неделю я убеждал себя: это всего-навсего роковое совпадение, о котором лучше забыть. Меня мучила бессонница, и даже мой добрый друг «Катти Сарк», врач, был бессилен мне помочь. Я говорил себе: надо разделить выигрыш между тремя участниками и забыть о том, что Генри Брауэр однажды ворвался в нашу жизнь. Не получалось. Я выписал чек на соответствующую сумму и отправился по адресу, который дал мне Гриэр,— в Гарлем.

Брауэр там уже не жил. Мне дали другой адрес, на Ист-сайде;

не такой, может быть, шикарный квартал, но вполне респектабельный. Выяснилось, однако, что оттуда он тоже съехал, примерно за месяц до нашего покерного свидания, и перебрался в Ист Вилледж, район трущоб.

Домовладелец, костлявый мужчина, у ног которого предупреждающе зарычал огромный черный дог, сообщил мне, что Брауэр с ним рассчитался третьего апреля, на следующий день после нашей игры. Я спросил новый адрес; домовладелец запрокинул голову и выдал руладу, точно горло прополоскал:

— Когда отсюда уезжают, босс, адрес один: Преисподняя, до востребования. Правда, иногда по дороге останавливаются в Бауэри.

В те дни Бауэри, превратившийся с годами в загородную зону, являл собой нечто такое, что и вообразить-то сегодня трудно: обитель бездомных, последнее прибежище потерявших человеческий облик несчастных, мечтающих о бутылке дешевого вина или о понюшке белого порошка, чтобы забыться. Я отправился в Бауэри. Там были десятки ночлежек, несколько домов призрения, куда пустили бы на ночь любого забулдыгу, и множество тесных улочек, пригодных для того, чтобы расстелить прямо на мостовой старый тюфяк с клопами. Я увидел людей-призраков, иссушенных алкоголем и наркотиками. Подлинные имена были здесь не в ходу. Какое имя может быть у того, кто скатился на самое дно... печень изъедена древесным спиртом, нос распух от кокаина, пальцы обморожены, от зубов остались черные пеньки. Я описывал Генри Брауэра каждому встречному, но безрезультатно. Хозяева пивных пожимали плечами. Многие проходили мимо, даже не подняв головы.

Я не нашел его ни в первый день, ни во второй, ни в третий. На исходе второй недели один человек признался, что видел на днях в «Номерах Деварни» мужчину с похожей внешностью.

До «Номеров» оказалось всего два квартала. За конторкой сидел древний старик с шелушащимся голым черепом и слезящимися глазами. К засиженному мухами окну была прилеплена реклама: «Одна ночь — 10 центов». Я начал описывать Брауэра, старик молча кивал. Когда я закончил, он сказал:

— Знаю я его, молодой человек. Знаю, как же. Вот только память у меня слабовата... не пожалейте доллар — глядишь, и вспомню.

Я положил на конторку долларовую бумажку, и она чудесным образом исчезла. Вот вам и артрит!

— Он был у нас, молодой человек, а потом переехал.

— Куда, вы знаете?

— Так сразу и не вспомнишь. Вы уж не пожалейте еще один доллар.

Вторая бумажка исчезла столь же чудесным образом. Старик вдруг развеселился, и из его груди вырвался... нет, не смех, а этакий туберкулезный кашель.

— Ну что ж,— сказал я,— вы посмеялись в свое удовольствие, и вам за это еще приплатили. А теперь я хочу знать, куда переехал этот человек.

Старик опять весело закашлялся:

— Известно куда, за оградку Поттеровского участка, и местечко он там получил в бессрочное пользование, с чертом на пару! Что же вы не смеетесь, молодой человек? Вчера утречком, я так думаю, он окочурился, потому как днем, когда я его нашел, он был еще тепленький. Сидел — точно аршин проглотил. Я зачем к нему поднялся? Или десять центов гони или... отдыхай. Вот теперь он и отдыхает за казенный счет — в ящике глубиной в шесть футов.— Собственная шутка вызвала у него очередной приступ старческого веселья.

— Ничего странного вы не заметили? — спросил я, сам себе не осмеливаясь признаться в том, как много вкладываю в свой вопрос.— Чего-то не совсем обычного?

— Что-то такое было. Так сразу и не...

Я положил на конторку доллар, чтобы освежить его память; хотя бумажка и на этот раз исчезла с завидной скоростью, ожидаемого смеха-кашля не последовало.

— Еще как заметил,— оживился старик.— Труповозку-то кто всегда вызывает? Так что я в покойниках знаю толк. Где я их только, прости Господи, не находил! И на дверном крюке, и в постели, и на пожарной лестнице в мороз, синих как Атлантика, с бутылкой между колен. А один — лет тридцать назад — захлебнулся у нас в ванной. Ну а этот... этот сидел под винтовой лестницей в своем коричневом костюме — волосы прилизаны, грудь колесом,— как какая-нибудь важная персона из *тех* кварталов. И левой рукой держал правую за кисть. Да, всяких я повидал, но такого не видел: чтобы человек помер, сам себе руку пожимая!

Я отправился пешком в доки, и всю дорогу, как заезженная пластинка, меня преследовала эта его последняя фраза. *Чтобы человек помер, сам себе руку пожимая!*

Я прошел до конца мола, туда, где о ржавые сваи билась грязная серая вода. Там я достал из кармана чек на тысячу долларов и изорвал на мелкие клочки, которые выбросил в воду.

Джордж Грегсон изменил позу и откашлялся. В камине дотлевали угольки, просторная ломберная комната все больше выстывала. Столы и стулья казались ненастоящими, призрачными, словно увиденные во сне, где размыта граница между прошлым и настоящим. Слабые язычки пламени отбрасывали тусклый оранжевый свет на буквы, выбитые на каменном цоколе. СЕКРЕТ В РАССКАЗЕ, А НЕ В РАССКАЗЧИКЕ.

— Я встретил этого человека один раз,— снова заговорил Джордж,— а он и сейчас стоит перед глазами. Кстати, тот случай помог мне забыть о моей скорби: тот, кто может беспрепятственно находиться среди людей, уже неодинок... Стивенс, вы не прине-

сете мне пальто? Поковыляю-ка я домой, мне давно пора лежать в постели.

Когда Стивенс принес пальто, внимание Джорджа привлекла родинка на лице дворецкого — у левого уголка рта. Он улыбнулся:

— До чего же вы все-таки похожи. У вашего деда в этом месте была точно такая же родинка.

Стивенс молча улыбнулся в ответ. Джордж вышел из комнаты, а вскоре и мы разошлись.

КУКУРУЗНЫЕ ДЕТИ

Бёрт нарочно включил радио погромче: назревала очередная ссора, и он надеялся таким образом ее избежать. Очень надеялся.

Вики что-то сказала.

— Что? — прокричал он.

— Можно сделать тише? Ты хочешь, чтобы у меня лопнули барабанные перепонки?

У него уже готов был вырваться достойный ответ, но он вовремя прикусил язык. И сделал тише.

Вики обмахивалась шейным платком, хотя в машине работал кондиционер.

— Где хоть мы находимся?

— В Небраске.

Она смерила его холодным, словно бы ничего не выражающим взглядом.

— Спасибо. Я знаю, что мы в Небраске. Нельзя ли поточнее?

— У тебя на коленях дорожный атлас, можешь посмотреть. Ты ведь умеешь читать?

— Ах, как остроумно. Вот, оказывается, почему мы свернули с автострады. Чтобы на протяжении трехсот миль разглядывать кукурузные початки. И наслаждаться остроумием Бёрта Робсона.

Он стиснул руль так, что побелели костяшки пальцев. Еще чуть-чуть, и он бы съездил по физиономии бывшей королеве студенческого бала. Мы спасаем наш брак, подумал он про себя, как спасали свиньи вьетконговские деревни.

— Вики, я проехал по шоссе пятнадцать тысяч миль. От самого Бостона,— он тщательно подбирал слова.— Ты отказалась вести машину. Хорошо, я сел за руль. Тогда...

— Я не отказывалась! — запальчиво воскликнула Вики.— Я не виновата, что у меня начинается мигрень, стоит мне только...

— Тогда,— продолжал он с той же размеренностью,— я спросил тебя: «А по менее оживленным дорогам ты могла бы вести машину?» Ты мне ответила: «Нет проблем». Твои слова: «Нет проблем». Тогда...

— Знаешь, я иногда спрашиваю: как меня угораздило выйти за тебя замуж?

— Ты задала мне вопрос из двух коротких слов.

Она смерила его взглядом, кусая губы. Затем взяла в руки дорожный атлас и принялась яростно листать страницы.

Дернул же меня черт свернуть с шоссе, подумал Бёрт, мрачнея. Вот уж некстати. До этой минуты они оба вели себя весьма пристойно, ни разу не поцапались. Ему уже начинало казаться, что из этой их поездки на побережье выйдет толк: поездка была затеяна как бы с целью увидеть семью Викиного брата, а на самом деле чтобы попытаться склеить осколки их собственной семьи.

Стоило ему, однако, свернуть с шоссе, как между ними снова выросла стена отчуждения. Глухая, непробиваемая стена.

— Ты повернул после Гимбурга, так?

— Так.

— Теперь до Гатлина ни одного населенного пункта,— объявила она.— Двадцать миль — ничего, кроме асфальта. Может, хотя бы в Гатлине перекусим? Или ты все так замечательно спланировал, что у нас, как вчера, до двух часов не будет во рту маковой росинки?

Он оторвал взгляд от дороги, чтобы посмотреть ей в глаза.

— Ну вот что, Вики, с меня хватит. Давай повернем назад. Ты, кажется, хотела переговорить со своим адвокатом. По-моему, самое время это...

— Бёрт, осторожно!..— глаза ее вдруг расширились от испуга, хотя секунду назад она сидела с каменным лицом, глядя прямо перед собой.

Он перевел взгляд на дорогу и только успел увидеть, как что-то исчезло под бампером его «Т-бёрда». Он резко сбросил скорость с тошнотворным чувством, что проехался по... тут его бросило на руль, и машина, оставляя следы протекторов на асфальте, остановилась посреди дороги.

— Собака? Ну скажи мне, что это была собака.

— Парень.— Вики была белая, как крестьянский сыр.— Молодой парень. Он вышел из зарослей кукурузы, и ты его... поздравляю.

Она распахнула дверцу, и ее стошнило.

Бёрт сидел прямо, продолжая сжимать руль. Он не чувствовал ничего, кроме тяжелого дурманящего запаха навоза.

Он не сразу заметил, что Вики исчезла. В зеркальце заднего обзора он увидел ее склонившейся в неловкой позе над тем, что из машины казалось кучей тряпья.

Я убил человека. Так это квалифицируется. Оторвал взгляд от дороги, и вот результат.

Он выключил зажигание и вылез из машины. По высокой, в человеческий рост кукурузе пробегал ветер — точно чьи-то огромные легкие выдыхали воздух. Вики плакала, склонившись над телом.

Он успел пройти несколько метров, когда слева, среди зеленой массы кукурузных стеблей и листьев, мелькнул ярко-алый мазок, как будто из ведра выплеснулась краска.

Он остановился и стал вглядываться. Вглядываться и рассуждать (сейчас все средства были хороши, только бы отвлечься от груды тряпья, которая при ближайшем рассмотрении окажется кое-чем пострашнее), что сезон для кукурузы выдался на редкость удачным. Стебли росли один к одному, початки уже наливались спелостью. Человек, нырнувший в полумрак зарослей, мог проплутать по этим однообразно-правильным, уходящим в никуда рядам целый божий день, прежде чем выбраться наружу. В одном месте идеальный порядок был нарушен: несколько сломанных стеблей упало, а за ними... что там чернеет, хотел бы он знать?

— Бёрт! — срывающимся голосом кричала Вики. — Может, ты все-таки подойдешь, посмотришь? Чтобы потом за покером рассказывать своим друзьям, кого ты так ловко сшиб в Небраске?! Может, ты... — остальное утонуло в потоке рыданий. Викина четкая тень казалась лужицей, в которой она стояла. Был полдень.

Он нырнул в заросли. То, что он принял издали за краску, оказалось кровью. С сонным низким гудением садились на растения мухи, снимая пробу, и улетали — оповестить других, не иначе. Обнаружилась свежая кровь и на кукурузных листьях. Не могли же брызги, в самом деле, отлететь так далеко? Он нагнулся и поднял с земли предмет, еще с дороги обративший на себя его внимание.

Кто-то недавно здесь продирался: земля примята, стебли сломаны. И всюду кровь. Он зябко повел плечами и выбрался на дорогу.

У Вики началась истерика — с рыданиями, смехом, нечленораздельными выкриками в его адрес. Кто бы мог подумать, что все кончится так мелодраматично? Он уже давно привык к мысли, что его жена — не та, за кого он ее принимал. Он ее ненавидел. Он подошел и ударил ее по лицу наотмашь.

Она сразу смолкла и закрыла рукой красный оттиск его ладони.

— Сидеть тебе, Бёрт, за решеткой, — сказала она с пафосом.

— Не думаю, — с этими словами он поставил к ее ногам чемоданчик, который нашел в зарослях.

— Чей?..

— Не знаю. Его, наверно, — он показал на тело, лежавшее в пыли ничком. Парень лет семнадцати.

Чемоданчик старого образца, кожаный, сильно потертый, обмотан бельевой веревкой, концы завязаны морским узлом. Вики хотела было развязать его, но при виде крови отшатнулась.

Бёрт нагнулся и бережно перевернул тело.

— Не хочу этого видеть, — пробормотала Вики и тут же встретилась взглядом с незрячими глазами убитого. Но не глаза заставили ее вскрикнуть, и даже не лицо, выпачканное в грязи и искаженное гримасой ужаса: у парня было перерезано горло.

Бёрт вовремя успел подхватить ее.

— Только без обмороков, — сказал он успокаивающим тоном. — Ты меня слышишь, Вики? Пожалуйста, без обмороков.

Он повторил это несколько раз. В конце концов она овладела собой и прижалась к нему всем телом. Со стороны могло показаться, что двое танцуют на залитой солнцем дороге, а под ногами у них валяется убитый.

— Вики?

— Да? — отозвалась она, уткнувшись ему в рубашку.

— Сходи в машину за ключами. Захвати с заднего сиденья одеяло и ружье.

— Ружье? Зачем?

— Мальчику перерезали горло. Тот, кто это сделал, может сейчас наблюдать за нами.

Она рывком подняла голову и расширенными от испуга глазами обвела ряды кукурузы, уходившие волнами до самого горизонта.

— Скорее всего человек этот уже скрылся, но береженого Бог бережет. Иди же.

Она направилась, пошатываясь, к машине — и тень за ней, как талисман. Когда голова ее исчезла в салоне «Т-бёрда», он присел на корточки возле трупа. Никаких особых примет. Жертва дорожной катастрофы, да, но не «Т-бёрд» перерезала ему горло. Сделано грубо, неумело — убийца явно не советовался с сержантом-фронтовиком о более «культурных» способах расправы со своей жертвой, но исход тем не менее оказался летальным. Последние тридцать футов парень либо прошел сам, либо его, смертельно раненного или уже мертвого, протащили волоком. Чтобы напоследок по нему проехался он, Бёрт Робсон. Если в момент наезда мальчишка еще дышал, жить ему в любом случае оставалось считанные секунды.

Он почувствовал чью-то руку на плече и вскочил как от удара током.

Это была Вики — в левой руке армейское суконное одеяло, в правой зачехленный дробовик. Она старательно отводила взгляд. Он расстелил одеяло прямо на дороге и перенес на него труп. У Вики вырвался тихий стон.

— Вики? — он встревоженно поднял голову. — Ты как, в норме?

— В норме, — с трудом выдавила она из себя.

Завернув тело в одеяло, он кое-как поднял его за края, втайне проклиная эту тяжелую страшную ношу. Тело попыталось выскользнуть сбоку, пришлось усилить хватку. Следом за Вики он медленно направился к машине.

— Открой багажник, — сказал он, задыхаясь.

Багажник был забит чемоданами, подарками и еще всякой всячиной, необходимой в дороге. Вики перенесла что можно на заднее сиденье, и Бёрт, опустив тело, захлопнул крышку. Только теперь он вздохнул с облегчением.

Вики стояла возле дверцы со стороны водителя, не зная, что делать с дробовиком.

— Положи его обратно и садись.

Он глянул на часы — прошло всего пятнадцать минут, а казалось — вечность.

— А чемодан? — спросила она.

Он подбежал трусцой к месту, где старенький чемоданчик стоял на разделительной полосе — как нарисованный. Он взялся за обтрепанную ручку и на миг застыл, кожей почувствовал на себе чей-то взгляд. Ему приходилось читать о чем-то таком в развлекательных романах, и всегда он скептически относился к подобного рода описаниям. Может, напрасно? Ему вдруг показалось, что в зарослях прячутся люди, много людей, и они сейчас прикидывают, успеет ли эта женщина расчехлить ружье и открыть огонь раньше, чем они схватят его, Бёрта,— схватят, утащат в темные заросли, перережут горло...

С колотящимся сердцем он побежал к машине, выдернул ключ из замка багажника, быстро забрался на переднее сиденье.

Вики плакала. Бёрт выжал сцепление, и через минуту злополучное место скрылось из виду.

— Какой, ты сказала, ближайший населенный пункт? — спросил он.

— Сейчас,— она склонилась над атласом.— Гатлин. Мы будем там минут через десять.

— Большой? Полицейский участок там, интересно, будет?

— Небольшой. Просто точка на карте.

— Хотя бы констебль.

Какое-то время они ехали молча. Слева мелькнула силосная башня. А так — сплошная кукуруза. Хоть бы один фермерский грузовичок.

— Послушай, нам кто-нибудь попался навстречу, после того как мы свернули с автострады?

Вики подумала.

— Одна легковушка и трактор. На развязке, помнишь?

— Нет, а позже? Когда мы выехали на семнадцатое шоссе?

— Никто.

Полчаса назад он бы воспринял это как резкую отповедь, но в данном случае это была всего лишь констатация факта. Вики смотрела сквозь полуопущенное окно на однообразно уплывающую прерывистую дорожную разметку.

— Вики? Ты не откроешь этот чемодан?

— Ты думаешь...

— Не знаю. Все может быть.

Пока Вики возилась с узлами (губы поджаты, лицо отрешенное — такой он запомнил свою мать, когда она по воскресеньям потрошила цыпленка), он включил приемничек.

Волна поп-музыки, которую они слушали раньше, почти совсем ушла. Бёрт покрутил ручку. Фермерские сводки. Бак Оуэнс и Тэмми Уайнетт. Голоса сливались в почти не различимый фон. Вдруг из динамиков вырвалось одно-единственное слово, да так

громко и отчетливо, словно говоривший сидел в самом приемнике.

— ИСКУПЛЕНИЕ! — взывал чей-то голос.

Бёрт удивленно хмыкнул. Вики подскочила.

— ТОЛЬКО КРОВЬ АГНЦА СПАСЕТ НАС! — гремел голос.

Бёрт поспешно приглушил звук. Станция, видимо, совсем рядом, настолько близко, что... да вот же она: из зарослей торчала радиобашня — красная насекомообразная тренога.

— Искупление — вот путь к спасению, братья и сестры,— голос стал более доверительным. В отдалении хором прозвучало «аминь».— Некоторые полагают, что можно ходить путями земными и не запятнать себя мирскими грехами. Но разве этому учит нас слово Божье?

В ответ дружное:

— Нет!

— ГОСПОДЬ ВСЕМОГУЩ! — снова возвысил голос проповедник, а дальше слова падали ритмично, мощно, как на концерте рок-н-ролла: — Поймут ли они, что на этих путях — смерть? Поймут ли они, что за все придется платить? Кто ответит? Не слышу? Господь сказал, что в Его доме много комнат, но нет в нем комнаты для прелюбодея. И для алчущего. И для осквернителя кукурузы. И для мужеложа. И для...

Вики вырубила радио.

— Меня тошнит от этой галиматьи.

— О чем это он? — спросил Бёрт.— Какая кукуруза?

— Я не обратила внимания,— отозвалась она, возясь уже со вторым узлом.

— Он сказал что-то про кукурузу. Я не ослышался.

— Есть! — Вики откинула крышку чемодана, лежавшего у нее на коленях. Они проехали знак: ГАТЛИН. 5 МИЛЬ. ОСТОРОЖНО — ДЕТИ. Знак был изрешечен пулями от пистолета 22-го калибра.

— Носки,— начала перечислять Вики.— Две пары брюк... рубашка... ремень... галстук с заколкой...— она показала ему миниатюрный портрет с облупившейся золотой эмалью.— Кто это?

Бёрт кинул беглый взгляд.

— Кажется, Хопалонг Кэссиди.

— А-а.— Она положила заколку и снова заплакала. Бёрт подождал немного, а затем спросил:

— Тебя ничто не удивило в этой радиопроповеди?

— А что меня должно было удивить? Я в детстве наслушалась этих проповедей на всю оставшуюся жизнь. Я тебе рассказывала.

— Голос у него очень уж молодой, да? У проповедника.

Она презрительно фыркнула.

— Подросток, ну и что? Это-то и есть самое отвратительное. Из них начинают лепить, что хотят, пока они податливы как глина. Знают, чем их взять. Видел бы ты эти походные алтари, к ко-

торым меня таскали родители... думаешь, почему я «спаслась»? Я многих даже запомнила. Малышка Гортензия с ангельским голоском. Восемь лет. Выходила вперед и начинала: «Рука Предвечного поддержит...», а ее папаша пускал тарелку по кругу, приговаривая: «Не скупитесь, не дайте пропасть невинному дитяти». А еще был Норман Стонтон. Этот пугал огнем и серой — такой маленький лорд Фаунтлерой в костюмчике с короткими штанишками. Да-да,— покивала она, встретив его недоверчивый взгляд,— и если бы только эти двое... Сколько таких колесило по нашим дорогам! Хорошая была примета,— словно выплюнула она в сердцах.— Руби Стемпнелл, десятилетняя врачевательница словом Божьим, сестричка Грэйс — у этих над макушками сияли нимбы из фольги.— *О Господи*!

— Что такое? — он скосил глаза направо. Вики подняла со дна какой-то предмет и напряженно его разглядывала. Бёрт прижался к обочине, чтобы получше рассмотреть. Вики молча передала ему предмет.

Это было распятие, сделанное из скрученных листьев кукурузы, зеленых, но уже высохших. Рукоятью служил короткий стержень молодого початка, соединенного с листьями при помощи волоконцев коричневой метелки. Большинство зерен было аккуратно удалено, вероятно, перочинным ножом. Из оставленных получился грубоватый желтый барельеф распятой человеческой фигуры. На зернышках, изображавших глаза,— надрезы... нечто вроде зрачков. Над фигурой четыре буквы: И. Н. Ц. И.

— Потрясающая работа,— сказал он.

— Какая мерзость,— сказала она глухо.— Выброси его в окно.

— Этой штукой может заинтересоваться полиция.

— С какой стати?

— Пока не знаю, но...

— Выброси, я тебя прошу. Только этого нам здесь не хватало.

— Пускай полежит сзади. Отдадим первому же полицейскому, я тебе обещаю. Идет?

— Давай, давай! — взорвалась она.— Ты же все равно поступишь по-своему!

Он поежился и зашвырнул распятие на заднее сиденье, где оно упало поверх груды вещей. Глаза-зернышки уставились на подсветку. Машина снова рванулась вперед, из-под колес полетела мелкая галька.

— Сдадим тело и содержимое чемодана в местную полицию, и мы чисты,— примирительно сказал он.

Вики не отвечала, делая вид, что разглядывает свои руки.

Они проехали милю, и необозримые поля кукурузы отступили от дороги, освободив место домам и хозяйственным постройкам. В одном из дворов неухоженные цыплята ковырялись в земле как одержимые. Над сараями проплыли поблекшие вывески кока-колы и жевательного табака. Мелькнул рекламный щит с над-

писью: НАШЕ СПАСЕНИЕ В ИИСУСЕ. Проехали кафе с бензоколонкой и стоянкой для машин. Бёрт решил, что они остановятся на главной площади, если таковая имеется, а нет — вернутся в это кафе. Он не сразу отметил про себя, что на стоянке совсем не было машин, если не считать грязного старенького пикапа со спущенными шинами.

Ни с того ни с сего Вики пронзительно захихикала, и у Бёрта мелькнула мысль: уж не истерика ли это?

— Что смешного?

— Указатели.— Она снова зашлась.— Ты что, не видел? В атласе этот отрезок дороги называется Библейский Свиток. Они не шутят. Вот, опять!..— она успела подавить новый приступ нервного смеха, прикрыв рот ладонями.

Указатели висели на длинных беленых шестах, врытых вдоль обочины через каждые двадцать пять метров; очередной указатель добавлял по слову к предыдущему. Бёрт прочел:

— ОБЛАКО... ДНЕМ... СТОЛБ... ОГНЯ... НОЧЬЮ.

— Одного не хватает,— прыснула Вики, не в силах больше сдерживаться.

— Чего же?— нахмурился Бёрт.

— Уточнения: реклама интимного лосьона после бритья,— она зажимала рот кулаком, но смешки просачивались между пальцев.

— Вики, ты как, в порядке?

— Да, я буду в полном порядке, когда мы окажемся за тысячу миль отсюда, в солнечной грешной Калифорнии, отделенной от Небраски Скалистыми горами.

Промелькнула новая цепочка знаков, которую они оба прочли молча.

ВОЗЬМИ... ЭТО... И... ЕШЬ... СКАЗАЛ... ГОСПОДЬ.

Странно, подумал Бёрт, что я сразу связал *это* с кукурузой. Сама формула, кажется, произносится священником во время причастия? Он так давно не был в церкви, что засомневался. Он бы не удивился, узнав, что в здешних местах кукурузные лепешки предлагались в качестве облаток. Он уже собирался сказать об этом Вики, но передумал.

Небольшой подъем, и сверху их взорам открылся Гатлин — три сонных квартала из какого-нибудь старого фильма о Великой Депрессии.

— Здесь должен быть констебль,— сказал Бёрт, втайне недоумевая, отчего при виде этого захолустного, разморенного солнцем городишка у него перехватило горло от недобрых предчувствий.

Дорожный знак предупреждал их, что следует сбавить скорость до тридцати. Ржавая табличка возвещала: ВО ВСЕЙ НЕБРАСКЕ ВЫ НЕ НАЙДЕТЕ ТАКОГО ГОРОДКА, КАК ГАТЛИН... И НЕ ТОЛЬКО В НЕБРАСКЕ! НАСЕЛЕНИЕ 5431.

По обеим сторонам дороги потянулись пыльные вязи, многие

высохшие. Миновали дровяной склад и заправочную станцию с семьдесят шестым бензином: ОБЫЧН. за 35.9, ОЧИЩ. за 38.9. И еще: ВОДИТЕЛИ ГРУЗОВИКОВ, ДИЗЕЛЬНОЕ ТОПЛИВО С ДРУГОЙ СТОРОНЫ.

Они пересекли Аллею вязов, затем Березовую аллею и очутились на городской площади. Дома здесь были деревянные, крылечки с навесами — чопорные, без затей. Лужайки неухоженные. Откуда-то вылезла дворняга и, посмотрев в их сторону, разлеглась посреди улицы.

— Остановись,— потребовала Вики.— Остановись, слышишь!

Бёрт послушно прижался к тротуару.

— Повернем назад. Мальчика можно отвезти на Грэнд Айленд. Не так уж далеко. Поехали!

— Вики, что случилось?

— Ты меня спрашиваешь, что случилось?— голос ее зазвенел.— В этом городке нет ни души, только ты да я. Неужели ты еще не почувствовал?

Да, что-то такое он почувствовал, но, с другой стороны...

— Это так кажется,— возразил он.— Хотя, прямо скажем, жизнь здесь не бьет ключом. Может, все на распродаже кондитерских изделий или сидят по своим норкам, играют в бинго...

— Нет, нет здесь никаких людей!— в голосе появился надрыв.— Ты заправочную видел?

— Возле дровяного склада? И что?— Он думал о своем, слушая цикад в кроне вяза. В ноздри били запахи кукурузы, шиповника и, само собой, навоза. Ему бы радоваться — какой-никакой, а городок,— но что-то его смущало, притом что все как будто укладывалось в привычные рамки. Наверняка где-нибудь поблизости найдется магазинчик, где торгуют содовой, и скромный кинотеатр под названием «Рубин», и школа имени Джона Фицджеральда Кеннеди.

— Бёрт, там были указаны цены: 35.9 долларов — обычный бензин, 38.9 долларов — очищенный. Ты вспомни, когда последний раз платил по таким ценам?

— Года четыре назад, если не больше,— признался он.— Но...

— Мы в центре города — и хоть бы одна машина! Хоть бы одна!

— Отсюда до Грэнд Айленда семьдесят миль. С какой стати я буду делать такой крюк...

— Сделаешь.

— Послушай, сейчас найдем здание суда и...

— Нет!

— Ну все, пошло-поехало. Вот вам короткий ответ, почему наш брак разваливается: «Нет. Ни за что. Костьми лягу, но будет по-моему».

— Вики...

— Не хочу я здесь находиться ни одной минуты.

— Вики, послушай...

— Разворачивайся и поехали.

— Вики, ты можешь помолчать?

— На обратном пути. А сейчас разворачивайся и поехали.

— У нас в багажнике лежит труп! — зарычал он. Она даже подскочила, и это доставило ему удовольствие. Он продолжал уже более спокойным тоном: — Мальчику перерезали горло и вытолкнули его на дорогу, а я его переехал. Надо заявить в суд... куда угодно. Тебе не терпится вернуться на шоссе? Иди пешком, я тебя потом подберу. Только не гони меня за семьдесят миль с таким видом, будто у нас в багажнике валяется мешок с мусором. Надо заявить раньше, чем убийца успеет перевалить через эти холмы.

— Скотина, — она опять заплакала. — Зачем я только с тобой поехала?

— Не знаю, — сказал он. — Я знаю одно: еще можно все поправить.

Машина тронулась с места. Пес на секунду поднял голову и снова положил ее на лапы.

До площади оставался один квартал. Перед сквером, в центре которого возвышалась эстрада, главная улица разделилась на два рукава. Затем они вновь соединились, и Бёрт сразу увидел здания, принадлежавшие городским властям. Он прочел: МУНИЦИПАЛЬНЫЙ ЦЕНТР.

— Вот то, что нам нужно, — сказал он вслух. Вики хранила молчание.

Он остановил машину возле гриль-бара.

— Ты куда? — встревоженно спросила она, стоило ему открыть дверцу.

— Узнаю, где все. Видишь, табличка «Открыто».

— Я здесь одна не останусь.

— А кто тебе мешает идти со мной?

Она выбралась из машины. Он разглядел ее лицо землистого цвета и вдруг почувствовал к ней жалость. Жалость, которая не нужна ни ему, ни ей.

— Ты не слышишь, да? — спросила Вики, когда они поравнялись.

— Чего я не слышу? — не понял он.

— Пустоты... Ни машин. Ни людей. Ни тракторов. Пустота.

И тут же где-то неподалеку прокатился заливистый детский смех.

— Я слышу, что там дети, — сказал он. — А ты нет?

Она нахмурилась.

Он открыл дверь в бар и сразу почувствовал себя в сухой парилке. Пол покрыт слоем пыли. Глянец на хромированных поверхностях разных агрегатов потускнел. Не крутились деревянные лопасти вентиляторов под потолком. Пустые столики. Пустые табуреты за стойкой. Обращало на себя внимание разбитое зеркало и... в первую секунду он не понял, в чем дело. Все пивные

краны были сорваны и разложены на стойке наподобие странных сувениров для гостей.

В голосе Вики зазвучали нотки наигранной веселости, легко переходящей в истерику:

— Ну, что же ты, узнавай. «Извините, сэр, вы не скажете, где...»

— Помолчи,— бросил он вяло, без прежней уверенности.

Свет здесь казался каким-то пыльным, пробиваясь сквозь огромные, давно не мытые окна. И снова у него возникло ощущение, что за ним наблюдают, и он вспомнил про труп в машине и пронзительный детский смех. В голове закрутилось: скрытый от постороннего взора... скрытый от постороннего взора...

Он скользнул взглядом по пожелтевшим ценникам на стойке: чизбургер 35 ц., пирог из ревеня 25 ц., наше фирменное блюдо мясо в горшочке 80 ц.

«Интересно, когда я последний раз видел в баре такие цены»,— подумал он.

Вики словно услышала его мысли:

— Ты посмотри! — она показывала на настенный календарь. И с хриплым смешком добавила: — Это все было приготовлено двенадцать лет назад, приятного аппетита!

Он приблизился к календарю. На картинке были изображены два мальчика, купающиеся в пруду, и смышленая собачонка, уносящая в зубах их одежду. Под картиной надпись: ВЫ ЛОМАЕТЕ СТАРУЮ МЕБЕЛЬ, А МЫ ЕЕ ЧИНИМ, НЕ УПУСТИТЕ СВОЕГО ШАНСА. И месяц: август 1964-го.

— Ничего не понимаю,— голос у него дрогнул,— но в одном я уверен: если мы...

— Уверен! — вскинулась Вики.— Он уверен! Вот оно, твое слабое место, Бёрт. Ты всю жизнь *уверен*!

Он вышел из бара, и она за ним.

— А сейчас ты куда?

— В муниципальный центр.

— Бёрт, ну почему ты такой упрямый! Видишь же, тут что-то не то, так неужели трудно признать это?

— Я не упрямый. Просто я хочу поскорей избавиться от того, что лежит в багажнике.

На улице его как-то по-новому озадачили полнейшая тишина и запахи удобрений. Когда можно сорвать молодой початок, намазать его маслом, круто посолить и запустить в него крепкие зубы, кто обращает внимание на запахи? Солнце, дождь, унавоженная земля — все воспринимается как бесплатное приложение. Он вырос в сельской местности, на севере штата Нью-Йорк, и еще не забыл душистый запах свежего навоза. Да, конечно, бывают запахи поизысканнее, но когда ранней весной, под вечер, с недавно вспаханной земли принесет ветром знакомые ароматы, столько, бывало, всего нахлынет. Со всей отчетливостью вдруг поймешь, что зима отошла безвозвратно, что еще месяц-другой, и с грохо-

том захлопнутся двери школы, и дети, как горошины из стручка, выскочат навстречу лету. В его памяти этот запах был неотторжим от других, вполне изысканных: тимофеевки, клевера, штокрозы, кизила.

Чем они тут удобряют землю, подумал он. Странный запах. Сладкий до тошноты. Так пахнет смерть. Как бывший санитар вьетнамской войны, он понимал в этом толк.

Вики уже сидела в машине, держа перед собой кукурузное распятие и разглядывая его в каком-то оцепенении. Это не понравилось Бёрту.

— Положи ты его, Христа ради,— сказал он.

— Нет,— отрезала она, не поднимая головы.— У тебя свои игры, у меня свои.

Он завел мотор и поехал дальше. У перекрестка раскачивался на ветру бездействующий светофор. Слева обнаружилась опрятная белая церквушка. Трава вокруг скошена, дорожка обсажена цветами. Бёрт затормозил.

— Почему ты остановился?— тотчас спросила она.

— Загляну в церковь. Кажется, это единственное место в городе, которое не выглядит так, словно отсюда ушли лет десять назад. Табличка, видишь?

Она присмотрелась. Из аккуратно вырезанных белых букв, прикрытых стеклом, было сложено: ГРОЗЕН И МИЛОСТИВ ТОТ, КТО ОБХОДИТ РЯДЫ. Ниже стояла дата, 24 июля 1976 года — прошлое воскресенье.

— Тот, кто обходит ряды,— вслух прочел Бёрт, глуша мотор.— Одно из девяти тысяч имен Господа Бога, запатентованных в штате Небраска. Ты со мной?

Она даже не улыбнулась его шутке.

— Я останусь в машине.

— Вольному воля.

— Я зареклась ходить в церковь, с тех пор как уехала от родителей... тем более в *эту*. Видеть не хочу ни эту церковь, ни этот городишко. Меня уже колотит, уедем отсюда!

— Я на минуту.

— Учти, Бёрт, у меня свои ключи. Если через пять минут ты не вернешься, я уезжаю, и делай тут все, что тебе заблагорассудится.

— Э, мадам, не горячитесь...

— Именно так я и поступлю. Если, конечно, ты не вздумаешь отнять у меня ключи силой, как обыкновенный бандит. Впрочем, ты, кажется, и на такое способен.

— Но ты полагаешь, что до этого не дойдет.

— Полагаю, что нет.

Ее сумочка лежала между ними на сиденье. Он быстро схватил ее. Вики вскрикнула и потянулась к ремешку, но сумочка уже была вне досягаемости. Чтобы долго не рыться среди вещей, он просто перевернул ее, посыпались салфеточки, косметика, разменная ме-

лочь, квитанции из магазинов, и среди всего этого блеснула связка ключей. Вики попыталась схватить ее первой, но он снова оказался проворней и спрятал ее в карман.

— Ты не имеешь права,— всхлипнула она.— Отдай.

— Нет,— сказал он с жесткой ухмылкой.— И не подумаю.

— Бёрт, ну пожалуйста! Мне страшно!— она протянула руку как за подаянием.

— Через две минуты ты решишь, что дальше ждать необязательно.

— Неправда...

— Уедешь и еще посмеешься: «Будет знать, как мне перечить». Разве ты не сделала это лейтмотивом всей нашей супружеской жизни? «Будет знать, как мне перечить!»

Он вылез из машины.

— Бёрт!— она рванулась за ним.— Послушай... можно иначе... позвоним из автомата, а? Вон у меня сколько мелочи. Только... а хочешь, мы... не оставляй меня здесь одну, не оставляй меня, Бёрт!

Он захлопнул дверцу у нее перед носом и с закрытыми глазами привалился спиной к машине. Вики колотила изнутри в дверцу и выкрикивала его имя. Можно себе представить, какое она произведет впечатление на представителей власти, когда он наконец передаст труп мальчика с рук на руки. Лучше не представлять.

Он направился по вымощенной дорожке к церкви. Скорее всего двери окажутся запертыми. Если нет, то ему хватит двух-трех минут, чтобы ее осмотреть.

Двери открылись бесшумно — сразу видно, петли хорошо смазаны («со смиренным почтением»,— мелькнуло в голове, и почему-то этот образ вызвал у него усмешку). Он шагнул в прохладный, пожалуй, даже холодноватый придел. Глаза не сразу привыкли к полумраку.

Первое, что он увидел, были покрытые пылью фанерные буквы, беспорядочно сваленные в кучу в дальнем углу. Из любопытства он подошел поближе. В отличие от опрятного, чистого придела, к этой куче не прикасались, по-видимому, столько же, сколько к настенному календарю в гриль-баре. Каждая буква была высотой сантиметров в шестьдесят, и они, без сомнения, складывались когда-то в связное предложение. Он разложил их на ковре — букв оказалось тридцать — и принялся группировать их в разных сочетаниях. ГОЛОВА СКАТЕРТЬ КИПА БЛИЦ СОНЯ ББЯ. Явно не то. ГРЕЦИЯ ВОСК БАТИСТ ОБА ГОЛЕНЬ ВОПЯК. Не многим лучше. А если вместо «батист» попробовать... Он вставил в середину букву «П», но общий смысл яснее от этого не стал. Глупо: он тут сидит на корточках, тасует буквы, а она в машине с ума сходит. Он поднялся и уже собрался уходить, как вдруг сообразил: БАПТИСТСКАЯ... и, следовательно, второе слово ЦЕРКОВЬ. Еще несколько перестановок, и получился окончательный вариант: БАПТИСТСКАЯ ЦЕРКОВЬ БЛАГОВОЛЕНИЯ. Надо

полагать, название это располагалось над входом, в темном углу. Затем фронтон заново покрасили, и от прежней надписи не осталось и следа.

Но почему?

Ответ напрашивался: БАПТИСТСКАЯ ЦЕРКОВЬ БЛАГОВОЛЕНИЯ прекратила свое существование. Что же стало вместо нее? Он быстро поднялся с корточек, отряхивая пальцы от пыли. Ну сорвали буквы с фронтона, что особенного? Может, решили переименовать ее в Церковь Происходящих Перемен в честь преподобного Флина Уилсона...

Но что это были за перемены?

Он отмахнулся от неприятного вопроса и толкнул вторую дверь. Оказавшись в самом храме, поднял глаза к нефу, и сердце у него упало. Он громко втянул в легкие воздух, нарушив многозначительную тишину этого священного места.

Всю стену позади кафедры занимало гигантское изображение Христа. «Если до сих пор Вики еще как-то держала себя в руках,— подумал Бёрт,— то от этого она бы заорала как резаная».

Спаситель улыбался, раздвинув губы в волчьем оскале. Его широко раскрытые глаза в упор разглядывали входящего и чем-то неприятно напоминали Лойна Чейни в «Оперном фантоме». В больших черных зрачках, окаймленных огненной радужницей, не то тонули, не то горели два грешника. Но сильнее всего поражали... зеленые волосы — при ближайшем рассмотрении выяснилось, что они сделаны из множества спутанных кукурузных метелок. Изображение грубое, но впечатляющее. Этакая картинка из комикса, выполненная талантливым ребенком: ветхозаветный или, может быть, языческий Христос, который, вместо того чтобы пасти своих овец, ведет их на заклание.

Перед левым рядом скамеек был установлен орган, и в первое мгновение Бёрт не увидел в нем ничего необычного. Жутковато ему стало, лишь когда он прошел до конца по проходу: клавиши были с мясом выдраны, педали выброшены, трубы забиты сухой кукурузной ботвой. На инструменте стояла табличка со старательно выведенной максимой: «Да не будет музыки, кроме человеческой речи»,— рек Господь.

Вики права: тут что-то не то. Он был бы не прочь вернуться в машину и тотчас уехать из этого гиблого места, но его, что называется, заело. Как ни противно было себе в этом признаваться, он жаждал поколебать ее самоуверенность, очень уж не хотелось признавать во всеуслышание, что она оказалась права.

Ладно, пару минут можно потянуть.

Он направился к кафедре, по дороге рассуждая. Каждый день через Гатлин проезжают машины. У жителей окрестных мест наверняка здесь есть друзья или родственники. Время от времени городок должна патрулировать полиция штата. А вспомнить бездействующий светофор. Не могут же те, кто снабжает город элек-

троэнергией, не знать, что здесь добрых двенадцать лет нет света. Вывод: ничего *такого* в Гатлине произойти не могло.

Отчего же тогда мурашки по коже?

Он взошел на кафедру по ступенькам, покрытым ковровой дорожкой, и оглядел пустые скамьи, уходящие в полумрак. Он чувствовал лопатками, как его буравит этот потусторонний, не по-христиански зловещий взгляд.

На аналое лежала большая Библия, открытая на тридцать восьмой главе книги Иова. Бёрт прочел: «Господь отвечал Иову из бури и сказал: «Кто сей, омрачающий Провидение словами без смысла?.. Где был ты, когда Я полагал основания земли? Скажи, если знаешь». Господь. Тот, Кто Обходит Ряды. *Скажи, если знаешь*. И накорми нас кукурузными лепешками.

Бёрт начал листать страницы, они переворачивались с сухим, каким-то призрачным шуршанием — а что, подходящее место для призраков. Из книги были вырезаны целые куски. В основном, как он заметил, из Нового Завета. Кто-то взял на себя труд удалить с помощью ножниц соборное послание Иакова.

Но Ветхий Завет был в целости и сохранности.

Он уже сходил с кафедры, когда на глаза ему попался еще один фолиант на нижней полочке. Он взял его в руки с мыслью, что это церковно-приходская книга с датами венчаний, конфирмаций и погребений.

Слова на обложке, коряво выведенные золотыми буквами, заставили его поморщиться. И СКАЗАЛ ГОСПОДЬ: «СРЕЖУТ ПОД КОРЕНЬ НЕПРАВЕДНЫХ И УДОБРЯТ ЗЕМЛЮ».

У них тут, кажется, одна навязчивая идея, и Бёрт старался не думать о том, куда она может завести.

Он открыл книгу на первой разлинованной странице. Сразу видно, записи делал ребенок. Некоторые места аккуратно подчищены, и хотя орфографических ошибок нет, буквы по-детски крупные и скорее нарисованные, чем написанные. Начальные столбцы выглядели так:

Амос Дэйган (Ричард), род. 4 сент. 1945	4 сент. 1964
Исаак Ренфрю (Уильям), род. 19 сент. 1945	19 сент. 1964
Зенениах Кёрк (Джордж), род. 14 окт. 1945	14 окт. 1964
Мэри Уэллс (Роберта), род. 12 нояб. 1945	12 нояб. 1964
Йемен Холлис (Эдвард), род. 5 янв. 1946	5 янв. 1965

Бёрт продолжал с озабоченным видом переворачивать страницы. Книга оказалась заполненной примерно на три четверти, после чего правая колонка неожиданно обрывалась:

Рахиль Стигман (Донна), 21 июня 1976
род. 21 июня 1957
Моисей Ричардсон (Генри),
род. 29 июля 1957
Малахия Бордман (Крэйг),
род. 15 авг. 1957

Последней была вписана Руфь Клоусон (Сандра), рожденная 30 апреля 1961. Бёрт нагнулся и обнаружил на той же полочке еще две книги. На обложке первой красовался уже знакомый ему афоризм СРЕЖУТ ПОД КОРЕНЬ НЕПРАВЕДНЫХ... перечень имен с указанием даты рождения продолжался. 6 сентября 1964 — Иов Гилман (Клэйтон). 16 июня 1965 — Ева Тобин (имя в скобках отсутствовало).

Третья книга была чистая.

Бёрт стоял на кафедре в раздумье.

В тысяча девятьсот шестьдесят четвертом что-то произошло. Что-то, связанное с религией, кукурузой... и детьми.

Благослови, Господь, наш урожай, а мы будем возносить к Тебе наши молитвы, аминь.

И нож, занесенный над жертвенным агнцем... а может быть, не агнцем? Может быть, их тут охватил религиозный фанатизм? Их, отрезанных от мира сотнями акров кукурузы, о чем-то тайно шуршащей. Накрытых миллионами акров голубого неба. Взятых под неусыпный надзор самим Всевышним — зеленоволосым Богом кукурузы, вечно голодным безумным стариком. Тем, Кто Обходит Ряды.

Бёрт почувствовал, как внутри все у него холодеет.

Вики, рассказать тебе историю? Историю про Амоса Дэйгана, получившего при рождении имя Ричарда. Амосом он стал в шестьдесят четвертом в честь малоизвестного библейского пророка. А дальше... ты, Вики, только не смейся... дальше Дик Дэйган и его друзья, среди них Билли Ренфрю, Джордж Кёрк, Джордж Керн, Роберта Уэллс и Эдди Холлис, ударившись в религию, поубивали своих родителей. Всех до одного. Жуть, да? Пристрелили в постели, зарезали в ванной, отравили за ужином, повесили, расчленили?.. Это уже частности.

Причина? Кукуруза. Может, урожай погибал. Может, они связали это с тем, что человечество погрязло в грехе. Что нужны жертвы. И они их принесли — на кукурузном поле.

А еще — знаешь, Вики, я в этом совершенно убежден — они почему-то решили, что девятнадцать лет для них — критический возраст. Согласно записи в церковно-приходской книге, нашему герою Ричарду «Амосу» Дэйгану девятнадцать лет исполнилось 4 сентября 1964 года. Надо полагать, они его убили. Предали закланию в зарослях кукурузы. Веселенькая история, не правда ли?

Пойдем дальше. Рахили Стигман, которая до 1964 года была Донной, всего месяц назад, 21 июня, стукнуло девятнадцать.

Моисею Ричардсону стукнет девятнадцать через три дня. Что, по-твоему, ждет его 29 июня? Сказать?

Бёрт облизнул пересохшие губы.

И вот еще что, Вики. Смотри. Иов Гилман (Клэйтон) родился 5 сентября 1964 года. И затем, до 16 июня шестьдесят пятого, ни одного рождения. Разрыв в десять месяцев. Знаешь, как я себе объясняю его? Они поубивали своих родителей, всех, даже беременных матерей, а в октябре шестьдесят четвертого забеременела одна из *них*, шестнадцати- или семнадцатилетняя девушка, и она родила Еву. Так сказать, первую женщину.

Внезапная догадка побудила его спешно перелистать книгу в поисках записи о рождении Евы Тобин. Ниже он прочел: Адам Гринлоу, род. 11 июля 1965.

Сейчас им по одиннадцать, подумал он. Уж не прячутся ли они где-нибудь поблизости? От этой мысли ему стало не по себе.

Но как можно сохранять все это в тайне? Как вообще такое может продолжаться?

Разве что с молчаливого одобрения зеленоволосого Христа...

— Ну дела,— пробормотал Бёрт, и в этот самый миг тишину прорезала автомобильная сирена — она звучала безостановочно.

Бёрт одним прыжком перемахнул через ступеньки, пробежал по центральному проходу и толкнул наружную дверь. В лицо ударил слепящий свет. Вики сидела за рулем, сжимая в обеих руках клаксон и крутя головой во все стороны. Отовсюду к машине сбегались дети. Многие заливались от смеха. Они были вооружены ножами, топориками, арматурой, камнями, молотками. Восьмилетняя на вид, белокурая девчушка с красивыми длинными волосами размахивала кистенем. Забавы сельских жителей. Никакого огнестрельного оружия. Бёрта подмывало закричать: «Кто тут Адам и Ева? Кто среди вас мамы? Дочки? Отцы? Сыновья?».

Скажи, если знаешь.

Они бежали из боковых улочек, из городского парка, через ворота в заборе, которым была обнесена школьная спортплощадка. Одни скользили безразличным взглядом по мужчине, в оцепенении застывшем на паперти, другие толкались локтями и с улыбкой показывали на него пальцем... ах, эти милые детские улыбки.

Девочки были одеты в коричневые шерстяные платья до щиколоток, на голове выцветшие летние шляпки. Мальчики были одеты, как пасторы: черный костюм, черная касторовая шляпа. Они наводнили площадь, лужайки, кто-то бежал к машине через двор бывшей баптистской церкви Благоволения, едва не задевая Бёрта.

— Дробовик! — закричал он что было мочи.— Вики, ты меня слышишь? Дробовик!

Но ее парализовал страх, он это увидел еще со ступенек. Она его скорее всего даже не услышала из-за поднятых стекол.

Оживленная ватага окружила «Т-бёрд» со всех сторон. На машину обрушились топоры, тесаки и прутья арматуры. «Это дурной сон»,— пронеслось у него в сознании. От крыла машины отле-

тела декоративная стрела из хрома. За ней последовала металлическая накладка на капоте. Спустили баллоны, исполосованные ножами. А сирена все звучала. Треснули от напора темные ветровое и боковые стекла и со звоном обрушились в салон. Он увидел, что Вики одной рукой продолжает давить на клаксон, а второй прикрывает лицо. Бесцеремонные детские пальцы уже нашаривали изнутри запор на дверце. Вики отбивалась отчаянно. Сирена стала прерывистой, а там и вовсе смолкла.

Кто-то рванул на себя искореженную дверцу, и десятки рук начали отрывать Вики от руля, в который она вцепилась мертвой хваткой. Один из подростков подался вперед и ножом...

Тут Бёрт вышел из оцепенения и, буквально слетев со ступенек паперти, рванулся к машине. Юноша лет шестнадцати с выбившейся из-под шляпы рыжей гривой обернулся с этакой ленцой, и в тот же миг в воздухе что-то блеснуло. Левую руку Бёрта отбросило назад — словно в плечо ударили на расстоянии. От внезапной острой боли у него потемнело в глазах.

С каким-то тупым изумлением он обнаружил, что у него из плеча торчит рукоять складного ножа, наподобие странного нароста. Рукав футболки окрасила кровь. Он долго — казалось, бесконечно — разглядывал этот невесть откуда взявшийся нарост, а когда поднял глаза, на него уже вплотную надвигался рыжий детина, ухмыляясь с чувством собственного превосходства.

— Ах ты, ублюдок,— просипел Бёрт.

— Через минуту душа твоя вернется к Господу, а сам ты предстанешь перед Его престолом.— Рыжий потянулся пятерней к его глазам.

Бёрт отступил и, выдернув из предплечья нож, всадил его парню в самое горло. Брызнул фонтан крови, и Бёрта залило с ног до головы. Парень зашатался и пошел по кругу. Он попытался вынуть нож обеими руками и все никак не мог. Бёрт наблюдал за ним, как в гипнотическом трансе. Может быть, это сон? Рыжего шатало, но он продолжал ходить кругами, издавая горловые звуки, казавшиеся такими громкими в тишине жаркого июльского утра. Его сверстники, ошеломленные неожиданным поворотом событий, молча следили издалека.

Это не входило в сценарий, мысли Бёрта с трудом ворочались, тоже как будто оглушенные. Я и Вики — да. И тот мальчик, не сумевший от них уйти в зарослях кукурузы. Но чтобы кто-то из их числа — нет.

Он обвел свирепым взглядом толпу, удержавшись от желания крикнуть ей с вызовом: «Что, не нравится?»

Рыжий детина в последний раз булькнул горлом и упал на колени. Глаза его невидяще смотрели на Бёрта, а затем руки безвольно упали, и он ткнулся лицом в землю.

Толпа тихо выдохнула. Она разглядывала Бёрта, Бёрт — ее, и до него как-то не сразу дошло, что в толпе он не видит Вики.

— Где она? — спросил он.— Куда вы ее утащили?

Один из подростков выразительным жестом провел охотничьим ножом у себя под кадыком. И осклабился. Вот и весь ответ.

Из задних рядов юноша постарше тихо скомандовал: «Взять его».

Несколько ребят отделились от толпы. Бёрт начал отступать. Они пошли быстрее. Прибавил и он. Дробовик, черт бы его подрал! Было бы у него ружье... По зеленому газону к нему уверенно подбирались яркие тени. Он повернулся и побежал.

— Убейте его! — раздался мощный крик, и преследователи тоже перешли на бег.

Бёрт уходил от погони осмысленно. Здание муниципального центра он обогнул — там бы ему устроили мышеловку — и припустил по главной улице, которая через два квартала переходила в загородное шоссе. Послушай он Вики — ехали бы сейчас и горя не знали.

Подошвы спортивных тапочек звонко шлепали по тротуару. Впереди замаячили торговые вывески и среди них «Кафе-мороженое», а за ним... извольте убедиться: кинотеатрик «Рубин». Изрядно запылившийся анонс извещал зрителей: ОГРАНИЧЕННАЯ ПРОДАЖА БИЛЕТОВ НА ЭЛИЗАБЕТ ТЭЙЛОР В РОЛИ КЛЕОПАТРЫ. За следующим перекрестком виднелась бензоколонка, как бы обозначавшая границу городской застройки. За бензоколонкой начинались поля кукурузы, подступавшие к самой дороге. Зеленое море кукурузы.

Он бежал. Судорожно глотая воздух и превозмогая боль в плече. Оставляя на растрескавшемся тротуаре следы крови. Он выхватил на бегу носовой платок из заднего кармана брюк и заткнул им рану.

Он бежал. Дыхание становилось все более учащенным. Начала дергать рана. А внутренний голос с издевкой спрашивал, хватит ли у него пороху добежать до ближайшего городка.

Он бежал. Юные и быстроногие уверенно догоняли его. Он слышал их легкий бег. Слышал их крики и улюлюканье. «Они *ловят кайф*,— подумал Бёрт некстати.— Потом будут в красках рассказывать не один год».

Он бежал.

Он промчался мимо бензоколонки, оставив позади городок. В груди хрипело и клокотало. Тротуар кончился. У него была только одна возможность, один шанс уйти от погони и остаться в живых. Впереди зеленые волны кукурузы с двух сторон подкатывали к узкой полоске дороги. Мирно шелестели длинные сочные листья. Там, в полумраке высокой, в человеческий рост, кукурузы, надежно и прохладно.

Он промчался мимо щита с надписью: ВЫ ПОКИДАЕТЕ ГАТЛИН, САМЫЙ СИМПАТИЧНЫЙ ГОРОДОК В НЕБРАСКЕ... И НЕ ТОЛЬКО В НЕБРАСКЕ. ПРИЕЗЖАЙТЕ К НАМ, НЕ ПОЖАЛЕЕТЕ!

Это уж точно, промелькнуло в затуманенном сознании Бёрта.

Он промчался мимо щита, точно спринтер, набегающий на финишную ленточку, резко взял влево и нырнул в заросли, на ходу скидывая спортивные тапочки. Кукурузные ряды сомкнулись за ним, как морские волны. Они с готовностью приняли его, взяли под свою защиту. Он испытал внезапное, удивившее его самого облегчение — словно второе дыхание открылось. Иссушенные зноем легкие расширились, впуская свежий воздух.

Он бежал по междурядью, пригнувшись, задевая плечами листья, отчего они еще долго подрагивали. Пробежав около двадцати ярдов, он свернул вправо, параллельно дороге, и еще ниже пригнулся из опасения, что его темная голова может быть слишком заметной среди желтеющих кукурузных султанов. Он несколько раз менял направление, пока по-настоящему не углубился в заросли, а затем еще какое-то время продолжал бежать, неуклюже вскидывая ноги и беспорядочно перескакивая из ряда в ряд.

Наконец он рухнул и прижался лбом к земле. Он слышал лишь собственное спертое дыхание, в мозгу, как заезженная пластинка, крутилось: какое счастье, что я бросил курить, какое счастье, что я бросил курить, какое счастье...

Тут в его сознание проникли голоса: его преследователи перекликались на расстоянии, иногда сталкивались нос к носу с криком: «Это мой ряд!» Бёрт немного успокоился: они приняли много левее да и искали слишком уж беспорядочно.

Хотя он совсем выбился из сил, пришлось заняться раной. Кровотечение прекратилось. Он свернул платок в длину и снова наложил на рану.

Он полежал еще немного, и вдруг пришло ощущение, что ему *хорошо* (даже боль в плече была терпимой), может быть, впервые за долгое время. Он почувствовал себя физически крепким, способным развязать самые невероятные узлы его брака с Вики — всего два года, а из них как будто все соки высосали.

Он одернул себя за эти мысли. Его жизнь висела на волоске; о судьбе жены можно было догадываться. Возможно, ее уже нет в живых. Он попытался вызвать в памяти Викино лицо и таким образом рассеять ощущение эйфории, но ничего не получилось. Вместо этого перед глазами стоял рыжий детина с торчащим из горла ножом.

Стойкие ароматы приятно щекотали ноздри. Нашептывал ветер, рождая в душе покой. Что бы тут ни творили именем кукурузы, сейчас она была его заступницей.

Вот только голоса приближались...

Он снова побежал, согнувшись в три погибели,— в одну сторону, в другую, пересек несколько рядов. Он двигался так, чтобы выкрики звучали слева, но очень скоро потерял ориентиры. Голоса слабели, все чаще шелест листьев заглушал их. Он останавливался, вслушивался, бежал дальше. Вовремя догадался скинуть тапочки — в носках он почти не оставлял следов на твердой почве.

Наконец перешел на шаг. Солнце успело сместиться вправо. Он

взглянул на часы: четверть восьмого. Пылающий диск висел над полями, окрашивая макушки стеблей в алый цвет, но в самих зарослях царил полумрак. Он напряг слух. Ветер совсем стих, и над кукурузными шеренгами, которые стояли не шелохнувшись, висели ароматы невидимой бродящей в них жизни. Преследователи Бёрта, если они еще не оставили попыток найти его, или слишком удалились, или залегли и точно так же вслушивались. Он решил, что у подростков, даже таких фанатов, не хватило бы терпения так долго таиться. Скорее всего они поступили вполне по-детски: не думая о последствиях, плюнули на все и вернулись домой.

Он зашагал вслед за уходящим солнцем, закрытым облаками. Если вот так идти, сквозь ряды, по солнцу, рано или поздно он выберется на шоссе № 17.

Плечо тупо ныло, и в этой боли было даже что-то приятное. Вообще ощущение радости не покидало его. Пока я здесь, решил он, не буду терзаться по этому поводу угрызениями совести. Угрызения явятся потом, когда придется давать объяснения в связи со случившимся в Гатлине. Но это будет потом.

Он продирался сквозь заросли и думал о том, что еще никогда его чувства не были так обострены. Между тем от солнца осталась небольшая горбушка. Он вдруг замер — его обостренные чувства уловили в окружающей реальности нечто такое, от чего ему сразу стало не по себе. Им овладело странное беспокойство.

Он прислушался. Шелест листьев.

Он слышал его и раньше, но только сейчас сопоставил с тем, что ветра-то не было. Что за чудеса?

Он начал встревоженно озираться, почти готовый увидеть вылезающих из зарослей подростков в черных пасторских костюмах, улыбающихся, поигрывающих ножами. Ничего подобного. Шелест, однако, был явственно различим. Откуда-то слева.

Он двинулся в этом направлении. Уже не было необходимости продираться сквозь заросли, просека между рядами сама вела его куда надо. Вот и конец просеки. Впрочем, конец ли? Впереди показался просвет. Шелест доносился оттуда.

Он остановился, охваченный внезапным страхом.

Запахи кукурузы были здесь на редкость сильными, почти одуряющими. Нагретые за день растения не отдавали тепло. Он впервые обнаружил, что взмок от пота и весь оброс стебельками и паутиной. Он бы не удивился, если бы по нему ползали разные насекомые, но никто не ползал, и это-то как раз было удивительно.

Он вглядывался в открывающийся впереди просвет — там ряды расступались, образуя большой круг голой, судя по всему, земли.

Ни москитов, ни мух, ни чиггеров... с неожиданной грустью он вспомнил, что когда они с Вики женихались, у них для подобной нечисти была уничтожающая характеристика: «Во все дырки

залезут». И ворон тоже не видно. Вот уж действительно странно: кукурузная плантация — и ни одной вороны.

Последние закатные лучи позволили ему разглядеть детальнее ближайшие посадки. Невероятно, но каждый стебель, каждый лист был безупречен. Ни одного пораженного болезнью участка, ни изъеденного листика, ни гусеничной кладки, ни...

Он не верил глазам своим.

Ну и ну, здесь же и в помине нет сорняков!

Каждый стебель высотой в полметра рос в горделивом одиночестве. Ни разрыв-травы, ни дурмана, ни вьюнков, ни «ведьминых косм». Абсолютная стерильность.

Бёрт таращился в изумлении. Тем временем стадо облаков откочевало на новое место. Догорал закат, добавляя в разлитое на горизонте золото румян и охры. Быстро сгущались сумерки.

Надо было сделать еще десяток шагов, отделявших его от загадочного островка посреди бескрайнего моря кукурузы. Не сюда ли тянуло его с самого начала? Думал, что движется к шоссе, а ноги несли в это странное место.

С замирающим сердцем дошел он до конца просеки и остановился. Было еще достаточно светло, чтобы разглядеть все в подробностях. Крик застрял у него в горле, и в легких не хватало воздуха его вытолкнуть. Колени стали подгибаться, на лбу выступила испарина.

— Вики,— произнес он одними губами.— О Боже, Вики...

Ее распяли на крестовине, прикрутили запястье и лодыжки колючей проволокой, что продается по семьдесят центов за ярд в любом магазине штата Небраска. В пустые глазницы натолкали «шелк» — желтоватые кукурузные пестики. Кричащий рот заткнули обертками молодых початков.

Слева от нее висел на кресте скелет в совершенно ветхом стихаре. Бывший священник баптистской церкви Благоволения, казалось, ухмылялся, глядя на Бёрта, словно говорил с издевкой: «Это даже хорошо, когда тебя приносит в жертву на кукурузном поле толпа язычников, эти юные дьяволята...»

Еще левее висел второй скелет в сгнившей голубой униформе. Глазницы прикрывала фуражка с характерным зеленым знаком: ШЕФ ПОЛИЦИИ.

Тут-то Бёрт и услышал шаги — не детей, кого-то огромного, продирающегося сквозь заросли. Не детей, нет. Дети не осмелились бы войти в кукурузное царство ночью. Для них это место было священно, ночью здесь вступал в свои права Тот, Кто Обходит Ряды.

Бёрт рванулся было назад, но просека, которая привела его сюда, исчезла. Ряды сомкнулись. А шаги все ближе, с хрустом раздвигались стебли, уже слышалось могучее дыхание. Бёрта охватил мистический ужас: надвигалось неотвратимое. Гигантская тень накрыла все вокруг.

...ближе...

Тот, Кто Обходит Ряды.

И Бёрт увидел: красные глаза-плошки... зеленый силуэт вполнеба...

И почувствовал запах кукурузных оберток...

И тогда он стал кричать. Пока было чем.

Немного погодя взошла спелая луна как напоминание о будущем урожае.

Кукурузные дети собрались днем на лужайке перед четырьмя распятиями. Два голых остова и два еще недавно живых тела, которые со временем тоже превратятся в голые остовы. Здесь, в сердце Небраски, на крохотном островке в безбрежном океане кукурузы, единственной реальностью было время.

— Знайте, этой ночью явился мне во сне Господь и открыл мне глаза.

Священный трепет охватил толпу. Все повернулись к говорившему. Исааку было всего девять, но после того, как год назад кукуруза забрала Давида, Исаак стал Верховным Смотрителем. В день, когда Давиду исполнилось девятнадцать, он дождался сумерек и навсегда исчез в зарослях.

Лицо Исаака было торжественным под полями черной шляпы. Он продолжал:

— Во сне я увидел тень, обходившую ряды, это был Господь, и он обратился ко мне со словами, с которыми когда-то обращался к нашим старшим братьям. Он недоволен нашей последней жертвой.

Толпа содрогнулась и выдохнула как один человек. Многие с тревогой озирались на обступившую их со всех сторон зеленую стену кукурузы.

— И сказал Господь: «Разве я не дал вам место для закланий, что же приносите жертвы в других местах? Или забыли, кто даровал вам радость искупления? Этот же пришелец совершил святотатство в моих рядах, и я сам принес его в жертву. Точно так же я поступил когда-то с офицером в голубой форме и с фарисеем священником».

— Офицер в голубой форме... фарисей священник,— шепотом повторяли в толпе, испуганно опуская глаза.

— «Отныне Возраст Искупления вместо девятнадцати плодоношений будет равен восемнадцати,— с жесткостью повторял Исаак реченное Господом.— Плодитесь и размножайтесь, как кукурузное семя, и пребудет милость моя с вами вовек».

Исаак замолчал.

Все головы повернулись к Малахии и Иосифу — этим двоим уже исполнилось восемнадцать. И в городе, наверно, наберется два десятка.

Все ждали, что скажет Малахия. Малахия, который первым преследовал Ахаза, проклятого Господом, Малахия, который

перерезал Ахазу горло и вышвырнул его на дорогу, дабы смердящая плоть не осквернила девственной чистоты кукурузы.

— Да будет воля Господня,— еле слышно вымолвил Малахия.

И ряды кукурузы вздохнули с одобрением.

В ближайшие недели девочки смастерят не одно распятие, изгоняющее злых духов.

...В ту же ночь все, кто достиг Возраста Искупления, молча вошли в заросли и отправились на большую поляну, чтобы получить высшую милость из рук Того, Кто Обходит Ряды.

— Прощай, Малахия,— крикнула Руфь, печально помахивая рукой и давясь слезами. Она носила его ребенка и должна была скоро родить. Малахия не оглянулся. Он уходил с прямой спиной. Ряды тихо за ним сомкнулись.

Руфь отвернулась, глотая слезы. Втайне она давно ненавидела кукурузу и даже грезила, как однажды в сентябре, после знойного лета, когда стебли станут сухими как порох, она войдет в эти заросли с факелом в руках. Но от одной мысли делалось страшно. Каждую ночь ряды обходит тот, чей взгляд проникает во все... даже в сокровенные тайны человека.

На поля спустилась ночь. Вокруг Гатлина о чем-то шепталась кукуруза. Ублаготворенная.

Содержание

СИЯНИЕ

Часть первая
«Предварительные вопросы». 6

Часть вторая
«День закрытия» 53

Часть третья
«Осиное гнездо» 89

Часть четвертая
«В снежном плену» 188

Часть пятая
«Вопросы жизни и смерти» . 263

ТУМАН 379

РАССКАЗЫ

Я знаю, чего ты хочешь 472
Последняя ступенька 491
Чужими глазами 501
И пришел бука 510
Человек, который никому не подавал руки 520
Кукурузные дети 535

СТИВЕН КИНГ

СИЯНИЕ

Составитель *Макаров С. В*
Технический редактор *Лебедева Г. А*
Корректор *Чистякова Н. П.*

Сдано в набор 30.09.92 г. Подписано в печать 15.11.92 г. Формат 60 × 90/16. Усл. печ. л. 35. Печать офсетная. Гарнитура Таймс. Тираж 100 000 экз. Заказ 2041.

Т.О.О. фирмы «ММЛ»
140160, г. Жуковский, Московской области, ул. Гагарина, 64, корпус 2.

Можайский полиграфкомбинат Министерства печати и информации Российской Федерации. 143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

МОНСТРЫ ВСЕЛЕННОЙ

КНИГА ШЕСТАЯ